

82.3(2P=Kara)-406

К 215

10 06 403



КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКИЙ
ФОЛЬКЛОР



48 ✓
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КБАССР

1006403

✓
КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКИЙ
ФОЛЬКЛОР
В
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ
ЗАПИСЯХ
И
ПУБЛИКАЦИЯХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК · 1983

Кабардино-Балкарская Государственная научная

Библиотека и для Н. И. Козловой

ББК 83.3 Кара + 83.3 Ба
Ф 9с (Карац.) + Ф 9с (Балк.)
К 215

31.08 Кара) - 406

Составление, вступительная статья
и комментарии А. И. АЛИЕВОЙ

Ответственный редактор Т. М. ХАДЖИЕВА

Транслитерация балкарских текстов,
перевод карачаевских и балкарских текстов,
опубликованных В. Прёле в журнале «Keleti Szemle»,
и комментарии к ним Т. М. ХАДЖИЕВОЙ

Транслитерация карачаевских текстов,
опубликованных В. Прёле в журнале «Keleti Szemle»,
А. А. ДЖАППУЕВА

К 4702000000-114 91-8:
М 125 (03)-83

© Кабардино-Балкарский ордена «Знак Почета» институт истории, филологии
и экономики при Совете Министров КБАССР, 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемую вниманию читателя книгу составили произведения фольклора балкарцев и карачаевцев, опубликованные с середины XIX до двадцатых годов нынешнего столетия.

Интерес к истории, этнографии, фольклору народов Кавказа был естественным для русской академической науки. «Во второй половине XIX в. ...главные усилия по изучению Кавказа перемещаются в другие учреждения и добровольные общества не только центра, но и провинции»¹.

Изучение истории и культуры народов Северного Кавказа приняло особенно интенсивный характер после учреждения Управлением Кавказского учебного округа различных периодических изданий, на страницах которых печатались самые разнообразные материалы по истории, этнографии, фольклору северокавказских горцев.

Начиная со второй половины прошлого столетия в столичных журналах — «Вестник Европы», «Этнографическое обозрение» — и в разных кавказских изданиях, таких, как «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Терский сборник», на страницах газет «Терские ведомости», «Кавказ», «Кубанские (войсковые) областные ведомости», «Пятигорское эхо», «Кавказские минеральные воды» и др., было опубликовано значительное число произведений балкарского и карачаевского фольклора. В те годы произведения устной народной поэзии, записанные у балкарцев и карачаевцев, еще не рассматривались как принадлежащие единому карачаево-балкарскому фольклору, хотя нередко авторы публикаций соотносили между собой балкарские и карачаевские варианты одних и тех же произведений².

¹ Л. И. Лавров. К 250-летию академического кавказоведения в России. — «Кавказский этнографический сборник», VI. М., 1976, с. 8.

² См., например, публикацию карачаевских нартских сказаний в СМОМПК, III. Тифлис, 1883.

В настоящее время является общепризнанным положение о том, что балкарцев³ и карачаевцев роднит происхождение, общность исторических судеб и языка⁴. Общим достоянием этих двух народов считается и их фольклорное наследие⁵.

Это обстоятельство и дает нам основание объединить в данной книге произведения фольклора, записанные на протяжении более полувека в различных районах проживания балкарцев и карачаевцев.

Они располагаются по хронологическому принципу, по мере появления публикаций. Составитель книги не допускал никакого вмешательства в текст переиздаваемых произведений: имена фольклорных персонажей, географические названия, различные термины оставлены без изменений — уточнения к ним даются либо в тексте, либо в постраничных примечаниях.

³ В официальной литературе и печати второй половины XIX—начала XX века балкарцев называли «горскими татарами».

⁴ О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22—26 июня 1959 г.) — Нальчик, 1960; Л. И. Лапков. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. — В кн.: Кавказский этнографический сборник. М., 1969, вып. IV; Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX века. М., 1974.

⁵ А. З. Холасев. Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974, с. 5

ИСТОРИЯ ЗАПИСИ И ПУБЛИКАЦИЙ ФОЛЬКЛОРА БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ В XIX— НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Отсутствие национальной письменности и литературы, в памятниках которой могли быть запечатлены образцы фольклора (как, например, в русских летописях или в древнерусской литературе), было одной из причин того, что до середины XIX века произведения фольклора карачаевцев и балкарцев не фиксировались¹. Лишь в 90-х годах XIX столетия был проявлен интерес к фольклору этих народов, чему способствовало в первую очередь пробуждение их национального самосознания, появление первых представителей национальной интеллигенции.

Тесно связанные с демократически настроенными деятелями русской науки, литературы, музыки, первые образованные балкарцы и карачаевцы обратились к истории своего народа, его своеобразному искусству и стремились поведать о них миру. С этой целью они не только сами записывали произведения устной народной поэзии своего народа, но и стремились привлечь к ним внимание русских ученых. В результате был собран значительный этнографический и фольклорный материал.

При этом, подавляющее большинство фольклорных текстов было опубликовано без оригинала, только в русском переводе. Но поскольку переводы были выполнены либо людьми, в совершенстве владевшими и родным, и русским языком (Неманин и Сафар-Али Урусбиевы), либо при их непосредственном участии, они представляют собою в большинстве случаев русский адекват национального текста и потому являются надежным материалом для суждений о своеобразии бытования карачаево-балкарского фольклора на рубеже XIX—XX вв.

Историография карачаево-балкарского фольклора содержится в различного рода исследованиях, где приводится перечень публикаций произведений

¹ Во всяком случае, пока не удалось обнаружить записи произведений фольклора балкарцев и карачаевцев, сделанные раньше этого времени. Возможно, дальнейшие поиски позволят пересмотреть эту точку зрения.

устной народной поэзии балкарцев и карачаевцев и краткая их характеристика². В большинстве случаев перечень этот в основном совпадает, различаясь лишь степенью полноты. Общее для всех работ мнение таково, что дореволюционные публикации были немногочисленны, носили случайный характер, не представляют карачаево-балкарский фольклор во всем его многообразии и богатстве и имеют преимущественно этнографический интерес.

Проведенное нами исследование дореволюционных публикаций произведений карачаево-балкарского фольклора в их совокупности позволяет пересмотреть это ставшее уже традиционным мнение. Собирающие и публикации фольклора балкарцев и карачаевцев, как, впрочем, и фольклора многих других народов, населявших окраины бывшей Российской империи, до Великой Октябрьской революции велись одиночками-энтузиастами и не имели систематического характера. Вместе с тем сотрудничество первых представителей национальной интеллигенции (Исмаил, Сафар-Али и Науруз Урусбиевы, Мисост Абаев) с такими выдающимися представителями русской академической науки и культуры, как акад. Вс. Ф. Миллер, проф. М. М. Ковалевский, проф. Л. Г. Лопатинский, проф. А. Н. Дьячков-Тарасов, композиторы С. И. Танеев и М. А. Балакирев и др., было весьма плодотворным. Благодаря целеустремленной работе этих людей был зафиксирован и опубликован значительный по объему и уникальный по содержанию материал, охватывающий произведения всех жанров фольклора балкарцев и карачаевцев. В совокупности они позволяют составить довольно полное представление о состоянии фольклорной традиции у этих двух народов на рубеже XIX и XX вв.

Переходя к анализу дореволюционных публикаций произведений разных жанров карачаево-балкарского фольклора, мы постараемся проследить, как по мере появления публикаций и любители, и исследователи изящной словесности получали возможность составить более верное представление о богатом и самобытном фольклоре балкарцев и карачаевцев, о том, как отразились история, быт, нравственные и эстетические идеалы его создателей в произведениях, отличающихся высоким художественным совершенством.

Для исследователей этнографии и фольклора балкарцев и карачаевцев значительный интерес представляет статья бывшего работника Управления Нальчикского округа, а с 1878 г. следователя Нальчикского горского словес-

² См., например: А. Ю. Бозиев. О сборе и публикации произведений устного народного творчества балкарского народа. — В кн.: Материалы научной сессии КБНИИ по проблеме периодизации, отбора и публикации адыгейского, кабардинского, черкесского, балкарского и карачаевского фольклора. Нальчик, 1960; А. И. Карачева. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск, 1961; А. З. Холаев. Карачаево-балкарский нартекский эпос. Нальчик, 1974; М. А. Хубиев. Карачаево-балкарские народные песни (на карач. яз.). Черкесск, 1969; Х. Х. Малкондуев. Жанровая классификация карачаево-балкарской народной лирики. — В кн.: Филологические труды КБНИИ (фольклор и литература). Нальчик, 1977; Р. Ортабаева. Карачаево-балкарские народные песни. Черкесск, 1977; Ф. А. Урусбиева. Карачаево-балкарский фольклор (К вопросу о типологии развития жанров). Черкесск, 1979.

ного суда Н. Ф. Грабовского «Свадьба в горских обществах Кабардинского округа»³.

В сентябре 1868 года ее автор имел возможность наблюдать балкарскую свадьбу. Хозяин дома, где остановился Грабовский, «ждал прибытия из Карачая невесты, засватанной там одним из его родственников», и пригласил гостя принять участие в свадебных торжествах.

Таким образом, Грабовский стал очевидцем прибытия невесты, встречи ее в ауле жениха, привоза в дом и начала свадебного веселья, — рассказу об этом посвящена первая часть статьи. Во второй части описывается «обычай сватовства и вообще женитьбы в горах», как выразился гостеприимный хозяин Грабовского, имя которого, к сожалению, осталось неизвестным.

В статье подробно характеризуются: сватовство, заключение брака муллой, размеры калыма за невесту, свадебный пир, подарки, которыми обмениваются породнившиеся стороны, правила развода супругов.

Особую ценность характеристике обряда придает то, что выявляется разница в исполнении его богатыми и бедными балкарцами: она не только в порядке выбора невесты и размерах калыма, но даже в праздничном наряде девушек. Кратко, но выразительно охарактеризовал Грабовский и бесправие горянки при решении вопросов ее семейной жизни.

Самостоятельный интерес представляет описание народных балкарских музыкальных инструментов и народных танцев. Правда, оно дано через восприятие человека, чуждого культуре кавказских народов и относящегося к ней с некоторым пренебрежением; вместе с тем оно является довольно точным и представляет интерес как их первая фиксация.

Статья Грабовского содержит полное и исчерпывающее описание свадебного обряда балкарцев, как он исполнялся более ста лет тому назад (причем автор не только характеризует обряд таким, как он наблюдал его, но и воссоздает утраченные к тому времени его черты). Без описания свадебного обряда трудно понять свадебную поэзию карачаевцев и балкарцев, образцы которой были позже опубликованы Н. П. Тульчинским и В. Прёле. Именно это обстоятельство и является основанием для включения статьи Грабовского в данную книгу.

Следующая публикация произведений карачаево-балкарского фольклора принадлежала П. Острикову. Она была напечатана в августовской книжке журнала «Вестник Европы» за 1879 г. под названием «Народная литература кабардинцев и ее образцы».

Сравнение публикации П. Острикова с более поздними записями карачаево-балкарских нартских сказаний, о которых речь пойдет дальше, свидетельствует о том, что и по сюжетам, и по составу героев, и по специфическим деталям быта — это тексты балкарского нартского эпоса, зафиксированные автором статьи со слов одного из князей Урусбиевых⁴. Отнесение их к «на-

³ В источниках XIX века Балкария называлась «горскими обществами Кабардинского округа».

⁴ Убедительные доводы в пользу принадлежности текстов, опубликованных П. Остриковым, карачаево-балкарскому нартскому эпосу приведены в книге А. З. Холаева «Карачаево-балкарский нартский эпос», с. 13—14.

родной литературе кабардинцев» ошибочно. В данном издании они представляют одну из самых ранних записей карачаево-балкарского нартского эпоса. И хотя П. Остряков зафиксировал нартские сказания в том виде, как передали их по-русски его информаторы, эта запись представляет интерес как первая фиксация и первая публикация карачаево-балкарских сказаний о нартах.

П. Остряков провел около полугода в Кабарде и Балкарии и составил довольно полное представление о природе края, о стремлении горцев к просвещению, об их устной народной поэзии.

В Нальчике П. Остряков познакомился с князьями «У-Б-выми» — балкарскими таубиями Урусбиевыми, так много сделавшими для знакомства просвещенного мира с устной народной поэзией балкарцев. Мы увидим дальше, что Исмаил Урусбиев и его сыновья Сафар-Али и Науруз не только сопровождали многих русских путешественников по Кавказу и знакомили их с бытом, нравами, обычаями и устной народной поэзией своего народа, но и сами записывали и публиковали произведения родного фольклора.

П. Остряков был одним из первых русских путешественников, с чьей помощью Урусбиевы надеялись познакомить цивилизованный мир с поэтическими сокровищами своего народа.

«Им дороги памятники родной поэзии, и они с прискорбием боятся, что не найдется человека, который бы, хотя в русском переводе, сохранил заветные песни. Желание их и любовь доходит до того, что оба брата напереыв предлагали мне быть переводчиками и комментаторами...»⁵

Урусбиевы рассказали П. Острякову о балкарских народных певцах (жырчи), об их искусстве, роли в жизни народа, о всеобщем уважении, каким они пользовались среди горцев, и предоставили ему возможность видеть и слышать одного из народных певцов. «Уже и теперь здешние певцы так же редки, как у нас певцы былин, тогда как старожилы помнят то время, когда никакой общественный и даже семейный праздник не обходился без певца. Под звуки дудки и зурны, а то и просто под мерные удары палочек такой певец услаждал все общество любимыми былинами, а иногда и прямо импровизировал новые песни в честь торжества или события, послужившего поводом к празднику. Ни один набег не производился без того, чтобы в нем не участвовал такой певец. Ему отводилось удобное и безопасное место для наблюдений и он был, вместо всяких реляций, историком, критиком событий, раздатчиком наград храбрым и всегда карателем трусов. Со званием певца соединялась идея справедливости, и певцом мог быть только безукоризненно честный человек. Я имел возможность встретить такого певца. Старик со смуглым, открытым лицом, одет весьма бедно, но нужно видеть, с каким почтением относятся к нему окружающие, чуть не боготворят его»⁶.

Эта характеристика творчества народных балкарских певцов во многом совпадает с той, которую опубликует через два года после П. Острякова Сафар-Али Урусбиев. Это, на наш взгляд, также является одним из свиде-

⁵ П. Остряков. Народная литература кабардинцев и ее образцы. — «Вестник Европы», кн. 8, 1879, с. 701.

⁶ «Вестник Европы», кн. 8, 1879, с. 701.

тельств того, что в статье речь идет о балкарском фольклоре, о котором П. Остриков составил со слов своих информаторов довольно полное представление: «Какая колоссальная фантазия, какие описания природы, какие величественные типы! Из легенд их, кроме поэтической стороны, можно было бы узнать все их религиозные и нравственные идеалы, обыденную жизнь, историю с мифических времен до наших дней, потому что нет того выдающегося в их жизни события, нет того мало-мальски замечательного лица, которое не было бы воспето своим Гомером и песня последнего не переходила из рода в род»⁷.

Далее П. Остриков характеризует нартские сказания балкарцев: «Цикл песен начинается поэмой «Нарды» (правильно: нарты. — А. А.) — богатыри; это — своя кабардинская (точнее: балкарская. — А. А.) Илиада и Одиссея, по которым вы знакомитесь со всем бытовым строем общества, его нравственными мировоззрениями, как с греческой древностью в «Илиаде» Гомера.

Поэма также разделена на песни, и для полного восстановления ее нужен не один певец, а несколько, так как слово в слово каждый знает только несколько песен, хотя в простом рассказе сущность ее известна даже каждому пастуху. Замечу, между прочим, что каждая песнь исполняется на совершенно особый мотив»⁸.

Здесь мы находим первое в литературе упоминание о том, что карачаево-балкарские нартские сказания поются и, следовательно, имеют песенно-стихотворную форму. К сожалению, дореволюционные публикации карачаево-балкарского эпоса на языке оригинала до сих пор не выявлены; русский же их перевод, естественно, имеет прозаическую форму.

В статье П. Острикова приводятся сказания на типичные сюжеты карачаево-балкарского нартского эпоса — о женитьбе нарта Алаугана на великанше и рождении Шауая, о победе Шауая на скачках нартов, о том, как юный герой спас нартского старейшину от расправы нартов, и сказание-загадка «Кто больше?».

П. Остриков кратко излагает все сюжеты; вероятно, поэтому многие детали опущены и даже персонажи не всегда названы по имени: в сказании о том, как Сатанай спасла мужа от расправы сына Фука, например, не названо имя ее сына (как известно, в этой роли традиционно выступает нарт Сосурук).

В 1881 году в первом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» сын Исмаила Урусбиева Сафар-Али напечатал в русском переводе тексты балкарских сказаний о нартах.

Публикации предпослана заметка «Несколько слов от составителя и переводчика». Сравнительно небольшая по объему, она содержит важный фактический материал и тонкие наблюдения, характеризующие ее автора как человека одаренного и образованного. Представляя читателю балкарские сказания о нартах, С.-А. Урусбиев справедливо рассматривает их как органическую часть общекавказского эпоса.

⁷ «Пестник Европы», № 8, 1879, с. 700—701.

⁸ Там же, с. 701—702.

С.-А. Урусбиев приводит перечень основных героев карачаево-балкарского нартского эпоса — Ёрюзмек, Сосурук, Шауай, Ширдан, Хмыч, Батраз, Рачикау, Сибильчи, Злоязычный Гиляхсыртан, Дебет, Алауган* — и сообщает, что каждому из них посвящена особая песня, исполняемая на определенном мотиве. Иначе говоря, после появления публикации Урусбиева не только стал известен сюжетный состав и круг героев карачаево-балкарского нартского эпоса, но и было подтверждено, что еще в конце XIX века многие сказания имели стихотворно-песенную форму. Поскольку дореволюционные записи карачаево-балкарского фольклора на языке оригинала дошли до нас в незначительном количестве⁹, это свидетельство С.-А. Урусбиева приобретает особое значение. С.-А. Урусбиев рисовал запоминающийся образ нарта, воплотившего в себе этические и эстетические идеалы горцев, охарактеризовал основные занятия нартвов — странствия в поисках приключений, состязания в удали и богатырских танцах, проследил «географию» их передвижений. Выразительна характеристика постоянных врагов нартвов — эмегенов.

Особое значение имеет приведенный С.-А. Урусбиевым пересказ некоторых топонимических преданий, в которых народная память устойчиво локализует отдельные события из жизни эпических персонажей в пределах Северного Кавказа, в каждом случае — в границах расселения того народа, которому принадлежат данные сказания.

Но самое значительное место в заметке С.-А. Урусбиева занимает характеристика народных певцов, которых автор по неизвестной нам причине называет не *жырчи*, как это принято в балкарском народе, а *регуако* (адыгское название народного певца).

Публикация С.-А. Урусбиева содержит сказания о четырех героях — Ёрюзмек, Шауае, Рачикау, Сосуруке. Как видим, из большого числа героев, перечисленных в предисловии, представлены главнейшие, по мнению собирателя. Важно, что С.-А. Урусбиев отобрал сказания о персонажах, занимающих центральное место в карачаево-балкарском эпосе о нартах.

В отличие от публикации П. Острякова это — развернутые тексты, по которым читатель мог составить более полное представление о карачаево-балкарском нартском эпосе. Сказание об Ёрюзмек интересно прежде всего тем, что оно описывает его «первый подвиг», чего нет ни в осетинском, ни в адыгском эпосе, и как бы воссоздает в «эпической биографии» этого общекавказского персонажа период его богатырского детства.

Сказание излагает важнейшие события из жизни Ёрюзмек: богатырское детство, первый подвиг, женитьба. Основное место занимает рассказ о первом подвиге; о богатырском детстве и женитьбе героя только сообщается. Здесь дается четкая характеристика нартвов, Ёрюзмек и врага нартвов —

* Имена нартских героев (во всех национальных версиях) каждый автор фонетически видоизменял по-своему. В данном предисловии имена приводятся в их современном бытовании.

⁹ Исключения составляют публикации В. Прёле карачаевских текстов в журнале «Keleti Szemle», № X, 1909, и балкарских текстов в XVI выпуске того же журнала (1915/1916).

Фука. Поведение нартов никак не подтверждает эпитета «храбрые», как неоднократно именуются они в сказании: нарты покорно платят дань Фуку, они не только не помогают Ёрюзмеку одолеть его, но даже предупреждают врага о грозящей опасности и окольными дорогами стараются отнести ему дань.

Поведение нартов определяется страхом перед Фуком и стремлением умиловить его; вместе с тем они относятся к нему с презрением, называют его не иначе, как «трусливый, козлинобородый Фук». В образе Фука сочетаются черты некоего древнейшего божества, четкие представления и вера в которого давно утрачены, и феодала, обложившего жителей непосильной данью.

Сложен и образ Ёрюзмека: это и ребенок-богатырь, протестующий против социальной несправедливости, и герой, сочетающий огромную физическую силу с хитростью. Однако он не владеет средствами магии, что свидетельствует о стадильно сравнительно позднем происхождении этого героя.

Второе сказание, записанное С.-А. Урусбиевым, посвящено нарту Шауаю. Оно складывается из нескольких сюжетов: женитьба нарта Алаугана на дево-эмегенше; рождение Шауая и воспитание ребенка-богатыря вдали от дома, на леднике Эльбруса; возвращение Шауая в нартское селение. Отец отдает ему своего чудесного коня; Шауай и нартские пастухи; конь Шауая побеждает грозного бугая; Шауай отправляется в поход с нартами — они берут его своим слугой; нарты и Шауай в походе. Здесь проявляется сила Шауая, надменность и кичливость нартов. Шауай, добыв огромный табун, делит добычу и уезжает. Нарты возвращают его, и Ёрюзбек обещает ему в жены свою дочь Агунду. Шауай отдает свою часть табуна как калым за невесту и уезжает. Агунда тщетно ожидает приезда жениха — появившись неожиданно лишь однажды, он снова таинственно исчезает.

Публикация С.-А. Урусбиевым этого сказания восполняла существенный пробел в нартоведении: к тому времени были известны сказания лишь об идентичном герое осетинского эпоса — парте Сауае.

Шауай карачаево-балкарского эпоса, как и другие выдающиеся герои сказаний о нартах, характеризуется уже необычностью своего появления на свет. Он сын одного из нартских героев — Алаугана и женщины-эмегенши. Необычно его богатырское детство (он вырос в расщелине Эльбруса, вскормлен ледяными сосульками). Это — богатырь, который совершает свои главные подвиги, будучи ребенком, и всегда превосходит нартов не только богатырской силой, но и скромностью, благородством.

Последовательный показ нартов как кичливых, зазнавшихся персонажей, не обладающих ни храбростью, ни другими богатырскими достоинствами, — отличительная черта этого сказания.

О специфике карачаево-балкарских сказаний о нартах свидетельствовало напечатанное С.-А. Урусбиевым и сказание о Рачикау.

Заключает публикацию С.-А. Урусбиева сказание о Сосуруке. С именем Сосурука связаны такие общекавказские нартские сюжеты, как чудесное рождение из камня и спасение юным богатырем престарелого отца от распри сына Фука.

Сосурук уже в детстве совершает свой первый подвиг — спасение престарелого отца Ёрюзмека от расправы сына Фука. Этот традиционный обещавказский сюжет органически контаминирует со специфическим сюжетом карачаево-балкарского нартского эпоса о борьбе Ёрюзмека с Фуком, где ярко выражен социальный момент. Это придает сказанию своеобразные черты и делает его органичным в системе нартского эпоса балкарцев и карачаевцев.

В соответствии с этим герои сказания, известные и по другим национальным версиям, отличаются самобытностью: Ёрюзбек выступает не только как патриархальный старейшина нартвов, но и как борец против социальной несправедливости, Сосурук же характеризуется как юный богатырь, паденный не только храбростью, но и большой физической силой (в сказаниях других народов о Сосуруке это его качество никогда не упоминается).

Произведения карачаево-балкарского фольклора записывали и публиковали не только русские ученые, путешественники и первые представители национальной интеллигенции, но и местные учителя, откликнувшиеся на призывы редакции «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» фиксировать произведения фольклора кавказских горцев.

В 1883 году в третьем выпуске СМОМПК учитель карачаевского горского училища М. Алейников напечатал «Карачаевские сказания». Этим заглавием объединены произведения различной жанровой принадлежности — сказания о нартах, сказки и образцы несказочной прозы — топонимическое и генеалогическое предания. Во вступительной заметке, предислании публикации, М. Алейников писал: «Карачаевцы вообще народ довольно словоохотливый..., в особенности они большие охотники до преданий о прошлом своей родины, охотники до рассказов о героях, о нартских богатырях или об огромнейших и безобразнейших эмегенах, великанах-чудовищах, обладавших сверхъестественной силой. Потому-то рассказов таких здесь довольно количество. Так, здесь встречаются почти все сказания о нартах, записанные г. Урусбиевым у татар Нятигорского округа¹⁰, и имеют тот же самый характер, отличаясь от них только в деталях. Кроме того, здесь есть еще рассказы о великанах неизвестного времени и предания о родоначальнике карачаевцев — Карче. Мы собрали несколько таких рассказов и преданий, а из нартвских сказаний поместили только те, которые не встречаются у г. Урусбиева»¹¹.

Таким образом, становится ясным, что в конце прошлого века сказания об основных героях карачаево-балкарского эпоса были хорошо известны и в Балкарии, и в Карачае. Приходится только сожалеть, что М. Алейников не напечатал варианты карачаевских сказаний, уже известных по публикации С.-А. Урусбиева, — ведь отличия «только в деталях» могут представлять значительный интерес.

С появлением публикации М. Алейникова («Ачемез и Хубун» и «Эмегены») заметно расширялось представление читателей о сюжетном составе карачаево-балкарского нартского эпоса, о круге его героев, в число которых

¹⁰ СМОМПК, I, Тифлис, 1881, отд. II (примеч. М. Алейникова).

¹¹ СМОМПК, III, Тифлис, 1883, с. 138—139.

входит и специфические, известные только этой версии эпоса, и традиционные персонажи, популярные и у других народов Кавказа.

Сюжет сказания «Ачемез и Хубун», записанный М. Алейниковым, — традиционный для нартекского эпоса. Его составляют такие эпизоды, как рождение героя после гибели отца; мать тщательно скрывает от него имя убийцы мужа, и ребенок узнает об этом случайно, во время ссоры со сверстниками: испытание матери горячей халвой; получение отцовского богатырского коня и доспехов, укрощение коня; в поисках убийцы отца Ачемез встречается со своим дядей Насыраном, давно уже отправившимся отомстить за смерть брата: Ачемез угоняет у убийцы отца огромный табу́н коней, отдает его нартам и отправляет их домой. Сам же вступает в единоборство с врагом и выходит победителем.

Вместе с тем в сказании находим ряд специфических особенностей. Прежде всего оно отличается весьма точной и последовательной локализацией событий, чего нет в сказаниях других национальных версий нартекского эпоса: «На реке Терек, в местности, называемой Насыран, жил один из нартекских богатырей по имени Ачи, а на левом берегу реки Кубани, близ укрепления Хумаринского, жил Хубун».

В дальнейшем в повествовании постоянно называется место действия, пути передвижения героев. Все упоминаемые в сказании местности находятся в пределах поселения карачаевцев — таким образом карачаевский сказитель, как и сказитель нартекского эпоса любого другого народа, стремился подчеркнуть особую достоверность повествования.

Описание же того, как Ачемез угнал табуны Хубуна, напоминает этот эпизод в сказании о Шауае, записанном С.-А. Урусбиевым.

Во многом совпадает и другой эпизод — укрощение героем богатырского коня, клятва богатыря и коня в верности друг другу.

Поскольку оба текста были зафиксированы в разное время, в разных местах, от разных сказителей, мы имеем возможность предположить, что исполнители карачаево-балкарского нартекского эпоса еще в конце прошлого века знали большое число традиционных сюжетов, которые прикреплялись к именам разных персонажей.

Таким образом, в конце XIX века в фольклоре балкарцев и карачаевцев были зафиксированы не только варианты общекавказских сказаний, где выступают традиционные герои, известные и другим народам Кавказа, но и сказания, повествующие о героях, специфических для данной версии. К ним принадлежит и следующее сказание, записанное Алейниковым. — «Эмегены» — о том, как традиционные персонажи нартекского эпоса Ёрюзбек, Сосурук и Злоязычный Гиляхсыртан печально попали к эмегенам и едва не были съедены хозяевами. Им удалось спастись только благодаря хитрости, попросив эмегенов разрешить спор: что появилось раньше — молоток, долото или угольные щипцы? Стремясь выяснить истину, эмегены заспорили, спор перешел в драку, а нарты тем временем спаслись бегством.

Сказание содержит материал для характеристики постоянных врагов героев карачаево-балкарского нартекского эпоса — эмегенов. Их отличают огромные размеры, «крепкие, как сталь, зубы», чудовищный аппетит («...с жад-

ностью набросились на лошадей и, связавши их, как ягнят, стали пожирать живьем») и непомерная глупость: она проявляется не только в речи эмегенов («по нашим мудрым законам», «премудрые эмегены»), но и в их поступках, приведших их к гибели.

Кроме партских сказаний, публикация Алейникова содержит тексты сказок: «Девлер, или Кто сильнее?», «Кто больше?». Это варианты широко известных разным народам Кавказа сказочных сюжетов о поисках человека сильнее сильного и сказки-загадки о том, кто больше — огромный бык, орел, унесший быка, пастух, в чей глаз попала бычья лопатка, лиса, женщина-богатырша или ее грудной сын?

Публикация М. Алейникова включает и произведения несказочной прозы — предания «Джелмаус», «Аймуш», «Карча».

«Джелмаус» — этиологическое предание, «объясняющее» происхождение лунного затмения. Оно органически контаминируется со сказкой, в нем налицо элементы и сказки, и предания.

Следующее предание — «Аймуш» — имеет подзаголовок — «Предание о горном озере Хурла Кёль». Это — первая публикация о богах карачаево-балкарского языческого пантеона: Аймуш — покровитель овцеводства, Сикун — покровитель козоводства, Сиймуш — покровитель всякого скота, Сийпхух — покровитель хлебопашества. Они выступают как братья, пользовавшиеся помощью и поддержкой друг друга.

В предании отразились представления о языческих богах — покровителях именно тех видов хозяйственной деятельности, которым балкарцы и карачаевцы всегда отдавали предпочтение — скотоводство вообще, овцеводство и козоводство в частности; земледелие.

Языческие боги представлены, как простые горцы: это — мирные труженики; они помогают друг другу и советом, и делом. Тот, кто не считается с мнением представителей рода, сурово наказывается: Аймуш, не внявший совету братьев, не только теряет стадо, но и погибает сам.

События совсем другого исторического периода в жизни народа отразились в предании «Карча», объясняющем причину переселения карачаевцев с верховьев реки Баксана в верховья реки Кубани, где они живут и до сих пор.

Как видим, с появлением публикации М. Алейникова значительно расширилось представление читателей о жанровом составе фольклора балкарцев и карачаевцев.

Ряд публикаций произведений карачаево-балкарского фольклора принадлежит акад. Вс. Ф. Миллеру и проф. М. М. Ковалевскому¹².

¹² Публикации Вс. Миллера и М. М. Ковалевского, посвященные Балкарии и Карачаю, — один из непременных источников работ современных исследователей археологии, истории, этнографии, фольклора карачаевцев и балкарцев. См., например: Ю. Н. Асанов. Очаг балкарского жилища (XIX — начало XX в.); его же. К истории балкарского жилища в XIX — начале XX века. — «Вестник КБНИИ», вып. VI, Нальчик, 1972, с. 145 и 239; Г. Х. Мамбетов. Некоторые традиции и обычаи кабардинцев и балкарцев, связанные с жилищем. — «Вестник КБНИИ», вып. IV, Нальчик, 1970,

Первая специальная поездка на Кавказ для изучения патриархально-родового и феодального уклада горских народов Вс. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского состоялась в июне 1883 г.

В очерке «В горских обществах Кабарды» содержится подробное описание мест, где проезжали путешественники, и обычаев горского гостеприимства¹³.

В ауле Чегем от таубия Али-Мурзы Балкарукова Миллер и Ковалевский зафиксировали предание о водворении феодальных властителей среди чегемцев. Естественно, что в предании, рассказанном одним из князей Балкаруковых, восхваляется предприимчивость представителей этого рода.

Особенно интересны сведения о языческих верованиях балкарцев, в частности описание обряда принесения в жертву быка, и рассказ о верованиях балкарцев в различные фетиши. Это — первая наиболее подробная в дореволюционной литературе характеристика языческих представлений балкарцев.

Среди текстов, записанных Миллером и Ковалевским, преобладают фамильные предания балкарских таубиев. Это объясняется прежде всего тем, что других информаторов у них не было. К сожалению, эти ученые не зафиксировали исторических преданий, отражающих взгляд трудящихся горцев на важнейшие события народной жизни.

Предания, записанные Миллером и Ковалевским, — своеобразная фиксация народных произведений: их изложение нередко перебивается комментариями авторов статьи. На этих комментариях, естественно, не могло не сказаться увлечение Вс. Ф. Миллера осетинским языком, мифологией и фольклором.

Основываясь на семейных преданиях Балкаруковых, Миллер и Ковалевский характеризуют общественный строй балкарцев как феодальный. Как справедливо подчеркивает К. Г. Азаматов, «...в силу узости буржуазной методологии дореволюционные исследователи не смогли объяснить происхождение феодальных отношений. Рассматривая социальный строй балкарцев, буржуазно-дворянская историография игнорировала классовую борьбу балкарского крестьянства, утверждая о якобы мирном характере социальных отношений»¹⁴.

Однако как произведения фольклора фамильные предания, зафиксированные Миллером и Ковалевским, представляют несомненный интерес. Именно это и стало основанием для включения их в данную книгу.

с. 95, 96; М. Б. Гуртуева. К вопросу о народной педагогике балкарцев. — «Вестник КБНН», вып. III, Нальчик, 1970, с. 139; В. Х. Тменов. О книге М. П. Мизина «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая». — «Археолого-этнограф. сборник», вып. 1. Нальчик, 1974, с. 240; А. П. Мусукеев. К вопросу о разделении трудовых обязанностей в большой семье балкарцев конца XIX—начала XX века. — «Этнография народов Кабардино-Балкарии», вып. 1, Нальчик, 1977, с. 83 и др.

¹³ «Вестник Европы», 4, 1884, с. 541.

¹⁴ К. Г. Азаматов. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Автореферат канд. дисс. Нальчик, 1967, с. 4.

Авторы не допускали никакого вмешательства в фольклорные тексты, включенные в статью, что они особо подчеркивают: «Мы передали предания, как слышали, оставляя точность редакции на совести рассказчика»¹⁵. Что же касается информаторов Миллера и Ковалевского — балкарских таубиев Абасовых и Балкаруковых, то они в силу своей принадлежности к правящему сословию, естественно, могли привести лишь предания, тенденциозно освещающие историю балкарцев, подтверждающие древность их фамилий и исключительное положение среди других балкарских фамилий.

Полевые записи, сделанные М. М. Ковалевским во время путешествия в 1883 г., хранятся в архиве АН СССР¹⁶ и недавно были опубликованы Б. А. Калоевым в его книге «М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа»¹⁷.

В данную книгу предания вошли в том виде, как они были напечатаны в статье «В горских обществах Кабарды». Особую ценность записям придает наличие паспортных данных об информаторах.

Летом 1885 года М. М. Ковалевский, И. И. Иванюков и С. И. Танеев совершили на лошадях переход через перевал в Сванетию. Путь их лежал через Балкарию, в частности, они останавливались в Урусбиевском ауле, где Танеев записал ряд танцевальных мотивов и старинных песен балкарцев — «горских татар», как он их называет. Путешественники вели дневники, а по возвращении в Москву написали и опубликовали два очерка¹⁸.

Первый очерк содержит подробное описание путешествия; значительное место в нем занимает рассказ о нравах и обычаях жителей урусбиевского аула.

Впоследствии в письме к П. И. Чайковскому от 28 января 1902 г. С. И. Танеев вспоминал, как писались эти очерки: «Ковалевский писал то, что касалось его наблюдений над обычным правом и жизнью кавказцев, а самый рассказ о событиях нашего путешествия писал Иванюков. Там же (т. е. в журн. «Вестник Европы») была вставлена моя краткая заметка о кавказской музыке»¹⁹.

Эта «Заметка» представляет значительный интерес. С. И. Танеев сообщает, что в двух аулах — Хассауте и Урусбиевском — он записал от князя Урусбиева двадцать песен — все записи хранятся в доме-музее П. И. Чайковского в Клину в переплетенном томе под названием «Кавказ. 1885. 25 июля. Урусбиевский аул».

В археографическом очерке С. Попова приводятся перечень названий этих песен и объяснения к ним, взятые из автографных записей Танеева.

¹⁵ «Вестник Европы», 4, 1884, с. 556.

¹⁶ Архив АН СССР (137, ед. хр. 329, лл. 20—25, 30—33).

¹⁷ Б. А. Калоев. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979, с. 58, 172—175.

¹⁸ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. У подошвы Эльборуса. Очерк I. — «Вестник Европы», т. I, СПб., 1886; очерк II. В Сванетии. — «Вестник Европы», кн. 2, СПб., 1886.

¹⁹ Сергей Иванович Танеев. Личность, творчество и документы его жизни. К 10-летию со дня смерти. 1915—1925. М.—Л., 1925, с. 151.

1006403

Перечень этот весьма интересен: он свидетельствует о том, что балкарец Исмаил Урусбиев прекрасно знал не только песни своего народа, но и песни ближайших соседей балкарцев и карачаевцев — кабардинцев, осетин. Иначе говоря, сто лет назад шел активный процесс взаимодействия и обогащения культур народов Северного Кавказа, что было вполне естественно в условиях тесных исторических, экономических и культурных связей этих народов.

Особый интерес представляет классификация балкарских народных песен, как изложил ее композитору И. Урусбиев. Он выделил четыре группы песен: самые древние (охотничьи и трудовые); нартские; «старые» (исторические) песни и новейшие песни, посвященные событиям XIX века.

Очерки «У подошвы Эльборуса» и «В Сванетии» содержат наблюдения М. М. Ковалевского над семейными и правовыми отношениями кавказских горцев²⁰; впоследствии они вошли в его работу «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» — ссылки на нее содержатся в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

* * *

Вс. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского, С. И. Танеева, И. И. Иванюкова и других русских ученых во время поездок сопровождал кто-нибудь из семьи Урусбиевых. В опубликованных очерках содержатся интересные материалы для характеристики первых просвещенных балкарцев, самоотверженно стремившихся поведать миру о своем народе — его быте, нравах, обычаях, его устной народной поэзии.

Мы уже приводили свидетельства П. Острякова на этот счет — именно Исмаил Урусбиев привлек его внимание к нартскому эпосу балкарцев. От Исмаила Урусбиева записал произведения музыкального фольклора балкарцев С. И. Танеев. Сын Исмаила Сафар-Али первым опубликовал балкарские сказания о нартах в прекрасном переводе на русский язык. Позже, в 1906 году, Н. И. Тульчинский напечатает многочисленные записи произведений разных жанров балкарского фольклора, записанные другим сыном Исмаила Урусбиева — Наурузом (об этой публикации речь пойдет ниже).

Урусбиевы были, несомненно, незаурядными людьми. К сожалению, до наших дней об Исмаиле Урусбиеве и его сыновьях сохранились немногочисленные сведения²¹. Исмаил Урусбиев должен был сопровождать Миллера и Ковалевского летом 1883 года: «Мы ждали приезда отца нашего спутника, Исамаила Урусбиева, чтобы расспросить его о горах, которых он знал вдоль

²⁰ Как справедливо подчеркивает К. Г. Азаматов, «...при всех крупных заслугах М. Ковалевского, как кавказоведа, он несколько преувеличивал остатки рода у народов Северного Кавказа» — См.: К. Г. Азаматов. Новые исследования по этнографии кабардинцев и балкарцев. — «Этнография народов Кабардино-Балкарии», вып. 1. Нальчик, 1977, с. 179.

²¹ См., например: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1967, с. 434; Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 1981, с. 37—43, и др. работы.

и поперек, как наиболее уважаемое лицо, во всех этих обществах»²². Но князь Урусбиев не смог в этот раз приехать к путешественникам.

В 1884 году он сопровождал Ковалевского, Тапеева и Иванюкова в их путешествии и вызвал всеобщее восхищение. В очерке «У подошвы Эльбурса» находим следующее описание:

«Измаилу Урусбиеву 54 года, но он смотрит гораздо моложе. Его статная фигура дышит жизнью и цветущим здоровьем. Князь не помнит, был ли он когда болен. Вся жизнь его прошла на Кавказе: в Петербург и Москву ездил один раз и ненадолго. Ни в какой школе князь не учился, читает только по-арабски и, тем не менее, имеет весьма обстоятельные сведения по истории. Книжки читают ему сыновья, когда приезжают в аул. Князь — отличный знаток народных преданий и легенд, и голова его кишит гипотезами о заселении Кавказа и об его прошлых судьбах. Память у князя феноменальная: однажды, беседуя с нами о русской литературе, он в доказательство своей мысли, цитировал несколько мест из Добролюбова. У горских татар нет имени более популярного, как имя Измаила Урусбиева». «Кто может сделать лучше Измаила», «во всем Измаил первый» — вот выражения, которые мы обыкновенно слышали от татар, когда речь заходила о князе. «Он — первый джигит, первый танцор, первый музыкант, первый кузнец, первый сапожник, столяр и токарь и мн. др. Особенно же преклоняются татары перед его находчивостью и умом»²³.

Сведения о Сафар-Али и Наурузе Урусбиевых немногочисленны. В очерке «В горских обществах Кабарды» говорится, что Сафар-Али сопровождал Вс. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского в их путешествии из Владикавказа через Нальчик в «горские общества Кабарды».

«...Нашим спутником был Сафар-Али, сын местного таубия (горского князя), Урусбиевского аула. Имея по всем аулам родственников, аталыков или кунаков, Сафар-Али мог открыть нам самый широкий доступ к горскому гостеприимству»²⁴.

По свидетельству Миллера и Ковалевского, Сафар-Али занимался в то время «составлением грамматики родного языка, применив русскую азбуку к выражению его звуков», и общение с выдающимися учеными, среди интересов которых кавказоведение занимало одно из центральных мест, было не только выражением кавказского гостеприимства, но и весьма полезным для просвещенного горца.

К сожалению, в очерке Миллера и Ковалевского нет других упоминаний о научных занятиях Сафара-Али. Но те немногочисленные штрихи, которыми они характеризуют своего юного друга, представляют нам кавказца, который, приобщившись к русской и европейской культуре, не забыл родных обычаев и не утратил связей с родным краем.

Иначе говоря, появление публикации текстов партского эпоса в СМОМПК,

²² В горских обществах Кабарды. Из путешествия Всев. Миллера и Макс. Ковалевского. — «Вестник Европы», № 2, 1884, с. 542.

²³ См.: М. А. Балакирев. Воспоминания и письма. Л., 1962, с. 450.

²⁴ «Вестник Европы», II, 1884, с. 541.

И, в 1881 году в записи С.-А. Урусбиева не было свидетельством его случайного интереса к культуре родного народа. К сожалению, мы не имеем данных о том, как долго продолжал С.-А. Урусбиев свои занятия по исследованию родного языка и фольклора и какова судьба его рукописного наследия. Известно лишь, что он позже был пожизненно сослан в Углич. В книге «О семье Чеховых» читаем: «Был у Михаила Павловича в Угличе и другой знакомый — балкарец Сафар Измаилович Урусбиев. Это был несчастный человек, оторванный властями от своих любимых кавказских гор, от семьи и сосланный в Углич навсегда, пожизненно. Семь лет спустя Михаил Павлович описал Сафара Урусбиева в своем рассказе «Преступник»²⁵.

Еще меньшими сведениями мы располагаем о другом сыне Исмаила Урусбиева — Наурузе. Из письма С. И. Танеева к П. П. Чайковскому мы узнаем, что Науруз неоднократно приезжал в Москву:

«Несколько дней назад я встретился с молодым князем Урусбиевым Наурузом (ты его видел у меня в Москве три года тому назад), сыном того Урусбиева, который провожал нас с Ковалевским и Иванюковым в Сванетию...

...Само собой разумеется, что молодой Науруз будет в восторге, если ты его посетишь. Когда он приехал в Москву три года тому назад, я его повел в Онегина. Это была первая опера, которую он увидел в своей жизни. И музыка, и декорации, и оркестр, и пение — все это произвело на него необыкновенно сильное впечатление, и он до сих пор вспоминает об этом представлении»²⁶.

Вероятно, в эти же годы Науруз записывал произведения родного фольклора. По неизвестной для нас причине они были опубликованы не самим Наурузом, а Н. П. Тульчинским в 1903 году.

Как видим, с именами Исмаила, Сафара-Али и Науруза Урусбиевых связан значительный период в развитии карачаево-балкарской фольклористики. Они не только стремились привлечь внимание просвещенного мира к истории, языку и культуре родного народа, но и сами много сделали, чтобы сохранить для потомков сокровища его устной народной поэзии. Фольклорные тексты в записях Сафара-Али и Науруза Урусбиевых, хотя и опубликованы без оригинала, только в русском переводе, представляют исключительный интерес для исследователей.

В конце 90-х годов интерес к истории, этнографии, фольклору балкарцев и карачаевцев все больше возрастает. Преподаватели учебных заведений, журналисты, путешественники совершают поездки в Карачай и Балкарию. Среди разнообразных сведений находим и фольклорные тексты.

Преподаватели кавказских учебных заведений не только сами записывали фольклорные произведения кавказских горцев, но и привлекали к этой работе своих учеников разной национальности.

²⁵ С. М. Чехов. О семье Чеховых. М. П. Чехов в Ярославле. Ярославль, 1970, с. 69.

²⁶ Письмо С. И. Танеева П. П. Чайковскому от 21 июня 1891 г. В кн.: Письма П. П. Чайковского и С. И. Танеева. Изд. Н. Юргенсона, М., 1925, с. 104—105.

В 1896 году в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (вып. 21, Тифлис, 1896) сказки, собранные воспитанниками Закавказской учительской семинарии, составили специальный раздел. Среди них была напечатана и «карачаевская сказка» «Богатырь Едмей, сын Едея» (правильно — Богатырь Ачемез, сын Ачя). Ее записал Али-Бек Боташев в селении Куним (правильно — Кюнлюм) Нальчикского округа Терской области.

В предисловии к «Сборнику...» Л. Г. Лопатинский уточняет, что это балкарское сказание, в тексте ошибочно названное карачаевским, «принадлежит к разряду нартских сказаний, столь распространенных среди туземцев Северного Кавказа». Далее Л. Г. Лопатинский сравнивает публикуемый текст с карачаевским (СМОМПК, III) и кабардинским (СМОМПК, XII), выделяя некоторые черты, общие всем этим вариантам: мотив испытания матерью юного богатырем с целью узнать имя убийцы отца, объяснение причины вражды отца героя со своим будущим убийцей, описание того, как Ачемез получает отцовские доспехи и его коня и как он отправляется в путь, описание борьбы юного героя с врагом.

Сказание об Ачемезе, как и другие фольклорные тексты, помещенные в этом разделе, представляет собою, по-видимому, довольно точный пересказ эпического сказания на русском языке. Эта вторая фиксация карачаево-балкарского сказания о богатыре Ачемезе значительно отличается от варианта, записанного Алейниковым.

Во-первых, здесь более подробно рисуется богатырская сила мальчика: «Едмей схватил стоящий вблизи жернов и пустил им прямо в ряд альчиков, от большой тяжести жернова они обратились в порошок».

Второе, более существенное отличие, — подробное описание борьбы Ачемеза с убийцей отца — Кубой, к которому юный богатырь относится не только без страха, но и с явной насмешкой.

Весьма своеобразно рисуется необыкновенная сила юного богатыря, проявляемая им в поединке с противником. Она характеризуется опосредованно, через восприятие или самого Кубы, или его жены²⁷.

В отличие от варианта Алейникова, вариант Боташева завершается описанием того, как Ачемез попадает во владения нарта Сосурука, который требует от него вместо подорожного выкупа его жену. Ачемез отвечает: «Пусть победа решит» — и начинает бой с войском Сосурука. И в этом эпизоде подчеркивается богатырская сила юного героя: Ачемез последним своим выстрелом оставил всех воинов Сосурука «без ушей с одной стороны»²⁸.

На помощь к израненному Ачемезу спешит жена. Но по совету мудрой матери Сосурука (имя ее не названо, но, видимо, речь идет о Сатанай) первым к нему приближается Сосурук — он отсекает ему голову мечом.

Такая концовка сказания об Ачемезе встречается только в карачаево-балкарском эпосе.

Сосурук осуждается за убийство Ачемеза: «С плохой победой остался

²⁷ СМОМПК, XXI, с. 84.

²⁸ Там же, с. 87.

Сосурук: с ушами храбрых воинов он честь и славу свою потерял и стал посмешищем для всех»²⁹.

Следующая публикация текстов карачаево-балкарского нартского эпоса принадлежала известному кавказоведу проф. А. Н. Дьячкову-Тарасову — летом 1896 года он совершил путешествие по Большому Карачаю. Собранные им материалы послужили основой статьи «Заметки о Карачае и карачаевцах», опубликованной в XXV выпуске СМОМПК в 1898 году.

В статье приводятся разнообразные сведения о расположении Карачая, его природе, об истории карачаевцев. В рассказе о переселении карачаевцев с Баксана на Кубань Дьячков-Тарасов опирается на народные исторические предания, идентичные тем, что были напечатаны Алейниковым в III выпуске СМОМПК. В статье назван один из знатоков этих преданий — «120-летний старик Джанкёзов», однако, к сожалению, не приводится сколько-нибудь полный текст ни одного из рассказанных им преданий. Особый интерес представляет раздел, посвященный героическим сказаниям карачаевцев — их нартскому эпосу.

А. Н. Дьячков-Тарасов записал в Карачае пять эпических текстов: три («Сосурук и эмеген Пятиголовый», «Алауган», «Генджакешауай») — от Будуйпа Джанкёзова (63 года, с. Карт-Джурт) и два («Смерть Орюзмека» и «Чюрды») — от Хасана Алиева (77 лет, вероятно, в том же ауле).

Тексты карачаевского нартского эпоса прокомментированы в «Предисловии» Л. Г. Лопатинского и в статье А. Н. Дьяčkова-Тарасова.

Как и в других случаях, Лопатинский характеризует карачаевские тексты в сопоставлении с аналогичными произведениями фольклора адыгов и осетин; значительное место занимают сравнения с балкарскими вариантами, опубликованными С.-А. Урусбиевым, и карачаевскими, напечатанными И. Алейниковым. В своей характеристике карачаевских текстов Лопатинский исходит из того, что «большая часть былин Северного Кавказа восходит, по видимому, к осетинским сказаниям»³⁰.

Это утверждение Л. Г. Лопатинского, конечно, ошибочно, но оно исторически может быть объяснено тем, что к тому времени осетинские сказания о нартах были опубликованы наиболее полно, а в работах акад. В. Ф. Миллера они получили весьма убедительную характеристику³¹. Действительно, сходство нартских сказаний разных народов Кавказа нередко бывает разительным. Однако нет достаточных оснований для утверждения приоритета того или другого народа в их создании. В настоящее время тезис о нартских сказаниях как о едином общекавказском памятнике древней эпической поэзии³² является общепринятым в советском эпосоведении. Выявление черт, общих для различных национальных версий нартского эпоса, вовсе не отри-

²⁹ СМОМПК, XXI, с. 67.

³⁰ СМОМПК, XXV, с. V—VII.

³¹ См. библиографию в книге «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа». М., 1969.

³² См.: А. А. Петросян. Решенные и нерешенные вопросы нартосоведения. В кн.: «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа». М., 1969, с. 8.

цает самостоятельности и национального своеобразия сказаний о нартах того или другого народа.

А. Н. Дячков-Тарасов в своей характеристике карачаевских вариантов нартского эпоса придерживается того же ошибочного мнения, что и Л. Г. Лопатинский. Надо еще отметить, что оба исследователя не рассматривают балкарские и карачаевские тексты нартских сказаний как варианты единого карачаево-балкарского эпоса, как это есть на самом деле. В то же время А. Н. Дячков-Тарасов приводит различные доказательства того, что карачаевцы первоначально проживали в Баксане и лишь сравнительно недавно переселились на территорию их нынешнего пребывания.

В дореволюционных публикациях произведения балкарского и карачаевского фольклора не всегда рассматривались как составные части общего фольклорного наследия двух народов.

В статье А. Н. Дячкова-Тарасова все тексты нартского эпоса приведены в русском переводе без оригинала и представляют новые, во многих деталях до тех пор не известные варианты нартских сказаний балкарцев и карачаевцев, нередко «восстанавливающие» эпизоды и сюжеты, отсутствующие в предыдущих публикациях.

Первое сказание — «Сосурука и эмеген Пятиголовый», о борьбе Сосурука с великаном — в основном совпадает с аналогичными сказаниями адыгов, осетин, балкарцев, опубликованными в конце прошлого столетия; отличие — лишь в описании богатырских «игр» Сосурука и расправы его с великаном.

Специфической в карачаевском сказании является мотивировка борьбы Сосурука с великаном (необходимость освободить карачаевцев от эмегена, который объедал их) и, соответственно, ее исход. Если герой адыгского или осетинского эпоса после победы над чудовищем возвращается к нартам и приносит им огонь, то карачаевский Сосурук таким образом «освободил карачаевский народ от чудовища-эмегена».

Сказания об Алаугане и Генджакешауае фрагментарны, сюжет их не завершен. В последующих публикациях карачаево-балкарского эпоса сказания с аналогичными особенностями не содержатся. Возможно, А. Н. Дячков-Тарасов зафиксировал значительно деформированные тексты.

Об этом свидетельствует и сказание «Смерть Ёрюзмека», где общее с традиционным героем карачаевского эпоса — лишь имя. Ёрюзбек лишен тех богатырских качеств, которыми он обладает в традиционных сюжетах карачаево-балкарского эпоса; ему было предопределено погибнуть, если он женится. II Ёрюзбек погибает, увлеченный красавицей Шаулух-Инджи.

Менее других в данной публикации подвергся трансформации лишь один эпический текст — «Княгиня Сатанай».

К числу нартских А. Н. Дячков-Тарасов отнес и песню «Чюэрды» (правильно: Чюерди. — А. А.). Видимо, автора публикации ввело в заблуждение то обстоятельство, что в песне фигурируют шесть нартвов, старший из которых даже назван по имени — Борай. Однако персонажи, именуемые нартами, не наделены чертами, характерными для эпических героев. Они включены в сюжет типичной историко-героической песни с характерной для нее под-

робной локализацией действия, традиционным сюжетом и трагическим концом — гибелью героев.

В целом публикация А. Н. Дьячкова-Тарасова в XXV выпуске СМОМПК представляет значительный интерес как первое представление новых, до тех пор не известных вариантов нартских сказаний карачаевцев и историко-героической песни («Чюрды»). Определенную ценность имеет и пересказ исторических преданий — он позволяет говорить об устойчивости сюжетов генеалогических карачаевских преданий³³.

В «Терском сборнике» № 6 за 1903 год напечатана большая коллекция произведений карачаево-балкарского фольклора под названием «Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области. Записаны Н. П. Тульчинским». Надо сразу уточнить, что из общего числа 31 — четырнадцать произведений, как пишет Н. П. Тульчинский, «заимствованы из тетради Науруза Исмаиловича Урусбиева». Остальные 17 зафиксированы Тульчинским в разных районах Балкарии. Очень важно, что в каждом случае Тульчинский обозначил место записи фольклорного произведения, а однажды даже назвал имя информатора. Все тексты переведены на русский язык Тульчинским и им же внимательно прокомментированы.

В истории дореволюционной карачаево-балкарской фольклористики это первая публикация, где представлены почти все жанры карачаево-балкарского фольклора: обрядовая поэзия (свадебные, охотничьи, трудовые песни); нартский эпос; сказки, сказочная проза (исторические предания); историко-героические песни, народная лирика (любвные песни, песни-кюй и шуточные (чам жырла); пословицы и поговорки.

Обрядовая поэзия представлена двумя вариантами трудовой песни «Долай» (исполнили при сбивании масла), свадебными алгышами* и произведениями охотничьего фольклора. Как мы помним, в статье Н. Ф. Грабовского подробно описан свадебный обряд балкарцев. Тексты свадебных алгышей являются существенным дополнением к этой статье. В них не только звучат пожелания счастья и достатка молодой семье, но и выражены идеальные представления балкарцев о жене, ее достоинствах, ее положении в семье. Даже в русском переводе эти произведения свадебной поэзии привлекают своей яркой образностью, тесно связанной с жизнью и бытом горцев.

В публикации Н. П. Тульчинского три текста посвящены охотничьему фольклору балкарцев и карачаевцев — «Импровизация охотника», «Охотничья песня» и «Другой вариант охотничьей песни». Тульчинский указывает, что первый и третий тексты заимствованы «из тетрадей Науруза Исмаиловича Урусбиева». Источник второго текста не указан.

³³ В годы Советской власти А. Н. Дьячков-Тарасов активно участвовал в строительстве новой жизни: он заведовал отделом Северо-Кавказского Горского научно-исследовательского института. Материалы, собранные им в годы работы в Карачае, обобщены им в 1929 году в докладе «О происхождении карачаевцев» («Записки Северо-Кавказского Горского НИИ». Ростов-на-Дону, 1929).

* Алгыш — здравница.

Все три произведения содержат обращение охотника к языческому покровителю охотников — Апсаты или к его дочери Фатимат с просьбой послать богатую добычу на охоте.

В песнях нет данных, позволяющих говорить о том, человеческий или звериный облик имеет Апсаты. Единственное упоминание — «косой Апсаты» — позволяет предположить, что бог охоты антропоморфен.

Охотник, хорошо знавший трудности охоты в горах Кавказа, надеялся, что его обращение к божеству охоты умилюет последнего и он пошлет удачу. Характерно, что нередко зверь, на которого предполагается охота, называется иносказательно:

«Дай мне лежащего на белом снегу,
Дай мне ходящих по самым вершинам,
Дай мне пребывающих в глубоких балках!»

Или:

«Дай нам двурогого, обросшего мхом,
Голову с округленными большими глазами». «У Апсаты есть девицы с большими бровями,
На белых горах их значатся следы»

— так характеризует песня тура.

В других случаях животное названо, и тогда охотник поясняет свою просьбу — позволить убить ему самых лучших зверей:

«О, дай в лошадь величины ушащую лань
И кабана с клыками дай». «Дай бог такого, чтобы голен был для копчения
И шкура служила бы тулуком»,

т. е. зверь должен быть таким большим, чтобы из его шкуры можно было сделать кожаный мешок — тулук.

Обращаясь к Апсаты, охотник старается умилюет его, называя его «щедрым богом», который с почетом принимает прибывших гостей и по-хозяйски рачительно отдает им самцов, оставляя самок для продолжения потомства.

В песне содержится описание процесса охоты — на рассвете охотники поднимаются, готовят оружие, выслеживают зверя, выбирая самые удобные места для охоты. В связи с этим кратко, но выразительно характеризуются трудности охотничьего промысла, когда охотнику приходится бродить по труднодоступным скалам под дождем и снегом, в плохонькой одежонке, впроголодь. Зная трудности охотничьей жизни, создатель песни восклицает:

«Орайда! У матери пусть не родится сын,
А если родится, да не будет он охотником!»

Нартский эпос представлен в публикации Тульчинского четырьмя текстами сказаний о нарте Ёрюзмеке. Из них только одно сказание — «Орюзбек. Легенда» является вариантом сказания, опубликованного С.-А. Урусбиевым.

Остальные три содержат сюжеты, до сих пор не зафиксированные ни в Карачае, ни в Балкарии.

Особый интерес представляет песня «Орюзбек» — вероятно, начало большого сказания, к тому времени уже забытого.

Два других сказания — «Орюзбек» и «Орюзбек и Сатанай» имеют в своей основе сюжеты, широко известные по публикациям осетинского эпоса «о семейной жизни» Сатанай и Ёрюзмека (как чертовки хотели соблазнить Ёрюзмека и как Сатанай воспрепятствовала этому; как нартский кузнец хотел соблазнить Сатанай и как она доказала свою верность мужу).

Значительное место в публикации Н. П. Тульчинского занимают сказочные тексты: «Сосук», «Созар Гезохов», «След льва», «Торжество добродетели и наказанное зло», «Преданность холопа и неблагодарность царевича», «Добродетельная жена». Здесь находим волшебные, героические, бытовые сказки, а также притчи.

Несказочную прозу представляют три исторических предания: «Происхождение Ак-Сук» (в котором широко известный сказочный сюжет включен в историческое предание); «Предание о происхождении балкарских таубиев Балкароковых, Баразбиевых и Кучуковых» (его сопровождает стихотворно-песенный адекват «Песнь о Рычкаовых» (правильно: Рачкаовых. — А. А.) и «Предание о происхождении балкарских таубиев».

Последние два текста — варианты преданий, опубликованных в статье Вс. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского «В горских обществах Кабарды». В отличие от первой публикации, здесь дан как бы их сжатый пересказ, без подробностей в изображении жестокой борьбы между феодальными фамилиями.

В публикации Н. П. Тульчинского большое место занимают песенные тексты. В историко-героических песнях отразились различные события исторической жизни балкарцев, прежде всего — их боевые походы: «Кайсыны», «Шори», «Татархан Багатырев», «Княгиня Даум». Во многих песнях звучит осуждение разорительных походов, княжеских распри, ведущих к бессмысленной гибели людей.

Важное достоинство публикации Н. П. Тульчинского состоит в том, что произведения историко-героического эпоса сопровождает подробный комментарий, без которого смысл их был бы непонятен. В дореволюционной публикации карачаево-балкарского фольклора такой комментарий приведен впервые. Все тексты сопровождают объяснения генеалогии героев; их соотношение с реальными историческими личностями, а также объяснения бытовых понятий и этнографических реалий.

Жанр народной баллады представлен текстами «Каншаубий» и «Баксанук». В песне «Каншаубий» одним из сюжетообразующих является мотив о том, как женщина в ответ на равнодушие к ее знакам внимания замышляет погубить любимого. В соответствии с законами жанра баллады, это приводит к трагической развязке (в сказке на аналогичный сюжет, как известно, всегда бывает наказана женщина).

В публикации Н. П. Тульчинского находим и произведения народной лирики (любовные песни «Алла-Гидай» и «Любовь», шуточная «Колбаса»).

Впервые опубликована Н. П. Тульчинским и большая подборка пословиц и поговорок.

Как видим, Н. П. Тульчинский напечатал своеобразную антологию различных произведений карачаево-балкарского фольклора в том виде, как он бытовал на рубеже XX века, и это придает ей особую значимость.

Антологический характер имеет и публикация известного ориенталиста В. Прёле, напечатавшего в 1909 году в X номере журнала «Keleti Szemle» «Исследования по карачаевскому диалекту».

Во время пребывания в Карачае В. Прёле изучал карачаевский язык при посредстве учеников мусульманской школы Мурата Аджиева из аула Учкулан и Сепша Мазана Тамбиева. От них или при их помощи Прёле записал различные фольклорные произведения. Публикацию Прёле составили очерк карачаевского языка (фонетика и морфология) и карачаевские тексты — пословицы, загадки, лирические народные песни (ийнар), эпические народные песни (жыр или кюй) — о Салпагарове Гапалау, о Канамате; шуточная песня «Джёрме». Под общим названием «этнографическое» помещены различные поверья и приметы, сказки.

Бесспорное достоинство публикации В. Прёле состоит в том, что с ее появлением стали известны не только новые произведения того или иного жанра, например Прёле впервые опубликовал популярные песни о Салпагарове Гапалау, о Канамате, но и новые варианты уже известных произведений.

В постраничных примечаниях к текстам В. Прёле не только комментирует отдельные слова и выражения, но и кратко характеризует различные жанры карачаевского фольклора: «Такие лирические строфы, которые приведены здесь с 1—32 называются ийнар. Они почти без исключения сочиняются женщинами и девушками и являются выражением женского чувства любви»³⁴. Или вот характеристика эпических песен: «Подобные песни называют жыр или кюй. Без какого-либо перехода здесь, как и в прочих эпических песнях, слова вкладываются в уста героя, или к нему обращаются как ко второму лицу, или новоствующие строки следуют в зависимости от того, как оживляется фантазия и чувство, или насколько живо они воспринимаются. Несомненно, что в некоторых строках надгробный плач близких сохранен слово в слово»³⁵.

Эта краткая характеристика жанра кюй довольно точно передает его важнейшие особенности.

Комментируя шуточную песню «Джёрме», В. Прёле подчеркивает важность мимики и жеста исполнителя народных песен: «Скачкообразность рассказа бросается в глаза при чтении и часто мешает пониманию, однако при устно-мимическом воспроизведении получается исключительно живо и наглядно»³⁶.

Особую ценность публикации В. Прёле придает наличие сведений о том,

³⁴ «Keleti Szemle», X, с. 237.

³⁵ Там же, с. 257.

³⁶ Там же.

где и от кого он записывал тексты: лирические песни «ийпар» были зафиксированы в ауле Учкулан от Беллы Байчоровой, старшей сестры Исмаила Бектирзаевича Байчорова, и от Мурата Аджиева; эпические песни — в ауле Карт-Джурт от учителя Иммулата Хубиева и Мурата Аджиева, и т. д.

Весьма важно, что в тех случаях, когда Прёле удавалось записать несколько вариантов одного произведения, он не создавал сводный вариант, а печатал отдельно тексты, исполненные разными информаторами. Так, например, песня о Гапалау Салпагарове была исполнена Иммулатом Хубиевым и Муратом Аджиевым — В. Прёле указал, какие строки от кого были записаны.

В. Прёле принадлежит и публикация фольклорных текстов, записанных им в 1912 году во время его паучной поездки в Балкарию. В журнале «Keleti Szemle», 16 (Budapest, 1916, с. 104—243) он напечатал грамматический очерк балкарского языка и произведения различных жанров балкарского фольклора — лирические песни (тридцать пять четверостиший); произведения «малых» жанров фольклора: топографические и этнографические зарисовки. Самое значительное место занимают сказки (девять текстов).

Публикации предпослано небольшое введение, в котором характеризуются балкарцы, места их проживания, образ жизни, одежда, язык; здесь же сообщается и о том, где и при каких обстоятельствах В. Прёле записывал фольклорные тексты.

Произведения балкарского фольклора напечатаны на балкарском языке и в переводе на немецкий; в примечаниях пояснены отдельные слова и выражения. Многие балкарские тексты соотнесены с карачаевскими, записанными В. Прёле раньше.

Публикации В. Прёле занимают исключительное место среди сохранившихся до наших дней дореволюционных записей карачаево-балкарского фольклора, ибо содержат тексты на языке оригинала. В силу этого они представляют несомненный интерес не только для фольклористов, но и для лингвистов.

Материалы карачаево-балкарского фольклора содержатся в различных сочинениях, посвященных истории, этнографии, географии Балкарии и Карачая, опубликованных в начале XX в. Правда, упоминающиеся здесь произведения устной народной поэзии балкарцев и карачаевцев не приводятся с такими подробностями, как, например, в очерках Миллера и Ковалевского, и потому они не могли быть извлечены для перепечатки. Вместе с тем они в большинстве случаев позволяют говорить об эволюции различных жанров карачаево-балкарского фольклора, и потому целесообразно кратко охарактеризовать некоторые из таких сочинений.

В журнале «Мусульманин» № 14—17 (1911 г.) был напечатан очерк М. К. Абаева «Балкария», названный автором историческим. Однако содержание очерка гораздо шире: в нем характеризуются не только история балкарцев, но и их отношения с соседями — Грузией, Пмеретией, Сванетией, Осетией, Карачаем, Кабардой, Чечено-Ингушетией и Дагестаном. Особое место занимает рассказ об отношениях с Россией. Большое внимание уделяет автор характеристике сословных отношений в Балкарии, горского сло-

весного суда, поземельного права, нравов и обычаев балкарцев, их этических представлений.

Мисост Абаев при написании очерка использовал многочисленные источники и литературу, а также народные предания — об образовании самого древнего общества «Малкар», о происхождении рода Басиат, о сравнительно позднем переселении карачаевцев с реки Баксан в верховья реки Кубани. Переложение Абаевым исторических преданий балкарцев представляет интерес уже потому, что дает основание говорить, что еще в начале XX века эти произведения народной прозы сохранялись в живом бытовании и с теми же подробностями, которые содержит их запись, сделанная в конце XIX столетия.

В СМОМНИК, 43 (Тифлис, 1913) был напечатан очерк В. М. Сысоева «Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении». В нем преимущественное место занимают сведения о географическом положении Карачая, его экономике и археологических памятниках. Специальный раздел посвящен духовной жизни карачаевцев — здесь характеризуются их песни, музыка, танцы, народный эпос. Очерк написан на материале работ Г. Ф. Чурсина, А. Н. Дьячкова-Тарасова и П. Алейникова, посвященных Карачаю. Но здесь нет того уважительного отношения к описываемому народу, которое отличает работы Чурсина и Дьячкова-Тарасова, нет стремления понять его своеобразную духовную культуру. Высокомерно-презрительный тон автора обесценивает даже те фактические сведения, которые присутствуют в очерке Сысоева.

Совсем другой характер носят статьи сына акад. Вс. Ф. Миллера Б. Вс. Миллера, унаследовавшего от отца интерес к изучению горских народов Северного Кавказа.

В июне — июле 1899 года Б. Вс. Миллер по заданию этнографического отдела совершил путешествие по Большому Карачаю с целью изучения обычного права карачаевцев. В своем отчете, опубликованном в «Этнографическом обозрении» № 1—2, 1899, Б. Вс. Миллер кратко охарактеризовал состав Большого и Малого Карачая, занятия карачаевцев земледелием и скотоводством, их религиозные верования. Более подробно характеризуются собранные во время путешествия материалы по обычному праву карачаевцев.

В первом номере «Этнографического обозрения» за 1902 год напечатана обширная статья Б. Вс. Миллера «Из области обычного права карачаевцев». В своей характеристике обычного права автор широко привлекает различные народные предания — о заселении карачаевцами верховьев Кубани, о происхождении крепостных в Карачае, о размерах платы за кровь. Вероятно, в распоряжении автора были различные варианты преданий — он стремится согласовать их данные между собою и использовать их критически. Так, например, приведя предание о замене кровной мести выкупом, Миллер пишет: «Отсюда видно, что народные воззрения относят появление выкупа на замену кровной мести уже ко времени первого заселения Карачая; хотя, с другой стороны, в подобного рода преданиях нельзя видеть точного хронологического

указания на время появления в Карачае выкупа, тем более, что они могли быть придуманы для объяснения»³⁷.

Вполне возможно, что в архиве Б. В. Миллера сохранились его полевые записи, сделанные в Карачае.

Большое число публикаций произведений фольклора балкарцев и карачаевцев принадлежит журналисту Е. З. Баранову. В конце XIX—начале XX в. сказки и предания балкарцев в переводах Баранова систематически печатались на страницах газеты «Терские ведомости» и в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (вып. XXIII, XXXII, XXXIV). Весьма важно отметить, что во многих случаях публикации Баранова сопровождают сведения о времени и месте записи произведения, данные об информаторе. Нередко комментарии содержат характеристику публикуемых текстов в сопоставлении с аналогичными произведениями фольклора соседних народов.

Записи Е. З. Баранова фольклорных произведений народов Северного Кавказа составили несколько отдельных книг³⁸.

В книге Е. Баранова «Певец гор и другие легенды Северного Кавказа» четыре из шести легенд принадлежат балкарцам. Они представляют собою литературный пересказ и обработку народных произведений для русского читателя. Е. Баранов и не скрывает этого: легенды «Брат и сестра» и «Каин» излагаются как рассказ, услышанный автором от своего кунака-горца. Они выстроены умело, без повторов и алогизмов, которые вполне возможны в фольклорном произведении; в их тексте оставлены отдельные балкарские выражения и названия этнографических и бытовых реалий — правда, во всех случаях точно прокомментированные. Это придает произведениям и национальный колорит, и определенную достоверность.

Понятно, что фольклорные произведения, опубликованные Е. Барановым в литературной обработке, не имеют научного значения. Вместе с тем они сохранили до наших дней сюжеты фольклорных произведений карачаево-балкарского фольклора, многие из которых уже забыты. В частности, в книге «Певец гор и другие легенды Северного Кавказа» напечатаны балкарские легенды разнообразного содержания: историческая «Темир Аксак», о силе поэтического слова «Певец гор», топонимическая «Брат и сестра». Особое место занимает легенда «Каин» — на известный библейский сюжет о братоубийце.

Е. З. Баранов печатал свои записи произведений карачаево-балкарского фольклора и на страницах такого авторитетного издания, как «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». В XXIII выпуске СМОМН, например, он опубликовал девять балкарских сказок — «Всадник в шкуре жеребенка», «Трус», «Хитрый сын», «Жена охотника», «Коварная жена», «Женщина с серыми глазами», «Пасынок», «Ламарт и Чумарт», «Лиса, медведь и волк».

Многие из этих произведений были опубликованы и на страницах кав-

³⁷ Борис Миллер. Из области обычного права карачаевцев. — «Этнографическое обозрение», № 1, 1902, с. 13.

³⁸ См. библиографию.

казских газет, но появление их на страницах СМОМПК вводило эти тексты в широкий научный обиход. Особую значимость публикация приобретала еще и потому, что ее сопровождали примечания Е. З. Баранова, в которых объясняется значение образов сказочных персонажей (эмеген, куртха, обур, Су-анасы и Су-атасы), этнографических и бытовых реалий.

В комментариях Л. Г. Лопатинского балкарские сказки характеризуются в сопоставлении с произведениями на идентичные сюжеты, зафиксированными не только в русском сказочном репертуаре, но и у разных народов Кавказа, что позволяет выявить и общие, и специфические их черты.

В СМОМПК XXXIII четвертый отдел посвящен устной словесности народов Северного Кавказа — его составили кабардинские, балкарские, чеченские, ингушские легенды и сказки. Среди них — четыре «сказки горских татар», т. е. балкарцев — «Кто сильнее?», «Магомет Индырбаев», «Глупый человек», «Эмеген и охотник».

В разделе «Кабардинские предания и легенда» привлекает внимание «Озеро Чирик-кель и предание о нем». Здесь автор описывает озеро Чирик-кель и его особенности, в частности то, что ежегодно в конце марта на поверхности его появляется в большом количестве овечья шерсть. Е. Баранов предлагает свое объяснение этого необычного явления, а затем добавляет: «...у горских же татар по этому поводу существует следующее предание» — и излагает его. Это — балкарский вариант предания, записанного Алейниковым в Карачае (карачаевцы, как мы помним, связывают этот сюжет с озером Хурла-кель), но в более поздней его модификации. В частности, здесь вовсе не упоминаются языческие боги — покровители разных видов скотоводства. Более того, в предании звучат социальные мотивы: его герой — социально обездоленный человек, у которого отняли все имущество, кроме пары овец. Чудесным помощником его выступает «горный дух» — он присылает к нему барана с золотой шерстью, от которого стадо через несколько лет сильно увеличилось, но предупреждает, что видеть чудесного барана может лишь один человек, а не два или три вместе. Нарушителем запрета выступает пастух, нанятый хозяином стада. В результате все стадо погибает в озере.

Как видим, по содержанию предание идентично карачаевскому, а указание собирателя еще раз подтверждает его принадлежность балкарскому фольклору. Учитывая эти обстоятельства, мы включили данный текст в запись Е. Баранова в эту книгу.

В 1904 году в XXXIV выпуске СМОМПК в разделе «Легенды, предания и сказки Терской области» Е. З. Баранов напечатал балкарское предание «Илячин-кая» и две сказки «Глупому человеку не впрок и богатство» и «Эфенди и кунец».

Предание «Илячин-кая» зафиксировано в Нальчикском округе со слов жителя Чегемского общества (имя его не указано).

Сказки, опубликованные Е. З. Барановым, носят явно дидактический характер. К сожалению, собиратель не сообщил ни имени информатора, ни каких-либо сведений о нем. Содержание же сказок позволяет утверждать, что их исполнитель был человеком, хорошо знавшим догматы мусульманской религии, что определило существенные особенности этих текстов.

Конечно, тексты карачаево-балкарского фольклора в записях Баранова не представляют такого интереса, как произведения, зафиксированные С.-А. и Н. Урусбиевыми или В. Прёле. Вместе с тем без них состояние карачаево-балкарской фольклорной традиции было бы далеко не полным, особенно жанра сказки. Учитывая это, мы и включили в данную книгу тексты, опубликованные Е. З. Барановым на страницах «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа».

Кроме материалов, извлеченных из различных печатных источников, в книгу включен один текст, до сих пор не публиковавшийся.

В 1962 году В. М. Гацак обнаружил в Москве в Государственном литературном музее в архиве акад. Вс. Ф. Миллера (ф. 11, оп. 144, инв. № 11) рукопись под названием «Парты(черкесские былины)» и охарактеризовал ее в своем докладе на всесоюзной конференции фольклористов в Сухуми (1963). Мы ознакомились с рукописью. Она написана черными чернилами на 20 тетрадных листах, с двух сторон. Последние листы сильно повреждены, а окончание рукописи утрачено. Почерк рукописи свидетельствует о том, что переписывалась она не самим акад. Миллером, но кем-то, вероятно, из его корреспондентов: примечания подписаны инициалами В. Г.

Текст сказаний приведен без оригинала, в русском стихотворном переводе.

Содержание ее составляют сказания о нарте Дебете, его девятнадцати сыновьях, о женитьбе Алаугана на эмегенше и о рождении у него сына Шауая — традиционные сюжеты карачаево-балкарского нартского эпоса.

Имя автора этой записи до сих пор оставалось неизвестным. В настоящее время представляется возможным расшифровать инициалы В. Г., которыми она подписана. Вполне возможно, что рукопись принадлежала В. Гатцуку, автору многих переводов и обработок сказок кавказских горцев. Утверждать так нам позволяет следующее. В 1906 году В. Гатцук опубликовал в журнале «Юная Россия» очерк «Черкесы», где говорит и о нартских сказаниях, причем приводит пересказ именно тех вариантов, что находятся в архиве акад. Миллера. То, что В. Гатцук знал балкарский язык, делает возможным предположение, что он выполнил перевод текста с балкарского оригинала. Поскольку по содержанию сказания совпадают с теми, что были напечатаны и П. Остряковым, и С.-А. Урусбиевым, а в постраничных примечаниях объяснены характерные детали быта балкарцев и карачаевцев, есть все основания считать, что это — запись карачаево-балкарских вариантов нартского эпоса. Это и позволило нам включить текст из архива акад. Вс. Ф. Миллера в данную книгу.

* * *

Собранные воедино, материалы карачаево-балкарского фольклора, извлеченные из различных публикаций конца XIX—начала XX века, составили объемистую книгу, в которой представлены основные его жанры: героический нартский эпос; историко-героические песни; сказки; несказочная проза — исторические, генеалогические, топонимические предания; народные лирические песни (ийнар, кюй); обрядовые (свадебные песни); трудовые (охот-

ничьи и песни сбивающих масло); шуточные песни; пословицы. Интересны данные о народной музыке балкарцев и карачаевцев.

Характеризуя фольклорные материалы, зафиксированные и опубликованные в конце XIX—начале XX века, мы стремились показать, как постепенно создавалась картина сбора и публикации карачаево-балкарского фольклора. Многие годы балкарские и карачаевские варианты одних и тех же фольклорных произведений воспринимались как самостоятельные, не принадлежащие единому карачаево-балкарскому фольклору. Передко собиратели (в первую очередь — люди, не принадлежавшие к карачаево-балкарскому народу), не знавшие карачаево-балкарского языка, относили к кабардинскому произведению балкарского фольклора. Проведенное нами текстологическое изучение дореволюционных публикаций позволило выявить новые материалы по устно-поэтическому народному творчеству балкарцев и карачаевцев, записанные и опубликованные до Великой Октябрьской революции. При этом мы стремились критически оценить и публикации фольклорных текстов, и сопровождающие их комментарии, где наряду с точной информацией нередко встречаются не только спорные, но и неверные заключения, которые не могут быть приняты.

Предлагаемая вниманию читателя книга карачаево-балкарского фольклора, мы надеемся, станет надежным источником для исследователей фольклора и языка балкарцев и карачаевцев. Составившие ее материалы — убедительное свидетельство того, что даже в тех исторических условиях, когда народы, населявшие окраины бывшей Российской империи, страдали под двойным гнетом, их истинно народная высоко нравственная духовная культура пробивала себе дорогу. Этому способствовали передовые, прогрессивные представители русской и зарубежной науки и культуры и образованные выходцы из самих горцев — балкарцы и карачаевцы. Без их пристального внимания к истории, этнографии, фольклору, без их уважительного отношения к культуре этих народов не могли увидеть свет публикуемые здесь материалы, представляющие фольклор балкарцев и карачаевцев во всем его многообразии и богатстве.

Н. Ф. ГРАБОВСКИЙ

СВАДЬБА В ГОРСКИХ ОБЩЕСТВАХ КАБАРДИНСКОГО ОКРУГА

I

(с. 3) В одну из моих поездок в горские общества Кабардинского округа мне представился случай лично взглянуть на обряды, сопровождающие свадьбу между обитателями гор.

Хозяин, у которого я останавливался в эту поездку, со дня на день ждал прибытия из Карачая * невесты, засватанной там одним из его родственников, и просил меня остаться до ее приезда и принять участие в предстоящем пиршестве. Вскоре затем, к всеобщему удовольствию, прискакал гонец и объявил, что свадебный поезд находится от аула в двух-трех часах езды. Так как в брак вступал таубий ** и, по принятому обыкновению, невесту его должны были встретить со всевозможным почетом, то привезенное известие подняло в ауле большие хлопоты: молодежь принялась ловить и седлать лошадей, девушки то и дело перебегали из одной сакли в другую, люди солидные отдавали приказания и непривычно суетились, а юное население, с криком и гиком, спешило карабкаться на плоские крыши сакель и занимать там наиболее удобные места для наблюдений. Через полчаса суета уgomонилась и из аула медленно двинулась целая толпа разряженных в (с. 4) шелк и галуны девушек, направляясь к реке, где был назначен пункт для встречи и приема невесты; туда же поехала и арба, запряженная двумя добрыми волами и накрытая сверху, в виде кибитки, персидскими коврами, предназначенная служить экипажем для почетной семьи. Молодежь забралась на коней и также отправилась на встречу; к ним присоединился и я.

Просхав версты три от аула, мы встретили несколько лошадей, навьюченных сундуками с приданым невесты — коврами, тюфяками,

* Под именем Карачая известно горское общество Эльборусского округа, Кубанской области, обитающее в верховьях р. Кубани.

** Таубий — лицо, принадлежащее к высшему сословию, в горских обществах Кабардинского округа. Таубий в переводе значит горский князь.

подушками и т. п.; караван этот служил авангардом свадебной процессии и извещал о скором приближении ее. И действительно, взвехав на один небольшой гребень, внизу его, на площадке, обнесенной кругом соловым кустарником, мы заметили довольно густую кучу людей, садившихся на коней. Через минуту люди эти, затянув оридада (свадебная песня), двинулись в путь по дороге к нам. Заметив нас, некоторые из них, отделившись от других, начали джигитовать; поравнявшись же с нами, этот маленький отряд остановился, и встретившиеся начали приветствовать друг друга. Оказалось, что люди эти были киедженгеры* (то же, что у нас поезжане), ездившие за невестою и составлявшие в дороге конвой ее. Один из них держал в руках длинную хворостину, на верхушке которой развевался тонкий гарусный шарф и малинового цвета шерстяная перчатка. Это импровизированное знамя, не имеющее особенно-присвоенной формы, служит знаком соединения молодых людей для одной цели — защиты вверенной им девушки.

Сзади, саженях в 30-ти от конвоя, показалась другая небольшая кучка людей. Мне сказали, что там едет невеста, и потому я хотел подождать приближения ее. Когда эта кучка поравнялась со мной, я увидел, что в середине ее, на лошади, сидит женская фигура — невеста, с ног до головы покрытая шалью; помещалась она на широкой подушке, положенной на обыкновенное мужское седло, придерживаемая сзади мужчиной, который правил и лошадь. Этот мужчина бывает обыкновенно или родным братом невесты или самым ближайшим родственником ее; окружающая свита состоит также из родственников. Тут (с. 5) же ехали верхом две пожилые женщины из дома невесты, обычное назначение которых состоять при ней я объясню ниже.

Так как ехать с этой приближенной к невесте кучкою постороннему человеку считается неприличным, — я поторопился догнать своих товарищей, примкнувших к киедженгерам, и вместе с ними достиг до места, где ожидали невесту туземный экипаж и цвет горского прекрасного пола. Переправившись через реку, отряд киедженгеров и присоединившаяся к ним аульная молодежь тотчас же удалась в сторону, чтобы не присутствовать при том, как невеста будет слезать с лошади и садиться в арбу. Я же, не последовав на этот раз туземному обычаю, остался посмотреть на церемонию приема приезжей вышедшими навстречу девушками. Как только поезд приблизился к тому месту, где стояла арба, мужчины, сопровождавшие невесту, слезли с коней, а ожидавшие прибытия ее девушки тотчас же стали в кружок около нее; один из мужчин достал откуда-то ходули**, издали казавшиеся серебряными, на которые

* Правильно: киеу дженгерле. — Р е д.

** В Кабарде и в горских обществах ее женщины высшего сословия ходят не иначе, как на низеньких ходулях; ходули эти по большей части деревянные, но бывают и серебряные, устроены они из двух стременообразных до-

стала снятая с лошади невеста; поддерживаемая с обеих сторон девушками, она дошла до арбы и, с несколькими знатыми из вышедших к ней навстречу, села в этот экипаж; остальные девушки остались вокруг арбы. В таком порядке поезд тронулся с места, а с ними, одновременно, двинулись вперед и стоявшие в стороне кнедженгеры; большая часть из них затынула опять оридада, а некоторые зрители пустились скакать, стреляя в бросаемые по дороге папахи.

За несколько десятков саженей пути до аула поднялась вдруг непонятная для меня тревога: вся молодежь с ужасным (с. 6) криком пустилась скакать по направлению к аулу. В первый момент я не мог никак постигнуть причины, вызвавшей такое быстрое движение, но потом, так как дорога шла на гору, я заметил, что вся толпа кнедженгеров преследовала одного человека. Желая знать, в чем дело, я также дал плеть своему коню и продолжал наблюдать за происходившим. Преследуемый лихо скакал, направляясь к одному из крайних дворов, обнесенному высокою каменною стеной, и в свою очередь тоже громко кричал и махал рукою. В то время, как он приближался к воротам означенного двора, несколько человек из аула подбежали туда и, быстро сняв загораживающие ворота жерди, пропустили во двор переднего всадника, а затем тотчас же снова заложили ворота. Между преследовавшими, заметившими эту предательскую выходку, поднялся шум еще с большим неистовством. Некоторые из них, успевшие подскать к воротам, торопились сбросить ненавистные жерди. Эта маленькая задержка дала возможность убежавшему скрыться с глаз. Преследование прекратилось, но толпа не утихала и продолжала страшно кричать. Между этим временем успел приблизиться и я туда и, к моему удовольствию, встретил там своего хозяина, который не замедлил объяснить мне причину суматохи. Оказалось, что один из аульных стариков, противившись к знаменосцу, сорвал с древка шарф и ускакал. Потерять это импровизированное знамя считается между горцами величайшим позором, способным вызвать серьезную драку и неприятные последствия ее. По мнению солидных людей, молодежь, позволившая таким бы то ни было путем овладеть знаменем, может допустить это и по отношению к невесте. Несмотря однако ж на дурные последствия, вызываемые подчас смелым нападением на святыню горцев, нападения эти делаются все-таки почти при каждой свадьбе. Обычай этот, по вероятности, остался напоминанием о прошлом торжестве, когда, при неприязненных отношениях с соседями, подобные нападения имели нешуточное значение, и обязывает молодежь не дремать даже и при нынешних, «мирных» условиях жизни.

Конец. Который из 3-4 вершка, к которым сверху прикреплена третья плоская доска, длиною в 5-6 вершков; эта последняя доска имеет форму ромба или просто четырехугольника; посредине ее прикреплен ремень, в который вставляют ногу, становясь на ходули.

(с. 7.) Осрамленные на этот раз киедженгеры продолжали еще сильнее кипятиться и грозить виновнику их срама, но в это время уже близко к аулу приближался торжественный поезд невесты; поневоле молодежь приумолкла и соединилась с поездом для того, чтобы сопроводить невесту при вступлении ее в аул и потом в дом жениха. Едва эта толпа, увеличившаяся еще аульными зеваками, вступила во двор жениха, как раздалась сильная ружейная трескотня; гул выстрелов, крики людей и страшная давка на необширном дворе жениха продолжались до тех пор, пока невесту, закрытую по-прежнему с ног до головы, не увели в приготовленную для нее саклю. В это время я употреблял все усилия, чтобы как-нибудь протиснуться вперед и посмотреть на церемониал приема невесты в дом жениха; но, двинувшись несколько вперед, лошадь моя решительно отказывалась идти дальше и то и дело металась из одной стороны в другую, оглушаемая не умолкавшими выстрелами; получив в этой давке несколько довольно чувствительных толчков, я счел за лучшее убраться на время с этого двора.

К вечеру шум немного приутих и к нам в кунацкую ввалилось несколько человек из бывших киедженгеров; едва эти молодые люди ступили за порог, как были встречены насмешками бывших в кунацкой; за оплошность — главную причину потери знамени — их просто-напросто величали «бабами», — эпитетом в высшей степени укоризненным для мужчины и особенно джигита. Когда натешились вдоволь над смущенною молодежью, разговор перешел на другие предметы, пока наконец не послышались во дворе жениха мерное хлопанье в ладоши и визг какого-то музыкального инструмента.

В это время вошел в кунацкую и мой хозяин с предложением идти попить и повеселиться на свадьбе. Я тотчас же воспользовался предложением.

Вышедши из кунацкой, я увидел в той стороне, где находился двор жениха, яркое освещение. Пробираясь по узким и темным закоулкам аула, мы через несколько минут вступили в этот двор, наполненный, как и часа три тому назад, (с. 8) большою толпою, на этот раз нешею; пробравшись сквозь толпу, мы очутились на небольшой площадке, оставленной посреди двора для танцующей публики. Здесь, на середине, был разложен большой, ярко пылавший костер из сосновых дров, полукругом около него пар двадцать девушек, в перемежку с мужчинами, тихо и медленно, с отсутствием даже малейших порывистых движений, отплясывали свой местный танец. Музыка, под которую плясала молодежь, состояла из одной длинной деревянной дудки, называемой горцами сыбызга, и из нескольких деревянных трещоток — харс *; дудка, приставленная верхним своим

* Харс состоит из четырехугольной продолговатой деревянной дощечки с ручкой; около основания ручки к дощечке свободно привязаны еще несколько дощечек меньшей величины, которые, ударяясь одна о другую, издают трескучий звук.

отверстием к одному из боковых верхних зубов, издает страшно пронзительный звук; с аккомпанементами же трещотки, в такт ударяемой о другую руку, с припеванием окружающей толпы в один тон и ноту и с хлопанием в ладоши, — музыка эта своим ужасным диссонансом производит чрезвычайно неприятное ощущение для слуха, сколько-нибудь знакомого с стройностью звуков.

Расположившись с одной стороны (двора) костра на нарочно приготовленном диванчике, покрытом подушками, я принялся за наблюдения. Первое, что бросилось мне в глаза — это были пестрые костюмы девушек, состоящие из цветных рубашек и шальвар, подвязанных внизу, у чевяк; все это покрывал длинный бешмет с серебряными застежками на груди, а талию охватывал широкий пояс с массивными серебряными бляхами; головы девушек были покрыты высокими шапками, обшитыми снизу до верху галунами и имеющими форму — как две капли воды — пули системы Минье; словом — горянки были одеты по-праздничному... (с. 9.) Так как между сверкавшими серебром нарядами передко попадались и весьма скромные и чаще — девушки с простыми повязками на головах, то я и полюбывал узнать, не от разницы ли в средствах происходит скромность некоторых нарядов. Оказалось, что кроме этой, само собою разумеется, главной причины, богатство наряда и особенно головной убор составляет сословное преимущество. Таким образом на всех горских празднествах, имеющих по обычаю вполне демократический характер, сразу можно отличить девушек высшего сословия.

Вся эта толпа, как сказал я выше, стояла полукругом; кое-где между девушками, взявши их под руки, стояли мужчины, образуя таким манером длинную, непрерывную цепь; цепь эта, медленно переступая с ноги на ногу, двигалась вправо; (с. 10) дойдя до известного пункта, одна крайняя пара отделялась и немножко живее, делая незамысловатые в ногу па, двигалась к противоположному концу танцующих и вновь примыкала к ним; за ними другая, следующая пара и так далее; двигаются этаким порядком до тех пор, пока играет музыка. Некоторые же пары, из желания ли воодушевить танцующих или порисоваться собственным умением танцевать, отделившись от цепи и вышедши на середину круга, расходились и принимались отплясывать что-то вроде лезгинки; в это время музыка переходила в фортиссимо, сопровождалась гиканиями и выстрелами.

Во все время танцев между танцующими и особенно около любознательной толпы суетился один молодой человек, имевший в руках довольно большую и длинную палку; он то и дело отгонял наступавшую толпу, прикрикивал на танцующих, пускался сам плясать, с шумом поспевал всюду. Иногда в два-три прыжка он оказывался вблизи плетящихся пар, останавливаясь прямо в упор перед танцующей парой, заграждал ей дальнейший путь своим посохом; на-

рочка останавливалась и кавалер медленно отправлялся рукою к себе за пазуху, доставал оттуда кошелек или портмоне и платил за свадебный пропуск; получив «выкуп», молодой человек быстро удалялся, поднимал вверх руку, показывая всем достоинство полученной им монеты или кредитного билета, прятал эти деньги и, очутившись вновь около толпы, успевшей в его отсутствие нахлынуть за указанную черту, без милосердия бил по ногам переступивших границу. Слышались всеобщий смех и брань тех, кому досталось от строгого блюстителя порядка. Задержки танцующих и требование «выкупа» повторялись довольно часто, причем не имевшие денег давали какую-нибудь мелкую вещьцу, вроде натруски, кошелька и т. п. Требовавший выкупа не ограничивался одними танцующими: часто, остановив девушку, он обращался к кому-нибудь из стоявших в стороне, выбирал такого, который по его расчету мог заплатить деньги.

Молодой человек этот имеет значение распорядителя танцев и по-горски называется бегуль; обыкновенно в это звание (с. 11) выбирается расторопный и бойкий человек — мастер на все руки. Собираемый им выкуп идет в пользу музыкантов.

Между тем как я следил за танцующими, вокруг меня собралась довольно большая кучка людей почтенных, не разделявших веселья молодежи; пригласив некоторых из них сесть на диван, я приступил было к расспросам подробностей свадьбы, но музыка, гудевшая над самым ухом, хохот толпы, визг и пискотня полунагих детишек, забравшихся по соседству на крыши, решительно не давали возможности говорить; к тому же вскоре появилась перед нами и полуведерная деревянная чаша с пивом; осушаемая и вновь наполняемая, она не уставала ходить из рук в руки стоявшей около меня кучки и самым наглядным образом давала чувствовать свое присутствие: некоторые почетные люди, сидевшие или стоявшие до того весьма солидно, начинали уже выражать свое участие в свадьбе сперва тихим, а потом и довольно шумным хлопаньем в ладоши, а некоторые, помоложе, пустились танцевать и сами. Всякий раз, как кто-нибудь из почетных пускался в танцы, музыка тотчас же оживлялась и каждое на танцующего сопровождалось громкими рукоплесканиями и другими одобрительными приемами, в виде неистовых взвизгиваний и стрельбы.

Так как веселье должно было продолжаться всю ночь, а мне, как человеку непривычному к подобному увеселению и принимавшему в нем лишь пассивное участие, оно наскучило своим однообразием, то я и попросил своего хозяина пойти домой. Оказалось, что хозяин и сам был не прочь удрать с праздника и стеснялся только моим присутствием.

Возвратившись в гостеприимную кунацкую и рассчитывая еще на довольно большой остаток времени до полуночи, я попросил хозяина моего рассказать мне обычай сватовства и вообще женитьбы в горах.

(с. 12) Родственники человека, желающего вступить в брак, если они принадлежат к высшему сословию в горах, прежде всего начинают наводить справки о семействе, из которого предполагают взять невесту, и если, по справкам, это семейство удовлетворяет всем условиям обычая, т. е. хорошего происхождения — равного с желающими свататься — и имеет достаточное материальное состояние, то приступают к сватовству. Для этого выбирают одного из племянников или вообще близкого родственника (родной брат или посторонний может быть в качестве свата, когда нет родственников) и, снабдив его необходимыми инструкциями, отправляют туда, где живут родные выбранной девушки. Доверенный, прибывши к этим последним, смотря по обстоятельствам, или прямо объявляет о своем намерении или даже дает знать о нем намеками. Когда нет причин без всяких объяснений отказать сватающему, собираются все родственники девушки и общим собранием решают, принять ли предложение доверенного жениха или отказать ему? Если жених, в свою очередь, удовлетворяет всем требованиям обычая, родственники соглашаются принять предложение, но, не давая решительного ответа, зовут девушку из семейства аталыка* невесты и вместе с нею посылают доверенного жениха к самой невесте узнать лично от нее, желает ли она вступить в предлагаемый ей брак. Доверенный жениха, после трехкратного вопроса о согласии девушки на брак, получивши удовлетворительный ответ, возвращается к родным девушки и объявляет им об этом. Тогда призывают аульного эфендия (мулла), который пишет наях — брачное условие; вызвав доверенных со стороны жениха и невесты, он сажает их перед собой на корточки и (с. 13) соединяет большие пальцы их правых рук; обхватив эти пальцы своей рукой, он спрашивает о согласии их доверителей вступить в брак, получив необходимый ответ, эфендий читает молитву и тем завершает обряд венчания.

Согласие девушки на выход в замужество требуется непременно, но оно, как и у людей более цивилизованных, не всегда служит выражением собственного желания девушки и зачастую составляет лишь одну требуемую мусульманским законом форму. Девушка, заключив из разговора присланной к ней депутации, что родственники на предварительном совещании уже решили выдать ее замуж, извещает на то и свое согласие, руководясь в этом случае искони завешенным порядком и боязью скомпрометировать отказом родную семью. Да и разбирать-то бедной девушке, выгодно или нет предла-

* Аталыками вообще в Кабарде называются члены семейства, в котором воспитываются малолетние дети лиц высшего сословия. По туземному обычаю, дети этих людей отдаются на воспитание в избранное семейство из того же класса тотчас же после рождения; аталыки с этих пор считаются родственниками тех, чье дитя поручено им.

гаемая партия, не приходится: она, в буквальном смысле, раба обычая, раба воли старших. — Положим, почему бы то ни было, она откажет один раз — наделает только историю, наживет себе кучу упреков и прослышет разборчивую невестою, а в другой, наконец в третий или четвертый раз, все-таки принуждена будет выйти замуж указанным выше порядком; оставаться же век девушкой горянки высшего сословия так же, как и все другие в мире девушки, имеющие одну цель в жизни — замужество, небольшие охотницы. Выйти замуж по сердечному влечению им даже и думать нельзя; предметами их сердец, по большей части, бывают люди незнатного происхождения, т. е. те, которые имеют доступ в семье девушки запросто, а этим правом пользуется лишь простой народ. Люди же высшего круга, по кодексу туземных приличий, могут встречаться с девушками своего же сословия только на различных празднествах, но отнюдь не разговаривать с ними. Само собою разумеется, что при таких условиях брак по влечению и к тому же с соблюдением сословных предубеждений почти невозможен. Выйти же за простолюдина и при этом, конечно, по секрету, — значит осрамить семью, оскандализировать себя и навлечь кучу неприятностей и гонений на любимого человека, виноватого только в том, что он не родился таубием. (с. 14) Впрочем, несмотря на все эти грозные последствия, бывают случаи, что девушки пренебрегают своим сословным происхождением и положением в обществе и бросаются в объятия своего любезного — простого, незнатного человека. Так как вообще немного охотниц следовало подобным героическим примерам, то почти все горские барышни выходят замуж по желанию родных и не имея понятия не только о наружности своего будущего супруга, но часто и никогда не слышавши о нем. Это последнее случается потому, что в горах претендентом на руку девушки является обыкновенно не только не одноаулец, но даже и не житель одного общества; главная причина тому — родственные узы высшего класса, который в целом обществе нередко составляет одну фамилию. Хотя по шариату и могут вступить в брак двоюродные, но местный обычай этого не допускает.

Более счастливая доля выпала на сторону горянок простого класса: они не стеснены тяжелыми правилами этикета, не ведут замкнутой жизни, не избегают встреч с аульною молодежью и потому имеют возможность выбирать себе мужей по сердцу.

Говоря, каким образом выходят девушки замуж, я думаю, нелишним будет сказать несколько слов и о том, как смотрят на это и мужчины. Здесь главную роль также играет не личное расположение к девушке, которую молодой человек может быть случайно, проездом, видеть один раз, — чаще совсем не видит, — а сословное ее положение и расчет. Мужчинам, впрочем, обычай позволяет делать некоторые уступки сословным их взглядам, и они могут брать жен себе из сословия, неравного им, в том предположении, что муж жене

дает и имя, и права; обратного же условия, как видели выше, обычай не допускает.

По совершении накиха, со стороны жениха должна быть внесена третья часть калыма, следующего за женой. Этот последний в горских обществах Кабарды распределяется следующим образом: лица, принадлежащие к сословию таубий, платят от 700 до 1000 руб. серебром, а фамилия таубиев Урусбиевых (с. 15), как исключение, 1500 руб.; лица простого сословия — не свыше 300 руб. Спустя некоторое время после уплаты первой трети калыма вносится вторая, а затем, обыкновенно через год, жених может взять невесту в свой дом и после этого уже заплатить остальную часть калыма. Впрочем, такое разделение во взносе калыма не составляет неременного правила, обязательного для каждого; о размере частей калыма и сроках взноса их при совершении накиха делается особое условие. Бывают случаи, что требуют уплаты калыма в один раз.

При совершении накиха, кроме части калыма, со стороны жениха следует сделать подарок отцу или брату невесты — одну лошадь и пару быков; а эфеидию, писавшему условие, — одну лошадь или, если жених человек не особенно состоятельный, — 10 рублей.

Когда настает время взять невесту в дом жениха, последний собирает в своем ауле молодежь и вместе с нею сам, или ближайший родственник его, отправляется туда, где живет невеста. Родственники невесты, предвещенные заранее о прибытии киедженгеров жениха, делают приготовления к отъезду ее, а между тем приглашают девушек и молодежь, которые до отъезда невесты веселятся в доме у нее; веселье это, как и на свадьбе, заключается в пляске. Жених, если он сам приехал за невестой, во все это время скрывается у кого-нибудь из своих знакомых и никуда не показывается; точно так же он скрывается и в своем ауле, пока празднуется свадьба; здесь для своего пребывания он выбирает дом кого-нибудь из своих коротких знакомых, который с этого времени становится уже для него родственником, вроде аталыка, и называется болушьюй. Жених в поезде невесты также не бывает и следует сзади; в свой аул приезжает ночью и так, чтобы никто не видел.

Обыкновенно, при отправлении партии жениха за невестой, участвующие в ней одеваются самым лучшим образом. Приехавши в аул невесты, они щеголяют перед тамошней молодежью своим нарядом, оружием и лошадьми; все это делается, (с. 16) разумеется, с целью сколь возможно возвысить достоинство жениха. Местная молодежь как нельзя лучше пользуется хвастовством приезжих и обирает их, в силу обычая, с ног до головы. Таким образом к отъезду киедженгеров обращаются в толпу оборванцев, а местная молодежь продолжает щеголять их костюмами и оружием.

Когда сборы невесты окончены, киедженгеры достаточно обобраны и все заготовленное пиво выпито, невесту отправляют в путь; и опять следуют указанным выше порядком.

По приезде в дом жениха, свадебное веселье, если жених таубий, продолжается дней 10—15; простой же народ веселится дней семь.

В супружеские права жених вступает или в день привоза невесты в его дом, или на другой день. К молодой супруге он отправляется не иначе, как тайком и ночью; в первое посещение молодого мужа сопровождает в дом жены кто-нибудь из близких и друзей его; войдя в саклю, муж садится на кровать, а жена в это время стоит в углу около кровати, с головы до ног покрытая шалью; пришедший вместе с мужем спимает последнему чужаки и затем удаляется из сакли. Муж обязан спать с женой покрывало и вообще раздеть ее. Так как горские девушки для сбережения стройной, тонкой талии и вообще грациозности, еще с малолетства записываются в сафьяновый корсет, то молодому мужу представляется немало трудов и хлопот спать этот корсет, развязав аккуратно все узелки, с умыслом хитро запутанные подругами невесты перед увозом ее в замужество, разорвать же или разрезать эти узелки считается большим стыдом для молодого человека; но, несмотря однако ж на это, нередко, как передавали мне по секрету некоторые молодые мужья, все узелки разрываются, уступая силе или кинжалу молодого человека.

Через несколько дней после окончания свадебного пира новобрачный делает угощение для мужчин, т. е. кормит и поит их, а на другой день после этого угощает всех аульных женщин и девушек (жены таубиев не бывают здесь, так как (с. 17) они вообще нигде не показываются); каждая состоятельная женщина, идя на это угощение, должна принести с собою одного барана, котел пива и котел бузы*, а кто победнее — курицу, кувшин пива или бузы, или, наконец, что в состоянии. Этот получаемый для угощения женщин день называется аувалгангон** и играет весьма важную роль в свадебной процедуре: в этот день снимают с новобрачной покрывало и с этого времени она остается навсегда с открытым лицом и если случается, что закрывает его иногда после, то это делается лишь при посещении какими-нибудь особенно важными гостями. Когда нужно приступить к этой церемонии — «открытию» лица новобрачной, муж заранее выбирает кого-нибудь из своих ближайших приятелей и поручает это дело ему; последний отправляется в саклю новобрачной и там, палкою, обмотанною с конца шелковою материей, сбрасывает покрывало. Исполнивший этот обряд становится родственником новобрачных — также атальком. Кроме того, в тот же самый день показывается народу все привезенное молодою приданое. Тут же молодая обязана подарить матери своего мужа, а за неимением

* Буза — это довольно хмельной напиток, приготовленный из проса; националист русскую брагу. Буза готовится также из ячменя, кукурузы, овса. — А. А.

** Правильно: ау алгъан кюн. — Ред.

ее — сестре его шелковый полный жепский костюм; такой же подарок должна сделать и аталычке, т. е. воспитательнице мужа.

Молодой супруг живет в доме своего приятеля — болушкой * — не только свадебное время, но часто, по обычаю, остается в этом доме несколько месяцев и даже год, посещая в это время свой дом и жену только по почам. Когда же, наконец, он оставляет дом болушкой, этот последний обязан сделать, по средствам, угощение аулу. В благодарность за гостеприимство новобрачный дарит при случае лошадь, а потом, от времени до времени, семейство болушкой получает и другие подарки, более или менее ценные. Благодарность за гостеприимство (с. 18) вообще не ограничивается только материальным вознаграждением, но выражается также и покровительством семейству болушкой, если проживавший у них человек влиятельный и сильный в обществе.

Когда новобрачная раздаст, по принятому обыкновению, привезенное с собою приданое родственникам и близким знакомым своего мужа, она отправляется снова в дом своих родителей, где живет тогда до двух лет; в это время, перед отъездом своим вновь к мужу, она делает угощение своим одноаульцам; родственники и остальные жители аула в этот раз обязаны сделать ей подарки, каждый соответственно со своим состоянием. Забрав все подаренное ей, она отправляется к мужу. Вот это-то благоприобретение, в сущности, и составляет действительное приданое жены.

При вступлении в брак таубия, с каждого двора в ауле должны дать ему по одной штуке рогатого скота, стоящей не менее 10 руб.; подарок этот известен у горцев под названием берне.

Всех описанных выше порядков придерживаются строго только люди привилегированного класса; у простонародия же принято делать все это гораздо проще.

Мужчина этого последнего сословия, приобретая возможность жениться (собравши калым), выбирает знакомую и нравящуюся ему девушку и, встретившись с нею, после принятого им решения, говорит ей о своем намерении; если девушка согласна, он, для соблюдения принятой формальности, посылает сватать ее. Присутствовать на своей свадьбе жениху-простолюдину обычай не воспрещает, но он должен стоять где-нибудь в сторонке и не принимать участия в весельи. Не возбраняется также мужу видеть свою жену во всякое время, лишь бы только не при старших. Здесь жена не играет, как у высшего сословия, исключительной роли самки: она правая рука у мужа по домашнему хозяйству, она и мать детям.

(с. 19) Как вообще у магометан, у горцев Кабардинского округа допускаются многоженство и развод. Первое почти не встречается в горах: принято иметь лишь одну жену; такое обыкновение, к сожалению, вытекает вовсе не из уважения к личности женщины, до

* Правильно: болуш той. — Р е д.

которого горцы еще далеко не дожили, а из простого недостатка материальных средств. Если обратить внимание на ту плату за жену, которая существует даже и у простого народа, то станет понятным, что немногие в состоянии заплатить два-три калыма. Правом развода пользуются также весьма редко, потому что и здесь все невыгоды на стороне мужчины: он теряет жену и ему не возвращают заплаченного за нее калыма. Исключение из этого правила допускается только в том случае, когда сама жена безотступно требует развода, не имея к тому законных поводов; но и тут возвращение калыма служит, так сказать, платою за согласие на развод.

Если случается, что жених умрет еще до свадьбы, то, по шарияту, родные девушки вправе требовать от родных умершего уплаты полного калыма; но местный обычай делает уступку и предоставляет девушке пользоваться только половиною калыма; точно такою же частью она пользуется, если жених, по каким бы то ни было обстоятельствам, отказался от нее.

При разводе дети остаются мужу.

III

Ближайшие родственники девушки благородного сословия, исполнив все описанные в предшествующих главах и требуемые обычаями условия, при отправлении ее в дом жениха, до освобождения в Кабарде зависимых сословий, обязаны были давать в (с. 20) приданое одну караваш*, обязанность которой состояла в том, чтобы быть всегдашнею прислугою молодой госпоже. Вместе с нею на время посылали с невестою еще одну женщину — дигиза — и одного холопа из более приближенной к дому невесты семьи — джемхагаса. Дигиза — это воспитательница невесты (аталычка) или, за неимением ее, вообще женщина из простого класса, чем-нибудь заслужившая доверие и некоторое уважение семьи невесты. Дигиза и джемхагаса обязаны прожить в доме будущего мужа девушки, с которою они посланы, обыкновенно от одного до трех лет. Во все это время дигиза играет роль как бы гувернантки и компаньонки новобрачной и вообще хозяйничает в ее доме; пока она живет здесь, молодая ни во что не вмешивается и скорее похожа на гостью, чем на хозяйку; в права последней она вступает только с отъездом дигизы. Джемхагаса, так же как и караваш, служит исключительно новобрачной, он исполняет ее различные поручения, изготавливает для нее деревянные ходули и вообще на нем лежат все мелочные мужские работы в ее доме.

Всю эту личную свиту невесты знатные люди посылают и теперь,

* Караваш — это один из видов бывшего в горских обществах зависимого сословия женского пола; они принадлежали к разряду безобрядных или бесправных холопов. (Правильно: карауш. — Ред.)

по это стало уже необязательным для посылаемых и зависит от их добровольного соглашения; согласиться же на подобную командировку далеко не прочь всякий мало-мальски бедный человек, потому что она, как увидим ниже, представляет довольно выгодные условия, даже при нынешних порядках.

Когда, по истечении известного срока, дигиза должна возвратиться к себе домой, она обязана сделать обществу того аула, где прожила это время, угощение. Если она женщина состоятельная, то должна сварить пиво и бузу, зарезать одного быка и сварить (с. 21) его целиком в большом котле; это приготовление называется уча; зарезать также 10—20 штук баранов и сварить также целиком — койуча, и кроме этого приготовить от 30 до 50 столиков различных других кушаний — тепсы. При неимении же достаточных средств, количество и размер всего этого могут быть уменьшены. На это угощение приглашаются в тот дом, где жила дигиза, все старики и молодые мужчины аула. Независимо от приглашения сюда же родственников мужа своей питомицы, дигиза обязана послать в дом их по одному барану, кувшину пива и бузы и части других блюд. Когда вся приглашенная публика соберется, таубий, аульный эфенди и почетные старики садятся на приготовленные для них подушки; молодежь же садится отдельно, в два ряда, лицом друг к другу. Для угощения назначается человек двадцать прислуг — шапа и над ними старший — тамада, распорядитель угощения. Кушанья сначала подают почетным, а затем, по старшинству, и прочим гостям. Перед этим тамада угощает пивом и бузой также по старшинству; питье это разносится в громадных чашках, емкостью каждая до трех ведер; каждую такую чашку держат два человека. Тот из стариков, которому первому поднесут чашку с пивом, встает со своего места, снимает шапку и говорит похвальную речь в честь той, у которой жила дигиза; во время этой речи все присутствующие также встают, спимают шапки и несколько раз в продолжение речи восклицают слова «аминь!». Во время обеда и после него угощение пивом и бузой не прекращается. Старики, подкутивши на этом празднике, обыкновенно принимают петь старинные песни, а молодежь, с собравшимися между тем девушками, принимается за пляску.

После этого праздника каждый из присутствующих на нем должен сделать дигизе подарок: сам таубий, при жене которого она жила, если он человек вполне состоятельный, дает от 10 до 30 коров, 100—200 баранов и полную женскую шелковую одежду; прочие таубии — по одной лошади, а простой народ — по одной корове.

Кроме этих подарков, таубий, у которого жила дигиза, пре(с. 22)доставляет в пользу ее всю шерсть с баранов и шкуры зарезанного скота за все время пребывания ее у него в доме.

Джемхагаса отправляется домой вместе с дигизой и при этом получает от мужа той, которой он служил, всю одежду, полное оружие и лошадь с седлом.

Обычай делать подобные подарки существовал еще в полной силе года полтора тому назад, т. е. до того времени, пока не коснулась гор крестьянская реформа, значительно перевернувшая экономический быт горцев-владельцев. Правда, подарки эти в ходу еще и в настоящее время, но бывшие подвластные таубиев дают уже их не иначе, как по доброй воле, в силу давнишнего, прадедовского обычая, и потому еще, что правило: «стыдно отказать просьбе старшего» — в большом ходу между горцами; тогда как в прежнее время подарки эти были обязательны для каждого подвластного. Тем не менее, настоящее положение бывших зависимых дает им возможность сберегать для своего семейства хотя одну корову, тогда как в недавнее былое эта корова, как и все незавидное хозяйство холопа, составляла неотъемлемую принадлежность владельца и по его воле переходила в другие руки, в виде подарка приезжему гостю (нередко отъезжающему прощальге, разъезжавшему по горам со специальною целью собирать подарки), дигизе и им подобным лицам.

Нет сомнения, что благотворительная мера правительства — освобождение холопов — разрушительно повлияет на некоторые горские обычаи, создавшиеся под условиями барства, как и везде пользовавшегося роскошными удобствами жизни на счет меньшей братии. Не в далеком будущем, по всей вероятности, и свадебный обычай горцев также подвергнется сильному изменению: исчезнут все гомерические обеды, уменьшится плата калыма, выйдут из моды значительные подарки, делавшиеся ради поддержания (с. 23) таубиевского достоинства, и, наоборот, бедному и бывшему задавленному классу горцев представится возможность в свою очередь делать свадебный сюрриз родным невесты чем-нибудь получше куска в пять-шесть аршин миткаля или бязи.

* * *

В заключение этой статьи я могу обратить внимание читателя еще на один довольно комический и, можно сказать, довольно тривиальный обычай горцев при свадьбах. Молодые люди — холостяки и товарищи вступившего в брак, выпивши на свадьбе достаточное количество бузы или пива и дождавшись окончания пляски во дворе новобрачного, забираются куда-нибудь поблизости в засаду и там терпеливо подкарауливают секретное шествие молодого мужа на подвиги «первой ночи». Давши ему возможность, как будто незамеченному, пробраться в саклю своей жены, шаловливая молодежь покидает засаду и отправляется также к этой сакле, захватив с собой заранее припасенные воду, кур, кошек и даже собак. Так как подобные нашествия предвидятся тоже заранее, то молодой человек, сопровождавший в первый раз мужа к жене и джемхагаса принимают на себя обязанность стражей чертога новобрачных. Несмотря на бдительность этих аргусов, злонамеренная молодежь, пользуясь преимущ-

щественно силою, успевает завладеть этими стражами и крышею сакли новобрачных. Достигнувши этого последнего пункта, посылают в трубу камина весь запас животных и пернатых, льют туда воду, бросают папахи и стреляют, пока наконец истощится и материал для беспокойства молодого супруга и собственная охота к подобному занятию. По принятому обыкновению, новобрачный обязан все эти подарки шутников-товарищей выкинуть вон из своей сакли тотчас же; но так как эти шутки иногда переходят границы терпения супруга, то он принимается бранить беспокоящих его и дальше не обращает внимания на посылки их; таким образом молодой чете иногда приходится довольно долго оставаться в сообществе мяукающих кошек, визжащих собак и кудахтающих кур; только по уходе беспокойной толпы взволнованный муж освобождает несчастных пленных. Подобные развлечения, впрочем, позволительны только в отношении супругов — молодых людей, но отнюдь не пожилых и пользующихся исключительным положением в обществе.

17-го сентября 1868 года,

Нальчик

П. ОСТРЯКОВ

НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАБАРДИНЦЕВ И ЕЕ ОБРАЗЦЫ *

ПЕСНЬ I

Как только Творец создал Кавказ и лучший его перл, величественный Эльбрус, то и дозволил у подножья этой горы селиться людям; первыми поселенцами были Ной со своим семейством, ковчег которого, после всемирного потопа, остановился на Эльбрусе¹. Мало-помалу селения разрослись (с. 702), но у подножья Эльбруса поселилось самое честное и воинственное племя, представителем которого был маститый старец Девет, обучивший своих соплеменников ковать железо. За трудолюбивую жизнь, честность и веру в бога Девет был награжден девятинадцатью сыновьями-героями. По сложившемуся у этих поселенцев обычаю, каждому сыну, по достижении им совершеннолетия, следует брить голову и давать оружие, но жениться сыновья должны были в обратном порядке, т. е. сперва младший, потом предпоследний и т. д., так что старший Алауган должен был жениться последним. Действительно, обычай был исполнен свято, но вследствие этого, когда младшие братья уже имели свои семьи и были отцами, старший состарился и все еще не был женат. Таким образом, он сделался посмешищем всего народа, и очень часто даже мальчишки в его присутствии дразнили других холостяков, желая им такого же счастья, как Алаугану, т. е. просидеть на печи весь век неженатым.

Глубоко оскорбленный, герой наш решил отправиться на далекий Север и выбрать там такую невесту, которая бы вовсе не походила

* См. об этом «Предисл.», с. 7.

¹ Горцы положительно убеждены, что Ноев ковчег остановился на Эльбрусе. Одни указывают на впадину между двумя вершинами горы как на место, через которое прошел ковчег, а другие, более основательно, ссылаются на то, что одному из горцев, всходившему на вершину, удалось найти обрубок как бы обделанного дерева, и обрубок этот до сих пор хранится у них как святыня.

на соплеменных женщин и была для них страшна. Алауган оседлал своего коня Гемуду и поехал на нем в страну великанов. Долго ли, коротко ли ехал он, только наконец Гемуда остановился, велел Алаугану идти пешком и дал все наставления, как обращаться с великанами, чтобы не быть съеденным. Старик пошел. Но на пути он вдруг встречает в земле такую трещину, что ее не в состоянии был бы перескочить и сам Гемуда, а невдалеке он увидел женщину таких исполинских размеров, что даже и воображение его было бы бессильно представить что-нибудь подобное. Женщина сидела и зашивала эту трещину, в руках ее была иглолка более всякого самого высокого чинара, а вместо нитки служил канат, сплетенный из медных прутьев. Громадные груди великанши были перекинуты ею за спину. Наученный Гемудой, Алауган тихонько подобрался к великанше и стал сосать у ней груди, затем, всосав молока, он без страха предстал перед женщиной и сказал: «С этого момента я твой сын², отдаю себя под твое покровительство и прошу выбрать мне невесту». Как ни рассердилась великанша, но по закону страны должна была признать его за сына и сказала: «Будь же ты мне сыном вдвойне, женись на моей дочери и веди ее в свои горы».

Повенчавшись, Алауган с молодою женой тотчас отправился в путь и скоро достиг родного аула, но чтобы сделать (с. 703) сюррииз своим родным и односельчанам, он оставил жену в ближайшем лесу, а домой пришел один, но тотчас же заявил о своей женитьбе и просил всех с почетом встретить его молодую жену. Весь аул вышел навстречу, девушки шли впереди, пели песни и несли букеты цветов. Но какой же ужас объял всех, когда молодая, вместо всякого приветствия, стала хватать детей и тут же, на глазах родителей, пожирать их, угрожая тем же и отцам. Насилу Алауган мог укротить свою жену и ввести в приготовленные для нее покои, где и начался такой пир, какого еще не бывало с основания самого аула. Вскоре великанша сжилась с новой обстановкой и наконец почувствовала, что приходит время сделаться ей матерью. Действительно, она родила богатыря-сына, но тотчас же его съела. Отец и родные пришли в отчаяние, но делу уже нельзя было помочь, и Алауган стал только молиться, чтобы ему ниспослан был другой сын. Прошло время, сын родился, но мать опять его съела. В отчаянии Алауган обратился к волшебнице, и та, обещав, что будет у него сын, велела позвать ее к себе перед самыми родами жены-людоедки. Наступило время родов, волшебница пришла к Алаугану, велела ему разобрать крышу сакли, а в потолке сделать отверстие, на которое могла бы сесть родильница так, чтобы новорожденный упал прямо в саклю, не будучи замечен матерью. Все сделано по указанию волшебницы и во

² По обычаю горцев, человек коснувшийся губами груди женщины, становится ее молочным сыном и мог рассчитывать на ее покровительство. — А. А.

время родов ребенок тотчас же был заменен щенком, которого великанша со страшной злобой отбросила от себя и принялась разыскивать младенца. Но по совету волшебницы, дитя Шевай тотчас же был отвезен на вершину Эльбруса и положен там на пушистый снег в расселине вечных льдов. Укрытый таким образом, Шевай вначале сосал ледяные сосульки, вместо груди матери, но так как воды вершины Эльбруса владеют особой магической силой³, то герой наш все-таки вырос на них и, устроив себе лук и стрелы, стал уже питаться охотой. Со временем из него вышел тот славный народ Шевай, о котором будет говориться в следующих песнях (с. 704).

ПЕСНЬ II

(Отрывок)

Когда наш герой, Шевай, с вершины Эльбруса был приведен в аул и ему было уже около двенадцати лет, то отец подарил ему своего коня Гемуду. В это время у соседних народов их нарды* объявили, что устраивают скачку на призы, и что тот, кто возьмет первый приз, может жениться на дочери первого нарда — Сосрука. Задумал ехать и Шевай; пошел к своему коню, — вымыл, вычистил его, хорошо накормил и напоил и спрашивает: может ли он с ним участвовать в бегах? «Можно, — говорит Гемуда, — но, смотри, там кони будут хорошие, и мне придется скакать так, как я тебя не возил еще ни разу, и потому — усидишь ли ты?» — «Не бойся, — отвечал Шевай, — усiju, лишь бы только нам не посрамить свою честь». — «Ну, так закажи всю новую сбрую из буйволовоy кожи, чтобы была как можно прочнее, подпруги сделай стальные и, чтобы это не было заметно, прикрой их лыком, все равно как и всю сбрую обмотай мочалой». Шевай сделал все так, как сказал ему Гемуда, и отправился на скачки. Накануне назначенного дня он въехал в аул; Гемуда притворился хромым, разбитой клячей, а Шевай оделся как самый последний бедняк. Все встретили их со смехом, и больше всех оскорбления пали на бедного Гемуду. Мальчишки забросали его грязью, подстегивали хворостинами и кололи под хвост кольями; путешественники все-таки достигли до Сосрука и, по обычаю страны, были приняты, как почетные гости. Настало время начинать скачки. Задача состояла в том, что получает приз тот, кто первый, по какой хочет дороге, доедет в течение двух недель до известного места, сделает там дневку и затем через две же недели вернется

³ Горцы и теперь убеждены, что на вершине Эльбруса есть озерко с водою бессмертия, так что, кто постоянно будет пить только эту воду, тот не умрет никогда, в подтверждение чего они приводят долголетнюю жизнь орлов и воронов, будто бы постоянно пьющих воду из озерка, а смерть их объясняют случайностью, заставляющей птиц пить другую воду.

* Так именует П. Остриков эпических героев. Правильно: нарты. — А. А.

первым к первоначальному пункту. Народа собралось множество. Сосрук выставил лучших своих коней, да и каждый из народов имел знаменитого бегуна. Общий хохот раздался, когда к ряду наездников подъехал Шевай на своей кляче. Но отказать ему не могли. По данному знаку нарды отправились в путь; поковылял за ними и Гемуда, но как только наездники скрылись из виду: «Держись», — сказал Гемуда Шеваю и взвился под облака. Конечно, к означенному пункту первым приковылял на своей кляче Шевай, и хотя удивил всех народов, но все-таки те подумали, что, может быть, он знал какую-нибудь ближайшую дорогу (с. 705).

Дневку провели не без пира, а на другой день уговорились ехать всем по одной дороге.

Как сказано, так и сделано. Шевай поковылял за наездниками, но отстал от них на целых два дня. «Струсил, бедняга, — спрашивает Гемуду, — что ж, ведь мы эдак проиграем приз?» — «Не бойся! но только теперь будь молодцом, усиди на мне, и тогда я буду всю жизнь служить верой и правдой; а если свалишься, на меня не пей!» Действительно, конь взвился опять за облака и седок едва-едва удержался на нем.

В назначенный день еще больше народу собралось ожидать приезда конкурентов. Вот уже видят вдали первого коня Сосрука, другой — его же — показывается на дороге, один за другим выезжают все нарды, а никто не замечает, как по сторонке дороги ковыляет на своем Гемуде Шевай и становится на назначенное место.

Вообразите себе удивление всех, когда первый подъехавший пард застал на призовом месте оборванного Шеваю на его убогой кляче. Но делать нечего: приз выигран — и Шевай сделался мужем дочери Сосрука.

(Отрывок)

Очень уж рассердились соседи на нарда Тейюра и жену его Сатанай, которая приходилась ему сестрою и была первая волшебница в крае. И решили они, так как силою справиться не могут, то хотя отравить его. Для этого устроили громадный пир. Котел повесили такой, что он едва-едва держался на сорока ушках, а в него положили вариться сорок быков. Бузы было приготовлено несколько сороков бочек. На пир пригласили и сына Пука¹, но вопрос в том: кто пойдет звать Тейюра? Никто не решается. Долго судили, спорили, но охотника не нашли. Вдруг является мальчик, лет десяти, на топеньких, как спички, ножках, с большой головою, на затылке которой косичка торчит словно спичка, и говорит, что он согласен пойти и позвать Тейюра. Все удивились, но предложение приняли. Мальчик пошел и, увидев, что Тейюр сидит на крыльце своей сакли,

¹ Черное божество, Черномор в «Руслане».

пустил стрелу так, что та вонзилась в дерево как раз у самых ног Тейюра. Это рассердило последнего: он стал вынимать стрелу, но та не поддается; он стал выколачивать ее железной палкой с огромным набалдашником, которая была у него в руках (с. 706), но и та не помогает; в это время подбегает мальчик, свободно вынимает стрелу и тут же передает приглашение на пир. Все это произошло так быстро, что Тейюр едва успел бросить вдогонку мальчика свою булаву, но та, ударившись о тонкие поги беглеца, переломилась пополам.

Тогда взбешенный Тейюр пошел к своей жене Сатанай за советом. Сатанай посоветовала ему идти на пир, но так как его хотят отравить там бузой, то вставить в горло медную трубочку, через которую бы питье проливалось наружу. Она сама сделала это, и Тейюр отправился на пир.

Пир был громадный, Тейюра чествовали больше всех, но он во рту вливал бузу, вместо горла, в медную трубку и остался совершенно трезвым и неотравленным, так как буза была подносима ему с отравой. Последний тост был предложец сыном Пука, и он обратился к Тейюру со следующей речью: «Желаю, чтобы собаки были злы и кабаны обращались в бегство».

На что ему Тейюр отвечал:

— А я пожелаю, чтобы собаки бежали, а кабаны их преследовали.

Все были очень пьяны и, думая, что Тейюр охмелел тоже, решились приступить к делу. Сын Пука подошел к нему и, под видом приглашения лечь отдохнуть, стал просить, чтобы Тейюр отдал ему на сохранение свой меч. Тейюр долго не соглашался, но наконец-то вынул меч и все заметили, что на лезвие его есть зазубрина. Обратились к нему с вопросом: что это значит?

Тогда Тейюр, обращаясь прямо к сыну Пука, сказал:

— Я о стальной зуб твоего отца попортил этот меч, и он помнит это; а ты, презренный, еще смеешь со своими соумышленниками посягать на него, так узнайте ж его силу!!..

И он одним ударом перерубил котел с варившимися в нем тушами быков.

— Я знаю, что вы хотели со мною сделать, но я — муж Сатанай, которая больше вас знает. Вот вам отплата за ваш пир! Мой меч не облагается без того, чтобы он не уничтожил врагов.

И он всех присутствующих перерубил на куски; успел снастить только один тонконогий мальчик, который по цепи котла успел вскарабкаться на балку сакли, а по ней — на чердак и там успел скрыться.

Тейюр пришел домой рассерженный, что ему не удалось (с. 707) убить последнего мальчугана. Рассказал все, как было, Сатанай и та, успокоив его, сказала:

— Ты счастлив, что не убил этого мальчика, — он будет тебе полезен. Что бы ты хотел: чтобы он был тебе брат или сын?

— Нет, я брата не хочу, кровный враг всегда злее, чем посторонний, а пусть будет он моим сыном.

— Так узнай же, что он и есть твой сын, но я укрыла его от тебя и отдала на воспитание подземным духам.

(Отрывок)

Буйная кровь девятнадцати братьев-богатырей не позволяла им долго засиживаться дома. И вот собрались они в наезд. Поехали, ездили долго и наконец забрались в такой дремучий лес, что из него нет никакой возможности выбраться. Долго бедствовали нарды; наконец однажды один из них, вскарабкавшись на вершину самого высокого чинара, заметил невдалеке дымок, явный признак человеческого жилья. Братья отправились по этому направлению и действительно скоро достигли великолепного, но по своим громадным размерам чудовищного замка. Они взошли в него, в комнатах так было все исполински велико, что поразило их; на очаге на вертеле остался целый олень; ковши, паполненные вином, вмещали в себе более ведра каждый; но хозяев нарды не нашли, хотя и обыскали весь замок. Как истые богатыри, они, долго не задумываясь, тотчас же вступили в права хозяев и с голоду отдали честь всем напиткам и яствам, которые только нашлись в замке. Отдохнули, опять подкрепились, но вечером, когда уже собирались лечь спать, они услышали страшный шум, как будто бы целое стадо буйволов бежало прямо к их замку. Действительно, в комнаты к ним вошли владельцы замка — великаны. Каждый из них нес за спиною по оленю или буйволу и на плечах по целому чинару, вырванному с корнем (для топлива).

— А! Здравствуйте, гости дорогие! Очень рады вашему приезду и благодарим, что вы, следуя нашему закону, сами распорядились устроиться в нашем замке; теперь мы вас считаем за своих гостей, и все, что есть у нас, должно быть к вашим услугам.

Сначала струсил было нарды, но затем, видя гостеприимство хозяев, они ободрились и зажили на славу. Каждый день с вечера, когда придут великаны и принесут свою добычу с (с. 708) охоты, у них идет пир горой, а на день великаны, отправляясь на охоту, их запирают. Так прошло девятнадцать дней, на двадцатый великаны приходят с охоты с пустыми руками. «Нечего есть, охота не удалась,— говорят они. — Ну, гости дорогие, мы вас угощали, а теперь отплатите же и вы за наше гостеприимство».

Котел уже повешен, вода кипит в нем... Братья переглянулись, поняли, в чем дело.

— Как вы хотите? Мы ли выберем, или вы сами бросите жребий? — спрашивают великаны.

Посоветовались братья и решили, что надо начинать с самого младшего.

Младший разделся, лег около очага и уже один из великанов занес нож, чтобы зарезать его, как вдруг предпоследний брат (самый хитрый из всех), обратился к великанам с такой речью:

— Собраты! Мы вот все время, пользуясь вашим гостеприимством, только шировали с вами, а о деле, по которому мы приехали к вам, еще не сказали вам ни слова. Мы — послы от нашего народа, который, будучи наслышан о вашей мудрости, прислал нас за тем, чтобы вы разрешили наш спор.

Все великаны тотчас же обратили внимание на речь нарда, и тот, который уже занес нож на свою жертву, тоже оставил ее и присоединился к прочим, чтобы выслушать речь нарда.

— Дело вот в чем: далеко от нас, на Волге, пасся огромный бык, такой большой, что он с одного берега реки мог цинать траву на другом; но однажды прилетел орел, схватил и унес этого быка в горы с тем, чтобы позавтракать им; долетел он и сел, думая, что на скалу, а вместо того — на рог козла и стал есть свою добычу. Козел даже и не почувствовал, что на его роге обедает орел. Погода в это время была дождливая, и пастух, пасший коз, скрывался под бородой козла, но как-то печаянно, желая взглянуть, не разъясняется ли, он раздвинул бороду козла и взглянул на небо. В это время ему попала какая-то соринка в глаз. Как ни бился пастух, ничего не может поделать; должен был пойти домой и просить свою мать, чтобы та вылизала ему языком соринку из глаза. Мать сделала это и, конечно, соринку бросила. Впоследствии оказалось, что соринка эта была лопатка нашего быка, которую уронил орел во время своего завтрака. Прошло много лет, кость покрылась землею, люди обработали эту землю и поселились на ней целым аулом (с. 709).

Долго ли, коротко ли жили они, но вдруг стали замечать, что у них делается по ночам нечто вроде землетрясений и, кроме того, аул их каждую ночь поворачивается, так что, если вчера где был восток, то сегодня уже на этом месте юг, дальше запад и т. д. Возмутился народ, собрали сходку, судили, рядили и в конце концов постановили, чтобы на ночь ставить караул. Как сказано, так и сделано, и в первую же ночь караульные заметили, что к ним подходит громадная лисица и что-то роется и теребит под землею. Оказалось, что она нашла лопатку быка, которую мать пастуха выбросила вместо соринки. Что делать? Порешили всем миром подстеречь лисицу и убить ее.

— Вооружился стар и млад, охотники на ночь засели и действительно убили лисицу. Наутро стали сдирать с нее шкуру. Один бок содрали, порезали, и оказалось, что на все село хватит каждому на хорошую шапку. Поделили. Другой бок остается в чистых барышах и продать можно. Но чтобы снять шкуру, лисицу нужно перевер-

нать. Весь аул маялся, маялся целый день и не мог даже с места тронуть эту тушу, но вдруг приходит какая-то старуха, посмотрела, посмотрела и веретеном совершенно легко перевернула лисицу. «А, — говорит, — да из этой шкуры на полшапки хватит моему сыну». Содрала шкуру и ушла.

Вот теперь, мудрые великаны, наши одноземцы, не умея сами решить дела, а наслышавшись о вашей мудрости, и послали нас к вам, просить вас, чтобы вы разрешили вопрос: кто был больше и сильнее? бык ли, орел ли, козел ли, пастух, мать пастуха, лисица, старуха или ее сын? Мы ждем ответа от вашей мудрости.

Великаны призадумались. Каждый из них был особого мнения и между ними завязался спор: один отстаивал свое, другой — свое, образовались партии, а, как всегда в такого рода спорах бывает, — страсти разгорелись и дело дошло до драки. Помещение не позволяло развернуться исполинским силам, и они выбежали в поле. А народы между тем, воспользовавшись этим, выбежали из замка, вскочили на своих летучих коней и все благополучно прибыли домой (с. 710).

Кисловодск,
1879 г., февраль.

СКАЗАНИЯ О НАРТСКИХ БОГАТЫРЯХ У ТАТАР-ГОРЦЕВ ПЯТИГОРСКОГО ОКРУГА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Несколько слов от собирателя и переводчика

(с. I) В горах Пятигорского округа Терской области живет племя татарского, или монгольского, происхождения, населяющее несколько аулов; оно говорит татарским языком. На плоскости же этого округа живут кабардинцы, язык которых не имеет никакого сходства с языком означенного татарского племени.

Долгое время обращаясь в среде последнего и сам принадлежа к нему по своему происхождению, я задался мыслью записать устные предания, сохраняющиеся у этого народа от глубокой древности. В числе таких преданий первое место принадлежит сказаниям о нартских богатырях; это богатырский эпос татар-горцев, сохранившийся в их песнях, распеваемых ими до настоящего времени. Подобные сказания сохранились у всех горских племен, живущих на Кавказе, составляя общее их наследство от времен самой глубокой древности. Конечно, переходя из уст одного поколения к другому, они претерпевали некоторые изменения в частности, но ни у одного из этих племен не сохранилось преданий, восходящих к более отдаленным временам, чем эти.

(с. II) До сих пор как самое название «нарты», так и смысл этих глубоко поэтических сказаний о них остаются неразъясненными. Тем не менее некоторые поговорки, употребляемые в настоящее время татарами-горцами и кабардинцами, хотя не многими, но яркими чертами намечают образ нарта. «Он храбр, хитер, силен — он молодец, как нарт», — говорят о каком-нибудь благородном уздене*, «Он строен, статен, как нарт», — говорят горцы про человека, отличающегося между другими величественной и привлекательной наружностью и прославившегося подвигами благородства, бесстрашия и силы. Таким образом, название н а р т в устах народа стало

* Узденъ — дворянин (по-балкарски: ёзден. — А. А.)

нарицательным и употребляется как синоним «удалого доброго молодца». Равным образом и сказания, записанные мною, гласят, что нарты были народ огромного роста и необъятной силы, народ закаленный в перенесении трудностей и лишений. Они проводили жизнь свою, главным образом, в искании опасностей и приключений, в пабегах с целью добычи, а также в особых странствованиях, называвшихся джортуулами. Отправляясь на подвиги, они говорили: «Ах, если бы нам довелось поголодать и встретиться с затруднениями и опасностями!» Все, что доставалось без особенного труда, не соединялось с опасностями, было им противно; они искали таких приключений, в которых им можно было бы во всю ширь выказать свою удалость и силу.

Наряду с партами предания упоминают о великанах — эмегенах, отличавшихся, как и те, огромной физической силой и гигантским ростом и вместе с этим глупостью, у которых не было никакой сообразительности и хитрости. По некоторым сказаниям, у них было много голов и один глаз во лбу. Между партами и эмегенами велась постоянная борьба, в которой, благодаря (с. III) своему умственному превосходству, нарты всегда оставались победителями, несмотря на то, что эмегены обладали несравненно большим ростом и физической силой. Нарты питали к ним постоянную ненависть за то, что эмегены ели человеческое мясо и, когда попадал к ним кто-нибудь из нартов, старались не выпускать его живым из своих рук.

В свободное от джортуулов время нарты устраивали увеселительные собрания, на которых предавались богатырским играм и танцам. Собрания их всегда происходили в доме Алиговых *, у которых постоянно висел над огнем большой котел, вмещавший в себе мясо сорока бугаев.

Местом действия нартов служила по преимуществу Кубанская область и вообще весь Северный Кавказ до реки Волги, которая очень часто упоминается в этих сказаниях под именем Эдиля, через который нарты переправлялись иногда, с целью набегов на своих врагов и угона к себе их табунов. Памятников, свидетельствующих о существовании нартов, в Кубанской области очень много. Мне рассказывали очевидцы, что при впадении реки Теберды в Кубань, близ Хумаринского укрепления, находится на одной высокой скале большой замок, носящий и поныне название «Чуана». По преданиям, в нем некогда жил парт Гиляхсыртап Злоязычный. На левом берегу Теберды также есть другой замок — «Сынты», по красоте превосходящий «Чуана».

Близ Чуана лежит большой камень, называемый камнем норта Сосруко. По одному сказанию, Сосруко въехал на этот камень на

* Дом Алиговых — в эпосе некоторых народов Кавказа место собраний и пиров нартских богатырей. — А. А.

своей лошади, и она оставила на камне следы своих копыт. Там же виднеются следы собаки, которая тоже взошла на камень, и даже мочи лошади Сосруко. Все это подтверждает, что главное (с. IV) местопребывание нартов было в Кубанской области, на Северном Кавказе, откуда они во время своих воинских странствований доходили даже до Эдила.

Вот имена тех нартов, про которых сложены песни у горцев: Урызбек, Сосруко, Шауай, Ширдан, Хмыч, Батрез, Рачикау, Сп-бильчи, Гиляхсыртан Злоязычный, Деуэт, Алауган. Каждому из этих нартов посвящена особая песня; мотивы песен довольно однообразны. Но с течением времени песни эти постепенно приходят в упадок, и в настоящее время певцов, поющих их с умением, очень мало, можно сказать, почти совсем нет. Они по преимуществу пелись знаменитыми в свое время в Кабарде бродячими певцами-поэтами, называвшимися гегуако.

Эти гегуако были люди, не имевшие никакой собственности, не занимавшиеся решительно никаким хозяйством; они не носили оружия и разъезжали по Кабарде исключительно с целью присутствовать на народных собраниях, битвах, разных увеселениях и плясках, погребальных и иных процессиях, вообще искали всегда какого-нибудь народного сборища. Здесь-то они и пели свои песни о временах, давно минувших, или воспевали какие-либо важные современные события, прославляли современных героев. Таким образом, гегуако были баянами (певцами) родного племени и заменяли в свое время письменную литературу. Как странствующие певцы, они сами разносили свои произведения по Кабарде. Так, собирался народ в *пон** для решения каких-нибудь общественных вопросов на каком-нибудь открытом, возвышенном месте за аулом, молодые люди показывали здесь свое искусство в джигитовании, борьбе и разных играх, а пожилые люди (с. V) занимались рассуждениями об общественных делах; непременно появлялись тут и гегуако. Они зорко следили за всем происходящим здесь и, если замечали между молодыми людьми особенно выдающихся своим удалством и ловкостью в джигитовании, то старались поощрить их похвалой, разнося весть о них по всем аулам — ближним и дальним — и прославляя их доблесть в своих песнях. Обращал ли кто на себя общее внимание мудрыми советами и речами в народном собрании, гегуако немедленно слагал песнь, которую и пел тут же в присутствии собравшихся. Но горе было тем, которые запятнали себя злым делом или обпаружили вредные намерения: неподкупная, как совесть, песнь гегуако навлекла на них позор и всеобщее осуждение.

Умирал ли человек, уважаемый за мудрость и храбрость, народ собирался к его могиле, приглашал нескольких гегуако и просил их

* Сбор народа.

сложить песнь про умершего на память потомству, чтобы и грядущие поколения славили его имя и доблестную жизнь.

В таких случаях один из гегуако брался воспеть одну сторону деятельности умершего, другой — другую — т. д. После этого гегуако на некоторое время удалялись от света в безлюдные, уединенные места и, ведя там самую тихую жизнь, слагали свои песни. По истечении некоторого времени они объявляли об окончании своей работы, и тогда народ стекался со всех сторон на определенное место, куда являлись и гегуако. Обыкновенно в том месте, где проходили гегуако, замечалось некоторое движение: один поправлял свою паняху, другой кипжал, третий газыри, словом, каждый обнаруживал боязнь, как бы гегуако не подметил какого-нибудь недостатка в нем и не осмеял его в резкой остроте. Один из гегуако всходил на возвышенное место среди (с. VI) толпы и пропевал сначала только голосовой мотив песни, ударяя при этом харсом; все с нетерпением ждали минуты, когда он начнет петь саму песню. Настроив свой голос под харс, первый гегуако пропевал свое произведение, за ним шел другой и так до последнего.

Толпа внимала, затаив дыхание; только в перерывах можно было расслышать шепот: «Откуда они берут такие чудные слова?»

По окончании пения раздавался взрыв восторженных криков и начинался пир; угощение народа и награждение певцов-поэтов. Родственники умершего дарили им платье, лошадей, оружие и проч. Гегуако жили исключительно подобными подаяниями.

Они также сопровождали воинов в походы и воспевали подвиги их на поле брани, в своих песнях являясь раздатчиками наград доблестным героям и карателями трусов. Во время битв они располагались на каком-нибудь закрытом месте, откуда было удобно наблюдать не только за общим ходом дела, но и за действиями отдельных воинов, и внимательно наблюдали: кто идет впереди всех, храбрее сражается, как умирает тот или другой пораженный воин, — и песни их скоро извещали всех остающихся дома об исходе битвы и подвигах храбрых воинов.

Из сказанного видно, что гегуако в свое время имели громадное значение в среде своего народа и приносили большую пользу. В своих свободных песнях они, как древние пророки, восхваляли добродетель и карали порок и проливали свет на самые глубокие вопросы народной жизни. Понимая или, лучше, чувствуя пользу, приносимую гегуако, народ уважал и любил их и обеспечивал им неприкосновенность и полную свободу; они могли смело говорить во всеулышание обо всем и обо всех, предавать всенародному порицанию и осмеянию все, что они признавали того достойным. (с. VII). Заходила ли речь о знатном князе или о нищем бедняке, гегуако с суровым беспристрастием высказывал правду. Доказательством того, какими любовью и уважением пользовались гегуако у народа, служит уже то, что родители, даже из знатных князей, заме-

чая в своих детях особенные духовные способности, отправляли их на воспитание к гегуако, у которых молодые люди и проводили по несколько лет.

Ни одно пиршество, ни одно народное собрание не обходилось без гегуако, и при них каждый старался держать себя чинно, как бы боясь попасть им на замечание; голосу их все привыкли придавать важное значение.

Но с распространением магометанской религии гегуако впадают в немилость у мулл. Имамы начинают их преследовать, находя их дело грешным, противным новой религии. Приведу здесь один разговор, который может характеризовать отношения между гегуако и муллами.

Обратившись к гегуако, мулла говорит:

— Ты — человек, находящийся вне религии; ты вреден для общества; таких, как ты, нужно гнать и убивать.

— Нет, не меня надобно преследовать, а скорее тебя. Это ты паходишься вне всякой религии, вне всего честного и доброго. Твое дело только грабить, обирать народ. Ты с нетерпением ждешь той минуты, когда мы теряем какого-нибудь человека, в особенности знатного и богатого, чтобы после смерти его завладеть какою-нибудь его дорогою вещью. Ты человек наивреднейший, ты грабитель и обманщик. А я живу честным трудом и приношу посильную пользу народу. Я одним словом своим из труса делаю храбреца, защитника свободы своего народа; вора превращаю в честного человека. На мои глаза не смеет показаться мошенник; я — противник всего бесчестного, нехорошего.

(с. VIII). — Скажи мне, что ты считаешь основанием религии? — спрашивает мулла.

— Я? По моему мнению, основанием религии должно служить просяное зерно...

Смысл последних слов гегуако будет понятен, если мы примем во внимание, что просо в той местности составляет одно из распространеннейших хлебных растений, и до сих пор употребляемое в пищу в виде каши, а в старину оно господствовало, так как тогда не сеяли никаких других хлебных растений, кроме проса и партов*. Вследствие преследований со стороны представителей магометанской религии, а равно и многих других причин, невцы-гегуако постепенно начали сходить со сцены и в конце концов совершенно исчезли. Последний из них, по имени Таяир, заслуживший всеобщую известность, умер в Малой Кабарде в 50-тых годах настоящего столетия. Песни гегуако, заключающие в себе сказания о партах, кажутся на первый взгляд не имеющими между собою ничего общего,

* «Пища партов» — кукуруза.

но при ближайшем рассмотрении нельзя не заметить внутренней связи между ними, как бы между частями одной эпической поэмы. Уже не далеко то время, уже наступает оно, когда и эта старая поэма будет изглажена из народной памяти. Всему положен свой предел*.

Сел. Урусбиево.
1879 г.

І. УРЫЗМЕК

(с. 1). Урызмок принадлежал к простому сословию из фамилии Схуртуковых и был сыном Схуртука. При рождении ему было дано это имя, и рос он между храбрыми нартами. С малых лет он обращал на себя внимание всех, отличаясь всегда в детских играх с своими юными сверстниками, и нарти всегда при виде его говорили, что из этого юноши выйдет настоящий нарт.

Однажды во время игры с товарищами Урызмок увидел, что все жители нартских селений идут по одному направлению, неся с собою разные съестные припасы: один ведет барана, другой несет копченое мясо, третий кувшин с напитком и т. п. В особенности же его поразило, когда одна бедная женщина несла в чашке что-то съестное, и за нею бежали оборванные, голодные малютки, ее дети, с плачем крича: «Мама, мы голодны, дай немного!»

Урызмок забыл об игре, оставил своих товарищей, побежал к толпе взрослых и пристал к ним с вопросами: «Куда несут все это? Зачем?» Ото всех он услышал одно и то же, именно, что нарти несут дань своему князю Пуку.

Эти слова произвели на Урызмека глубокое впечатление. Он оставил игры, ходил некоторое время молчаливым и печальным (с. 2) и даже изменился в лице.

На общественные игры, устраиваемые нартами в свободное от джортуулов время, собирались и нартские дети для упражнений в бегании взапуски, в борьбе между собою, в играх в альчики, в бросании камня и других. Все привыкли видеть на этих играх Урызмека первым между детьми, поэтому отсутствие его было сразу же замечено; начали справляться о причине его отсутствия и опасались, не

* Сказания эти записаны со слов жителей Урусбиевского аула: Исмаила Мисостова, Биаслана Джапуева, Кумы Джапуевой (слепой девушки), Магомета Тилова, Чабакчи Соттаева, Джуртубасва, Биляка Аюова, Хусеина Абдулова, Маила Этезова — жители аула Курхужапа** и Али-мурзы Балкарокова — жители аула Чегем.

** Правильно: Гирхожан. — Р е д.

болен ли он. На расспросы о том, что с ним случилось, Урызбек отвечал так: «У меня нет никакой телесной болезни, но меня смущает то, что храбрые нарты платят дань козлинобородому трусливому Пуку и считают его каким-то божеством». Урызбек выражал свои мысли сперва только между близкими к нему людьми, а потом и в народе. «До тех пор, — говорил он, — пока нарты не прекратят эту постыдную для них дань, я не могу оставаться среди них: сердце мое не может переносить мысли о том, что храбрые нарты подчиняются козлинобородому трусливому Пуку, и я не успокоюсь до тех пор, пока не сделаю нартов свободными».

Родители и родственники Урызбека были сильно перепуганы такими речами его. Они со слезами уговаривали его выкинуть из головы эти мысли, указывая ему на то, что, если Пук узнает об этом, то всех их сотрет с лица земли. Но на Урызбека не действовали ни увещания, ни советы родителей; он остался непреклонен в своем намерении. И вот он собирает однажды нартов и во всеуслышание объявляет им: «Не будь я молодым нартом, если не отрублю голову этому трусливому козлинобородому (с. 3) Пуку, если не сделаю всех нартов свободными и не стану сам во главе их».

Нарты не придали важного значения его словам и думали только о том, какое наказание наложит на них Пук, когда проведает о намерениях Урызбека. Храбрый молодой Урызбек, не обращая ни на что внимания, приступил к исполнению своих замыслов. Прежде всего он явился к отцу своему Схуртуку и сказал: «Отец! я твердо решил исполнить свои намерения относительно Пука; и не думай уговаривать меня, а лучше подай совет, как мне совершить все мною задуманное: нет у меня ни лошади, ни вооружения».

— Если уж так твердо решился ты на свое предприятие, — сказал Схуртук, — то возьми мою пегую лошадь, скрытую в подземелье; там же в черном сундуке ты найдешь седло с металлическими подпругами и мой меч сырпын*.

Урызбек вывел из подземелья пегого коня, оседлал его и, надев меч сырпын, уехал из дому.

При первом ударе плетью пегий конь три раза поднялся с ним на небо и опустился на землю; Урызбек сидел, не шевельнувшись.

Затем он направился по той самой дороге, по которой жители нартских поселений послали Пуку дань. Засев на этой дороге, Урызбек отнимал у проходящих все, что те несли к Пуку, и возвращал их назад в селения, никого не пуская вперед. Бедные нарты, боясь с одной стороны Урызбека, с другой Пука, стали ходить к последнему тайком, окольными дорогами, и донесли ему о том, как молодой Урызбек не пропускает их прямой дорогой и отнимает все, что они несут ему в дань. Нарты в страхе ждали, что всемогущий Пук уни-

* Сырпын — волшебный меч, обязательная принадлежность героев карачаево-балкарского нартского эпоса. — А. А.

чтожит Урызмека каким-нибудь чудом, но, к их удивлению, Пук ничего не сделал с Урызмеком.

(с. 4) Последний продолжал отнимать все, что нарты несли к Пуку и, собрав своих товарищей, угощал их. Наконец, видя, что Пук не обращает на него внимания, Урызбек решился сам явиться к нему. Подъехав ко дворцу, он грозным голосом стал вызывать Пука.

Когда донесли об этом Пуку, то он притворился больным и велел сказать о том Урызмеку. А этот, услышав такой ответ, направился к дверям со словами: «Если он болен, то я совершенно здоров», — и, войдя прямо в покои, обратился к Пуку с приветствием: «Добрый день, князь наш Пук!»

— Ай кюнюн яман еосу*, — ответил тот. При этих словах Урызбек схватился за свой сырпын, чтобы отсечь голову Пуку, но тот успел выпрыгнуть в окно и пустился бежать. Урызбек за ним. Пук, видя, что от Урызмека не укрыться ему на земле, улетел на небо и остался там жить, построив себе стеклянный дворец.

Так как Пук был бог, то он, разгневавшись на нартов, задержал дожди; произошла засуха, хлеба перестали цвести, деревья стояли без листьев, животные не плодились, женщины не рожали. Наступило для нартов тяжелое время, и они стали упрекать молодого Урызмека, говоря ему:

— Вместо добра ты сделал нам одно только зло, рассердив Пука: ну, как мы будем жить теперь? Сам и поправляй теперь беду!

Урызбек был в затруднительном положении, не зная, каким образом поправить дело, и наконец решился обратиться за советом к всеведущей Сатаной**.

(с. 5) Он рассказал ей обо всем случившемся, о ропоте нартов и затруднительном своем положении.

Вещая Сатаной дала ему такой совет: чтобы достали пушку, которая хранилась в доме Алиговых, засыпали в нее сорок сапсток пороху, чтобы сам он залез в жерло вместо ядра, и чтобы затем из пушки выпалили.

Все это было в точности исполнено: пушка была заряжена, как сказано, но никто не решался выстрелить.

Тогда Сатаной сама взяла горящую головешку и приложила к припалу. Раздался громовый выстрел, и Урызбек полетел на небо. С шумом влетел он в стеклянный дворец Пука и обратился к нему с обычным приветствием:

— Добрый день, князь наш Пук!

— Ай кюнюн яман еосу, — отвечал Пук, — не дал ты мне покою на земле, неужели и на небе не оставишь в покое? Неужели ты хочешь моей крови?.. Что я тебе сделал?

* «Ах, чтобы твой день был недобрый» (несчастливым). (Правильно: Ай кюнюн аман болсун. — Ред.).

** Нарты считали Сатаной ведуньей, т. е. приписывали ей знание прошлого, настоящего в будущего, и всегда в важных делах искали ее советов.

— Мне без тебя было скучно на земле, — сказал Урызбек, — и я пришел побеседовать с тобой о наших храбрых подвигах. Самый славный из совершенных мною подвигов следующий.

Однажды, выехав из дому с целью сразиться с первым же встречным, я наткнулся на сто белых всадников, в белых одеждах и на белых лошадях; сразившись с ними, я убил всех их до одного и, привязав к седлам доспехи убитых, пригнал к себе на двор сто белых лошадей. Расскажи же ты самый замечательный в своей жизни подвиг.

Пуку было не до рассказов: у него сердце замирало, чуя грозу; и он торопливо рассказал:

— Я отправился раз на охоту, встретил сто оленей и убил в один день тоже всех до одного.

(с. 6) Как только Пук кончил свой крошечный рассказ, Урызбек, посмотрев из окна вниз, на землю, с ужасом вскрикнул:

— О, боже мой! Что это за громадное войско приближается к нартским селениям? Взгляни-ка вниз, на землю, князь наш!

Пук, на этот раз ничего не подозревая, подошел к окну и начал смотреть вниз. А Урызбек только того и ждал: он выхватил свой сырийи и, со всего размаху ударив им Пука в затылок, разом отсек ему голову.

После этого семь недель лился дождь с кровью; на земле опять наступил берекет — довольство: хлеба начали цвести, деревья приносить плоды, животные размножаться, женщины — рожать детей. А Урызбек за свой подвиг был сделан главою партов, стал общим любимцем и женился на прекрасной, всезнающей княжне Сатаной.

II. ШАУАЙ

(с. 7) Золотой Деует имел девятнадцать сыновей. Следуя вновь заведенному им обычаю, братья женились по очереди, начиная с младшего, а оружие падали по старшинству, т. е. кому скорее наступало совершеннолетие. Старшего из них звали Алауган. Пока дошла до него очередь жениться, он незаметно для самого себя успел уже состариться.

У партов по поводу этого сложилась даже поговорка, употребившаяся в смысле поношения: «Дай бог тебе остаться без жены, как Алаугану!» Последний, впрочем, и не подозревал о существовании такой поговорки.

Но вот, однажды, находясь на общественных играх, он невольно обратил внимание на двух рассорившихся мальчиков, которые, играя в альчики, заспорили о выигрыше.

— Я выиграл этот альчик, — говорил один.

— А нет, не ты, а я, пожалуйста, не спорь! — говорил другой.

— Нет, врешь: не ты, я выиграл! — кричал первый.

— Пусть я останусь без жены, как Алауган, если я вру!

На Алаугана, все время наблюдавшего ссору мальчишек, так подействовали последние слова, что он поднялся с своего места и ушел домой печальный, попузив голову. Теперь только узнал Алауган, что он состарился без жены, и состарился до того, что стал посмешищем даже у детей.

(с. 8) — Если уж так, — сказал сам себе Алауган, — то я жепюсь во что бы то ни стало! — и немедленно начал собираться в отъезд для отыскания себе невесты.

Он вывел свою лошадь Гемуду, которая обладала способностью говорить человеческим голосом и принимать вид всякого другого животного и которую до этого времени он держал в подземелье, кормя железными опилками.

Оседлав коня и надев на себя оружие, Алауган выехал из нартских селений. Долго ехал он по красивым нартским землям и наконец завидел вдали какое-то черное пятно, которое, по мере приближения его, постепенно все увеличивалось.

Когда Алауган подъехал к нему на довольно близкое расстояние, то глазам его представилась громадной величины женщина — эмегена¹ с откинутыми назад через плечо персями: она зачинаяла трещины земли при помощи иглы, которая была величиной с хорошее бревно, а нитка — как аркан.

При виде такой громадины Алауган совершенно оробел и не знал, на что решиться. «Если пуститься бегом, — рассуждал он, то эмегена догонит и, наверно, убьет, а не бежать и подойти к ней — страшно». Думал, думал и, наконец, решил он потихоньку подойти к ней сзади и тотчас взять ее перси себе в рот и таким образом сразу стать ее молочным сыном².

Так он и сделал. Эмегена быстро обернула голову и, увидев Алаугана, проговорила:

— «Ах, как жаль, что ты так скоро сделался моим ребенком, а то был бы для меня сладким кусочком...» Алауган, желая показать себя не трусом, ответил ей на это: «Ах, как (с. 9) жаль, что ты так скоро сделалась мне матерью, а то послужила бы отличной пробой для моего сырпына».

Затем эмегена спросила у Алаугана о том, куда и зачем он едет.

¹ Эмегены — мифические враги нартов, безобразные великаны, наделенные огромной силой, а нередко и непомерной глупостью. — А. А.

² У многих горцев Кавказа существовал обычай: человек, коснувшийся губами груди женщины, становился ее «молочным» сыном, приобретал права родного сына. В героическом эпосе и сказках народов Кавказа герой нередко прибегает к такому способу «установления родства» — чаще всего с враждебной ему старухой (аналог русской бабы-яги) — для того, чтобы не только обезвредить ее, но и пользоваться ее покровительством. — А. А.

Тот рассказал ей, что он до старости оставался холостым, а теперь едет отыскивать себе невесту.

— Ах, как это кстати! Я тоже вышла из дому как раз для того, чтобы найти жениха для своей единственной прекрасной дочери; вот, право, какое счастливое совпадение! Пойдем к ней: увидев ее, ты, конечно, полюбишь ее!

Бедный Алауган с досады кусал себе губы, поделать было нечего, из опасения за свою жизнь он должен был волей-неволей согласиться на предложение эмегены, и они вместе отправились к ней домой. Вскоре пришли они к громадной скале, в которой была большая пещера, заложенная тяжелым каменным засовом. Эмегена одной рукой отодвинула засов, и они вошли внутрь скалы. Долго шли они, то опускаясь, то поднимаясь, по тесным проходам; наконец, Алауган увидел впереди мерцающий огонек. Когда приблизились к нему, послышался чей-то радостный крик:

— Слышу людской запах, вот-то будет славная закуска! — Это был голос эмегениной дочери.

Мать остановила ее, сказав, что это она привела ей жениха. Каково же было изумление Алаугана, когда он увидел громадную и страшно уродливую деву: зубы у ней были так велики, что нижние клыки доставали до носа, а верхние опускались ниже подбородка. Увидев ее, Алауган сильно опечалился: «Вот тебе на! — думал он. — Хотел похвалиться перед нартами своей женитьбой, и приходится вот взять такую уродину!» Но делать было нечего, и он сидел опечаленным.

Сварив целого бугая, эмегены дали Алаугану несколько кусков мяса, а остальное все съели сами. После ужина все улеглись спать.

(с. 10) Поутру Алауган взял свою невесту, посадил ее на лошадь, а сам сел позади нее. Едва отъехали несколько шагов, как у Гемуды согнулась спина от тяжести, а живот опустился чуть не до земли. Вследствие этого Алаугану пришлось слезть и, ведя лошадь за узду, идти впереди. Долго ли, коротко ли ехали таким образом, наконец, завидели они нартские селения. Алауган остановился и, обратившись к невесте, сказал: «У нас, нартов, таков обычай, что когда невеста подъезжает к селению, то навстречу ей выходят женщины и девушки, и невеста, слезши с лошади, уже вместе со всеми ими входит в селение *. Поэтому я должен теперь пойти вперед и дать знать нартам, а ты пока побудь здесь».

Оставив свою невесту, Алауган пошел домой и объявил, что он женился, и просил женщин и девушек выйти навстречу жене его. Это известие мигом разнеслось по всем нартским селениям, и все с удивлением возглашали: «Алауган женился! Алауган женился!» Собрались молодые люди верхами, женщины и дети, и пестрой толпой двинулись навстречу невесте Алаугана. Но каково же было удив-

* Обычай, существующий у горцев до настоящего времени.

ление и испуг всех, когда они увидели ужасную эмегену и когда она тут же принялась глотать детей, из любопытства подходивших близко к ней, одного за другим! Невольно у всех вырвалось восклицание: «Так вот эта самая и есть жена Алаугана!»

Кое-как, уже не подпуская близко детей, привели ее, наконец, в дом Алаугана; так он и зажил с женой. Когда же эмегена сделалась беременной, то Алауган и его родные пришли в ужасное беспокойство, потому что у нартов издавна существовало убеждение, что эмегены съедают первого своего ребенка, и они боялись, чтобы не (с. 11) съела своего ребенка и жена Алаугана. Не зная, как предотвратить беду, Алауган обратился за советом к вещей Сатаной.

Последняя дала ему такой совет: «Когда наступит время родов, то скажите эмегене, что-де у нас существует обычай, требующий, чтобы женщины во время родов становились на трубе так, чтобы поворожденный мог унасть во внутрь дома, на очаг. А ты, — сказала она Алаугану, — приготовь к этому времени свою Гемуду и, как только жена твоя родит, возьми ребенка и увези куда-нибудь подальше; а для матери приготовь двух щенков и, прежде чем она спустится с кровли, подбрось их на шесток. Сойдя с крыши, она направится к очагу, чтобы съесть своего ребенка, и вместо него, ничего не подозревая, съест щенков».

Следуя в точности этому совету, когда наступил срок родов, посадили эмегену на трубу, и она родила мальчика, которого Алауган тотчас же взял и увез, а вместо ребенка положили, как сказано, двух щенков. Эмегена, спустившись с крыши, вошла в дом и, схватив щенков, мигом проглотила их. Между тем Алауган привез ребенка к горе Эльбрус и положил его в трещину ледника. «Пусть эта трещина будет люлькой, а жизнь ребенка я поручаю охранять вам, тысячи салымщиков Мингитауа (Эльбруса)!»

Произнеся эту просьбу, Алауган положил младенца в трещину ледника и возвратился домой. Через неделю ему захотелось посмотреть на своего сына; поехал он к Эльбрусу и видит: его ребенок лежит в трещине и сосет ледяные сосульки. Алауган не трогал его и оставил в таком же положении до следующего приезда.

Приехав опять через месяц, Алауган был очень удивлен, увидев, что сын его за это короткое время так вырос, что, сделав из деревянных прутьев и травы солтанжи^{*}, охотился за пти (с. 12)цами и оленями и даже из шкур последних приготовил себе кой-какую одежду. Завидев отца, мальчик прицелился в него солтанжней: но Алауган, быстро подбежав к нему, схватил и насильно привел его домой.

Мальчику дали имя Шауай; он рос очень скоро. Алауган подвел Шауая к матери и сказал: «Видишь ли, вот какой молодец вышел из твоего ребенка, которого ты хотела съесть, да хорошо, что я тогда

* Род стрел.

увез его от тебя». Осмотрев мальчика, она схватила и начала ласкать, обнимать; но при этом как-то вышло, что голова мальчика попала к ней в рот.

Мальчик в одно мгновение схватил мать за горло и сдавил его с такой силой, что эмегена тотчас выпустила его голову.

Видя, что, несмотря на свой еще очень нежный возраст, Шауай обладает нечеловеческой силой, Алауган показал ему все свое добро и, между прочим, сводил его в подземелье, где находился конь его, Гемуда, причем рассказал ему о чудесных свойствах коня, именно, что он понимает человеческую речь и сам может говорить, что он может принимать вид всякого животного и пр.

— ...Пусть с этого часа Гемуда будет твоею лошадыю! — закончил Алауган.

Увидевши друг друга, Шауай и Гемуда тут же произнесли клятву в том, что они пребудут всегда верными один другому. Шауай сказал: «Клянусь во всю свою жизнь ни разу не обратить внимания ни на какую другую лошадь, кроме тебя, и никакую другую не предпочту тебе!»

— Клянусь, — ответила Гемуда, — что никогда, во всю жизнь, не пожелаю себе другого всадника, кроме одного тебя!

(с. 13) После этого Шауай с отцом вернулись домой. Но вот через несколько времени разнесся слух о том, что храбрые нарты собираются на джортуул. Как только узнал об этом Шауай, немедленно же пристал к отцу своему с просьбой — позволить и ему поехать с нартами, чтобы набраться храбрости и ловкости в джигитовке.

— Ничего ведь не приобрету я, ведя жизнь между женщинами! — так закончил Шауай свою просьбу.

Отец скоро согласился исполнить эту просьбу своего сына, и Шауай начал собираться в путь.

Нарты перед джортуулами собирались у Урызмека и уже оттуда отправлялись в странствования под его предводительством. Шауай оделся в оборванное платье и, сев на Гемуду, принявшую на этот раз вид некрасивого хромого «мантака», выехал из дому и направился к Урызмеку. По пути он завернул в нартский ком *, чтобы немного закусить.

Когда Шауай поел кое-чего, пастухи начали просить его поскорее уезжать, так как, говорили они, скоро придет со скотом нартский бугай и, как только увидит его хромую клячу, непременно распорет ей рогами живот.

Но Шауай отвечал, что он поедет не раньше, как подует свежий ветерок и сделается немного попрохладнее.

Пастухи всячески пытались уговорить его ехать, но он отвечал шутками на все их предостережения и под разными предложениями дождался вечера. Когда скот начал собираться со всех сторон, бугай

* Хутор. (Правильно: кош. — Р е д.)

отделился от стада и с грозным ревом, топая о землю ногами и разбрасывая комья земли во все стороны, с за (с. 14) носчивой отвагой мчался к Гемуде, привязанной к дереву, близ коша. Пастухи, смотря на это зрелище, хлопали в ладоши и хохотали, говоря Шауаю:

— Посмотри, посмотри на свою клячу, как она сейчас взлетит на воздух, потом треснется оземь и разобьется на куски!

— Посмотрим! — отвечал Шауай, — пусть будет, что будет.

Бугай тем временем подбегал к Гемуде все ближе и ближе. Все ожидали, что вот сейчас, поддев на рога, бугай подбросит в воздух клячу Гемуду. Не тут-то было: в то мгновение, когда он грозно взмахнул рогами, кляча Гемуды с такой силой ударила его в лоб задними ногами, что копыта вонзились в его череп, и бугай повалился, как глыба сырой земли. Шауай тут выскочил из кома, мигом сел на Гемуду и, хлопнув плетью, исчез в дали. Пастухи притихли и с разинутыми ртами глядели вслед удалявшемуся Шауаю, лошадь которого, уж вовсе не хромая, неслась, как стрела *.

После этого Шауай без приключений приехал к Урызмеку, у которого нарты уже собрались и готовы были к джортуулу.

Оборванный Шауай слез с своей хромой клячи у кунацкой ** и в тот же день, не долго думая, приступил к своему делу. Выбрав удобную минуту, он подошел к Урызмеку и начал так:

— Урызбек! я слышал, что нарты, с тобою во главе, скоро отправляются на джортуул, приехал просить тебя позволить и мне поехать с ними. Я сын бедной, одинокой старушки и очень беден; я буду всюду следовать за нартами и прислуживать им во всем; на местах, где они будут останавливаться, я буду строить кош и стеречь в нем вещи нартов; буду готовить им пищу, мыть посуду, одним словом, буду делать все, что прикажут нарты: буду нести какую угодно (с. 15) службу. За мои труды со временем вы уделите мне какую-нибудь ничтожную часть из того, что приобретут нарты, собственно, для моей матери-старушки, терпящей крайнюю бедность.

Услышав такую просьбу от оборванного молодого Шауая и окинув его с ног до головы своим взором, Урызбек сказал с состраданием:

— Ах, бедный юноша! Тебе трудно ездить с нартами: сам ты еще очень молод и не имеешь лошади, кроме этой хромой клячи; а нарты ездят шибко и подолгу, перенося многие трудности, которых ты не в состоянии будешь переносить; им приходится иногда про-

* Свойство коня эпического героя принимать любой вид — то богатырского скакуна, то захудалой клячи — уникальная черта карачаево-балкарского нартевого эпоса. Эта особенность Гемуды помогает ее хозяину одержать многие победы и продемонстрировать свое превосходство над нартами. Примечательно, что в сказании наблюдается своеобразный параллелизм в «предварительной недооценке» и героя, и его коня. — А. А.

** Кунацкая — дом или комната, специально оборудованная и державшаяся для приема гостей. — А. А.

должительное время ездить без нищи и питья, в сильные морозы и жару. Ты не перенесешь лишений во время джортуулов; должен будешь остаться где-нибудь на дороге и пропадешь ты, бедняга, ни за что. Лучше тебе будет остаться здесь; я дам тебе кое-что, и ты, не трудясь, можешь поехать к своей матери и привезти ей мой подарок.

— Ай ауруунг алапм *, — отвечал Шауай, — если ты желаешь добра моей матери и мне, то я прошу: позволь мне ехать вместе с нартами! Почему? — ты спросишь, — вот, что я скажу: подаяния, которое ты дашь мне теперь, хватит только на короткое время, а, прожив его, чем потом я буду содержать себя и мою бедную старушку-мать? Нет, мне не доставит особенной выгоды то, чего ты желаешь мне, по-видимому, от души. А побывав на джортууле, я научусь переносить всякие трудности, страдания, посмотрю, как мужественные люди идут навстречу всяким опасностям, приобрету опытность и не буду даром пользоваться чужим добром, как это ты предлагаешь мне теперь: я научусь сам добывать кусок хлеба. Итак, если ты хочешь оказать мне добро, то позволь (с. 16) мне поехать вместе с нартами!

Слова Шауая так понравились Урызмеку, что он тотчас, не говоря больше ни слова, изъявил свое согласие взять его, когда нарты выступят на д ж о р т у у л.

В день отъезда нарты собрались у Урызмека, — в их числе были Сосуко, Рачикау, Ширдан, Сибильчи и др. — и после небольших приготовлений выступили из селения.

Никто и внимания не обратил на Шауая, который пустился в путь, когда уже нарты скрылись из виду. Когда он уселся на свою хромую Гемуду, то обратил на себя внимание всех детей, находившихся на улице.

Окружив его Гемуду, с длинными хворостинами в руках, они начали подшучивать над лошадью и им самим. Один засовывает хворостину в уши Гемуды, другой под живот, третий начинает бить ее и т. д. Вследствие этого Гемуда начала брыкаться и этим вызвала сперва смех, а потом громкий хохот детей.

Шауай бьет Гемуду плетью, желая поскорее вырваться из толпы и ускакать; но Гемуда, вместо того, чтобы идти вперед, упрямится и пятится назад, к дому Урызмека. Упрямство Гемуды возрастало с каждым ударом; но мальчишки принялись немилосердно бить ее хворостинами и, наконец-таки, вывели ее за ворота. Отовсюду слышались восклицания:

— Вот так наездник нартский!.. да он не догонит теперь нартов и вернется, вероятно, назад.

* Да возьму я твою болезнь; да перейдет твоя болезнь ко мне! (Правильно: Ай ауруунгу алайым. — Р е д.)

Отъехав немного, Гемуда опять упрямится, пересиливает Шауая и несет назад, обратно в селение...

— Держите, не пускайте, не пускайте! — кричат все, хохоча; мальчишки весело приступают опять к Гемуде с хворостинами и, вновь избив ее, выводят далеко вои из селения.

Пока Шауай ехал в виду мальчиков, Гемуда (с. 17) подвигалась медленно и хромя, но как только они скрылись из виду, она, приняв свой настоящий вид, полетела, как ветер, и мигом догнала нартов; приближаясь к ним, она опять начала хромя и опять превратилась в некрасивого маштака. Нарты, совсем было забыли про своего шапа * Шауая, и, увидев его, Урызмок с удивлением спросил:

— Каким образом ты, бедный, догнал нас на своей кляче? Мы, кажется, тоже ехали не совсем тихо.

— Ай ауруунг аланм, Урызмок! — ответил Шауай. — Измучил я совсем моего маштака, колотил изо всех сил по обоим бокам и насилу-то догнал вас.

— Отлично, отлично, милейший, что ты не отстал от нас! — сказал Урызмок. Гемуда же, вся в поту, с опущенными книзу ушами, своим жалким видом убеждала нартов в справедливости слов Шауая.

Долго ли, коротко ли они ехали таким образом, но, подъехав к одному месту, нарты нашли нужным остановиться. Все послезали с лошадей, снимали вещи свои и сложили в кучу. После короткого совещания, они опять сели на лошадей и, поручив Шауая выбрать удобное место для постройки коша, сами отправились на добычу. Шауая было сказано также, чтобы он развел огонь и ждал их возвращения.

Как только нарты удалились, Шауай приступил к исполнению того, что было ему поручено. Он сломал несколько деревьев и, пайдя в лесу поляну, скоро построил хороший кош и развел в нем огонь.

Затем сел на Гемуду и как стрела полетел в лес на охоту. Ему пришлось недолго искать дичи: тотчас он выследил огромное стадо оленей, ворвался в (с. 18) его середину, ударами дубины повалил несколько из них и привез на Гемуде к тому месту, где построил кош. Мигом, как подобает удалцу, он снял с них шкуры, положил в котел половину мяса, а из остального сделал шашлыки и расставил их вокруг очага со всех сторон. Приготовив все таким образом, Шауай посиживал, дожидая возвращения нартских молодцов.

Наступил вечер. Нарты возвращались с джортуула усталые и совершенно с пустыми руками. При виде же коша, покрытого оленьими шкурами, дымящегося котла над огнем и жарящихся вокруг очага шашлыков, они были приятно удивлены и спросили:

* Слуга.

— Чей это кош? Откуда и каким образом ты достал столько добра?

— Нарты! — сказал Шауай. — все это досталось мне на ваше счастье. Когда вы, оставив меня, уехали, я начал искать места, удобного для постройки коша, и нечаянно во время поисков наткнулся на готовый кош, в котором сидело несколько человек и было много убитых оленей и готовых шашлыков. Увидев меня, они пригласили зайти в кош, на что я, конечно, согласился. После закуски они с участием начали расспрашивать меня, откуда и каким образом, один и притом такой молодой, попал я в такую глушь. Я ответил, что я шана нартов, которые отправились на джортуул, а меня оставили для постройки коша.

Затем они попросили меня назвать имена нескольких нартов, и как только мною были произнесены имена Урызмека, Сосруко, Рачикау и др., они все до единого вскочили и разбежались, оставив мне все, что теперь вы видите. Видите, нарты, — закончил Шауай, — что все это дано вам вашим счастьем, вашей славой и силой.

Нарты легко поверили словам Шауая; эти гордецы и подумать не могли, чтобы все это мог сделать оборванец Шауай с его клячей Гемудой (с. 19).

— Уж если самим нам не удалось ничего достать, — думали они. — то Шауая и подавно ничего не удалось бы сделать!

Как бы то ни было, но нарты были чрезвычайно обрадованы такой находкой и с мыслью, что все это — их счастье, живо начали угощаться вкусными шашлыками.

Насытившись вдоволь, усталые нарты легли спать. На следующее утро они переехали на другое место и, оставив Шауая для постройки коша, сами опять отправились на джортуул. Шауай, выбрав удобное место, построил кош, набил опять оленей и приготовил из них пищу еще лучше, чем прежде. Нарты же, еще более усталые и утомленные и опять без всякой добычи, поздно вечером возвращались в кош. Глазам их опять представилось зрелище, подобное вчерашнему, т. е. ком, покрытый оленьими шкурами, развешанная по деревьям оленина, жарящиеся вокруг костра шашлыки; посредине такого довольства посиживает Шауай, а в стороне бродит его кляча Гемуда. Шауай рассказал им ту же самую историю, что и вчера, и нарты, ничего не подозревая, поверили вполне его словам. Так продолжалось три дня, и самодовольные гордецы нарты были уверены, что всем этим они обязаны своему счастью, славе и силе.

На четвертый день нарты опять поехали на джортуул. На этот раз их слуга, оставшись один, поддался раздумью и ясно понял, что если так вести дела и дальше, то гордые, чванные нарты, ничего не поняв, так и будут продолжать думать, что все дается им их счастьем, славой и силой, и решил раскрыть им глаза, чтобы они узнали, наконец, его силу и свое ничтожество. Обратясь к салымщикам Эльбруса, Шауай произнес следующую молитву:

— Тысячи салымщиков Эльбруса! Прошу вас послать боран (бурю), холод, чтобы испытать и проучить этих гордых чванных нартов!

(с. 20) И вот поднялась страшная буря, настал холод... Шауай, без всякого теплого платья, на холоду, как ни в чем не бывало, построил кош, развел большой костер, набил оленей, словом, приготовил все нужное и, сев около костра, поджидал нартов. Но уже был вечер, а они все не возвращались: холод был страшный. Наступила ночь... Вдруг он слышит конский топот: он сразу догадался, что едут нарты; но притворясь, будто ни о чем не знает, взял громадную дубину и, когда нарты подъехали близко, закричал:

— Кто смеет сюда идти? Это кош храбрых нартов; я никого не пущу сюда без их позволения, а кто подъедет, того уложу на месте!

От его громкого голоса лошади нартов остановились, а сами они от холода окоченели до того, что не могли ни слова произнести, ни править своими лошадьми; бороды у них были покрыты ледяными сосульками, и они казались седобородыми стариками. В таком положении Шауай заставил их стоять некоторое время и пристально осматривал их, будто не узнавая. Наконец он как будто признал Урызмека и, как бы в испуге, громко воскликнул:

— Да это, кажется, пегая лошадь Урызмека. Ах, что я наделал!

Произнося это, он подбежал к Урызмеку и, схватив за узду его лошадь, привел к огню. Урызбек не мог ни говорить, ни слезть с лошади, так как ноги его замерзли и пристали к седлу. Тогда Шауай, немедленно отвязав подругу, снял Урызмека вместе с седлом с лошади и положил его около костра. Других же просто хватая как попало, кого за ноги, кого за руки, сбрасывал с лошадей и рассаживал вокруг огня. Нарты были до того изнурены, до того замерзли, что сидели, как неживые.

Шауай наскоро угостил их вкусным пашлыком; прибавил дров в огонь, а нарты все еще ничего не говорили (с. 21) и только посматривали то друг на друга, то на Шауая, который в глазах их стал кем-то иным. В первый раз явилась у нартов мысль о том, что это не простой смертный, но никто не высказал своей догадки, и все они сидели печальные, молча. Шауай воспользовался этим состоянием нартов и обратился к ним с просьбой, чтобы они позволили ему пасти в эту ночь лошадей, так как сами очень устали.

— Только, — сказал Шауай, обращаясь к Урызмеку, — дай ты мне своего пегого коня, чтобы я мог почью скорее подъезжать к огню отогреваться; иначе, пока доеду до огня на хромой кляче, пожалуй, замерзну.

— Ах ты бедняга! — сказал Урызбек, — ведь у тебя нет никакого теплого платья, и ты пропадешь в такой холод. Можешь, конечно, ехать и на моей пегой, лишь бы только ты остался целым: лошадь мне не дороже тебя!

Шауай скорехонько собрался, сел на пегую Урызмека и, взяв Ге-

муду за уздцы, погнал остальных лошадей вперед и исчез в темноте. Отъехав в сторону, Шауай оставил нартских лошадей, сам сел на Гемуду, а пегого коня взял за узду и поскакал все по одному направлению.

Пегий конь Урызмека насилу поспевал за Гемудой, которая неслась, как ветер.

Шауай скоро переправился через Эдиль и там, по ту сторону реки, встретил бесчисленный табун коней. Тут Гемуда человеческим голосом сказала Шауаю:

— Ты слезай с меня и сядь на пегую; а я погоню весь этот табун назад. — Шауай так и сделал.

Гемуда, освободившись, бросилась на табун с ужасным ржанием, поворотив его в одну сторону, загнала весь табун в реку Эдиль. Табун переплыл на другую сторону. Шауай, переправившись (с. 22) за ним на Гемуде, потом опять сел на пегую, а Гемуду отпустил, чтобы загоняла табун; Гемуда тут перекусала и поранила самых лучших и красивых лошадей в табуне.

— Это я сделала с тою целью, — сказала она Шауаю, — чтобы, когда нарты будут производить дележ и тебе, как слуге, дадут самых худых, пораненных лошадей, — то на самом деле ты получишь не худших, а, напротив, самых лучших лошадей.

Таким образом, в ту же ночь перед рассветом Шауай подскакал с табуном к нартскому кошу. Нарты, услышав конский топот, в испуге, сонные повыскакивали, думая, что на них нагрянуло какое-нибудь войско. Но Шауай подошел к ним, чтоб их успокоить, и сказал:

— Когда я пас ваших лошадей, вдруг увидел, что стая волков гонит большой табун лошадей; как только волки заметили меня, тотчас же все разбежались в стороны, а табун присоединился к нашим лошадям. Гул, который вы услышали и который так встревожил вас, был не что иное, как топот их копыт. — Нарты очень обрадовались этому и в веселом расположении духа легли опять спать.

Утром нарты увидели громадный табун, в котором некоторые лошади были поранены, и поверили, что раны эти произошли, как уверял Шауай, от укусов волков. Это обстоятельство совершенно убедило нартвов в справедливости выдуманного Шауаеом рассказа.

— Все это — наше бырьсыхы *, — говорили они: — не пришлось нам много трудиться!

Нарты после этого уже отдумали продолжать джортуул и решили возвратиться домой подобру-поздорову.

(с. 23) Шауай задумал тут расстаться с нартами; поэтому он обратился к ним с такими словами:

— Путь мой, храбрые нарты, будет другой: мне пора возвратиться к своей бедной матери-старушке. Если бы вы дали мне за мои труды хоть вот тех лошадей, которых поранили волки, то я был

* Счастье.

бы очень доволен и поехал бы своей дорогой; мне незачем тащиться до партских селений.

Но на такую его речь парты отвечали уклончиво, указывая на то, что нет места, удобного для дележа, и что они исполнят его желание, когда приедут на то место, где обыкновенно совершают дележ.

Услышав такой ответ, Шауай потерял терпение и закричал:

— Если так, то я сам постараюсь отделить свою часть!

И тут же, на глазах нартов, оседлал свою Гемуду, которая на этот раз припjala свой настоящий вид, подтянул металлические подпруги, обложенные ивовой корой, — чтобы не было заметно металла, — и, сев на нее верхом, направился к табуну. В один миг он вырвал несколько деревьев, построил большую перегородку полукругом, куда и вогнал весь табун. Затем, посмотрев на нартов и пересчитав их, построил тут же несколько других меньших загорожек, или отделений. Все это делал он, сидя верхом на Гемуде. Когда же были готовы все загородки, он вошел в середину табуна и, хватая лошадей, как попадется, одну за ноги, другую за шею, начал поочередно бросать их во все отделения. В одно же отделение он загнал исключительно раненых лошадей. Таким образом Шауай разделил весь табун по числу душ на несколько гуртов так, чтобы в каждом гурте было по одинаковому числу как хороших, так и дурных лошадей.

Окончив дележ, он объявил нартам, что берет себе, как шана, только одних раненых лошадей, и затем «До приятного свидания!» — погнал своих лошадей вперед и скоро исчез вдали.

В течение всех этих распоряжков парты смотрели с разинутыми от удивления ртами на Шауая, не проронив ни одного слова. Они опомнились только тогда, когда Шауая уже и след простыл. Теперь им ясно стало, кто был строителем всех этих загадочных комов, крытых оленьими шкурами, и жирных шашлыков, и откуда взялся табун. Но несмотря на то, они все разом закричали, что неизвестный молодой человек унизил их, осрамил, а они отпустили его, даже не узнавши, кто он такой.

— Нужно непременно, чтобы кто-нибудь из нас погнался за ним и спросил бы его, от имени всех нартов, кто он такой, как его имя и фамилия, — говорили они между собою.

Решив таким образом, они послали в погоню Сибильчи. Этот, догнав Шауая, спросил его, от имени всех нартов, кто он такой. Но вместо ответа Шауай повернул свою лошадь назад и, накинувшись на Сибильчи с ругательствами и отстегав его плетью, прогнал назад к нартам; своего же имени не сказал ему. Сибильчи, возвратясь, рассказал нартам все, что случилось.

Вторично был послан в погоню Ширдан, с которым Шауай поступил еще позорнее.

Наконец, решился ехать сам Урызбек, говоря, что он ни за что

не отпустит своего гостя, не узнавши, кто он такой. Измучив своего нежного коня, Урызбек, наконец, зашел впереди Шауая и закричал ему издали:

— Куда ты так спешишь, дорогой мой гость? Даю тебе слово: если ты скажешь мне, кто ты такой, то я выдам за тебя мою прекрасную дочь Агунду без калыма. Неужели, наконец, не остановишься (с. 25) ради моей седой бороды?

Услышав это, Шауай остановился и проговорил: «Отец мой — Алауган, а мать — Эмегена; я вырос в трещине Эльбрусского ледника, а зовут меня Кенжокаев-Кара-Шауай».

— Ты обещался сейчас, — продолжал Шауай, — выдать за меня твою дочь Агунду, но я не хочу взять ее без калыма; поэтому возьми теперь же всех этих лошадей: пусть они будут частью моего калыма. Сказав это, он ударил свою лошадь плетью и ускакал, оставив всех своих лошадей старику Урызбеку. Этот же последний, взяв лошадей, возвратился к нартам и рассказал им обо всем случившемся. После этого нарты направились к месту дележа; там они разделили лошадей и потом разъехались по домам. На другой день после приезда домой Урызбек рассказал жене своей Сатаной о джигите Шауае и о своем обещании выдать за него дочь свою Агунду.

— Этот Шауай, — добавил Урызбек, — может приехать к нам во всякое время и при этом будет стараться, чтобы не быть узнанным. Поэтому ты должна теперь прилагать все заботы, чтобы принимать как можно лучше всякого гостя, какой только к нам явится, кто бы он ни был — богатый или бедный, оборванный или роскошно одетый.

С этого дня Сатаной действительно старалась принимать и угощать как можно лучше всякого приезжего гостя. В таких заботах прошло несколько лет. Шауай все-таки не являлся. В течение этого времени опустели кладовые Сатаной, и она уже потеряла всякую надежду иметь зятя. Вот в таком разочарованном и несколько обидном положении Сатаной сидела раз с Агундой (с. 26) за работой в отоу *. Заходит к ним в это время какой-то молодой человек, очень бедно одетый, и, сделав приветствие, садится около очага. Сатаной не обратила на него особенного внимания и, положив перед ним кусок хлеба с объедками мяса, спокойно продолжала свою работу. Молодой же человек после еды увидел висящую на стене балалайку Урызбека (который удивительно хорошо играл) и, не говоря ни слова, снял ее со стены и заиграл и запел звучным голосом.

Между прочим он пел:

— Ах, как хорошо и красиво устроен этот отоу, да жаль только, что труба немного крива!..

Услышав это, Сатаной отвечала:

* Женская половина в доме.

— Это ничего, молодой человек, хотя труба и крива, но дым выходит очень прямо*.

Сатаной тут же догадалась, что имеет дело с храбрым Шауаем, и тотчас выслала дочь свою в другую комнату.

Но, к крайнему огорчению хозяйки, Шауай тоже исчез из отоу и скрылся куда-то; его начали везде разыскивать, но не могли нигде найти, даже ничего не могли разузнать о нем. В недоумении все спрашивали друг у друга:

— Шайтан он или человек?

А Урызбек и Сатаной с тех пор потеряли всякую надежду выдать свою дочь за этого загадочного жениха.

III. РАЧИКАУ

(с. 27) Некогда Бёдене, русский переселенец, пришел к нартам; те радушно его приняли и выдали за него невесту без калыма. Бёдене поселился в ауле Кинте и занимался исключительно рыболовством. Когда он ходил на ловлю, его всегда сопровождали собаки «ызчи-самырла»** и за ним тащился всегда обоз в сорок повозок. В руках он постоянно держал медный крючок.

Одна княгиня имела сорок служанок и одну из них очень любила. Эта служанка вставала рано и каждый день ходила за водой к Джаным суйлары*** (к водам Джаным). Однажды она, по обыкновению, рано утром пошла за водой. Но тогда уже были короткие дни зимы, и воды оказались замерзшими; поэтому служанка принуждена была отправиться за водой к Эдилю-реке. Следом за ней бежала собачка Канчик. Со всех сторон к последней начали приставать другие собаки и набралось их сорок собак. Окружив Канчика, они кидались на него; но Канчик, оцетинясь и скрежеща зубами, бросался на них и разгонял их в стороны. Служанка заметила это и промолвила:

— Отдать бы вас всех волкам на съеденье! Не стыдно ли: всех вас одолевает один Канчик. Впрочем, — прибавила она, — если бы и ко мне начал приставать немилый мне мужчина, то и я так же прогнала бы его.

Бёдене, ловивший в это время рыбу, слышал ее слова и (с. 28) подумал: «Посмотрим, правду ли говоришь ты или нет; не будь я Бёдене, если не испытаю тебя!» С этим намерением он стал поджидать, когда служанка, почерпнув воды, будет возвращаться назад. И вот, когда она приблизилась к Бёдене, тот подошел к ней, говоря:

* Нужно здесь заметить, что, по преданию, у Агунды глаза были немного искоса; молодой человек, заметив это, делал намеки на ее счет. Сатаной, догадавшись об этом, и дала такой ответ.

** Ыз — след, с а м ы р л а — собаки особой породы, вероятно, водолазы.

*** Правильно: суулары. — Р е д.

— Дай мне напиться, хорошая девушка! — и схватил ее. В завязавшейся между ними борьбе победил однако ж Бёдене. Служанка возвратилась домой на этот раз позднее обыкновенного, и княгиня, увидев ее, сказала сердито:

— Я тебя зарежу и внутренности твои отдам Канчику; вся ты переменялась с лица и с распушенными волосами, — где ты шаталась так долго?

— Ай, ауруунг алаим, моя княгиня! Я расскажу все, что со мною случилось... Утром я пошла за водой к джаным суйлары; но они замерзли, и я принуждена была идти к реке Эдилю. Только что я ступила на лед, чтобы достать воды, как лед подо мной проломился, и я провалилась в воду, из которой с трудом могла выбраться. Вот отчего так долго замешкалась я и переменялась в лице.

Спустя некоторое время после этого служанка забеременела. Узнав об этом, княгиня накинулась на нее:

— Я тебя зарежу, — говорила, она, — и внутренности твои отдам аульным собакам, если ты не скажешь, от кого забеременела.

— Во мне, право, княгиня, нет того, что ты подозреваешь, — отвечала служанка. — Несколько дней тому назад, я пошла убирать постели в кунацкой, после отъезда гостей. Там я скинула шаровары и стала искать в них в... В это самое время на живот мне упал солнечный луч, от этого я и стала беременеть; а больше со мной ничего не случилось.

Так оправдывалась служанка (с. 29). Но приблизилось и время родов: и служанка, боясь княгини, пошла в кустарники и там родила хорошенького мальчика. Затем она заказала у известного кузнеца Деуета самый крепкий железный ящик, и внутренность его выложила ватой. Накормив хорошенько своего ребенка молоком, она положила его в ящик и отнесла к Эдилю. Постояв здесь на берегу несколько времени, любуясь своим ребенком, она сказала:

— Бог, который послал мне тебя, да пошлет тебя к отцу твоему Бёдене! — бросила ящик в реку и ушла домой.

Как нарочно, в этот самый день рыболов Бёдене ловил рыбу в Эдиле. Приблизившись к тому месту, куда служанка бросила ящик, Бёдене, конечно, ничего не зная, опустил свои медные крючья в воду, и они зацепились за что-то тяжелое. Потянув, Бёдене вытащил ящик, открыл его и увидел внутри заснувшего под плеск воды красивого малютку, мальчика. Он чрезвычайно обрадовался такой находке, потому что не имел детей: тотчас же побежал к своим товарищам рыбакам и попросил у них позволения отправиться домой, под предлогом нездоровья.

Придя домой, он в радости рассказал о находке жене и велел ей притвориться больной, а через несколько времени объявить, что без особенного труда и мучения она родила сына.

Жена Бёдене так и сделала. После мнимых родов соседние женщины говорили между собой:

— Я тебе говорила, что она беременная, а ты все не хотела со мной согласиться, утверждая, что у ней только ожиренье.

Как только сделалось известно, что жена Бёдене родила, со всех сторон начали приводить кто баранов, кто коз, чтобы зарезать их в честь такого события, так как жену Бёдене считали каратоном *.

(с. 30) Бёдене же, в свою очередь, наварил пива и других напитков, собрал нартов, чтобы угостить их и дать имя новорожденному. И дано было младенцу имя Рачикау.

Рачикау рос скоро и сделался славным нартом; вести про его джигитство разнеслись по всем нартским селениям. Услышал про него и храбрый нарт Сосруко, живший на плоскости.

Рачикау, жившему в горах, также доводилось слышать о героических подвигах Сосруко. И эти два лица, не выдавшие друг друга, сделались заочно друзьями.

Они всегда клялись именем друг друга. Сосруко постоянно говорил:

— Да не умрет в горах Рачикау!

Рачикау же наоборот:

— Да не умрет на плоскости Сосруко!

Живя таким образом, молодой Рачикау попросил, наконец, позволения у отца своего Бёдене поехать повидаться с другом своим Сосруко и вообще посмотреть на свет. Но когда отец не хотел исполнить его просьбы, то он задумал было уехать тайком. Узнавши об этом, отец позвал его к себе и сказал:

— Если уж ты не хочешь оставаться дома, по крайней мере, не заезжай к Схуртуковым.

Обрадовавшись позволению отца, Рачикау, без долгих сборов, приготовился выехать из дому.

Через несколько дней молодой Рачикау подъезжал к тому селению, в котором жил глава нартов Урызбек, с женой своей вещей Сатаной. Служанка последней, Кюлюмхан, идя за водой, увидела едущего всадника и, вернувшись назад, сказала, обращаясь к Сатаной:

— Благодаря вашему величию и силе, я имела возможность видеть много славных наездников, но такого, как сегодня, я никогда не видала: впереди его идет облако, в котором летают звезды и вороны; у него спереди (с. 31) светит солнце, а сзади луна; под лошадьёю прыгают белые зайцы. Такого чуда я никогда не видала.

Вещая Сатаной, услышав это, сейчас же догадалась, в чем дело, и сказала служанке:

— Я слышала, что Шубадиев Рачикау считается самым блестящим и лучшим наездником: вероятно, всадник, про которого говоришь ты, и есть он самый, друг нашего Сосруко. То, что тебе показалось облаком, это — пар из ноздрей его лошади; вороны — это

* Бесплодная женщина.

комья грязи, летящие вверх из-под копыт его лошади; звезды — это искры, вылетающие из его трубки; светящее спереди солнце — его кубе *; а луна, сзади — такая **; наконец, зайцы, прыгающие, по-твоему, под лошадью, — не что иное, как широкий шелковый конец его плети. Теперь ты должна идти поджидать его на дороге, а то, иначе, пожалуй, он и не заедет к нам. Когда он приблизится к тебе, то вежливо скажет: «Добрый день!» — и проедет дальше. А ты ответь ему: «Да будет счастлива твоя жизнь!» — и потом сейчас же прибавь: «Что так скоро едешь, добрый молодец: убегаешь ли от кого, или за кем гонишься? Мы-де живем на дороге, и для приезжающего и отъезжающего любим приготовить еду, утолить его жажду и голод. Дом этот Схуртуковых; заезжай, отдохни; а там и отира-вишься дальше в добрый час!» Если только ты так скажешь, он вернется, а иначе — нет.

Служанка Кюлюмхан, выслушав и запомнив слова госпожи, вышла на дорогу и, когда Рачикау подъехал, сказала ему все так, как велела ей вещая Сатаной. Рачикау, действительно, заехал к Схуртуковым. Он въехал во двор, слез с лошади и вошел в кунацкую, где двое слуг сняли с него стрелу и повесили на железный (с. 32) гвоздь. Но стрела была до того тяжела, что гвоздь переломился и стрела упала на землю. Тогда Рачикау воткнул свой гебох *** в землю и повесил на него стрелу.

Сатаной велела сделать из целых четырех мешков муки один хлеб, разделила его на четыре части и, положив на круглый тренож-ный стол, послала к гостю в кунацкую. Трое слуг принесли туда же в огромном тенчеке **** питье. Стол поставили перед Рачикау, а тенчек дали ему в руки и сказали: «Это обыденная еда твоего друга Сосруко».

Рачикау выпил разом все питье из тенчека, который едва могли поднять трое слуг, и сказал: «Ах, если бы я выпил еще тенчек, то, пожалуй, утолил бы свою жажду».

Четыре куска хлеба он съел в четыре приема.

Пока Рачикау закусывал, Сатаной послала гонца к партам, собравшимся в доме Алиговых, сказать, что к ним приедет Рачикау. После закуски Рачикау, севши на лошадь, направился к пирующим партам. На дороге он увидел одного человека, который только что окончил работу новой арбы и, с топором в руке, надевши шанку, набекрень, важно и самодовольно стоял около арбы, хвастливо ози-раясь вокруг. Подъехавши к нему, Рачикау спросил:

— Добрый молодец, где тут пируют парты? Хозяин новой арбы, небрежно указав ему концом топорница в одну сторону, сказал:

* Пандирь.

** Шлем.

*** Железная палица.

**** Большая чаша, употребляемая на пирах. (Вернее: теппек. — А. А.)

— Вот там.

Это взбесило Рачикау, и он, поднявши новую арбу, так ударил ее о землю, что она разлетелась в щепки. Владелец арбы, пораженный этим, ничего не сказал и, почесывая затылок, пошел к обломкам арбы, которою (с. 33) так недавно гордился; а виновник всего далеко уже скрылся из виду.

Наконец Рачикау приехал к дому Алиговых. Сторожем у ворот стоял Злоязычный Гиляхсыртан, который ни за что не хотел впустить Рачикау. Но этот три раза ударил плетью свою лошадь, и она многом перепрыгнула через забор и очутилась во дворе. Рачикау слез с лошади и, воткнув свой гебох в землю, повесил на нем свою тяжелую стрелу одним мизинцем. Когда же он вошел в дом к пирующим нартам, его приняли очень вежливо и, как гостя, посадили на почетное место.

После обычных приветствий нарты продолжали прерванную беседу. Они считались своими подвигами. Каждый из них рассказывал про самый замечательный подвиг, совершенный им в своей жизни. При этом у них был бочонок «агуна», который наливался до половины питьем, и если рассказ о подвиге, совершенном рассказывавшим, был правдив, то после рассказа этот бочонок сам собой наполнился и три раза переливался через край. Когда дошла очередь до Рачикау, то и он рассказал свой подвиг; по окончании его рассказа бочонок три раза наполнился и три раза через край перелилось из него питье.

После всего этого нарты принялись за танцы. Первый начал Сосуко. Он велел привезти на девяти арбах круглых речных камней, разбросал их по полу и затем танцевал на этих камнях до тех пор, пока не обратил их в песок. Окончив танцы, он спросил нартов, кому передать элию *. Те велели передать ее другу его Рачикау.

(с. 34) Этот последний велел привезти девять ароб чигона **. Когда это было сделано, Рачикау снял с себя чувяки и танцевал босиком, пока не обратил чигона в золу. По окончании он тоже спросил, кому может передать элию. Нарты назначили элию Злоязычному Гиляхсыртану. Но Гиляхсыртан, услышав это, поспешил отказаться, сказав:

— Пусть лучше я умру, чем приму от него элию.

Рачикау на это ответил:

— Чего я больше всего боялся, то пришлось мне теперь услышать: не могу больше оставаться здесь! — Сказав это, он вышел во двор. Хотя нарты успокаивали его и просили остаться, по он не захотел и, сев на свою лошадь, выехал со двора.

* Танцор, копчив свой танец, должен подойти к кому-нибудь из присутствующих и, отнеся поклон, пригласить его танцевать. Этот обычай и называется «элия».

** Колючий кустарник. (Вернее — чыгъана. — А. А.).

После его отъезда нарты все накинулись на Гиляхсыртана и начали бранить его за то, что он оскорбил их гостя.

— Мы переносили от тебя, — говорили они, — всякие ругательства и колкости, терпели их; за что же ты не оставил в покое нашего гостя? Хотя бы на этот раз придержал ты свой язык! — Наконец довели Гиляхсыртана до того, что он принужден был сказать:

— Если вы вернете его, то за оскорбление, которое я нанес ему, я выдам за него свою сестру, белозубую Агунду.

Тут друг Рачикау, Сосруко, пустился за ним в погоню. Когда Сосруко издали увидел скачущего Рачикау, то закричал ему вслед:

— Рожденный у нартвов, воспитанный в Кинте, друг мой, Рачикау, куда ты скачешь так скоро? — После этих слов Рачикау остановился, и Сосруко еще прибавил: — Атны джарлылыгъын эр алады? *.

Он рассказал Рачикау все то, что случилось после его ухода, и Рачикау согласился вернуться.

(с. 35) Таким образом, они приехали назад вместе. Но тут вышла еще большая неприятность. Злоязычный Гиляхсыртан отказался от своих слов и опять оскорбил Рачикау, говоря:

— Лучше провалиться сквозь землю, чем выдать свою сестру за него.

Сказав это и боясь Рачикау, он убежал и скрылся в замке Чуана **. Сосруко и Рачикау погнались за ним. Но так как внутрь замка трудно было войти, то Рачикау решил ждать около дверей, с намерением убить его, как только он спустится оттуда. В течение трех месяцев он стоял около дверей, как вкопанный; но на четвертый повалился на землю с своею лошадью, и тело его пачало уже гнить.

Служанки Гиляхсыртана, спускавшиеся из замка и ходившие за водою, по возвращении говорили злоязычному, что Рачикау умер и тело его уже подверглось гниению и что следовало бы взять прекрасный панцирь, который был на нем. Но Гиляхсыртан все-таки не соглашался выйти, говоря: «Надует колдун!» Служанки опять ему передают:

— Из колец панциря выглядывают черноголовые черви: неужели и теперь не веришь? Сними хоть его панцирь, а то, пожалуй, еще кто-нибудь чужой возьмет.

Накопец Гиляхсыртан согласился спуститься. Он подошел к трупу Рачикау и со словами:

— Лежи теперь, паршивый! — хотел снять панцирь. Но в это время, к ужасу Гиляхсыртана, Рачикау ожил, вскочил с земли и, схватив свой меч, сказал:

* Бедность лошади берет муж: кто же возьмет бедность девушки?

** Этот замок находится на Кубани; сохранился до настоящего времени.

— Ну, куда ты уйдешь теперь от меня?

Гиляхсыртан пустился бежать по направлению к дверям своего замка. Рачикау же, надеясь, что не упустит своего врага, хотя и бежал за ним, но не очень быстро и (с. 36) только тогда опомнился, когда злоязычный уже приближался к дверям. Тут Рачикау размахнулся мечом и отсек Гиляхсыртану полчерепа.

Злоязычный Гиляхсыртан, чтобы никто не знал о случившемся, вбежавши в замок, начал кричать, что его ударила молния и что надобно скорее петь «чопша»*. Услышав это, Рачикау сказал:

— Ну, если у меня нет столько силы, сколько у молнии, то пусть я здесь же и умру!

Он упал и тут же скончался. Злоязычный Гиляхсыртан после этого проишествия еще очень долго жил, сделав из меди другую половицу черепа. Но вот однажды он отправился в путь во время сильной жары, и медная половина его черепа до такой степени накалилась, что злоязычный Гиляхсыртан умер в ужасных мучениях**.

IV. СОСРУКО

(с. 37) Жил некогда пастух по имени Соджук. Вот однажды он пас баранов на берегу реки Эдиля и увидел на противоположной стороне прекрасную княгиню вещую Сатаной, которая мыла белье. Соджук прислонился к одному камню и любовался на ее ослепительно белые руки и соблазнился ее красотой. Вот на камне, к которому он прислонился, появился зародыш младенца. Вещая Сатаной и сама почувствовала это и была очень обрадована, потому что была бездетна. С величайшей заботой она начала высчитывать срок, когда ребенка можно будет вынуть из камня.

В течение этого времени Сатаной заказала кузнецу Деуету шестьдесят молотов. Когда наступил последний день срока, она, пригласив с собой шестьдесят молодых людей и захватив множество напитков, пошла к известному ей камню, на котором уже образовался большой нарост. Молодые люди немедленно принялись за дело: с большой осторожностью они обтесали нарост со всех сторон. Когда же Сатаной увидела, что остается очень тонкая оболочка, то во время отдыха напоила всех молодых людей, вследствие чего они скоро все заснули; затем она осторожно обтесала оставшуюся оболочку и без особого труда выпула ребенка с хохлом на голове нанодобие гребня и ногами тонкими, как вертел. Сатаной (с. 38) отдала его на воспитание джиннам***, которые закалили все его тело как сталь, пе-

* По преданию, нарты, когда кого-нибудь поражала молния, пели всегда какую-то песню «чопша».

** По уверению горцев медный череп Гиляхсыртана сохраняется до настоящего времени в одной пещере в Кубанской области. Мне приходилось встречать лиц, утверждавших, что они сами видели этот череп.

*** Дух.

ключая двух колен. Так рос ребенок по имени Сосруко, у духов, которые каждую ночь приносили его Сатаной, чтобы она видела его. Это продолжалось до тех пор, пока он не сделался большим.

В это время Урызбек, глава нартов, находился на старости лет, и они начали высказывать недовольство, что во главе их находится старик. Наконец, они составили против него заговор с целью умертвить его и решили привести в исполнение свой замысел на пиру, в доме Алиговых. В назначенный день заговорщики собрались все на пир. Когда уже все было приготовлено и когда повесили на огонь котел о сорока ручках *, положив в него сорок бугаев, то стали советоваться, кого послать за Урызмеком, чтобы позвать его на пир. Никто из нартов не решился сходить за ним. Вдруг вышел какой-то мальчик, с стоячим гребневидным хохлом на голове и тонкими вертелоподобными ногами. Он пришел посмотреть на веселье нартов. Этот мальчик выскочил на середину и сказал:

— Если вы мне дадите ноги сорока бугаев, которые варятся в котле, то я схожу, позову Урызмека.

Нарты, вовсе не ожидавшие от этого мальчика такой смелости, сначала не обратили на него внимания, приняв его слова за шутку. Но мальчик повторил свой вызов еще раз, и нарты, видя, что тот говорит серьезно, тотчас согласились на предложение и послали его за Урызмеком. Мальчик скоро очутился у Урызмека, который сидел в волчьей шубе на дворе и, подошедши к нему, (с. 39) сказал:

— Урызбек, меня послали к тебе нарты; они приглашают тебя на пир в дом Алиговых; хочешь — иди, а не хочешь — так не ходи; мне кажется, что они зовут тебя скорее на зло, чем на добро; но поступи по своему усмотрению. — На это Урызбек сказал:

— Неужели нарты не нашли лучшего посла, чем ты? — и, рассердившись, с ругательствами прогнал мальчика.

Но жена Урызмека, Сатаной, услышав разговор мальчика с мужем, выбежала из комнаты и крикнула мальчику, чтобы тот вернулся. Когда мальчик подошел к ней, она с лаской сказала ему, что Урызбек пойдет к нартам.

— Я его одену сейчас же, а ты пока выведи из конюшни его пегую лошадь, вычисти и оседлай ее.

Сказав это мальчику, она вместе с Урызмеком пошла в комнату и там сказала ему следующее:

— Нарты составили против тебя заговор и зовут тебя теперь с намерением убить; но ты нисколько не опасайся и иди к ним, они тебе ничего не смогут сделать. Только предупреждаю тебя, когда ты приедешь к нартам и они все встанут и предложат тебе сесть на почетное место, ты этого не делай, а скажи, что, как старик, сядешь на пуховики, которые лежат на полке около стены. Затем тебе будут подносить всевозможные напитки, чтобы ты опьянел. Ты же пей

* Котел с 40 ушками.

только хорошие напитки, и то лишь столько, чтобы быть веселым. Остальные же напитки, которые будут тебе предлагать, пропускай через эту трубку в пуховики, чего нарты, наверно, не заметят.

И тут Сатаной пропустила чрез горло Урызмека медную трубку, конец которой выходил наружу, так что напитки могли выливаться в пуховики.

Урызбек согласился отправиться на пир, вышел из дому и, сев на свою пегую лошадь, оседланную мальчиком, поехал. После того, как он немного отъехал (с. 40), мальчик, шедший впереди его, предложил ему от скуки пускать по дороге стрелы: чья дальше улетит. Урызбек на это согласился и первый пустил свою стрелу; за ним пустил и мальчик. На некотором, не очень большом расстоянии, Урызбек нашел свою стрелу; но стрелы мальчика не было. Урызбек, подсмеиваясь по этому поводу над мальчиком, сказал:

— Бедный ты, бедный! отчего не вернешься назад и не поищешь там своей стрелы, ведь не улетела же она дальше моей. Право, лучше вернись и поищи ее назад, а то пропадет, пожалуй.

Мальчик на это отвечал:

— Пускай пропадет, что за важность; не стоит возвращаться из-за такой дряни!

Вскоре после этого они приехали в дом Алиговых, где около дверей собралась целая толпа народу, стараясь вынуть стрелу, вонзившуюся в перекладину над дверьми. Но как ни трудились, никто не мог вынуть стрелу. Когда Урызбек подъехал к этому месту, то мальчик, сопутствовавший ему, подбежал к дверям и воскликнул:

— Да это моя стрела! — затем дернул и выдернул ее одной рукой.

Как только Урызбек вошел к пирующим нартам, они все встали с своих мест и предложили ему почетное место; но он отказался и сел на пуховики, лежавшие около стен.

«Эчки куйрук-лы карт барз»*, обязанность которого состояла в том, чтобы разносить чашу с напитками и произносить тосты, поднес Урызмеку чашу с напитком, заранее приготовленным из змей, лягушек и разных других гадов.

(с. 41) Но Урызбек преспокойно пропустил весь напиток через трубку в пуховики, показывая вид, будто пьет на самом деле. Сначала пили худшие напитки, а потом принялись за лучшие, которых Урызбек действительно отпивал немного, чтобы быть веселым. Так продолжалось несколько времени, и пуховики, наполняясь вином, поднимались все выше и выше. Когда нарты считали Урызмека уже опьяневшим, то чтобы как-нибудь взять у него меч, начали его упрашивать показать им его знаменитый сырпын. На такую просьбу их Урызбек отвечал:

* Козлинохвостый старый барз — должность виночерпия. (Правильно: эчки куйруклу карт. — Ред.)

— Я должен вас предупредить, что мой сырпын имеет то свойство, что если раз выйдет из ножен, то уже не войдет обратно даром!

— Все равно, — сказал сын Пука, молодой Батыр-мырза, — какое бы свойство он там ни имел, нам в высшей степени желательно посмотреть на него.

Тогда Урызбек вынул свой сырпын и, не отдавая его в их руки, а держа за рукоятку, подносил его к каждому. Те удивлялись красоте оружия и говорили, что ни у кого нельзя найти такого железа; жаль только, что в одном месте на лезвии кусок отлетел.

— Да! — сказал Урызбек Батыр-мырзе, — это все чрез твоего поганого отца Пука: когда он, скрываясь от меня, улетел на небеса, то я, поднявшись туда, отрубил ему голову этим мечом, но задел при этом один его зуб, который был из стали; от этого и отлетел у сырпына кусок железа.

Произнеся эти слова, он размахнулся и одним ударом перерубил цепь, на которой висел котел с варящимися сорока бугаями. Котел опрокинулся, и все находившееся в нем вылилось на пол. Дом наполнился кипящим взваром, а Урызбек начал рубить направо и налево и уложил на месте нескольких нартов; а иные просто (с. 42) задохлись. Сам Урызбек чуть было не сварился, да, разломав двери, вбежал к нему на помощь тот самый мальчик, который ходил за ним, и вытащил его оттуда на чистый воздух.

Урызбек, возвратившись домой целым от угрожавшей ему опасности, благодаря неизвестному мальчику, рассказал своей жене Сатаной обо всем случившемся и о чудесном мальчике, избавившем его от смерти.

— Ах! — говорил Урызбек, — если бы этот...

— Что? если бы... — перебила его Сатаной, — ты, может быть, желал бы, чтобы этот мальчик был твоим братом?

— Эх! — ответил Урызбек, — что касается брата, то это — кровный враг.

— Ну, а что же? Может быть, ты желал бы, чтобы он был твоим сыном?

— Где мне дожить до такого счастья! — произнес Урызбек.

— Так поверь мне, — сказала Сатаной, — что этот мальчик — твой сын!

И Сатаной тут рассказала Урызбеку, как она воспитала этого мальчика. Неизвестный мальчик был молодой Сосруко, рожденный от камня и воспитанный джишнами.

М. АЛЕЙНИКОВ

КАРАЧАЕВСКИЕ СКАЗАНИЯ

Несколько слов от собирателя

(с. 138) В верховьях р. Кубани, по горным отрогам Эльбруса, в Баталпаинском уезде Кубанской области, живет карачаевское племя татарского происхождения, паселяющее несколько аулов. Говорит оно татарским языком и занимается главным образом скотоводством.

По преданию, карачаевцы живут в своей горной местности около четырехсот лет. Сначала их поселилось здесь немного, но с течением времени численность их увеличилась от наплыва разных пришельцев: сванетов, мингрельцев, абхазцев, кабардинцев и русских беглецов, так что в настоящее время число их простирается до тридцати тысяч душ обоего пола. Вероисповедания они магометанского, но исповедуют эту религию, по-видимому, не особенно давно, ибо теперь еще есть столетние старики, которые уверяют, что они помнят то время, когда в Карачае было много язычников, евших свиное мясо.

Карачаевцы вообще народ довольно словоохотливый, любящий на досуге поболтать о разных предметах, преимущественно же о старине; в особенности они большие охотники до преданий о прошлом своей родины, охотники до рассказов о героях, о нартских богатырях или об огромнейших и безобразнейших эмегенах, великанах-чудовищах (с. 139), обладавших сверхъестественною силою. Потому-то рассказов таких здесь довольно количество. Так, здесь встречаются почти все сказания о нартах, записанные г. Урусбиевым у татар Пятигорского округа *, и имеют тот же самый характер, отличаясь от них только в деталях. Кроме того, здесь есть еще рассказы о великанах неизвестного времени и предания о родоначальнике карачаевцев — Карчи. Мы собрали несколько таких рассказов и преда-

* См.: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», 1881, вып. I, отд. II.

ний, а из партовских сказаний поместили только те, которые не встречаются у г. Урусбиева.

І. АЧИМЕЗ И ХУБУН

(с. 139) На реке Терек, в местности, называемой Насыран, жил один из партских богатырей, по имени Ачи, а на левом берегу реки Кубани, близ укрепления Хумаринского, жил Хубун.

У Ачи было шесть взрослых храбрых сыновей, которые в разное время были убиты Хубуном. Лишившись своих детей, Ачи решился отомстить кровожадному Хубуну. С этою целью он отправился в его владения и, улучив удобное время, угнал его громаднейший табун лошадей.

Хубун бросился за ним в погоню, догнал его при устьях Джегута, правого притока реки Кубани, и здесь у них завязалась борьба, продолжавшаяся три дня и три ночи. Наконец Хубуну удалось победить своего противника. Тогда, убивши Ачи, Хубун привязал его к хвосту его же буланого коня и пустил этого коня на свободу. Верный конь притащил своего хозяина прямо домой.

(с. 140) Увидев Ачи убитым, старший брат его, по имени Насыран, возымел сильное желание отомстить убийце за его смерть.

Собравши своих верных партских богатырей, в числе которых находились Сосуко, Рачикау и др., Насыран отправился во владения Хубуна, но, дойдя до того места, где Джегута впадает в Кубань, должен был остановиться, потому что не мог переправиться через реку, находившуюся в то время в сильном разливе. Делать было нечего, и Насыран расположился здесь лагерем, чтобы выждать более благоприятное время. Так он здесь простоял довольно долго, ограничиваясь только небольшими набегами на врагов.

А между тем в это самое время жена Ачи родила сына Ачимеза, который через неделю стал уже ходить, а через две, к удивлению всех, уже участвовал в играх детей. Однажды, играя с товарищами, Ачимез услышал от них упреки, что его отец убит и остается не отмщенным, а сам он, обладая такою силою, играет на улице и нисколько не думает о мести.

Ачимез до сих пор ничего этого не знал. Услыхав от товарищей об убийстве отца, он стал задумчив и все хотел знать, кто такой был убийца, но мать его, считая его слишком молодым, чтобы отомстить за смерть отца, не решалась сказать ему, что Ачи убит Хубуном. Видя упорство матери, Ачимез стал советоваться с своими товарищами, каким бы образом выпытать от нее, кто был убийцею его отца.

Один из товарищей посоветовал ему попросить у матери горячей халвы * и при этом поступить следующим образом:

* Халва — меси́во, состоящее из меда, пшени, толченых орехов и муки.

— Если она будет тебе давать на подносе, ска(с. 141)зал он, — ты не бери, а попроси, чтобы она подала тебе ее прямо из рук; тогда ты сожми ей руку с халвою. Ей будет очень больно и от боли она непременно откроет тебе, кто был убийца твоего отца.

Ачимез все так и сделал и действительно узнал, как и от кого погиб его отец. Тогда он решился во что бы то ни стало немедленно исполнить священный долг мести. Но у него не было ни лошади, ни оружия. Тогда он обратился к матери:

— Не осталось ли от отца надежной лошади и оружия? — спросил он.

— Да, — отвечала она, — остались три любимые его лошади и оружие в черном сундуке, но не тебе только поймать и ездить на тех лошадях и носить то тяжелое вооружение.

Ачимез не обратил внимания на последнее замечание матери, а бросился в поле, поймал отцовского буланого коня, оседлал его (а конь все поглядывал на него с недоверием), сел на него и три раза ударил его своею крепкою плетью. Конь при этом три раза поднялся к небу и три раза опустился на землю, но, чувствуя на себе крепкого седока, сделался покорным, как овечка, и сказал: «Никто еще на мне не ездил, кроме твоего отца, но клянусь, что я буду тебе служить так же верно, как и ему, потому что ты стоишь его».

После этого Ачимез и конь его поклялись друг другу в верности, и Ачимез, надев на себя тяжелое вооружение своего отца, отправился на Кубань исполнить задуманную месть. К вечеру он добрался до Кубани, верстах в трех выше того места, где находился отряд его дяди, и, несмотря на сильный разлив воды, переправился на левый берег реки, разложил здесь большой костер и расположился на ночлег. В отряде Насырана скоро (с. 142) заметили костер и подумали: не явился ли сюда Хубун? Поэтому решено было непременно узнать, кто там и зачем. Но так как охотника добровольно исполнить это решение не было, то предводители решили между собою бросить жребий, кому отправиться к костру, чтобы узнать, кто там; жребий пал на Насырана. Не без страха кое-как переправился он через Кубань и робко приблизился к костру; здесь с удивлением он увидел буланого коня покойного своего брата, а возле огня сидел мальчик. После обычного приветствия Насыран спросил его:

— Кто ты такой? Где взял ты эту лошадь и зачем здесь?

— Я — сын Ачи, — ответил мальчик, — а лошадь — моего отца. Я приехал отомстить тому, кто убил его.

Насыран знал, что у его брата не было ни одного сына, когда сам он отправился в поход, жена же его была действительно в то время беременною; но он поверил словам мальчика только тогда, когда узнал от него время его рождения. Тогда, после обычного родственного приветствия, Насыран взял его к своим храбрым нартам. Увидев Ачимеза и узнав от Насырана, кто он такой и зачем явился сюда, нарты сказали:

— Ты еще так мал, что не можешь переносить тех лишений, которые нам приходится испытывать в нашей боевой жизни. Напрасно ты сюда заехал.

— Ничего, — отвечал Ачимез, — я как-нибудь все спесу. Вы будете воевать, а я буду в вашем лагере присматривать за вашим имуществом, ночью же пасти ваших лошадей. Одним словом, я буду вашим папую *

Сказавши это, он пожелал нартам покойной ночи, а сам погнал их лошадей на пастьбу. Пригнав их в безопасное место, он оставил их там, а сам от (с. 143) правился отыскивать табуны Хубуна. Табуны эти паслись при впадении Теберды в Кубань, и Ачимез скоро нашел их здесь. Подъехав к одному табуу, он крикнул громким, повелительным голосом, и огромнейший табун Хубуна, повинувшись чудесному голосу Ачимеза, последовал за ним к лагерю спокойно спавших нартов. Сильный топот лошадей разбудил их. Страшно переполошившись, они схватились было за оружие, думая, что бежит к ним войско Хубуна, но Ачимез успокоил их, сказавши, что это они слышат гул пригнанного к ним Хубунова табуна; при этом он советовал им как можно скорее с этою значительною добычею возвращаться домой.

— А то если Хубун, спохватившись, нагонит вас, — сказал он им, — то почему знать, на чьей еще стороне останется победа.

Выпроводивши нартов, Ачимез воротился назад и остановился на одной возвышенности наблюдать за действиями Хубуна. Последний с беспокойством отыскивал своих лошадей, но их нигде не было видно. Тогда, заметивши Ачимеза, Хубун спросил его, не видел ли он здесь где-нибудь его табуна. Ачимез отвечал, что видел, как какие-то неизвестные ему люди прогнали чей-то табун в ту сторону, и при этом указал совсем не туда, куда действительно нарты угнали лошадей, а в противоположную сторону, и вызвался даже сам сопроводить Хубуну и указывать ему дорогу. Через несколько времени они выехали на гору, близ того места, где теперь находится станция Карданикская. Здесь Ачимез, остановивши Хубуна, сказал:

— Стой, не езди напрасно! Я обманул тебя: я угнал твоих лошадей и отправил их с моими храбрыми нартами в свои владения на Терек.

(с. 144) Хубун от изумления остановился как вкопанный и, выпучивши свои от гнева налившиеся кровью глаза, сказал:

— Как ты смел, щенок, меня, старика, обманывать и угонять мое трудами нажитое добро? Да я тебе все внутренности вымотаю и отдам собакам на съедение!

— Да, я смел и имею на то полное право, — сказал Ачимез, — потому что я сын Ачи, погибшего от твоих, уже прежде запятанных кровью моих шести братьев, рук. Я приехал рассчитаться с то-

* Ш а п а — слуга.

бою за них. Теперь посмотрим, кто останется побежденным: щенок или старая собака.

Тут у них закипела ожесточенная битва, продолжавшаяся целый день.

Ачимез, видя, что силою ему ничего не поделатъ с своим закаленным в битвах врагом, пустился на хитрости: вдруг упал на землю и притворился мертвым. Хубун, считая его убитым, подошел к нему, но, не найдя на нем ни одной смертельной раны, с состраданием сказал: «Бедный мальчик, ты умер от страха и усталости!» Затем, взявши его к себе на седло, отправился с ним домой и там, с помощью своей жены, положил его на ночь в одно сарай.

Когда в доме Хубуна все стихло и погрузилось в сон, Ачимез тихонько вышел из своего убежища, осмотрелся кругом и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, незаметным образом вошел в спальню Хубуна, взял висевший на стене его меч и отсек ему голову. Потом, уговоривши еще очень молодую и редкой красоты жену Хубуна быть его женой, забрал все его богатство и подданных и возвратился на свою родину, где сделался богатым и сильным властителем и вождем храбрых нартов.

II. ЭМЕГЕНЫ

(с. 145) Однажды три партских богатыря Урызбек, Сосруко и Гиляхсыртап Злоязычный отправились на охоту по непроходимым кавказским лесам, где было множество всяких зверей. Но на этот раз как-то им не посчастливилось и охота их была неудачная. Пробродив целый день безуспешно и сильно утомившись, они должны были с пустыми желудками остановиться на почлег. Осматриваясь во все стороны, к большому своему удовольствию они увидели недалеко зарево горящего костра и решили отправиться туда, чтобы воспользоваться хоть чужим гостеприимством и чем-нибудь подкрепить свои упавшие силы. Подъехав к горящему костру, они, к ужасу своему, увидели двух громаднейших эмегенов, сидевших около огня и пожиравших своими огромными зубами оленя в сыром виде; в стороне же лежало еще немалое количество убитых оленей.

При виде таких чудовищ парты оробели, не зная, на что решиться. Однако уйти было уже поздно, так как они сами были замечены ими. Тогда парты, чтобы не обнаружить перед эмегенами своей трусливости, смело подъехали к ним и, проговорив обычное приветствие, объявили себя их гостями. Обрадованные эмегены предложили им слезть с лошадей и разместиться вокруг огня. Затем, исполняя священный долг гостеприимства, они зажарили им самого жирного оленя.

Удивленные таким оборотом дела, парты ободрились и, отлично поужинав, спокойно улеглись спать. На другое утро эмегены объявили своим гостям, что, по их давно заведенному порядку, всякий за-

езжий гость должен безотлучно находиться у них не менее трех дней. Поэтому, во уважение к своим законам, они требовали от (с. 146) нартов беспрекословного во всем повиновения себе и грозили, что накажут смертью того из них, кто попытается уйти отсюда.

Нарты хорошо сознавали свое бессилие перед этими грозными великанами и потому волей-неволей должны были покориться своей судьбе и в бездействии провести три дня в гостях у чудовищ. В течение первых двух дней эмегены с большим усердием угощали своих кунаков, но на третий сказали им:

— По нашим мудрым законам мы окончили свое двухдневное угощение; теперь законы наши предписывают гостям в свою очередь угощать премудрых эмегенов *. А так как с вами ничего нет, кроме ваших безобразнейших лошадей, то мы сначала примемся за них, а затем, пожалуй, очередь дойдет и до их глупых хозяев.

Сказавши это, они тотчас же с жадностью набросились на лошадей и, связавши их как ягнят, стали пожирать живьем. Терзая их своими крепкими, как сталь, зубами, они с ног до головы обагрились кровью, от чего стали еще более безобразными и ужасными.

Управившись с лошадьми, они было хотели уже полакомиться самым излюбленным для них блюдом — человеческим мясом, для чего уже связали самого младшего из нартов — Гиляхсыртана; но его товарищи, видя и свою неизбежную гибель и пользуясь несообразительностью и глупостью своих врагов, пустились на хитрость, как последнее средство для своего спасения.

— Благоразумнейшие и мудрейшие эмегены! — сказали они. — Мы приехали к вам по одному важному делу, не объявляли (с. 147) же вам о нем потому, что вы нас не спрашивали.

Эмегены, польщенные словами нартов, вдруг остановились и обратились в слух, приказав им рассказать, в чем состоит их важное дело.

Урызбек как старший из нартов начал так:

— У нас между нартами издавна остаются нерешенными три вопроса, которые производят постоянные ссоры и драки между нами. Чтобы положить конец всем этим несогласиям, нас послали к вам, как мудрейшим из всех живущих на земле, просить решить их и тем водворить в среде нартов мир и согласие. В этих вопросах заключаются следующие три вещи: молоток, долото и угольные щипцы. Что из этих трех вещей первое изобретено и появилось в свет?

Эмегены на минуту призадумались. Потом один из них, поднявши голову, с торжеством сказал:

* Эмегены обладали громаднейшею силой, но были в высшей степени глупы, несообразительны. Тем не менее они любили называть себя премудрыми и считали все остальное безобразнейшим и глупым.

— Глупы вы и ваши собраты! Первым изобретен молоток!

Второй же, чтобы не уступить первенства своему товарищу и показать перед нартами свою мудрость, назвал долото. Вследствие этого у них завязался сильный спор, перешедший потом в страшную драку, причем они ожесточились до того, что начали вырывать с корнями громадные деревья и награждать ударами друг друга, забыв в своей ярости все окружавшее.

Между тем наши хитрецы, пользуясь ожесточенной борьбой чудовищ, развязали своего товарища и скрылись в дремучем лесу, оставив далеко за собою страшный шум и треск вековых деревьев, ломавшихся в сильных руках эмегенов, и нечеловеческий визг их самих, по глупости оспаривавших силою друг у друга первенство в мудрости.

III. ДЕВЛЕР ИЛИ КТО СИЛЬНЕЕ?

(с. 148) В одном из кавказских аулов некогда жил с женою и детьми один бедный человек, по имени Дев; из домашних животных у него была только одна корова, которую он берег пуще своего глаза, потому что она была кормилицею всей его семьи. Но так как жительство его находилось среди гор и дремучих лесов, где водилось несметное множество хищных зверей, то он от нападения их обнес свою хижину высокою стеною и устроил в ней крепко запиравшиеся ворота.

Однажды кормилица-коровка не возвратилась домой с пастбища в свое обыкновенное время и тем наделала большой переолох в семействе Дева, потому что все были уверены, что с нею случилась какая-нибудь беда. Сам Дев, вооружившись дубинкою, тотчас же бросился отыскивать ее. Бродя по лесу, он, наконец, нашел свою корову действительно в опасном положении: прижавшись задом к одной из скал, она отчаянно защищалась своими рогами от нападавших на нее волков. С дубинкою в руках Дев бросился к ней на помощь и, отогнав кровожадных зверей, погнал ее домой; но волки, скоро оправившись от внезапно наведенного на них страха, последовали за ним. С большим трудом отбиваясь от этих лютых зверей, кое-как Дев добрался до двора; но тут новая беда: ворота во двор заперты, а жена крепко спит. Между тем раздраженные волки со всех сторон с яростью обступают его, и только ловкая дубинка в его сильных руках внушает им некоторый страх и заставляет держаться на почтительном расстоянии. Тогда Дев, видя, что на его крик не отпираются крепкие ворота, недолго думая, схватил свою корову в руки и мигом перебросил ее через забор (с. 149) во двор, затем, отмахнувшись еще раз от рассвирепевших преследователей, мгновенно перескочил во двор и сам. Волки опешили, и, постояв несколько перед оградой и пропев обычную свою голодную песенку, разбрелись в разные стороны.

Перескочивши во двор, Дев точно также остановился в недоумении: он сам до сего времени не подозревал в себе такой силы и ловкости. Сильно обрадовавшись столь важному открытию, он вскричал: «Есть ли на свете кто-либо сильнее и ловче меня?» — и решил на другой же день отправиться отыскивать такого. После этого он лег спать.

На следующий день, проснувшись утром, он вспомнил о вчерашнем приключении и, захватив все необходимое для дороги, отправился вниз по течению реки искать, не встретит ли кого сильнее себя.

Пройдя немалое расстояние, вдруг он видит: на берегу реки сидит человек и ловит удочкой рыбу; в руках у него вместо хворостинки большой брус. Не без страха Дев подошел к нему и сказал: «Ай кюнюн акши бусун! Чабак кеп бусун!*

— Что ты ходишь и чего ищешь? — спросил его рыбак. Дев рассказал ему свое приключение и намерение. Рыбак, чтобы испытать его силу и дать понять о своей собственной, сказал:

— Как сильный человек поддержи-ка ты мою удочку, пока я схожу по естественной надобности!

Бедный Дев, держа брус, чуть не падорвался от напряжения, пока дождался рыбака. Взявши от него удочку, незнакомец сказал: «Я вижу, что ты удивляешься моей силе, но иди дальше и ты увидишь еще сильнее меня». (с. 150) Дев отправился дальше и увидел действительно еще одного рыбака, у которого в руках удилище было гораздо больше, чем у того, которого он встретил раньше. Этот проделал с ним то же, что и первый, и посоветовал идти дальше, уверяя, что там он может увидеть человека еще сильнее его.

Дев пошел дальше и увидел еще третьего рыбака за тем же занятием, но еще с большим удилищем. Этот последний, давши ему испытать тяжесть своего удилища, направил его по особой тропинке на гору, сказавши, что там он найдет хижину, в которой увидит такую силу, которая равняется всем трем силам, видешным им раньше. Дев, побуждаемый любопытством, отправился по указанному пути. Взойдя на прекрасную поляну, он увидел большую хижину, сделанную из самых больших бревен; на пороге ее сидела старуха и прядла шерсть. Увидевши приближающегося к ней человека, она встала и, после обычного приветствия, спросила: «Кто ты, как попал в такое глухое место и зачем?»

Дев рассказал ей все свои приключения и объявил причину, побуждавшую его на такое небезопасное странствование.

— Жаль мне тебя, бедный человек, — сказала старуха, — раз за-

* Первая фраза — обычное приветствие среди дия, а вторая — пожелание успеха в ловле рыбы. (Правильно: Ай кюнюн ашхы болсун! Чабак кеп болсун. — Р е д.)

шедши сюда, ты уже не можешь выйти отсюда живым без моей помощи. Если мои сыновья вернутся, то бог знает, что с тобою может случиться.

После этого она выкопала в своей хижине веретеном яму, спрятала его туда, а сверху забросала подушками.

Вскоре после этого пришли ее три сына с большим запасом рыбы.

— Где же наш гость, которого мы сюда прислали? — спросили они, не видя нигде Дева.

Старуха попыталась было отговориться неведением, но видя, что таким путем (с. 151) она ничего не достигнет, вытащила Дева из ямы с намерением избавить его от гибели более хитрым способом. Как бы с намерением показать гостю все его ничтожество, она посадила его посреди комнаты, сыновей рассадила по трем углам, сама же села в четвертом; потом приказала каждому сыну по очереди дуть на Дева, от чего тот как мяч катался то к одному, то к другому. Затем она велела всем разом дуть как можно сильнее под Дева, от чего тот вдруг поднялся вверх и вылетел в трубу. Тут он, чувствуя себя на свободе, бросился бежать что есть мочи, куда глаза глядят.

По счастью скоро он наткнулся на громадного человека, тащившего необыкновенной величины арбу с солью; на боку у него был плетень. От удивления и страха Дев остановился, но, видя на лице незнакомца доброту и приветливый взгляд, решился просить у него защиты против своих преследователей. Добрый силач немедленно снял с себя сапог и, положивши в него трепещущего от страха Дева, бросил на арбу. Только что он взялся опять за тягло, чтобы продолжать свой путь, как вдруг явился один из преследователей и, грозно размахивая руками, закричал:

— Как ты смел, негодяй, прятать нашу жертву! — и при этом бросился на него с остервенением.

Силач, недолго думая, схватил его одной свободной рукой за шиворот, повалил на землю и, вырвавши у себя из бороды несколько волосков, связал ему руки и ноги.

Только что он успел управиться с ним, как явились один за другим и остальные два брата; но и их добрый силач укротил таким же образом и заставил лежать на земле неподвижно.

(с. 152) После этого он снял с арбы сапог и, вытащивши из него Дева, сказал:

— Ну, теперь не бойся, милый человек, и скажи: как ты попал в такое опасное место и зачем?

Дев, оправившись несколько от страха, рассказал своему спасителю все, что с ним было. Добряк, выслушавши его, сказал:

— Нет, милейший, никто не в праве воображать себя сильнее всех! Ты видел, какую я имею силу, но есть люди еще сильнее меня. Я расскажу тебе только то, что я сам видел и испытал, а ты,

выслушавши это, сам потом посуди, возможно ли себя вообразить сильнее других.

Однажды я взял к себе одного мальчика на воспитание и, вырастивши его, вздумал женить. Мы поехали с ним к одному богатому князю, чтобы взять у него его дочь, славившуюся красотою на все окрестности. Дорогою нас застигла ночь в лесу и мы остановились там почевать. Проснувшись ночью, вдруг я слышу ужасный шум и треск; я удивился и, взглянув кругом, заметил, что от выходящего изо рта спящего моего воспитанника дыхания деревья ломаются и валятся, как от самой сильной бури.

Увидевши это, я пришел в ужас и решил покончить с ним, так как мне с таким сыном несдобровать. Я начал таскать что ни на есть самые большие деревья и валить на него, думая тем раздавить и уничтожить его. Но мальчик, проснувшись, стряхнул их с себя, как какие-нибудь мелкие прутья, потом, обратившись ко мне, спросил, зачем я все это сделал, и заметил, что я напрасно трудился. Я же, чтобы не впасть пред ним в подозрение, оправдывался тем, что будто бы все это сделал для того, чтобы прикрыть его от свежего почного воздуха.

(с. 153) После этого мы благополучно доехали до места нашей цели и, взявши от князя красавицу-невесту, преспокойно возвращались домой. Вдруг слышим мы за собою погоню, обращаемся назад и видим, что за нами гонится какой-то человек. Сын мой узнал в нем своего соперника и просил меня вернуться и разделаться с ним. Когда я стал приближаться к преследователю, он, остановившись, подул на меня с такою силою, что лошадь моя не могла дальше следовать, и я, видя свое против него бессилие, должен был возвратиться назад без успеха. Когда рассказал я обо всем этом своему сыну, то он передал мне свою невесту, а сам воротился к своему противнику; тут у них завязалась отчаянная борьба. Обезоружив в борьбе друг друга, они стали барахтаться, как дикие звери, выбивая при этом по колено землю своими могучими ногами. Затем оба с оглушительным шумом повалились на землю. Тут сын стал умолять меня подать ему его меч, чтобы скорее покончить с врагом. Я же, вместо того, чтобы помочь сыну, вынул свой меч и хотел отрубить ему голову; видя мое намерение, он дунул на меня с такою силою, что я был отброшен на большое расстояние и, падая, попал боком на острый камень, так что повис на нем. Сын же, управившись с своим врагом и без моей помощи, возвратился ко мне и, снявши меня осторожно с камня, принялся ухаживать за мной: с помощью своей невесты достал целебных трав, обложил ими мои раны, а к пробитому месту привязал вот этот плетень. Потом меня усадили на лошадь, и мы отправились дальше.

Проехав несколько вперед, мы заметили, что на нас мчится какая-то необыкновенной белизны лошадь, а на ней сидит очень маленький человек с огромной бел(с. 154)лой бородой. Подъехавши к

нам, человек этот мгновенно схватил одной рукой моего сына и, положивши его под стремя, скрылся в дремучем лесу. Там, остановившись, он слез с лошади, взял большое дерево и, расщепивши конец его, вложил в него моего сына, а потом, разложивши большой костер, положил на него свою жертву, чтобы жарить его, как шашлык; сам же после этого лег и, укрывшись буркою, захрапел.

Сын мой от мучительной боли начал биться, но лошадь своим оглушительным ржаньем разбудила своего господина; тот же, вскочивши на ноги и не видя близ себя никакой опасности, начал бить ее за то, что она напрасно нарушила его покой.

Затем он взял моего сына и, обрезавши у него сверху несколько прожарившееся тело, съел, после чего, переложив сына моего другим боком к огню, опять захрапел. Сын опять начал барахтаться, желая как-нибудь высвободиться из крепких тисков, но лошадь снова предупредила своего хозяина. Последний поднялся и, убедившись в своей безопасности, принялся еще больше прежнего бить своего коня. Натешившись вдоволь такими нобоями, он взял опять моего сына и, обрезавши прожарившееся место, съел, после чего, положивши его опять к огню, захрапел еще сильнее прежнего.

Тогда лошадь, рассердившись на своего неблагодарного хозяина за напрасные побои, человеческим голосом сказала моему сыну:

— Добрый человек, постарайся высвободиться из этой проклятой трещины! Моего хозяина ничто не может разбудить, кроме моего ржания, но я теперь не намерена будить его. Потом возьми его собственный меч и отруби ему голову. Когда это сделаешь, как можно скорее спрячься под меня!

Мой сын, услышав ее добрый совет, напряг все свои силы и высвободился (с. 155) из крепких тисков. После этого взял меч кровожадного людоеда и одним взмахом отрубил ему голову, сам же тотчас бросился под лошадь. Людоед в ту же минуту вскочил без головы и начал бросаться во все стороны, отыскивая своего убийцу, но, не найдя его нигде, вернулся на свое место, лег и тут же околел.

Сын мой, обрадовавшись, что успел наконец разделаться с людоедом, отвязал его лошадь и, севши на нее, приехал с обгорелыми боками к нам, все еще ожидавшим его на прежнем месте. Я и невеста его на этот раз искренно обрадовались его возвращению и, видя его обезображенным, принялись с помощью целебных трав лечить его бока. Раны его скоро зажили, но только, к удивлению нашему, на местах ожогов выросла очень густая шерсть, вследствие чего он из красавца сделался довольно безобразным. Поэтому днем он никуда не показывается, зато ночью разделявает ужасные вещи: обирает и убивает беспощадно всех, попадающихся в его сильные руки.

— Вот видишь, какие бывают люди на свете! — закончил добрый слуга. — Я же, с своей стороны, жалея тебя и сочувствуя твоей бедности, даю тебе столько денег, сколько ты можешь донести, но

при этом советую попусту не шлаться по свету и не искать невозможного, ибо никто не может воображать себя сильнее всех.

IV. КТО БОЛЬШЕ?

Некогда по долинам и ущельям Кавказа бродил неслыханной величины бык. Если он подходил к водою, то голова его касалась реки, а задняя часть была на горе; а когда он начинал пить воду, то выпивал ее всю, и ниже его река прекращала свое течение.

(с. 156) В это же самое время в тех же местах появился очень большой орел, обладавший страшною силою. Орел этот схватил своими мощными лапами великана-быка и унёс его на одну из вершин горы; там он исколевал его и, схватив в когти одну оставшуюся в целости переднюю лопатку, слетел в долину, на которой под надзором пастухов паслись тучные стада местных жителей.

В одном из этих стад был очень большой козел с такою борою, что во время непогоды все стадо и сам пастух укрывались под нею.

В один из ненастных дней, когда козел преспокойно стоял, охраняя стадо и пастуха от шедшего в этот день проливного дождя, к нему на рога сел сказанный орел с лопаткою быка-великана в когтях и продолжал объедать оставшееся на ней мясо.

Пастух, которому наскучило томительное ожидание погоды, высунил из-под бороды козла голову и взглянул вверх, чтобы узнать, скоро ли перестанет дождь. Орел, испугавшись пастуха, слетел с рогов и выпустил из когтей свою добычу. Лопатка, падая, попала одним концом пастуху в глаз и застряла там.

Пастух от нестерпимой боли поднял сильный крик и раздирающие душу вопли. На его отчаянные крики сбежались люди и кое-как, с помощью ломов и лопаток, вывернули из глаза его эту занозу.

Прошло несколько лет; лопатка покрылась землею и всякого рода растениями, и на ней поселился целый аул, причем жители ни сколько не подозревали, что построили свои сакли на одной кости.

Один конец лопатки, несколько выдававшийся вверх, не совсем был закрыт землею. Великанша-лиса, бродя ночью, как-то попала на эту часть кости и принялась (с. 157) грызть ее, отчего лопатка со всеми на ней постройками пришла в движение; жители аула от сотрясения все переполошились и, выскочив из саклей, увидели, к великому своему удивлению, громадных размеров лису, которая преспокойно грызла кость и тем приводила в сотрясение весь их аул. Тогда они схватились за оружие и, окруживши ее со всех сторон, начали колотить, чем кто мог, до тех пор, пока та не повалилась бездыханною на землю.

На другой день (посмотреть) на это чудо собрались все жители аула и порешили снять с лисы кожу и разделить ее между собою. Скоро все принялись за дело, но, ободрав верхнюю сторону лисы,

принуждены были оставить свою работу, потому что, сколько ни на-прягали своих сил, не могли даже сообща перевернуть ее на другой бок.

В это самое время не遠деке проходила одна удивительной величины женщина. Увидев толпу жителей, возившихся над чем-то, она завернула к ним. Тут, узнавши, в чем дело, она сказала:

— Если только вы дадите мне на шапку часть лисьей шкуры, то уж так и быть — я переверну ее вам!

Толпа удивилась, но из любопытства жители согласились на ее предложение. Тогда эта великанша взяла лису одной рукой и перевернула на другую сторону.

Снявши шкуру, жители аула разрезали ее на две равные части, и одну отдали великанше, а другую разделили между собою. Но удивительно то, что из второй половины хватило всем жителями аула каждому на шапку, а великанше из такой же половины не вышло и одной шапки.

Спрашивается: кто же тут больше всех в этом рассказе?

У. ДЖЕЛМАУС

В незапамятные времена в одном ауле жил ка (с. 158) кой-то богатый князь. У этого князя однажды родилась дочь, по имени Джелмаус, и в ту же ночь из дома родителей ее таинственно исчезли теленок и одно ведро воды. Домашние княжеской семьи немало были удивлены этим необъяснимым исчезновением, но, чтобы не подать повода к различным толкам, решились сохранить это в тайне от других.

Но с этой первой роковой ночи исчезновение телят и воды стало повторяться каждую ночь и у других жителей аула, так что все они не на шутку переполошились и стали доискиваться причины этого явления. Сначала они думали, что какой-нибудь из диких зверей истребляет их скотину, но никакое из предпринимаемых ими средств к отысканию его не привело к цели; между тем как за исчезновением мелкого скота в скором времени стал исчезать и крупный. Поэтому они пришли к убеждению, что скот их пропадает от какой-нибудь сверхъестественной силы, и снова стали доискиваться, где начало этому злу.

Вскоре стало известным, что у князя не очень давно родилась дочь и что она растет неимоверно быстро. Это обстоятельство дало повод к заключению, что новорожденная княжеская дочь не простая смертная, а эмеген, что это она пожирает скотину и что от нее нужно ожидать еще больших бед; избавиться же от нее уже не было никакой возможности, так как она была в то время настолько сильна, что могла любого взрослого человека моментально разорвать на части.

Один из братьев Джелмаус, Киилы*, желая избежать угрожающей ему со стороны сестры опасности, отправился на берег Черного моря и там поселился; а для того, чтобы чем-нибудь поддерживать свое существо(с. 159)вание, стал заниматься рыболовством. Однажды он поймал необыкновенной величины рыбу и внутри нее нашел, к своему удивлению, двух еще живых борзых щенят, которых стал кормить и лелеять, и тем приготовил из них для себя двух верных друзей. Теперь он уже мог оставить рыболовство и заняться охотой, которая ему более нравилась. Охота его была очень удачна, так как собаки были настолько ловки, что даже ловили на лету птиц. Новым занятием охотник наш вскоре скопил себе некоторое состояние и обзавелся оседлостью.

Но Киилы томил неизвестность о родные; ему очень хотелось посетить ее, и наконец он решился привести в исполнение свое желание, только не знал, взять ли с собою собак для защиты на случай несчастья, или же оставить их для присмотра за домом. Вскоре собаки сами вывели его из затруднительного положения, посоветовав ему оставить их дома, а взять с собою немного их шерсти, при этом они сказали ему, что стоит только ему, в случае несчастья, бросить эту шерсть в огонь, как они немедленно явятся к нему на помощь.

Киилы очень обрадовался этому, оставил своих друзей дома и с спокойным сердцем один отправился в путь. Но, прибыв на родину, он был крайне поражен тем, что не нашел там никого, кроме кузнеца и своей сестры.

Джелмаус встретил его с великою, по-видимому, радостью, которая его поставила в колючие, самого же отвела в дом. Разложивши на очаге огонь для приготовления угощения, она зачем-то вышла на двор. Через несколько времени, возвратившись обратно в саклю, она спросила брата, как это он приехал на лошади о трех ногах. Киилы сначала принял эти слова за шутку и заметил, что лошадь его достойна не насмешек, а похвалы, так как она сослужила ему великую службу. Когда же (с. 160) сестра заявила самым убедительным тоном, что она не шутит, Киилы, удивившись ее словам, вышел к лошади и, к своему несчастью, убедился, что она действительно о трех ногах. Догадавшись, кто был виновником такого зверства и для какой цели, Киилы с большим усилием подавил свое негодование, соединенное со страхом, и старался казаться равнодушным, чтобы отклонить от себя подозрение сестры и не дать ей заметить, что он желает ускользнуть от ее наблюдательного глаза и ищет случая как-нибудь спастись.

Спустя немного времени Джелмаус в другой раз вышел из сакли и, возвратившись назад, объявила брату, что лошадь его осталась только о двух ногах. Тут Киилы стал следить за выходом сестры и узнал, что она после съедения каждой лошадиной ноги бегала к

* Страждущий или терпящий. (Вернее: кыйылы. — Р е д.).

кузнецу точить свои крепкие стальные зубы. Тогда ему стало ясно, почему она оставила в живых кузнеца, тогда как всех других пожрала. Между тем Джелмаус еще два раза выходила на двор и, возвращаясь в саклю, говорила, что лошадь Киплы осталась то об одной ноге, то, наконец, совсем без ног.

Бедный Киплы, сильно встревоженный, все придумывал различные способы, как бы хоть самому-то избавиться от своей кровожадной сестры, но мысли его от страха пугались, сердце трепетало, и он, наверно, не мог бы ничего придумать и был бы съеден своею сестрою, если бы к нему не явилась на помощь мышка. Дело в том, что когда Джелмаус вышла в последний раз, чтобы пожрать уже туловище лошади, мышка, выскочивши из подполья, посоветовала ему немедленно отправиться в такое место, где бы ему не угрожала никакая опасность, а сама обещала в то же время на вопрос его сестры, куда он ушел, — обманывать ее до трех раз, указывая ей ложно разные пути.

(с. 161) Киплы, поблагодарив мышку за ее к нему сострадание и добрый совет, не медля ни минуты, отправился в путь.

Эмегенша, управившись с остатками коня, вошла в саклю, чтобы уведомить брата об исчезновении его лошади, но, не найдя его, пришла в бешенство и пристала к мышке с вопросом, куда он скрылся. Мышка верно исполнила свое обещание: три раза Джелмаус бегала за братом в разные стороны и только в четвертый раз бросилась уже без указания по настоящей дороге.

Киплы, выбившись из сил и потеряв всякую надежду на спасение, решил наконец призвать на помощь своих собак. Верные собаки явились в пору, ибо Джелмаус уже приближалась к нему с налившимся кровью глазами и открытой пастью. Тогда Киплы велел своим собакам броситься на Джелмаус, и тут-то пошла общая свалка и отчаянная борьба, в которой ничего нельзя было разобрать, только клочья летели вверх и кровь брызгала во все стороны.

Но как эмеген ни была сильна, однако собаки одолели ее и разорвали на куски; осталась только одна голова с стальными зубами, не поддававшаяся никаким усилиям собак и все еще отбивавшаяся от них. Желая уничтожить ее окончательно и разорвать надвое, собаки схватили ее — одна за волосы, а другая — за нижнюю челюсть; голова же вдруг закачалась и, поднявшись вверх, улетела вместе с собаками на луну. С тех пор голова эмегена сделалась вечным врагом луны, а собаки — вечными ее стражами: круглый год они не смыкают глаз и оберегают луну от головы эмегена и только один раз в течение года, утомившись, засыпают. Голова эмегена, пользуясь этим случаем, набрасывается на луну, от чего та темнеет; тогда карачаевцы, видя такое явление, тотчас же начинают стрелять в воздух и как можно (с. 162) громче кричать, чтобы разбудить верных стражей. Проснувшись от выстрелов и криков, собаки оттаскивают эмегена в сторону, и луна снова светлеет.

Предание о горном озере Хурла-кёль

В отдаленные времена на вершинах Хурла-джалпаки жили четыре брата: Аймуш, Сикун, Сиймуш и Сийнух. Первый из них занимался овцеводством, второй козловодством, третий вообще скотоводством и четвертый хлебопашеством. Все они поочередно гоняли своих животных в ущелье Индыш поить кисло-соленой водою, которая и по настоящее время пользуется уважением скотоводов.

В один прекрасный день Аймуш, возвращаясь с Индыша по направлению к горному озеру Хурла-кёль, вел за собою свое многочисленное стадо овец, оберегаемых и подгоняемых пастухами. В эту ночь он решился, по обычаю, украсть в жены одну из горских красавиц, уже заранее намеченную им. День был на исходе и солнце клонилось совсем уже к западу.

Вдруг Аймуш слышит какой-то таинственный голос, произносивший его имя; он моментально, прервав свою песню, огляделся во все стороны и увидел летавшего над собою черного ворона необыкновенной величины, который говорил:

— Аймуш! Не противоречивши никогда братьям, не принимая в свое стадо ни одной чужой овцы, не бравши за руку ни одной сероокой красавицы, что ты теперь замыслил? Ты хочешь оскорбить своих братьев, взявши вопреки их желанию себе жену, гордую красавицу. Покайся, пока еще есть время, и принеси в курман (с. 163) — лык имеющегося у тебя самого лучшего белого черноухого валуха; в противном случае, по воле Сердцеведца, ты жестоко заплатишься за свой легкомысленный поступок.

Но Аймуш, подозревая в говорящем вороне злого духа, гордо отверг его совет и продолжал свой путь.

Подходя к озеру, он остановил на ночлег свое стадо на зеленобархатной, просторной поляне под надзором своих пастухов; сам же отправился домой с целью в эту ночь непременно исполнить свое давно лелеянное намерение. Из дому он послал для главного присмотра за овцами своего любимого брата-пахаря, приказав ему не производить в эту ночь никакого шума, какой бы переполох ни произошел в его стаде.

Сийнух, придя к братнину стаду, поместился на ночлег около озера, а пастухам приказал лечь с противоположных сторон вокруг стада. В самую полночь вдруг он слышит сквозь сон сильный гул, просыпается и видит страшный переполох овец в стаде и между ними бегущего необыкновенной белизны барана с огромными золотыми рогами, издававшими какой-то фосфорический свет. От удивления и страха Сийнух, забыв приказание брата, закричал во все горло. Золоторогий баран тотчас же стремительно бросился в озеро, а за ним, с не меньшей быстротой, последовало и все стадо. Сийнух

от изумления стоял, как каменный, и очнулся только тогда, когда уже последние овцы исчезали под водою озера. Очнувшись, он успел схватить и удержать за ногу лишь одного самого тощего ягненка.

После столь необычайного происшествия Сийнух отправился домой и известил своего брата обо всем случившемся.

Аймуш, только что похитивший невесту и ласкавший себя сладкою надеждою провести остаток ночи в ее (с. 164) объятиях, услышавши о гибели своих овец, которые составляли все его богатство, забыл и свою невесту, и все окружающее, и стремглав бросился на место катастрофы; тут он увидел одних только пастухов, со страхом поглядывавших на озеро, где погибли все овцы. Не имея сил вынести столь тяжкое испытание, Аймуш, как безумный, с раздражающим душою криком, бросился сам в озеро и скрылся на глазах пастухов в тех же таинственных волнах, где погибло все его стадо.

Некоторые карачаевцы и до сих пор убеждены, что Аймуш и по настоящее время жив, невредим и разгуливает со своим стадом под озером в каком-то подземном царстве; говорят, что и по сию пору во время весенней стрижки овец шерсть овец Аймуша показывается на поверхности озера.

VII. КАРЧА

Карча считается родоначальником карачаевцев. Некогда с небольшим своим племенем он вышел из Крыма и после долгих скитаний поселился на одном из верховьев р. Баксана, где прожил, никем не замеченный, около шести лет.

В одно время он вздумал построить мост через быстро текущую реку. Жившие внизу кабардинцы, увидев плывущие по реке щепки, немало удивились и донесли об этом своему князю Кази. Раздраженный князь твердо решился наказать нарушителей своих прав, самовольно явившихся в его владения, и вскоре, снарядив из своих храбрых кабардинцев сильный отряд, отправился отыскивать их в верховьях реки Баксана. Но, найдя, что карачаевцы живут в местности, совсем ему ненужной, (с. 165) изменил свои прежние жестокие намерения, обошелся с ними миролюбиво и положил только с них дань скотом по обоюдному согласию.

Через несколько времени Карча, не плативший никогда прежде никому дани, счел свои обязательства по отношению к кабардинскому князю низостью для себя и решился отказаться от них. Поэтому, когда явились к нему посланные от Кази за данью, он вместо дани послал ему связанную старую паршивую собаку.

Кази от такой обиды пришел в ярость и решился жестоко наказать своих непокорных данников. Собрав сильный отряд, он явился к карачаевцам.

Карча хотя и предвидел беду и приготовился к защите, но со своею малочисленною дружиною не мог выдержать напора сильных

кабардинцев; потому он оставил в руках победителя все имущество и семейство и с уцелевшими своими дружинниками скрылся в горы, потом перебрался в Сванетию просить помощи у сванетов. Последние, сочувствуя его бедственному положению, с радостью согласились на его просьбу.

Тогда Карча с обновленными силами перебрался опять во владения кабардинцев, но так как у него войска все же было меньше, чем у его врагов, то он не решался вступить с ними в открытый бой, а ограничивался набегами и захватом их многочисленных стад.

Однажды он узнал случайно, где находится главное местопребывание стад самого Кази, и, прокравшись ночью к его кошу, засел в таком скрытом месте, откуда свободно мог видеть и слышать все происходящее около горящего костра пастухов.

Вот главный надзиратель за стадами Кази поймал самого лучшего из всего стада барана и, приведши его к (с. 166) огню, стал делать над ним обычное омовение, для приготовления его в курманлык *, приговаривая:

— Если только Аллах избавит нас в эту ночь от рук ненасытного Карчи, то мы принесем этого барана завтра в курманлык.

Карча, услышав это, тоже про себя сказал: «А если нам благополучно удастся захватить в свои руки эти стада, я тоже его принесу в курманлык».

Когда пастухи улеглись, Карча бросился на них и, перевязавши всех, угнал все бывшие там стада Кази. Загнавши их в безопасное место, он поймал приготовленного уже пастухами в курманлык барана и, выведя его на средину пред пастухами, сказал: «За благополучное окончание моего дела я этого барана припошу в курманлык».

Пастухи, удивившись, переглянулись между собою и невольно улыбнулись. Карча же, наблюдавший за их действиями, спросил их, чему они смеются? Пастухи рассказали, что они этого самого барана еще вчера обрekli в курманлык за свое будущее спасение.

— Я тоже еще вчера обрек его в курманлык за будущую удачу. — сказал Карча, — но так как вы прежде это сделали, то я возвращаю его вам.

Потом, обратившись к главному надзирателю, он добавил:

— Возьми этого барана, отправляйся с ним к своему господину и скажи ему, что все богатство его находится в моих руках и что если он хочет его возвратить себе, то пусть явится ко мне на мирные переговоры. Я буду ждать его вон там (при этом он назвал известное им место, очень удобное для оборонительного положения). — Если же он не явится через три дня, то все его богатство безвозвратно погибнет.

(с. 167) Кази, услышавши от возвратившегося надзирателя, что

* Предназначая барана в курманлык, сначала омывают водою не всего его, а только уши и ноги при известной молитве.

все его стада в руках врага, сильно опечалился, так как пропавшие стада его стоили гораздо дороже всего того, что он взял прежде у Карчи. Надеясь на силу и храбрость своих кабардинцев, он мог бы и силою возвратить все взятое его врагом, но срок, назначенный им, был так короток, что в течение его он не был в состоянии собрать такое количество войска, чтобы успешно можно было бороться с Карчею, а потому он решился с своею небольшою дружиною отправиться в назначенное место для мирных переговоров с ним.

Остановившись на условленном месте, Кази повел переговоры через переводчика, проживавшего в то время у него, выходца из Крыма-Шамхала. Карча же во время переговоров сидел на одном большом камне и предписывал своему врагу условия мира. Он требовал от Кази: 1) полного возвращения всего взятого кабардинцами; 2) полной независимости и 3) уплаты всех расходов по найму сванетских войск.

На выполнение первых двух пунктов Кази беспрекословно соглашался, но на третий ни за что не хотел согласиться. Тогда Карча пришел в сильный гнев и, привставши, сказал: «Если так, то пусть же Кази попробует взять свое стадо у меня силою!» При этом он с такою силою опустил на камень, что он с оглушительным треском раскололся на четыре части *.

Кабардинцы, видя в своем враге такую сверхъестественную силу, страшно испугались и поспешили с точностью выполнить все предложенные им условия мира.

После этого Карча, не желая более оставаться на (с. 168) Баксане с такими беспокойными соседями, переселился в ущелья верховьев реки Кубани. Переводчик при переговорах — Шамхал — решил также к своим соплеменникам и женился на дочери Карчи.

По смерти Карчи власть его перешла к его зятю, Шамхалу из Крыма, почему и потомство его стало называться князьями Крым-шамхаловыми.

Карачаевский аул. 1882.

* Говорят, что этот камень и до сего времени цел, и карачаевцы, побывав на Баксане, своим долгом считают посмотреть на этот памятник силы своего родоначальника.

МИЛЛЕР В., КОВАЛЕВСКИЙ М.

В ГОРСКИХ ОБЩЕСТВАХ КАБАРДЫ

ПРЕДАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БАЛКАРСКИХ ФЕОДАЛОВ (ТАУБИЕВ)

(с. 553) К какой народности принадлежало туземное население нынешней Балкарии, этого рассказчик не мог сказать. Но целый ряд топографических названий указывает в туземцах осетин¹. Общее название для потомков туземных фамилий, подчинившихся таубиям — Сауту (по-осет. саута — черные). Одни из туземных родов — Мысаковы — имели на берегу Терека башню, от которой и получили фамилию (по-осетински башня называется Масуг). Когда башня была снесена рекою, род Мысаковых рассеялся по разным аулам. Говорят, башня была так крепка, что, обрушившись в воду, целой массой, долго не разбиваясь на части, неслась по течению.

В отдаленные времена пришли в эти места предки нынешних балкарцев, по народному преданию, из Маджар (с. 554). Рассказчик отождествлял маджар с венграми, но, конечно, под ними следует понимать прежнее население хазарского города Маджар, которого развалины находятся на берегу реки Кумы в Новогригорьевском уезде Ставропольской губернии, близ села Прасковья. Пришельцы стали теснить туземцев и приняли имя Балкар будто бы от слов бар-кая* (иди, оставайся). Конечно, здесь нужно видеть детскую народную этимологию. Может быть, название балкар — один из видов имени болгар, которое, как видно из географии, приписываемой

¹ Вот несколько примеров: название аулов Иската (осет. искатта — сарай); Фардуг (по-осет. Фардуг-бусы — аулчик, выстроен кругом); Сауты (по-осет. саута — черные, в этих местах черный песок); Зилга (по-осет. крушение; здесь было озеро с водоворотом); реки: Саудон (по-осет. родниковая вода), Курондон (по-осет. мельничная вода); дороги: Ныхат (по-осет. заруб на скале); местности: Арвидори-Ныхып (собственно сборное место небесного камня); Масуг — укрепленное пастбищное место от осет. Масуг — башня Шарифцак (т. е. Сванетский перевал; Шар — осетин. название сванетов) и н. друг

* Правильно: бар-кал. — Р е д.

Моисею Хоренскому, было в разных формах известно на Северном Кавказе; в форме Болхары приводится это имя русскими послами Никпфором Толочановым и дьяком Алексеем Иевлевым, которые в 1650 году ездили от царя Алексея Михайловича к имеретинскому царю Александру и проезжали через балкарские земли¹.

Во время войны пришельцев с туземцами из Маджар явился в те же места некто Мысака, ставший впоследствии родоначальником некоторых балкарских фамилий. Сначала он со своими поселился отдельно от балкарцев и только находился с ними в дружественных сношениях. Предание говорит, что балкарцы изъявили согласие признать его своим таубием, если он покорит туземцев. Ему с дружиной удалось это сделать, и он стал пользоваться среди балкарцев значительным влиянием. Затем Мысака снова отправился к маджарам и привел оттуда с собою своего ленного властителя Басиата, при котором Мысака в Маджарии состоял узденем.

О происхождении и переселении Басиата предание рассказывает следующее: Басиат и Бадинат были братья. Отец их, живший при Джамбек-хане маджарском, был во враждебных отношениях со своими родственниками. После его смерти братьям пришлось выселиться, и они отправились с дружиною в Дигорию. Басиат, рассказывает предание, как старший ехал на коне, а Бадинат — на катере. Подъезжая к дигорскому аулу, младший брат уговорил старшего уступить ему коня и переплыть на катере. Вследствие этого дигорцы, приняв Бадината за старшего, так как он ехал на коне, оказали ему больше почета, и это послужило поводом к раздору между братьями. Бадинат (дигорцы называют его Бадила, а его потомков бадилатами) остался в Дигории и получил там (с. 555) за охранение ущелья при Донифарсе некоторые права; Басиат же вернулся обратно к маджарам. В это именно время туда же пришел Мысака из Балкарии и, увидя стесненное положение своего ленного господина, предложил ему переселиться на новые места. Тот согласился на это предложение. Однако Мысака, конечно, уже не хотел оставаться на новой родине узденем при Басиате, а потому при въезде в Балкар, в теснине Джилги-Тар, взял с Басиата клятву, что оба они будут впредь пользоваться одинаковыми правами.

Мысака не прямо водворился в горной Балкарии, а поселился сначала на равнине при Тереке в местности, которая называется ныне урочищем Кашка-Тау. О существовании поселения на верхнем Тереке он узнал по щенкам, которые во времена неслись вниз по течению реки. Тогда он решил перейти выше и, двигаясь по Тереку, занял нынешний горный Балкар. При слиянии двух Терекон поконится на трех камнях огромная плита. Предание говорит, что ее положил Мысака в память о себе потомству. Туземцы, сауту, стали ясакцами (данниками) у Мысаковых и платили им подать скотом и

¹ См.: Броневский. Известия о Кавказе и т. д. II, 221.

хлебом. Баснат, поселившись в Балкарии, стал родоначальником фамилий таубиев: Абаевых, Шакмановых, Джапхотовых и Айдебуловых.

С дигорцами, у которых пользовались влиянием родственники баснагов, бадинаты, — балкарцы были обыкновенно в дружественных отношениях. Между теми и другими заключались браки, и некоторые дигорские семьи даже переселялись в Балкарию...

* * *

(с. 556) В отдаленные времена один из куртатинских осетин, Элеу, проезжая в Балкарии, задумал застаться палкою в теснине Хызыны. Он высмотрел ореховый куст с тремя очень прямыми ветвями и стал их рубить. Когда он начал срезать первую ветвь, из нее раздался голос: «Не бери меня!» Тот же голос повторился из другой ветви. Из третьего же отростка послышался голос: «Возьми меня, покуда ты будешь владеть мною, я принесу тебе счастье!» Элеу срубил его одним взмахом и обделал в палку. С этой палкой он не расставался и действительно был счастлив и дома, и в многочисленных стычках с неприятелем. Однако под конец ему пришлось лишиться чудесной палки, причем, впрочем, она оказала ему последнюю услугу, возвратив ему свободу.

Однажды куртатинцы под предводительством Элеу угнали у балкарцев скот, именно у Бенин, одного таубия из рода Абаевых. Бенин бросился с дружиной в погоню за похитителями, нагнал их у Чохолы (на Урухе) и разбил наголову. Видя, что ему приходится плохо, Элеу бросил незаметным образом свою палку в кусты, чтобы она не досталась балкарцам. Сам же он с частью своей шайки понался в плен и был отведен в Балкар. Находясь в плену, он рассказал Абаеву о чудесных свойствах своей палки, и тот обещал отпустить его на волю без выкупа, если он отыщет палку и передаст ее ему. Элеу посоветовал зажечь траву на месте, где происходила стычка, и это было сделано. Тогда выгорела вся трава, кроме небольшого кружка, где лежала чудесная палка. Таким образом она перешла в род Абаевых, который и до сих пор хранит ее как святыню в особом сундуке, а Элеу получил свободу.

Впоследствии потомки Элеу не раз старались вернуть свою родовую святыню, но их попытки остались (с. 557) безуспешны. Еще до сих пор время от времени они приезжают к Абаевым, чтобы взглянуть на палку.

Эта легенда о палке свидетельствует о том, что верования в фетиши так же хорошо примиряются у кавказских горцев с христианством, как и с магометанством. Совершенно сходное с этим предание нам случилось слышать в Камунте о чудесном куске дерева, сохранявшемся в осетинской (христианской) семье Атаевых до 1865 года, когда семейный фетиш, которому приписывали благосо-

стояние предков, был сожжен благочинным отцом Гатуевым. Впрочем, ранее водворения мусульманства верования балкарцев и осетин были, вероятно, одни и те же. И те, и другие были оязычившимися христианами. Заметим, что в Балкарии также много следов древнего христианства. Есть и камень Бапрам (осет. Мапрам), некогда святилище Богородицы, которому женщины до сих пор приносят жертвы. Есть, по словам г. Цигулеева¹, при впадении реки Зилги в Терек, курган, в котором, по-видимому, была некогда церковь. Дверь ведет в небольшое, сложенное из камня, помещение в середине кургана. Здесь, будто бы очень много каменных статуй, причем одна представляет собой женщину с младенцем на руках. Мимо этого кургана, называемого осетинским именем Хусан-уат (т. е. спалыя), не посят покойников и не пропускают свадебные поезда. Все проходящие должны оставить там какое-нибудь приношение.

ЯЗЫЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ БАЛКАРЦЕВ

(с. 561) Рядом с ранним христианством у чегемцев, как и у осетин, еще долго существовали слившиеся с христианством языческие обряды. Так, на правой стороне реки Джилги еще не так давно существовал каменный домик, называвшийся л а в т ц и о г. При нем держали быка, который назывался хычауагогюз* и кормился на счет всего аула в течение года до месяца хычауман (пасха — божий день).

Когда приближался этот срок, быка выводили в поле и гадали об урожае: если бык мычал, обративши голову вверх, то лучший урожай будет на верхних нахотных участках; если — вниз, то на нижних. Заметим, что употребившийся при этом термин для гения урожая — Хардар — есть искаженное осетинское слово (хордар) и значит хлебодержец.

Затем быка убивали, и начинался жертвенный пир. Каждая сакля к этому дню должна была приготовить ватрушки (хычхи) и припести к домику. Жертвенные ватрушки были больше обыкновенных и отмечены углублениями, сделанными большим пальцем; им давали особое название хычауаг-хычхи, т. е. достойная бога лепешка. Против этого святилища на правой стороне Чегема была ровная площадка, на которую собирались петь священную песню с припевом ч о н н а й. Эту песнь пели, например, вокруг человека, пораженного громовым ударом, и около сумасшедших.

¹ К сожалению, погода помешала нам видеть это место, и мы упоминаем об этом для будущих путешественников.

* Хычауаг искаженное осет. слово хуцауаг — посвященный богу; огюз по-татарски бык.

**ПРЕДАНИЯ О ВОДВОРЕНИИ СРЕДИ ЧЕГЕМЦЕВ
ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАСТИТЕЛЕЙ, ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ТАУБИЕВ
(ГОРСКИХ КНЯЗЕЙ)**

(с. 562) Здесь история аула сводится к истории самой выдающейся фамилии — Балкаруковых. Вот что сообщил пам из фамильных преданий наш хозяин Али-мурза.

Родоначальник Балкаруковых, Анфако, был родом из фамилии Болатуко, которая до сих пор живет в Абадзехии. Не уживаясь с братьями, абадзех Анфако решил выселиться с родины и первоначально пришел в Баксанское ущелье, к верховьям Баксана, где в то время жили сванеты. В стычке с ними он погиб, оставив двух сыновей — Баймурзу и Джаммурзу. Это было, по расчету, десять поколений тому назад.

Несмотря на смерть Анфако, сванеты были оттеснены назад. Могила Анфако, каменный памятник, в виде пирамидки, называемой кэшэпэ, находилась возле верхнего Наурузовского аула и лишь недавно разрушена. Оба сына его, отослав домой бывшую с ними дружину в 150 человек, отправились только с двумя аталыками (Андрухаем и Геминты) в чегемскую долину и прибыли в местность, называемую Актопрак (Белая глина). Они увидели несшиеся вниз по реке щепки и заключили о существовании аула на верховьях. Действительно, отправившись вверх, они пришли к нынешнему аулу Чегему, населенному каким-то новым для них племенем.

Князем у туземцев был в то время Берды-бий (его имя носит доселе один громадный камень близ аула). Прибывшие, как умные люди (выражение рассказчика), были радушно приняты в ауле местным князем. В то время аул делился на два поселка. Сам Берды-бий жил на левой стороне Чегема, у подножья скалы, в башне, от которой сохранились доселе развалины в местности Битиклэр. На правой же стороне Чегема, в местности, также носящей название Берды-бий, и где также виднеются развалины, был поселок, принадлежавший князю. Туземное население уже в те времена занималось земледелием по обеим сторонам реки и орошало пашни канавами. Признавая Берды-бия таубием, оно приносило ему во время покоса по барану от двора. При князе были уздени, сопровождавшие его в поход, были и рабы — пленники или купленные, но дальнейших словесных подразделений еще не было. В то время жизнь была привольнее, так как на правом берегу, где ныне покос, был еще густой лес. В настоящее время чегемцы добывают лес издалека и с большим трудом.

По смерти Берды-бия у него остался малолетний сын Рачикау. Во время его малолетства братья-пришельцы успели (с. 563) повлиять на аул и получить в нем большое влияние. Мало-помалу потомки братьев приобрели большую власть и значение, нежели потомки Берды-бия, отличавшиеся неспособностью.

У Рачикау был сын Акмурза, а у него 12 сыновей. Эти двенадцать братьев, надеясь на свою многочисленность, не хотели терпеть влияния потомков пришельцев в ауле и стали обращаться деспотически с их приверженцами. Предание помнит некоторые из их деспотических поступков: например, когда хлеба посевали, братья выбирали самую лучшую пиву и, согнав на нее женщин, заставляли их жать колосья в свою пользу. Когда кто-нибудь варил пиво, братья, собрав буйную молодежь, отправлялись с нею раскивать сваренное пиво. Напившись допьяна, они делали метку на котле и, обращаясь к хозяину, говорили: «Если ты выпьешь хоть каплю, мы срубим тебе голову!» С женщинами они позволяли себе всякие насилие.

Однако, сколько ни харились братья и ни глумились над народом, всех их постигла страшная кара от представителя фамилии пришельцев — Келемета. Но прежде чем рассказать об этом кровавом эпизоде исторической хроники Балкаруковых, нужно сообщить несколько слов о непосредственных предках Келемета.

У младшего из братьев-абадзехов Джаммурзы был сын Балкаруко, от которого ведется фамилия. У Балкаруко сын Ахтуган, который достиг особенной власти родством с шамхалами Тарковскими и постройкой крепкой башни, существующей и доселе.

В феодальном строе кавказцев семья жены должна быть равна по значению семье мужа: никакие *mesalliances* не дозволяются. Исходя из этих понятий и желая породниться с более знатным родом, Ахтуган, конечно, должен был прибегнуть к умычке жены, так как задумал породниться с шамхалами, такими тузами, которые добром не выдали бы дочь замуж за горского таубия. И вот Ахтуган едет к кумыкам, высматривает на пляске Шамхалову дочку Керима-хан, врывается, как сокол, в круг, сажает девушку на коня и, удачно ускользнув от погони, привозит ее к себе.

Дело было обделано так ловко, что в течение двух лет никто из шамхалов не догадывался о местопребывании похищенной. Однако, чтоб извлечь пользу из своего родства, Ахтугану необходимо было так или иначе примириться со своими влиятельными родственниками. Для этой цели он, сам-друг, отправился в Шамхалов аул и остановился у одного кузнеца, Шамхалова (с. 564) аталыка, по имени Абдул-Азиз. Ахтуган признался во всем своему хозяину и просил его сходить переговорить с Шамхалом, чтоб узнать, на каких условиях между ними возможно соглашение. Узнав, кто увез его дочь, Шамхал сначала сильно разгневался, потом пошел на условия, но такие тяжкие для Ахтугана, что тот не мог их принять.

По требованию Шамхала, Ахтуган должен был быть посажен на время в тюрьму и за свое освобождение внести огромный выкуп джесирами (рабами) и драгоценными вещами. Вместе с тем Шамхал напустился на своего аталыка за то, что он дал убежище лицу, оскорбившему князя, и требовал, чтоб Абдул-Азис выдал ему своего гостя.

Аталык передал Ахтугану слова Шамхала и прибавил, что не смеет не выдать его в известный срок, хотя этим нарушает обычай гостеприимства¹.

Гость отвечал, чтоб хозяин вел его к Шамхалу, но устроил бы так, чтобы они оба вошли в дом одновременно, но с разных сторон. Затем в присутствии Шамхала аталык должен был показать ему на гостя и сказать: «Вот я привел тебе моего гостя!» После этих слов всякая ответственность за голову гостя слагается с хозяина.

Отправившись к Шамхалу в условленное время, Ахтуган оставил своего товарища в ста шагах от кунацкой, приказав ему держать лошадей наготове, а сам одновременно с кузнецом вошел к Шамхалу. Кузнец сказал Шамхалу условные слова, и, указав на Ахтугана, вышел. Тогда Ахтуган начал было говорить Шамхалу о своем деле, но тот прервал его и поставил вооруженных людей у дверей. Видя такой поступок, Ахтуган сказал: «Я искал не врага, а родственника, я не из тех людей, которые переходят из рук в руки с веревкой на шее» (т. е. не раб).

С этими словами он обнажил меч, бросился на стражу и, уложив на месте нескольких приближенных Шамхала, вырвался из кунацкой. Затем он мигом добежал до приготовленных коней и ускакал во всю прыть. За ним пустились в погоню. В одной теснине, через которую должен был проезжать Ахтуган, Шамхал распорядился устроить ему засаду. Но и здесь Ахтуган, отлично владея стрелой и мечом, сумел пробраться благополучно и доскакать до дому.

Хотя аул Ахтугана, расположенный высоко в горах, и был труднодоступен для врагов, однако все же он опасался Шамхала, зная, что его не оставят в покое. Поэтому он решил наскоро выстроить башню и вызвать из Сванета искусных каменщиков. Чтоб (с. 565) облегчить доставку камня с ближайшей горы и подъем его вверх, придумали следующий остроумный способ. От основания башни до ближайшей горы были построены узкие мостки, по которым приучили ходить быка с привязанными к рогам камнями. Быку привязывали камни на горе, затем он шел по мосткам до возводимой стены и, сдав свой груз, возвращался за новым, пятясь все время назад, так как не мог повернуться на узком мосту. По мере возвышения стен поднимались и мостки, и таким образом башня была доведена до 3-х этажей. Вокруг башни соорудили высокую стену, в которую вели ворота, укрепленные бойницами.

Вскоре по сооружении этого замка в ущелье Чегема вступил Шамхал со значительным войском. Ахтуган разместил своих бойцов по обеим сторонам узкого ущелья на скалах и приказал им стрелять

¹ По обычаю карачаевцев и балкарцев, как и других горцев Кавказа, гость был лицом неприкосновенным. Даже кровный враг пользовался покровительством хозяина. В данном случае аталык шамхала был вынужден нарушить обычай гостеприимства, поскольку не мог послушаться своего господина (А. А.).

в лошадей, но не трогать Шамхаловых людей. Он полагал, что родство между ним и Шамхалом приведет, наконец, к примирению.

Таким образом, войско Шамхала в ущелье было осыпано градом стрел от врага, скрывавшегося за утесами, и потеряло множество лошадей. У самого Шамхала, выступавшего гордо в пышной красной одежде и высокой персидской шапке, по приказанию Ахтугана, шапка была сорвана метким выстрелом. Когда Шамхал убедился, что силой ничего не возьмешь, он пошел на переговоры, которые кончились полным примирением. С тех пор теснина, где происходила стычка, получила название с к а л и с т ы й м е ш о к — капруг-кая, перенесенное на нее от одной подобной же кумыцкой теснины потерпевшими войнами Шамхала.

Родство с Шамхалами возвысило Ахтугана в общем мнении. С этого времени начинается и влияние мусульманства на Чегеме. Предание говорит, что языческие обряды стали исчезать с прибытием Шамхаловой дочери. Ее внуки носили уже вполне мусульманские имена: Али и Омар. Али ездил учиться у шамхалов арабскому языку и изучил коран. Вернувшись домой, он привез с собой старый коран и стал ревностно утверждать мусульманство.

Из рассказа о женитьбе Ахтугана видно, какой энергией и предпримчивостью отличалось поколение Балкаруковых. Понятно, что симпатии аула лежали на их стороне и что неспособные потомки местного князя Берды-бия все более теряли значение, которым пользовался их предок. Не меньшей энергией отличался и сын Ахтугана Келемет, которому пришлось на (с. 566) всегда покончить с потомками Берды-бия. Глухая вражда между ним и двенадцатью сыновьями Акмуры привела, наконец, к кровавой развязке.

Поводом к кризису был следующий случай: Келемет распоряжался всеми пахотными и покосными местами и отводил их ежегодно каждому двору, получая по барану от сакли. Братья начали восстаивать аул против этой подати и действовали на некоторые семьи.

Однажды, когда один аталык Келемета, Тичинов, собирался отнести ему барана, к нему нагрянули братья и уговаривали не нести подати. Тот не послушался их и был избит. Потерпевший явился с жалобой к Келемету, и тот, встретив братьев, спросил их, как они смели так поступить. Вместо ответа они промычали подобно быкам, что считается сильнейшим оскорблением. Разгневанный Келемет крикнул им: «До следующего понедельника вы узнаете, человек ли я или скот!»¹. Между братьями и свитой Келемета завязалась драка на палках, но была скоро прекращена.

Не прощая оскорбления, Келемет задумал страшную месть. Воспользовавшись отсутствием братьев, он собрал аул возле часовни Баирам, где обыкновенно приводились к присяге, и потребовал, чтоб

¹ По поводу этого существует в Чегеме отличная рифмованная песня.

ему присягнули все, кто был на его стороне. Затем со своими сторонниками он обдумал тайный план избиения всех братьев в одну ночь. Заговорщики разделились на партии, и каждая должна была справиться с назначенными ей лицами из числа сыновей Акмурзы.

В ауле в назначенную для избиения ночь были дома только старик-отец Акмурза и двое братьев, старший и младший. Семеро находились на покосе в местечке Гестенты² в 4-х часах езды от аула, трое остальных на кошу. Келемет с товарищами отправился туда, где было большинство братьев. Работником у братьев в Гестенты был один балкарец, который находился в заговоре с Келеметом. Было условлено, что, уложив своих господ спать в сакле, работник вынесет вон все их оружие и, выйдя на некоторое расстояние, станет наигрывать на свирели. По этому знаку Келемет с товарищами прокрался в саклю и уложил всех семерых во время их сна. В ту же ночь другая партия заговорщиков отправилась на кош, где были другие три Акмурзовича. Было условлено, что заговорщики, не обнаруживая своих намерений, станут, как бы случайно, по двое около каждого из братьев (с. 567) и схватят их за руки. Другие должны были в тот же момент их резать. Так и было сделано.

Когда обе партии заговорщиков, покончив с десятью братьями, под утро вернулись в аул, оказалось, что отец и двое братьев еще не были убиты, так как родственник Келемета Джон, которому было поручено это дело, не решился по трусости. Тогда приближенный Келемета, его тезка Келемет Чотанов, взял на себя покончить с младшим сыном Акмурзы, а убийство старшего было поручено холопу Келеметову Джаммузе Эндругову.

Прежде всего склонил свою голову младший Акмурзович, который, между всеми братьями, отличался особенной безнравственностью. Он отправился на заре на чужой овес, чтобы накормить своего коня. Вслед за ним, спрятав меч под буркой, поехал Келемет Чотанов. Подъехав к Акмурзовичу, Чотанов говорит ему шутливым тоном: «Теперь ты уничтожаешь чужой овес, а если тебе зимой захочется бузы, где ты ее найдешь?»

— Найдется, — отвечал тот, — разве нет другого овса в Чегеме?

Говоря это, он, нагнувшись, втыкал в землю кол, чтоб привязать своего коня. В эту минуту Чотанов, замахнувшись сзади, одним ударом снес ему голову.

Совершив это убийство, Келемет Чотанов успел еще присоединиться к партии, которая должна была покончить со старшим Акмурзовичем Кучюком. В это утро, также на заре, Кучюк, забрав слюю женщин, поехал на чужую пашню. Вслед за ним отправились оба Келемета (князь и Келемет-Чотанов) и холоп Джаммуза Эндругов. Чотанов, как известный шутник, должен был завести разговор с Кучюком и в шутку схватить его за шею и нагнуть в сторону. Так

² Точнее — Гескенты (А. А.)

и было сделано. В этот момент Эндругов подскакивает на коне и ударом меча отрубает Кучюку ногу и затем поканчивает с раненым.

Одновременно со старшим сыном был убит старик отец, остававшийся в сакле. Покончить с ним было поручено одному холопу, старику-сванету, который прибегнул к следующему обману. Собрав холопов, он стал говорить им, что Балкаруковы их слишком обременяют работою, и вызвался, от лица холопов, идти просить старого Акмурзу защитить их от Балкаруковых. Подойдя к сакле, сванет почтительно просит старика выглянуть из окна, чтоб выслушать просьбу всех холопов. Эти слова польстили самолюбию Акмурзы и он высунулся из окошка. Тогда сванет сильным ударом палки размозил ему голову.

(с. 568) Этим истреблением 13 человек не кончилась еще чегемская Варфоломеевская ночь. У старшего брата Кучюка, уже женатого, был ребенок, воспитывавшийся в семье Калибеговых. Нужно было покончить и с ребенком, чтобы впоследствии не было мстителей за кровь родственников.

Заговорщики подошли к сакле и крикнули мамке, что князь Келемет желает посмотреть на ребенка. Та, не зная об участии Акмурзовичей, не подозревая ничего дурного, выносит малютку на руках и передает одному из заговорщиков. Как бы любясь мальчнком, они начали передавать его из рук в руки и вдруг один из них ударил его головкой о камень. Мамка в испуге грозил поднять на убийц весь род Акмурзы, бежит в аул и узнает о поголовном истреблении всех братьев.

Вдова Кучюка была в это время уже беременна другим ребенком. Но, не подозревая этого, ее отпустили в родной аул в Дигорию, так как она была родом Каребугаева. Дома она родила мальчика. Когда весть об этом дошла до Чегема, здесь стали говорить: опять у них один родился! (тууду) — и мальчика прозвали Тууду. Мальчик вырос, и от него произошел род Туудуевых, существующий и теперь, но уже потерявший всякие права в Чегеме.

В награду за преданность Келемет роздал в полную и безусловную собственность земли Акмурзовичей всем участвовавшим в их истреблении. На свою долю он не взял ничего.

Потомство Келемета, до освобождения холопов, пользовалось княжескою властью в ауле. Его сын Али был прапрадед нынешнего молодого старшины Алимурзы Балкарукова, который в течение целого вечера чрезвычайно связно и последовательно рассказывал нам вышеприведенную историю своего рода. По счету поколений поселение двух братьев абадухов в Чегеме произошло, вероятно, лет 300 тому назад. В течение этого периода семья эта ни разу не утрачивала своего значения, и как последний отголосок всеобщего к ней уважения в ауле можно привести факт, что наш хозяин наследовал от недавно умершего отца звание выборного старшины, несмотря на свою молодость.

(Иванюков И., Говалевский М. У подошвы Эльборуса. — «Вестник Европы», 1886, т. I, кн. 1, с. 94—99).

С. И. ТАШЕЕВ

О МУЗЫКЕ ГОРСКИХ ТАТАР

Материалами для настоящей заметки послужили:

(с. 94) 1) Музыка, сопровождавшая танцы, виденные нами в Хассауте и Урусбиевском ауле, 2) старинные песни горских татар, петье князем Урусбиевым.

Танцы сопровождался пением мужского хора и игрой на дудке; хор пел унисоном, повторяя по нескольку раз одну и ту же двутактную фразу, иногда с буквальной точностью, иногда с небольшими вариантами.

Эта унисонная фраза, имевшая резкий, определенный ритм и вращавшаяся в объеме терции или кварты, реже квинты или сексты, представляла собой как бы повторяющийся бас (*basso ostinato*), служивший основанием для вариаций, которые один из музыкантов исполнял на дудке. Вариации состояли из быстрых пассажей, часто изменялись и, по-видимому, зависели от произвола играющего. Дудка называется «сыбысхе» *. Длиною она около аршина и сделана из ружейного ствола, в котором просверлено шесть отверстий. Звук необыкновенно резкий. Объем (с. 95.) около децимы, приблизительно от а до е. Эти дудки делаются также из тростника. Участвующие в хоре и слушатели отбивали такт, хлопая в ладоши. Хлопанье это соединялось с шелканьем ударного инструмента, называемого «харе» и состоящего из деревянных дощечек, вздетых на веревку. По-видимому, хлопаньем в ладоши выражается особое внимание к танцующим. Когда мы смотрели танцы в Хассауте, то кн. Урусбиев, обращаясь к нам, сказал: «Теперь нужно всем хлопать в ладоши, потому что будет танцевать хозяйская дочь».

У горских татар есть люди, специально занимающиеся игрой на инструментах и пением и живущие своим искусством. Они назы-

* Правильно: сыбызгы. — Р е д.

ваются «гегуако». На свадьбах и праздниках они получают весьма щедрое вознаграждение. Жених дарит им часто лошадь или деньги. От гостей гегуако также получают подарки.

Незадолго до нашего путешествия мы были на празднике Байрама в кабардинском ауле, около Кисловодска. Для музыканта, игравшего на дудке, собиравлись деньги. Присутствующие объяснили нам, что ему деньги необходимы. У него только что умерла жена, и деньги были нужны для того, чтобы приобрести себе новую.

Кроме упомянутых инструментов, сыбыксе и харса, у горских татар и кабардинцев есть еще два струнных; один вроде арфы, деревянный, длиной в $\frac{3}{4}$ ар. с 12 струнами из конских волос. Он называется у горцев: «каныр кобуз», и встречается также у осетин и сванетов. У последних он имеет только шесть струн и называется «чап». Другой инструмент — смычковый кобуз вроде скрипки с 2-мя струнами, состоящими каждая из 10—12 конских волос, настроенных в чистую квинту в одночетвертной октаве. В преж-
(с. 96) нее время строй инструмента был в кварту. Резонатор узкий, оканчивающийся острым концом. Верхняя доска его делалась прежде из бараньей кожи, теперь из дерева. Объем кобуза приблизительно в $1\frac{1}{2}$ октавы от «е» до «h». Смычком служит небольшой, согнутый в виде лука, прут с натянутыми конскими волосами. Смычок натирается варом, которым с одной стороны обмазан и сам инструмент. Звук кобуза слабый, жалобный, напоминающий скрипку с сурдиною. У меня до сих пор не изгладилось чрезвычайно поэтическое впечатление той ночи, когда мы, перед перевалом через Донгузорун, расположились на почлег у костра, на горе Тхотитау, и засыпали под жалобные звуки кобуза, на котором старый князь учил своего сына горским песням.

Я записал двадцать песен, продиктованных мне князем Урусбиевым. По словам горцев, он один из немногих знатоков старых кавказских песен, мало-по-малу исчезающих из памяти народа. Теперь почти не существует людей, которые могли бы петь их со словами. Мелодии этих песен князь играл на кобузе, подпевая при этом, без слов, лишь второй, сопровождавший их, голос.

Вообще двухголосный склад составляет характеристичную особенность горской музыки. Каждый из двух голосов имеет свое название. Главный голос называется «башчилипк» (у кабардинцев — «урэд»), сопровождающий голос — «сежу». Новейшие песни поются со словами; мне случилось два раза слышать их в хоре. При этом главную мелодию (со словами) пел только один человек, часто без определенной высоты звука, как бы декламируя; остальные пели без слов второй голос, двигавшийся сравнительно медленными потоками и имевший несложный ритм.

Князь Урусбиев сообщил мне свои предположения о времени происхождения горских песен. Он делит их на четыре группы.

Первую группу составляют самые древние песни. Сюда относятся: «Овсаты джир» *, которая поется при отправлении на охоту и заключается в себе обращение к богу зверей с просьбой сделать охоту успешною; «Долай», которую поют, когда сбивают масло; «Фирей» **, когда молотят хлеб; и «Инай», которая поется женщинами во время ткачества.

Ко второй группе относятся песни «нартские», воспевающие подвиги старинных богатырей-нарттов. Имена этих богатырей: Урыз-мек, Шауай, Созоруко, Сибильши, Гильхсетан, Пук, Пугалу-Батыр-марза, Хамиц, Рачкау и Ачемис.

(с. 97) Третью группу составляют так называемые старые песни, «эскиджир», исторического содержания. В них описываются войны, воспеваются герои. Князь полагает, что они сочинены за 300 или 400 лет тому назад.

К последней группе принадлежат новейшие песни: «джианги джир» ***. Некоторые из этих песен описывают войну, другие имеют любовное содержание.

Песни, петье кн. Урусбиевым, я записывал, за немногими исключениями, на оба голоса. В контрапунктическом отношении соединение мелодий двух голосов часто представляется весьма неясным. Встречаются неприготовленные диссонансы, прямое движение к приему и октаве, параллельные квинты. В гармоническом же отношении двухголосный склад этих песен представляет большой интерес, ибо он дает нам понятие о той гармонизации, которая для горских татар является наиболее естественной. Несомненно, что второй голос, петье Урусбиевым, составляет необходимую принадлежность каждой данной песни. Когда присутствовавшие при пении князя начинали подтягивать ему, они пели тот же второй голос без всяких изменений. В большинстве случаев этот голос не имеет самостоятельного мелодического значения и только обрисовывает общую гармонию. Ритм его всегда менее сложен, чем ритм главного голоса, и он движется нотами большей длительности, образуя иногда педали (выдержанные ноты) в несколько тактов. В некоторых песнях второй голос имеет мелодическое значение и представляет собой как бы повторяющийся бас (*basso ostinato*), на котором верхний голос строит вариации. Верхний голос, исполнявшийся князем Урусбиевым на кобузе, отличается большой подвижностью. В нем встречаются быстрые последования звуков, скачки на большие интервалы, трели и другие украшения. Ритмические рисунки необыкновенно разнообразны и причудливы. Встречаются синкопы, триоли, смена длинных нот короткими, остановки и акценты на слабых частях такта. В одной и той же песне попадаются полуноты, четверти, восьмые и триоли.

* Правильно: Апсатыны жыры. — Ред.

** Вероятно, типографская опечатка. Правильно: эрирей. — Ред.

*** Правильно: жангы жырла. — Ред.

Ритмическая конструкция также очень сложная; часто сопоставляются фразы из различного числа тактов, встречаются отделы в 5, 7 и 9 тактов. Все это придает горским мелодиям своеобразный и непривычный для нашего слуха характер.

Восемь из двадцати мелодий без модуляций; одна из этих мелодий принадлежит нашей мажорной гамме, остальные — церковным ладам. Далее, одна мелодия в зорийском ладе, две (с. 98) в фригийском, две в миксолидийском, три в холийском*. Остальные песни с модуляциями; за немногими исключениями модуляции представляются нашему слуху чрезвычайно дикими и неестественными.

В трех песнях гармония до такой степени странна, что кажется совершенно фальшивой. В них встречаются хроматические изменения, не вполне соответствующие величине наших интервалов. Я слышал повышения и понижения менее, чем на $1/2$ тона. Когда, думая, что это ошибка исполнителя, я просил князя проиграть мне несколько раз эти места, то он повторял их всегда одинаково. Надо при этом заметить, что князь отличается замечательной верностью интонации. Таким образом, я должен был заключить, что у горских татар встречаются гаммы с интервалами, меньшими полутона. Известно, что подобные гаммы существуют у восточных народов. В данном случае особенно интересно то обстоятельство, что эти песни исполнялись в два голоса. Подобное соединение мелодий, кажущееся для нас совершенно невозможным, является для горцев естественным и вполне понятным. Есть ли возможность выработать для этой музыки систему гармонии — это вопрос, заслуживающий особенного внимания.

* Правильно: дорийском; миксолидийском; эолийском. — Р е д.

(с. XX) «Балкарское сказание (в тексте неверно напечатано — карачаевское) «Богатырь Ецеме́й, сын Еце́я» (записано А. Боташевым) принадлежит к разделу нартовских сказаний, столь распространенных среди туземцев Северного (с. XXI) Кавказа. В сборнике было напечатано несколько таких сказаний адыгских (кабардинских), осетинских и горско-татарских; не было до сих пор только чегемских¹. В этом отношении предстоит еще много работы, но когда будут собраны эти сказания и приведены в порядок, то тогда, может быть, окажется, что разрозненные, по-видимому, песни и сказания составляют цельную эпическую поэму.

Карачаевское сказание «Ачимез»² и кабардинское «Ашамез»³ составляют варианты нашего сказания. Карачаевский вариант местами сокращен и, по-видимому, сокращен, а в кабардинском некоторые детали изменены, но главная мысль в обоих остается та же, что и в балкарском сказании. И в осетинском мальчике-богатыре Тотрадзе⁴, сыне Алымбека, мы имеем дело с кабардинско-карачаевским Ашамезом или балкарским Ецемеем.

Отмечу некоторые общие черты во всех четырех сказаниях.

1) Наше сказание начинается с картины игры в алычки. Ецеме́й, мальчик десяти лет, играя со своими ровесниками, дал им почувствовать превосходство своей силы. Тогда ему пришлось от них услышать упреки в том, что он до сих пор не отомстил за смерть

¹ Дагестанских горцев не считаю, так как их нартовские сказания носят несколько иной характер: нарты в Дагестане служат синонимами великапов (см. ст. Услара в Сб. свед. о кавказ. горц. I. 287.).

² Сб. III, II, 140.

³ Сб. XII, каб. тексты, 38.

⁴ Сб. «Как Сосрыко поссорился с Алымбеком». Сб. свед. о кавк. горц. V, IV, 12.

своего отца Ецея⁵. Ецемей бежит к матери, чтобы узнать от нее, кто этот убийца. Мать сначала отказывается ему сообщить (с. XXII) имя убийцы, но он прибегнул к хитрости: попросил подать ему в руке горячей кукурузы, а когда она это сделала, то сжал ее руку так сильно, что она под влиянием физической боли назвала убийцу отца — Кубу. Так же выпытывает у своей матери имя убийцы и герой во всех трех сравниваемых сказках. Мотив допрашивания матери, иногда и с пристрастием, встречается не только в других кавказских сказках: в сванетской Ростом⁶, мингрельской «Три брата Маргашневых»⁷, армянской «Хачи»⁸ и в осетинской «Как Сосрыко поссорился с Алымбеком»⁹, он известен и сказкам других народов: в русском сказании об Еруслане Лазаревиче допрашивает свою мать Уруслан Урусланович, а у Фирдоуси десятилетний Сохраб допытывается у матери о своем отце, причем прибегает и к угрозе¹⁰. В иранском богатырском мальчике следует искать прототипа кавказского; русский Уруслан — это только далекий отзвук иранского, причем посредствующим звеном послужил Кавказ.

2) В карачаевском сказании раньше эпизода о допрашивании матери сообщается о причинах вражды Ачимеза к Хубуну (Кубе нашей сказки). Этим карачаевский вариант дополняет наш и кабардинский. Далее говорится о том, что задолго еще до отправления в поход героя выступил мстить злодею брат убитого Ачи, Насыран, но он стоял на берегу разлившейся Кубани, не имея возможности переправиться. Походом Насренжаке на Тлебицу начинается кабардинское сказание, и войско точно так же стоит без всякого дела на берегу многоводного Идыля (Волги). В осетинской та же роль (с. XXIII) присуждена Сосрыко, а в нашем сказании тетке героя, Ецеевой: она стоит уже десять лет на берегу огромной реки (названия нет) в ожидании племянника.

3) Во всех четырех сказаниях подробности о розыске мальчиком оружия и боевого коня отца почти те же, а равно и рассказ об отправлении в поход и трехдневной борьбе с противником. Куба нашей сказки и Хубун в карачаевской соответствуют Тлебице в кабардинском сказании и Сосрыко в осетинском.

4) Исход борьбы не одинаковый во всех сказаниях. В нашем сказании Ецемей падает, пронзенный многими пулями, но когда Куба притащил его труп к себе домой, то мальчик оживает от трения чудесным полотенцем. Затем он убивает Кубу, овладевает его женою и богатствами, но потом падает от руки Сосрыко, который

⁵ Это составляет искажение каб. Аше.

⁶ Сб. XVIII, I, 125.

⁷ Сб. X, III, 17.

⁸ Сб. VII, II, 224.

⁹ Сб. свед. о кавк. горц. V, IV, 12.

¹⁰ В. Ф. Миллер. Экскурсы в область русс. нар. эпоса, 127. Прил. 156. Там же указаны и другие параллели.

при помощи своей матери-волшебницы одерживает верх над мальчиком-богатырем. Осетинское сказание не знает эпизода борьбы с Кубой, но заставляет Тотрадза погибать прямо от руки Сосрыко. В карачаевском и кабардинском сказаниях Ашемез, притворившись мертвым, убивает своего противника и возвращается победителем домой.

5) Заслуживает нашего внимания еще одна подробность. В нашем и кабардинском сказаниях противник мальчика-богатыря во время трехдневного боя ищет исцеления от ран каждый день вечером у своей жены; в нашем сказании она его исцеляет, натирая волшебным полотенцем, а в кабардинском — то же действие производит одно ее дыхание. Эта деталь встречается и в монгольском сказании о Гэсэре, а именно в тангутской его версии, в которой воины оживают вследствие окропления старухой-волшебницей¹¹. У иранского Рустема мотив более возвышенный; он восстанавливает свои силы после молитвы богу. Чудесное о ж и в л е н и е героя сказки находит свою аналогию в чудесном действии «живой воды» сказок русских и других народов¹².

¹¹ См. статью Потанина «Марья Лебедь-Белая в былинах и сказках». Э. О., 1892, II—III, с. 13.

¹² Аф., IV, 199.

АЛИ-БЕК БОТАШЕВ

БОГАТЫРЬ ЕЦЕМЕЙ, СЫН ЕЦЕЯ

(с. 76) В один прекрасный майский день около мельницы играли дети в альчики.

— Эх вы, игроки! — вдруг чей-то незнакомый голос раздался за ними, — да разве такими камешками можно в альчики попасть!

Дети в смущении оглянулись назад: пред ними с недовольным видом стоял мальчик лет десяти. То был Ецемей, наследник их князя, убитого где-то в дальней стороне. Окинув любопытным взором припелеца, дети продолжали свою игру. Вдруг Ецемей схватил стоящий вблизи жернов и пустил им прямо в ряд альчиков: от большой тяжести жернова они обратились в порошок.

Дети, бросив на богатыря испуганный взгляд, со слезами на глазах пустились бежать к матери в мельницу.

— Мама, мама, — сказали они: — злой Ецемей не дает нам играть и жерновом разбил наши альчики.

— Вот я ему покажу, как обижать моих детей! — сказала мать, выходя из мельницы. — Ах ты, грубиян, — закричала она на Ецемея, — зачем поломал альчики у моих детей? Уже не хотел ли ты этим показать им свою силу? Да если ты уж такой силач, то попробовал бы свою силу на Кубе, убийце твоего отца!

Услышав эти слова, Ецемей покраснел и, опустив голову, пошел задумчиво домой. «Сколько раз, — идя по дороге, думал он про себя, — я спрашивал свою мать, где погиб мой бедный отец, и она никогда не отвечала (с. 77) мне; теперь я узнал это, но от кого — от простой бабы, которая даже упрекнула меня в том, что я не отомстил за отца».

Пришедши домой, он со слезами на глазах бросился на шею матери.

— Что с тобой, мой милый сынок? — спросила заботливо мать, глядя по его щеке рукой.

— Я хочу есть; сжарь мне кукурузы, — притворно сказал Едемей.

Мать исполнила его желание и подала ему на тарелке горячей кукурузы; но тот сказал: «Ты все твердишь, что крепко любишь меня, но отчего ты не даешь мне кукурузу из собственной руки!»

Мать, насыпав кукурузы в горсть, с улыбкой протянула сыну руку. Едемей, схватив руку, так сильно пожал ее, что мать покраснела от боли и стыда и, вырывая руку, с гневом крикнула на сына:

— Ах ты, гадкий сын! Не мог пойти, кому бы, кроме меня, пожать руку?

— Пока ты не скажешь, кто убил моего отца, где его доспехи и конь лхой, я не выпущу твоей руки, — сказал сын.

— Милый мой сын! — нежно воскликнула мать, догадавшись, в чем дело, — рано тебе знать о горькой участи твоего отца, но если ты так сильно желаешь знать об этом, то слушай: твой отец убит злодеем Кубой, а отомстить за его смерть поехала с дружиной наша молодая княжна — сестра твоего отца. Уезжая, она просила меня послать к ней на помощь и тебя, когда ты вырастешь и почувствуешь силу исполнить свой священный долг, но пока ты, как ребенок, еще слаб и помощи оказать ей не можешь.

— Мать моя, не обижай меня такими словами, — тихо возразил ей Едемей, — я не ребенок и не слаб: я чувствую полную силу отомстить Кубе за смерть моего отца; мне стыдно и больно слушать упреки по этому поводу из уст глухих баб. Скажи же, где доспехи и добрый конь отца!

— Там за железными дверями, под высокой нашей башней, — неохотно сказала мать.

Сын живо очутился у дверей и сильной рукой сорвал их с петель. Пред ним в темноте и сырости стоял, сверкая глазами, добрый конь, который (с. 78) от сильного голода и томительной жажды прогрыз семь слоев земной коры; с тех пор, как лишился хозяина, он никого к себе не подпускал и не принимал ни пищи, ни воды. Увидя у дверей пришельца, конь сердито кинулся на него, но Едемей смелою рукой схватил его за гриву и спокойно вывел на свет. Затем он поит, кушает и кормит его.

На другой день утром, на рассвете, богатырь пошел к матери прощаться:

— Дорогая мать, священный долг требует отомстить за отца, и я оставляю тебя; ты поменьше думай обо мне и моли Аллаха, чтоб он даровал мне мужество и силу и помог победить злодея Кубу!

Мать, обливаясь горькими слезами, бросилась обнимать сына, рыдая:

— Милый мой сын, рано ты берешься за отцовский завет! Что будет со мной, несчастной, когда ты погибнешь от руки неверного Кубы?.. — И многое другое причитывала мать, но сын недолго ее

слушал: вырвавшись из ее объятий, он смело вскочил на коня и ударил его плетью.

Извился конь на дыбы, забесновался и заметался, как пораженный стрелой, не подчиняясь воле смелого седока. Напрасно богатырь старался усмирить разгоряченного коня: он, сердито грызя удила, то рвался, то метался, то прыгал, то, как вихрь, летел вперед без памяти. Вскипела кровь у лихого наездника: в сильном гневе он дернул узду коня и пажал ему ребра погами. Алая кровь потекла по бокам разгоряченного коня и белую пеной покрылась его узда. Присмирел ретивый конь и, подчиняясь седоку, быстро помчался в путь.

Долго ли, коротко ли он ехал, неизвестно, но к вечеру одного дня наш герой на верном коне въехал в темный лес. Подъехав к небольшой поляне, Едмей слезает с коня и, пустив его на траву, стал заботиться об ужине и почлеге. Повернулся направо — настрелял туров и оленей, повернулся налево — набил коз и баранов. Затем на скорую руку построил шалаши, покрыл его шкурами оленей (с. 79) и стал крутить на налке перед костром тушу целого оленя. Когда поджаривалось мясо, он посыпал его пахучей солью, и аппетитный запах жареного мяса распространился по всей окрестности. Едва он отведал вкусного мяса, как подошли к нему два незнакомых витязя. Наш богатырь проворно поднялся и уступил гостям место. Они робко сели у огня и устремили удивленные взоры на хозяина. «Что за диво, — каждый думал про себя, — парень, кажется, небольшой, а поднимает одной рукой тушу целого оленя!»

Едмей их кормит, поит и, наконец, спрашивает:

— Гости дорогие, какая судьба привела вас сюда; вы, может быть, обитатели этой страны, или, как и я, находитесь в пути и зашли ко мне отдохнуть?

— Мы посланы княжной Ецеевой, едущей отомстить могучему Кубе за смерть своего брата, — ответствовали те, — теперь будет десять лет, как она ждет своего племянника, не имея возможности перейти через многоводную реку. Ныне же, услыша запах жареного мяса из леса, она нам сказала, что запах идет как будто от той соли, которую имеют одни Ецеевы; чтоб в этом убедиться, мы пришли сюда и, увидя шалаши, решились войти в него.

— Да, не ошиблась сестра моего отца, — сказал гордо Едмей: — я приехал сюда оказать ей слабую помощь свою.

Гости обрадовались и, поклонившись князю в пояс, предложили ему теперь же выехать из леса к ожидающей его княжне. Тот на это согласился и велел подвести себе коня. Витязи коня ему подвели, и вскоре все трое выехали из леса. Вдали виднелась прекрасная долина. Среди той долины, под тенью ветвистого дерева были раскинуты шатры княжны Ецеевой. Сюда направились они и, когда стали приближаться к шатрам, один витязь, обратясь к Едмею, сказал:

— О твоём приезде я должен доложить княжне, — и поскакал быстро вперед.

Услышав, что приехал давножданный гость дорогой, княжна радостно бросилась к нему навстречу.

— Хоть ждала (с. 80) тебя я давно, — сказала ему она, — но не думала так рано увидеться с тобой! Какую же помощь ты можешь оказать мне теперь?

— Это я покажу тебе на деле, — ответил гордо Ецемея, — а пока вот что скажу: завтра на заре я уеду отсюда, ты же, пока не возвращусь сюда, жди меня здесь с войском своим. И только одного я прошу: не мешать мне ни в чем и во всем полагаться на меня!

— Конечно, если ты берешь все дело на себя, я не стану мешать тебе ни в чем, — сказала ему сестра отца, — недаром говорят, что у женщины волос длинен, да ум короток: мы ошибаемся часто и в самых простых делах, а здесь дело мужское и не нашего ума — делай ты, как хочешь: я во всем полагаюсь на тебя.

Утром Ецемея садится на своего коня и снова пускается в путь. Достигши крутого берега огромной реки, он дернул за узду коня и конь мгновенно очутился в мутных волнах. Но не долго он боролся с бурными волнами и живо очутился на другом берегу. Тут седок пустил коню удила, и конь, почуя волю господина, понес его во весь опор: поля, леса, горы, долины, ручьи, реки, стремнины — все только мелькнуло пред ними. И долго верный конь без усталости скакал; наконец, к вечеру одного дня он прискакал в область Кубы. Смелый седок, сдвинув шапку сердито на лоб, кипел жаждой предстоящей мести и с обнаженной шашкой в руке грозно бросился на стражу табунов Кубы. Те мигом окружили его и обнажили свои сабли; но увы, в последний раз они их обнажили: наш герой отважный, махая шашкой влево и вправо, смелою рукою сносил им с плеч головы долой; в одну минуту овладел он бесчисленными табунами Кубы и погнал их обратно к себе. Подъезжая к знакомой реке, Ецемея думал про себя: «Неужели только с этой добычей мне обратно ехать с сестрой моего отца; это было бы похоже не на победу, а на бегство робкого мальчишки от преследования Кубы. Нет, этому не бывать; пусть лучше (с. 81) сестра отца гонит домой табуны злодея, а ответ за них я сам отдам ему».

Так думая, Ецемея перегнал табуны через реку и выстрелом из ружья дал об этом знать своим. В минуту войны окружили табуны и поздравили богатыря с победой.

— Да, ты верно сдержал данное слово, — сказала княжна, обнимая радостно Ецемея, — ты на деле показал мне силу свою. Теперь без войны, но со славой пора нам возвратиться домой!

— Пора, но не мне, — молвил, смеясь, Ецемея, — ты приехала раньше и поэтому уезжай раньше меня.

— Что же ты будешь делать здесь после нас? — спросила изумленная княжна.

— Поеду еще разорять Кубу, — сказал грозно Едемей, — а ты, пока нет погони за табунами, гони их с войском домой.

Сестра отца грустно собралась в путь и, прощаясь, сказала сыну брата:

— Знаю, опасной славы ты ищешь себе, но уговорить тебя я не в силах!

Проводив тетку за лес, богатырь возвратился назад и, перешедши реку, пустился с конем снова в путь. К полудню одного дня герой остановился отдохнуть у зеленого холма. Здесь он слез с коня и, сняв седло, пустил его на волю. Затем, положив седло под голову, он ложится на холме отдохнуть и скоро засыпает богатырским сном. Вдруг слышит он сквозь сон ржанье верного коня. Очнувшись, он проворно поднялся на ноги и посмотрел внимательно на коня. Верный конь, подняв вперед чуткие уши и устремив вдаль умные свои глаза, стоял как вкопанный.

— Что он там видит? — подумал богатырь и стал внимательно вглядываться в темную даль.

И видит далеко, как бы в тумане, в том месте, где небо соединяется с землей, летит какая-то точка, летит и постепенно увеличивается. Вот различает богатырь и голову, и ноги; еще мгновение — и он видит вдали всадника. Но что за конь бежит под ним: на шести ногах он скачет, как черный ворон летит, пыль столбом вздымает, (с. 82) из ноздрей пар валит; под ним земля тяжело дышит, на лбу звезда горит, в глазах огонь блестит, по бокам зайцы играют, из-под ног чайки вылетают! Прискакал конь и у холма остановился.

— Эй, мальчик, — обратился к Едемю сидевший на коне богатырь, — не видал ли ты, кто прогнал здесь мои табуны?

— Да, я видел, — сказал Едемей, — вот туда один человек вчера их погнал, — и указал пальцем на север. Пустился всадник в путь, а Едемей, провожая его глазами, думал про себя: лети, лети, наездник ты безумный; не скоро ты возвратишь свои табуны.

Но всадник скоро прискакал назад.

— Ах ты, презренный мальчишка! — закричал он на нашего богатыря, — смеешь ты обманывать меня!

— Виноват, сказал Едемей, — от страха указал я тебе путь не в ту сторону; помнится, табуны угнали по той долине, — и указал ему путь на запад. Пустился опять по указанной дороге всадник.

— Негодный мальчишка, ты опять вздумал шутить надо мной! — возвратившись через некоторое время, закричал на Едемю всадник, — теперь тебе не избежать моих плетей!

— Помилуй, — сказал Едемей, — ты так сердито обращаешься со мной, что я от сильного испуга совсем теряюсь и неверно указываю путь. Теперь я помню хорошо, что табуны твои угнали на восток; если пустишься туда, уж верно без табунов не возвратишься.

— Последний раз поскачу я туда, и если обнаружится твой об-

ман, я с тебя, мальчуган, голову сорву, грозно сказал Куба и живо поскакал на восток.

Вдоволь насытившись своими проказами, Ецемеи самодовольно осматривал свое оружие.

— Погиб ты, юноша надменный! — прискакав в третий раз, вскричал Куба, — знаешь, над кем ты вздумал шутить? Кто стоит перед тобой, и что теперь ожидает тебя, нахала! Скажи, как смел ты издеваться надо мной? Кто побудил тебя сыграть со мной такую шутку? Не тот ли, кто угнал мои табуны и оставил здесь тебя, чтобы ты, обманывая меня, дал ему время с ними скрыться? Отвечай (с. 83) же: жизнь твоя у меня в руках!

— Пока я ее тебе не отдал, — смеясь, отвечал наш богатырь противнику, — но признаюсь, это я угнал твои табуны и, чтобы показать, насколько твои угрозы страшны мне, я сам заставил тебя три раза скакать понапрасну. Если желательно тебе узнать, кто тебя так сильно огорчил, то знай: я сын Едесва и приехал отомстить за смерть своего отца!

— Теперь все ясно мне, — сказал Куба, бросив презрительный взгляд на своего противника, — ну, стрельба или борьба?

— Борются бабы у нас, — насмешливо отвечал Ецемеи. Отъехав на ружейный выстрел, Куба молча слезает с коня и подымается на соседний холм. Ецемеи, повинаясь обычаю старины, проворно вытащил винтовку из чехла и первым выстрелил из нее.

— Теперь уж очередь моя, — язвительно сказал раненый противник, — черностволку полузарядом заряжу и тебя, мальчугана, одним выстрелом уложу.

И, зарядив тотчас заветную черностволку, он нетерпеливою рукою придавил курок и понал молодому герою в правый бок; но не смутился этим Ецемеи и вторым выстрелом ранил Кубу в левое плечо. И закипела между ними битва. В дыму очутились противники: как гром, их ружья гремят, и пули из них по очереди летят, как звезды, мерцают огни, учащаясь от выстрелов борцов. Неизвестно, как долго продолжалась бы битва, если бы к вечеру не истощился у них порох.

— Пора нам отдохнуть, — сказал Куба: — я поеду домой и возьму пороху и провизии.

— Конечно, это нам необходимо, — одобрительно сказал Ецемеи и лег на спину отдохнуть.

С трудом севши на коня, пустился Куба домой. Прискакав в полночь во двор, он слез с коня, и, опираясь на ружье, вошел в комнату.

— Эй, жена, — закричал он у порога, — иди скорей и избавь меня от мучительной боли и тяжести пули!

Живо подбежала к нему жена и, уложив его на разостланный ковер, стала своим полотенцем тереть по телу его. Как град, сыпалась на (с. 84) ковер свинцовые пули из тела израненного Кубы.

— С каким это большим войском сегодня вел ты борьбу! — заметила Кубе жена.

— Нет, — ответил он, легко вздохнувши, — сегодня не с войском я боролся, а получил столько пуль от десятилетнего мальчика.

Как только наступило утро, Куба уж был на месте битвы и, закусив с противником, по обычаю, разделил пополам пули и порох.

— Пора нам снова взяться за дело, — сказал он Ецеમેю.

— Я готов, — спокойно ответил тот.

И снова битва закипела; к вечеру она опять прекратилась; обремененный пулями Ецеમેя, Куба снова пустился домой. Наш же герой, израненный тяжелыми пулями, еле двигал своими членами, но был готов стоять до конца.

Прошла мучительная ночь. Куба, прискакав, разделил с Ецеમેем порох и пули и снова вступил с ним в битву.

Вот наконец настала и третья ночь. Куба, прискакав по-прежнему домой и получив при помощи жены исцеление, стал в раздумье ходить по комнате.

— Не раз я воевал с целым войском и воевал на поединках, но никогда я не встречал такого противника, — думал молча Куба, — он еще молод, не возмужал, но кто из смертных согласился бы вступить с ним в бой, когда он достигнет своего совершеннолетия?

Утром, прискакав в четвертый раз на место битвы, Куба нашел своего противника лежащим на холме без дыхания.

— Черностволка не изменила мне, — со злым восторгом, глядя на убитого, сказал он, — она ему раздробила все члены.

Сняв с него доспехи, он привязал к хвосту коня онемелый труп и с этою добычей пустился шагом в обратный путь, ведя под уздцы коня своего противника. К ночи он достиг своего дома, и слезая с коня, обратился к своей жене:

— Вот с кем я дрался целых три дня, — сказал он и насмешливо указал на охладевший труп юноши.

— Какого ты несчастного младенца убил, — (с. 85) заметила с жалостью жена, — не стыдно было тебе на такого маленького ребенка поднимать свое ружье?

— На вид он маленький, но на деле удаленький, — ответил ей муж, — теперь уж ночь; не знаю, что мне делать с ним, но я не засну спокойно ночью, если не поставлю над ним караул.

— Неужели этот ребенок так сильно напугал тебя, что над безжизненным трупом его хочешь поставить караул, — с презрением сказала жена.

— Это уж дело мое, — сердито возразил ей муж и, поставив над трупом нашего героя целый отряд воинов, он пошел с женой почивать в покой.

Скоро он погрузился в глубокий сон. Но жена не смыкала очей: милый образ прекрасного юноши все носился в ее воображении. «Пойду потру его полотенцем и, если удастся мне ему возвратить

жизни, пусть скорее уйдет от злодея-мужа», — подумала она про себя и, встав с кровати и осторожно сойдя с постели, незаметно подошла к воинам.

— Муж мой сегодня нездоров, — она сказала им, — и напрасно он заставил вас караулить; идите с богом по домам.

Воины молча ей поклонились и тотчас удалились. Она с трепетом подошла к телу юноши и стала тереть его полотенцем. Как град, с каждым прикосновением чудесного полотенца сыпались пули. Мгновенно дрожи пробежала по холодному телу юноши, и он открыл глаза. Спасительница стыдливо побежала в комнату к мужу, а наш герой осторожно пошел за нею.

— Ой, идет мой враг, — вдруг сквозь сон сказал Куба, вздрогнув.

— Спит он вечным сном под присмотром твоих воинов, — сказала ему жена, и успокоенный Куба снова заснул.

А Ецмей между тем приближался все ближе и ближе.

— Ох, он здесь, — задрожав от страха, проворчал опять Куба.

— Никого здесь нет, успокоила его жена, — а если он здесь, то ничего тебе не может сделать: там в огромном сундуке лежат двадцать сундучков, вложенных один в другой, и в последнем, двадцатом сундучке лежит (с. 86) тот Черный нож, который один грозит тебе смертью.

И вторично погрузился в сон глубокий Куба. Услышав слова своей спасительницы, Ецмей осторожно подошел к кровати, тихо-тихо вытащил ключи и проворно достал роковой нож. Затем стал он подходить к Кубе, а последний, чувствуя приближение его, задрожал от страха и что-то хотел сказать, но быстрый удар мгновенно поразил его в шею, и покатилась голова сурового Кубы.

Потом Ецмей, осторожно вытащив обезглавленный труп из теплого ложа, влез туда сам так тихо, что жены не разбудил. Как только запели первые петухи, пробудился от сладкого сна Ецмей.

— Эй, жена, вставай же скорее и собирай все в дорогу, — голосом Кубы сказал он, — к утру нам нужно покинуть сей край: наша область окружена вражьи войсками, — а сам между тем, одевшись в доспехи и заперши в сундучки кровавый нож, вышел оседлать своего коня.

Жена, ничего не зная о случившемся и принимая Ецмея за мужа, стала укладывать все вещи. К утру дом Кубы был покинут навсегда. Переезжая через реку и увидя отражение мнимого мужа в воде, жена сказала Ецмею:

— Каким ты маленьким кажешься в воде, а прежде ты был вдвое больше.

— Маленький топор большое дерево рубит, — ответил ей насмешливо Ецмей.

Удивленно повернулась она к нему и, увидя себя в руках юноши, недавно спасенного ею самой, она покраснела от стыда и подумала:

«Как же это я вернула его к жизни, но не заметила вчера, что он сделал с мужем моим».

Дошедши до темного леса, Ецемей слезает проворно с коня и осторожно снимает пленную жену. Затем, обращаясь к рабам, велел разбить шатры, а сам, взявши ружье, отправился в чащу леса поохотиться. Весело проведши ночь, наш молодой герой поутру снова тронулся в путь.

Уже время клонилось к полудню, когда он очутился в области Сосрука. Нарт Сосрук сам вышел к нему навстречу и, поздравив его с победою, (с. 87) стал просить по обычаю страны подорожного выкупа.

— Возьми навьюченных золотом лошадей и в придачу дарю тебе своих пленных рабов, — сказал добродушно Ецемей.

— Не надо мне твоих лошадей, навьюченных золотом, и в рабах я не нуждаюсь, — ответил гордо Сосрук, — отдай ты мне только жену Кубы.

— Уж больно ты дерзок! — с презрением возразил ему Ецемей, — с чем же мне возвратиться домой, если я ее тебе уступлю! И не рождался еще у Ецемеевых такой трус, который отдал бы встречному свою жену.

— Тогда я выставлю против тебя, юноша, своих воинов, — отвечал ему Сосрук, — и пусть победа решит, кому владеть женой.

— На это я согласен, — смело сказал Ецемей и, слезая с коня, велел отойти своим в сторону.

Сосрук, выступив против героя, стал с ним сражаться с целым своим войском. С каждым выстрелом наш удалой молодец укладывал на месте по одному воину. Наконец, изнемогая от ран в неравном бою, обратился он к Сосруку:

— Я умираю, исполни последнюю просьбу мою, если она не пугает тебя: поставь в ряд все войско свое и сам отстранись в сторону.

С надменной гордостью Сосрук исполнил просьбу героя, а Ецемей последним своим выстрелом оставил всех воинов Сосрука без ушей с одной стороны. Затем он обратился к жене и бросил прощальный взгляд на нее. Та побежала с целительным полотенцем на помощь к нему, но мудрая мать Сосрука, обращаясь к сыну, сказала:

— Не допускай, мой сын, жене Ецемея приблизиться к нему и поспеши скорее снести ему голову с плеч.

Сосрук бегом пустился к умирающему и, перегнав его жену, отсек герою голову мечом, но увы — с плохой победой остался Сосрук: с ушами храбрых воинов он честь и славу свою потерял и стал служить посмешищем для всех. Но верный сын отца, исполнив (с. 88) священный долг свой, погиб в неравном бою, и долго-долго сохранился в предании память об его славных подвигах.

Из «Предисловия» Л. Г. Лопатинского к СМОМПК,
XXIII, Тифлис, 1897, с. I—XIV.

В III отделе помещены сказки горских татар, записанные Е в г е н и е м Б а р а н о в ы м в Нальчикском округе Терской области. Горские татары говорят на тюркском наречии, почти тождественном с карачаевским и мало отличающемся от погайского и других тюркских говоров Северного Кавказа; они живут в верховьях р. Баксана, под названием урусбиевцев, и рр. Чегема, Урвана и Черека, под названием чегемцев, бизингов, хуламцев и балкарцев, хотя последнее название является для этих народов (кроме урусбиевцев) общим и самым распространенным. Поэтому наши сказки можно считать балкарскими... (с. I).

Сказка «Всадник в шкуре жеребенка» представляет по сказочным мотивам и некоторым подробностям много интереса. Завязкой служит желание аульного весельчака, но человека бедного, по имени Топучука, разыскать жителя дальнего аула, Адильгерия Занова, который, как он слышал, помогает щедрою рукою бедным. Подобная завязка встречается и в татарской сказке «Патам бедняк»¹. В этой сказке разбогатевший инций делится своим богатством с другими, но когда он услышал, что есть где-то люди, превосходящие его своею щедростью, он идет их разыскивать. У нашего Топучука побуждения к этому совершенно другие: он желает только воспользоваться от щедрот Занова.

Источник, откуда Занов добывал средства для своей благотворительности,— это набеги на соседей. Грабительские инстинкты, возводимые в культ еще столь недавно, рельефны в их сказаниях². Но

¹ Сб. мат., т. XXI, II, 27.

² Сб. XII, I, 27, в сказании о братьях Ешаноковых; XII, I, 63, в сказании «Красавица Елена и Богатырь-женщина», в Сборнике свед. о кавк. горц. VI, II, 84, в сказке «Гоаша-Махо» и многих др.

в нашей сказке, а равно и кабардинской «Отцовские друзья»³ па-клонность к хищническим набегам на соседей является в соедине-нии с симпатичной чертой — помочь пограбленным добром бедным или поделиться им с друзьями и товарищами.

Героя нашей сказки вызывают на грабеж, среди глухой ночи, посредством таинственного стука в окошко, как и в вышеупомяну-той кабардинской сказке, какие-то неизвестные, секретные гости; грабители выступают молча, не теряя лишних слов: каждый знает, куда и зачем едет, и каждый уверен, что ему не придется возвра-щаться с (с. II) пустыми руками⁴. Неизвестных нашей сказки на-поминают также таинственные сподвижники ночных походов Барахуновой в каб. сказании «Красавица Елена и Богатырь-женщина»⁵. Следует заметить, что обе сказки имеют также общим имя героя: Запов и кара-батыр Зане⁶.

Во время совместного набега новых друзей Запов отдает Тонучу похищенную им княжну с тем, чтобы он выдал ее замуж, за кого она сама пожелает, и взял за нее богатый калым. Выдав замуж княжну и сделавшись богачом, благодарный Тонучук задумывает высватать за своего друга достойную его невесту, заручившись ее согласием выйти за незнакомого ей Запова. Мотив о сватанье де-вушки для друга, незнакомого еще невесте, встречается и в кабар-динской сказке «Гоана-Махо»⁷, но в последней друг-сват убежда-ется, что он сам любит невесту, между тем как в нашей сказке То-нучук до конца остается бескорыстным другом.

Отвлекаемый постоянными набегами, наш герой забывает о своей невесте-познакомке и не обращает внимания на плеть, которую ему прислала невеста; расплетаясь, плеть должна была ему напомнить о том, что его невесте угрожает опасность. Мотив о расплетании плети при приближении опасности для любимого человека встречается и в малорусской сказке «Про Сучича»; разницка заключается только в том, что в последней показываются из нагайки, данной на память невестой жениху, капли крови⁸ (с. III).

Во время набега конец плети совсем оторвался, и Запов, появив угрожающую его невесте опасность, отправляется на выручку. На пути он делает доброе дело — велел закопать в землю дохлого ка-бана. Но одному не удалось бы ему выручить своей невесты: явля-ется всадник в шкуре жеребенка, с помощью которого он совершает

³ Сб. XXI, II, 161.

⁴ Сб. свед. VI, II, 35, см. ст. «Кабардинская старина».

⁵ Сб. XII, I, 67.

⁶ Еще в XII вып. Сборника (I.67 в прим.) я обращал внимание на то, что сваны называют мингрельцев — зане.

⁷ Сб. свед. о кавк. горц. VI, II, 84.

⁸ Проф. Сумцова. Малорусские сказки по сборникам Кольберга и Машинской (из Этн. обзор. XXII, 125); там же указана литература пред-мета.

чудеса храбрости. Под впечатлением этих подвигов хан возвращает ему добровольно невесту, засватанную уже им против ее желания. Но прежде чем наш герой возвратился с невестой домой, таинственный всадник объявляет ему, что это он был превращен в мертвого кабана, за несоблюдение правила — не идти одному навстречу опасностям. Мотив о благородных мертвецах широко распространен в сказках всех народов, но в нашей сказке побуждение мертвеца к оказанию помощи⁹ выражено неясно: он спешит на помощь как будто только затем, чтобы доказать пригодность правила — не пускаться одному в опасный путь, но на деле им руководит чувство благодарности за то, что Занов предал его тело земле.

В первой части сказки «Трус» набрасывается, как и в других подобных сказках¹⁰, картина мелкого трусишки. Трус, выведенный из терпения насмешками обеих своих жеп (в других сказках упоминается или об одной жене, или о матери), хочет доказать свою храбрость и отправляется добывать себе богатство. На пути ему попадается навстречу эмеген¹¹, сшивающий расселины в земле¹²; (с. IV) в других кавказских сказках трус встречается дива или великана, в великорусской «Змей и цыган» — змея¹³, а в малорусской «Сапожник и медведь» — медведя¹⁴. Стараясь удивить эмегена своей силой, трус прибегает по обыкновению к хитрости, причем потребовались как в талышинской сказке, только две силы, между тем как в других сказках — три. Первая проба — выжимание из камня сока или воды — это общее эпическое место, а вторая — выдавливание из земли воды составляет видоизменение первой. Основная идея та же, что в сказках других народов — победа ума над физической силой¹⁵. Соперница нашего героя на поприще изворотливости и хитрости — лисица, видевшая его в самом начале рассказа в роли жалкого труса, подстрекает великана, как и в татарской сказке¹⁶ и вышеупомянутой талышинской, употребить по отношению к нему все превосходство своей силы, но в нашей и татарской сказках лисица посрамлена трусом, а в талышинской даже переходит на его сторону. Укажу еще на одну подробность. В талышинской сказке лисица тащит оробевшего великана к дому труса на веревочке, а в нашей —

⁹ Параллели указаны в Предисловии к XX вып. Сборника: там же и выражен мой взгляд на нравственную подкладку сказок, в которых говорится об оказании живущим помощи со стороны мертвецов. Ср. заметку проф. В. Миллера к сказ. «Елена-красавица и Богатырь-женщина». Сб. XII, 73.

¹⁰ Сб. II, 109—118; VI, 112; VIII, II, 295; XX, II, 19; XXII, III, 9; Сб. свед. о кавк. горц. II, II, 71; В. Ф. Миллер. Материалы для изучения еврейско-татарского языка, 29.

¹¹ Эмегены у карачаевцев. Сб. III, II, 146.

¹² В авар. ск. «Царь-девица» старик сшивает дорогу. Сб. свед., V, 69.

¹³ Афанасьев, I, 407.

¹⁴ См. выше цит. соч. Н. Ф. Сумцова, с. 105.

¹⁵ Параллели указаны в Предисл. к XXI вып. Сб. мат., стр. V.

¹⁶ Сб. VI, II, 109—118.

советует ему держаться за ее хвост. В сказках других народов если хитрая лисица и издевается над кем-нибудь, то только над недобрым волком или медведем¹⁷.

Сказка «Хитрый сын» развивает тему о прелюбодеянии супружеской четы. Муж и жена обманывают друг друга, а взрослый сын, свидетель увлечений родителей (с. V), старается исправить их хитрыми выдумками. Цель достигнута: сначала отказывается от любовника мать, а затем и отец от своей любовницы. Мотив о прелюбодеянии встречается также в кабардинской сказке «Нарун-Незнайко»¹⁸, но в ней супружескую верность нарушает только одна жена, а взрослому сыну не приходится даже и в голову исправлять свою мать: наткнувшись случайно на любовное свидание матери, он не может уже с прежнею любовью смотреть ей в глаза и бежит от нее и одураченного ею отца. По своему замыслу и многим деталям с нашей сказкой совпадает малорусская «Газдыня и дьячок»¹⁹, где точно так же, как и в кабардинской, прелюбодеяние совершается только одним из супругов — женой; но малорусская сказка отличается от нашей одной весьма существенной чертой: роль сына берет на себя работник. Обе сказки расходятся еще в следующей подробности: жена приносит по ошибке обедать на поле мужу, а не любовнику, как это она хотела, но в балкарской сказке ошибка эта произошла вследствие того, что сын подвязал свою рубашку под брюхо черного быка, чтобы его сделать похожим на быка соседа, с белой полосой шерсти под брюхом, а в малорусской от того, что работник просто переменял пахавших быков.

Сказка «Жена охотника» повествует о предательстве жены — тема, разрабатываемая в сказках на все лады. Завязка нашей сказки напоминает нам армянскую сказку «Невеста-всадник»²⁰, с которой она имеет много общих черт. Проведу параллель между обеими сказками.

1. В нашей сказке объявляет отец пред смертью (с. VI) четырем своим сыновьям (в сказках обыкновенно являются три сына) последнюю волю — не охотиться за курганом, виднеющимся вдали от дома, так как там их ожидает неминуемая смерть; и в арм. сказке царь завещал своим трем сыновьям не посещать местность на юг от его царства.

2. Как в той, так и в другой сказке старшие братья погибают в саду, богатом растительностью; в нашей — от жеребца, из ноздрей которого валил дым, а в арм. — от таинственного всадника на летучей лошади, оказавшегося впоследствии женщиной.

¹⁷ Афанасьев, IV, 1—15.

¹⁸ Сб. XXI, II, 214.

¹⁹ Н. Ф. Сумцов. Малорусские сказки по сб. Кольберга и Машинской (на XXII кн. Этн. Обзор.); там же указаны параллели.

²⁰ Сб. VII, II, 79.

3. В нашей сказке младший брат прячется в укромном месте, а в армянской это место названо точнее — дуплом дерева.

4. Наш герой идет отыскивать жеребца, но по дороге встречается трех великанш — двух сестер и мать; к первой из них он приласкался, и она дала ему кусок дерева, на котором сделала метку зубами; по этому знаку пропускают его старшая сестра и мать, причем последняя дает ему наставление, как поймать жеребца и овладеть царской дочерью, которой принадлежит жеребец. Армянская сказка великанш не знает: младший брат сразу находит летучую лошадь, которая ему сообщает средство к тому, чтобы овладеть красавицей. Великанши нашей сказки имеют много сходного с карачаевскими эмеген-женщинами²¹ и чеченско-дагестанскими карт, а не знающий никаких преград жеребец с кабардинскими альп; армянская летучая лошадь — то же, что и закавказские сказочные рашин.

5. Обстановка, среди которой находилась царевна, в обеих сказках почти одинакова: и в той и другой сказке она спит крепким сном в уединенном домике (дворце)²² (с. VII).

6. В дальнейшем своем развитии обе сказки расходятся, причем судьба, которая выпадает на долю жены в нашей сказке, а в армянской мужу, совершенно иная. Совместную жизнь нашего героя с царевной расстраивает ведьма-куртха: она подговаривает жену убить мужа, пропадающего по целым дням на охоте и уделяющего слишком мало времени своей жене, но для исполнения этого намерения она советует ей узнать, где находится его душа²³. Жена узнает, что душа находится во лбу и имеет форму ножа. Куртха вырезает из лба душу и бросает в реку. Охотник умер, а куртха вместе с его женой, на чудесном жеребце, перелетает на берег моря, где и поселяется. — В армянской сказке отлучается из дому жена, оставив в утешение мужу свой портрет. Муж роняет портрет в реку, которая и уносит его своим течением в другое царство. Царь этой страны влюбляется по портрету в оригинал и велит одной старухе доставить ему красавицу. Она ее находит и во время сна в бочке спускает по воде к царю. Заслуживает внимания эпический прием сравниваемых сказок — это роль в нашей сказке ведьмы — куртхи, а в армянской — старухи. Точно также из напечатанных раньше сказок, а именно в армянской «Лисица»²⁴, разъединяет супругов коварная старуха.

7. Конец сравниваемых сказок совершенно другой: в армянской сказке муж находит свою жену и на летучей лошади спасается с ней; в нашей — сестра героя находит случайно его душу (лягушка

²¹ Сб. III, II, 157.

²² Сб. свед. II, V, 69.

²³ Параллели к этому мотиву указаны в Предисловии к XXII вып. Сборника.

²⁴ Сб. XIII, II, 35.

чесала спину о ножичек) и оживляет брата. Вместе они разыскивают ведьму-куртку и жену-предательницу, которых и постигает заслуженная кара. Отправляясь на розыски брата, сестра сделала себе (с. VIII) железные башмаки и железную палку; со стальными подошвами и с железной палкой в руке разыскивает сестра брата в аварской сказке «Красавица Езензулхар»²⁵.

Сказка «Коварная жена» принадлежит к категории сказок, в которых доверчивый муж подвергается обману со стороны жены. Жена пророка, понимающего язык птиц, влюбилась в его ученика, а чтобы птицы не могли быть свидетельницами ее измены мужу, она, по совету любовника, уговаривает мужа истребить их. Все являются на зов пророка, за исключением филина, который предупреждает его не слушать советов жены. Послушавшись филина, пророк избегает своей участи. Мотив о птичьем языке используется большим распространением в сказках всех народов²⁶.

Сказка «Женщина с серыми глазами» представляет собою сращение двух общенародных сказочных сюжетов; о злой мачехе и обмене детей. После смерти матери оставшиеся три дочки уговаривают отца вторично жениться, так как им скучно жить без матери. Точно также в лакской (казикумухской) сказке «Заза — Белая королева»²⁷ дочка уговаривает отца жениться на соседке, но это она делает по другим побуждениям: она прельщена разными ее любезностями.

Старшая дочь советует отцу жениться на женщине с серыми глазами и рыжими волосами, и отец идет разыскивать такую женщину. Узнав о его намерении, колдунья обур преобразилась в женщину, какую хотел пайти вдовец, и вышла за него замуж. Сделавшись мачехой, колдунья дает себя чувствовать падчерицам. И брюнетка с серыми глазами оказалась такою же злою мачехой для пасынка (с. IX) в кабардинской сказке «Три добрых совета»²⁸. Таким образом, в нашей и кабардинской сказках серые глаза оказались общим внешним признаком дурного нрава; что же касается рыжих волос, против которых существует всеобщее предубеждение, то они, по-видимому, не всегда возбуждали подозрение и даже могли служить признаком глупости²⁹.

Дальше сказка развивается параллельно с кабардинской «Три дочери старика»³⁰, но она также имеет близкое литературное родство со сванетской «Касар»³¹, мингрельской «Золотые дети царя Ку-

²⁵ Сб. свед. о кавк. горц. II, V, 43.

²⁶ Пред. к XX вып. Сборника.

²⁷ Сб. свед. о кавк. горц. I, V, 51.

²⁸ Сб. XXI, II, 175.

²⁹ Сб. XII, I, 202, кабардинская сказка «Кто глупее», но в том же выпуске, в сказке «Наскочила коса на камень», на с. 123 рыжая борода служит признаком коварства.

³⁰ Сб. свед. о кавк. гор. VI, 71, II, 108.

³¹ Сб. X, II, 163.

чи»³² и грузинской «Три сестры»³³. Отдельные подробности во всех этих сказках варьируются весьма незаметно. В нашей и сванетской сказках отец отделяется от своих дочерей по наущениям мачехи, а в кабардинской сказке под влиянием гнетущей бедности: ему нечем кормить их. Отец бросает дочерей в яму, прикрытую соломой, куда их заманивает сладкими яблоками. Это весьма обычный сказочный прием, но к нему прибегают в других сказках мужья, желающие отделаться от злых (супротивных) жен — жен-спорищиц³⁴. Обращаю внимание на любопытную подробность: отец приносит яблоки дочерям, засунув их за спину черкески; чтобы дочери нашли их, он заставляет их чесать себе спину; старшие не хотят, но младшая соглашается. Этой подробностью в особенности нашу сказку напоминает грузинская сказка (с. X).

Собаки охотника-хана разрывают яму и оттуда вытаскивают еле живых сестер. Хан женится на старшей и после свадьбы спрашивает сестер, что они могут делать. Жена говорит, что может родить ему сына с золотыми зубами и золотыми волосами; и другие две сестры сообщают хану о своем умении. В этом месте нашей сказки замечается некоторый пробел: она ничего не говорит о дальнейшей судьбе остальных двух сестер. По кабардинской и грузинской версиям они отдаются замуж за приближенных к хану (царю) лиц.

В отсутствии мужа ханша родила таких детей, каких обещалась мужу принести на свет; и в сравниваемых сказках рождаются такие же дети, но в каждом с другими атрибутами. Родильница, желая вызвать к себе хана, согласно его приказанию, встряхивает серебряную уздечкою, но так как колдунья-мачеха заложила уши ханскому жеребцу, то он не мог слышать звона колокольчиков, и потому хан не вернулся обратно домой. Воспользовавшись сном родильницы, мачеха подменяет детей. Подмен детей составляет излюбленный мотив в сказках всех народов. Кроме сравниваемых сказок, этот мотив можно еще отметить в аварской сказке «Красавица Езензулхар»³⁵, великорусской «Брат и сестра»³⁶ и малорусской «Завистливая жена»³⁷. В нашей сказке подмен совершает мачеха, в малорусской — родная мать, в великорусской — старуха, а в остальных — старшие сестры.

Дети выбрасываются в реку и вскармливаются су-анасы (матерью воды). Выставленная на всеобщее поругание мать узнает их

³² Сб. X, III, 25.

³³ Сб. X, III, 62.

³⁴ Литер. предмета в примечании к кабардинской сказке «Злая жена и чудовище». Сб. XII, 110.

³⁵ Сб. свед. о кавк. горц. II, V, 39.

³⁶ XV, II, 125.

³⁷ Проф. Н. Ф. Сумцов. Малорусские сказки по сб. Кольберга и Малинской (из XXII кн. Этн. обзор., с. 101); там же указана и литература предмета.

и просит одну женщину выдавить из ее (с. XI) груди молоко, спечь на нем две лепешки и отнести детям. Дети узнают от су-анасы о своем происхождении и идут разыскивать свою мать. В кабардинской сказке воспитывает детей псыхо-гоаша (водяная госпожа), в сванетской — священник, в мингрельской — старик, а в грузинской — мельник.

Напуганные колдуньей дети скрываются в лесу, где брат охотится, а сестра живет в шалаше из оленьих шкур. Услышавши о чудной красоте детей, хан послал за ними. Мальчик остроумно доказывает невозможность для женщины родить щенят, добивается признания со стороны отца и возвращения матери прежнего положения; колдунью постигает должная кара. В сравниваемых сказках следует отметить еще некоторые подробности, которых нет в нашей. Так, в кабардинской сказке сестра возлагает на брата (в грузинской — по совету колдуньи) разные задачи, которые он исполняет, несмотря на встретившиеся в пути препятствия; в мингрельской сказке дети, вместо того чтобы скрываться в лесу, строят пред дворцом отца крепость, но затем все оканчивается ко всеобщему благополучию.

В сказке «Пасынок» выставляется, как и в киргизской сказке «О двух братьях, Шакуре и Шакурате»³⁸, нелюбовь мачехи к пасынку. Пасынок уходит, куда глаза глядят, и встречает трех эмегенов, спорящих из-за дележа между собой чудесных предметов³⁹: сакиса (не встречающаяся в других сказках) для выплевывания золотых, шапки-невидимки и повозки с качествами скатерти-самолета. Воспользовавшись обыкновенным в сказках приемом⁴⁰ для обмана эмегенов, наш герой уносит с (с. XII) собою диковинки и хочет в незнакомом городе посмотреть прекрасную царевну, за что богатые люди платили большие деньги. Это ему удастся три раза, и каждый раз растет уплачиваемая сумма. Диковинки не пошли впрок пасынку: царевна сумела его напоить (в русских сказках — обольстить ласками⁴¹) и отбирает волшебные вещи.

Лишившись диковинок, наш герой находит выход из своего затруднительного положения. Эмегены, желая посмеяться над голодным насынком, указывают ему на фруктовый сад, посоветовавши в нем есть груши и рожки, но отнюдь не яблоки. Съев грушу, он превращается в буйвола, а поев рожков, у него вырастают рога; тогда он поел яблок и опять делается человеком. Этим хочет воспользоваться насынок для того, чтобы исправить царевну: идет в город, продает царевне груши и рожки, и она, отведав этих плодов, делается буйволицей, с длинными рогами. Буйволицу, выведенную на

³⁸ Сб. XXI, II, 69; ср. Прим. к этому выпуску.

³⁹ Лит. о чудес. предм. в статье проф. Сумцова. Малорус. ск. по сб. Кольб. и Мани. (из XX кн. Этн. обзор.), с. 107; Афан., IV, 213.

⁴⁰ Разнообразие этих приемов изложено у Афан., IV, 251.

⁴¹ Афан., IV, 251.

базар на продажу, он покупает и, проучив ее предварительно толстой палкой, дает ей съесть яблоко. Человеческий образ возвращается царевне, и она делается ему покорной женою. В других сказках превращение в осла, медведя, волка происходит и от огородных растений⁴², а рога вырастают от яблок, фиг и др. плодов⁴³. В русской сказке «Рога»⁴⁴, замечательно похожей на нашу как по замыслу, так и по некоторым деталям, рога вырастают без превращения в животное, тоже от яблок и от яблок же исчезают, чем и пользуется батрак для исправления царевны (с. XIII).

Сказка «Ламарт и Чумарт» составляет переделку общезвестной темы о правде и кривде. Один брат пользуется затруднительным положением другого, чтобы лишить его зрения: из-за куска хлеба тот выкалывает себе глаза. Покинутый братом Чумарт в полуразрушенной мельнице слышит разговор зверей: звери сообщают друг другу средство вернуть утраченное зрение, вылечить больную царевну и достать целую кучу золота. Чумарт, следуя их указаниям, возвращает себе зрение, овладевает золотом и излечивает царевну. По дороге встречает он Ламарта и направляет его на мельницу, где его растерзывают звери. В других сказках на эту тему⁴⁵ отправляются в путь или два брата-мужичка, или два кунца, или двое портных; обиженный запирается, большею частью, на дуб, под которым собираются и ведут разговор нечистые духи, или вилы (в сербской сказке), или три старца. Средства для излечения царевны в каждой сказке другие.

Сказка «Лисица, медведь и волк» принадлежит к произведениям животного эпоса, в котором развивается тема о победе изворотливости и ума над физической силой: куцаи лисица обманывает сперва медведя, а затем волка (три раза) и других лисиц. Приемы, при посредстве которых лисица достигает своей цели, так же обыкновенны, как и в других сказках. В кюринской сказке «Медведь, волк и лисица»⁴⁶ лисица, в согласии с волком, поедает медведя, а в осетинской сказке, наоборот, лисица, вместе с медведем, поедает волка. Примерзание хвоста волка (в нашей сказке лисицы) встречается в сказках русских⁴⁷ и других народов (с. XIV).

⁴² Аф. IV, 252. — В нем. сказке «Der Krautesel» бр. Гриммов.

⁴³ Лит. предм. у проф. Сумцова, в ст. «Разбор этнографических трудов Романова», с. 83.

⁴⁴ Аф. II, 140: напечатаны там же еще два варианта.

⁴⁵ Аф. 216; IV, 69, где и указаны параллели; ср. вышецитированную ст. проф. Сумцова «Разб. этн. тр. Романова», с. 42.

⁴⁶ Сб. свед. о кавк. горц. I, V, 25.

⁴⁷ Аф. I, ск. «Лисица и волк».

Е. З. БАРАНОВ

БАЛКАРСКИЕ СКАЗКИ

1. ВСАДНИК В ШКУРЕ ЖЕРЕБЕНКА

(с. 3) Жил в одном селении человек, по имени Топучук. Он был хороший танцор, ничего не работал и имуществу, кроме старой сапки и маленькой лошади, никакого не имел. В другом селении жил князь Холхан. Жена князя разрешилась от бремени. В ознаменование такого радостного события князь устроил пир, на который пригласил Топучука, чтобы он своими шутками и танцами развлекал гостей.

На пирю между собравшимися гостями зашел разговор о том, кто более всех помогает бедным. Один старик сказал, что где-то живет Адильгирей Занов: он и помогает более всех бедным.

Топучук слышал этот разговор и на утро, оседлав свою лошадку, отправился в путь, разыскивать Адильгирея Занова. Подъезжает он к одному селению, видит — на улицах его толнится масса народа, а около селения он встретил женщину, которая везла на арбе большие свертки разной материи. Один из свертков свалился на землю, и женщина не в силах была поднять его, так он был тяжел. Слез Топучук с лошади, помог женщине положить сверток на арбу и спросил ее, где она, бедная женщина, взяла так много материи. Женщина отвечала, что в этом селении живет князь Адильгирей Занов, который часто отлучается из селения и обратно возвращается с богатой добычей, которую он раздает бедным людям, не оставляя из нее для себя ничего.

Направился Топучук в селение и подъехал к саке Занова. Последний, увидя гостя, приказал слугам отвести его в кунацкую и накормить¹. Ночью, когда разошелся народ со двора, Занов вошел в

¹ По обычаю горцев, гости отводили в специальное помещение (кунацкую), где его угощали и развлекали не только хозяин, но и жители аула. (А. А.).

кунацкую и, ложась спать, спросил Топучука, куда и зачем он едет. Топучук отвечал, что он ехал разыскивать Адильгирея Занова, чтобы попросить его помочь, как бедному человеку; в доброту же Занова он, Топучук, имел сегодня случай лично убедиться.

— Хорошо, — ответил Занов, — будем спать, а завтра увидим, что нам делать.

Утром он одел Топучука в лучшее платье, дал ему хорошую лошадь и вместе с ним отправился в путь-дорогу. Подъезжая к одному аулу, они увидели веселящуюся толпу народа. Эта толпа, в 60 пар юношей и 60 пар девушек, собиралась ежедневно, плясала и веселилась, развлекая красавицу-княжну.

Подъехали Занов и Топучук ближе к толпе и слезли с коней. Занов передал Топучуку своего коня, а сам подошел к пляшущим. Заметила его княжна и послала сказать ему, что она просит его поплясать. Занов через посланного ответил княжне, что он только в том случае выйдет плясать, если с ним будет плясать сама княжна. Княжна согласилась и долго плясала с Зановым.

По окончании пляски юноши сказали Занову:

— Нас удивляет, что княжна никогда ни с кем не пляшет и только с одним тобою сегодня согласилась плясать. Ты, значит, — джигит! Посмотри же теперь, какие мы джигиты!

И с этими словами они схватили толстые палки и принялись бить Занова. Он же стоял, не шелохнувшись, точно не чувствуя ударов палок; затем юноши принялись бить коня Занова, который так же, (с. 5) как и хозяин его, твердо выдержал удары.

Вскочил Занов на коня и крикнул:

— У нас вот как делают джигиты! — И начал топтать конем юношей и затем, схватив княжну к себе на седло, ускорил вместе с Топучуком из селения.

Доскакали они до того места, где путь разделялся на две дуги: одна шла в селение Занова, а другая в то, в котором жил Топучук. Занов сказал Топучуку:

— Возьми себе княжну: я украл ее для тебя. Береги ее как родную сестру, и если ее будут сватать, то отдай за того, за кого она сама пожелает. За нее ты получишь богатый калым.

Передал Занов княжну Топучуку и поехал в свое селение. Привез Топучук княжну в селение и ждет не дождется, когда приедут к нему богатые женихи сватать княжну: уж очень-то ему хотелось поскорее разбогатеть. В непродолжительном времени к нему, действительно, приехал один богатый князь; засватал он княжну и выплатил Топучуку калым в 160 тыс. золотых монет.

Разбогател Топучук, обзавелся большим хозяйством и стал в селении уважаемым человеком. Однажды он вспомнил о Занове.

«Почему бы мне не поехать проведать своего приятеля?» — сказал он себе. Сел он на коня и отправился в путь, но дорогою подумал: «Благодаря Занову я сделался богатым человеком, а еду к нему

с пустыми руками. Но какой же подарок сделать ему? В золоте он не нуждается, не нуждается он и в хороших лошадях, — жены только у него нет. Поеду к князю Холхашу и посватаю его старшую дочь за Занова!»

Приехав к князю Холхашу, Топучук объявил ему о цели своего приезда. Князь, посоветовавшись с женой, изъявил свое согласие выдать дочь за Занова, если того пожелает последняя. Княжна на вопрос Топучука, согласна ли она выйти замуж за Занова, отвечала:

— Я слышала много хорошего о Занове и согласна быть его женой (с. 6), но ты не спеши к нему с моим ответом. Я сошью одежду, сплету плетъ, которые ты и отвези ему в подарок от меня.

Сплела княжна плетъ, спила одежду и, передавая то и другое Топучуку, сказала:

— Скажи Занову, что так как он много ездит по свету, то может забыть меня; родители же мои, долго не видя его, могут отдать меня за другого. Но если Занов будет любить меня, то когда случится со мной горе, он узнает по следующим приметам: если, будучи в дороге, он ударит коня этою плетью, и кончик ее расплетется, то пусть знает, что меня сватают; если во второй раз кончик плетви расплетется еще больше, то меня просватали; если же в третий раз конец плетви совсем оторвется, то меня отдают замуж и я для Занова тогда пропала. Пусть это помнит Занов.

Взял Топучук от княжны плетъ и одежду и отправился к Занову. Подъезжая к его селению, он услышал в нем шум человеческих голосов; увидел старика и старуху, которые несли большой сундук, доверху набитый разными материями.

— Где вы взяли столько материй? — спросил их Топучук.

— Нам дал князь Адильгирей: он возвратился из своего похода с богатой добычей, которую теперь делит между бедными, — отвечал старик.

Топучук подъехал к Занову, который стоял на возвышенном месте и наблюдал за дележом добычи. По окончании дележа Занов с Топучуком вошли в саклю.

— Меня очень огорчает, — сказал Топучук, — что ты, Адильгирей, не женился.

Занов отвечал:

— Я не прочь жениться, но идти сватать девушку самому не решаюсь, потому что в случае отказа с ее стороны я не перенес бы стыда. Был бы я очень рад, если бы кто-либо из моих приятелей, особешно ты, посватал за меня девушку, которая была бы достойна меня.

— В таком случае, — сказал Топучук, — у тебя уже есть невеста: я засватал за тебя дочь князя (с. 7) Холхаша и привез тебе от нее подарки.

Вместе с подарками Топучук передал Занову слова княжны. Примерил Занов платье, и оно оказалось сшитым точно по мерке. На

утро Занов призвал шесть самых сильных своих холопов, приказал им переставить свою кровать на другое место. Под кроватью оказалось подполье, из которого холопы вытащили громадный сундук, полный золота и серебра. Занов подарил Топучуку две горсти золота и серебра, мужчину и женщину из своих холопов, запряженную быками арбу и попросил его отвезти сундук в подарок княжне.

Княжна, как только Топучук передал ей сундук, приказала шести слугам переставить свою кровать на другое место, вырыть под ней яму, в которой и спрятала сундук, поставив кровать на старое место.

Занов часто находился в походах и, казалось, совсем забыл свою невесту и не ехал за ней.

Прошло три месяца с того времени, как Топучук засватал за Занова княжну. Родители княжны, видя, что жених их дочери не едет за ней, порешили, что он отказался от нее, о чем и сказали дочери.

— Нет, — ответила дочь, — не забыл он меня.

И сколько за нее ни сваталось богатых женихов, она всем отказывала.

Однажды приехал в селение князя Холхаша богатый кумыкский хан; он был одет в волчью шубу, на каждом волоске которой висели золотые колокольчики. Начал он сватать княжну. Родители ее, соблазнившись богатством хана, стали уговаривать дочь выйти за него замуж. Княжна попросила у них три месяца срока, надеясь, что в это время придет за нею Занов. Но прошли три месяца, а Занов так и не приехал за княжной. Тогда родители, не спрашивая ее согласия, просватали ее за хана.

В то время, как шло сватовство княжны, Занов (с. 8) однажды выехал со своею дружиною в поход. За селением его конь вдруг чего-то испугался и бросился в сторону. Занов ударил его плетью и увидел, что кончик ее распелся. Тогда он вспомнил слова княжны, поспешно вернулся домой и приказал дружине быть на завтра готовой в поход, а сам лег спать.

В полночь кто-то постучал в окно сакли и попросил Занова выйти на улицу. Он оделся, вышел и уехал с неизвестными.

На утро дружина, не найдя своего князя дома, разошлась по саклям.

Возвращался уже Занов домой; конь его опять чего-то испугался и бросился в сторону. Занов ударил его плетью и увидел, что конец ее распелся еще больше, чем в первый раз. Прискакал Занов домой, приказал дружине быть наутро готовой в поход, а сам лег спать. В полночь во второй раз кто-то постучал в окно и попросил Занова выйти на двор. Он оделся, вышел и уехал с неизвестными.

В это время кумыкский хан уплатил князю Холхашу калым в 20 тыс. серебряных монет.

Возвращается Занов домой; конь его в третий раз испугался и

бросился в сторону. Занов ударил его плетью и увидел, что конец плети совсем оторвался. Как раз в это время к князю Холхашу приехали люди кумыкского хана за княжной. Прискакал Занов домой, приказал дружине быть готовой в поход и лег спать.

В полночь послышался стук в окно, но Занов, сколько ни стучали, не откликнулся и не вышел на улицу, а наутро отправился со своею дружиной в селение князя Холхаша. Не доезжая до селения, он остановился на почлег на берегу речки. Вечером он отошел в сторону от дружины и начал ходить по лужайке. Вдруг ему послышался голос, который громко проговорил:

— Проклят тот человек, который утром и вечером ездит одиноком.

Занов осмотрелся кругом — никого не было видно (с. 9). Он удивился и никак не мог понять, кто произнес эти слова. Утром он взял трех человек из своей дружины и начал ездить по тому месту, где вчера слышал незнакомый голос. Скоро он нашел дохлого коня и приказал своим воинам закопать его. Недалеко от коня нашел он дохлого кабана, возле которого лежали ружье, пистолет, кинжал и шанка. Приказал Занов закопать в землю и кабана вместе с оружием. Затем, вернувшись к дружине, он оставил при себе только двух человек, а остальным приказал вернуться домой. С двумя слугами он поехал в селение князя Холхаша. Не отъехал он и с версту от могилы коня, как вдруг догоняет его какой-то всадник в шкуре жеребенка; кроме пашки в черных ножнах, у него не было другого оружия. Стал он с левой стороны от Занова и поехал с ним, не проронив ни слова. Занов также молчал, считая неудобным расспрашивать незнакомца, кто он и куда едет. Приехали путники в селение и остановились у сельского эфенди. Не зная Занова, он принял его за простого гостя.

Ночью со степи прискакали в селение табунщики и сообщили жителям, что на них напали какие-то разбойники и отбили у них табун. В селении сделалась тревога, и все жители поскакали в погоню за абреками. Занов со своими спутниками остался в селении. Утром, оставив спутников в кунацкой, Занов сел на коня и поскакал догонять разбойников; вслед за ним поскакал и незнакомец в шкуре жеребенка, хотя Занов и не приглашал его с собой. Женщины и дети, увидя их, смеялись над ними, говоря: «Куда им догнать разбойников!»

В степи Занов и его спутник встретили жителей, возвращавшихся из погони, которые сказали им, что разбойники ускакали и угнали табун. Занов со спутником (с. 10) поскакали дальше. Видят они — сто всадников гонят сельский табун. Кинулись они на этих всадников, перебили всех, забрали их лошадей, а к седлам привязали их оружие и погнали вместе с сельским табуном в селение. Около селения они распустили сельский табун, а сто лошадей, навьюченных оружием, загнали во двор эфенди и подарили их ему, причем

Занов сказал: «Извини, эфенди, что у разбойников не нашлось больше собственных лошадей».

Эфенди поблагодарил за подарок и сказал:

— Извините меня, дорогие гости, за мой вопрос: я хочу спросить вас, что вы за люди и по какому делу приехали в селение?

Занов отвечал: «Мы приехали именно к тебе, чтобы попросить тебя сходить к кумыкскому хану и спросить его: по какому праву он женился на чужой жене, раз муж ее жив и она не состоит с ним в разводе».

Эфенди пошел к хану, но не решался передать ему просьбы Занова. Хан заметил это и спросил эфенди, что он хочет ему сказать? Тогда эфенди передал ему слова Занова.

Хан отвечал: «Я не знаю, есть ли у княжны муж или нет; об этом мне никто не говорил. Ты, эфенди, совершал наш накяг* (обряд венчания): тебе лучше знать об этом». Эфенди сказал:

— Хотя я и совершал ваш накяг, но мне тоже неизвестно, был ли у княжны муж, нет ли. Спросим об этом княжну.

А княжна сидела в отдельной комнате и плакала. Хан обещал дать 200 золотых тому, кто развеселит княжну, но никто не был в состоянии сделать это.

Узнал об этом Занов и дал одному из холопов эфенди ручку от той плетни, которую Топучук привез ему в подарок от княжны, приказав ему отнести ее к княжне. Холоп исполнил приказание Занова. И как только княжна увидела перед собою (с. 11) знакомую ручку, перестала плакать, лицо ее прояснилось и на нем показалась веселая улыбка. Доложили об этом хану; он очень обрадовался и подарил холопу 200 золотых. Когда эфенди передал о своем разговоре с ханом, Занов послал от себя в качестве свидетеля при опросе княжны о том, была ли она раньше замужем, или не была, — всадника в шкуре жеребенка, а хан послал с тою же целью кормилицу княжны.

Все трое вошли в комнату княжны, и эфенди задал княжне свой вопрос. В ответ княжна приказала шести слугам переставить ее кровать. Под кроватью в яме стоял сундук. Княжна вынула из кармана ключ, открыла сундук и, указывая на золото и серебро, которое лежало в нем, сказала:

— Этот сундук прислал Занов в калым за меня. Ты, эфенди, совершил мой накяг с ханом без моего на то согласия, что тебе хорошо известно: также это известно и моей кормилице. Муж мой — Занов, но не хан.

Когда передали хану ответ княжны, он сказал:

— Я не знал, что у княжны уже был жених, когда я сватал ее, иначе я не позволил бы себе отбивать у такого доблестного джигита, как Занов, невесту. Как мне ни горько лишиться княжны, но я от

* Правильно: несях. — Р е д.

души рад, что она досталась Занову. И пусть калым, который я уплатил за княжну, будет ей свадебным подарком от меня.

Но Занов отказался от ханского подарка, посадил княжну на лошадь и, в сопровождении двух своих слуг и всадника в шкуре жеребенка, отправился домой. Путники приехали к тому месту, где к Занову пристал всадник в шкуре жеребенка; вдруг этот всадник быстро поскакал вперед, оставив далеко позади себя своих спутников. Удивился Занов неожиданному поступку своего таинственного товарища и, оставив со слугами свою жену, поскакал вслед за ним. Около кургана всадник в шкуре жеребенка (с. 12) на глазах Занова исчез вместе с лошадыо. Спрыгнул Занов с коня, обошел кругом курган и в одном из склонов его заметил пору лисицы.

«Не в эту ли пору спрятался мой спутник?» — подумал он и сам вошел в нее. Его взорам представилась просторная комната, роскошно убранная дорогими коврами и оружием, а в комнате на постели сидел его товарищ.

— Здравствуй, Занов, — сказал он, — я не ожидал, чтобы ты так скоро явился ко мне. — Занов ответил:

— Я тоже не ожидал, что ты так неожиданно покинешь меня. Я был уверен, что ты, как мой товарищ, будешь веселиться на пиру, который я устрою по случаю своей свадьбы; ты же бросил меня и ускакал. Затем мне непонятно следующее: все время, пока ты находился со мной, ты не проронил ни единого слова. Скажи, кто ты такой?

— Слушай, Занов, — ответил его товарищ, — я, как и ты, много ездил по тому свету; был так же, как и ты, отважен. В битве с врагами я обходился без товарищей и вел жизнь одинокую. Однажды вечером возвращался я один с поля битвы, где много истребил гяуров. Мне было известно, что в путь пускаться одному нельзя, но я пренебрегал этим правилом стариков, за что и был достойно наказан. Когда я проезжал около этого кургана, на меня вдруг напал кабан и смертельно поранил меня и моего коня. И едва только клыки кабана коснулись моего тела, как в ту же минуту я был превращен в кабана и умер; пал и мой конь. И долго лежали мы с конем в степи, и трупы наши мочило дождем, жгло солнцем и знобило холодом. Но вот в одно время ко мне возвратилась жизнь, хотя я не мог встать на ноги и по-прежнему оставался кабаном. Я видел тебя, одиноко бродящим около кургана, и, чтобы предостеречь тебя от той же участи, какой подвергался я за несоблюдение установленных правил, сказал слова (с. 13), которые тебе известны. Затем, когда ты похоронил кабана и коня, я с конем очутился в этом подземелье. Так как я искупил вину за свое непослушание и за мной были заслуги пред богом за истребление гяуров, то он опять обратил меня в человека и позволил мне появляться иногда на том свете, чтобы помогать правоправным в их правых делах. И вот, когда ты поехал в селение князя Холхаша, я появился на том свете, чтобы помочь тебе в пра-

вом деле, так как мне от бога было известно, что оно право. Вот все, что я могу сказать о себе. Теперь уходи отсюда и помни правило: не пускаться в дальнюю дорогу одиноким. Если же случится с тобой несчастье, будь уверен, я выручу тебя из него.

Попрощался Запов со своим товарищем и вылез из подземелья. Приехал он домой, весело отпраздновал свою свадьбу и счастливо зажил с молодою женою.

2. ТРУС

Жил-был на свете человек; были у него две жены. Человек этот был таким страшным трусом, что ночью боялся один выйти из сакли во двор, и его всегда сопровождали обе жены. Однажды ночью жены вывели его во двор. Ночь была лунная, светлая. Вот муж осмотрелся кругом и говорит:

— Ах, жаль, что ночь такая светлая! Будь она потемнее, я отправился бы на воровство: наворовал бы много баранов, а не то — так и табуи лошадей пригнал бы сюда!

Женам давно уже надоело слушать хвастливые речи мужа о своей неустрашимости, и старшей из них захотелось посмеяться над его трусостью.

— Смотри, — пошептала она, — сюда бежит лисица!

Закричал муж в страшном испуге и упал в обморок. Привели его жены в саклю и, когда он пришел (с. 14) в себя, принялись обе насмехаться над его трусостью; целую ночь они не дали ему покоя и к утру довели бедняка до того, что он сказал им:

— Перестаньте смеяться, я вам покажу, какой я трус! Приготовьте мне на дорогу съестного — я пойду добывать себе богатства!

Была у них прекрасная корова, которая утром и вечером давала по одному ведру молока. Подопли жены эту корову; из утреннего молока приготовили они кружок сыра, а из вечернего — айран и испекли несколько киржинов. На другое утро, уложив в бурдюк провизию, муж отправился в путь. Идет он дорогою; видит — эмеген громадной пглой сшивает расщелины в земле. Испугался трус и хотел было бежать обратно, да сейчас же сообразил, что эмеген заметил его и при первой попытке убежать догонит и убьет его, а потому решил подойти к эмегену: что, мол, будет, то будет!

— Здравствуй, эмеген, — проговорил он громко, приблизившись к эмегену.

Эмеген удивился, как этот ничтожный, в сравнении с ним, человечинко говорит смело и ничуть не пугается его.

— Здравствуй, — ответил он, — ты куда идешь?

— Иду я добывать богатство, — по-прежнему громко отвечал трус, — не хочешь ли идти ко мне в товарищи?

Эмеген подумал, что этот человек должен быть очень сильным,

если приглашает его, сильнее которого на свете нет никого, к себе в товарищи.

— Давай сначала попробуем наши силы, — предложил он.

— Давай! — согласился трус.

Эмеген оторвал от горы громадную скалу и далеко-далеко забросил ее. Усмехнулся трус и говорит:

(с. 15) — Большие камни и я сумею бросать далеко, а попробуй-ка ты так сдвинуть камень, чтобы из него сок потек!

А сам уже держал в руках кружок сыра; сдвигал он его одной рукой: воды из него так и потекла.

— Теперь, — сказал он, — давай попробуем, кто из нас выдавит воду из земли.

Принялся эмеген прыгать на одном месте: от топота его ног земля тряслась, а с гор скалы срывались и падали вниз. Прыгал он, прыгал, вытотал глубокую яму в земле, а воды из нее так-таки и не выдавил. А трус в это время проколол в бурдюке с айраном дырочки и незаметно для эмегена засыпал бурдюк землей.

— А ну, попробую я, — сказал трус и стал ногами на бурдюк: айран и потек из него!

— Да, ты сильный человек, — сказал эмеген, — пойдем ко мне в гости: я угощу тебя.

— Пойдем, — согласился трус.

Пришли они к громадной пещере, в которой жил эмеген. Вырвал эмеген с корнем большой дуб, изломал его ногами и развел огонь. Зарезал он большого барана, целиком зажарил его на вертеле и угощает гостя. Тот наелся досыта и говорит:

— Ты, эмеген, извини меня, что я так мало ем: я дал обещание пред богом некоторое время воздерживаться от лишнего употребления пищи; в другое же время для меня этого барана было бы слишком мало.

Эмеген поверил гостю, не стал припуждать его больше есть и сам сожрал остальную часть всего барана. Потом насыпал он громадный мешок золота и предложил его в подарок гостю. Тот поблагодарил эмегена и пригласил его к себе в гости. Эмеген согласился. Видит трус, что не под силу ему поднять мешок с золотом, и говорит эмегену:

— По нашему обычаю, хозяин должен нести подарок до дома (с. 16) гостя, а потому ты донеси этот мешок до моего дома.

Взвалил эмеген на плечи мешок с золотом и пошел вместе с трусом. До дома последнего было уже недалеко. Испугался трус и не знает, что ему делать: придет эмеген в его саклю и когда узнает, что он за человек, то убьет его самого, жен, а корову сожрет. Подумал он побегать вперед и посоветоваться с женами, как принять эмегена.

— Ты, эмеген, иди потише, — сказал он, — а я побегу домой распорядиться, чтобы там к твоему приходу все было готово!

Прибежал он домой и говорит:

— Беда! Эмеген идет сюда! Убьет он нас всех, а корову сожрет! Бегите отсюда, скорее бегите!

Жены с трудом успокоили мужа, заставили его рассказать все, что с ним случилось.

— Не пугайся, — сказала старшая жена, выслушав рассказ мужа, — слушай, я научу тебя, как принять этого страшного эмегена. Когда он придет к нам, ты попроси его сесть на дворе, а сам крикни мне: «Жена! приготовь шашлык из мяса эмегена!» Посмотришь, что тогда случится.

Жены ушли в саклю, а муж пошел навстречу эмегену. В скором времени вернулся он обратно вместе с эмегеном. Эмеген сбросил с плеч мешок с золотом и уселся во дворе на камне. Несколько раз порывался хозяин приказать жене приготовить шашлык для гостя, но от страха язык ему не повиновался.

Наконец, собравшись с духом, он громко крикнул жене:

— А ну, жена, зажарь нам шашлык из мяса эмегена.

— Подожди немного, — отвечала из сакли жена, я вот сейчас за-режу эмегена.

Услышав это, эмеген страшно испугался.

— Разве ты ешь мясо эмегена? — спросил он.

— О, — ответил тот, — лучшего мяса я и не находил.

Вскочил на ноги эмеген и пустился бежать без (с. 17) оглядки со двора своего товарища. А товарищ, видя, что опасность миновала, кричит ему вслед:

— Вернись, эмеген, попробуй нашего шашлыка!

Бежит эмеген, а навстречу ему лисица.

— Куда ты, эмеген, так быстро бежишь? Кого ты испугался? — спрашивает она.

Остановился эмеген и рассказал ей про своего страшного товарища. Засмеялась лисица и говорит:

— Ты, эмеген, хотя очень силен, но в то же время очень глуп! Разве ты не видишь, что этот страшный человек — большой трус; он только хитер! Чего ты его испугался? Пойдем сейчас к нему, и ты увидишь, что он, едва увидя тебя, сейчас же спрячется под кровать. Пойдем, не бойся!

— Не пойду, — отвечал эмеген, — он убьет меня и зажарит на шашлык!

— Ну, если ты так боишься этого труса, возьми меня за хвост; я буду идти впереди, а ты позади, — сказала лисица.

Эмеген, после некоторой нерешимости, согласился — взял лисицу за хвост и пошел следом за нею. Увидел трус возвращающегося эмегена, да не одного, а с лисицей, со страху забился под кровать и вопит оттуда благим матом:

— Погибли мы все, погибла и корова наша!

Жены, узнав в чем дело, насили его из-под кровати выволокли.

— Чего ты испугался? — сказала ему старшая жена, — пойди на двор да крикни: хорошо ты, лисица, сделала, что привела ко мне эмегена, а то я думал, что мне уже не придется попробовать мяса эмегена.

Муж не хотел было и на двор показаться, да жены пинками вытолкали его вон из сакли. А лисица с эмегеном были уже близко. Затрясся трус, хотел было в саклю бежать, да жены в дверях с палками стоят.

— Все равно: пропадать, так пропадать с тобою, — подумал (с. 18) несчастный, да как заорет во все горло, — ай, лисица! хорошо ты сделала, что привела ко мне эмегена, а то — я уже думал, что мне не придется попробовать его мяса!

Услышав это, эмеген подумал, что лисица, сговорившись с трусом, нарочно привела его к нему, и так хватил ее об камень, что от нее клочья во все стороны полетели, а сам бросился бежать куда глаза глядят.

А трус кричит ему вслед: «Держи его, лови его!»

Благодаря мешку золота, зажил он со своими женами припеваючи и всегда хвастал пред ними, что он эмегена победил, но по ночам по-прежнему боялся один выходить из сакли.

3. ХИТРЫЙ СЫН

Жил-был на свете человек; была у него красивая жена и сын. Однажды весною отправился он с сыном пахать поле, да позабыл взять с собою харчей. Послал он сына с пашни за харчами, а сам начал приготавливаться к пахоте.

Подходит сын к своему двору и видит, что там сосед обнимает и целует его мать. Спрятался сын за амбаром и ждет, что дальше будет: Слышит он — мать его спрашивает соседа:

— Ты где сегодня палешь?

Сосед отвечал:

— На самой вершине горы. Ты меня можешь узнать издали по следующей примете: один бык у меня черный, а под брюхом у него белая полоса шерсти.

— Хорошо, — сказала мать, — я принесу тебе на пашню пообедать.

Сосед ушел, а сын незаметно вышел из-за своей засады и попросил у матери харчей. Та с бранью дала ему две лепешки да немного айрану (напиток из кислого молока) и прогнала его из дому.

— Только и знаешь, что шляться за харчами, а работать ленишься, — сказала она, выпроваживая сына (с. 19).

Идет сын к отцу на пашню и видит, что отец за громадным камнем обнимает и целует какую-то женщину. Притаился сын за другим камнем и, дождавшись, когда женщина ушла, подошел к отцу.

— Отец, — сказал он, — не считай меня своим сыном, если ты не согласишься пахать выше нашего соседа.

Отец хотя и удивился такой просьбе сына, но согласился уважить ее. Перешли они на новое место и начали пахать. Был у них один бык весь черный; сын снял с себя рубашку и подвязал ее под брюхо быка. В полдень он видит, что к их пашне приближается его мать; снял он с быка рубашку и побежал навстречу матери.

— Это ты нам несешь обедать? — спросил он, увидя в руках матери котелок с горячим бараньим супом, пироги и шашлык.

— Да, — ответила мать, — когда ты приходил, у меня ничего не было готово и вот, чтобы вы не были голодны, я сварила обедать и сама принесла к вам.

— Это ты хорошо сделала, — сказал он и уселся с отцом обедать.

Осмотрелась мать кругом и спрашивает:

— Кто это ниже вас пашет? Вон видите, там — один бык черный, с белою шерстью под брюхом?

— Это наш сосед, — отвечает сын.

— Так назовите же его обедать с вами, — говорит мать: ведь, по обычаю, нехорошо одним кушать, когда тут сосед голодный.

Отец послал сына за соседом. Пришел сын к соседу и говорит:

— Смотри, не попадайся на глаза моему отцу, иначе он тебя убьет: ведь он знает, что сегодня утром ты обнимался и целовался с моей матерью.

Воротился он назад и говорит отцу и матери:

— Сосед обижается, что за ним вы послали меня. Разве, говорят, я мальчишка, что за мной посылают мальчишку? (с. 20).

Взял отец в руки железную лопаточку, которой очищают с плуга землю, и отправился звать соседа обедать. Увидел его сосед, испугался, бросил своих быков и плуг и пустился бежать, что есть силы, домой. Удивился отец и пошел обратно к своей пашне. Мать спрашивает сына, не знает ли он, почему сосед убежал при приближении к нему ее мужа.

Сын отвечал:

— Отец узнал о том, что ты утром обнимался с соседом, и хотел убить его. Теперь придет сюда и убьет тебя.

Испугалась мать и без оглядки бросилась домой, а дома забилась под кровать и ждет, что вот-вот придет муж и убьет ее.

Приходит на пашню отец и спрашивает сына, куда убежала его мать.

Сын отвечал:

— Она узнала, что ты сегодня обнимал чужую женщину, и пошла жаловаться на тебя своим родным. Смотри — придут они и убьют тебя.

Испугался отец и спрашивает сына:

— Что мне делать? Куда мне спрятаться?

— Спрячься вон в ту нору, — посоветовал сын, указывая на лисью нору.

Отец поспешил спрятаться в нору, а сын принялся за обед. Приходят на пашню софты * (ученики муллы). Пригласил сын их пообедать вместе с ним; те не отказались.

После обеда он спросил их, что они ищут тут на пашнях. Софты отвечали, что они пришли сюда ловить лисиц.

— Вот в ту нору до вашего прихода спряталась большая лисица, — сказал сын и указал софтам нору, в которую спрятался его отец.

Софты наложив у входа в нору соломы, зажгли ее и принялись выкуривать лисицу. Вдруг из норы послышался отчаянный крик человека:

— Ой, пустите меня на волю, не дайте задохнуться в норе! Клянусь богом, отныне никогда не буду обнимать и (с. 21) целовать чужих жен; только, умоляю вас, отпустите меня живым! — кричал несчастный отец, задыхаясь от дыма.

Софты испугались страшно и бросились бежать с пашни; сын насилу уговорил их остаться и рассказал им, в чем дело. Посмеялись софты и выволокли из норы сле живого от страха отца. Заставили они поклясться его в том, что он никогда не будет обниматься с чужими женами и вместе с ним и сыном его отправились в аул развешивать неверную жену. Пришли в саклю. А жена, слышав человеческие шаги, принялась орать из-под кровати благим матом:

— Ой, милый муж! Не убивай меня! Клянусь тебе богом, никогда больше не буду знать чужих мужей!

Выволокли и ее софты из-под кровати, а она от страха стоять на ногах не может: заставили ее поклясться отныне не изменять своему мужу и, посмеявшись вволю над мужем и женой, вышли из сакли.

С тех пор муж даже не заглядывается на чужих жен, а жена, едва завидя чужого мужа, отворачивается в сторону.

4. ЖЕНА ОХОТНИКА

Жил-был один человек; имел он жену, четырех сыновей и одну дочь. Заболела у него жена и скоро умерла, а затем вслед за ней и он сам заболел. Предчувствуя, что ему недолго остается жить, он призвал сыновей и сказал им:

— Дорогие дети, вы все охотники и в поисках за добычей ходите всюду. Я хочу вас предостеречь от опасности, которая грозит вам, если вы пойдете на охоту за тот курган, который виднеется вдали от нашего дома: не ходите туда, потому что вас ожидает неминуемая смерть.

* Правильно: сохты. — Р е д.

И отец затем умер. Старший сын подумал:

— Что же там такое есть за курганом, что может грозить смертью, если пойти за него? Мне ли, отважному охотнику, (с. 22) бояться смерти!

Взял он ружье и пошел за курган. Приходит он и видит роскошный сад, а в нем растут яблоки и виноград. Вошел он в сад и начал рвать яблоки. Вдруг из-за деревьев показался громадный жеребец, из ноздрей которого валит дым.

Закричал он страшным голосом:

— Кто рвет в царском саду яблоки?

Увидел охотника, кинулся на него и убил его ногами. Второй брат, видя, что старший так долго не возвращается с охоты, пошел разыскивать его. Направился он за курган, увидел сад, а когда начал рвать в нем яблоки, то был убит конем. Такая же участь постигла и третьего брата, который пошел разыскивать братьев.

Младший брат, не дождавшись домой старших братьев, пошел разыскивать их. Приходит он за курган — видит сад, вошел в него и начал рвать яблоки. Вдруг прибежал жеребец и закричал:

— Кто рвет яблоки в царском саду?

Охотник успел вовремя спрятаться в укромное место. Принялся его разыскивать жеребец, повыврывал с корнем множество деревьев, но не нашел и побежал из сада. Охотник подумал:

— Что это за чудный жеребец! Надо его поймать.

Пошел он по дороге, по которой убежал жеребец. Видит он, стоит на дороге великанша и кричит ему:

— Не ходи по царской дороге, не то я тебя убью!

Но охотник подошел к ней и сказал ей:

— Не убивай меня, матушка, и сначала выслушай меня. Я бедный охотник, ищу своих братьев, которые пошли на охоту и пропали без вести.

Великанша сказала:

— О, не ищи своих братьев: они убиты жеребцом, которого и ты видел, за то, что осмелились рвать в царском саду яблоки.

— В таком случае, скажи, куда побежал этот жеребец: я хочу его поймать, — попросил охотник и приласкался к великанше.

(с. 23) — Тебе этого жеребца не поймать, — возразила великанша, — сад этот принадлежит царской дочери, его караулит жеребец; царская же дочь живет в землянке, наверху которой стоит железный дом. Но все равно тебе не дойти до этого дома, потому что дальше на дороге стоит моя старшая сестра, а еще дальше — мать; они тебя убьют. Лучше воротись, сынок, домой.

Охотник начал упрашивать великаншу позволить ему продолжать путь к дому царской дочери.

— Хорошо, — сказала великанша, — пусть будет по-твоему. Но чуй у меня, а наутро отправишься в путь. Дам я тебе кусок дерева, ты покажешь его сестре моей, и она пропустит тебя дальше.

Вечером сварила великанша целого барана и угощает охотника. Он поел немного баранины и благодарит великаншу, а та смеется над ним:

— Куда тебе поймать жеребца, если ты не в состоянии целого барана съесть!

И она сама съела барана. Наутро она дала охотнику кусок дерева, на котором сделала метку зубами. Охотник идет дальше. Видит он — стоит великанша посредине и кричит ему:

— Не ходи по царской дороге, не то я тебя убью.

Но охотник показал ей кусок дерева, и она подпустила его к себе.

— Значит, ты хороший человек, что сестра пропустила тебя ко мне. Но куда ты идешь?

Охотник рассказал ей, куда и зачем он идет.

— Хорошо, — сказала великанша, — дам я тебе кусок дерева, который ты покажешь матери, но не думаю, чтобы она тебя пропустила к дому царской дочери: она у нас очень сердитая — тебя убьет, да и нас отколотит за то, что мы пропустили тебя к ней.

Дала она ему кусок дерева со своею меткой. Охотник поблагодарил ее и пошел дальше. Видит он — бежит к нему старая великанша и кричит страшным голосом:

(с. 24) — Кто ты такой, что целым и невредимым прошел мимо моих дочерей? Неужели ты их убил?

Охотник издали показал ей кусок дерева. Великанша, увидя знакомую метку на куске дерева, успокоилась и, подошедши к охотнику, сказала:

— Это хорошо, что ты познакомился с моими дочерьми, раньше чем прийти ко мне: иначе не миновать бы тебе смерти. Но кто ты и откуда идешь?

Охотник рассказал великанше, кто он и откуда идет.

Подумала великанша и говорит:

— Не сказала бы я тебе, как поймать жеребца, но раз ты познакомился с моими милыми дочерьми, изволь — скажу. Завтра кончится неделя, и в этот день царская дочь всегда крепко спит в землянке на кровати, причем волосы ее свешиваются на землю. Ты тихо подкрадись к землянке, выкопай яму и спрячься в ней. Затем покажись так, чтобы тебя мог видеть жеребец; когда он заржет, царская дочь проснется, выйдет из землянки и, не найдя никого, побьет жеребца плетью, чтобы он напрасно не ржал и не тревожил ее сна. Ты покажись три раза и три раза царская дочь будет бить жеребца, а затем уже иди смело: жеребец не будет ржать. Войди ты в землянку, схвати волосы царевны, обкрути их вокруг кисти и сильно потяни к себе. Если царевна при этом заплачет, пойдет сильный дождь, а если засмеется, то станет нестерпимо жарко; но ты не бойся ни дождя, ни жары и сильнее тяни ее за волосы. Начнет царевна упрашивать тебя отпустить ее, но ты не отпускай, а заставь поклясться

в том, что она будет твоею женой; тогда ты и жеребцом владеть будешь.

Охотник в точности исполнил все, чему его учила великанша, и царевна стала его женой, а жеребец слушался только его одного. Стал охотник ходить на охоту, а жена сидела дома и занималась домашней работой.

Однажды, когда он был на охоте, к его жене и (с. 25) пришла куртха и сказала:

— Зачем ты живешь с таким мужем? Он ведь сын холопа, а ты царская дочь. Убей его, и я тебе найду более достойного мужа.

Жена отвечала:

— Кто бы ни был мой муж, а раз я поклялась быть верной ему женой, то и не должна изменять ему.

Куртха возразила:

— Если бы твой муж любил тебя, так не стал бы он шляться целые дни на охоте, а тебя оставлять одну дома да еще заставлять работать. Разве царские руки созданы для работы? Подумай сама ты это.

— Да, ты это правду говоришь, — согласилась жена охотника, — но как убить мужа?

— Слушай, я тебя научу, — сказала куртха, — когда он придет с охоты, — ты спроси его, где у него находится душа, и когда он тебе скажет, я научу тебя, как поступить с ним.

Куртха ушла. Вечером, когда охотник возвратился с охоты, жена спросила его, где у него находится душа. Охотник не сказал, а наутро ушел на охоту.

Пришла куртха и когда узнала, что жена не допыталась от мужа, где у него находится душа, то принялась насмехаться над ней:

— Что же ты за жена, если не сумела узнать, где у мужа душа находится? Смотри, узнай сегодня.

Куртха ушла. Вечером, когда охотник пришел с охоты, жена приласкалась к нему, начала упрашивать его сказать, где у него находится душа. Муж сказал:

— Душа у меня находится во лбу и имеет форму ножа.

Утром, по уходе мужа на охоту, к его жене пришла куртха.

— Ну что, сказал? — спросила она.

— Сказал, — ответила жена.

— Вот и хорошо, — обрадовалась куртха, — завтра уговори его остаться дома и уложи спать, а я не замедлю прийти.

Наутро охотник, по просьбе жены оставшись дома, лег спать. Пришла куртха, вырезала у него из лба душу и бросила ее (с. 26) в реку, и охотник умер. Забрала куртха все золото и серебро, которое хранилось в железном доме, забрала и царевну, села на жеребца и сказала ему:

— Скачи как можно дальше от этого дома.

Жеребец отвечал: «Закройте глаза». Куртха и царевна закрыли

глаза; жеребец сделал два прыжка, перескочил через самые высокие горы и очутился на берегу моря. Поселилась ведьма с царевной в землянке.

Сестра охотника долго ждала брата и, не дождавшись, пошла отыскивать его. Прошла она мимо царского сада, встретила великаншу, которая рассказала, какая печальная участь постигла ее брата. Сестра пришла в опустевший дом царевны и поплакала над трупом брата.

— Пока я не умру, не перестану разыскивать твою душу, дорогой мой брат, — сказала она, обращаясь к трупу, сделала себе железные башмаки и железную палку и отправилась в путь. Идет сестра по берегу реки, видит — лягушка чешет спинку о ножичек, а она знала, что душа брата заключалась в нем, и говорит ей:

— Добрая лягушка, отдай мне этот ножичек, а я за это тебя брошу в воду.

Лягушка отдала девушке ножичек, а та бросила ее в воду. Побежала девушка к дому царевны, зашила брату ножичек в старое место, и брат ожил.

— Как я долго спал, — сказал он, открывая глаза.

— Да, — ответила сестра, — ты вечно был спал, если бы не я, — и она рассказала ему, что сделала с ним ведьма.

— Ну, хорошо же, — сказал брат, — отыщу я эту ведьму и не быть ей живой. Пойдем, сестра, отыскивать ее.

И они пошли вместе. Долго они ходили; наконец, брат увидел — что-то чернеется вдали. Он приготовился было стрелять в эту черную точку, но сестра удержала его.

— Подойдем ближе и узнаем, что это такое, — сказала она. Они пошли. Подходит ближе; видит брат — сидит его жена на камне (с. 27) и на море любит. Спросил он жену, как она попала сюда. Жена ответила, что приехала в гости к своей подруге.

— Где же твоя подруга? — спросил ее муж.

— Она в землянке сидит, — отвечала жена.

Муж надвинул на лоб шапку, чтобы не было заметно места, где находится его душа, спрятал под бешмет книжаль и пистолет и пошел в землянку к куртке. Приходит; куртка готовила обед.

— Здравствуй, — говорит охотник, — я бедный странник; очень устал, нельзя ли у тебя отдохнуть?

— Можно, — ответила куртка, — куда ты идешь?

— Я иду разыскивать куртку, которая убила бедного охотника и украла у него жену. Этот охотник был мой враг, и я хочу наградить куртку за то, что она избавила его от меня.

Обрадовалась куртка и говорит:

— Я — эта куртка: давай же награду!

— Возьми, — сказал охотник и, вытащив из-под бешмета пистолет, выстрелил в нее. Куртка упала, охотник отрубил ей голову и принес к жене. Жена заплакала:

— Зачем ты убил мою подругу? — спросила она, — я не хочу с тобою жить.

Охотник отрубил голову и жене, забрал из землянки все золото и серебро, сел с сестрой на жеребца и поехал в дом бывшей своей жены. Там он поселился с сестрой и счастливо прожил много лет.

5. КОВАРНАЯ ЖЕНА

У старого пророка Ноха жил молодой, красивый ученик. Влюбилась в него жена пророка и начала уговаривать его вместе с нею обмануть мужа. Ученик был не прочь обмануть своего учителя, но опасался, что последний узнает об этом и жестоко накажет его.

— Невозможно нам обмануть Ноха, — сказал он жене пророка: — он понимает язык птиц, и все птицы ему послушны. Может случиться, что какая-нибудь птица (с. 28) подсмотрит нас, скажет Ноху, и тогда мы с тобой пропадем — убьет нас пророк.

— Хорошо же, — ответила коварная жена, — уговорю я мужа, чтобы он созвал со всего света птиц и истребил их всех до одной. Тогда нам некого будет опасаться.

Нох долго не соглашался исполнить просьбу жены, но она приласкалась к нему, и он согласился. Затрубил он в трубу, и слетелись к нему птицы со всего света, только одного филина не было между ними. Удивился Нох и решил подождать филина. Ждет он день — филин не летит, ждет другой — его все нет, и только на третий день он явился. Рассердился Нох на филина и говорит ему:

— Глухая ты птица! Почему ты не явился ко мне в тот день, когда я сзывал всех птиц?

Филин отвечал:

— В эти два дня я был занят делом: я считал живых и умерших людей.

— Каких же ты насчитал больше? — спросил Нох.

Филин отвечал:

— Умерших я насчитал больше, потому что умершим считается и тот человек, который слушает глупые советы жены, а таких мужей, к несчастью, очень много на свете.

Подумал-подумал Нох, что слова филина об умерших людях в этом случае также относятся и к нему; распустил он птиц, а жене приказал, чтобы она в следующий раз не обращалась к нему с подобными просьбами. Так и не удалось коварной жене обмануть доверчивого мужа.

6. ЖЕНЩИНА С СЕРЫМИ ГЛАЗАМИ

У одного человека была жена и три дочери. Умерла жена; дочерям скучно стало жить без матери, и они начали просить отца, чтобы он женился. Отец согласился (с. 29) исполнить просьбу дочерей,

только не знал, как ему выбрать хорошую жену-хозяйку. Старшая дочь посоветовала ему жениться на женщине с серыми глазами и рыжими волосами. Послушался отец ее совета и пошел искать такую женщину. Идет он по дороге, а навстречу ему обур (колдунья).

— Куда ты идешь? — спросила она его. Он ответил, что идет искать себе жену.

— Возьми меня замуж, — сказала колдунья.

— Нет, — ответил он, — мне нужна жена с серыми глазами и рыжими волосами, у тебя же и волосы и глаза черные.

Побежала колдунья домой, намазала мазию свои волосы и глаза, и волосы у нее из черных стали рыжими, а глаза серыми. Затем забежала она вперед отца трех дочерей и опять встретила с ним. Лишь только он увидел женщину с серыми глазами и рыжими волосами, то предложил ей быть его женой. Та согласилась.

Совершив брачный обряд, он ввел ее в свой дом. С первого же раза мачеха невзлюбила своих падчериц и в отсутствие мужа била их и заставляла работать непосильную работу. Мало того, она начала жаловаться мужу, что падчерицы не слушаются и часто бьют ее. Затем, когда она достаточно озлобила мужа против падчериц, то принялась уговаривать его, чтобы он выгнал их из дому.

— Хорошо, — согласился муж, — я их выгоню, но ведь они опять придут в наш дом.

— Не придут, — ответила колдунья, — я научу тебя, как навсегда избавиться от таких злых дочерей. Иди ты завтра в лес, найди там яблоню со сладкими яблоками; под яблоней выкопай глубокую яму, накрой ее соломой, а сверху соломы набросай яблоков. Когда же будешь идти домой, возьми одно яблоко и засунь за спину черкески. Дома заставь дочерей чесать себе спину; начнут они чесать, найдут яблоко, съедят его и будут просить тебя (с. 30) взять их в лес. Ты их возьми с собой: собирая яблоки, они провалятся в яму и оттуда никогда уже не вылезут.

Наутро пошел муж в лес, нашел яблоню со сладкими яблоками и принялся копать под ней яму. До самого вечера он трудился и выкопал яму только до половины. Собираясь идти домой, он засунул под черкеску одно яблоко и пошел домой. Дома он попросил старшую дочь почесать ему спину.

— Почешись об землю, а я не хочу чесать твою спину! — отвечала дочь; то же самое ответила и средняя дочь; младшая дочь почесала спину отца и нашла под черкеской яблоко. Разрезала она его на три ломтика: один взяла себе, а два отдала сестрам. Попробовали сестры яблоко; понравилось оно им, и начали они просить отца, чтобы он взял их в лес собирать яблоки. Отец пообещал, но наутро в лес ушел один. Целый день он трудился и, наконец, выкопал глубокую-преглубокую яму.

Прикрыл он ее тонкими древесными сучьями, сверх которых на-

трусил слегка соломы и, собираясь идти домой, одно яблоко засунул за спину черкески, а два других в поговницы.

Дома он попросил старшую дочь почесать ему спину и разуть его; старшая дочь по-прежнему отказалась, точно также отказалась и средняя; младшая же, начиная чесать у отца спину, нашла под черкеской одно яблоко, а, разувая его, в поговницах нашла еще два. Два яблока она разделила между двумя сестрами, а одно взяла себе. После дочери яблоки и опять начали просить отца взять их в лес.

Утром, отправляясь в лес, отец взял с собой дочерей. В лесу залез он на яблоню и принялся трестя с нее яблоки; дочери бросились подбирать их и провалились в яму. Засыпав отец землею яму и пошел (с. 31) домой.

Охотился в это время в лесу хан со своими слугами. Собаки его, разыскивая зверя, напали на яму и принялись разрывать ее лапами. По приказанию хана слуги разрыли яму и вытащили из нее трех едва живых сестер.

Хан спросил их, как они попали в яму; старшая сестра рассказала ему. Хан пленился красотой сестер, взял их к себе в дом и женился на старшей.

После свадьбы он спросил жену и ее сестер, что они могут делать. Жена сказала, что она может родить ему сына с золотыми зубами и золотыми волосами; средняя сестра сказала, что она может в одну ночь сшить одежду для всех его слуг, а младшая — сделать для него роскошное золотое седло. Через несколько месяцев после свадьбы стал хан собираться в дальнюю страну. Жена его встревожилась и сказала:

— Мне предстоит скоро родить, а ты покидаешь меня! Бог знает, в твое отсутствие со мной может случиться несчастье!

— Не печалься, жена, — ответил муж, — если с тобой что случится в мое отсутствие, ты прикажи выпнуть из моего сундука серебряную уздечку с колокольчиками и тряхни ее: я тот же час буду дома. — И хан отправился в путь.

Колдунья-мачеха трех сестер подслушала разговор хана с женой, пошепила заткнуть тряпками уши ханскому жеребцу. В скором времени жена хана родила мальчика и девочку — обоих с золотыми зубами и золотыми волосами. Захотелось ей, чтобы муж поскорее приехал домой и порадовался бы своему счастью; она приказала служанке тряхнуть серебряною уздечкою, но ханский жеребец не мог слышать звона колокольчиков, и хан не вернулся обратно домой.

Тем временем колдунья во время сна ханши взяла ее детей, бросила их в реку, а на место положила к матери двух щенят.

(с. 32) Приехал хан домой и, первой увидя колдунью, спросил ее, кого родила его жена.

Усмехнулась колдунья и ответила:

— Кого же она может родить, кроме щенят?

Убедившись, что жена его действительно, вместо обещанного сына родила двух щенят, хан страшно разгневался. Приказал хан посадить жену на шкуру бугая и вынести ее на дорогу, чтобы каждый прохожий плевал на нее и топтал ее ногами. Слуги исполнили приказание хана, и ханша, обливаясь слезами, сидела на дороге и терпеливо переносила свое унижение.

Мальчика и девочку, брошенных колдуньей в реку, взяла к себе су-анасы (мать воды), вскормила и воспитала их. Когда дети подросли, то в ясные, солнечные дни начали вылезать из воды и играть на большом камне, стоявшем посредине реки. Однажды жена хана увидела играющих на этом камне мальчика и девочку и признала в них своих детей. Попросила она проходившую мимо нее женщину выдавить из ее груди несколько капель молока, спечь на том молоке две лепешки и отнести их на камень. Женщина исполнила ее просьбу: спекла две лепешки и вечером, в отсутствие детей, отнесла их на камень.

Утром брат и сестра, взобравшись на камень, нашли на нем лепешки и съели их; они оказались им очень вкусными.

— Никогда мы не ели таких вкусных лепешек, — сказали они су-анасы, — почему ты раньше не кормила нас такими вкусными лепешками?

Су-анасы отвечала:

— Эти лепешки испечены на молоке вашей матери, потому-то они были так вкусны.

— У нас нет матери, кроме тебя, — сказали дети.

— Нет, — отвечала су-анасы, — я вам не мать, я только (с. 33) вскормила и воспитала вас. — И су-анасы рассказала детям о их матери и отце, о том, как мать родила их и как злая колдунья бросила их в реку, а вместо них подложила к матери пару щенят.

— Вы теперь уже выросли, — сказала она им, — идите, разыскивайте свою мать.

Брат и сестра пришли в город и начали ходить по его улицам. Увидела их колдунья и сказала:

— Зачем вы сюда пришли? Если хан узнает, что вы шляетесь по улицам, прикажет вас убить.

Испугались брат и сестра и убежали в лес. Утром пошел брат на охоту, убил оленя, а на другое утро убил другого. Сделал он из оленьих шкур шатер, посадил в него сестру, а сам отправился на охоту.

Дошел до хана слух, что в лесу живут чудной красоты мальчик и девочка. Захотелось ему видеть их и он послал за ними своих слуг, а к встрече их устроил роскошный обед. Привезли слуги к хану брата и сестру. Хан, окруженный своими людьми, сидел на скамейке и пил пиво. Налил он чипак пива и подал мальчику. Но мальчик пива пить не стал, а поднес его к морде кормленного барана.

— Пей, баран, пиво, — сказал он.

Рассмеялся хан.

— Разве баран может пить пиво? — спросил он.

— А разве женщина может родить щенят? — в свою очередь спросил мальчик, и он рассказал хану все, что слышал о своей матери от су-анасы.

Колдунья стояла тут же и говорила хану:

— Не верь, не верь ему, хан: он обманщик.

Хан сказал:

— Я не верю. Чем ты докажешь, что ты и твоя сестра действительно мои дети?

— Смотри, — сказал мальчик, — снял с головы сестры платок, а с своей шапку и показал хану свои зубы.

(с. 34) — Теперь верю, что вы действительно мои дети, — сказал хан, приказал слугам привести к нему жену, а колдунью отрубил шапкой голову.

7. ПАСЫНОК

У одного человека после смерти жены остались сын и дочь. Дочь он выдал замуж, а сам женился на второй жене. Мачеха не взлюбила пасынка и часто, когда муж уезжал из дома, била его палкой. Пасынок терпел, пока было можно, но когда терпеть дальше не стало сил, убежал из родительского дома. Прибежал он к сестре и рассказал ей о причине своего бегства.

— Пойду теперь искать счастья по белу-свету, — сказал он, — дай мне на дорогу провизии.

Снабдила сестра брата провизией: он и отправился в путь. Идет он, видит — три эмегена дерутся между собой. Подошел он к ним и спросил, из-за чего они дерутся. Эмегены ответили, что дерутся они за свое имущество, которое никак не могут разделить между собой.

— Какое же у вас имущество? — спросил пасынок.

Эмегены ответили:

— У нас есть шапка, маленькая повозка и сакис *. Если начать жевать сакис и выплевывать слюну, то от каждого плевок получится золотой; если же надеть на голову шапку, то человек станет пavidимкой; а если сесть на повозку и свистнуть — она быстрее коня повезет человека, куда ему будет угодно.

— Хотите, я разделю между вами имущество ваше так, что никому обидно не будет? — предложил пасынок. Эмегены согласились.

— Уходите вы подальше от меня, а я подумаю, как вас разделить. Когда я вас позову, вы идите ко мне, — сказал пасынок.

(с. 35) Эмегены удалились, а он надел на голову шапку, сел в повозку, свистнул и только его и видели эмегены. Приехал он в большой

* Смола, переваренная в молоке, которую жуют туземцы из простонародья. (Примеч. Е. З. Баранова).

город. Шанку спрятал, идет по улице в изорванной черкеске и везет за собой повозку. Народ смеялся над ним и называл его нищим. В городе у царя была дочь-красавица; богатые люди платили большие деньги, чтобы на минуту полюбоваться красотой царевны.

Захотелось пасынку взглянуть на нее; идет он на работу и зарабатывает три золотых. Приносит он их в царский дворец и просит служанок царевны показать ему красавицу. Служанки стали смеяться над ним и хотели было выгнать его из дворца, но одна из них сжалась над пасынком и сказала:

— Возьмите с него три золотых и покажем ему царевну.

Остальные служанки согласились, и пасынок посмотрел на царскую дочь. Пошел он за город, принялся жевать сакис и выплевывать слюну, и пред ним образовалась из слюны целая куча золотых. Взял он с собой девять золотых, принес их во дворец и просит служанок показать ему царевну. Те удивились: где этот нищий столько денег взял! Спрашивают его; он ответил, что заработал их. Взяли они золотые и показали ему царевну.

В третий раз принес пасынок во дворец двести золотых, но служанки подумали, что он богатый человек и только нарочно ходит в нищенской одежде, и запросили с него две тысячи золотых. Пасынок отдал их и посмотрел на царевну.

Заинтересовалась им царевна, и ей очень захотелось узнать, откуда так много денег берет пасынок. Приказала она добыть водки, выкуренной семь дней тому назад, и другой — отстаиваемой семь лет. Семидневную водку она поставила на столе по левую сторону, а семилетнюю по правую. Затем приказала пригласить пасынка к себе во дворец. Когда он явился к ней, она усадила его за стол, (с. 36) поднесла ему семилетней водки, а сама выпила семидневной. Пасынок опьянел; она начала расспрашивать его, где он берет деньги. Пасынок сначала не хотел говорить ей о своем сакисе, но ласки царевны и крепкая водка развязали ему язык — он и открыл ей секрет своего богатства. Царевна напоила его водкой и, когда он свалился на пол и заснул, взяла от него сакис, а самого его приказала людям отнести за город, вместе с повозкой и шанкой. Проснулся пасынок наутро, обругал себя за то, что так легко вдался в обман царевны, сел на повозку и приехал в город, прямо ко дворцу.

Увидела его царевна и удивилась, как это он так скоро появился вновь в городе, несмотря на то, что вчера его отнесли далеко за город. Начала она приглашать его к себе в гости, но он отказался.

— Ты сердись на меня за то, что я взяла у тебя вчера сакис, — так возьми его обратно, только заходи ко мне в гости, — сказала царевна и отдала пасынку сакис.

Вошел пасынок во дворец; царевна усадила его за стол, угостила водкой и, когда он опьянел, разузнала от него о повозке. Свалился пьяный пасынок на пол и заснул. Царевна взяла у него сакис и повозку, а самого его, вместе с шанкой, приказала отнести далеко-да-

леко за город. Наутро проснулся пасынок, вторично обругал себя за свое легкомыслие, взял шапку и отправился в город. Пришел он в город, надел шапку — стал невидимым и ночью пробрался во дворец царевны. Царевна ложилась спать и вслух посмеялась, как она обманула глупого пасынка. Как раз в это время пасынок пробрался в спальню царевны.

— Кто ты? — спросила его царевна.

Он ответил:

— Я тот самый, у которого ты отняла сакис и повозку.

— Приходи ко мне завтра утром в гости, — я возвращу тебе твои сакис и повозку.

(с. 37) Наутро пасынок пришел к царевне в гости. Нанюила она его водкой и начала расспрашивать, как это он незаметно пробрался к ней в спальню. Он рассказал ей о своей шапке-невидимке. И когда он свалился на пол и заснул, царевна отобрала у него шапку, а самого его приказала отвести далеко за город. Проснулся наутро пасынок и третий раз, обругал себя за легкомыслие и пошел куда глаза глядят. Идет он дорогой и видит несколько эмегенов топчут ячмень.

Он подошел к эмегенам и сказал:

— Я голоден, дайте чего-нибудь поесть, а я вам за это помогу в работе.

Эмегены отвечали:

— Обед у нас еще не готов, а если ты очень хочешь есть, то иди в сад, в котором есть груши и рожки, только не ешь яблок.

Вошел пасынок в сад, сорвал грушу, съел и тот же час превратился в буйвола; поел он рожков и у него выросли рога; тогда он поел яблок и опять сделался человеком. Нарвал он груш, рожков и яблок и отправился в город. Видит — идет на базар служанка царевны.

— Не купишь ли хороших груш и рожков? — предложил он служанке.

Служанка купила груш и рожков и принесла царевне. Съела царевна грушу и тот же час превратилась в буйволицу, а поела рожков, у нее выросли длинные рога. Царь и царица долго плакали и горевали при виде такого горя и, думая, что благодаря волшебным чарам служанки, дочь их превратилась в буйволицу, приказали служанку утопить в реке. Затем, по долгому обсуждению, решили они сбить с рук дочь, приказали вести ее на базар и продать первому встречному покупателю за какую бы то ни было цену. В народе же, через своих слуг, они распространили слух о том, что дочь их умерла, и с большою пышностью похоронили, вместо дочери, служанку-утопленницу.

(с. 38) Увидел пасынок, что слуги царские рано-рано поутру ведут на базар продавать буйволицу. Подбежал он к ним и спросил о цене.

— Что дашь за нее? — спросили слуги.

У пасынка было в кармане пять золотых, которые он и предложил за буйволицу. Слуги согласились, взяли пять золотых, передали пасынку буйволицу и ушли. Привязал пасынок веревкой за рога буйволицу и повел в лес. В лесу привязал он ее к дереву и толстой палкой принялся бить ее по бокам. Затем дал он ей съесть яблоко, и она из буйволицы опять превратилась в девушку. Усмехнулся пасынок и спрашивает царевну:

— Будешь ли ты теперь обманывать меня?

— Нет, — отвечала царевна, — пойдем в город к моим родителям, и я им скажу, что желаю быть твоей женой. Если же ты мне не веришь, то вот, в знак того, что я не обману тебя, возьми прядь моих волос. — И царевна отрезала прядь волос и передала пасынку.

Отправились они в город и пришли во дворец. Царь и царица несказанно обрадовались, вновь увидя свою дочь человеком, и согласились выдать ее за пасынка.

Женился пасынок на царевне, взял с собой сакис, повозку и шапку, поселился в поле, выстроил роскошный дворец и женился с молодой женой.

8. ЛАМАРТ И ЧУМАРТ

Жили два брата — Ламарт и Чумарт. Все, что было у них, они проели и решили идти в город — заработками добывать себе пропитание. Спекли они себе по одному киржину *, взяли по куску сыра и отправились в путь. Настала ночь; расположились они на почлег. Чумарт достал (с. 39) из сумки киржин и сыр и начал закусывать. Ламарт сказал ему:

— Теперь поедим твой сыр и киржин, а завтра моп.

Чумарт согласился, и оба брата, закусивши, легли спать. Наутро они отправились снова в путь. Захотелось Чумарту есть и просит он у брата кусочек киржина, а Ламарт в ответ говорит:

— Вырви у себя один глаз, тогда дам тебе киржин.

Чумарт вырвал у себя глаз, и Ламарт дал ему маленький кусочек киржина. Идут братья дальше. Опять захотелось есть Чумарту и опять он обращается с просьбой к брату накормить его.

— Вырви второй глаз, тогда накормлю тебя, — ответил Ламарт.

Чумарт вырвал последний глаз и стал слепым.

Дал ему Ламарт маленький кусочек киржина и ушел в город. Остался Чумарт на дороге один и не знает, куда ему идти. Кое-как добрался он до полуразрушенной мельницы, забрался в ящик, в который раньше ссыпали зерно, и улегся спать. Ночью он вдруг слышит на дворе чьи-то голоса: то собрались медведь, волк и лисица. Медведь сказал:

* Пресная лепешка, испеченная в горячей золе (примеч. Е. З. Барапова).

— Говори, лисица, что ты знаешь?

Лисица отвечала:

— Знаю я вот что: недалеко от мельницы, на берегу реки, растет дерево, листьями которого можно слепого человека сделать зрячим, — нужно только приложить лист этого дерева к глазным впадинам.

— Ну, а ты, волк, что знаешь? — спросил медведь.

Волк отвечал:

— У одного царя есть дочь больная. Каких только врачей не приглашал царь к своей дочери, помочь ей никто не мог; есть же у пастуха белая собака, и если из мяса этой собаки сварить суп и накормить царскую дочь, она сразу выздоровеет.

Медведь сказал:

— Недалеко отсюда, в скале, есть пещера, а в ней лежит большая куча золота.

Чумарт ни одного слова не проронил из разговора зверей и, когда они рано утром разошлись с мельницы, (с. 40) ощущенью добрался до того дерева, про которое говорила лисица, сорвал с него лист, приложил его к глазным впадинам и стал зрячим. Вооружился он дубиной и пошел разыскивать пещеру с золотом. Приходит он к пещере, а в ней лежит медведь и золото караулит. Ударил его Чумарт дубиной и перебил ему ногу. Медведь убежал, а Чумарт набрал в полы черески золота и пошел разыскивать пастуха, хозяина белой собаки. Нашел он его, купил у него собаку и отправился в город к царю.

— Чем больна твоя дочь? — спрашивает он царя.

Царь заплакал и говорит:

— Лежит она в постели и подняться не может. Каких только врачей я не призывал к ней, ни один не мог помочь. Лучше было бы, если бы она умерла поскорее, а то лежит и стонет: родительское сердце надрывает.

— Не печалься, царь, я вылечу твою дочь, — сказал Чумарт.

Отправился он в лес, убил белую собаку, лапы и голову ее закопал в землю, а мясо разрубил на части, принес на царскую кухню и сказал повару, чтобы он приготовил суп из этого мяса. Повар приготовил суп, который и дали покусать больной; она, как только поела его, сразу и выздоровела.

Щедро наградил царь Чумарта. Идет Чумарт по улице, а навстречу ему — брат Ламарт, с сумкой через плечо.

— Здравствуй, брат, — говорит он Чумарту.

— Здравствуй, — ответил Чумарт.

— Скажи, брат, как ты вылечил свои глаза и царскую дочь?

— Иди ты на мельницу, спрячься в ящик и дожидайся ночи. Ночью ты услышишь на дворе разговор, слушай его внимательно и тогда все узнаешь.

Отправился Ламарт на мельницу, залез в ящик и ждет ночи. На-

ступила ночь; на дворе послышался говор (с. 41) — то опять собрались медведь, лисица и волк. Медведь хромает и стонет.

— Чего ты стонешь? — спрашивает лисица.

Медведь отвечал:

— Как мне не стонать, когда какой-то человек перебил мне ногу дубинкой и забрал из пещеры все золото.

Волк сказал:

— Белую собаку купил у пастуха какой-то человек, убил ее, приготовил суп из ее мяса, которым накормил царскую дочь, и она теперь здорова.

— И у меня несчастье, — сказала лисица, — кто-то сорвал лист с дерева, и оно теперь потеряло свою прежнюю силу.

— Нас кто-нибудь подслушал в тот раз, — сказал медведь, — иди, лисица, посмотри, нет ли кого в мельнице?

Лисица вошла в мельницу и, увидевши в ящике Ламарта, сказала об этом медведю и волку.

Те выволокли из ящика Ламарта и разорвали его на куски.

Чумарт же женился и стал богатым человеком.

Л - ре,

9. ЛИСА, МЕДВЕДЬ И ВОЛК

Однажды подружились куцая лисица и медведь и стали жить вместе. Медведь был очень жирен; лисица задумала съесть его. Прилегла медведь отдохнуть, а лисица набрала золы и засыпала ему глаза; сама же начала жаловаться, что ей кто-то глаза засорил и что теперь она ничего не может видеть.

Медведь ревет себе, трет лапами глаза и никак протереть их не может.

Лисица говорит ему:

— У меня глаза уже перестали болеть.

— Чем же ты их вылечила? — спрашивает медведь.

— Вылечить их нетрудно, — отвечала лисица, — ты их (с. 42) вырви и у тебя появятся другие и лучше прежних: видеть будут далеко.

Медведь поверил лисице, вырвал свои глаза и ослеп. Принялась лисица смеяться над ним и, насмеявшись вволю, сказала:

— Тебе нельзя здесь оставаться дольше: ты теперь слеп; не увидишь, как придут сюда охотники и убьют тебя. Иди за мной: я приведу тебя в безопасное место.

Медведь согласился. Перевязала лисица пучок соломы веревкой, волочит солому по земле, а медведь по шороху идет следом за лисицей. Привела она его к высокой скале и говорит:

— Скорее прыгай в берлогу: сюда охотники идут.

Прыгнул медведь со скалы и убится до смерти, а лисица спустилась под скалу по тропинке и принялась есть медведя; прогрызла

она в боку его отверстие, всунула в него морду и вытаскивает оттуда куски сала.

Прибегает сюда же голодный волк и тоже принимается рвать медведя. Начала лисица насмехаться над волком:

— Рви, рви медвежью кожу, и когда ты еще доберешься до мяса, а я вот лучше кусочки ем!

Оскалил волк зубы на лисицу и рычит:

— Довольно тебе жрать; дай-ка попробовать.

Уступила лисица волку свое место, отошла в сторону и стала ждать, как волк будет лакомиться медвежьим салом. Сунул было волк свою толстую голову в отверстие, прогрызенное лисицей, да не лезет морда туда. А лисица советует ему:

— Понатужься волк, понатужься!

Понатужился волк, да как сунул морду в отверстие, так она вместе с головой пролезла в него. Хочет волк вытащить свою голову из отверстия, да не может. Накинулась тут на него лисица, начала его трепать, так что клочья с волчьей шубы летят во все стороны; сама треплет и сама же приговаривает:

— Ну, что, волк? вкусно медвежье сало?

Наконец уморилась лисица, бросила волка и побежала в степь. Бежит она по дороге, а навстречу ей — несколько лисиц (с. 43). Увидели они, что подруга их куца, и говорят ей:

— Какая ты красивая! И как тебе легко бегать, не то что нам! Научи нас, как ты избавилась от хвоста.

— Очень просто, — отвечала куца лисица, — идите на реку, обмочите хвосты в воде, сядьте потом на лед да посидите на нем подольше.

Послушались лисицы совета своей подруги, пошли на реку, обмочили свои хвосты в воде, сели на льду рядом и дожидаются, когда у них отпадут хвосты. Долго они сидели на одном месте; хвосты их крепко примерзли. В это время показались на реке охотники. Лисицы испугались их, рванулись с места и поотрывали свои хвосты.

Прибежали они на дорогу, уселись и принялись зализывать свои раны. Прибегает к ним волк, видит, что все лисицы — куцы, и спрашивает их:

— Говорите: кто из вас трепал меня, когда я ел дохлого медведя? Лисицы отвечали:

— Нас много, ищи сам виновную между нами.

— С нами тоже случилось горе, — и они рассказали волку про свое горе.

— Хорошо же, — сказал волк, — разыщу я эту лисицу; не уйдет она от меня!

И побежал он дальше.

Озябла куца лисица; подошла она к огню погреться и нечаянно

осмолила себе шерсть — из рыжей шерсть ее сделалась черной. Догоняет ее волк и говорит:

— Теперь тебе не миновать моих зубов. Ты трепала меня, когда я ел дохлого медведя; теперь же потреню тебя я!

— Когда это я трепала тебя? — удивилась куцая лисица, — не видела я тебя раньше, а также не видела никакого дохлого медведя.

— Меня трепала куцая лисица, — вот и ты куцая, — говорит волк.

Лисица отвечает:

— Разве, помимо меня, по степи мало бегают куцых лисиц?

Волк про себя согласился, что лисица говорит правду: ведь видел же он на дороге куцых лисиц!

(с. 44) — Тебя какая лисица трепала — рыжая? — спрашивает лисица.

— Рыжая, — отвечает волк.

— Ну, а я не рыжая, я черная: посмотри сам — я не простая лисица. Я над всеми лисицами лисица, потому-то у меня и шесть черная.

Захотелось волку сделаться старшим над всеми волками, он и просит лисицу:

— Научи меня, как мне из серой шерсти сделать черную?

— Хорошо, — говорит лисица, — иди за мной.

Привела она его к большому костру и говорит:

— Прыгай через костер!

Волк разбежался, прыгнул и, угодив в огонь, сгорел. Посмеялась лисица над участью волка и побежала под скалу доедать медведя.

Примечания к сказкам

(с. 45). К стр. 8. Занова вызывают три раза неизвестные. Полагают, что это были злые духи, которые, зная Занова за человека доброго, хотели лишить его возможности жениться на дочери князя Холхаша.

К стр. 14. Эмеген. Слово это в буквальном переводе на (с. 46) русский язык значит многососущий. В мифологии горских татар под этим именем известны одноглазые исполины, скрывавшиеся в пещерах и занимавшиеся разведением коз. Злые и жестокие, они отличались необыкновенной прожорливостью и особенно любили лакомиться человеческим мясом: поэтому, людям, чтобы оградить себя от их нападения, приходилось вести с ними постоянную борьбу. Не отличаясь особым умом, эмегены легко поддавались обману человека, который благодаря своей хитрости, часто побеждал их. Эмегены были от одноглавых до тысячеглавых. Отрубленные головы их имели свойство сейчас же прирастать к туловищу; точно такое же свойство имели и остальные части их тела. Поэтому, чтобы лишить жизни эмегена, отрубленную часть его тела следовало немедленно сжигать. Жизнь эмегенов зависела также и от разных предметов, как, например, от оселка, черной налочки сандаляного дерева или пояса, носимых ими при себе; если эти предметы человеку удавалось уничтожить, то эмеген немедленно умирал. По преданиям горцев, за несколько сот лет до нашего времени в честь эмегенов пред их изваяниями приносились жертвы, чтобы расположить их к людям.

По народному поверью, в пастоящее время эмегенов в горах нет: они переселились куда-то за море.

К стр. 25. Куртха. Это слово буквально значит — хитрая. Обыкновенно принято им обозначать хитрую, жадную, корыстолюбивую женщину, нечто вроде русской ворожен.

К стр. 29. Обур. Это слово выражает собою понятие о злом, коварном существе, находящемся в сношении с чертом; оно посредством волшебных чар старается причинить человеку как можно больше вреда, особенно тому, который отличается своею правдивостью. Обур это то же, что русская колдунья, ведьма. Обурами бывают (с. 47) исключительно женщины. Ночью, выйдя на реку, сняв с себя одежду и повалявшись в песке, они превращаются в волков, хватают баранов и пожирают их; принимают они также вид кошек, собак и др. зверей для того, чтобы легче причинить человеку или его скоту, за исключением лошадей, всяческий ущерб. Вообще обуру дана большая власть над человеком, но только не над жизнью его: обур может испортить здоровье человека, лишить его благосостояния, но не в силах прекратить его жизнь. Обуры обладают способностью не только ходить по земле, но и летать по воздуху; для этого они садятся верхом на лонату (деревянную) или веник, поливают их волшебной жидкостью черного цвета и вылетают в трубу. Каждую пятницу, ночью, обуры слетаются на вершину Эльбруса, захватив с собой спящего человека; раскладывают костры под медными котлами, убивают человека, мясо его бросают в котлы и, пока оно варится, с песнями пляшут вокруг них. Поевши мясо, они складывают кости в кучу, дуют на них, и человек оживает, хотя по-прежнему продолжает находиться во сне. Затем обуры относят человека на то место, откуда он был взят. Проснувшись наутро, он чувствует во всем теле боль, но о своем пребывании в руках обуров ничего не знает. Если человек долго болеет, то говорят, что обуры сосут из него кровь. Избавиться от наваждения и козней обуров можно, повесив на шею изречение из корана, зашитое в трехугольный мешочек из сафьяна (амулет).

К стр. 32. Су-анасы. Это слово в буквальном переводе значит мать воды; есть также и су-атасы, т. е. отец воды; местопребывание их в реках, озерах. Существа они вообще добрые — спасают утопающих: су-анасы — детей и женщин, а су-атасы — мужчин. Если же из людей кто утонет, то говорят, что утонувший чем-нибудь рассердил (с. 48) су-атасы или су-анасы, смотря по тому, кто утонувший: мужчина или женщина.

К стр. 40. Ламарт в буквальном переводе — жестокосердный, а Чумарт — добросердечный. Я полагаю, что эта сказка не является самобытным эпическим произведением горских татар; по всей вероятности, она заимствована у других народов и в более позднее время, так как сказки, подобные этой, мне приходилось слышать и от русского народа.

Евг. БАРАНОВ.

СМОМПК, XXV, Тифлис, 1898, с. II—VII.
Из «Предисловия» Л. Г. Лопатинского.

(с. II) «Заметки о Карачае и карачаевцах» А. Н. Дьячкова-Тарасова знакомят нас в кратких, но правдивых очерках не только с конфигурацией местности, расположенной у подножья кавказского великана, Эльбруса, но и с расселившимся на ней небольшим народцем тюркского племени, карачаевцами.

Жизнь карачаевцев рассматривается с различных сторон: исторической, экономической и бытовой. Народный эпос представлен шестью сказаниями.

Героем сказания «Сосрука и эмеген пятиголовый» является сказочное лицо, которое наш автор называет международным азиатско-русским богатырем. Разрабатывая весьма распространенный среди осетин, черкесов, горских татар и отчасти чеченцев былинный сюжет, наше сказание не сообщает никакой новой черты из жизни Сосруко; оно касается одного только эпизода — борьбы с эмегеном, о которой нам повествуют осетинские и (с. III) кабардинские сказания¹.

Эмеген, обладающий пятью головами, просит Сосруку показать ему нартовские игры².

1. Сосруко показывает три игры, как и в осетинском сказании «Сосырыко и Мукара»³, между тем как в кабардинском этих игр насчитывается четыре⁴. В первой игре одна подробность варьируется во всех трех сказаниях. В карачаевском эмеген, по предложению Сосруко, проглатывает железную, добела раскаленную, палку, в кабар-

¹ СМОМПК, вып. XII, где и указаны параллели.

² О нартовских играх см. «Кабардинские сказания о нартах» (ССКГ, вып. V).

³ ССКГ, вып. VII.

⁴ СМОМПК, вып. XII, с. 18.

динской — сошник, а в осетинской — стрелы. Вторая игра — подбрасывание вверх скатываемых с вершины камней — остается в них без изменения. Третья игра — замерзшие в озере (море) повторяются во всех трех сказаниях с небольшими вариациями. Эмеген карачаевской сказки не может взломать льда, скрепленного набросанной соломой, и погибает от пашки, которую, по его же указанию, притащил Сосруко; так же, по от кишжала, погибает Мукара осетинской сказки; кабардинскому же великану Сосруко спосит голову своей собственной саблей. Тяжесть пашки эмегена напоминает тяжесть пашки Амирапа грузинских сказок, а всенстребляющая сила хребетного мозга — такую же силу прямой кишки кяхского богатыря Куйцукова⁵.

2. Сказание «Алауган» составляет начало напечатанного уже раньше татарско-горского сказания «Шауай»⁶. Самая характерная черта Алаугана — прожорливость — общая у него с карачаевской Джелмаус⁷. Но эта черта встречается и в сказках других народов⁸. Когда Алаугана (с. IV) отвели к морю, чтобы он там прокармливался рыбой, то он на берегу заметил трех главных впереди себя рыбу морских жеребцов-тарпанов — вороного, белого, золотистого⁹. Алауган ловит золотистого коня, который ему потом служит верным товарищем и говорит человеческим голосом, а в следующей затем сказке слышит под именем Гемуда. Все это черты сказочных чудоконей, известных под разными названиями и народному эносу: адыгов под названием алр, осетин — кок-цуал¹⁰, дур-дура¹¹, у закавказских народов — раши.

3. Сказание «Генджакешауай» генетически связано с предыдущим, только в записи нашего автора пропущен рассказ о женитьбе Алаугана, который у татар-горцев (балкарцев) записан подробно Урусбиевым¹². Жена Алаугана, великанша-эмегена, обладавшая такою же прожорливостью, как и муж, пожирала своих детей; вследствие этого поворожденного младенца муж решился отнести на ледники Мишгитау (Эльбруса), подменив его щенком, которого жена и сожрала. Рассказ о рождении ребенка ничем почти не отличается от вышеуказанной записи Урусбиева; различия в записях указаны самим автором в примечаниях к тексту.

⁵ Сказ. о братьях Ешапоковых, СМОМПК, вып. XII, 32.

⁶ Сказ. о партеких богатырях у татар-горцев, СМОМПК, вып. I, отд. II.

⁷ СМОМПК, вып. III. Карачаевские сказания, с. 158.

⁸ Напр., у мангышлакских туркмен, ССКГ, вып. VIII.

⁹ У чеченцев турпул, ССКГ, VIII. Слово тарпан, по-видимому, тюркского происхождения (тарпа по-киргизски — морская пучина). Морской конь упоминается и в аварской сказке (ССКГ, II), да и кабард. Жемашипарик пойман в море (СМОМПК, XII, сказ. «Адемиркан»).

¹⁰ ССКГ, IX.

¹¹ Ibid.

¹² СМОМПК, I.

Вскормленный ледником, Генджакешауай¹³ вырастает, избавляет народ от двенадцатиголового змея, выпившего (с. V) всю воду и произведшего этим во всей стране засуху¹⁴. Затем он получает от отца в дар Гемуду. Чудо-конь делает его обладателем целого табуна морских коней. И в балкарском сказании упоминается об уgone табуна лошадей с того берега Эдиля (Волги)¹⁵, но вся обстановка, среди которой герой угоняет табуна, совершенно другая. Балкарский Шауай совершает свои подвиги, находясь в обществе нартов и скрывая от них свое происхождение. В нашем сказании отсутствуют эти подробности; вообще оно может быть отнесено, как к своему первообразу, к осетинскому «Безымянный сын Урузмага»¹⁶, но оно как-то скомкано и, подвергшись значительному сокращению, ограничивается только одной деталью — угоном лошадей.

4. В сказании «Смерть Орюзмека» сообщается о бесславной кончине богатыря, играющего выдающуюся роль во всех сказаниях северокавказских горцев. Правда, в нашем сказании Орюзбек является не богатырем, но богатым настухом, наделенным, впрочем, необыкновенным качеством: нижняя часть его тела была из свинца. Ему было предсказано, что, в случае женитьбы, все его тело ниже пояса расплавится. Как он ни избегал женщины, но вольебнице Шаулух Инджи, желавшей овладеть его богатством, удалось его соблазнить, и предсказание сбылось: свинец растопился, и Орюзбек умер. В осетинских былинах, к которым, по-видимому, восходит большая часть былин Северного Кавказа, женою Урузмага¹⁷ была Сатана, а о такой его кончине ничего не известно. (с. VI)

5. Сказание «Чюэрды» напоминает заключительную сцену смерти адыгского героя Адемиркана¹⁸. По-видимому, наше сказание только отрывок кабардинского, с изменением мотивов борьбы героя со своими врагами.

6. В сказании «Княгиня Сатанай» эта сказочная женщина является женой Сосрука, а не Урузмага, как в осетинском сказании («О том, как Сатана поддалась обману»¹⁹). Карачаевская Сатанай была женщина строгих правил, но нарт Дуат, побившись об заклад с ее

¹³ Это название, в сущности, включает в себе и название балкарского «Шауай», составляет вторую составную его часть.

¹⁴ Это напоминает борьбу балкарского Урузмека с Нуком, бывшим причиной засухи (СМОМН, I).

¹⁵ То же и в кабардинском сказании «Анемез» (СМОМН, XII).

¹⁶ СМОМН, V.

¹⁷ Если кавказский Амиран (у киргизов Арман) может быть поставлен в связь с древнеиранским Ариманом, олицетворением отрицательного начала в природе (см. Предисловия к XVII и XIX вып. СМОМН) — то северокавказский Урузмаг может соответствовать противоположному началу дуалистического мировоззрения — Ормузду (Аурамазда). У осетин он еще сохраняет некоторую связь с небесными силами (СМОМН, IX), но у карачаевцев он уже низведен с этого пьедестала.

СМОМН, XII.

¹⁹ ССРГ, V.

мужем, берется ее соблазнить. В отсутствие мужа Доуат приезжает в его дом, но находчивая хозяйка обманула гостя, предоставив в его распоряжение служанку, переодетую в платье госпожи. Доуат похвастал своей легкой победой перед мужем. Поверив измене своей жены, Сосруко спешит домой и, не разобрав, в чем дело, выгоняет свою жену из дому. Желая довести мужа до сознания своей ошибки, Сатана переодевается женщиной-хаджи * и, оказавши своему мужу услугу, как плату за это, требует нарушения с его стороны супружеской верности. Сосруко соглашается, а когда оказалось, что легковверный муж готов был сделать то, на что не согласилась верная жена, то Сатана представила доказательство своей невинности.

В этих подробностях наше сказание почти совпадает с осетинским, но оно расходится с ним в названии соблазнителя. В осетинском сказании эту роль берет на себя мифический кузнец Сафа; под именем же Доуата нашей (с. VII) сказки известен в другом карачаевском сказании «Сосруко»²⁰ кузнец, выковавший для Сатаней молоты, чтобы добыть из камня зародыш Сосруко. Кроме того, в нашем и осетинском сказаниях нравственная оценка одной и той же героини совершенно другая: Сатана осетин не устояла против соблазнителя. Сафа достигает своей цели посредством чудесных предметов; он бросает два ножика, которые превращаются в мальчика и девочку, прислуживающих ему; и наш Доуат бросает ножик (один), после чего являются два прислужника, но цель, ради которой он прибегает к ножичку, не выяснена: Сатанай не высказывает, подобно осетинской, желания обладать чудесным предметом, а потому и не рискует своим целомудрием. Это служит лишним доказательством того, что в сказках, при переходе их от одного народа к другому, теряется часто связь между отдельными частями, изменяются некоторые детали, отсутствует иногда мотивировка действий и даже перенутываются действующие лица.

* Хаджи — мулла. — Р е д.

²⁰ СМОМПК, вып. II, отд. II.

А. Н. ДЬЯЧКОВ-ТАРАСОВ

НАРТСКИЕ СКАЗАНИЯ КАРАЧАЕВЦЕВ

1. СОСРУКО И ЭМЕГЕН ПЯТИГОЛОВЫЙ

(Записано от Будуйана Джангезова, 63 года, в Карт-джурте)

(с. 73) Жил когда-то богатырь; звали его эмегеном Пятиголовым. Ел он так много, что в один обед всех карачаевцев объедал. Услыхал про него знаменитый нарт Сосрука, услышал, что он в один обед всех карачаевцев объедает, и пошел к эмегену Пятиголовому. Увидел эмеген Сосрука и сказал ему: «Не знаешь ли ты человека, именем Сосрука? Не видел ли где его?»

— Я видел Сосрука и знаю его нартские забавы: не раз бывал очевидцем.

— Расскажи же мне, каковы его нартские забавы.

— Вот какой силач Сосрука, уж если ты хочешь знать о нем: бросает он в огонь железную палку, раскалится палка добела, тогда проглотит ее Сосрука и выпустит из себя, и ничего с ним не делается.

— Таковы-то забавы у Сосрука! Это пустяки! Разве это диковина? Я то же сделаю! — сказал эмеген Пятиголовый. Раскалил добела он железную палку, проглотил ее, выпустил из себя и остался жив.

— Я еще знаю забаву Сосрука, — сказал Сосрука.

— Какая же?

— На горе, на высокой скале живет у нас такой же богатырь, как ты, эмеген; бросает он оттуда огромные камни. Сосрука ждет внизу, под горою, и головою отбрасывает эти камни обратно на вершину. — Так сказал Сосрука эмегену.

— Покажи же, какой величины те камни.

Сосрука показал эмегену. Собрал эмеген на вершине груды огромных камней, сошел в долину, уставился пятью головами и ждал. Полетели вниз камни, быстро бросал их один за другим Сосрука, но так же быстро (с. 74) эмеген отбрасывал их своими пятью головами и возвращал их на вершину горы.

И с помощью этой хитрости не мог Сосрука умертвить эмегена.

— И за такие-то подвиги Сосрука у вас прославили! Для меня эти камни сущие пустяки: будто вши кусают.

— У Сосрука есть еще третья забава: среди самой холодной зимы Сосрука выходит на середину большого озера и там ждет, пока это большое озеро не замерзнет; тогда он поднимает весь лед с озера и так идет.

— Хорошо, — сказал эмеген, — и я то же сделаю.

Полез он в озеро. Прошло пять дней, и замерзло озеро. Пришел тогда к нему Сосрука и сказал: «Теперь поднимай!»

Стал эмеген подниматься, — лед стал трескаться. Сосрука закричал: «Стой! Стой! Я забыл еще одну его забаву».

— Все припомни — все я исполню, — сказал эмеген.

— Сосрука так делал: подымал лед, как ты сейчас, а под него соломой несколько стогов накладывал, и ждал опять пять дней, пока все не замерзло.

Навез эмеген соломой, подложил под лед, и ждал. Пришел на шестой день Сосрука.

— Теперь срок наступил: подымай!

Эмеген стал подниматься, и не мог встать. И тянулся, и рвался, качался, напрягал все силы, и не мог встать. Тогда эмеген сказал:

— Ты обманул меня: ты не простой человек, а ты сам и есть настоящий Сосрука. Чего ж ты хочешь от меня? Убить? Хитрец! ты доконал меня, и теперь я убежден, что ты настоящий Сосрука, и меня не помплуешь и не простишь и, не убивши, не выпустишь.

Обнажил Сосрука пашку и отрубил у эмегена четыре не говорящих головы, а пятую, говорящую, не смог отрубить.

с. 75) — Не трудись понапрасну, не бей и не мучь ни себя, ни меня: не отрубить моей головы твоей пашке, а вот в замке (кала) моем ты найдешь сундук, огромный и черный; в нем лежит пашка моя богатырская. Достань ее, принеси сюда, и тогда ты отрубишь мою голову и прекратишь мои мучения. А когда отрубишь мне голову, рассеки мой хребет, достань оттуда мозг и подпояшься им. Вот тебе мой совет, вот тебе мое завещание!

Пошел Сосрука к замку эмегена, вошел в башню, увидел сундук, огромный, черный; подошел к нему, но не стал открывать его голыми руками. Взял он длинную железную палку, приподнял этой палкой крышку тяжелую, и вылетела оттуда как пуля пашка эмегена сама собою, свистнула в воздухе и пополам рассекла железный столб, стоявший посреди палаты. Тут она упала. Подошел к ней Сосрука, хотел поднять — не смог: так была она велика и тяжела. Поволок он ее за собой. Эмеген думал, что пашка рассекла Сосрука надвое. Опечалился он, когда увидел, что Сосрука идет к нему невредимый и саблю волочит за собою. Подошел Сосрука к эмегену, поднял саблю с большим трудом, обеими руками, и отрубил эмегену последнюю голову. Рассек ему хребет, вынул мозг, отыскал огром-

ную сосну в два обхвата толщиной и обмотал мозгом ствол: дерево тотчас упало, перерезанное на столько кусков, сколько раз он его обмотал. Так Сосрука освободил карачаевский народ от чудовища эмегепа.

2. АЛАУГАН

(Записано от того же)

Жил когда-то в одном ауле бедный крестьянин; был у него сын громадного роста, звали его Алауганом. Он мог сразу съесть целого быка, а хлеба столько, сколько могло выйти из 20 пудов муки. Бедняки-родители не (с. 76) могли прокормить такого обжору, пошли раз к обществу и стали просить у него помощи. Сельчане обратились за советом к одной столетней старухе. Посланные спросили: «Что нам делать с Алауганом? Он нас скоро объест, и у нас скоро не останется скота». Старуха отвечала: «Возьмите Алаугана, ответьте его к морю: там ловится много рыбы, пусть он ловит рыбу и питается ею; никогда он не переловит всей». Послушались старухи: взяли Алаугана, повели к морю. Долго шли они. Алауган съел весь запас пищи, так что, когда показалось море, они чуть не умирали от голода. Увидали они, что может кончиться для них плохо: они сами попадут к Алаугану на обед; решили они тогда обмануть его.

— Каждый день, Алауган, с моря тебе будет доставляться пища. Повремени и смотри на море.

Сказав это, они незаметно скрылись и вернулись домой. Алауган послушался их и все время стоял и смотрел на море, ожидая с нетерпением пищи. На третий день видит он: скачут по морю три жеребца-тарпана — один вороной, другой белый, третий золотистый. Впереди себя они гнали великое множество рыбы; она в испуге бросалась на берег; некоторые рыбы были величиной с сосну. Направившись вдоволь, тарпаны умчались в море, а рыба издохла. Алауган тогда хорошо наелся. Проголодавшись и не видя тарпанов, Алауган подумал: «Если бы последовал я в море за тарпанами, я наловил бы рыбы вдоволь на долгое время». Стал он караулить тарпанов, он желал поймать сначала белого. Но не удалось ему поймать белого, — поймал он золотистого. Конь сказал ему человеческим голосом: «Зачем я тебе, Алауган, нужен?» Алауган отвечал: «Господь меня создал для жизни, а я умираю от голода: вот я и поймал тебя; буду ездить на тебе и добывать себе пропитание». Тогда золотистый тарпан опять ему (с. 77) сказал: «Ты сумел меня поймать, как-то ты сумеешь на мне ездить и мною управлять! Я не конь, не тарпан для таких дураков, как ты, Алауган: я назначен для тех, кто хочет бежать из ада в рай. Не тебе владеть мной! Испытай-ка меня: отруби сейчас одну из моих четырех ног». Алауган отрубил. «Ты, конечно, держишь ее в руках?» — «Да, держу в руках». — «Посмотри на мои

поги». Посмотрел Алауган на ноги тарпана, видит: целы все ноги. «Вот ты отрубил мне ногу, да не отрубил. Посмотрим теперь, как-то ты меня привяжешь».

Привязал Алауган тарпана к большой ели крепко-накрепко. «Вот так буду тебя привязывать во время моих партовских поездок», сказал он. Рванулся тарпан, и с корнем вырвал 40-аршинную ель, толщиною в 20 вершков. От такого страшного шума испугался Алауган и убежал в соседний лес. Но не долго он там пробыл: захотел есть и заплакал. Подбежал к нему тарпан, уже оседланный стальным седлом со стальными подпругами.

— Теперь я буду тебе служить, Алауган, а ты не сомневайся во мне и надейся на меня. Тебе не придется кормить меня: я питаюсь только железом, а если его нет, то нахожу в горах железную руду и грызу ее».

Сел тогда на тарпана Алауган и поехал в родной аул. Трудно было там жить Алаугану с его лошадию. Конь ему и говорит: «Отведи меня на вершину горы, Алауган; там я буду сам питаться, что найду; когда же тебе понадобится, — ты позвени уздечкой над водою, и я тотчас же буду перед тобой».

(Далее рассказывается о желании Алаугана жениться, поисках за невестой, встрече с чудовищною женщиною-эмеген, путешествии в подземные чертоги, увоз молодой эмеген, приезд их в аул Алаугана, пожирании невест (с. 78) той Алаугана детей, выпивших им навстречу, и, наконец, о свадьбе Алаугана. Рассказ о женитьбе Алаугана напечатан в «Сборн. матер. для опис. местн. и плем. Кавк.», т. I, отд. II, с. 7—11; записанный же мною весьма немногим отличается от записи г. Урусбиева.)

3. ГЕНДЖАКЕШАУАЙ *

(Записано от того же)

Жил когда-то нарт Алауган. Была у него жена-эмегена, такая сильная, что ни в чем муж не решался ей перечить и боялся ее. Детей у них не было, хотя они рождались ежегодно. Происходило это оттого, что жена Алаугана пожирала их тотчас после их рождения**. Так прошло несколько лет, и ни одного ребенка Алауган не мог спасти. Попел он к старику очень древнему*** попросить совета. На ту пору жена Алаугана была тяжела. Старик ему сказал: «Пройдет 9 месяцев и 9 дней, и она родит сына, который будет сильнее тебя и матери. Ты его спаси таким образом: когда наступит время ей родить, пусть она сядет на трубу и так рождает, а ты будь внизу: подменишь ребенка щенком. Пусть она его и сожрет». Послушался

* У горских татар Пятигорского округа — Кенджикаев — Кара-Шауай.

** В записи г. Урусбиева этот факт опущен.

*** У г. Урусбиева — к княгине Сатанай.

Алауган старика, подмешил ребенка щенком; а сам взял сына и поскакал к Минги-тау (Эльбрусу). Когда он песся над горою, конь под ним споткнулся, и Алауган уронил ребенка в глубокую трещину во льду *. Затосковал Алауган и не хотел даже домой возвращаться, хотел по свету развезть свое горе.

(с. 79) Скоро он приехал к какому-то народу. Там все стали удивляться росту и красоте нарта. Наконец вышел один из толпы и сказал: «Кто ты? за какой пуждой и откуда к нам приехал?» Отвечал им Алауган: «Было нас трое братьев; я был самый старший; был я женат, и сын у меня был. Но вознепавидел народ всю нашу семью: взял я своего сына и бежал в горы. Когда ехал я через Минги-тау, упустил своего сына Генджакешауаю в трещину во льду, что называется Буггый». Народу стало жаль нарта: решил он пойти на поиски, не смогут ли спасти нартова сына. Выбрали пятьдесят человек. Пошли они туда, где уронил Алауган сына, поставили там столб, построили шалаш и стали искать. Но не все 50 человек там работали: трое отстали и только на другой день стали догонять товарищей; увидали они столб, остановились и недоумевали, что бы это значило. Наклонились они над пропастью и увидели детскую голову и руки мальчика, который держал ледяные груди и сосал их. Стали они думать, что им делать. Выбрали шапа ** и послали его к народу с известием, что сын Алаугана найден и жив. Народ сказал шапа: «Если ты не обманываешь, то мы тебе с каждого семейства дадим по мере пшеницы; если же ты обманываешь — голову долой!» Шапа согласился. Тогда весь народ пошел к Минги-тау и там увидел поставленных над пропастью часовых. Там все увидали великана-ребенка, который в обеих руках держал ледяные груди и сосал их. Мальчик молчал: ему было только 6 месяцев. Принесли много ковров и теплой одежды, спустились в пропасть, подняли мальчика наверх; хотели понести, но не могли; хотел его поднять сам отец, но и тот не смог. Тогда решили оставить его на месте. Прошло 6 месяцев, народ снова собрался к Генджакешауаю. Алау(с. 80)ган стал благодарить народ за помощь, за то, что спасли сына.

— Нет, не тебе, отец, надо благодарить народ, а пусть он тебя поблагодарит, — сказал Генджакешауай. Народ оскорбился.

— Потому пусть народ тебя поблагодарит, — продолжал нарт, — что он будет скоро мною избавлен от большого несчастья.

— Какое же несчастье может приключиться с нами? — сказал народ.

— Через пять лет у вас все реки должны высохнуть, а вы будете радоваться, если выпьете глоток из грязной лужи. Вот тебе, отец,

* Положил в трещину во льду и поручил горным духам охранять ребенка (ibidem).

** Посланец, прислужник.

рыбий глаз. Возьми его и лижи, и тогда у тебя сила увеличится, — так сказал Генджакешауай отцу и дал ему белый камень.

...«Змей теперь мне делает кибэ (кольчугу)*. Я надену ее, как подарок, на Махаре (местность)**, и тогда будет мне имя Генджакешауай (неизвестного значения). На вершине горы сидит двенадцатиголовый змей Сарубек, он-то и выпивает всю воду. Когда я был в трещине, я питался молоком Сарубек; теперь же Аллах меня послал, чтобы я своим мечом убил Сарубек, — тогда воды везде будет вдоволь». Так сказал Генджакешауай. Прошло 5 лет. Наступила засуха: Сарубек сушил землю. У нас и теперь говорят во время засухи: от дыхания Сарубек камни трескаются.

Генджакешауай отправился на гору и убил двенадцатиголового змея и всю страну освободил от засухи. Тогда Генджакешауай взял своего отца и вернулся на родину. Матери не оказалось дома. Стали они жить вдвоем и очень бедно: у Генджакешауая было только одна рубаха, черкеска и бурка. Отец подарил ему коня Гемуду. Сказал однажды Алауган сыну: «Есть у меня лошадь, сын; она теперь (с. 81) под землею в конюшне, а питается она там железной рудой. Это мой богатырский конь. Теперь его дарю тебе». Привел он Гемуду, а тот притворился дряхлым, хромым.

— Это не конь, а кляча, — сказал Генджакешауай, — и не мне на нем ездить.

Конь рассердился, взмахнул головой и ударил Генджакешауая: тот заплакал.

— Эх ты, сын прожорливого, что ты за наездник для меня, если плачешь! — Так сказал человеческим голосом Гемуда. — Куда ты хочешь ехать? Хочешь через море плыть, или лететь между небом и землею, или скакать через горы, реки, долины? Скажи только: бисмилла! — и ты будешь там, где хочешь!

— Я очень испугался, — сказал Генджакешауай, — ты меня поразила так, что не могу прийти в себя.

— Ну теперь, — сказал Гемуда, — помпнай море, морское счастье, ударь меня и скажи: «бисмилла»!

Генджакешауай так и сделал. В один миг он очутился на морском берегу. Гемуда сказал: «Ты видишь другой берег? Я тебя туда перенесу, если хочешь». Конь бросился в море и поплыл. Хотел его Генджакешауай повернуть к берегу назад, но не мог, только коню рот до половины разорвал. Только среди моря конь сказал нарту: «Хочешь вернуться назад? Я тебя выведу на берег».

— Смерти не миновать, — сказал Генджакешауай, — да мне и стыдно вернуться домой и не совершить ни одного подвига. Не вернусь назад! Плыви вперед!

* Правильно: кибе. — Р е д.

** Ма х а р — местность в Карачае. Как и в других версиях партского эпоса, в карачаево-балкарской действия эпических героев нередко связываются с конкретными топонимами. — А. А.

Конь встряхнулся — Генджакешауай испугался: ему казалось, вот-вот он свалится в воду. Он стал раскачиваться. «Нет, лучше пешему идти, нежели по воде ездить. Вернись, пожалуйста, на берег: я хочу домой». Конь по (с. 82) вернулся и быстро вынес Генджакешауай на берег. Слез сарт, посмотрел на рот коня: рот был цел. «Это наваждение было, — подумал он, — мне это все попритчилось. Отпущу-ка коню подруги: пусть поест». Но не подруги он увидал: с боков коня подымались огромные орлиные крылья; хотел Генджакешауай поправить нахвостник — смотрит, вместо хвоста — длинный рыбий хвост. Испугался Генджакешауай и сел на камень. Конь встряхнулся.

— Садись на меня, — сказал конь.

Генджакешауай сел. Конь взмахнул крыльями и полетел. Сильно махал он крыльями: море раздвоилось, и тогда Генджакешауай увидел двух других коней — белого и вороного. Гемуда спросил: «Что ты видишь?» — «Я вижу то, о чем рассказывал мой отец».

— Не бойся! зажмурь глаза и сии крепким сном.

Летел Гемуда, как ветер, а Генджакешауай спал крепким сном. Слышит вдруг он во сне конское ржание. Открывает глаза и видит: целый табун коней несется на них; окружили и не пускают. Только что Генджакешауай хотел сосчитать коней, как Гемуда поднялся вверх и вынес его на берег. Генджакешауай отдохнул. Тогда подошел к нему Гемуда и сказал: «Садись на меня, ударь меня и скажи: бисмилла!» Генджакешауай так и сделал. В один миг он очутился на родине, в ауле, и с ним вместе весь табун морских коней.

Гемуда сказал: «Ты и я вскормлены одною матерью — водяною». Потом он сказал: «Вот тебе весь табун. Он твой, пользуйся им, продавай; пусть тебя минует всякая нужда. Когда же весь табун переведешь и у тебя будет надобность во мне, я явлюсь. Ты только возьми узду, думая обо мне, подойди к воде и позвени уздой: я тотчас явлюсь».

4. СМЕРТЬ ОРЮЗМЕКА

(Записано от Хасана Алиева, 77 л.)

(с. 83) Жил на свете пастух; до пояса он был человек, как и все, а ниже пояса был сотворен из свинца. Ему было предсказано, что он умрет, когда женится: свищовая часть его тела тогда должна растонуться. Поэтому он тщательно избегал женщин: никогда не ходил по большим дорогам, выбирал все проселочные; ходил ночью, нигде не останавливался, не спал, ни даже не ложился. Жила недалеко от его аула красавица Шаулух Ипджик. Она все не выходила замуж, так что в ауле стали говорить: «Орюзбек не женится, пока арукыз * (красавица) не выйдет замуж». А не выходила арукыз за-

* Правильно: арукыз кыз. — Р е д.

муж еще и потому, что желала обладать несметными богатствами Орюзмека. Хотела она обмануть нарта, ибо была волшебница. Отправился однажды Орюзмек в путь-дорогу. Застала его вьюга, тьма покрыла свет. Замечает нарта; приходится умирать. Видит он: блещит огонек. «Все равно замерзну, — подумал Орюзмек, — изменю своему закону — зайду в дом и обогреюсь». Вошел он в приемную; там его ждали прислужники, а в кунацкой его встретили гости. Это был дом волшебницы-арукуз. Сама она не показывалась. Угощали Орюзмека, напоили допьяна, повели в спальню и уложили спать. В полночь он проснулся: почувствовал он, что лежит с ним женщина, она обнимала его. Испугался Орюзмек — отвернулся; женщина на другую сторону перепрыгнула и жмется к нему, целует его. Орюзмек опять отвернулся — она опять перепрыгнула. Сколько он ни бился — она не отставала. Замучила его — соблазнила. Растопилась нижняя часть тела Орюзмека, и в ту же ночь он там и умер, а волшебница-арукуз объявила себя его женою и стала владеть всеми его стадами.

5. ЧЮЭРДЫ

(Песня, записанная от Хасана Алпева)

(с. 84) Выезжали из Кабарды шесть нартов; один выехал от абадзехов. Тронулись в путь. Так они ехали, постегивая коней своих. Приехали они к алты-кесек-абаза. Там княжил Чюэрды. Приехали к замку Чюэрды. Спрашивают: «Чюэрды дома?» Отвечали им: «Чюэрды поехал в аул посмотреть табун свой. Он сегодня вернется». Отцом Чюэрды был сленой Куж; он просит гостей слезть: «Будете гостями!» Была у него кунацкая из меди. Он пригласил их туда, запер там, а кругом костры приказал развести. Так поступил он с нелюбимыми гостями. Пошел он утром посмотреть, живы ли они, или умерли уже. Едва живые, они ползали по компате. Сжалился он: растворил двери, освободил их, выпустил на волю. В ту же ночь приехал домой Чюэрды. Старший нарт Борай так говорил товарищам: «Если угодно Чюэрды наше прибытие, он придет к нам в волчьей шубе, надевши ее в рукава; если же наше прибытие не правится ему, то наденет ее внакидку». Чюэрды явился, надев шубу внакидку.

— Здравствуйте! — сказал он.

— Добрый день, Чюэрды, — те отвечали.

— Куда едете? чего ищете?

— Едем мы прогуляться, а к тебе завернули расспросить про страны, про воды-реки.

— Я тогда только поеду с вами, — сказал он, — если вы пойдете в мой табун и приведете ко мне мою кобылицу. Придете вы в табун, покажите лошадям мою уздечку. Если пойдет к вам моя кобылица, я еду с вами; если не подойдет, я вам не товарищ.

(с. 85) Пошли нарты в табул, показали лошадям узду Чюэрды — не подходит кобылица. Погнались они за нею, насильно поймали и привели к Чюэрды. Угадал Чюэрды, что насильно поймали лошадь. «Не добрый путь нам предстоит, — сказал он, — лучше вернитесь на родину, а я останусь дома. Все мои табулы — а там одних только жеребцов 2 тысячи — все подарю вам, только вернитесь на родину». Обиделись они и сказали: «Не получать подарки выехали мы из дому, а чтобы посмотреть, что делается на белом свете; а добра у нас у самих много: когда мы вялим мясо, то на каждую душу режем по 2 тысячи баранов; у каждой души по 200 косяков лошадей есть».

Сказал тогда сленой отец Чюэрды, старый Курж: «Сын мой! довольно тянуть реч! Никогда я не видал еще таких назойливых гостей. Прощай! Я знаю, что ты уже не вернешься назад». У Чюэрды был талисман, так что его и пуля не брала. Говорил Чюэрды жене: «Не забудь положить талисман со мною», но жена не послушалась и не зашила талисман в череску на спине. Выехали нарты. Подъехали к одному аулу. «Разграбим аул», — говорят нарты, — повезем домой отвоеванное добро». А Чюэрды говорит: «Если мы разобьем такой ничтожный аул, нас бабы и девки засмеют и отнимут все добро!»

Поехали дальше. Подъезжают они к другому аулу. «Большой, богатый аул, разобьем его, — говорят нарты, — повезем домой отвоеванное добро». А Чюэрды говорит: «Если мы разобьем такой ничтожный аул, нас бабы и девки засмеют и отнимут завоеванное добро».

Поехали дальше. Наезжают на третий аул. «Вот этот стоит разбить, — сказал Чюэрды. Разграбили нарты аул, набрали много тюков шелковой материи; бросили подушки седельные, положили пуховые шелковые подушки, (с. 86) узорами вышитые; сняли потники полстяжные, накладывали бархат драгоценный. Этот аул принадлежал Исламу Калмукаеву, дяде родной матери Чюэрды. Узнал Калмукаев, что Чюэрды разграбил его аул, и сказал: «Всякий раз, когда Чюэрды шел походом, он посылал наперед сказать об этом. Почему же теперь он не сделал этого?» Стал он собирать войско, а Чюэрды тем временем бежал в горы. Борай оглянулся и сказал: «Сзади нас туман степной». Чюэрды сказал: «Это не туман степной, а пыль от войска». Поскакали они еще быстрее. Войско было все ближе и ближе. Уже летели вверх комья земли, словно галки в небесах. Стали нарты тогда бросать тюки с награбленным добром. Нагнало их войско, спешились нарты, вступили в бой. Увидел это князь Калмукаев, увидел, что это родной — Чюэрды, и хотел повернуть войско назад, но в это время выступил простой воин, великан ростом, и сказал: «Могучий князь Калмукаев, ты, когда много неприятелей увидишь, пугаешься, а мало увидишь, — в гости к себе зовешь». Обидели эти слова князя: пошел он к Чюэрды, вынул саб-

лю и отрубил ему правую руку. Тот махнул левой и перерубил князя пополам. Загорелся бой. Чюэрды левой рукой убил множество врагов. Хотя ему никто еще не нанес другой раны, но он понял уже, что жена не зашила ему в одежду талисман. Снял он бешмет, изорвал его в клочья; все оружие свое привязал к седлу, сам зарядил ружье. Все были перебиты. Из всего войска оставались в живых только он да хромой старик. Дал он ему ружье и сказал: «Стреляй в меня!» «Не могу», — отвечал старик. — «Если ты меня не убьешь, я тебя убью». Старик выстрелил и убил Чюэрды. Понеслась кобылица домой и принесла весть, что храброго Чюэрды нет на свете. Из войска же вернулся домой только один хромой старик с известием, что все войско погиб(с. 87)ло, остался в живых только он один. Рассказывают, что все это случилось близ Гнагинской станицы.

6. КНЯГИНЯ САТАНАЙ

(Записано от того же)

Жили на свете два парта — Сосрука и Доуат. Никогда они друг друга не видали, но много слышали о подвигах каждого. Однажды на охоте в лесу они встретились и были очень рады, что познакомились; устроили они себе из кож оленьих палатку и стали жить вместе, охотиться в окрестных лесах. Как-то Доуат завел речь о женщинах, говорил, что каждую женщину, как бы она честна ни была, можно соблазнить.

— Ты ошибаешься, Доуат, — сказал Сосрука, — правда, у всех женщин головы похожи на комья снега, облепившего весной бурьян, и верно, что против такого красавца, как ты, женщине трудно устоять. Но есть на свете только одна женщина; она умнее всех женщин, ее никто не сумеет соблазнить. Эта женщина — Сатанай-биче *, моя жена.

— Давай побьемся об заклад, что соблазню твою жену, — сказал Доуат.

— Хорошо, — сказал Сосрука, — я закладываю 9 дворов.

— А я 40 телушек и белого жеребца с золотистым хвостом.

Сосрука остался охотиться, а Доуат поехал в замок Сосрука.

Услышала княгиня — кто-то подъехал к замку; выбежала на двор, видит красавца Доуата.

— Я тебя принять не могу: парт-бия ** нет дома.

(с. 88) — Я это знаю, — сказал Доуат, — потому что я приехал прямо от него. А приехал я соблазнить тебя: мы с мужем твоим заклад заложили.

— Хорошо, — сказала Сатанай-биче, — ты очень красив и мне нра-

* Правильно: биче. — Ред.

** Князь партов. Сосрука считается главою партов; иногда его замешает Орюзмек.

вишься. Но так стоять нам вдвоем зазорно: сейчас полдень, и нас могут заметить: обо мне разойдется дурная слава. Дождемся вечера, а пока побудь в кунацкой.

Просит Доуат нарезать ему барана на шашлык.

— Мы бы зарезали тебе барана, — велела сказать Доуату Сатанай-биче: — да нарт-бия дома нет: некому нарезать.

Доуат сказал: «Мне не нужно мужчины, пришлите только годовалого барашка: сам нарежу».

Сатанай-биче послала барана, а сама стала смотреть в щелку, что будет делать Доуат. Нарт вынул нож, бросил его об землю — явились два прислужника: один зарезал барана, другой шкуру содрал. Доуат ходил по кунацкой и казался таким высоким и красивым, что княгиня Сатанай вздохнула и сказала: «Нарт красив; всякая женщина полюбила бы его, а я не поддамся». Послала она к нему верную девушку сказать, чтобы ждал ее поздно вечером. Девушку эту она раздела, посадила в корыто, чисто-начисто вымыла, нарядила в свои драгоценные одежды. Когда стемнело, она опять послала ее к нарту, наказав исполнять все, что он ни прикажет. До рассвета пробыла девушка с нартом. Когда стало светать, она подиялась.

— Подожди, — сказал Доуат, — надо положить мне на тебя метку.

Взял он самоцветный, сам собою раскалявшийся камень и прижег ей ногу, затаврил ее своим тавром: он считал ее за жену нарт-бия Сосруки.

(с. 89) Вернулся тогда Доуат к Сосруке в кош и сказал ему: «Постигло тебя горе великое, срам великий пал на твою голову: доселе непобедимый, опозорен ты навеки. Я соблазнил твою жену! Подавай теперь мои 9 дворов».

— Подожди еще, не спеши требовать, — сказал Сосрука, — надо доказательств.

Вернулся он домой; сам чернее ночи, не ест, не пьет, не говорит и не смотрит на жену, словно ее нет в доме. Ходил он будто мертвый. Ждала жена, когда же заговорит с нею нарт-бий — не дождалась; подошла к нему и стала спрашивать:

— Что ты так печален, муж мой? Десяносто лет мы прожили вместе с тобою в добром мире, а теперь ты гневаешься за что-то на меня.

— Кого только Доуат проклятый не обманывал! Нет! не обмануть ему только моей жены, — думал я, — а ты поддалась ему!

— Не верь всякому, кто про меня дурное скажет. Впрочем, не смею я спорить с тобою, с князем нартов.

Опять Сосрука сказал: «Уйди с глаз долой: не могу тебя я видеть».

— Хорошо, — ласково отвечала княгиня Сатанай, — я скроюсь в тени, я уйду в места, где меня никто не увидит. Только позволь мне в последний раз напоить и накормить тебя из своих рук. После

этого я скроюсь. Он согласился. Она накормила его вкусными яствами, напоила его пьяными папитками; нарт-бий захмелел и уснул. Княгиня Сатанай собрала все свое добро и скрылась, ушла из замка со всею своею прислугою; внизу она переменяла свой костюм на мужской. Поселилась же она невдалеке от замка. Долго спал Сосрука. Наконец, проснулся он и удивился: никого в замке не осталось, все ушли за княгиней. Вышел он на двор, видит — бежит марал; (с. 90) бросился он за ружьем — нет ружья. Вбежал он на чердак высокий, нашел там лук без тетивы. Натянул вместо тетивы ремень, наложил стрелу и выстрелил: марал был ранен, но продолжал бежать. Бросился нарт вниз с чердака, побежал за маралом, а тот бежит-бежит, да и споткнется; наконец, упал марал — издыхает, а нечем его прирезать: нет ножа у Сосруки. Огляделся он, видит: стоит женщина-хаджи.

— Я тебе дам нож, — сказала хаджи, — только поклянись наперед, что исполнишь, о чем бы я тебя ни попросила. — Тогда Сосрука поклялся исполнить все, о чем бы хаджи его ни попросила. Хаджи дала ему тогда нож, и Сосрука прирезал марала.

— Чего ж ты желаешь от меня? — спросил тогда Сосрука.

— Я хочу, чтобы ты спал со мною.

Тогда нарт-бий удивился и сказал:

— Как это возможно: ведь ты духовное лицо, а я мужчина! Как тебе не совестно!

— Ты клялся, я требую!

— Нечего делать. Если ты требуешь, я должен исполнить свою клятву.

Тогда она приказала ему набросить на голову покрывало и так простоять несколько времени, а сама все с себя сняла и надела драгоценную княжескую одежду, и сделалась Сатанай-бийче. Стоял-стоял Сосрука — надоело. Снял покрывало — видит: сидит перед ним княгиня Сатанай и смеется.

Сосрука удивился очень и сказал:

— Я, верно, с ума сошел.

Сатанай-бийче сказала:

— О муж мой, князь нартов! Как ты мог не поверить мне и так на меня рассердиться, что прогнал меня?! А сам ты что хотел сейчас сделать? Ты не поверил мне, что я не уступила коварному Доуату; поэтому пойдем домой, я тебе приведу прислужницу, которая была с ним и которую он затаврил.

Сосрука при всех осмотрел девушку и увидел на ноге у нее выжженное тавро Доуата. Позвал тогда он его к себе, осрамил при всех и взял с него заклад — 40 телушек и жеребца с золотистым хвостом. Так непобедимого нарта одурачила слабая женщина, двух богатырей победила хитроумная княгиня.

20 февраля 1897 г.

Гор. Екатеринодар

Е. З. БАРАНОВ

СКАЗКИ ГОРСКИХ ТАТАР

1. КТО СИЛЬНЕЕ?

(с. 1) Однажды четверо партов, Шабельчи, Рачкау, Гиляхстан и Сосруко поехали на лошадях в лес. Завидели они, что из чащи лесной поднимаются к небу клубы дыма, и захотелось им узнать, кто живет в этом лесу. Направились они к тому месту, откуда был виден дым. Подъезжают они к громадной пещере и видят, — **четыре эмегена** * греются около костра.

— Здравствуйте, эмегены! — проговорили парты.

— А, здравствуйте, охотники! — весело отвечали эмегены. — Просим вас пожаловать к нам в гости. — И эмегены поспешили окружить партов.

Не по душе было партам приглашение эмегенов, но они приняли его: все равно убежать от них им не представлялось никакой возможности. Въехали парты в пещеру, слезли с лошадей, а эмегены завалили вход в нее скалами. Пригласили эмегены гостей садиться на камни, расставленные около одной из стен пещеры. Шабельчи, Рачкау и Гиляхстан сели на камни и не могли встать с них, точно приросли к ним. Только один Сосруко не сажился, как эмегены его ни-урашивали: он ссылаясь (с. 2) на то, что он моложе всех, и сидеть в присутствии старших ему, по обычаю, нельзя¹. Зарезали эмегены большого козла, зажарили и угостили гостей. Закусили гости и улеглись спать; легли и хозяева.

Наутро эмегены говорят партам:

— Мы вас угощали, — теперь вы угощайте нас. Будем чередоваться: один день мы будем вас угощать, а другой — вы нас.

* Мифические существа: одноглазые исполины, обладающие сверхъестественною силою. Подробное объяснение этого слова см. в XXIII вып. «Сборника для опис. мест. и плем. Кавк.» (отд. III, с. 45).

¹ По обычаю горцев младший по возрасту не должен сидеть в присутствии старших. — А. А.

Нечего было делать нартам; зарезали они лошадь и угостили эмегенов, а на следующий день эмегены — их.

В очень короткое время после эмегены лошадей нартов и говорят им:

— Так как лошадей у вас нет, а без нищи мы не можем быть, то режьте одного из своих товарищей и угощайте нас.

И, не дождавшись, когда нарты зарежут одного из своих товарищей, эмегены схватили Шабельчи и приготовились резать его. Тогда Сосруко сказал им:

— Обождите пемного, эмегены. Я должен вам сказать, что зашли мы к вам не случайно. Нас послали к вам нарты, чтобы вы разрешили один вопрос. Слушайте внимательно. Был у нас такой большой бугай, что задними ногами стоял в море, а передними на лугу. Прилетел орел, схватил этого бугая и унес его вверх. («Боишься ли ты, Шабельчи?» — спросил Сосруко, давая этим знать своему товарищу, чтобы тот не опасался за свою участь). Пасся в степи козел; принес орел бугая и положил на рога этому козлу; козел, не чувствуя тяжести на рогах, по-прежнему спокойно продолжал щипать траву. Пошел дождь, и пастух укрылся от него под бородой козла. Начал орел есть бугая и уронил ляжку его, которая попала прямо в глаз пастуху. Пастух же подумал, что в его глаз попала маленькая соринка. Пришел (с. 3) он домой и попросил двух своих товарищей вымести из глаза эту соринку. («Боишься ли ты, Шабельчи?» — опять спросил Сосруко своего товарища). Взяли товарищи метлу и лопату и выбросили из глаза пастуха ляжку бугая, которая от падения глубоко закопалась в землю. Со временем на этой ляжке поселился аул нартов.

Однажды ночью пробралась лисица к этому аулу, раскопала землю и потащила ляжку бугая, от чего половина аула опрокинулась, сакли разрушились, и много нартов погибло под их развалинами. Всполошились уцелевшие нарты и кинулись в погоню за лисицей; догнали и убили ее. Сняли они с одного бока лисицы шкуру и из нее в течение года всем родившимся детям явили шапки. Другой же бок лисицы оставался неободраным, потому что лисица была так громадна, что все нарты не могли перевернуть ее. Однажды одна женщина выгнала в степь телят и увидела труп лисицы.

— Надо содрать шкуру с этой лисицы, из нее я шапку сошью для своего сына, — подумала эта женщина и веретеном повернула лисицу на другой бок и сняла с нее шкуру. Но этой шкуры не хватило на шапку ее сыну. («Боишься ли ты, Шабельчи?»).

С тех пор нарты собираются вместе и никак не могут решить, кто сильнее: бугай, орел, козел, пастух, лисица, женщина, или ее сын? Вот они и поручили нам попросить вас разрешить их спор. Решите его, если можете! — закончил свою речь Сосруко.

Заспорили между собой эмегены: один говорил, что сильнее всех бугай, другой — козел, третий — лисица, четвертый — женщина.

Спорили-спорили, затеяли между собой драку, в которой и поубивали друг друга камнями. Нарты же, забрав из пещеры эмегенов все их имущество, благополучно возвратились домой.

2. МАГОМЕТ ИНДЫРБАЕВ

(с. 4) Убил охотник в лесу дикого козла, освежевал его, вырезал из него лучший кусок мяса и принялся жарить шашлык. Когда шашлык был готов, охотник проговорил: «Бисмиллах!»* и хотел было кушать его; но вдруг шашлык соскочил с вертела, превратился в сырое мясо, которое приросло к тому месту, откуда оно было вырезано; шкура накрыла козла, и он, вскочив на ноги, отбежал от охотника. Охотник очень удивился: сколько лет он охотился, а такого чуда никогда не видел.

— Не удивляйся! — сказал ему козел человеческим голосом. — Иди к Магомету Индырбаеву, он расскажет тебе еще более непостижимое!

Пошел охотник разыскивать Магомета Индырбаева, долго его искал и, наконец, пришел в Чегемское общество. На солнечной стороне ущелья был расположен аул. Охотник спросил у встретившихся ему жителей, не знает ли кто из них, где живет Магомет Индырбаев. Ему указали на башню, одиноко стоявшую по другую сторону ущелья. Направился охотник к этой башне и увидел на току человека, который с помощью коровы и быка обмолачивал ячмень. Подошел он ближе к этому человеку, поздоровался с ним и спросил, не он ли Магомет Индырбаев.

— Да, я, — ответил человек, — подожди немного, я вот окончу обмолачивать, и тогда пойдем ко мне в башню.

Кончив обмолачивать ячмень, Магомет взял шесть кожаных мешков и четыре из них наполнил чистым, вывезенным зерном, а два — мякиной. Затем он ударил плетью быка и корову, и они превратились в ишаков: (с. 5) корова — в самку, а бык — в самца. Взяли на них Магомет по три мешка: два мешка, с чистым зерном, он положил на спину, а третий, с мякиной, привязал под брюхо, так что ишакам было очень трудно идти, и до самой башни не переставал бить их толстою палкой. Подле башни стояло глубокое, зловонное болото. Магомет снял с ишаков мешки с чистым зерном, взял толстый кол и загнал им в болото ишаков, которые провалились вниз вместе с мешками мякины. Охотник очень удивился всему виденному и спросил Магомета, что все это значит.

— Пойдем в башню, там я тебе расскажу много интересного, — ответил Магомет.

* «Бисмиллах!» — благослови, боже! Эту молитву магометане всегда говорят, приступая к еде, к убою скота и т. п. — Собира т е л ь. (Правильно Бисмилляхи! — Р е д.)

Угостил он гостя шашлыком и начал рассказывать ему следующее:

— Раньше, как и теперь, одиноко жил Магомет в своей башне; скучно ему стало, он и задумал жениться. Жила в ауле одна красивая женщина. Она уже три раза выходила замуж, но в первую же брачную ночь ее мужа умирали неизвестно от чего. Знал об этом и Магомет, но несколько не боялся посвататься за красавицу, которая охотно согласилась выйти за него замуж.

Женился Магомет, и в первую же ночь, когда он собирался лечь в постель, в дверь башни кто-то со двора сильно постучался и крикнул: «Отвори!».

Желая узнать, кто там стучит в такую позднюю пору, Магомет отворил дверь. В башню вошел какой-то незнакомец, ударил плетью Магомета, и Магомет превратился в серого жеребца.

Сел незнакомец на жеребца и принялся скакать на нем по горам. Пзмучив скакуна, он привязал его на дворе, а сам вошел в башню. Утром, уходя из башни, незнакомец снова ударил жеребца плетью, и тот опять стал Магометом Индырбаевым. Пришли к Магомету его (с. 6) родственники из аула и, увидев его живым, обрадовались и начали веселиться. О том же, что случилось ночью, Магомет никому ни слова не сказал.

На следующую ночь опять послышался стук в дверь и крик: «Отвори!». Когда Магомет отворил дверь, тот человек ударил его плетью, и он сделался черным жеребцом. С этим жеребцом произошло то же, что и с серым в прошлую ночь. Магомет об этом опять никому не сказал. На третью ночь он уже сам поджидал незнакомца. Заслышав стук, Магомет отворил дверь и, только что в башню вошел незнакомец, как Магомет всадил ему кинжал в живот. Жена же Магомета схватила плеть и ударила ею мужа, который сделался белой собакой; затем ударила плетью неизвестного, и он исцелился от раны.

Магомет, превращенный в собаку, побежал куда глаза глядят. Бежит он и видит — пастух баранту пасет; подбегает к нему. Поправились пастуху собака. Он подумал: «Вот хорошая собака; надо ее прикармливать, пусть она останется у меня».

Но тут другие собаки пастуха накинулись на Магомета и начали грызться с ним. Магомет перегрыз всех собак; тогда пастух рассердился и палкой прогнал его с коша*. Побежал Магомет дальше. Видит старика, пасущего молодых барашков; прибежал Магомет к нему.

Старик налил в корыто, из которого едят собаки, айрана**, по

* Кош — место вдали от селения, среди кочевья, где складывается запас сена на зимнее время и другие запасы; нечто вроде хутора.

** Айран — напиток, приготовляемый в горах из кислого молока. — Соб. (Айран — кислое молоко. — А. А.)

Магомет не стал его есть, точно также не стал он есть и сырого мяса, которое бросил ему старик. Пастух удивился.

— Что это за собака? — подумал он, — не ест из корыта айрана, не трогает сырого мяса.

Дал пастух Магомету вареного мяса; он съел его, (с. 7) а также напился молока из чашки.

— О, эта собака умная, — решил старик.

Ночью лег старик спать, рядом с ним лег и Магомет. Пришел волк и утащил одного барашка. Магомет погнался за ним, поймал и приволок его вместе с бараником к пастуху. Проснулся пастух, убил волка, а Магомета приласкал. Скоро распространился слух, что у старика-пастуха есть такая умная собака, которая понимает речь человеческую.

В одном селении жил хан, к дочери которого по ночам являлся «обур»* и душил ее. Услышав о собаке пастуха, хан решил приобрести ее для охраны своей дочери.

Приехал он на кош пастуха и отобрал у него собаку. Поселился Магомет в доме хана, и в первую ночь, когда через трубу в саклю спустился обур, он схватил его.

— Отпусти меня, Магомет, — сказал обур. — Я тебе большую услугу окажу после. Ханскую же дочь я с этой ночи оставлю в покое.

Поверил Магомет обуру и отпустил его на волю. Несказанно обрадовались хан и дочь, что избавились от ночных посещений обура; Магомета ласкали и кормили отборными кушаньями.

Заскучал Магомет по своему дому и однажды убежал от хана. Подбегает он к своей башне, видит, что на пороге ее сидит его жена и придет шерсть. Увидела она Магомета, зовет его к себе. Магомет, вообразив, что она сжалась над ним и опять превратит его в человека, доверчиво приблизился к ней. Жена же ударила его плетью, и он превратился в филина. Полетел Магомет куда глаза глядят. Долго он летал, наконец сел на току, на конне ячменя, отдохнуть. Завидели его двое мальчишек, подкрались и перешибли ему камнем (с. 8) крыло, а затем схватили и понесли его в аул. По дороге встретилась им женщина, шедшая с ведрами по воду.

— Отдайте мне этого филина, а я вас за него киселем накормлю, — сказала эта женщина мальчишкам.

— Не хотим мы твоего киселя, — ответили мальчишки. — Разве мы бабы, что станем его есть!**

* Обур — мифическое существо, вроде ведьмы. См. подробное объяснение в XIII вып. «Сборника» (отд. III, с. 46 и 47). — Ред.

** Кисель, по-горски «как», готовится из ячменной муки на коровьем масле и меду. Обыкновенно он составляет необходимое кушанье жепции при появлении на свет ребенка. Соб. (Здесь неточный перевод собирателя. «Как» это не кисель, а крутая каша (мамалыга) из ячменной, а чаще из кукурузной муки. — Ред.)

Однако, когда женщина пообещала побольше прибавить в кисель меду, мальчишки отдали ей филлина. По уходе мальчишек женщина сказала:

— Ну, филлин, узнаешь ли ты меня? Я тот самый обур, которого ты, будучи собакой, поймал у ханской дочери; но не горюй, — я помогу тебе сделаться человеком; только сначала надо залечить твоё крыло.

Прожил Магомет у женщины целый месяц; крыло его зажило, и он стал снова летать.

— Слушай, Магомет, — сказала ему старуха, — я научу, как тебе опять сделаться человеком. Лети ты в свой аул, дождись ночи и через трубу спустишься в башню. Твоя жена и тот человек, который живет с ней, будут спать. Плеть, которую они тебя били, висит у их изголовья. Ты потришь о плеть, и превратишься в человека, только не забудь немедленно взять плеть и ударить ею жену и ее любовника: они обратятся в тех животных, в каких ты захочешь.

Полетел Магомет в свой аул, дождался ночи и через трубу спустился в башню. Жена его с любовником уже спали. Плеть висела у их изголовья и блестела, как золото. Потеря Магомет о плеть и стал человеком. Проснувшаяся жена и ее любовник кинулись к плети, но Магомет уже успел схватить ее.

(с. 9) — Будьте вы ишаками! — сказал он, ударив жену и любовника ее плетью, и они обратились в ишаков.

— Теперь я каждый день мучаю их за все то, что мне пришлось претерпеть от них, — закончил свой рассказ Магомет Индырбаев.

3. «ГЛУПЫЙ» ЧЕЛОВЕК*

Жил на свете один хан. Он считал себя очень умным человеком, а остальных людей — глупцами. Желая испытать, насколько в сравнении с ним люди глупы, он однажды, через своих рабов объявил, что если найдется такой человек, который сумеет рассказать ему о самом невероятном случае в мире, тому он отдаст в жены свою единственную дочь-красавицу. Хан был убежден, что такого человека среди народа не найдется. Каждого, кто заявил бы желание потягаться с умным ханом смышленостью и не смог бы рассказать чего-нибудь такого, что хан признал бы невозможным, он решил наказывать смертною казнью.

Охотников похвастать умом являлось много, но ни один из них не мог угодить своим рассказом хану, и всех их постигала одинаковая участь: по приказанию хана, им снимали головы с плеч. Таким образом казнены были уже тысяча человек.

Жил в том же селении, в котором имел свою резиденцию хан, один старейший человек с тремя сыновьями. Однажды младший из

* Записана в Нальчикском округе.

братьев предложил старшим пойти к хану попытать счастья, — не удастся ли им рассказать что-нибудь самое невероятное хану и завладеть его дочкой (с. 10). Братья сначала не соглашались принять предложение младшего брата, но затем тот сумел так уговорить их, что они согласились. Приходят трое братьев к хану. Увидел их хан и засмеялся.

— Что? — спрашивает он, — должно быть, вам надоело носить свои головы на плечах?! А пу, послушаем ваши рассказы. Начинай, кто старший из вас!

Старший брат сказал:

— Однажды я поехал на охоту: увидел тура, выстрелил в него из ружья и пулей пробил ему правую заднюю ногу, правое ухо и правый рог. Вот и все, что я хотел тебе рассказать.

Засмеялся хан и сказал:

— Ничего нет невероятного в твоём рассказе: с тобой случилась самая обыкновенная на охоте вещь: ведь ты стрелял в тура в то время, когда он заднею правою ногой чесал себя за правым ухом, и, поэтому, нет ничего удивительного в том, что пуля пробила в одно и то же время ногу, ухо и рог. За то же, что ты вздумал тягаться со мной умом, голова твоя слетит с плеч долой. Становись пока в сторону, пусть начинает рассказывать другой!

Средний брат, дрожа от страха, сбиваясь на каждом слове, начал свой рассказ:

— Я... я... хан... поехал я раз, хан, в лес... дрова рубить поехал я, хан, в лес... взял топор да как взмахну им, так сразу одну тысячу деревьев и срубил... С одного взмаха срубил... целую тысячу деревьев...

Засмеялся опять хан.

— Глупый ты человек, — сказал он, — ну, посуди сам, что же есть невероятного в твоём рассказе? Ведь, если сложить вместе тысячу тонких прутьев, то не надо (с. 11) больших усилий, чтобы одним взмахом топора перерубить их. Становись и ты вместе с братом своим: и твоя голова слетит с плеч. Ну, рассказывай ты, последний!

— Слушай, хан, — начал свой рассказ младший брат. — В один день родила меня мать на свет, в тот же день пропали у отца моего лошади. В этот же день сел я на лошадь и отправился разыскивать лошадей. Заметь, хан, все это случилось очень рано утром, поздно после обеда, как раз в обеденное время того дня, когда меня мать родила. Ездил я, хан, ездил, подъезжаю к реке, а уж настало время делать намаз*.

Слез я с лошади и стал искать, за что бы ее привязать. На берегу реки росла только одна трава, и привязать лошадь было не за что. Вдруг я увидел, — торчит из травы палка; начал было к ней привязать

* Намаз — молитва у магометан. — С о б.

зывать лошадь, вижу палка шевелится; присмотрелся я поближе к ней, оказывается эта палка ногой какой-то птицы. Потянул ее из травы и вытянул журавля. Недолго думая, отрубил я ему шашкой голову. Потом подошел к реке, начал мыть руки. Вдруг чувствую, кто-то в воде схватил меня за руку. Потянул я руку из воды и вытащил на берег большую рыбу. Хороша, думаю, добыча! Зарезал я шашкой и рыбу. Начал я затем смывать кровь с шашки и уронил ее в воду. Вот беда-то какая случилась со мною! — думаю я, — как же это мне быть без шашки?

Но я сейчас же придумал, как горю своему пособить: взял пучок соломы, зажег его, а потом поджег и воду. Выгорела вся вода в реке, на дне ее остались одни только камни да песок. Принялся я искать свою шашку; вижу, — лежит только одна роговая рукоятка шашки, а стальной клинок ее сгорел вместе с водой. Погоревал я, погоревал, да делать (с. 12) нечего, воткнул в ножны рукоятку и стал собираться в дорогу. Положил я журавля на одну сторону лошади, а рыбу на другую и очень рано утром, поздно после обеда, как раз в обеденное время того дня, когда я появился на свет, отправился в поиски за пропавшими отцовскими лошадьми.

Приезжаю в большой лес; вижу — на поляне пасутся четыре диких козла, а у каждого из них было по одной деревянной ноге.

— Вот, думаю, какие диковишные козлы! Как бы это их поймать?

Спрыгнул я с лошади, вытащил из ножен рукоятку шашки да как кину ею в козлов, так им все ноги и перебил. Взвалил я пару козлов на одну сторону лошади, а пару на другую и очень рано утром, поздно после обеда, как раз в обеденное время того дня, когда меня мать родила, отправился в путь дальше, причем, конечно, не забыл сесть на лошадь. Еду по лесной дороге, вижу, — посреди ее много пчел диких сидит.

— Хорошая, думаю, находка! мясо у меня есть, бог послал и меду.

Спрыгнул с лошади, разогнал пчел и увидел на земле много, много меду. Только одна беда: не во что было набрать его. Но сейчас же я сообразил, что стоит мне содрать шкуру с четырех ног лошади, — вот и готовы четыре бурдюка. Живо ободрал я ноги, сделал из шкуры четыре бурдюка и наполнил их медом. По чем же завязать бурдюки, чтобы из них мед не вытек?

— Э, — думаю я, — да ведь если содрать с лошади шкуру, то из нее можно нарезать ремней, которыми я и завяжу бурдюки.

Содрал я шкуру с лошади, нарезал из нее ремней, завязал бурдюки, взвалил их на лошадь, сам сел на нее и очень рано утром, поздно после обеда, как раз в обеденное время того дня, когда меня мать родила, поехал домой.

Еду по дороге, — вдруг лошадь моя упала.

— Что такое случилось с моею лошадью? — подумал я и огля-

нулся назад; вижу, — половины лошади как (с. 13) не бывало. — Ох, — думаю, — какое же несчастье случилось со мною! Где теперь искать другую половину лошади?

Делать нечего, пошел я назад по дороге; иду, вижу, — лежит половина лошади. Взял ее на плечи и припес к первой половине. Чем же скрепить обе эти половины, чтобы можно было доехать на лошади домой?

Лежало на дороге дерево, вывороченное из земли бурей; взял я его, очистил верхушку от ветвей и воткнул в зад лошади, и тем скрепил обе половины ее. Сел я на лошадь, поехал дальше. Вдруг откуда-то сверху посыпалась на меня мякина.

— Что за чудеса? — думаю я. — Откуда в лесу взяться мякине?

Оглянулся назад, вижу, — конец дерева, которым я скрепил обе половины лошади, торчит высоко над головой моей.

— Не с этого ли конца дерева посыпалась на меня мякина? — подумал я. — А дай-ка полезу туда, посмотрю, что там есть.

Живо добрался я до конца дерева, посмотрел и ахнул от удивления: на корнях дерева осталась земля, а на этой земле были расположены девять токов, а на каждом току по девяти быков обтапывали ячмень.

— Э, так вот откуда сыпалась на меня мякина! — подумал я. — А я и не заметил, когда брал дерево с дороги, что на нем есть тока и быки. Ну, что же? Для меня же лучше: привезу домой и быков, и ячмень.

Слез я с дерева, уселся на лошадь и очень рано утром, поздно после обеда, как раз в обеденное время того дня, когда меня мать родила, отправился домой.

Приезжаю, слышу, — в сакле шум нескольких голосов; значит, в доме у нас есть много гостей; надо поспешить приготовить для них закуску, — благо есть из чего приготовить ее. Снял я с лошади козлов, освеживал их; положил мясо в котел, налил воды. К несчастью, не заметил, что в котле была дыра, и в нее провалилось все мясо, а вода, к моему удивлению, осталась в котле.

— Ну, ничего (с. 14), — думаю, — беда не велика: мяса у меня вдоволь, и закуску для гостей дорогих приготовить как-нибудь сумеем.

Хотел разложить огонь под котлом; кипулся за дровами, а их нет ни одного полена. Что тут делать? Взял я несколько ишаков и отправился в лес за дровами.

Прихожу в лес и принимаюсь рубить деревья; нарубил, сколько было мне нужно; хотел наваливать их на ишаков, — глядь, а ишаков и след простыл. Надо посмотреть, куда это они запропастились. Воткнул я в землю шашку острием вверх, взлез на ее кончик, осмотрелся кругом. Вижу, — стоят мои ишаки на Эльбрусе, лед лижут. Спрыгнул я с шашки и побежал на Эльбрус. Прибегаю.

— А! — говорю ишакам, — вы пить хотите? Пойдите же, я вас папою.

Недолго думая, сорвал с плеч свою голову да как хвачу ею об лед, вода из-под него так и потекла. Напились вдоволь мои ишаки; вернулся я с ними в лес, навалил на них дрова и отправился домой. Был очень знойный день, и мух неисчислимое количество кружилось в воздухе, а с холоду густой туман окутал весь лес. Трава в лесу была вышиною по пояс, а снег по колена. Ишаки мои от сильного зноя прятались в холодок, а ноги у них обмерзли во льду.

Приезжаю домой, снял дрова с ишаков и хотел было войти в саклю, чтобы поздороваться с гостями, и тут только припомнил, что ведь головы-то у меня на плечах нет, — я позабыл ее на Эльбрусе. Побежал я на Эльбрус, нашел свою голову, приставил ее к плечам, вернулся домой, вошел в саклю и поздоровался с гостями. Все это случилось очень рано утром, поздно после обеда, как раз в обеденное время того дня, когда меня мать родила.

— Нехорошо, — думаю, — гостям сидеть без кушанья. Пока сварится мясо, дай-ка я угощу их медом.

Кинулся я к бурдюкам, хотел снять их с лошади, да не (с. 15) тут-то было: ростом я мал, бурдюков никак достать не могу руками да и тяжелы они. Что же тут делать, как их снять с лошади? Думал, думал я и придумал: один конец веревки привязать к бурдюкам, а другой ее конец перекинуть через саклю и тянуть его, а чтобы не втянуть бурдюки на саклю, — поджечь ее.

Как я придумал, так и сделал: привязав один конец веревки к бурдюкам, другой конец перекинул через саклю, затем поджег саклю и принялся изо всех сил тянуть за веревку. По-моему и вышло: хоть сакля и сгорела, но бурдюки я стащил-таки с лошади!..

Вот, хан, мой рассказ! Но только ты, пожалуйста, не подумай, что я кончил рассказывать. Это я рассказал только за своих братьев, а если начну рассказывать за самого себя, то у тебя от моего рассказа, пожалуй, и живот заболит*. Но если ты, хан, желаешь послушать, то я охотно расскажу и за себя!

Хан с места вскочил и руками замахал.

— Нет, нет, — проговорил он, — не нужно мне больше твоих рассказов: у меня и от этого голова закружилась, а если ты начнешь рассказывать еще и за самого себя, то я могу и ума лишиться! Теперь оказывается, что я напрасно думал о себе, что умнее меня нет человека на свете... Ты достоин быть мужем моей дочери.

Хан отдал свою дочь за младшего брата замуж и богато наградил его деньгами и скотом, старших же братьев отпустил домой без наказания.

* Т. е. хан так заслушается рассказа, что забудет об еде, отчего у него живот подведет. — С о б и р а т е л ь.

4. ЭМЕГЕН И ОХОТНИК*

(с. 16) Один охотник пошел в лес на охоту и убил лань. Наступал вечер, и он решил заночевать в лесу. Содрал он шкуру с лани, повесил ее на дереве, вырезал лучший кусок мяса и принялся жарить шашлык. Когда шашлык был готов, охотник приготовился его есть и проговорил: «Бисмиллах».

Вдруг убитая лань поднялась на ноги, шашлык сорвался с вертела, опять превратился в сырое мясо, которое приросло к тому месту, откуда оно было вырезано; шкура сорвалась с дерева и покрыла тело лани. Охотник сильно изумился: в жизни своей он никогда не видел, чтобы убитое и освежеванное животное могло ожить и начать бегать. Пока он размышлял о случившемся, лань, обратившись к нему, проговорила человеческим голосом:

— Ты не удивляйся тому, что видел сейчас! Разуи ты Сокура Али**, и он расскажет тебе еще более удивительное.

И затем лань сделала прыжок и исчезла в лесной чаще. С этого вечера принялся охотник за разыскивание Сокура Али и никак не мог найти его. Целых три месяца он провел в этих розысках. Однажды едет он степью и видит, — табунщик пасет лошадей; подъехал к нему охотник и спросил, чей табун пасет он.

— Сокура Али, — отвечал табунщик.

Охотник обрадовался и подумал:

— Наконец-то я узнаю, где живет Сокур Али. И охотник спросил об этом табунщика.

(с. 17) — Прежде чем ответить тебе, где живет Сокур Али, прошу тебя, заезжай на наш кош, будь нашим гостем! — сказал табунщик.

Охотник согласился и поехал на кош. На коше было много работников, которым табунщик приказал зарезать как можно больше самых лучших лошадей. Работники зарезали двести голов.

Охотник удивился и спросил табунщика:

— Зачем так много зарезали лошадей?

— А вот зачем, — ответил табунщик, — мы принимаем гостей у себя очень редко, — раз в несколько лет, и бываем очень рады, когда нас посетит гость. Сокур Али приказал нам ничего не жалеть для гостя. В другое же время он строго запретил нам резать для себя даже и плохих лошадей, и мы прирезаваем только больных.

Переночевал охотник на коше, поблагодарил табунщика за гостеприимство, собрался в путь и снова просит его указать ему дорогу к жилищу Сокура Али.

— Поезжай прямо! — сказал табунщик, — и увидишь пастуха,

* Записана в Нальчикском округе.

** «Сокур-Али» — Косой Али. — С о б и р а т е л ь. (Правильно: Сокур — слепой. — А. А.)

который пасет стадо быков и коров; он тебе и укажет дорогу к Сокуру Али.

Поехал охотник дальше и, действительно, встретил пастуха, пасущего громадное стадо рогатого скота. Начал он расспрашивать его, как проехать к Сокуру Али. Пастух пообещал указать ему дорогу, но сначала пригласил его в гости к себе на кош. Приехал охотник с пастухом на кош; здесь для его угощения зарезали триста быков и коров. Охотник спросил пастуха, зачем так много зарезали скота, и получил такой же ответ, какой раньше слышал от табунщика.

Наутро, собравшись в путь, он попросил пастуха указать ему дорогу к Сокуру Али. Пастух посоветовал охотнику (с. 18) ехать дальше, говоря, что он встретит баранщика (пастуха баранты), который и укажет ему дорогу к Сокуру Али.

Поехал охотник дальше и встретил баранщика. Последний пригласил его в гости на свой кош и утром обещал указать ему дорогу. Здесь для угощения охотника зарезано было столько баранов, что он им и счет потерял. На вопрос же, зачем так много зарезали баранов, он получил тот же ответ, который слышал раньше на других кошах.

Наутро собрался охотник в путь и просит пастуха указать дорогу к Сокуру Али. Пастух-баранщик посоветовал ему ехать дальше по дороге, обещая, что он встретит пастуха, пасущего коз, который, наконец, и укажет дорогу к жилищу Сокура Али.

Едет охотник по дороге, встречает пастуха, пасущего громадное стадо коз, и спрашивает его о дороге к Сокуру Али. Пастух пригласил его в гости к себе на кош и так же, как и другие пастухи, для угощения зарезал очень много коз.

Утром пастух, прощаясь с охотником, указал ему десять дорог и сказал:

— Вот перед тобой пролегают десять дорог. По девяти из них ездят девять сыновей Сокура Али, а по десятой — он сам. Каждую неделю он ездил со своими сыновьями ко мне и товарищам моим проводить стада своих коз, баранов и рогатого скота и табуны лошадей. Но уж давно он не бывал у нас; должно быть, заболел или большое несчастье случилось в его семействе. Поезжай ты по десятой дороге и приедешь к башне Сокура Али.

Отправился охотник по указанной дороге и скоро, действительно, увидел громадную башню. Подъехал он к ней и крикнул несколько раз, вызывая к себе Сокура Али. На его зов из башни показалась чудной красоты молодая девушка; охотник попросил ее вызвать к нему Сокура Али. Девушка вошла в башню и затем сейчас же (с. 19) вернулась обратно. Она объяснила охотнику, что ее отец лежит в постели больной и просит охотника пожаловать в башню.

Слез охотник с лошади, вошел в башню и увидел лежащего на постели больного человека. Поздоровавшись с ним, охотник спросил,

не он ли Сокур Али. Получив утвердительный ответ, охотник рассказал ему, зачем он приехал к нему.

— Знаю я эту лань, — сказал Сокур Али, — про нее расскажу я тебе после, а теперь ты выслушай следующее. У меня было девять сыновей, с которыми я каждую неделю ездил проводить своих коз, баранов, рогатый скот и лошадей, которых ты по дороге ко мне, конечно, видел. Однажды сыновья мои упросили меня поехать вместе с ними на охоту. Подъехали мы к лесу, видим, — эмеген пасет стадо коз. Увидел он нас и закричал:

— А, здравствуй, Сокур Али! Куда это собрался ты с сыновьями?

— На охоту, — отвечал я, — не знаешь ли, где больше зверей?

— Как мне не знать?! — засмеялся эмеген, — ведь я живу в лесу и все деревья в нем у меня наперечет. Я укажу тебе такое место, где ты убьешь очень много зверей. Но прежде прошу тебя и сыновей твоих быть моими гостями. Я живу одиноко и бываю очень рад, когда меня посещают гости.

В первое время я хотел было с сыновьями ускакать от эмегена, но видя, что он близко подошел к нам, так что убежать от него не было никакой возможности, согласился посетить жилище его. Погнал он вперед своих коз, а мы следом поехали за ним. Пригнал он свое стадо к пещере, вход в которую был завален громадной скалой. Толкнул эмеген ногою скалу, и она отвалилась от входа, как самый маленький камень. Загнал он (с. 20) в пещеру коз и попросил нас войти в нее вместе с лошадьми.

Зарезал эмеген большого козла, зажарил на огне и одну половину его отдал нам, а другую взял себе. Мы, десять человек, не могли съесть своей части, он же сожрал свою и потом доел и остатки нашей. Поблагодарили мы эмегена за гостеприимство и собрались было в путь, но он упросил нас остаться ночевать у него. Завалил он вход в пещеру скалой и лег спать.

Утром он опять угостил нас мясом козла, большую часть которого сам сожрал, выгнал из пещеры коз, а нам сказал, чтобы мы подождали его до вечера. Завалил он вход скалой и ушел за своим стадом.

Поняли мы тут, что недоброе замыслил эмеген сделать с нами. Сговорились мы бежать из пещеры, но сколько ни напрягали свои силы, не могли отвалить от входа скалы, и целый день просидели в пещере.

Вечером возвратился эмеген со своим стадом домой, отвалил скалу, загнал коз в пещеру, внес громадный дуб, изломал его ногами и развел огонь.

— Ну, Сокур Али, — сказал он мне, — угощал я тебя, — теперь угощай ты меня! Таков у нас, эмегенов, обычай.

— Чем же я буду тебя угощать? — спросил я. — Видишь, у меня нет ни коз, ни баранов.

Засмеялся в ответ эмеген.

— Нет ни коз, ни баранов, — это верно; но зато у тебя есть десять лошадей и девять сыновей. Что хочешь, то и отдай мне: или сына, или лошадь; а не отдашь добровольно, так я и сам, не спрашиваясь тебя, возьму.

Отдал я эмегену лошадь; зарезал он ее, зажарил, сожрал всю и лег спать. Наутро он съел другую лошадь. И так он за короткое время пожрал десять (с. 21) лошадей, а затем всех моих сыновей. Дошла очередь и до меня.

Однажды, когда жрать эмегену нечего было, а резать своих козлов он не хотел, он сказал мне:

— Жириный ты человек, Сокур Али, а я ничего так не люблю, как горячее человечье сало.

И с этими словами схватил он меня, разложил на вертеле о трех развилках и принялся жарить на огне. Сколько я ни кричал, сколько ни умолял эмегена убить поскорее меня, а не мучить, — он только хохотал в ответ и, собрав в большую чашку сало, вытекшее из моего тела, снял меня с вертела.

— Отдохни, Сокур Али, до утра, — сказал он, выпил мое сало и сейчас же заснул крепким сном.

Я хорошо знал, что утром эмеген убьет меня и сожрет; поэтому я решил, во что бы то ни стало уйти из пещеры. Дождался я полночи, когда эмеген сильно разоспался, с большим трудом поднялся на ноги, взял вертел и раскалил на огне докрасна. Затем тихо подошел я к спящему эмегену и воткнул вертел ему в глаз. Зашипел раскаленный вертел у него в глазу. Вскочил эмеген на ноги, приложил ладони к обожженному глазу и принялся страшно кричать от боли. От этого крика земля тряслась, козы заматались из стороны в сторону, а я забился в дальний угол пещеры и стоял ни жив, ни мертв, ожидая, что эмеген разыщет меня и растерзает в клочья.

— Ну, хорошо же! — сказал, перестав на минуту кричать, эмеген, — ты, Сокур Али, от меня не уйдешь. Пока будет жив мой сары-баш-эркеч *, я не умру от голода: он будет пасти мое стадо, а по вечерам приводить его (с. 22) домой. С тобой же, Сокур Али, я сначала вволю наиграюсь, а затем съем.

Я стоял на своем месте и не подавал голоса. Целую ночь простонал эмеген, не переставая ругать меня. Но вот козы начали кашлять, — приближалось, значит, утро. Поймал я козла вожака, зарезал его, содрал с него шкуру так, что вместе с нею осталась голова и ноги. Затем надел на себя шкуру и стал на четвереньки.

Проснулся эмеген, отвалил от входа скалу и поджидает козла-вожака. Я подполз к нему: ощутив мою спину, он выпустил меня из

* Сары-баш-эркеч — значит желтоголовый козел; так называл эмеген козла-вожака стада. — Собиратель.

пещеры, в полной уверенности, что выпустил козла-вожака. Выйдя из пещеры, я бросил шкурой в эмегена и сказал:

— Эй, ты, эмеген! вот шкура твоего козла, а мясо его лежит в пещере. Ешь его на здоровье!

— О, какой ты счастливый человек! — сказал эмеген. — Иди себе домой, а за то, что я съел твоих сыновей и лошадей, возьми в подарок от меня вот это кольцо: оно припресет тебе счастье.

И с этими словами он снял с своего пальца кольцо и бросил его из пещеры.

Поднял я кольцо и только надел на палец, как оно начало издавать громкие звуки.

— Ага! — закричал, обрадовавшись, эмеген, — теперь ты не уйдешь от меня.

И по звуку кольца он кинулся за мной. Пробовал было я снять с пальца кольцо, но оно не снималось, а только плотнее охватывало палец. Тогда положил я палец на камень, а другим камнем отбил его прочь вместе с кольцом, которое и после того не переставало издавать звуки. Добежал эмеген до него и, вместо меня, схватил один палец. Я же убежал домой, и вот с тех пор лежу в постели и ожидаю смерти.

(с. 23) Выслушал охотник рассказ Сокура Али и сказал:

— Я разыщу этого эмегена и отомщу ему и за тебя, и за твоих сыновей. Надеюсь, что сил, чтобы справиться с ним, у меня хватит.

Как его ни уговаривал Сокур Али отказаться от попытки бороться с эмегеном, охотник стоял на своем. Пошел он в лес и на опушке его увидел эмегена, пасущего коз. Глаз у него стал заживать и он начинал понемногу видеть. Увидал он охотника и весело вскричал:

— А, охотник, здравствуй! Куда идешь?

— Иду на охоту, — отвечал охотник, — не знаешь ли, где больше зверей?

— Как не знать?! знаю. Заходи ко мне в гости, а утром вместе пойдём на охоту.

— Хорошо, — согласился охотник и пошел с эмегеном к пещере.

Зарезал эмеген козла, зажарил и половину его отдал охотнику, а половину взял себе. К удивлению эмегена, охотник свою часть съел всю — и кусочка не оставил. Покрутил эмеген головой и ничего не сказал.

Гость и хозяин легли спать, а утром опять съели козла. Уходя пасти свое стадо, эмеген упросил охотника остаться на день в пещере, и завалил вход в пещеру скалой. Ушел эмеген, а охотник подошел к скале и без особого труда отвалил ее от входа и вышел из пещеры. Вечером, увидев возвращающегося домой эмегена, он вошел в пещеру, завалив за собою вход скалою. Пришел эмеген с огромным дубом, изломал его ногами, развел огонь и говорит:

— Ну, охотник, я тебя угощал, — угощай теперь ты меня!

— Хорошо, — согласился охотник, — носи воды, а тем временем я приготовлю тебе угощение.

(с. 24) Взял эмеген большой котел и пошел по воду, а охотник, выбрав самого жирного козла, зарезал его. Возвратился с водой эмеген, увидел своего козла зарезанным и принялся ругать охотника; охотник же, в свою очередь, принялся ругать эмегена. Началась у них ссора, которая затем перешла в драку. Схватились они бороться.

— Кидай меня! — сказал эмеген.

— Нет, ты кидай меня! — ответил охотник.

Эмеген, как ни папиргал свои силы, не мог сдвинуть его с места. Зато охотник сразу повалил эмегена на землю, выволок его из пещеры и всадил по самую шею в землю. Вытащил он кинжал и хотел отрубить ему голову.

— Постой, не убивай меня! — взмолился к нему эмеген. — Я знаю, что ты мстишь мне за Сокура Али и его сыновей; но я могу возвернуть их отцу. Только не убивай меня!

— Как же ты их возвертишь, когда ты сожрал их! — возразил охотник.

Эмеген ответил:

— Когда я их ел, то не разрывал на части, а глотал целиком. Они лежат в моем желудке целы и невредимы. Вот смотри!

И с этими словами эмеген принялся сильно рыгать. Из рта его один за другим выскочили все девять сыновей Сокура Али. Они потягивались и протирали глаза.

— Как мы сладко спали! — проговорили они.

— Вы вечно спали бы, если бы не я, — сказал охотник и рассказал им, как они попали в утробу эмегена.

— Теперь, — сказал эмеген охотнику, — подставь к моему рту большую чашку, — я изрыгну жир Сокура Али. А для того, чтобы Сокур Али выздоровел, растопи жир и смажь им все обожженные места его тела.

(с. 25) Охотник подставил ко рту эмегена чашу, в которую тот и изрыгнул жир Сокура Али.

— Ну, теперь говори, где у тебя спрятано золото! — спросил охотник.

— Под подстилкой из сена, на которой я спал, — ответил эмеген.

Зная из рассказа Сокура Али, что словам эмегена нельзя доверяться, охотник взял длинную палку и начал осторожно разгребать сено подстилки. Вдруг из-под сена взвился меч и перерубил палку.

— А! так ты вздумал еще обманывать меня! — вскричал охотник, замахиываясь на эмегена кинжалом.

— Постой! — остановил его эмеген. — Я знаю, что мне теперь не быть живому. Так возьми мой меч и им отруби мне голову, — вреда он тебе не причинит, потому что уже потерял свою прежнюю силу. Кинжалом же своим ты меня не убьешь.

Схватил охотник меч и отрубил им голову эмегену. Затем вместе с девятью сыновьями Сокура Али он нашел в пещере закопанным в земле много золота, оружия и возвратился в башню Сокура Али.

Больной отец несказанно обрадовался, увидев своих сыновей целыми и невредимыми, но не мог приподняться с постели, чтобы обнять их. Тогда охотник растопил жир и смазал им обожженное тело Сокура Али, и тот выздоровел.

— Я не знаю, как тебя благодарить за все, что ты сделал для меня, — сказал Сокур Али охотнику. — Вот у меня девять сыновей, будь ты десятым. У меня много баранты, коз, крупного рогатого скота и лошадей, — возьми себе половину их. Есть у меня единственная дочь, — возьми ее себе в жены. Теперь же слушай, что я тебе скажу. После того, как я убежал от эмегена, ночью, во время сна, я слышал голос, который сказал мне, что возвратит мне (с. 26) сыновей и вылечит меня только тот, кто победит эмегена. Победить же его, кроме одного охотника, никто не может.

А чтобы этот охотник прибыл в твой дом, — говорил мне этот голос, — пусть твоя дочь по моему слову, обратится в лань, и охотник убьет ее. Кто это мне говорил, я не знаю. Остальное же все тебе самому хорошо известно.

Взял охотник себе в жены дочь Сокура Али и остался жить с нею в башне.

Е. З. БАРАНОВ

1. ОЗЕРО ЧИРИК-КЁЛЬ * И ПРЕДАНИЕ О НЕМ

(с. 41) В Большой Кабарде, приблизительно верстах в тридцати от слободы Нальчик **, по дороге в Балкарское общество ***, на правом берегу реки Череха, с шумом и ревом несущегося по каменистому руслу, находится небольшое озеро, известное у горских татар под названием **Чирик-кёль** (Гнилое озеро), а у туристов и нальчикских слобожан — Голубого озера. Окружность его не велика, в ширину оно имеет около пятидесяти сажен, а в длину не более восьмидесяти. Вода в нем вечно темно-голубого цвета, холодная и на вкус с большою примесью серы, налетом которой покрыты камни ручья, вытекающего из него и впадающего в р. Черек; само же озеро не принимает в себя ни одного ручейка, а наполняется подземными ключами, бьющими, по-видимому, с большою силой. В ясный, безветренный день, когда поверхность озера находится в спокойном состоянии, т. е. не волнуется, с берега можно различать на дне его, на довольно значительной глубине, большие деревья с уцелевшими еще ветвями.

(с. 42) Чудное зрелище представляет из себя озеро Чирик-кёль в летний день; точно застывшая темно-голубая поверхность его, как рамкой, окаймленная зелеными берегами, отражает в себе и покрытые лесом вершины ближайших гор, и дикие, обнаженные утесы, и голубое небо с плывущими по нем тучками; путника очаровывает эта картина, и ему не хочется оторвать взора от нее. Красиво озеро

* В пятиверстной карте Кавказа оно названо «Чирик-гёль». — Ред.

** Большая Кабарда — Нальчикский округ Терской области. Сл. Нальчик — административный центр Б. Кабарды. — С о б.

*** Балкарское общество, вместе с обществами: Хулам, Безенги, Чегем и Урусбий и вновь образовавшимся селением Гунделен населено горскими татарами. Сравни. «Этнографическую карту» в XII в. «Сборника». — Ред.

и зимнею порой *, когда окружающая природа цепенеет под снежным покровом, а оно, вечно юное, точно улыбается суровой волшебнице-зиме. Водится ли в озере рыба, неизвестно, так как пока еще никому не удавалось ловить ее в нем; в ручье же, вытекающем из него, иногда встречаются экземпляры мелкой речной форели, которая, по всей вероятности, заходит сюда из р. Череха.

Сказать что-либо положительное о времени образования озера Чирик-кель трудно, так как оно, насколько известно, в геологическом отношении еще не исследовано учеными путешественниками, у горских же татар и их соседей, кабардинцев, на этот счет не существует ни преданий, ни легенд; с достоверностью можно сказать только то, что образовалось оно задолго до поселения жителей на территории, занимаемой ныне горскими обществами Кабарды. Происхождением своим озеро Чирик-кель обязано, надо полагать, действию вулканических сил, как и большая часть горных озер.

Странное, трудно объяснимое явление наблюдается на этом озере: ежегодно, в конце марта месяца, на поверхности его появляется в большом количестве овечья шерсть. Откуда она берется, является загадкой. Если допустить, что показывающаяся на озере шерсть — остаток шерсти после мойки ее, то, во-первых, озеро для этой операции, благодаря (с. 43) своей глубине и крутизне берегов, не представляет ни малейших удобств; во-вторых, горнякам нет никакого расчета спускаться с гор с шерстью к озеру за 15—20 верст, когда у них река находится вблизи аулов. Пастухи же с своей барантой никогда не останавливаются кошами около озера, так как местность вокруг него и пролегающая здесь проезжая дорога в Балкарию неудобны для этой цели, да, кроме того, пастухи питают к этому озеру чувство суеверного страха. Для объяснения этого странного явления скорее можно допустить, что шерсть появляется на поверхности озера от разлагающихся на дне его трупов баранты, которая, надо полагать, когда-то была загнана сюда бурей или снежною метелью и погибла в большом количестве. У горских же татар по этому поводу существует следующее предание.

Когда-то, очень много лет тому назад, в Балкарском обществе жил один человек, которого обижали все, кто только хотел: отняли у него единственный клочок земли, растащили все домашнее имущество: скот, одежду, котлы, так что у него, кроме пары овец, никакого другого имущества не осталось. Тогда этот человек подумал: «Если я останусь еще жить в обществе, то у меня отнимут и последнюю пару овец; нужно уходить отсюда». И он ночью спустился с гор к озеру Чирик-кель, где построил себе балаган и стал пастись свою пару овец. Он никак не мог позабыть обиды, причиненной ему жителями Балкарского общества, и часто, сидя на берегу озера, роптал на свою несчастную судьбу. Однажды, когда, по обыкновению, он пе-

* Озеро замерзает у берегов только в суровую зиму. — С о б.

чались о своей незавидной доле, к нему явился горный дух и сказал:

— Оставь свою печаль! Я знаю, что ты много перенес от людей горя, но за свое терпенье ты будешь вознагражден. Только, смотри, не удивляйся и не рассказывай (с. 44) никому о том, что ты будешь видеть на берегу озера. Затем, то, что здесь будет происходить, должен видеть один человек, но не два и не три вместе.

Сказав это, горный дух исчез. А человек до самого вечера сидел на берегу озера и размышлял о словах духа. Настала ночь; человек развел костер и лег около него спать. Просыпается он в полночь и видит, что из озера Чирик-кель вышел баран: шерсть у него была золотая и блестела, как солнце. Начал этот баран пастись и играть с двумя овцами бедного горца, а затем обратно ушел в озеро. Весною каждая овца окотила по две ярки. Баран с золотой шерстью появлялся из озера каждый год летом, а на следующий год весною все овцы приносили по две ярки, и, таким образом, в течение многих лет у пастуха расплодилось столько овец, что он давно потерял им счет.

Скучно ему стало жить в одиночестве, и он нанял себе пастуха из жителей Балкарского общества, причем предупредил его, чтобы тот по ночам, когда проснется, не смотрел на озеро, а если что и увидит среди овец необыкновенного, то не шумел бы и не будил его, хозяина.

Пастух обещал в точности исполнять это приказание, но в первую же ночь, проснувшись и увидев среди овец барана с золотой шерстью, испугался и принялся будить хозяина. Тот, хотя и проснулся, но не поднимал головы и не смотрел на овец. Наконец, когда пастух очень настоятельно стал упрашивать его взглянуть на то, что происходило в стаде овец, он не вытерпел. И в тот же миг баран с золотой шерстью бросился в озеро, а вслед за ним шарахнулось туда и все стадо овец и погибло.

И стал горец еще беднее, чем был раньше. (с. 45) Шерсть же погибшего стада каждый год весною выплывает на поверхность озера, а с наступлением лета исчезает до весны следующего года.

Из предисловия Л. Г. Лопатинского к СМОМПК, 34;
с. III—IV.

«...Горско-татарское предание об **«Илячин-Кае»**, переданное в несколько другой редакции и под другим заглавием Шорой Бекмурзин-Ногмовым в его «Истории адыгейского народа», по своим мотивам совпадает с кабардинским (с. III) преданием о Редде¹ и только расходится с ним в некоторых подробностях. Отсутствует в ней одна очень важная деталь: в сравниваемой сказке народ приветствует богатырку восклицанием «Оу, Редад», которое служит в натухайской свадебной песне припевом².

Сказка **«Глупому человеку не впрок и богатство»** хотя и не оригинальна по своему замыслу, но отличается от других подходящих по содержанию сказок следующим мотивом: нищий, роптавший на бога, получает в дар драгоценный камень, но по своей глупости не знает, что с ним делать, и разбивает его вдребезги. Таким образом, богатство не далось ему в руки, хотя было близко от него.

Сказка **«Эфенди и купец»** развивает тему о том, что за богом доброе дело не пропадет и что добродетельных людей ждет награда на том свете. В этой сказке заслуживают внимания картины рая и ада, не вполне подходящие к представлениям мусульман.

¹ Сборн. мат., вып. XII, с. 65.

² Сборн. мат., вып. XXV, отд. III, с. 93.

ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ И СКАЗКИ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

ИЛЯЧИН-КАЯ *

Горско-татарское предание

(с. 7) В Большой Кабарде (Нальчикского округа, Терской области) по дороге в горско-татарское селение **Чижок-Кабак-Оргун** (Чегемского общества), над глубокою, обрывистой балкой, возвышается очень высокая скала, носящая на языке горских татар название «**Илячин-кая**», т. е. в переводе на русский язык — «Скала Илячин» (последнее слово означает женское имя). Влево от этой скалы, по направлению к реке Чегему, расстилается равнина, которая лет 250 тому назад ** была занята кабардинским аулом **Хапажей**, принадлежавшим одному из владетельных князей Кабарды того времени, **Хапажеву**. В настоящее (с. 8) время не существует и признака этого аула, а последний из представителей князей Хапажевых был убит 50 лет тому назад одним из князей Наврузовых. Название же скалы связано с одним из эпизодов борьбы кабардинского народа с крымскими ханами, неоднократно вторгавшимися со своими полчищами в Кабарду. Само собою разумеется, что рассказ об этом эпизоде, переходя в устную передачу у горских татар из поколения в поколение, изукрасился народной фантазией и принял характер легенды, содержание которой следующее.

* В «Истории адыгейского народа, составленной по преданиям кабардинцев» Шора Бекмурзин Ногмовым, дополненной предисловием и исправленной сыном его Е.-Ш. Б. Ногмовым (Пятигорск, 1893, изд. 3-е, 1861 г.), это событие, озаглавленное: «Предание о нашествии Китай-хана на Кабарду» (см. с. 33—55), изложено иначе, чем записанное нами. — С о б.

** Ш. Б. Ногмов полагал бы отнести это событие ко времени XIII века, но предпочел закончить им изустные предания (с. 55) своей историей, т. е. относит его к циклу тех народных сказаний, в которых легендарный элемент преобладает над историческими фактами и время происхождения которых с точностью установить невозможно. — С о б.

Когда в Кабарду вторгся крымский хан * со своим громадным войском, то раньше подступил к аулу Хапажей и расположился в виду его большим станом, который окружил каменной стеной. Вечером, в день прибытия войска хана, жители аула Хапажей были встревожены страшным ревом, напоминавшим рев нескольких буйволов и несшимся из ханского стана.

Князь Хапажев послал своих приближенных людей в стан узнать, какие это люди прибыли к аулу и что им надо от него. Посланные, возвратившись, передали князю, что дикий рев, так встревоживший жителей аула, — рев великана-калмыка, который прибыл вместе с войском крымского хана. Хан приказал передать посланным своему князю следующее: хан вызывает князя на борьбу, а чтобы не губить в ней народ, он предлагает решить ее состязанием между его великаном-калмыком и самым сильным и храбрым из витязей князя. Если будет побежден ханский великан, то хан отступит со своим войском от аула и оставит его в покое, а в противном случае хан наложит на аул большую дань и возьмет из него всех красивых (с. 9) девушек и молодых джигитов, которых, вместе с князем, обратит в своих рабов.

Князь передал предложение хана почетным старикам из народа, а те посоветовали князю попросить у хана три дня срока, чтобы обдумать, какое решение ему принять. Посланные князя опять пошли к хану и передали ему просьбу князя. Хан согласился исполнить ее.

Собрались у князя почетные старики и решили, что с ханским великаном состязаться может только один молодой человек, по имени Хату **. Последний был хотя и не особенно большого роста, но силу имел необыкновенную: одной рукой поднимал буйвола. Отец Хату находился в числе почетных стариков, и князь приказал ему передать своему сыну, чтобы тот через три дня был готов выступить на борьбу с великаном хана.

Пришел старик домой и, не желая при жене Хату, молодой жещине Илячин ***, передавать сыну приказание князя, вызвал его на двор. Выслушал Хату отца своего, нахмурился и задумался крепко: не видя еще великана ханского, он заранее испугался его. Старик понял его и пал совершенно духом.

Мрачный и задумчивый, хоронился он от людей и уже оплакивал гибель своего сына, а вместе с ним и гибель родного аула.

Истекал трехдневный срок. На следующий день должно было состояться единоборство.

Целый день просидел в сакле старик и словом ни с кем не пере-

* Имя хана в народе не сохранилось. Кабардинский историк Ш. Б. Ногмов называет его Китай-ханом. — Соб.

** У Ш. Б. Ногмова — Кайсын. — С о б и р а т е л ь.

*** Там же женщина, по имени Лашинкай, была избрана всеми кабардинцами из черного (простого) народа. — С о б и р а т е л ь.

молвился, а как настал вечер, он пошел под сарай и лег там на куче сена.

(с. 10) Пришли из стада буйволицы, и красивая Илячин вышла с ведром доить их.

Видит старик, что одна буйволица стоит беспокойно, брыкается и не дается доить. Рассердилась Илячин, схватила буйволицу за спину и перебросила через плетень сарая, а потом, выйдя со двора, взяла ее на плечо, поставила около сарая и принялась доить, как ни в чем не бывало.

Удивился старик силе своей снохи и пожалел, что бог не наградил ею Хату.

Пришел он в саклю; пришел туда же и сын его, и оба сидят сумрачные и до ужина, который приготовила им Илячин, не притрагиваются.

Удивилась Илячин и спрашивает их:

— Скажите, что случилось с вами; вот уже три дня, я замечаю, вы оба скучные, молчаливые, избегаете говорить друг с другом.

Хату отвечал:

— Не дело женщины вмешиваться в дела мужчин. Ты знай своих буйволиц да ребенка, расспрашивать нас тебе не о чем.

Тогда отец Хату перебил сына:

— Когда дело касается нашей жизни и смерти, то о нем должна знать и женщина, — сказал он и сообщил спохе о предстоящем единоборстве ее мужа с великаном.

Усмехнулась Илячин, но посоветовала отцу и мужу кушать ужин и ложиться спать, а выступить в борьбу с великаном предоставить ей.

Отец с сыном, после некоторого раздумья, согласились. Утром Илячин надела мужской костюм и вместе с мужем, отцом, князем и массой кабардинских воинов прибыла в стап хана.

(с. 11) Там, перед шатром хана, на расчищенном месте похаживал великан-калмык и, оскорбляя кабардинцев, вызывал их силача.

Взоры кабардинцев устремились на Хату; тогда отец его, толкнув вперед Илячин, сказал:

— Если ты действительно силач, то сумей побороть этого мальчика, а со взрослыми мужчинами тебе будет не под силу бороться.

Захохотал калмык, и от хохота земля задрожала. Кинулся было он на Илячин, чтобы смять и исковеркать ее, но сколько ни напрягал сил, не мог и с места ее сдвинуть.

Тогда Илячин, уловив удобную минуту, схватила калмыка одной рукой за шею, а другой за ногу, высоко подняла над своей головой, понесла и бросила его со скалы. Упал с высоты калмык, и тело его огромное разлетелось вдребезги.

Хан оцепенел от ужаса, а Хату подвел к нему Илячин и сказал:

— Смотри, хан, это не мужчина, а женщина.

И он приказал жене обнажить свои груди и показать хану.

Хан, убедившись, что перед ним стоит женщина, подумал, что если у кабардинцев женщины отличаются такой необыкновенной силой, то что же тогда сказать о их мужчинах?

Поспешно собрал он свое войско и удалился с ним от аула Хапажей, а затем и из пределов Кабарды. Сильно удивился князь силе Илячин, удивился и весь народ. Князь спросил Илячин, какой она награды желает за свой подвиг, и предлагал ей богатые женские наряды, стада рогатого скота и табуны лошадей. Но Илячин отказалась от этих подарков и просила у князя только (с. 12) одного — назвать ее именем скалу, с которой она сбросила калмыка. Князь согласился, и с тех пор скала носит имя Илячин*.

Записано в Нальчикском округе со слов жителя Чегемского общества.

2. ГЛУПОМУ ЧЕЛОВЕКУ НЕ ВПРОК И БОГАТСТВО

Горско-татарская сказка

Жили в ауле два брата. Один из них, умный, смысленный человек, хорошо понимал, что пока молодость не прошла, надо трудиться, наживать имущество, чтобы старость не была страшна. И потому, горячо принявшись за работу, он так умно повел свои дела, что через несколько лет нажил большие деньги и разбогател.

Другой же брат был придурковатый, все возился с женою своею, а за хозяйством не очень-то любил досматривать.

— А! — говорил он, — на что мне много? Был бы сыт каждый день да имел молодую, красивую жену, и больше ничего не надо!

И жена его так же рассуждала.

— Был бы муж молодой да кусок кыржына**, а все остальное лишнее и без него можно век прожить!

И пока были молоды муж и жена и детей они не имели, жилось им весело, ни о чем они не думали и в будущее не заглядывали.

(с. 13) А когда пошли у них дети, подкралась незаметно старость и успели они друг другу порядком надоесть, то и начало паходить на них раздумье: что-то впереди ожидает их?

Нужда не ждет, каждый день стучится в двери сакли: того нет, другого не хватает, а взять негде! Работать ни муж, ни жена особенно не привыкли, а даром люди не каждый день накормят.

Вот и повадился бедный похаживать к богатому брату. Придет,

* У Ш. Б. Ногмова местность, где происходило единоборство, названа Лашинской. Не трудно догадаться, что Лашинской есть испорченное кабардинцами горско-татарское Илячин-Кая — скала Илячин. — С о б и р а т е л ь. (Илячин кая — соколиная скала. — Ред.)

** Кыржын — лепешки, выпеченные в горячей золе из ячменной или кукурузной муки (С о б.). (Правильно: гыржыч, их пекут не только в золе, но и на сковородке. — А. А.)

разохается, расплатится на свою бедность и просит у него то денег, то муки, по барашка...

Давал богатый, не отказывал, да и уморился.

— Что же это такое? — сказал он бедному, — я работаю, тружусь, а ты ничего не делаешь и моим трудом кормишься. И не стыдно тебе?

— Не стыдно, — отвечает бедный, — я привык к беспечной жизни.

— А! — рассердился богатый, — ежели так, то пошел вон от меня!

Пошел бедный и принялся людей ругать за то, что они несправедливы к нему. Ругал-ругал — надоело. Вспомнил он потом бога — начал и его укорять:

— Другим ты даешь и богатство, и славу, и счастливую жизнь, а мне — ничего. Чем я хуже других? Разве это справедливо?

И только он успел проговорить эти слова, как поднялся ветер, нагнал тучу черную, и туча эта закутала собою бедного. И слышался из тучи голос:

— Человек! Напрасно ты ропщешь на великого бога: ты сам виноват, что не сумел устроить жизнь свою счастливо. Ты — глупец и не можешь понять, в чем заключается счастье.

— А в чем оно? — спросил бедный.

(с. 14) — В честном труде, — отвечал голос из тучи.

Замотал головой бедный и говорит:

— Что труд! Сколько ни трудись, а все счастья не увидишь! Вот если бы бог дал мне средство сразу разбогатеть, тогда бы я понял счастье. Я не глупее других, к которым бог так милостиво относится.

— Ну, хорошо, — сказал голос из тучи, — протяни руку вперед!

Бедный так и сделал, и в ту же минуту почувствовал, что какой-то тяжелый предмет упал в его ладонь.

— Смотри, — сказал тот же голос, — в том, что ты держишь в руке, и заключается целое богатство, которого хватит тебе и твоим детям, если только ты сумеешь разумно воспользоваться средством к богатству.

Поднялся опять ветер, туча унеслась далеко-далеко и рассеялась в воздухе.

Глянул бедный в руку свою, видит — лежит в ней какая-то диковинная вещь: по форме похожа на яйцо куриное, тверда как камень и очень тяжела, а сама то горит огнем, то золотом и серебром отливает, то светит солнцем.

Удивился бедный и никак понять не может, что это за средство такое к богатству бог ему послал.

Пришел он домой, рассказал жене, что случилось с ним недавно, и показывает ей диковинную вещь.

Посмотрела жена на нее и в руках подержала.

— Это, — говорит, — драгоценный камень, брильянтом называется.

— Ага! — закричал, обрадовавшись, бедный, — теперь-то я понял, что средство к богатству в середине этого яичка лежит! Постой же, я живо достану его!

Схватил он молоток, положил брильянт на камень.

(с. 15) Жена и ахнуть не успела, как он изо всей силы молотком по брильянту хватил.

Огненными брызгами разлетелся брильянт, и в ту же минуту налетела туча черная и голос из нее сказал бедному только одно слово:

— Дурак!

Туча унеслась, а бедный стоял с разинутым ртом и ничего не понимал.

Записана в Нальчикском округе Терской области.

3. ЭФЕНДИ И КУПЕЦ

Горско-татарская сказка

Происходило это очень давно и не в нашей стране, а в турецкой.

Жили в одном селении два родных брата: один из них занимался хлебопашеством, а другой учился, чтобы потом стать эфенди *. Пришло время, сделался второй брат эфенди и место получил при мечети в городе, лежащем поблизости родного селения. В городе всех дворов насчитывалось 9 тысяч, и каждый двор платил эфенди в год по одному серебряному рублю, да от казны получал он 9 т. серебряных рублей. И зажил богато эфенди, а через несколько лет и состояние большое приобрел; женился и роскошные хоромы построил себе.

Брат же, хлебопашец, жил бедно, а когда семья его возросла до девяти душ, то с трудом сводил концы с концами: хлеба едва хватало до нового урожая, а одежду приходилось носить старую и рваную — не за что было новой приобрести.

Приближался праздник байрам, и по закону магометанскому каждый домо- (с. 116) хозяин должен был зарезать барана или быка и мясо их раздать нуждающимся беднякам. У бедняка же не было не только ни барана, ни быка, но семья его не имела приличной одежды, в которой не стыдно было бы показаться в народ.

Затужил-задумался бедняк, не зная, как помочь своей беде. Тогда его жена посоветовала ему сходить к брату-эфенди и попросить у него помощи. Собрался бедняк и пошел в город к брату. Разыскал его роскошно построенный дом, а там и самого эфенди увидел. Поздоровался с ним, рассказал о своем бедственном положении и по-

* Эфенди — в Турции чиповник, ученый, в данном случае употребляется, как звание духовной особы — муллы. — С о б и р а т е л ь.

просил помочь ему одеждой ли старой или барашком самым плохим.

Поморщился эфенди, вздохнул и говорит, что он сам последнюю одежду donaшивает: новой никак не соберется сшить; барашка же он сам давно не кушал; что же касается денег, то он еще не получал жалованья, и теперь у него в доме даже медной монеты не найдется.

Заплакал бедняк от обиды и пошел домой.

Идет он степью и видит — в стороне от дороги стоит огромный обоз; шестьдесят подвод, нагруженных товаром, насчитал он. Волы отпряженные пасутся, подводчики варят себе обед, а в стороне от них, на разостланном по траве ковре, сидит хозяин обоза, богатый торговец-армянин из того самого города, в котором проживал и эфенди. Сидит армянин, кофе горячий попивает и кальян душистый покуривает. Хотел было пройти мимо бедняк, да слышит — зовет его торговец.

Подошел он к нему и спрашивает, зачем он позвал его и что ему надо от него.

— Да вот, — говорит торговец, — вижу — ты идешь по дороге, голову вниз опустил, и лицо у тебя грустное, печальное. Скажи, какое горе тяготит твою душу?

(с. 17) Отвечал бедняк:

— Пусть богу известно будет мое горе, а людям знать его не к чему!

Сказал и быстро зашагал прочь от торговца.

Жаль стало армянину бедного человека и приказал он подводчикам воротить его к себе. Те догнали бедняка, привели к армянину.

— Добрый человек, — говорит ему армянин, — я вижу, что ты очень беден. У тебя, наверное, большое семейство, и ты не в силах прокормить его, одеть-обуть. Я знаю, как тяжело бедным людям жить на свете... Видишь, сколько подвод с товаром стоит — возьми из них любую половину; я тебе дарю ее.

А бедняк по-своему понял слова армянина: насмехается он над его бедностью.

Заплакал он горько и сказал:

— Что я тебе сделал худого, что ты издеваешься над моим беспомощным положением?

И опять побежал он по дороге в свое селение.

Тогда приказал армянин запрячь волов в тридцать подвод и везти товар вслед за бедным человеком, сложить его у него во дворе и возвращаться обратно. Подводчики так и сделали. Приехали с подводами в селение и видят — сидит бедняк около своей полуразвалившейся сакли, вокруг которой и двора огороженного не было.

Начали они было сваливать около сакли товары, да бедняк не хотел их принимать.

Не слушались его подводчики, свалили товар и, отправляясь в обратный путь, сказали:

— Разживайся, хороший человек, с хозяйского подарка.

Дождался армянин подводчиков, собрался ехать в город, а как приехал, рассчитался с ними, поужинал (с. 18) и лег спать. Закрыв глаза и тотчас крепко заснул. И приснился ему чудный сон: видит он, что подошел к нему какой-то благообразный хаджи * и взял его за руку.

— Пойдем! — говорил он, — я тебе покажу кое-что, чего ты в жизни своей не видывал никогда.

Привел хаджи армянина к мрачному отверстию в земле и по ступенькам начал спускаться вниз. Долго они шли, наконец остановились. Оглянулся кругом армянин, видит — в подземелье он находится. Впереди перед ним огромное озеро стояло, состоящее из воды, смолы и огня. Озеро все кипело, а в нем, корчась в страшных мучениях и оглашая окрестности подземелья надрывающими душу стонами и диким завыванием, плавали люди. Тела их горели в огне, варились в кипящей смоле и воде, но не уничтожались, и люди в отчаянии и тоске зывали к смерти. Смерд такой ужасный поднимался от озера, что армянин задохнуться начал.

— Видишь, — сказал ему хаджи, — как мучаются люди, которые ради денег и наживы всю жизнь живут обманами и грабительством и которые, наживая громадное богатство, самой ничтожной части не уделяя из него нищим, убогим, обездоленным. Это место и тебе уготовлено было, потому что ты так же, занимаясь торговлей, грабил людей. Но вчера ты сделал доброе дело, и бог освободил тебя от вечных мучений джаханима (ада). — Потом повел хаджи армянина дальше.

Подошли они к высокой каменной стене, в которой были пробиты ворота, а около них стояли два лучезарных (с. 19) мужа с огненными мечами. Пропустили они в ворота хаджи и армянина. Оглянулся армянин и поразился невиданным чудом: кругом расстился огромный, тенистый сад, наполненный деревьями и цветами. На деревьях висели спелые, сочные плоды; птицы порхали по ветвям и пели; цветы благоухали; на полянках били фонтаны и в шуме падающих капель воды слышалась такая музыка, какой армянин ни разу не слышал. В роскошных белоснежных одеждах гуляли по саду люди — молодые, старые мужчины, женщины; срывали с деревьев плоды, лакомились ими и наслаждались музыкой.

— Видишь, — говорит хаджи армянину, — как хорошо здесь! Сюда попадают только те, которые делают при жизни добро людям,

* Хаджи — магометанин, совершивший паломничество в Мекку для поклонения гробу Магомета, хаджи присвоена особая верхняя одежда — нечто в роде широкой рясы, по преимуществу яркого цвета, шапка на голове обматывается чалмой. Хаджи в аулах пользуются особым почетом. — С о б.

не различая их вероисповедания: будут ли они мусульмане, христиане или язычники, ибо перед богом все люди равны. И ты попадешь сюда, если будешь продолжать делать такое хорошее дело, какое сделал вчера.

Хаджи исчез, а армянин проснулся и после некоторого размышления понял, что бог послал ему откровение о том, как надо жить человеку, чтобы избавиться от вечных мучений в загробной жизни.

В ту же ночь лег спать и эфенди. Но не спалось ему, и он, ворочаясь с боку на бок, думал о том, как бы приумножить свое богатство. И только к утру нашел на него сон. И пришел к нему во сне хаджи, взял его за руку и повел в рай.

— Это место, — сказал хаджи, — ожидало тебя. Ты учил людей, как надо жить по закону правды божьей. И у тебя все хорошо вышло, пока ты не переходил от слов к делу, а как перешел, то и оказалось, что ты — лжец и обманщик: людей учишь поступать во всем согласно учению пророка, а сам того не делаешь...

Испугался эфенди и спрашивает:

(с. 20) — Что же я дурного сделал?

— Ты еще спрашиваешь! — воскликнул разгневанный хаджи, — а разве то, что ты сделал со своим братом вчера, не дурное дело?

— Смотри! — сказал потом хаджи, поворачивая эфенди в сторону.

Глянул эфенди и увидел богато убранные комнаты, а в них самого себя, с четками в руках, важно восседающего на расшитых шелком подушках. Перед ним стоял брат-бедняк и просил о помощи. И услышал эфенди голос брата своего, полный страдания и скорби. Потом он увидел свое лицо, нахмурившееся от досады, и услышал свои слова лживые. После развернулась перед эфенди вся картина, как брат его шел по стени и плакал, как встретил он армянина и как тот помог ему.

— Видел? — спросил хаджи эфенди, поворачивая его опять в сторону рая.

— Видел! — отвечал эфенди дрожащим голосом, и душа замерла у него от страха.

— Скажи теперь, — продолжал хаджи, — можешь ли ты называться истинным учителем народа?

Эфенди молчал.

— Нет, конечно, — сказал хаджи; — ты лицемер: ты учишь людей любить друг друга, а сам ненавидишь их. Ты и писание пророка изучил не потому, что жаждал знать правду божью, а потому, что хотел людей обманывать. Ты о себе только и заботишься, а весь люд нужен тебе, как рабы. Но зато ты и получишь после смерти своей награду, которую вполне заслужил. Место же твое в раю займет тот самый армянин, который помощь оказал твоему брату. Идем! — и привел хаджи эфенди в ад и сказал: (с. 21) — Вот место, которое приготовлено для тебя твоими делами...

Ужаснулся эфенди, вскрикнул диким голосом и проснулся. Стал он жене рассказывать про свой сон, а та ему говорит:

— Знаешь что? Пойди ты в селение к брату своему и узнай, на какую сумму подарил ему армянин товара. Потом зайди к армянину и купи у него этот товар, но дай за него дороже, чем он стоит. Товар же пусть останется в пользовании твоего брата. Если армянин согласится принять от тебя деньги на таких условиях, то, значит, вместе с тем он продаст тебе и свое место в раю.

Похвалил эфенди свою жену за сметливость, встал, оделся и пошел в селение к брату.

Осмотрел он товар, и оказалось, что его было на десять тысяч серебряных рублей. Потом возвратился в город, зашел в лавку к армянину.

— Здравствуй, купец! Помоги бог тебе торговать!

— Здравствуй, эфенди! Спасибо на добром пожелании, — отвечал армянин, а сам думает, зачем это пожаловал к нему такой важный человек.

— Ходил гулять я в селение, — продолжал эфенди: — знаешь, купец, трудно нашему брату вечно сидеть над книгами, изучать закоп божий... Хочется иной раз отдохнуть, свежим воздухом подышать. Не правда ли?

— Да, это правда. Свежий воздух для ученых людей необходим, — согласился армянин, а сам по-прежнему думает: «Эх, неспроста ко мне этот книгоед!»

— Сразу видно умного, понимающего человека, — похвалил эфенди купца; — да так вот гулял я и зашел к своему брату... Он там в селении живет, занимается хлебопашеством... Давно не видел я его, думал, (с. 22) что он умер, но оказалось, он жив, хотя и живет в великой бедности. Ко мне он почему-то стыдился прийти. Я, конечно, оказал бы ему помощь. Но, слава великому аллаху и его пророку, на свете еще не перевелись добродетельные люди. Я узнал, что ты подарил моему брату часть своего имущества — рублей тысяч на десять его будет. Хорошее ты дело сделал, купец, за что я призываю благословение Аллаха на тебя и твое семейство. Но в то же время, согласишься сам, благородный человек, мне неловко, чтобы посторонние люди оказывали брату моему помощь. Обидно, знаешь. Да потом пойдет народная молва, и меня осуждать будут за скупость. И я придумал вот что: подаренный тобою брату товар стоит десять тысяч рублей: возьми за него двенадцать тысяч, и пусть он по-прежнему остается у брата. Мне хочется, с одной стороны, достойным образом отблагодарить тебя, а с другой — быть участником в твоём добром деле.

Армянин внимательно слушал разглагольствования эфенди и сразу сообразил, ради чего он так расщедрился. Засмеялся армянин и говорит:

— Правда, ты ученый, умный человек, но ведь я же не дурак

и понимаю, что для человека выгоднее лишиться части своего имущества, нежели из-за него подвергаться мучениям вековечным. Иди-ка ты, эфенди, поищи людей поглупее меня, чтобы провести их своим красноречием, я же сам мастер, кому нужно, заговаривать зубы.

И пошел эфенди от армянина и голову повесил на грудь. И с этого дня захворал он: все тело его покрылось зловонными струпьями. Напрасно он призывал самых знаменитых врачей, не помогли они ему. Зловоние же от струпьев было такое ужасное, что народ, во избежание заразы, решил изгнать эфенди из города. И пошел (с. 23) он скитаться по диким местам, как зверь лесной. Скитался год, скитался другой, пока не попал на то отверстие, которое ведет по дороге в ад. Только эфенди заглянул в это отверстие, как из него выскочили шайтаны, сгребли его и поволокли в подземелье и бросили там в кипящее озеро.

Записана в Нальчикском округе Терской области.

(«Терский сборник» — литературно-научное приложение к «Терскому Календарю», 1904 г., вып. VI. Владикавказ, 1903, с. 249—334).

Н. П. ТУЛЬЧИНСКИЙ

**ПОЭМЫ, ЛЕГЕНДЫ, ПЕСНИ, СКАЗКИ
И ПОСЛОВИЦЫ ГОРСКИХ ТАТАР
НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ**

КАНШАУ-БИЙ*

(Поэма)

(с. 249) Темою, вдохновившею горского певца, воспевшего героя поэмы в весьма стройных и рифмованных стихах, послужил следующий рассказ, который считаю нужным привести здесь, без чего сама поэма будет мало понятна для читателей.

Герой поэмы Каншау-бий принадлежал к фамилии первостатейных карачаевских узденей Крымшамхаловых, ныне живущих в Кубанской области, Баталпашинского отдела, в селении Карт-Джурт, расположенном в верховьях р. Кубани.

По преданиям горцев и сохранившимся памятникам достоверно известно, что Баксанское ущелье Нальчикского округа, начиная от нынешнего поселка Гижгита (жители этого поселка — потомки карачаевцев) вплоть до верховьев р. Баксана, когда-то было населено карачаевцами.

В то время, к которому относится поэма «Каншау-бий», Крымшамхаловы жили в ауле Эль-Джурт, существующем по настоящее время (этот отселок состоит из нескольких сакель) и расположенном у подножья скал, на левой стороне р. Баксана, в 5—6 верстах выше селения Куркужана. В поэме это селение названо «Тар-ауз»¹, что значит по-горски узкий проход, рот.

По преданию карачаевцев, родоначальником Крымшамхаловых был Бекмурза, у которого было четыре сына: Эльбуздук, Камгут, Каншау-бий — герой поэмы и Гилястан. В молодости, по обычаю того времени, второй сын Бекмурзы Камгут воспитывался в Кабарде у князей Бибертовых. В доме Бибертовых Камгут был пленен необыкновенной красотой малолетней дочери своих воспитателей по (с. 250)

* Поэма «Каншау-бий» заимствована из тетради Науруза Исмаиловича Урусбиева.

¹ Правильно: Тар-аууз. — Р е д.

имени Гошиах, которую он во что бы то ни стало решил похитить, вырастить, а потом жениться на ней. Преследуя такую мысль, Камгут стал придумывать способ к тайному увозу малолетней красавицы. Случай этот скоро представился.

Камгут был славный и неустрашимый наездник и у князей Бибертовых занимался выездкою неуков-лошадей.

Прежде всего Камгут исподволь приучал к себе маленькую Гошиах: он стал часто возить ее на прогулки, сажая ее впереди себя на лошади. В одну из таких прогулок Камгут на хорошо выезженной лошади вместе с Гошиах умчался к себе, в аул Эль-Джурт. Здесь до времени женитьбы на Гошиах, чтобы скрыть ее от взоров посторонних и братьев и от поисков родителей, Камгут устраивает хижину в земле, куда помещает свою красавицу, отдавши ее на попечение одной старушки.

Такое положение длится несколько лет. Камгут стал славен, его доблести прогремели по всей окрестности, а Гошиах расцвела в пышную розу. Тут бы только пожелать счастья молодым людям, но к крайнему прискорбию Камгуту не пришлось осуществить свои заветные желания. Бог рассудил иначе: Камгут сделался жертвой свирепствовавшей в то время в горах черной оспы.

После смерти Камгута тайна его стала известна Каншау-бию. Он также прельстился необыкновенной красотой Гошиах и, вопреки обычаю, по которому она должна была выйти замуж за старшего брата, сам женился на ней. Но неумолимый рок и тут зло надсмехался над несчастной красавицей. Этот брак, совершенный по взаимной любви, причинил обоим супругам неизъяснимые страдания, которые прекратились только с их смертью. Эти злосчастья вытекали из следующих обстоятельств.

Каншау-бий был молочным братом одного из кабардинских князей Атажукиных, который страстно полюбил его и который пользовался такою же любовью и со стороны Каншау. Молочное родство и взаимная любовь тесно сблизили молодых людей, ставших почти неразлучными. Отсюда вытекало то, что Каншау бывал очень часто в доме князя Атажукина, где также подружился с женою своего молочного брата. Эта женщина и является злым гением всей жизни Каншау и его жены Гошиах.

Заботливая природа обильно наделила Каншау-бия самыми прекрасными душевными и физическими качествами: он был умен, храбр, честен, необыкновенный красавец, он отличался высоким ростом, плечистостью, стройностью и чрезвычайно тонкой талией. Рассказывают, что когда Каншау лежал на боку, то в промежуток между талией и местом лежания свободно проходил кот; между ступней и полом свободно проходил дышлонок; длина рук его была такова, что он, не нагибаясь, завязывал ремни своих ноговиц. Немудрено, что обладатель таких физических и духовных качеств помимо своей воли легко пленил сердце коварной жены князя Атажукина; она

признается в пламенной к нему любви и настаивает на частых свиданиях. Честный Каншау, как «рыцарь без (с. 251) страха и упрека», как библейский Иосиф, с негодованием отвергает эту незаконную любовь, он горячо упрекает ее в разврате и просит вернуться к святым обязанностям супруги.

Оскорбленная и уязвленная в своих заветных чувствах и вожде-лениях, княгиня Атажукина задумала жестоко отомстить непокорному и неподатливому другу.

Улучив удобную минуту, княгиня жалуется мужу, что Каншаубий, забыв молочное родство, дружбу и любовь всего княжеского дома, хотел обесчестить ее. Но эта жалоба не имела успеха: князь, вполне веря в неподкупную честность своего молочного брата, не поверил жене. Тогда она прибегает к более верному способу мести — к отраве.

Однако, несмотря на такой резкий разлад между Каншау и княгиней, он все-таки не переставал посещать княжеский дом. Между тем, задумав во что бы то ни стало погубить Каншау, жена кабардинского Пентефрия однажды, в ожидании его приезда, приказала наварить пива и приготовить угощение. Когда Каншау приехал, княгиня необыкновенно ласково приняла его и после обычных приветствий стала не в меру радушно угощать. Во время угощения княгиня незаметным образом всыпала в чинак² с пивом ослиный мозг и какое-то зелье и эту чашу она поднесла Каншау с убедительной просьбой выпить. Проницательный Каншау с самого момента своего появления в доме сразу сообразил, что радушие хозяйки есть не что иное, как замаскированная интрига, и что теперь подносимая чаша с пивом включает в себе нечто пагубное, но памятуя девиз своего народа: «Лучше умереть, чем казаться в глазах женщины трусом и малодушным», взял чашу и выпил пиво до дна. Почуввав посторонний, неприятный вкус, Каншау уже не сомневался, что он отравлен; тогда он разбивает чашу о пол со словами: «да переведется весь род Атажукиных подобно сей разбитой чаше, которая теперь не чаша дружбы, а чаша коварства и злобы». С этими словами Каншау покидает княжеский двор навсегда.

Вскоре после выпитого зелья Каншау заболевает какой-то никому неведомой болезнью, симптомы которой выразились в том, что у него начали гнить конечности и выпадать волосы. Застигнутый таким неожиданным несчастьем, Каншау серьезно призадумался и стал искать средства облегчить свою участь. Но так как в своем крае не было никого, кто бы мог помочь, то он решил отправиться в Персию. Из поэмы видно, что Каншау поселился в Шемахе.

В Шемахе судьба сталкивает Каншау с одной старухой-персианкой, которая взялась его вылечить, по цене его личной дорогой свободы, или попросту сказать на условиях женитьбы на ней. Перед

² Деревянная чашка.

умственными взорами Каншау предстала дилемма: не согласиться на своеобразные условия старухи — значит заживо сгнить и тем обречь себя на тяжкую и мучительную смерть; согласиться — значит продать свою свободу и навсегда распрощаться с родиной, милой женой и дорогими детьми. Но в последнем случае все-таки проглядывал (с. 252) слабый луч надежды: авось-де старая беззубая женщина скоро умрет и тогда он опять свободен. Таким образом, из двух зол Каншау выбрал меньшее: он принял условие старухи.

Через месяц Каншау совершенно выздоровел и уже состоял в качестве мужа противной старухи.

Однако возвращение здоровья, купленного такой дорогой ценой, не могло дать спокойствия Каншау. Он умственным взором, где бы он ни находился, в поле, дома, в одиночестве, среди людей, днем, ночью, — словом везде и всегда видел перед собой нежные лица горячо любимых жены и детей, покинутых им на родине. Их прекрасные личики, искаженные страданиями вследствие разлуки с ним, были для него живым укором за то, что он их бросил, а сам живет на чужбине. Такое состояние духа причиняло ему невыразимые страдания. Он сделался угрюм, скучен, искал уединения, потерял сон и аппетит.

Такое угнетенное состояние духа Каншау не могло ускользнуть от внимания старухи-жены; она отлично понимала грусть своего мужа и, чтобы дать ему возможность развеяться, она разрешила Каншау уехать на родину, но только не более как на три года, предупредив его, что если он вздумает остаться на родине более срока, то страшная болезнь к нему опять вернется, ибо, предвидя это обстоятельство, она его вылечила только на несколько лет.

Само собой разумеется, Каншау с величайшей радостью воспользовался предложением своей ненавистной жены-старухи и немедленно отправился на родину. Здесь, на родине, Каншау счастливо прожил с женой и детьми более трех лет и жил бы, конечно, больше, но к ужасу своему стал замечать, что мучительная болезнь снова стала возвращаться; тогда он решил окончательно покинуть родину. С этой целью, забрав семью, он отправляется в кабардинский аул Баташево. Здесь он оставляет жену у ее родственников, а сам тайком от нее, забрав дочерей Кантин и Каз, уезжает в Шемаху.

В Шемахе, говорят, Каншау, любимец хана, выдал за последнего замуж свою старшую дочь Кантин, а младшую дочь Каз — за владетельного кумыкского князя, который в честь ее назвал свой народ кази-кумыками.

(1) жизни Каншау-бия, относящейся к этому периоду времени, и о его смерти в горском народе существует несколько вариантов. В поэме же говорится, что когда гяурские войска брали Эривань, Каншау был на мосту убит пушечным ядром.

По смерти Каншау злосчастная Гошиах опять вернулась в Эльджурту (Тар-ауз) и по требованию обычая вышла замуж за старше-

го брата Каншау, калеку Эльбуздука. В этом замужестве Гошнях прожила еще 8 лет, и, как видно из песни, это время для нее было сплошным страданием. Умерла Гошнях в селении Эльтеркач, в Кубанской области, куда переселились Крымшамхаловы. В Эльджурте же и по настоящее время сохранились два памятника, один в честь Гошнях, называется «Гошнях-Каласы», а другой в честь ее первого жениха Камгута — «Камгут-Кешене».

(с. 253) К приведенному рассказу прибавлю от себя маленькую историческую справку, ввиду того, что герои поэмы — реальные лица.

Поэт говорит, что Каншау был убит во время взятия гяурскими войсками Эривани, а это было в конце 20-х годов прошедшего столетия. Также из официальных документов известно, что в 1824 году пять горских обществ: Баксанское, Чегемское, Хуламское, Безенгиевское и Балкарское, во главе с Мурзакулом Урусбиевым, присягнули на подданство России, а это было спустя три поколения, когда родоначальник таубиев Урусбиевых Чепелау Суншев переселился в Баксанское ущелье, уже свободное от бывших поселенцев-карачаевцев, ушедших за Кубань, стало быть до момента взятия Эривани прошло не менее 150 лет. Если же принять во внимание то обстоятельство, что Чепелау Суншев переселился на Баксан не сейчас после ухода карачаевцев, ибо он уже там застал оседлое население — предков теперешнего Баксанского общества, то отсюда безошибочно можно вывести заключение, что карачаевцы жили на Баксане за 200 лет до взятия Эривани, а события, рассказанные в песне, именно приурочены ко времени жительства карачаевцев в Баксанском ущелье. Следовательно, Каншау-бий никоим образом не мог участвовать в деле взятия Эривани.

Это сопоставление фактов показывает, что горский певец воспел героев поэмы в позднейшее время и, надо полагать, много позже взятия Эривани, но, как он был несилен в истории, то перепутал время и события.

Во всяком случае, для характеристики горской поэзии историческая сторона не важна: важно народное творчество, вылившееся в весьма звучных, гладких и рифмованных стихах, для передачи которых на русский язык нужен заправский поэт, а не такой простой прозаический пересказ, как сделал я.

Когда храбрый Каншау-бий родился в Тар-аузе,
Для Тара-ауза отверзлись врата Бога.
Когда храбрый Каншау удалился из Тар-ауза,
Аул карачаевский, подобно орлиным перьям,
Рассыпался по камням и лесам.
Когда храбрый Каншау жил в Тар-аузе,
Были мы богаче Непе-базара³.

³ Горцы не могут объяснить «Непе-базар»; надо полагать, что это было по соседству богатое селение или город.

Теперь же, когда храбрый Каншау покинул Тар-ауз,
Пусть моровая язва не выходит из Тар-ауза.

* * *

(с. 254) У князя Бекмурзы родились четыре сына;
Старшего звали Эльбуздук.
Когда он встречался с неприятелем,
Был лев и становился в лвиную позу.
Но пуля пробивает ему крестец.
И он разлучается с равными себе узденями.
Второй сын князь Камгут
Преждевременно с жизнью расстался.
Третий сын Каншау-бий.
Князь Каншау водил дружбу с плоскостными князьями;
Он улыбался без смеха,
С князьями и ханами разъезжал,
Он проникал в душевные тайны людей.

* * *

Княгиня Гошпах так сказала:
— Взглянувши в окно, я видела в тени равнины лисицу.
Ее карачаевские бродяги, гоняя и преследуя, в волка
превратили.

Да переведется весь род Атажукиных;
Они накормили Каншау ослиным мозгом;
Они моего милого Каншау с ума свели.
Мой милый Каншау ушел в Шемаху к казикумыкам.
Не желаю злейшим врагам и недругам
Довериться друзьям, подобно Атажукиным.
Да, пусть будет Атажукиным хорамом ⁴ и кровью
Бараны, и пиво приносимые карачаевцами.
Эльбуздук калека, ни на что не способен;
Гилястан ⁵ еще молод,
Я же, женщина слабая, приношу одно несчастье;
Покуда мой Каншау вернется из цветущей Шемахи,
Кто же, как не он, Тар-ауз будет оберегать?
В крепости Эривани (Ириуани) горят огни без дыма.
Я отдам в замужество Кантин и Каз без калыма
Тому, кто сообщит верную весть о моем Каншау.
(с. 255) Пойдем, Карачеч ⁶, к черному камню;

⁴ «Хорам» — то же самое, как у евреев трэфная пища. В обоих случаях употребление такой пищи считается величайшим грехом. (Правильно: харама. — Р е д.)

⁵ Гилястан — 4-й сын Бекмурзы.

⁶ Карачеч — служанка Гошпах. (Правильно: Карачач. — Р е д.)

Посмотрим, не едут ли всадники с равнины Мухур;
Узнаем, жив ли мой милый Каншау-бий;
Если умер, памятник князю на черном камне поставим;
Будем плакать и рыдать,
Чтобы черный камень на две части распался;
Будем плакать и рыдать,
Чтобы трескалась земля и лопались камни.
Кто же из тысячи испытал
То, что мы извели, злосчастные?
Плача и рыдая, к черному камню пошли,
С равнины Мухур нескольких всадников приметили.
— То едут ли горцы, иль кабардинцы?
Нет ли среди них храброго Каншау?
Не похожа ли лошадь среднего на жеребчика Генже?
Не носит ли всадник оружие, как мой Каншау?
Тронулись, пошли.
Каншау-бия на жеребчике Генже встретили;
Они друг другу несказанно обрадовались;
Радуюсь, обнялись и вошли в дом;
Там веселилась карачаевская молодежь.

* * *

Княгиня Гошиах так сказала:
— По-прежнему мы в Тар-аузе.
Жили мы с моим Каншау счастливо,
Теперь он опять возвращается в цветущую Шемаху;
Он не изменяет данному слову своему.
Лисьей шапки с незагнутыми полями
Князь Каншау не наден.
Княгиня Гошиах, плача и жалуясь,
Поехала в Баташев аул,
Не в силах расстаться с Каншау-бием.
Блестят льды Минги-тау *.
По берегу Терека обозначились следы,
То следы конной арбы князя Каншау.
Княгиня Гошиах так сказала:
(с. 256) — Осталась я в ауле Баташева;
Полы дорогой шубы не разворачивала:
С выращенными мною детьми Кантин и Каз разлучена.
Да пусть, как я, плачут и рыдают
Девы Бибертовых, ныне беззаботно живущие.
В мире чего не видела, чего не испытала?
В горах видела местность, куда солнце не заглядывает;

* Эльборус. (Балкарское название горы Эльбрус. — Ред.)

Видела аул, где женщинам цепи надевают.
Козы поднялись над аулом и ушли в белые горы.
Почему же я, несчастная женщина,
Осталась охранять Тар-ауз?
Моему ли сану это пристойно?
Дом мой, где некогда веселились карачаевцы,
Превратился в стойло ослов и собак;
Нечесанные и немывтые длинные волосы
Сделались убежищем гадких паразитов:
Глаза, сиявшие подобно предраассветной звезде,
Померкли от слез и страданий;
Они покрылись ржавчиной и не видят человека.
Я ни с кем не говорила и ни на кого не смотрела.
У подножия Тар-ауза скалы, наверху лес,
Посреди идут следы туров.
Да, пусть рыдают, как Кантин и Каз.
Желтоволосые княжны Атажукиных,
Причинивших мне сии дела.
На плоскости шатающихся неуков,
Скручивая уши, в лошадей превращают⁷.
Хану шемахинскому, играя в шахматы,
Храбрый Каншау мат дал.
Он, мой Каншау, утешитель шемахинского хана;
Пред очами шемахинских княжен — он светильник.

* * *

В тот день, когда через реку мост стлали,
Когда крепость Эривань гяурские войска взяли,
Лошадь Гениже на мосту свалили
И князя Каншау пушечным ядром убили.
(с. 257) Могучие руки, некогда натягивавшие лук,
Теперь бессильно качаются в воздухе.

* * *

Дошла печальная весть до княгини Гошиах;
Княгиня Гошиах осталась с растерзанной душой.
— У Тар-ауза есть скалы с выступами:
Пусть они обрушатся друг на друга!
О, пусть те места, где убит мой Каншау,
Наполнятся в ладонь дождем, черной кровью и гноем:
На ноги надену чабуры горные⁸,

⁷ Во время обучения неуков им крепко-накрепко скручивают уши, и они стоят смиренно.

⁸ Горные чабуры — чуваки из толстой кожи с ремненным переплетом вместо подошв.

В руки возьму железную палку,
 Плача и рыдая отправлюсь в те места,
 Где умер мой храбрый Каншау-бий.
 Плача и рыдая, я заставлю те места распасться на части,
 Я жена хана, Каншау, невестка Крымшамхаловых,
 Дочь князей Бибертовых.
 Брат моей матери Баташев Эльджеруко
 Хорошо поет грустные старинные песни
 И играет на кабузе⁹.
 Почему мой хан Каншау
 Нашел достойным завещать
 Выйти мне замуж за Каражаева — слепую свинью?
 Лишь только за его ловкое конокрадство.
 Много одежды спшила я Каншау моему,
 Опа, неносимая, осталась в сундуках.
 Семь целых лет прожила я в Эльтеркаче,
 Не любя ленивого калеки Эльбуздука.
 О судьба, сжался надо мною,
 Освободи меня от немилого Эльбуздука,
 Также, как разлучила с Камгутом и Каншау.
 Хотя славный Гилястан молод,
 Но вышла б замуж за него.
 Молодой Гилястан пошел послом за горы к Дадияну¹⁰;
 Он еще не возвратился.
 (с. 258) Княгиня Гошиах плакала без слез.
 Княжеских одежд не надевала,
 Всю жизнь по Каншау носила траур.

КАЙСЫНЫ*

(Балкарская поэма)

Жена Айдебула была бездетна.
 Айдебул с женой расстался.
 Князь Жабо Тазритов¹¹ на ней женился.
 У князя Жабо от нее родились два наследника;
 Старший против младшего был живее.
 Младшего звали Бекмурзой,
 Старшего звали Кайсыном.
 Храброму Кайсыну в день рождения,

⁹ Кабуз — струнный инструмент вроде балалайки. (Правильно: кобуз. — Ред.)

¹⁰ Дадиян — имеретинские князья.

* Поэма заимствована из тетради Науруза Исмаиловича Урусбиева и переведена мною на русский язык. По-горски заглавие поэмы «Кайсыллер», что означает во множественном числе собственное имя Кайсын, хотя героями поэмы являются Кайсын и его брат Бекмурза.

¹¹ Жабо Тазритов — один из предков нынешних таубиев Айдебуловых.

Обернув его лицом в горы, отрезали пупок.
Как раз в день устыма *
Ему покроили короткий горный костюм.
В возрасте менее пятнадцати лет
Кайсын добыл отцу Жабо двенадцать невольников,
Матери Жаратхан тюки с красным товаром подарил,
Да благословит бог княгиню Жаратхан, родившую его
И воспитавшую это дитя в неге и на воле.

* * *

Из Брагун ханские гости приехали,
Их Тазритовы приняли, как самых почетных людей.
Они у Тазритовых обильно угощались.
Когда гостям настало время уезжать,
(с. 259) Их спросили: что они желают?
— Что нам нужно, мы вам скажем.
Если не вовремя приехали,
То вернемся домой до назначенного вами срока ¹².
Гостям дали срок, минуя зиму, к лету;
С тем гости домой возвратились.
Зима прошла, лето настало.
К назначенному Кайсыном сроку гости вернулись.

* * *

В ущелье Дырха для сакли много лесу порубили,
В том числе для средней балки белое дерево срубили ¹³.
Меньшой брат, маленький Бекмурза!
Так сказал старший брат Кайсын.
Гости наши приехали,
Им нужно дать невольников и скот.
Нужное число скота дома найдем,
За невольниками же в какую страну сделаем набег?
У нас лишних невольников нет:
От отца Жабо остались два старых холопа;
Если одного насильно отдадим,
То другой холопом нам не будет.
Кто расточает отцовское имущество,
Тот недостойный наследник отцовского добра.

* «Устым» (точнее: истым. — А. А.) означает день рождения спустя неделю.

¹² По горскому обычаю, когда гости приезжают что-нибудь просить, то сейчас об этом не говорят, а объясняют свою просьбу, собираясь уехать.

¹³ В горских песнях всегда можно встретить строфы, смысл которых ничего не имеет общего с тем, что говорится в самой песне; вводятся же они ради рифмы.

В одну темную ночь джигиты о горном походе совещались.
 В ту же ночь они к горному перевалу пришли,
 У подножия перевала барана лысого зарезали.
 Урусбиев князь Кучук так сказал Кайсыну:
 — Я хоть и мал, но удальскую долю мне оставь.
 Несколько туров джигиты там увидели.
 (с. 260) Князь Бекмурза, счастливый охотник.
 Сделав выстрел, одного из них убил;
 От него для котла в ковш принесли.
 Поев и напившись, джигиты спокойно легли.
 Рано вставши, джигиты в путь собрались.
 Бекмурза так сказал:
 — Я ночью заснул и сон видел.
 Во сне отца Жабо видел:
 Был он в толпе кабардинцев, в волчьей шубе на плечах;
 Два уса, как курней.
 У волчьей шубы от локтей нет рукавов;
 В толпе не было ему ровесников;
 Он не был тем цветущим, как прежде;
 На меня он даже не взглянул;
 Наше предприятие не по сердцу ему.
 Кайсын так ответил:
 — Сон есть ненужные отбросы сна,
 Верующий снам — ничтожный человек.
 Ты видел большое сражение;
 Сражение для героев — выбрасывание пуль.
 Бог даст, мы за горы перевалим,
 А за труды ног девиц-невольниц возьмем.
 Отсюда вернувшись без добычи,
 Что мы скажем нашим женщинам?
 Теневая сторона Лахума¹⁴ не освещается солнцем;
 С полными руками, с целой головой каждый раз
 Возвращаться домой кто же не любит?
 Молодцы! Двинемся по ту сторону гор!
 Увидевши врага, не отворачивайте головы!
 Тронулись в путь и вышли на Чиар.
 С Чиара в Норичи¹⁵ спустились.
 С высоты черный ворон зловец прокаркал,
 Кобылица из рук вырвалась,
 В нее нечистая сила вселилась.
 С этой кобылицей по Имеретии весть разнеслась.
 Как чутки имеретины на тревогу!

¹⁴ Лахум — местность в Имеретии.

¹⁵ Чиар и Норичи — местности за перевалом, в Имеретии.

За горами с Кайсыном кто же остался?
 (с. 261) Как случилось, что за перевалом исчезли
 У князя Жабо два русских наследника?¹⁶
 Как случилось, что за горами
 У князя Жабо наследники — золотые альчики,
 Кайсыны, Бекмурзы!
 Куда им было деваться?
 В плохом месте враг настиг;
 Что не мог враг сделать, святой дух сделал.
 Отправились, умных советов не спросили,
 Отцу Жабо не сказались.
 Вошли мы в нору, куда лисица не заходит.
 Видел ли враг зловеший день нашего выхода?
 Да пусть не вернутся живыми те гости,
 Ради которых злосчастный набег затеял.
 Если Нучес — сын Эндукку — выйдет живым из норы,
 Он о храбрых и трусах на нагишах¹⁷ будет сказки
 говорить.

* * *

Герой Кайсын так сказал:
 — Моя пороховница хозом покрыта,
 Она полна порохом.
 Капая по каплям, к утру лужа скопилась.
 С расчетом была кровавая битва.
 Ноги мои поразились болезнью.
 Когда друг к другу два врага приблизились,
 Тогда мое мужество, крепкое, как крепость,
 Сравнилось с ничтожеством мертвеца.
 Мое ружье беглый холоп сломал;
 Но абаевский Сари-куллан¹⁸ наши души успокоил.
 И что мы сделали живущему за перевалом
 И свинину пожирающему зобатому Уяну¹⁹.

* * *

В узком месте Дирха дерево срубили,
 Но его снесло водою.
 Да будет проклят ишкуланец Георгий²⁰,

¹⁶ Ниже я изложу причины, послужившие к погрому балкарских джигитов, так как в песне все говорится отрывочно, — в этом особенность горской поэзии.

¹⁷ «Нагиш» — место в ауле, куда собираются сельчане, где они балагурят и ведут разного рода разговоры. (Правильно: ныгыш. — Ред.)

¹⁸ «Сари-куллан» — чудодейственная шапка, принадлежавшая Абаевым, а потом перешедшая к Кайсыну. (Правильно: Сары-кулак. — Ред.)

¹⁹ Горцы называют имеретин зобатыми, так как они действительно отличаются большими зобами.

²⁰ О Георгии, виновнике всех несчастий балкарцев, скажу ниже.

Разнесший весть по Имеретии о джигитовском набеге.
 От сестры рожденный Абаев Каспулат,
 Когда эти вести услышит,
 Один он пеший придет,
 Свой синий шелк в воду превратит ²¹.
 Тогда об убитых Кайсыне и Бекмурзе
 Пойдут по Имеретии ложные слухи и толки;
 На тенистой стороне рябой подтелок кажется белым.
 Пусть исчезнут щеголи Абаевы!
 Когда на плоскость выезжаем,
 Они в товарищи нам не годятся,
 А когда домой придут, в нагише говорить нам не дают.
 Они, на кабузе играя и песни распевая,
 На женской половине похваляются;
 Ячмень смешают с пшеницей,
 На целый месяц работу челюстям дают.
 Когда на плоскость выезжают,
 Их мужество как у баб,
 А дома свои талии серебром унижают.
 Если спросят: «Кто они?»
 Эндруковы — князя Алиевы.
 Эндруковы, Курмановы ²²
 Когда нас враг настиг,
 Не удержались возле нас.
 (с. 263) Сванет Мулаев из палок ношу сделал ²³,
 Трусы Абаевы, удирая, в горы ногами впивались;
 Ногаев Индербей, убегая,
 Ладони своих рук в шерсть превратил ²⁴.
 Желтошубые безенгиевские уздени там отличались;
 Рохаев Токк ²⁵,
 Урусбиев Кучук в набеге были ли?
 Кучук был товарищем Тутуровых:
 В плохой день товарищем Кучуку Гекки сделался.
 В день геройской битвы
 Там Урусбиев князь Кучук
 На гяуров, как лев, бросался;
 Из десяти пальцев он двух лишился.

²¹ Т. е. шелковый бешмет от обильного пота в воду превратит.

²² Те же Абаевы.

²³ Т. е. Абаевы так поспешно бежали, что побросали свои горные палки, а сванет Мулаев из этих палок тяжелую ношу сделал.

²⁴ Т. е. бежавши по крутым горам, скалам и камням, цеплялся руками и так их измочалил, что как бы в шерсть превратил.

²⁵ Безенгиевец. (Правильно: Рахаев. — Р е д.)

В ущелье Дирха дерево срубили, его водой снесло.

Не посчастливилось ишкуланцу Георгию,

Давшему весть имеретинцам о набеге.

На пальце убитого Кайсына

Был перстень княгини Дадипал.

Исчезли Кайсын и Бекмурза.

О, что же будем делать?

У князя Кайсына осталась сакля, соломой крытая,

Жена Кайсына осталась с босыми ногами и непокрытой головой.

О причинах неудачи похода балкарцев в Имеретию горцы рассказывают следующее:

Как только балкарские джигиты под предводительством Кайсына перешли перевал Штулы, они встретили имеретина Георгия из селения Шкуланы. Этот Георгий считался преданным и закадычным другом Кайсына и Бекмурзы и даже одно время был воспитанником их отца Жабо. Такая тесная дружба способствовала тому, что Георгий знал все тайные предприятия Кайсына и Бекмурзы и часто участвовал с ними в походах. На этот раз Георгий почему-то вздумал изменить своим друзьям. Он незаметно скрылся и (с. 264) пустился бежать, чтобы предупредить своих о грозившей опасности. На это обстоятельство намекается и в песне:

Кобылица из рук вырвалась,

В нее нечистая сила вселилась.

С этой кобылицей по Имеретин весть разнеслась...

Надобно заметить, что хищнические набеги горцев за снеговые перевалы всегда совершались летом, когда верховья ущельев и ближайшие горы, освобождаясь от снегового покрова, делали доступными снеговые перевалы. В это время года горные быстрые реки, вследствие таяния снега и ледников, столь обильно переполняются мутной водою, что переправа через них вброд становится невозможной.

Через одну из таких речек с очень широким руслом, балкарцам во время своих частых набегов в Имеретию, во избежание обходных и длинных движений, приходилось переправляться особым способом. Народная фантазия, наделяющая своих героев возможными и невозможными доблестями, повествует, что балкарцы в этом месте употребляли следующий способ переправы: посредине реки лежал большой камень, и балкарцы умело им пользовались; они с добычей сперва прыгали с одного берега на камень, а потом с камня на другой берег. Во время погони врагов, когда балкарцы успевали перепрыгнуть через реку, то уже находились в безопасности, так как имеретины не могли пользоваться балкарским способом переправы. Когда же балкарцы замечали, что погоня настолько близка, что не

успеют перескочить через реку, то они спешили укрыться в потайной пещере, известной им одним. Имеретины, прискакав к реке и не видя врага, всегда полагали, что враг перешел реку и скрылся за горы; тогда они прекращали преследование и возвращались восвояси, а по уходе их балкарцы выходили из пещеры и обычным путем возвращались домой.

На этот раз имеретины, извещенные изменником Георгием о падении балкарцев, наскоро вооружились и поспешили навстречу врагу. Балкарцы, измерив силу и численность врага и находя невозможным успеть перескочить через реку, укрылись в заветной пещере. Георгий, знавший все ходы и выходы балкарцев, указал своим на пещеру с засевшими в ней врагами. Время подходило к ночи, поэтому имеретины решили выждать рассвета, чтобы лучше и вернее уничтожить балкарцев. Вследствие большой сырости в пещере у Кайсына, который страдал ревматизмом, сильно разболелись ноги, так что он с большим трудом двигался. Наутро Кайсын обратился к брату и товарищам со словами: «Друзья! Нас небольшая горстка людей, хотя храбрых и неустрашимых, но вы видите, что неприятель хорошо вооружен и почти в десять раз многочисленнее нас. Я поражен болезнью ног и, как видите, еле двигаюсь; участь моя решена: я здесь погибну; но вы-то молодцы со здоровыми ногами, должны уйти отсюда; поэтому не давайте сражения, пробейтесь и уходите домой». Само собой разумеется, балкарцы не согласились на такую в их глазах постыдную (с. 265) комбинацию и решили драться до последнего вздоха. Порешив во что бы то ни стало драться, балкарцы вышли из пещеры и стали лицом к лицу с многочисленным неприятелем. Произошла кровопролитная схватка, когда-либо бывшая в горах. Кайсын был не в силах драться: он сидел поодаль и, заметивши изменника Георгия, обратился к нему со словами: «Ты видишь, я, пораженный болезнью, не в состоянии ни бежать, ни драться, но все-таки живым в руки не дамся. После меня останется эта, высокой ценности и чудодейственная сабля «Сари-Кулак»; не хочу, чтобы она досталась гяурам, пусть лучше она будет наследием моего друга». Сказавши это, Кайсын протянул саблю Георгию. Трусливый Георгий, предвидя коварство Кайсына, сказал ему: «Кайсын, если ты действительно желаешь подарить свою саблю, то поверни ее рукояткою ко мне, и я возьму ее». Кайсын исполнил просьбу Георгия. Когда же этот последний протянул руку, чтобы взять саблю, Кайсын в одно мгновение перебросил саблю рукояткой к себе и единым могучим взмахом перерубил Георгия пополам. Это случилось так быстро и неожиданно, что Георгий, полагая, что Кайсын промахнулся, иронически заметил ему: «Что, Кайсын, не удалось тебе твое коварство». Это были последние слова изменника.

Из этой битвы немногие из балкарцев вернулись домой, оповестив своих о смерти Кайсына и Бекмурзы и других товарищей.

ШОРИ*

(Балкарская песня)

Загаштоков Чепелеу
Во сне ночью сон видел;
Видел вещи убитых после битвы.
Утром рано вставши,
В Шаурдат²⁶ поднялся,
Там Ульбашева героя Уччу он в товарищи взял
И, собравшись, в Большую Балкарию²⁷ пришел,
Тамиева Жаза вторым товарищем взял.
Они на перевал Шорийский пришли.
(с. 266) С Шорийского перевала
Вокруг и на пизовья его смотрели,
На горе двух охотников увидели,
Окружив их, изловили.
От них начали допытываться вестей;
Но вестей они не дали
И их за людей не сочли.
Из горного мха огонь развели,
Спиною охотников в огонь положили
И хороших вестей добились:
— Аул наш ушел на Лечхумскую поляну.
Очутились балкарцы в выгодном положении.
— В такой оплошности наш аул кто же увидит?
И кто бы осмелился сделать набег на аул?

* * *

— Тыкынаев Дебек,
В Большую Балкарию надо известие дать!
Ой, Тамаев Жаза.
На свои две ноги надеется,
Утром с Рчивашки²⁸ отправился,
На Кунюмский нагиш²⁹ пришел,
Кунюмскому «нагишу» весть дал;

* Шори — местность с группой аулов в Имеретии. Из тетр. Н. И. Урусбиева.

²⁶ Шаурдат — один из аулов в Балкарии, расположенный на возвышенном месте.

²⁷ Большой Балкарией называется группа аулов, расположенных по обеим сторонам р. Черек.

²⁸ Ущелье р. Рчивашки — прямой путь от перевала в Сванетию на Большую Балкарию, но для этого приходится переходить недоступные снеговые горы.

²⁹ Кунюм — солнечная сторона. Аулы, расположенные на этой стороне, именуются «кунюм». (Правильно: кюлюм. — Ред.)

В нижние Чегеты ³⁰ перешел
Чегетским «нагишам» весть дал.
Абаев-князь, Мусуков-богатей
Начали собирать сопернические партии;
Чориева в Штулу ³¹ нарочным послали;
Передовых на Айлям-таме задержали.
Посмотрели, там Бибо не видели.
Ой, Сакаев, молодой Маме!
(с. 267) За Бибо Маме послали,
Бибо в скорости явился.
Его прибытия многие невзлюбили.
Бибо направился на высоты,
Взяв на двоих араку ³².
Коротко засучив полы,
Он подгонял вперед
Лучших молодых джигитов.
Партию свою в круг рассадил,
Сам чашки разносил
И каждого чашкою араки паделял.
Пока хмель араки не рассеялся,
Он на солнечный Маргуш набег учинил.
Там на одного по два пленника пришлось.
Тотчас же на тенистый Маргуш напал.
Нападающий два раза живым не уйдет,
На одного по две раны пришлось.
Равнина, на которой не скатывалось яйцо,
Сделалась недоступной даже для туров ³³.
Черная вода, которую собаки не лизали,
Превратилась в Терек, недоступный
Для перехода жеребцам ³⁴.

ОРЮЗМЕК

(Песня)

Орюзмек был из узденей,
Много труда перенес,
(с. 268) Сила его не уступала силе нартов.

³⁰ Чегет — тeneвая сторона, аулы на этой стороне именуются «Чегет».

³¹ Штула — перевал в Сванетии.

³² Т. е. двух человек навьючил аракой.

³³ Т. е. вследствие нагромождения мертвых тел и награбленного добра, равнина сделалась недоступной.

³⁴ Горцы, когда желают выразить большую воду, то всегда сравнивают ее с р. Терек; в данном случае речка, где происходило сражение, в обыкновенное время с таким малым количеством воды, что собаки не могли лизать ее, наполнилась кровью в таком обилии, что сделалась недоступной для перехода лошадей.

Кто же он, Орюзбек?
 В горах родился, на плоскости воспитан,
 Он головы рубил, как траву косил;
 Пулями камни пробивал.
 Темнорусые усы, карие глаза,
 Безобманный, однословный.
 Волчья шуба внакидку,
 Две брови, как курией.
 Брезгуя торе³⁵, он его не посещал,
 От сабли головы не отворачивал,
 От пуль глазом не моргал,
 С двумя совет не держал.
 Ой, да кто же был храбрый Орюзбек?
 На торе железной палкой,
 В скалах на птичьих ногах,
 На вороной лошади с гибкими подпругами,
 Крылатей летучего орла,
 С молнией равный всадник.

ТАТАРХАН БАГАТЫРЕВ*

(Карачаевская песня)

В местах нахитана³⁶ расставили три вехи³⁷:
 Из Даута³⁸ раздался оглушительный крик
 (с. 269) И оттуда в Большой Карачай прилетела весть.
 Весь Карачай собрался на Санчик³⁹.
 Из трех ущелий партиями на тревогу вышли,
 Вышел и Крымшамхалов доблестный Гилястан.
 В день выезда князя Гилястана
 Под ним конь сильно скакал,
 Багатырев доблестный Татархан
 Не ленись ходил и славу приобрел.
 Ой, Мукаев доблестный Байчаку,
 Он на Даудское плоскогорье поскакал
 И там про Татархана осведомлялся,
 Татархана в доме не нашел:
 Татархап к осенним баранщикам пошел

³⁵ «Торе» — народное судилище. (Правильно: тёре — Р е д.)

* Из тетради Н. И. Урусбиева.

³⁶ На х и т а н — на видных местах.

³⁷ Во время военных тревог обыкновенно на видных местах выставляли длинные жерди с навязанными флагами или пучками травы, чем вызывали жителей в погоню за врагом; кроме сего такие же жерди ставили у домов, из которых мужчины не выходили в поход, в знак посрамления.

³⁸ Д а у т — аул в Карачае.

³⁹ С а н ч и к — местность в Карачае.

Просить барана на зарез.
Ах, если бы мы настигли врага,
Татархана впереди бы поставили.
Настигнувши врага, мы над ним потешились бы.

* * *

Татархан домой пришел вечером.
— Мать, я бесконечно голоден,
Так матери сказал Татархан.
— Присланного тобою барашка
Мы вчерашнюю ночь зарезали,
Тебе хорошую долю оставили.
С трех равнин твои три сестры приехали,
Твою долю они поели и уехали.
Пред ним поставила баранью лопатку и часть головы.
Он два раза содрал мясо и три раза вкусил,
Посмотревши на лопатку ⁴⁰, он у матери спросил, что нового?
— Карачай находится в покое при косах и вилах ⁴¹,—
Так ответствовала мать.
(с. 270) — Мать, мы заснем, потом встанем и бывшие дела
увидим...
Тогда среди своих товарищей, не подымая головы, умрем ⁴².
— В таком случае сообщу тебе вести, мой сынок.
Кзыльское войско ⁴³ аул Даутово разграбило,
Твою емчекскую ⁴⁴ мать увели.
Как корова, отбившаяся от телка, она оглядываясь, редела
и плакала ⁴⁵.
— О, боже! а я свои чабуры отдал баранчику;
Да будут мои ноги крепки, как у домашнего катра.
Не мешкая долго, он схватил свое оружие
И направился на схватскую дорогу.
Растянувшись, конь скачет, как скаковой шаулох ⁴⁶

⁴⁰ Горцы на бараньей лопатке гадают: начисто очищают лопатку, смотря на свет, и так узнают будущее и прошлое. Татархан, смотря на лопатку, увидел, что в Карачае что-то неладно.

⁴¹ Т: е. Карачай находился при обыкновенных занятиях: косят и гребут сено.

⁴² Увидев на лопатке, что карачаевцы находятся в погоне за врагом, Татархан делает намек, что если он будет спать, то наутро он будет осрамлен и ему останется только умереть.

⁴³ Сванетское войско.

⁴⁴ Женщина, которая вскормила Татархана своим молоком.

⁴⁵ Строка нецензурная.

⁴⁶ В Кабарде существовала очень резвая и выносливая порода лошадей под названием шаулох. Теперь еще есть эта порода, но очень мало.

Он, подобно древним нартам, достиг цели похода.
Карачай был задержан рекою Сховать.
Багатырев доблестный Татархан
Обвязал себя лошадиным арканом
И как шаулохский конь воду перешел,
Перешедши, закричал на манер бобра-самца
На лежащих длинношерстных баранов ⁴⁷,
И как волчица врезался в середину их ⁴⁸.
(с. 271) По водам Сховата кровь потекла,
Ой, Кабаев трусливый Жулуй!
На тебе кровь есть, а раны нет;
Отдай отцу свиной кал.
Ой, Макаев доблестный Байчокку
Вниз по хребту спускался.
И с товарищами на низ направился.
Боже, благословение доблестям Татархана!
Он карачаевское войско возвратил,
Которое в смятении назад бежало.
Разжевывая каржин с кровью,
Крымшамхалов доблестный Гилястан
Сделал себе нарукавники из белого серебра
Ой, Шакманов князь Тамма
С Чегема пришел, белый витязь ⁴⁹;
У него трофеи похода — два невольника.
Князю Тамма нужны невольники, а также и скот.

⁴⁷ Т. е. на сванетов.

⁴⁸ О том, как в этом деле действовал Татархан, рассказывается так.

Сванеты с обильной добычей, награбленной у карачаевцев, перешли через мост, перекинутый через очень бурную горную речку, и чтобы обезопасить себя от погони, этот мост разрушили. Карачаевцы, доскакав до реки и видя невозможность переправиться, уже обратились вспять. В это время подоспел Татархан и вернул карачаевцев. Для того чтобы переправиться через бурную речку, Татархан придумал следующее: он обвязал себя арканом, опустил вершок своей папахи вниз, туда наложил сосновую смолу, зажег ее (дело было ночью) и стал переправляться через реку, наказав своим, что покуда они будут видеть огонь, пусть аркан держат вольно, но как только огонь потухнет, значит, он тонет, и тогда пусть его вытаскивают. Татархан благополучно переправился. На другой стороне реки он нарубил жердей, привязал к ним аркан, и карачаевцы потащили их. Таким образом, смастерили животрепещущий мост, через который перешли карачаевцы. Между тем сванеты, утомленные походом и полагая себя в безопасности, крепко заснули. Вот тут-то и произошел полный разгром сванетов.

⁴⁹ Тамма Шакманов из Чегема гостил в Карачае и также участвовал в походе.

АЛЛА-ГИДАЙ *

(Горская песня)

Скот мой пал, взор мой обращен на Алла-Гидай.
Красавица, ласточка, Алла-Гадай!
Крылышком по бумаге пиши.

* * *

(с. 272) — Ой, если от него останусь, пошли боже,
Чтобы я досталась чернобородому мулле:
Чернобровый мулла пишет амулеты
Целых два месяца.
Если от него останусь, пошли, господь,
Чтобы я досталась утопающему в богатстве.

* * *

Джигит, я женщина бессильная.
Если сверху большую воду запрудить — водопад будет,
Когда на большой воде нет моста, — каюк⁵⁰ бывает.
Джигит, шибко не ходи — непристойно узденю.

* * *

— К крылышку привяжу бумагу.
Была у меня милая, — она скрылась;
Теперь где найду?

* * *

— Подвязывая сафьяновую подвязку,
Спину утомила.
От души любимый друг
Не пришел, меня обидел.
Если не идешь, джигит, так не ходи,
Я сомневаюсь в твоей любви.
Кто нас отворожил в нашей любви?
Я есть плод яйца,
Светлее золота блещу.
Джигит, берешь меня, так бери,
Не берешь, — есть просители; за одного из них пойду.

* «Алла» — пестрый или разноцветный, «гидай» — безрогая овца или коза; «Алла-Гидай» — называют девиц-красавиц.

Песня эта заимствована из тетрадей Науруза Урусбиева и мною переведена на русский язык.

⁵⁰ «Каюк» — выдолбленная лодка. (Правильно: къайыкъ. — Р е д.)

— Ночи мои в тумане, дни во мраке.
С нетерпением жду желанного рассвета.
(с. 273) Милым другом приходишься. Гидай!
Я являюсь к тебе в пышности.
Твои жестокие и незаслуженные упреки
Холодом в моем сердце отразились,
Подобно холоду на подносе тузлука⁵¹.
Не выйдя за меня, — меня обидишь.
Прекрасный друг, Алла-Гидай!

— Если бы превратилась я в синюю голубку,
Да улетела б в небо, что сделал бы джигит?
— Если бы, превратившись в желтого ястреба,
Поймал бы голубку, что сделала б Гидай?
— Если бы я превратилась в пеструю рыбку,
Да нырнула бы в воду, что сделал бы ты?
— Если, превратившись в удочку,
Поймал бы рыбку, что сделала б Гидай?
— Если бы я превратилась в просяное зерно,
Да рассыпалось по земле, что сделал бы джигит?
— Если, превратившись в курочку с цыплятками,
Поклевал бы зерна, что сделала бы Гидай?
— Если бы я превратилась в плуг
И вонзилась бы глубоко в землю, что сделал бы ты?
— Если я, превратившись в сильных быков,
Выдернул бы плуг, что сделала б Гидай?
— Если бы по воле бога я была бы больна,
Что сделал бы джигит?
— Если я, превратившись в Локман-Хакки⁵²,
Исцелил бы тебя, что сделала бы ты?
— Если бы мне бог послал смерть
И я лежала бы мертвой, что сделал бы джигит?
— Я превратился бы в чистый белый саван
И обвинил бы свою милую Гидай.

⁵¹ «Тузлук» — это смесь холодного кислого молока и соли, которую подают на подносе вместе с вареной бараниной; часто к этой смеси прибавляют чеснок.

⁵² Локман-Хакки — легендарный знахарь. (Правильно: Локман Хаким. — Ред.)



(с. 274) — Видела орла с голубиною шеей,
Видела сон: мой милый благополучно вернулся.
У того красивого орла на крыле не было ничего,
А у вернувшегося милого цела была душа, а лица не было.
Он с пальца золотого кольца не мог снять.
До рокового сна я была в покое,
Теперь тот сон в мою душу вселил беспокойство.



Много подарков милый привез,
А меня ими не удостоил.
Давно ушел, человека сгубил;
Домой к себе не возвратился.



Опять видела орла с голубиной шеей.
У него на крыле что-то было.
Когда дева идет за любимого,
Она пребывает в небесном сиянии.
Выше гор холмы не бывают.
Если дева не выходит за любимого человека,
В сердце той девы жира не бывает⁵³;
Такая дева, не выпивши амулетовой воды, не излечится.
— Зачем так вниз смотришь,
Что видишь там, Гидай?
Я не возьму тебя, — из-за меня зачем убиваться.

ЛЮБОВЬ *

(Горская песня)

Мой милый ушел на гору Клис,
А про него пошла дурная слава.
(с. 275) Когда же вернется — явится с золотым подарком.
Не надо мне твоего подарка;
Пусть будет моим уделом
Твое душевное благополучие и твоя длинная ночь.

⁵³ Т. е. холодное сердце.

* Заимствовано из тетрадей Науруза Исмаиловича Урусбиева и переведено мною с горского на русский язык.

* * *

Голуби воркуют, — лето ли настало?
Душа, зачем меня упрекаешь?
Ведь в долгой разлуке с милым,
В тоске по нем красоту свою потеряла.

* * *

Ребята, трехлетнего жеребенка не оседлывайте!
Оседлаете — спина заболит.
Дурным словом в шутках милого не обижайте:
Его любящее чуткое сердце будет страдать.

* * *

В белой горе есть большие пещеры;
В ауле колдуньи и ведьмы:
Двух любящих сердец друг от друга разлучают.
Душа-девица! Если любишь, как я тебя люблю,
Я склоню голову на руку твою белее снега;
Я тебя люблю, но если ты меня не любишь,
Пусть поразит твое сердце пуля.

* * *

Шея голубая с синими пятнами;
Объятия милого дышат приятной прохладой.
Ночью, как в раю Фердауса,
У них — любящих игры бывают.

* * *

Мой милый на плоскости разъезжает.
Желала бы я при сильном дожде
(с. 276) Превратиться в бурку и башлык,
Чтобы растянуться на плечах и обвить шею моего милого,
Когда милый мой домой вернется.
Желала бы я очутиться в его прохладно-приятных
объятиях.

* * *

Мой милый ушел на летний покос.
Он косил на тенистой стороне;
Я на солнечной стороне жала ячмень,
Спрашивая прохожих о нем.

* * *

Мой милый — бравый ушел в аул,
Я спекла ему один пирог,
В масле его могли бы плавать русские кони.
Если такого героя не любить, так кого же любить?
Когда милый выезжает на плоскость,
Мне кажется, что может гнать гуськом конные арбы
И с корнем вырывать языки.

* * *

Мой милый гулять ушел по свету,
Мои глаза неустанно следят его возвращение.
Боже, такого молодца не любить, так кого же любить?
Очутиться в объятиях у милого — наслажденье⁵⁴,
Какое испытывает пастух, считая молодых барашков.

* * *

Плывет-стелется туман, охватывая низицы,
Подобно рыбе, в большой воде плывущей.
У кого, отбивши, милую увозят,
Тот сравнивается с трусливой девицей.
(с. 277) Любящих любящим отдавайте,
Нелюбящих на широких воротах распишайте.

* * *

Мой милый ушел на летний сенокос,
Я пошла жать ячмень.
О, если б у милого поломалась коса,
А у меня поломался б серп!
Пошли бы мы к кузнецу чинить косу и серп,
И пусть тот кузнец в болезни корчится.
О, наслаждались бы вдвоем наедине успокоенные.

* * *

Мой милый ушел на гору Алис;
Отец разукрасил белую горницу.
Пусть эта горница огнем истребится, —
Готова жить с любимым в раскрытом сарае.
В чем кроется красота моего милого?
Он лучше — прекраснее богатства мира!

⁵⁴ Эта строка изменена, так как в подлиннике неудобные для печати выражения.

* * *

Трехлетнего жеребенка, глядя и чистя, не оседلывайте.
Бросившему милую, руку не протягивайте.
У милого глаза и брови чернее «нала».
Бедному отцу и бедной матери
Помогайте своим состоянием.

* * *

На летнем покосе ременным поясом не подвязывайтесь,
Он затвердеет, высохнет, спину потрет.
После вечернего намаза на крышах не прохаживайся,
Посторонние люди, увидевши, будут подозревать.
(с. 278) Распевая-распевая, из кожи дикой козы уздечку сделал.
Играя и смеясь я, малый, влюбился.
Кони, останавливаясь-останавливаясь, воду пьют.
Милые, наедине оставаясь, играют-играют, ночи не замечают.

* * *

Сказала б милому слово, если исполнит его,
Дала б милому долгую отлучку,
Если б наше блаженство в этом мире было продолжительно.

* * *

Плывет, стелется туман, охватывая низины,
Подобно рыбе, в большой воде плывущей.
Находя новых друзей, старых не отгалкивай.
Душа-молодец, сердце мое тебе принадлежит;
Но если ты меня не любишь,
Пусть погайские ружья продырявят твои пахи.

* * *

В бешмете коротком по колена
Ты сено косил на тенистой стороне,
Я жала ячмень на солнечной стороне,
И робко на тебя поглядывая, я статную шею искривила.

* * *

О, если б у милого поломалась коса,
А у меня поломался б серп!
Пошли бы мы к кузнецу чинить серп и косу.
Если б тот кузнец лежал 15 дней в болезненных корчах,
О, тогда наедине вдвоем наслаждались бы мы, успокоенные.

(с. 279) Я милой купил костяную гармонию,
Милая, дорогая моя, тебя я крепко люблю!
Но если ты меня не любишь,
Да будь на том свете черной свиньей.

СВАДЕБНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ *

У спокойного пусть не будет болезней;
У беспокойного пусть болезнь приключится.
«Аминь» кто скажет, пусть скажет;
Кто не скажет, пусть скорее умрет.
Да пусть к нам всегда такие невесты приходят.
Ой, чашку бузы — чашку меду
Возьмем и провозгласим
И на язык положим.
От дурных дел в стороне останемся.
Хорошие пожелания от нас не устроятся.
Дурные намерения пусть не достигают,
Пожелания дурного человека да не сбудутся в нашей жизни.
Дурные намерения пусть устроятся.
Хорошие пусть сбудутся.
Кто не желает добра тому, кто хорош с соседями,
окрестными людьми и своей семьей,
и кто не любит их, пусть у него рождаются
дураки и в доме будут покойники.
Пусть у пришедшей невестки будут почести велики, как горы.
Пусть у ней будет ум, как озеро глубоко.
Сыны и дочери пусть растут и размножаются, как равнина широкая.
Пусть будут почести чрезвычайные, а язык обтянутый ⁵⁵.
Если будет дурная, пусть родящиеся будут тоже дурными.
У хорошей пусть будут преддверья обширны и, будучи
обтянуты цепью, служили бы для песен
и плясок ⁵⁶.
(с. 280) Чтобы дойных коров в малых годах было бы не меньше ста.
Первый родившийся пусть будет таракчи ⁵⁷,

* Заимствованы из тетрадей Науруза Исмаиловича Урусбиева.

⁵⁵ Т. е. молчаливый.

⁵⁶ Вообще у горцев перед саклями есть площадки, называемые «преддверье». Здесь во время свадеб и в других случаях девушки и парни поют и пляшут.

⁵⁷ «Таракчи» — делающий для расчески шерсти гребни и сбивающий шерсть. Смысл этой строки: «первой пусть будет девочка». — Ред.

А второй пусть будет таякчи⁵⁸,
 Третий пусть будет баранщиком.
 Принесенные невесткой подарки пусть будут шелковы.
 Пусть будет первый родившийся учен и читает коран.
 Труба очага пусть будет с копотью⁵⁹.
 А сам очаг пусть будет широк.
 Пусть родившаяся дочка будет красавицей и весь свет за ней
 ухаживал бы.
 Пусть в наш аул прибывают невестки и да подарят платочки.
 Да дай бог нашему аулу спокойствие и здоровье.
 Пусть невестка, согнув ноги, сядет и в толщину ноги пряжу соткет.
 Если свекру, свекрови и своему главе молодая будет непослушна,
 пусть преждевременно погибнет.
 Пусть будет молодая крепка в поручениях от мужа,
 Пусть ее ножницы только режут шелк,
 Пусть будет поступь молодой счастьем для целого квартала.
 Сегодня этому дому радость: играем, поем, едим и пьем.
 Сегодня этому дому радость, кто не сочувствует ему,
 Пусть у того преддверье останется без песен и плясок,
 И пусть тот никогда не поест баранов,
 Чтобы есть каржин (хлеб), челюстей бы не было,
 И чтобы в руки взять, и палки не было.
 Пусть у его котла не будет ручки,
 Чтобы в этом и в том мире доли ему не было.
 Кто желает добра этому дому,
 Пусть всегда у его преддверья поют и пляшут,
 Пусть он пасет 2000 баранов,
 В старости для каржина пусть будут челюсти крепки,
 А чтобы в руки взять, пусть будет палка с серебряным
 набалдашником,
 Пусть будет ручка котла из желтого золота
 (с. 281) И под ним лошади иноходные,
 Чтобы в этом и в том мире имел дома,
 Рай Фердауса пусть будет его долей.
 Кто не любит этот дом, пусть будет жертвой большой пули.

ИМПРОВИЗАЦИЯ ОХОТНИКА *

Ой, княгиня Фатима, баксанский праздник!
 Поступь охотника пусть будет тверда,
 Пущенная им пуля пусть не сбивается;
 Сбившаяся пуля пусть в почки попадет.

⁵⁸ «Таякчи» — палочник, т. к. зажиточные горцы ходят с палками. Смысл этой строки: «второй пусть будет мальчик». — Ред.

⁶² Т. е. под покровительство и защиту Апсанты.

* Заимствовано из тетрадей Науруза Исмаиловича Урусбиева.

Когда прямо идет, пусть в сердце попадет,
 Когда предполагаешь неудачу, пусть в легкие попадет,
 Подстреленный зверь пусть кувырком скатится.
 Дай мне лежащего на белом снегу,
 Дай мне дергающего белую отаву,
 Дай мне, пока не высохнет кровь,
 Дай мне, пока пастухи не уляпнутся,
 Дай мне ходящих по самым вершинам,
 Дай мне пребывающих в глубоких балках!
 На горе ходящего пусть хребет перебеется!
 Пусть находящегося в балке ноги перебеются!
 О, дай в лошадь величины ушастую лань
 И кабана с клыками дай,
 Дай оголенного оленя!
 Убивающий пусть убивает,
 Не убивающий пусть тоже убивает
 И пусть бог отовсюду счастье несет!

ОХОТНИЧЬЯ ПЕСНЯ

Орайда!⁶⁰ Пошли в дом Апсанты⁶¹.
 Охотнику удачный день есть молоко щедрого бога.
 В неудачный день охотник подобен бесприютной собаке.
 (с. 282) Орайда! Собрались мы с разных мест,
 Под золотой подол мы вместились⁶².
 Если вместились, то угости-ка
 И тяжелой добычей утруждай-ка!
 Орайда! Рассвело, ребята, вставайте,
 Смертельное оружие приготовьте:
 Подыдемся и выйдем на горы,
 Обрызгаем кровью черные камни.
 Поднявшись вверх, не возврати нас на коне к детям;
 Пошли жаждущему молодцу добро-добычу.
 Наш рот наполнит она жиром⁶³
 И с обоих усов пусть жир капает.
 Не догоняешь, передних не останавливай — иди-ка,
 Обрызгай камни кровью из легких,
 Утоли жиром жаждущие души.
 Пусть черное ружье попусту не гудит.
 Делаемые нам благодеяния не забудь.

⁶⁰ Орайда! — припев во многих горских песнях.

⁶¹ «Апсанты» — бог охотников. (Правильно: Апсаты. — Р е д.).

⁶² Т. е. под покровительство и защиту Апсанты.

⁶³ Горцы чрезвычайно любят все жирное, и потому для них сало турье и баранье — лакомая пища.

У Апсанты есть много добра,
 На это добро мы смотрим, его мы видим;
 Завидуя ему, мы умираем,
 Когда говорят: жалки-жалки,
 Кто же жалчее охотника?
 Черствая лепешка за пазухой.
 В тесных местах ⁶⁴ много добра таятся,
 Соблазняя нас, на коне пустыми возвращает.
 Козлиная борода, желтый козел!
 Дай нам потешиться его мясом!
 Орайда! Мы идем в горы.
 Если идем, так одари нас,
 Дай нам в жертву старого козла.
 Старый козел для нас теперь призрак в тумане,
 Жир живота его белее снега.
 Орайда! Дай нам разрезать гортань, как режем барашек.
 Дай нам пробить бока, как просяное сито.
 (с. 283) Дай нам из его кожи к кольцам приделать ремни ⁶⁵.
 Дай щенкам остаток ремней на кошу трепать.
 Пусть тянутся улоулар ⁶⁶ для дичи
 Наверху — на горах моросит.
 Дай нам двурогого, обросшего мхом ⁶⁷,
 Голову с округленными большими глазами.
 Большие глаза руками вырвем,
 Наши души потешим желтым козлом.
 Орайда! Пусть жир остывает на усах.
 Пусть вьюки тянутся неделю.
 У Апсанты есть девицы с большими бровями ⁶⁸,
 На белых горах их значатся следы.
 В голову тура ударить — дело доброе.
 Кто славит бога, тому бог счастье даст.
 Возрадуются малыши, коптящие на кошу дичь.
 Чтобы в «нагише» старики голову дичи вкушали.
 Дай бог такого, чтобы годеи были для копчения
 И шкура служила бы «тулуком» ⁶⁹.
 Туры — козлиные уши!
 Самцов Апсанты гостям отдает,
 Маток для размножения оставляет,
 Щедрый бог ходящему дает,

⁶⁴ Т. е. в тесных, недоступных скалах, где живут туры.

⁶⁵ Горцы для привязывания вьюков делают из кожи животных ремни, к которым прикрепляются кольца.

⁶⁶ «Улоулар» — вьючные животные: лошади, ослы и мулы.

⁶⁷ Т. е. тура, обросшего шерстью.

⁶⁸ Т. е. туры.

⁶⁹ «Тулук» — кожаный мешок.

Прибывших гостей с почетом принимает.
Раз Апсанты дает, то пусть дает,
А те, кому не дает,
Пусть, волоча ремни ⁷⁰, возвращаются.
Покуда головы туров не падут, дом сыт не бывает,
Покуда большие головы не падут, кош сыт не бывает.

ДРУГОЙ ВАРИАНТ *

(с. 284) Орайда! Подыдемся в горы не торопясь.
Орайда! Много добра твоего в нашу сторону сгони.
Орайда! Я выстрелю, пусть катится, в корчах сгибаясь,
И к малышам на кош я в радости вернусь.
Орайда! Ой, пошли, когда же пошлешь,
Напугав, к нам (зверей) и останови!⁷¹
Орайда! Разукрась камни кровью из его легких.
Пусть он, ревя, отдаст нам свою золотую душу.
Пусть его туша уложится на ременные веревки.
Орайда! Пусть дождь пройдет и солнышко проглянет ⁷².
Из паха тура пусть кровь брызнет.
Пусть на кошу, в лучах солнца сало искрится.
Орайда, душа! Рассветает, ребята, вставайте,
Для смертного оружие готовьте,
Тура в пахи бейте.
Орайда, душа! Остерегайтесь предрассветного сна.
Пусть головою тур ударится о твердую скалу.
Орайда! Забрались на горную вершину.
Вершины гор тянутся цепью.
Орайда! На кошу хорошему и дурному одинаковый пай.
Орайда! На горе разыгрался желтый тур;
Рога у него величиной с локоть.
Легкие и печень рогатого тура охотнику.
Орайда! У того бородатого мать — желтая коза.
Да заплачет мать бородатого,
Да погладим его бородку козлиную;
Козлиная бородка — выпуклые глаза.
Орайда! Его выпученные глаза вырвем,
С его башни стащим его ⁷³,
Над ним успокоим наши души.

⁷⁰ Охотники, отправляясь на охоту, берут с собой вьючные ремни для ношения дичи.

* Заимствовано из тетр. Н. И. Урусбиева.

⁷¹ Горские охотники никогда не стреляют в зверя во время его бега, а всегда в то время, когда зверь стоит или лежит, причем стреляют с подставок (сошек).

⁷² После дождя туры выходят на пастбу и доступны охотнику.

⁷³ Т. е. со скалы.

Идут туры к своему пристанищу,
(с. 285) А охотник к месту выстрела приближается.
Орайда! Пусть его рога снимутся;
Они лишь годны на продажу.
Орайда! Идем и в удобные места станем.
Ты (Апсанты) не дашь нам с голоду и ходьбы умереть.
Твои милости мы душевно почитаем.
Когда взойдем на высоты, дай нам желтого козла.
Когда спустимся на плоскость, дай нам десятиотрогаго оленя.
Орайда! Высоты — убежище тура.
Пусть поразит его крепкий яд черного ружья.
Взошли на вершину, на вершине моросит.
Мы же идем, на бога одного уповая.
Вышли на вершину, на вершине по пояс снег.
Орайда! В угнетенном духе не возврати нас.
Орайда! Да пожуюм окисшие печени ⁷⁴.
Орайда! Из гурта — из гурта выберем
И с головами туров позабавимся.
Пусть на кошу в котлах кипятится их сало.
У Апсанты младший сын Тугулбай.
Охотником простреленная дичь пусть тут же упадет.
Орайда! К упавшему туру присоедини яловку-козу.
Тур головой ударился о каменный мыс.
Какую же дичь бог дал молодцу?
Дичь скрылась в тумане.
Пусть скорее туманы рассеются.
И тоскливые чувства скорее исчезнут.
О, дай нам без жалоб,
Прими нас, как добрых гостей!
Орайда! Если пришли — угости-ка;
Нас, несчастных, большою одари добычей;
Предназначенное счастье не удержи-ка.
Орайда! Положи-ка на ремни дичь частями.
Пусть остатки от фадана ⁷⁵ ценки на кошу потреплют.
Когда говорят: несчастный-несчастный,
(с. 286) То кто же несчастнее охотника?
Топчет он все дорожки и тропинки.
Ни одной не оставляет балки, не заглянувши туда.
Подобен он курице желтого света ⁷⁶.

⁷⁴ Часто охотники берут с собою на закуску прокопченные печени, легкие и т. п. части дичи.

⁷⁵ Фадан — это тонкие ремешки, служащие вместо дратвы или ниток для шитья чабур, чевяк и вообще вещей из кожи. Фадан выделяется из кожи тура, диких коз, оленей и из кож домашних коз.

⁷⁶ Здесь охотник уподобляется курам, которые просыпаются, когда рассвет только начинает желтеть.

Кислая печень, холодная вода —
Вот удовольствие неприхотливого охотника.
Больше оленя — зубр.
Дурному человеку счастье в руки не дается,
И на плетень его галка не садится.
В гурте — в гурте много добра
Для охотника удобно пасется,
Вкушая траву, предсмертную пищу.
Апсанты! Твое добро со мною равно подели.
Орайда! У матери пусть не родится сын,
А если родится, да не будет он охотником.
Если же тот молодец сделается охотником,
Его постигнет смерть в горах
И носимое убогое платье послужит ему саваном.
Свет девица-красавица Гамалар!
К туру козу-дуру присоединяют.
Тур — козлиная борода,
Тебя убивши, молодец
Заслуживает большой похвалы.
Если бог дает, косому⁷⁷ Апсанты дела нет.

КОЛБАСА

Худая лошадь, на весенней пастьбе разжирев, неуком становится.
Нещадная езда ретивого коня в воду превращает⁷⁸.
Кто, приняв присягу, ложно покажет, в прах превратится.
Приняв привычку питаться у княжеских дверей,
(с. 287) Бедный человек в холопа превращается;
Дурную женщину пусть дух святой ударит;
Она, огорчая мужа и с ним не уживаясь,
Обращается в соломенную вдову.
Пусть будет женщина — женщиной,
И дни ее жизни да будут златые.
В жизни дурному человеку нет почета.
Ослушницы жены страсти мужей разжигают,
Противоречащие жены мужьями избиваются.
Лентяйки, у очага сидя, гадят⁷⁹ в золе,
И чевяки их пятки не покрывают,
И плодят детей, как просяные зерна.
Их добро любовники поедают,
А мужьям сердечную боль причиняют.

⁷⁷ Мифический покровитель охотников Апсанты (у осетин Овсати) представляется горцам одноглазым.

⁷⁸ Т. е. лошадь так вспотеет, что с нее вода течет.

⁷⁹ Нецензурное выражение.

Бесстыжие женщины легко сговорчивы.
 Взоры дурного холопа на киржине ⁸⁰,
 Хороший холоп с князьями в беседе.
 Хозяину лучше осел, чем дурной холоп.
 Когда хочется лежать, один тюфяк мягок;
 На двух тюфяках лежать спине легче.
 При хорошей жене муж везде покоен.
 Хорошая невеста в дом свекра является с холстом,
 Дурная невеста приносит свекрови чуму.
 Не берите в жепы женщину, ушедшую от первого мужа, —
 У ней полон тулук ⁸¹ празднословий.
 У первобрачной, считая локтями ⁸², много бязи будет.
 Где много бязи, там и молочность ⁸³
 И в летний зной на чердаках кровяные пятна ⁸⁴.
 Такая женщина, устраняя бедность, всегда в заботах.
 Дурных женщин пусть святой дух ударит.
 Ленивые жены на оклик мужа не встают,
 А когда встают, то лица и рук не моют
 И по выходе на двор, не отворачиваясь, тут же гадят.
 (с. 288) Утром, после сна у них на пятках в три пальца грязь.
 Да не уродится у того хлеб на пашне,
 Кто у очага садится, чевяк не надевши,
 И кто очаг грязнит своими плевками,
 Не поливши водою пол сакли, пыль подметает.
 Наслаждение женщины — сон.
 У плохого холопа и тонкий хворост — дрова.
 Возбуждает нервы пастуха кефир.
 Поверьте, молодцы, этой песне.
 Пусть острый меч поразит господина,
 Дурно обращающегося с честным холопом.
 Пусть болеет животом, кто нечестен к своим соседям.
 Дурную лошадь для хозяина пусть поразит кровяной удар (талоу)*
 Не возлюбите пищу — харам.
 Эта пища не даст жиру.
 Пища от труда мала, но вкусна.
 Плохому наследнику имения не оставляйте:
 В обширных владениях он конюшен не устроит
 И скота в них водить не будет.

⁸⁰ Т. е. хлеб в виде лепешек из ячменной муки.

⁸¹ Кожаный мешок.

⁸² Горцы материю меряют локтями, т. е. от оконечности среднего пальца до локтя.

⁸³ Т. е. обилие рогатого скота.

⁸⁴ Это значит, что режут баранов или скот и мясо коптят.

* Правильно: талау. — Р е д.

Уй, колбаса, пред тобою я прошел.

Уй, украденная колбаса! Какая колбаса, —

(с. 289) Толще гурюковского бревна!

Одному желудку отдать ее жалко.

Ее внутренние кишки служили вьюками для горских ослов,

Ее наружные кишки для кабардинской арбы веревками служили.

Укравший колбасу, со всем своим потомством исчезнет.

Моя колбаса исчезла, видел ли кто?

Как же укравший так скоро все успел проглотить?

Если осталось немного, дашь ли мне?

— Как же вы узнали о моей покраже колбасы?

Вероятно, по оставшемуся жиру на пальцах.

Ой, колбаса распалась на две части.

Тот же Шемауха на колбасах попался.

Когда люди в поход собираются,

На скотных кошах шашлык⁸⁵ просят.

Когда курдюк даешь, спрашивают еще печенку.

Когда лошадь от мух отмахивается,

Ее понукают идти вперед.

Когда в присутствии бедный человек дело имеет,

Его выгоняют, как бродячую собаку.

По счету колбасы одной не хватает.

Для колбасы нет шустрее Шемаухи.

БАКСАНУК *

(Песня)

Баксанук, князь Безенги,

Был питомец ясновидящего Гиляу-хана.

У храброго Баксанука наверху обрыва стояла башня,

У этой башни двери на крепких засовах;

(с. 290) Наверху этой башни гнезда черных орлов,

На большом Жидче у Баксанука есть конюшня;

В этой конюшне вмещается тысяча баранов;

Она же полна салом.

На малом Жидче продольные большие конюшни.

Храбрый Баксанук одновременно две стрелы натягивал

И одной стрелой славу приобрел.

⁸⁵ Горцы имеют обыкновение в походах выпрашивать на кошах что-либо съестного и это давание называется «шашлык».

* Баксанук — один из предков нынешних безенгиевских таубиев Суншевых по восходящей линии седьмого колена; он же — один из потомков родоначальника Суншевых Алтун-хана, по нисходящей линии пятого колена. Взята из тетр. Н. И. Урусбиева.

Жену его звали княгинею Сарайда.
Она на плоскостных щеголей, шатающихся князей, поглядывает,
В горах в шелки одевается,
В молодых плоскостных князей влюбляется.
Баксанука жена развратная Сарайда;
Ее с плоскости Таусултанов плешивый Шаулох выслеживает.
Развратная Сарайда так сказала:
«Пусть окрестные люди и соседи улягутся
И лунный свет пусть погаснет».
В полночь у князя Баксанука
Железные двери растворились,
Жену Сарайда плешивый Шаулох увез.
Проснувшись, Баксанук по сторонам осмотрелся,
Княгиню Сарайда не нашел.
«Что за чертовщина, что за нечистая сила!
Недаром я сон видел,
Меня кто-то окликнул:
«— Что же ты спишь, проснись-ка!
Жену твою плешивый Таусултанов увозит».
Содрогнувшись, я вскочил.
Оружие в черном сундуке крепко засело ⁸⁶,
Зачем для Баксанука такие дела создались!
Пусть будет Таусултановым наше молоко, вскормившее их,
«харамом»!

Влез Баксанук на чердак,
Нашел старый лук и стрелы без перьев,
Он двух татар ⁸⁷ ими уничтожил.
(с. 291) Дай натянуть и пустить старую стрелу;
Если вкус хорош, пусть лежат два татарина.
Собаки не лизали черную воду,
Она превратилась в Терек, недоступный для перехода коням ⁸⁸.
Уходят бегством явившиеся с похвальбою враги храброго Баксанука.
Обрызганы кровью зигзаги дороги большого Хулама,
Обрызганы кровью придорожные балки ⁸⁹.

⁸⁶ Т. е. оружие оказалось запертым в сундуке крепкими замками.

⁸⁷ «Татар» — горцы так называли крымцев. Исторически известно, что одно время Кабарда находилась в подчинении у крымского хана. Ежегодно крымские «семелеры» (сборщики податей) являлись в Кабарду для собирания подати. Эти крымцы часто с кабардинскими князьями участвовали в набегах на соседние племена.

⁸⁸ Горцы, чтобы выразить большое кровопролитие, говорят, что речка, в которой нечего было лизнуть собаке, превратилась от большого количества крови и трупов в р. Терек.

⁸⁹ Безенги лежит в одном ущелье с Хуламом, выше последнего. Баксанук сам-друг со своим холопом настиг хищников около Хулама на дороге, идущей зигзагами. К сожалению, для Баксанука ночь была чрезвычайно темная, но тем не менее он, уложив много врагов, отбил свою жену от Тау-

Долай, блай, былдылай!⁹⁰

Идет скот, как кабардинский конный табун⁹¹.

(с. 292) Его наружность — бурдюк из желтой козы⁹²,
Внутри его кислое молоко от черной коровы.

Долая в это место ударим.

Желтым маслом большие-большие чашки наполним.

Ой! Если сбиваешься, то сбивайся, бурдюк!

В дом наш ханские гости приехали,

Тебя ожидая, с голоду умирают.

Если сбиваешься, то сбивайся, бурдюк!

Если же не сбиваешься, то твою ножную часть продырявят

И голову твою навыворот вывернут,

И твои внутренности вытряхнут,

И нас вдвоем друг к другу привяжут.

Ой! Долай, блай, кто не говорит?

Наша ведьма — экономка-страшилище с орлиной головой,

Что находит, ртом всасывает,

О настоящем и будущем не думает.

В большие-большие чашки желтое масло вложим

И перед старшим поставим.

Он нам по очереди даст доли,

И им сказанное быстро-бегло исполнится.

Если им сказанное быстро-бегло не исполнится,

То по икрам хворостиной высекут.

Да, скажу я долаевскую песню.

И да пусть бурдючный живот прорвется маслом;

Целый, неиспорченный бурдюк!

Безводный с маслом бурдюк,

Ой! Для молодца лето настает,

Молодец играет, дева смеется.

Ой! Кто же не знает, что в бурдюке?

На «нагиш» не выходящий старец

И младенец, не умеющий подвязать ремни чабур.

султанова, который успел бежать, и привез ее домой. Здесь он ее привязал к хвосту неук-лошади, и таким образом она была истерзана о камни. Рассказывают, что Баксанук, собрав останки жены, похоронил их около своей башни и поставил надмогильный камень. Каждое утро Баксанук садился поодаль от могилы жены и пускал в камень стрелы. Так он проделывал до самой своей смерти.

* Взято из тетр. Н. И. Урусбиева.

«Долай» — песня, которая поется во время сбивания масла в бурдюке, большей частью импровизация.

⁹⁰ Припевы.

⁹¹ Чтобы показать многочисленность скота, горцы сравнивают его с кабардинскими конными табунами, так как последние всегда многочисленны.

⁹² Бурдюки делаются из кожи козы.

ДОЛАЙ

(Другой вариант)

(с. 293) Верхи плетня — чалый кол.
Несчастливая девица, выходящая замуж за чалого.
Хорошие матери красивых девиц выращивают
И их корсеты неведомые молодцы расстегивают⁹³.
Ой, долай! Не бьется без полсти!⁹⁴
Не оставь нас, боже, без того масла,
Которое сбивается в этом бурдюке.
Женщина-ведьма к вечеру сделала «какк»⁹⁵;
Оно с желтым маслом лакомое блюдо,
Пошли нам, Господь, в большой чашке желтое масло.
Ой! Если сбиваешься, то сбейся!
Если не собьешься, тойайрак⁹⁶ вылью черной собаке;
Если собьешься, желтое масло в красный бурдюк вложу⁹⁷.

КНЯГИНЯ ДАУМ

(Горская песня)*

Балатукова дочь, княгиня Даум, сон видела.
В испуге проснувшись, мужу сон рассказала:
— Князь мой, во сне я сон видела;
Для нас неподходящие дела видела:
На полу сабли видела красную кровь.
На кровати на тебя похожего мертвеца видела.
(с. 294) Оденься-ка в старое железо.
— О, не бойся, не бойся, княгиня Даум!
Вчера младший брат Жанчек на ланей пошел;
Вероятно, он убил оленя, вот что означает твой сон.
Так сказал Алисултан, с тем они заснули до рассвета.
Утром, рано проснувшись, она в окно посмотрела.
— Снизу несколько всадников едут;
Двое впереди совет держат:

⁹³ У туземцев Северного Кавказа девицы почти с малых лет зашиваются в корсеты из кожи, и эти корсеты остаются в таком виде вплоть до замужества, и только муж вправе снять этот корсет.

⁹⁴ При сбивании масла бурдюк ставят на полсть.

⁹⁵ «Какк» — это ячменная мука, заваренная в кипятке; получается какк, который едят с маслом.

⁹⁶ Кислое молоко.

⁹⁷ Кожаный мешок шерстью внутрь.

* Тема песни взята из древней кабардинской жизни, когда князя, враждуя между собой, истребляли целые княжеские роды. Взята из тетради Н. И. Урусбиева.

Если мои глаза не ошибаются,
 Ей-богу, наших князей истребляют.
 — О, не бойся, не бойся, княгиня Даум!
 Кайтуков Асланбек — присяжный друг⁹⁸;
 Без ведома Асланбека что же мне сделать?
 — Твои болезни принимаю, будь осторожен!
 Асланбек с пегими глазами,
 А кого хочет убить, тому хорошо льстит.
 — Сорочку надену под панцирь.
 Что же может случиться по милости Асланбека?
 — Надень на себя панцирь
 И припомни свои все дурные поступки.
 В подозрную трубу посмотрела;
 Впереди ехавшего всадника узнала.
 — Если глаза меня не обманывают,
 То едет Бекмурзин Татархан.
 — О, не бойся, не бойся, княгиня Даум!
 Погуще суп свари, подправь его луком.
 До обеда (гости) игрой в шахматы займутся,
 А после обеда по домам разъедутся.
 Эти трусы, разъехавшись, что же мне сделают?
 Пока так они рассуждали, гости подъехали,
 Алисултана в шашлык изрубили.
 Плача и рыдая, княгиня Даум так сказала:
 — По полу сакли черная кровь разлилась;
 Льстя нам, пад нами понатешился
 Асланбек — рыжий медведь.
 Намокли кровью красные шелковые одежды,
 Нас убить пришли вскормленные нашим молоком емчеки.
 Помывши свой платок, на каменную ограду раскинула,
 (с. 295) Чтобы им мою лебединую шею удавить?
 Пусть этот мой несчастный день станет таким же днем
 Для жены Асланбека — ведьмы Чуал.
 Жанчек вернулся с навьюченной дичью.
 Асланбек, вернувшись, уничтожил последнего потомка
 Шатуенуковых:

Жанчека арканом удавили;
 Княгиню Даум с босыми ногами угнали.
 Узнавши о смерти Асланбека и Жанчека,
 Емчеки, одаренные семью лошадьми, с сожалением не приходят.

⁹⁸ В прежние времена в туземном населении друзья присягали в верности.

СОСУК

(Сказка)*

(с. 296) Сосук был таков человек: он из древесных углей баранов делал, а золу превращал в соль и ею баранов кормил. Он был храбр и мужественен, но свою храбрость и мужество никому не выказывал. Ночью он отправлялся вдаль, разбивал таборы, забирал их казну и наутро уже был дома (все это были мечты Сосука). Днем же Сосук лежал, растянувшись на солнце, и малые и большие прохожие над ним смеялись, называя его круглым дураком.

Родные Сосука, полагая, что он с ума сошел, пригласили в свой дом аульных знахарей и знахарок для совета, как поступить с сумасшедшим. Знахари и знахарки сказали: на перекрестке семи дорог выстроить конюшню, поселить там Сосука и дать ему семь баранов. Родные так и сделали.

Через 7 лет Сосук приобрел 7000 баранов, с которыми явился в общество. С этого времени не только никто не осмеливался называть Сосука дураком, но к нему все относились с большим уважением. Таков был Сосук.

ОРЮЗМЕК

(Легенда)**

Однажды, когда старые люди сидели на «нагише» и рассуждали о разных делах, в это время богатые и (с. 297) зажиточные люди вели в дань по одному быку по третьему году (трехгодовалые).

Менее зажиточные — белого с черными ушами по второму году волоха (выложенный баран).

У кого не было того и другого, — по кувшину пива.

Не имевшие всего этого — копченые бока или просоленные безрогие головы кочкарей (тоже выложенный баран).

Все это вели и несли в дань нартскому князю, волшебнику Пукку. Позади шествующих с данью шел хромой старик.

— Старый человек, остановись, я хочу тебе что-то сказать и спросить, — так сказал Орюзмек.

— Что же хочешь сказать?

— Куда несут это подаяние?

— Твоему князю, князю нартов, Пукку, несут, — так сказал старый человек.

— Да не будь мое имя Орюзмек, если я все это не возьму и не сделаюсь князем над нартским народом, — так сказал Орюзмек.

Затем Орюзмек отправился к Пукку и сказал ему, что если «тё-

* Записана в Балкарии.

** Переведена с горского из тетради Науруза Урусбиева.

ре»⁹⁹ не уничтожит этот обычай, он ему, Пукку, серпом голову снесет. Сказавши это, он от Пукка удалился.

Люди начали осуждать нартовское «торе».

Пукк от страха стражу расставил.

Не доверяя страже, он сам вышел посмотреть. Он увидел ехавшего Орюзмека. От страха Пукк скрылся и в своем доме спрятался и затворился.

Орюзбек вошел в дом к Пукку. Пукк успел выбежать и очутился между небом и тучами. Здесь Пукк из орлиного крыла устроил башню и из стекла сделал окна, дождь и росу на небо снес и начал согревать землю.

От этого колосья на пашнях не созревали, женщины перестали рожать, овцы и козы перестали котиться. Нарт стал голодать и ослабевать.

Нартские старики и молодые единогласно стали Орюзмека упрекать: «Ой, Орюзбек, ты стал нашим князем, и у нартов го (с. 298) лод настал. Когда же Пукк был нашим князем, пашни наши созревали, женщины рожали, овцы и козы котились».

Аликова большой мяч * был покрыт горными заносами. Собрав всех нартов, Орюзбек раскопал его. Очистили и обтерли мяч. Наполнили мяч девятью сапетками порошу, а сам Орюзбек вошел туда вместо пули. Дулом мяч повернули к небу. Орюзбек приказал клеврету Пукка, Батмурзе, впустив искру, стрелять. Батмурза не осмелился стрелять.

Не было того, чтобы колдунья Сатанай этого не знала. Она, взяв с огня головешку, ударила ею по мячу, и он выстрелил. Орюзбек вылетел, исчез и пропал.

В окно башни Пукка вцепился Орюзбек.

— Счастливый день, наш князь Пукк! — Так сказал Орюзбек и вошел к Пукку в башню.

Пукк от страха и ужаса лопнул.

С тех пор у нартов колосья на пашнях стали созревать, женщины рожали, овцы и козы котились.

ОРЮЗМЕК

(Сказка)**

Однажды Орюзбек сделал набег на плоскость, к ногайцам. Там он отбил небольшой табун лошадей и гнал его домой. На ночь он сделал из хворосту баз, куда загнал лошадей на ночлег. Не успел

⁹⁹ «Торе» то же самое, как наше новгородское вече. (Правильно: төре. — Ред.)

* В карачаево-балк. яз. слова «мяч» и «пушка» — ономимы (топ). Видимо, Тульчинский не знал этого, перевел слово топ с оригинала, как мяч, хотя по смыслу, а также в др. вариантах этого сказания стреляли из пушки. — Ред.

** Записана в Хуламе.

он сам расположиться для отдыха поблизости этого база, как невдалеке заметил костер. Пошел он на свет костра. Здесь он увидел пляшущих чертей. Тогда он обнажает шашку и вступает в бой с печистой силой. Он рубит направо и налево. Черти исчезают. Одержав таким образом победу, торжествующий Орюзбек возвратился к своему импровизированному ложу. Не успел он прилечь, как опять заметил пляшущих чертей вокруг костра. Тогда он подумал, что саблей чертей не изведешь, а надо придумать другие способы. (с. 299) Приблизившись к чертовской вакханалии, он был поражен красотой чертовок. Недолго думая, Орюзбек берет за руки двух чертовок, начинает с ними плясать и, увлекшись любовным соблазном преисподних красавиц, стал их прижимать к своей груди и целовать. Заметили это черти и предложили Орюзбеку жениться на одной из них, уверяя его, что она будет ему верна и будет жить в дружбе с его женой Сатанай.

Орюзбек с большим удовольствием согласился на предложение чертей и спросил их, что они возьмут в калым. Черти ответили, что в калым они возьмут три головы: первую — что под ним ходит (лошадь), вторую — что на голову надевают (шлем) и третью — что сбоку привешивается (сабля). Смекнул Орюзбек, что черти хотят его обездорожить и обессилить, чтобы легче закабалить его. Тогда он пускается на хитрость.

«Я согласен на ваше предложение, — говорит Орюзбек, — но дело вот в чем: на шлеме у меня изображение моего патрона, а дома у меня есть повелительница; без их совета я ничего не делаю, поэтому я должен поехать домой за советом; вы же скажите, где я вас найду?» — «Покуда роса не высохнет, мы здесь будем, а потом мы исчезнем, и нас не найдешь». Так ответили черти. Орюзбек, надеясь на быстроту копы, тотчас же поскакал домой.

Между тем жена Орюзбека, колдунья Сатанай *, уже все знала о приключениях его и решила принять меры, чтобы отвратить Орюзбека от облюбованной им чертовки. Ночью прискакал Орюзбек и, полагая, что дверь сакли затворена засовом, стал стучать в окно, чтобы Сатанай его впустила. «Что за нахал в такую пору ночи стучится? Как будто любовник к своей любовнице. Если хочешь войти, то на то есть дверь». Орюзбек вошел в саклю и так как он был очень голоден, то Сатанай сытно накормила и напоила его; под влиянием этой сытости и усталости Орюзбек заснул. Тогда Сатанай напустила на него иллюзию, которая заключалась в том, что как только проснулся Орюзбек, он видел на небе яркие звезды и думал, что, стало быть, (с. 300) еще ночь и к чертям успеет, а потому вновь засыпал. Когда же иллюзия была снята, Орюзбек увидел, что уже давно настал день, и о чертях нечего помышлять. Он страшно рассердился

* Орюзбек и Сатанай фигурируют в сказаниях о нартах у дигорцев (см. «Осетинские этюды» Вс. Миллера, часть первая).

на свою колдунью-жену и от нее ушел бродить по белу свету.

Однажды в кузнице собрался праздный народ и рассуждал о причинах исчезновения Орюзмека. При этом говорили: неужели не найдется такой молодец, который бы списал ласки Сатанай? Кузнец Улауган Дебетов стал хвастаться, что стоит только ему захотеть, и он будет иметь успех у этой колдуньи. Слушатели выразили сомнение. Тогда кузнец показал своим гостям фокус: он бросил сделанные им три складных ножичка, и они превратились в трех прекрасных юношей; затем этих юношей он опять превратил в ножи, которые положил к себе в карман.

«Итак, при помощи этих ножей я добьюсь от Сатанай всего, что мне будет угодно», — сказал кузнец.

Сказано — сделано. Улучив время, кузнец отправился в дом Сатанай. Она приняла его учтиво и хорошо угостила. Кузнец вынул из кармана три ножа, раскрыл их и бросил; они превратились в красивых молодых людей, которые стали услуживать Сатанай. Сразу влюбившись в юношей, Сатанай стала просить кузнеца уступить их ей, взамен чего обещала дать ему драгоценные вещи. «Никаких драгоценных вещей мне не надо, я желаю твоих ласк, и если согласишься на это, то мои три молодца навсегда будут твоими». Сатанай согласилась, заранее задумав обмануть кузнеца.

У Сатанай была служанка; Сатанай-колдунья придала ей свой образ и приказала ей угождать кузнецу. Пришел кузнец; его встретила служанка в одеждах и в образе Сатанай. Милуясь с нею, кузнец как-то отплюнул, и плевок его попал на стену; а известно, что у кузнецов все черно, поэтому попавший в стену плевок оставил черное пятно, которое не могло быть выведено никакими средствами.

Долго ли, коротко ли, Орюзмеку наконец надоело скитаться по белому свету. Он вернулся домой. Но и на этот раз ему не пришлось долго оставаться дома. Заприметив на стене спальный черное пятно, он заподозрил, что у жены-колдуньи есть любовник. Пошли опять упреки и ссоры, и (с. 301) в конце концов Орюзбек вновь покидает дом и жену для скитания в чужих странах.

Проходит некоторое время, и вдруг Сатанай получает от Орюзмека послание, в котором он просит сто однорогих быков и 400 кочкарей¹⁰⁹. Сатанай догадалась, что Орюзбек требует войска. Она послала.

С этим войском Орюзбек отбил много добра в чужих странах и с этим добром он вернулся домой и мирно зажил с колдуньей-женой.

¹⁰⁰ Кочкарей — выложенный бараб.

СОЗАР ГЕЗОХОВ*

(Сказка)

Гезоховых было 60 всадников. Они от болезни все вымерли, осталась одна беременная жепщина. Она была дочерью Индилая и женою одного из Гезоховых. От нее родившийся Созар был как вытянутое золото. Аксак-Темир** его в кровные емчеки взял, и он при нем день-депской рос. Живя таким образом, Созар сделался всадником и в дружбе с товарищами присягу дал.

Однажды Созар обратился к своему емчекскому отцу с такою речью: «Не осталось ли от моего отца какое домашнее имущество, оружие и принадлежности к нему?»

Емчекский отец, открыв черный сундук, показал Созару отцовское оружие и принадлежности к нему.

— Теперь возьми эту уздечку и отправься к скачечному кургану, — так сказал емчекский отец Созару. — Если этой уздечкой позвонишь, то все оставшиеся вашего завода лошади прибегут к тебе. Из них какая первая прибежит и мордой коснется уздечки, ту, глядя и лаская, береги для себя и прими присягу, что ее ты не будешь отчуждать. Она (с. 302) тебе будет служить как брат и твоим недругам будет непримиримым врагом.

Созар взял уздечку, отправился к скачечному кургану и, как сказал емчекский отец, уздечкой позвонил; тогда из колючего кустарника на звон уздечки выбежало несколько лошадей, и одна из них, молодой жеребенок с темной шерстью, впереди всех на ружейный выстрел примчалась к Созару и на свою морду надела уздечку.

«Я тебя не возьму, пусть растерзают волки». Сказав это, Созар ударил жеребенка и отогнал его от себя. Когда же Созар вновь позвонил уздечкой, то и на этот раз тот же жеребенок впереди на два выстрела от других лошадей опять примчался к Созару.

«Хотя этот жеребенок мне не нравится, но, по-видимому, он обладает хорошими качествами». Сказав это, Созар погладил жеребенка, надел уздечку и оседлал его. Когда на жеребенка надели уздечку, он сделался двухлетним; когда оседлали, он превратился в трехлетнего; когда же Созар сел на него и ударил плетью, он превратился в четырехлетнего, три дня прожил, седьмой год пошел ему. Почистив, погладив, Созар сделал его статным конем и не сбывать его присягу дал.

После всего этого конь заговорил человеческим голосом: «Если ты достойный сын Гезоха, то будь доблестным всадником, а я буду верным твоим конем. У Елия на берегу Эдыля есть несметное количество лошадей, отправимся туда и их пригоним. Если мы их с верх-

* Сказка переведена с горского языка из тетради Науруза Исмаиловича Урусбиева.

** Аксак-Темир — один из популярных волшебников из партов.

ней стороны Нарозина пригоним, то нартского князя Темпр-Чокка молния убьет, и тем ты совершишь кровную месть за своего отца. Он много зла сделал твоему отцу. На Эдиле есть большой медный мост. Если мы от этого моста уйдем незаметно для Елия, то благополучно пройдем. Если он нас приметит, то живыми нас не пропустит. Сторожем у Елия черный орел. Увидевши нас, он даст знать Елии. Если ты достойный всадник, то я не оплошаю, только ты разогрей меня дубовой палкой от ярма, и я перепрыгну через мост».

Созар вскочил на коня, два раза ударил его плетью, и конь мигом очутился около моста. Здесь Созар спрыгнул с лошади, подтянул подпруги, снова сел и дубовой (с. 303) палкой от ярма стал разжигать коня, приговаривая: «чух, чух!..»

Конь прыгнул и на два выстрела очутился впереди моста и вместе с тем всеми четырьмя погами врезался в землю. Чтобы выйти из этого затруднительного положения, конь со всех своих сил прыгнул вверх, и от копыт полетели большие комья земли, которые, ударяясь о медный мост, произвели страшный шум. Сторож Елии, черный орел, проснувшись от этого шума, полетел дать знать.

«Ой, плохо, Созар. Если ты достойный сын Гезоха, то положи ружье на луку седла и убей орла; если же ты этого не сделаешь, то наши пашни сожгутся другими». Созар оказался достойным сыном Гезоха: он выстрелил и поразил орла в крыло. Орел свалился на землю.

«Бог нас избавил от опасного врага. Теперь угоним табун Елия». Так сказала лошадь. Сказав это, конь три раза повалился на песок и три раза по клею и сделался толстым, как гора Бештау.

«В табуне есть белый жеребец с золотистым хвостом. Он питается песком и клеем. Увидев нас, он начнет со мною бороться. Я его тело разгрызу, и если он от этого ослабеет, то мы его убьем, но если я ослабею, то ты, как достойный сын отца, взнуздай его и оседлай. Когда на него сядешь и поедешь, то за тобой весь табун пойдет». Как сказала лошадь, так и сбылось. Когда Созар подъехал к табуну, от него отделился белый жеребец с золотистым хвостом, который сейчас же вступил в бой с Созаровым конем. После некоторой борьбы жеребец стал одолевать; тогда доблестный Созар схватил жеребца за золотистый хвост, накинул на него узду, оседлал, крепче подтянул подпруги, вскочил в седло и крепко уселся на жеребце. Рассерженный жеребец три раза подпрыгивал почти до неба и спускался на землю, желая сбросить седока, но Созар крепко сидел.

«Ты достойный всадник, я буду тебе достойным конем», — так сказал жеребец.

«На берегу Эдыля есть медное корыто, из которого мы пьем целебную воду. Если это корыто сумеешь привязать к моему хвосту, то весь табун за нами пойдет».

Как сказал жеребец, так и сделал Созар: (с. 304) привязал к зо-

лотову хвосту медное корыто, и по звону его весь табун Елия за ним пошел.

Созар табун погнал с верхней стороны Нарозина; в это время сверкнула молния, ударил оглушительный гром, и этой молнией кровник Созара, партский князь Темир-Чокка, был убит.

Созар Гезохов с табуном волшебника Елия явился к своему ем-чекскому отцу, зажил богато и прославился своею храбростью.

СЛЕД ЛЬВА*

(Сказка)

Однажды в одном горном ауле правитель его, или старшина, влюбился в свою прекрасную соседку и искал случая свидеться с нею наедине. Случай этот скоро представился: муж соседки отправился на свой кош, чем и воспользовался старшина; он послал сказать соседке, что желает посетить ее. Умная женщина сразу отгадала цель посещения; она не отказала в удовлетворении желания старшины; прибрала саклю, нарядилась в лучшие одежды, положила на стол коран и, раскрывши то место, где трактуется о грехе прелюбодеяния, стала ожидать гостя. Гость не замедлил явиться.

После обычных приветствий и нескольких сказанных друг другу слов, хозяйка, под предлогом кое-что сделать по хозяйству, отлучилась из сакли. Гость от нечего делать заглянул в раскрытый коран и невольно прочитал места, как раз подходящие к данному случаю. Старшина был человек набожный; ему страшно стало совестно за свой неблаговидный поступок и, чтобы загладить его, он, не дожидаясь прихода хозяйки, тихо и бесшумно удалился, но, к несчастью хозяйки, забыл в сакле свои кожаные калоши, на которые сама хозяйка не обратила внимания.

Явился хозяин дома и, заметив чужие мужские калоши, (с. 305) заподозрил жену в том, что она имеет любовника; он стал упрекать ее в неверности и в разврате. Бедная женщина, не зная истинной причины подозрения мужа, полагала, что он подсмотрел свидание ее наедине с старшиной, поэтому она так растерялась, что не нашла, что ответить; это обстоятельство еще более усилило подозрение мужа, и он без всяких церемоний прогнал ее из дома.

Прогнанная жена, чувствуя себя безвинно пострадавшей, стала придумывать всевозможные комбинации, чтобы опять сойтись с мужем, и вот придумала следующее.

У мужа ее был сабан (пашня) от старшины на ортакских¹⁰¹

* Записано в Хуламе.

¹⁰¹ «Ортак» — половина. Это своего рода аренда: хозяин пашни отдает ее другому лицу на условиях, что последний должен обрабатывать пашню, т. е. пахать, сеять, орошать и убирать хлеб, а хозяину пашни обязывается выдавать известное количество урожая.

условиях. Когда муж прогнал свою жену, он очень грустил и совсем перестал обрабатывать сабан, так что он пришел в полное запустение. Тогда прогнанная жена подослала к старшине своих братьев с жалобой, что де сабан, служивший единственным пропитанием семьи, совершенно заброшен, так что дети голодают. Старшина, призвав мужа, предъявил ему эту жалобу. Тогда муж ответил, что потому перестал обрабатывать сабан, что однажды он там встретил след льва и, во избежание быть растерзанным этим зверем, перестал заниматься пашней.

Умный старшина догадался, в чей огород брошен камешек. Он стал уверять мужа, что этот двуногий лев самое безобидное животное, которое пикогда не сделало и впредь не сделает ему никакого зла, причем старшина рассказал ему про свой грех и о том, как честно поступила его жена.

Обрадованный таким ответом, муж обратно взял в свой дом жену и отныне они стали жить мирно.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АК-СУЕК*

Легенда

(с. 306) В давно минувшие времена, когда нынешние обитатели** горных ущелий рр. Баксана, Чегема, Черема и Урванн были все равны и за отсутствием высших сословий не имели над собою никакой власти, жил в одном из указанных ущелий вдовец-старик с единственной дочерью. Старик был набожный, богобоязненный и нравы и обычаи страны оберегал в неприкосновенной чистоте. Он часто посещал кладбище и так его полюбил, что почти ежедневно ухаживал за ним: расчищал дорожки, выдергивал сорные травы, поправлял могилки и надгробные камни и т. п.

Однажды при своих обычных запятых на кладбище старик в одном небольшом углублении, образовавшемся от размыва горных потоков, нашел человеческий череп. Подняв его, старик прочитал на нем надпись: «При жизни мой обладатель погубил сто душ и мне, мертвой голове, роком предопределено погубить тоже сто душ...». Призадумался старик над этой зловещей надписью. «Нет, не бывать этому душегубству, думал про себя старик; но как это сделать? Одно средство остается: уничтожить череп, обратить его в пепел и этот пепел развеять по ветру».

Зажег старик костер, и когда он изрядно разгорелся, бросил туда череп. Запылал череп ярким серебристым огнем; и к крайнему изум-

* Легенда записана в Хуламе. В прежнее время горские таубии также именовались «ак-суек» (ак — белый, суек — кость).

** Генеральные общества: Баксанское, Чегемское, Хуламское, Безенгисское и Балкарское.

лению старика, череп почти весь истлел, только одна небольшая часть кости никак не могла сгореть, а напротив, чем больше горела, тем все белее и белее становилась. Делать было нечего, пришлось вынуть из огня белую кость и уничтожить иным способом, ибо так оставить — значило бы потворствовать предопределенному злу. Тогда старик истолок остаток черепа в мелкий порошок, завернул его в тряпку и отдал своей дочери на сбережение, крепко-накрепко заказав хранить его, как зеницу ока.

(с. 307) Вскорости после происшествия с человеческим черепом набожный старик по примеру благочестивых мусульман отправился в Мекку на поклонение гробу Магомета. Покуда старик молился богу в Мекке, в это время его дочь сильно заболела; с течением времени болезнь все больше и больше обострялась. Неимоверные страдания, причиненные болезнью, внушили бедной девушке мысль, что она уже не выздоровеет и должна умереть. «Если это так, то чем скорее — тем лучше, — думала она, по крайней мере избавлюсь от невыносимых мучений». Она вспомнила о порошке белой кости и, полагая, что это не что иное, как сильный яд, развела его в воде и вышла смесь.

Белая кость совершила двойное чудо: больная не только не умерла, но быстро стала выздоравливать и, окончательно выздоровевши, забеременела.

Это последнее обстоятельство как громом поразило несчастную девушку. Как! — она, скромная девушка, дочь благочестивого и высокопоставленного отца, и вдруг беременна! Что скажут на «нагише» мужчины и у родников женщины? ¹⁰² Несчастная жертва белой кости считала себя окончательно погибшей. И действительно, как только беременность стала заметна, а прикрыть ее не было возможности, пошли в народе пересуды и сплетни всякого рода.

В это злосчастное для бедной девушки время возвратился с богомолья ее отец. Он обомлел от ужаса и горя, увидев свою дочь в таком непривлекательном положении, а тут еще к его услугам подоспели кумовья и кумушки со своими сплетнями, прикрашивая их выдумками возмутительного характера. Блюдя чистоту нравов, старик пришел к заключению, что такое ужасное, неслыханное преступление может быть искуплено только смертью, и он решил сам убить свою дочь, о чем ей и объявил.

«Да, отец, я заслужила назначенную тобою казнь, не исполнив твой завет; но прежде чем казнить, выслушай меня и суди». И бедная девушка рассказала, как было дело. Тогда отец пощадил свою дочь.

Когда настало время, девушка родила прекрасного мальчика.

¹⁰² «Нагиш» — собрание мужчин для праздных разговоров, а к родникам собираются женщины и девушки с кувшинами за водой. (Правильно: ныгыш. — Р е д.).

(с. 308) Мальчик, подрастая, все хорошел и хорошел на радость матери и деда. В школьном возрасте мальчика отдали в ученье в город, где жил царь, к одному опытному учителю. Мальчик был очень понятливый, учился прекрасно, и учитель не мог на него нарадоваться.

Однажды уличные мальчишки поймали в реке золотую рыбку и понесли ее в подарок к царице. Узнавши об этом, царица послала гонца спросить, не к мужскому ли полу принадлежит рыбка, и если к мужскому, то она отказывается принять ее, ибо она дала обет кроме мужа не видеть не только мужчин, но и животных, принадлежащих к этому полу. Рыбка оказалась самцом. Когда рыбка узнала об отказе царицы принять ее, она высоко вспрыгнула вверх, шлепнулась опять в чашку с водой и умерла.

Такое необычайное происшествие с золотой рыбкой сделалось известным царю. Он захотел узнать причину смерти рыбки, для чего созвал ученых и в том числе учителя мальчика. Царь категорически объявил ученым, что если они не разгадают причину смерти рыбки, он их казнит. Ученые просили отсрочку, которую и получили. Долго ученые ломали свои головы, но из этого никакого толку не выходило: загадка оставалась неразгаданной. Учитель, весь углубленный в книги, ища решения задачи, совсем забросил учение с мальчиком.

Однажды мальчик обратился к своему учителю с следующими словами: «Скажи, учитель, какие причины тому, что ты уже давно перестал со мною заниматься и с глубокой думой все роешься в ученых книгах? Скажи, в чем дело, — может быть, я помогу тебе». Учитель рассказал своему ученику историю с золотой рыбкой и с грустью прибавил: «Теперь настал срок дать ответ царю, но так как задача осталась нерешенной, то наши головы падут от руки палача». — «Не кручинься, мой дорогой учитель, решение задачи для меня ясно; поведи меня к царю, и я ему разгадаю загадку». Учитель в словах мальчика видел не более как похвальбу, но так или иначе, а хуже того, что уже есть — не будет; поэтому он решил взять мальчика в царский дворец.

Наступил срок, и ученые с поникшими головами и сильной тревогой явились во дворец и с трепетом ожидали выхода царя. Туда же пришли учитель со своим (с. 309) учеником. Вышел царь и строгим голосом обратился к ученым, спрашивая, разрешили ли они заданную задачу. Тогда учитель, выступив вперед, с низким поклоном обратился к царю с речью: «Государь, решение заданной нам задачи настолько просто, что не заслуживает, чтобы ученые люди занимались такими пустяками, ибо каждый мальчик может легко разрешить эту загадку, в доказательство чего вот мой ученик ее разгадает».

Изумленный такою неожиданностью, царь приказал мальчику рассказать то, что он знает.

«Государь, — сказал мальчик: — прошу, не добивайтесь горькой

для вас истины, но если вы настаиваете, то я не иначе передам это вам, как с глаза на глаз без посторонних свидетелей». Еще более изумленный, царь приказал всем присутствующим удалиться. Тогда мальчик так сказал: «Государь, рыбка поведала мне следующее: «Когда я узнала, говорила рыбка, что царица отказывается меня принять, потому что я самец, я была крайне огорчена и опечалена. Что я могу, маленькая ничтожная рыбка, сделать дурного царице, которая, прикрываясь благочестием и целомудрием, развратничает в роскошных чертогах, устроенных под дворцом, с прекрасными юношами, число которых сто. Я не могу, подобно людям, пережить такое лицемерие и добровольно лишаю себя жизни». С этими словами рыбка подпрыгнула высоко вверх, ударилась о чашку с водой и умерла. Вот и теперь, государь, прибавил мальчик, все фрейлины твоей царицы в числе ста — переодетые юноши».

Разгневанный царь немедленно сделал обыск, и все сказанное мальчиком подтвердилось. Тогда царь приказал сто юношей казнить, а жену привязать к четырем неукам-лешадям, которые разорвали ее на куски. Само собою разумеется, царь щедро наградил мальчика и отпустил его с миром.

Таким образом, то, что было предопределено надписью на человеческом черепе, пунктуально сбылось.

По окончании учения мальчик уже взрослым молодым человеком вернулся в горы, куда уже достигла весть о его умных подвигах. Свой народ принял его с большим почетом, сделал его старшиною. От него пошли «Ак-суеки», что значит белая кость.

ПРЕДАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БАЛКАРСКИХ ТАУБИЕВ БАЛКАРОКОВЫХ, БАРАЗБИЕВЫХ И КУЧУКОВЫХ*

(с. 310) Аяфоко и сын его Ипар в Убыхе (Абхазия) совершили убийство и должны были оставить родину из опасения кровной мести. Они направились в страну, ныне занимаемую кабардинцами. Первоначально они поселились недалеко от верховьев р. Кумы. Здесь Аяфоко заболел и умер. Оставшись один, Ипар держал путь дальше и пришел на Баксан, в местность, где теперь живет князь Жанбот Наурузов с своею семьей, в нескольких верстах выше сыроварни Урусбиевых. Осевши в этих местах, Ипар женился на дочери одного из князей Атажукиных; от этого брака у него родились два сына, Баймурза и Жамурза. Мальчики выросли и сделались хорошими охотниками. Между тем отец их Ипар умер.

Однажды братья пошли на охоту в разные стороны, и младший брат Баймурза около горы Бедыко нашел пещеру (на правой сторо-

* Записано в Чегеме со слов таубия Муссы Барасбиева.

не р. Баксана), называющуюся и поныне «Баймурза-дорбун» (пещера Баймурзы). Когда братья сошлись, они уговорились поселиться в этой пещере, но тут они не долго жили: однажды, охотясь, братья спустились в ущелье р. Чегема; здесь они заметили плывущие по воде щепки, тогда один сказал другому: «Вероятно, наверху по реке живут люди, идем искать их». Таким образом, братья направились вверх по р. Чегему и дошли до урочища «Актопрах»* (белая глина — внизу скал Лха). На «Актопрахе» оказалось так много дичи и в особенности оленей, что братья, соблазнившись охотой, решили остаться здесь на некоторое время. Охотники так много настреляли оленей, что из рогов их построили балаганы. Насытившись охотой, братья пошли дальше вверх по Чегему, дошли до места, где теперь селение Чегем. Здесь они встретили человека, но так как языки их были различные, то братьям только с трудом удалось узнать, что в недоступных местах вверх по р. Джилкису находится целое поселение; братья направились туда. На (с. 311) их вопросы, почему селение находится в таких недоступных скалах, жители ответили, что ниже жить им нельзя, так как их враги — соседи-балкарцы будут их тревожить постоянными набегами; тогда братья предложили поселку свои услуги для защиты от врагов.

Изыскивая способы обессилить балкарцев, братья надумали следовать; они отправили к балкарцам надежного человека с тем, чтобы уговорить их сделать набег на поселок Джилки. Посланный действительно на сходах балкарцев стал держать речь, что теперь самое удобное время напасть на джилкинцев, что он знает дорогу и поведет рать, причем обещал хорошую добычу: не только забрать все имущество, но и всех жителей поселка обратить в рабство. Балкарцы поверили коварным речам джилкинца и всей массой направились на Чегем. Между тем братья Жамурза и Баймурза, извещенные о нашествии врага, пошли навстречу к нему, а отборных джигитов направили в тыл; и на реке Джилки-су, где теперь аул Чегем, произошла кровавая схватка. Меткие стрелы братьев сыпались дождем, а джигиты напирали с тыла; кровь лилась потоками в речку, так что вода в ней обратилась в кровь (поэтому речка названа Джилки-су, что значит кровавая). Таким образом, балкарцы были почти истреблены, а те, которые спаслись бегством, уже не могли причинять вред джилкинцам. Тогда они перенесли свое селение на нынешнее место (селение Чегем), и здесь Жамурза построил башню, сохранившуюся по настоящее время.

Оказавши такие услуги чегемцам, братья Жамурза и Баймурза стали пользоваться среди народа большим уважением и почетом, а равно таким же уважением и почетом пользовались и по смерти братьев их сыновья и внуки, которые стали называться Балкароковыми. Между тем во время рассказанных событий и до них во главе чегем-

* Правильно: Актопрак. — Р е д.

цев стояла фамилия Рычкаовых, которых было 9 братьев, проживавших в селениях Булунгу и Нумала. Балкароковы, не желая разделять почет и уважение народное, задумали истребить фамилию Рычкаовых и только искали удобный случай для этого. Однажды один из Рычкаовых заглазно назвал одного из старших Балкароковых, Келемета, скотом, об этом узнала жена последнего и передала ему; Келемет вызвал обидчика (с. 312) на «Жугурушти» (т. е. вечером поссорились, а к свету условились быть на месте поединка). На рассвете Келемет и его обидчик вышли к месту поединка; в это время люди из Булунгу заметили их и сообразили, что дело неладно, поэтому они Рычкаова насильно задержали. Тогда Келемет, полагая, что это сделано умышленно, чтобы избавить Рычкаова от поединка, обратился к нему со словами: «Трус! Или ты думаешь, что я тебя убью из-за угла? В таком случае вернемся домой». Тогда люди отпустили Рычкаова; начался поединок. Келемет, пробив своим коньем голову Рычкаова, сказал людям: «Отнесите этого негодника домой». Между тем Балкароковы успели вооружить против Рычкаовых и народ. Однажды, когда братья Рычкаовы находились на Былымском покосе, Балкароковы, собрав народ, отправились туда и убили их. Остался один из братьев, который в это время вел лошадь в чужой сабан (пашня), чтобы привязать ее на кол для пастьбы. Его пагнал брат Келемета Ачахмат и сказал ему: «Зачем обижать бедного человека, травя его сабан», на что Рычкаов ответил: «Ничего». Когда же этот последний нагнулся, чтобы привязать лошадь, Ачахмат толстой палкой ударил его по голове и убил на месте. Таким образом, все взрослые Рычкаовы были истреблены; остался малютка в возрасте одного года, воспитывавшийся в чужом доме. Двое из Балкароковых пришли в этот дом, один из них схватил малютку и подбросил на воздух, а другой разрубил его на части. Из фамилии Рычкаовых осталась беременная женщина; когда она родила сына, его называли «Туду»*, т. е. родился. Он остался в живых, и от него пошла фамилия Тудуевых, которая и теперь проживает в Нумале.

Избавившись от соперников, Балкароковы стали во главе народа, потом эта фамилия, разветвляясь, образовала другие — Барасбиевых и Кучуковых.

ПЕСНЬ О РЫЧКАОВЫХ

О, что делать, Аришмади, Аришмади!

Наш выход в понедельник на Лишгит ¹⁰³ был неудачен.

(с. 313) На жатву на Лишгит мы вышли в понедельник,

Что же мы сделали безрукому Чончалову?

Безрукий узнал нашу оплошность.

* Правильно: Тууду. — Р е д.

¹⁰³ Урочище «Былым» около селения Озрокова.

Если руки черных холопов до нас коснутся,
 То на том свете будем в вечном раскаянии.
 На Лишгите остался недожатый овес.
 У Ахтугана ¹⁰⁴ родился один сын,
 У Бекмурзы ¹⁰⁵ родилось девять сыновей,
 Аул приносил ему девять кормленных баранов и девять пуль.
 Мы жили мирно, а он потешился над нами,
 Ахтугана сын, прозванный Келеметом — бычачий кал.
 Кровью обагрился Голаучинский курган.
 Мы жили мирно, а над нами потешились.
 Ахтугановы кобылки челюсти — ступки.
 Если бы мы про это дело узнали в самом начале,
 То заперлись бы в башне, стоящейверху аула.
 Этих советов нам не давали.
 Пусть будет наше черное ливо и белый хлеб
 Харамом и кровью Эльбаевым Тайчику с Билием.
 Обрызгалась кровью поляна Лишгита;
 Выстроенныеверху аула красивые белые дома
 Осталисьзапертыми и заколоченными;
 Остались молодые женщины, покрывалом закрытые.

ПРЕДАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БАЛКАРСКИХ ТАУБИЕВ *

Жили в Маджаре ¹⁰⁶ два брата, Бадиль и Басиат. Соскучившись (с. 314) жить в своей стране, братья надумали отправиться искать счастье в чужих краях. Долго они путешествовали, много стран посетили, но нигде не нашли вольготной жизни. Наконец они прибыли в Балкарское ущелье. Старший брат Бадиль ехал на лошади, а младший Басиат на ишаке. По дороге в балкарский аул младший брат Басиат обратился к старшему Бадилю так: «Старший брат Бадиль, я слышал, что в этой стране с почетом принимают тех гостей, которые ездят на ишаке; ты, как старший, должен пользоваться этим почетом. Садись на моего ишака, а я на твою лошадь». Бадиль поверил младшему брату и последовал его совету. В балкарском ауле братья подъехали к нагишу. К Басиату тотчас же подошли почтенные люди, почтительно поздоровались и просили его слезть с лошади и быть их добрым гостем. Бадиль же верхом на ишаке подвергся громким насмешкам балкарцев. Страшно рассердившись на своего

¹⁰⁴ Балкароков.

¹⁰⁵ Рычкаов.

* Записано в Балкарии.

¹⁰⁶ М а д ж а р — древний хозарский город. Развалины пахотятся на р. Ку-ме, в Новогригорьевском уезде Ставропольской губ. (Вс. Миллер. «Осетинские этюды», часть первая, с. 159).

младшего брата и на балкарцев, Бадиль молча повернул ишака и направился вон из аула. Куда надо ехать, Бадиль не знал, поэтому он решил так: куда ишак привезет его, там он и поселится. Ишак привез его в Дигорию, где его радушно приняли. Там он поселился. Младший брат Бадиля, Басиат остался жить в Балкарии. Эти два брата были родоначальниками: Бадиль — дигорских баделят и Басиат — балкарских таубиев или басаиат (так именовались прежде горские таубии)¹⁰⁷.

ТОРЖЕСТВО ДОБРОДЕТЕЛИ И НАКАЗАННОЕ ЗЛО *

(Сказка)

Когда-то жил царь. Он дожил почти до старости, переменил (с. 315) до ста жен, а детей не имел. Иметь же детей он страстно желал, но бог не давал их ему, поэтому царь страшно грустил. Видя постоянную грусть царя, его последняя жена обратилась к нему со словом утешения и просила высказать причину грусти.

«Как же не грустить: я дожил почти до старости, я царь, поведеваю народами, обладаю несметными богатствами, а наследника не имею».

«Иметь наследника в руках бога,— сказала царица-жена,— не грустить мы должны, а молиться ему и ждать его милостей».

После этого разговора царь и царица стали усердно молиться богу, и он услышал их молитву: царица забеременела и в урочное время подарила царю наследника-сына, но, к крайнему сожалению, она вскорости от какой-то неизлечимой болезни умерла. Тогда царь женился на другой.

Само собою разумеется, царь старался дать своему сыну отличное воспитание, дабы он мог быть его достойным наследником, но все-таки он заранее желал знать, что ожидает его сына в будущем. Для решения этого вопроса он созвал всех ученых своего государства. Ученые сказали, что если малютка-наследник доживет до 12-летнего возраста, то он будет долговечен и что с самых юных лет он сделается великим ученым.

Чтобы оправдать предсказания ученых, царь назначил воспитателем своего сына самого мудрого из них, который вложил всю свою душу в ученье, чтобы действительно сделать из своего воспитанника великого ученого. Он все стены комнат, где жил наследник, исписал изречениями великих мудрецов, чтобы его воспитанник мог их за-

¹⁰⁷ По преданию, дигорцев Бадиль, поселившись у них, стал защищать их скот от воров-соседей огнестрельным оружием, о котором дигорцы не имели никакого понятия. За это они Бадилю подарили столько земли, сколько можно было накосить травы для его лошади. (Вс. Миллер. «Осетинские этюды», часть первая, с. 140).

* Записано в Хуламе.

учить наизусть. Минуло царевичу 8 лет; воспитатель не нарадуется его ученостью.

Царь захотел испытать ученость своего сына, для чего опять собрал ученых со всего государства. Ученые в первом предварительном заседании, под председательством учителя царевича, рассмотрев ученые книги и сопоставив некоторые их изречения с днем рождения царевича, пришли к заключению, что если в течение семи дней, в которые будет производиться испытание царевича, он будет говорить, то неминуемо должен умереть. Учитель пал духом и вернулся домой к своему воспитаннику страшно расстроенным. (с. 316) Увидя учителя, царевич спросил: «Учитель, что значит ваш печальный вид? Вы чем-то очень огорчены. Поведайте мне свою печаль». И учитель поведал царевичу заключение собрания ученых.

«Этой горе поправимос,— сказал царевич,— я в течение названного срока не буду говорить, вот и все».

«Но это невозможно, царь назначил экзамен, и мы должны повиноваться его воле. Если ты сделаешь так, как говоришь, то как же мне-то быть: ведь ответственность за твое молчание падет на меня».

«А ты на это время скройся», — посоветовал царевич.

Пастал экзамен; на все задаваемые вопросы царевич отделялся молчанием. Потребовали учителя, но его не оказалось. Несмотря на все просьбы и угрозы, мальчик продолжал упорно молчать, как будто в рот воды набрал.

Явившаяся мачеха обратилась к мужу со словами:

«Зачем мучаете бедного мальчика неуместными просьбами и угрозами? Дайте мне его, я его уговорю и он, без сомнения, заговорит».

Царь дал волю своей жене. Она увела пасынка на свою половину; здесь, лаская мальчика, она всячески убеждала его заговорить. При этом надобно заметить, что молодая царица — женщина страшно честолюбивая — в своих мечтах лелеяла мысль о неограниченной власти, поэтому она придумывала способы как-нибудь устранить своего старого мужа. Она говорила пасынку, что отец его стар и пора ему на вечный покой; он, царевич, как благоразумный наследник, должен ускорить смерть отца, в чем она берется помочь ему. Но все уговоры, ласки и соблазны разбились о стойкость и твердость царевича; он продолжал молчать. Тогда царица не на шутку испугалась: она так легкомысленно открыла царевичу свою заветную тайну. Что, если он заговорит и все откроет царю, тогда она погибла. Во что бы то ни стало надо себя обезопасить, а единственное средство для этого — уничтожить мальчика.

Царица отправляется к царю и смиренно заводит такую речь:

«Мой муж и повелитель! Твой сын — это воплощенное коварство; он не только говорил со мною, но он открыл мне свою ужасную тайну: он задумал умертвить тебя, чтобы самому скорее царствовать, для чего и меня пригласил (с. 317) участвовать в этом злодеянии.

Ты, мой повелитель, в государственных интересах обязан немедленно избавиться от такого сына, но если ты этого не сделаешь, — она схватила меч, — то клянусь, я этим мечом лишу себя жизни».

Пораженный рассказом жены и вполне ей доверяя, царь приказал казнить своего сына.

Узнавши об этом, семь придворных из самых влиятельных отправились к царю с покорной просьбою не делать этого, причем доказывали ему, что его предки никогда не решали дел, обстоятельно не разобравши их, и что они никогда не основывали свои решения лишь только на показаниях женщин, коварство и притворство которых всем известны. В доказательство последней мысли каждый из придворных привел пример.

Пример первого придворного.

Жил один торговец, у которого была красивая жена. В нее влюбился один молодой человек; он никак не мог свидеться с нею и добиться чего-либо существенного; тогда он обратился к старухе-знахарке. Та прежде всего велела ему купить в лавке мужа соблазнительницы бешмет и принести его ей. Молодой человек исполнил приказание старухи. Старуха в нескольких местах прожгла бешмет. Через некоторое время она, забравши его, отправилась в гости к молодой женщине — жене торговца. Поговорили, посплетничали; во время короткой отлучки хозяйки старуха положила бешмет под подушки. Поговоривши еще немного с хозяйкой, старуха ушла домой. Когда хозяева ложились спать, то они не заметили спрятанного бешмета, на утро же, когда торговец стал доставать из-под подушек свое оружие, он вытащил и бешмет. Таким образом, у мужа в руках оказались явные улики в неверности жены. Он рассвирепел и прогнал ее от себя.

Уходя от мужа к своим родственникам, она встретила тайную виновницу своего несчастья. Старуха уговорила молодую женщину зайти к ней побеседовать. Здесь под разными предложениями старуха удержала ее до позднего вечера и тайно послала за молодым человеком, который не замедлил явиться. Старуха оставляет их вдвоем, а сама уходит. Таким образом, молодая парочка осталась наедине до утра, когда старуха явилась выпустить их. Молодая женщина ушла (с. 318) к своим родственникам, а молодому человеку старуха приказала отправиться к лавке торговца, и когда тот спросит его, куда девал он свой купленный бешмет, то пусть ответит, что он его прожег в нескольких местах и отдал починить ей, старухе. Молодой человек исполнил все в точности. Торговец посылает за старухой; та явилась и на вопрос, у ней ли бешмет такого-то человека, ответила утвердительно, но прибавила, что с этим бешметом случилась маленькая история: она пошла с ним к жене торговца, чтобы подыскать лоскуты для починки; по своей рассеянности, в разговоре она куда-то положила бешмет и ушла домой, а теперь и не знает, где он находится.

«Проклятые твари! через вас я страшно обидел свою неповинную жену». Сказав это, он вышел из лавки злополучный бешмет и бросил его.

Окончивши рассказ, придворный почтительно и с низким поклоном обратился к царю со словами: «Итак, государь, ты видишь, как женщины коварны, и поэтому доверяться их клятвам и наговорам опасно и несправедливо».

Царь согласился с доводами придворного и отменил казнь сына. Узнавши об этом, царица с плачем и рыданием прибежала к мужу и настойчиво требовала исполнения казни над пасынком. Царь, страстно любивший жену, поддался ее влиянию и отменил второе приказание; тогда придворные вторично заступились за царевича перед отцом, а в доказательство коварства женщин второй придворный рассказал царю следующее.

— Жили муж и красавица жена. Последняя завела любовные шашни с соседями — отцом и сыном. Однажды, когда мужа красавицы не было дома, сосед-отец посылает сына узнать, дома ли тот. Сын пошел и долго миловался с красавицей. Наскучило отцу ждать сына; он сам пошел. Заслышав шум у дверей, молодая женщина втолкнула молодого любовника в другую комнату и потом впустила к себе соседа-отца. Этот последний уже заранее предвкушал предстоящее любовное наслаждение, но, увы, ему это не удалось: опять послышался шум, на этот раз был муж хозяйки. Инстинктивно догадавшись о приходе мужа, находчивая красавица не растерялась; она ставит (с. 319) соседа у порога дверей и приказывает ему громко ругать ее. Входит муж и слышит грубое ругательство соседа по адресу жены.

— Что это значит, почему сосед так грубо обходится с тобой? — обратился муж к жене.

— Чтобы черти взяли этих соседей, — с сердцем прокричала жена, — отец подрался с сыном, сын бежит ко мне искать защиты, а отец, ты видишь, как бешеная собака накинулся на меня.

— Где же сын-то?

— Да вот он, — отворив дверь смежной комнаты, указала жена. — Пожалуйста, выпроводи его.

— Итак, государь, — заключил свой рассказ придворный, — можно ли после этого верить женщинам?

И на этот раз царь согласился с доводами придворного и приказал отменить казнь сына.

Та же история, бывшая после рассказа первого придворного, повторилась и теперь, и это продолжалось до тех пор, пока все четверо придворных не выставили примеры в доказательство коварства женщин.

Рассказ третьего придворного цензурный.

Четвертый придворный рассказал следующее:

Жил богатый человек, у которого была красавица жена. В нее

влюбился молодой человек, но он никак не мог снискать расположения красавицы, так как муж ревниво оберегал ее от всех посторонних. Тогда молодой человек прибегает к помощи хитрой старухи, которая охотно взялась устроить его любовные дела.

У старухи была собака; она опоила ее каким-то зельем, так что из глаз собаки всегда обильно текли слезы. Узнавши о том, что муж красавицы куда-то отлучился, она со своей собакой отправилась в гости к его жене. На крыльце сакли беседовали старуха и красавица, и тут же недалеко лежала собака, из глаз которой текли слезы, так что на земле образовалась лужа. Хозяйка заметила это и спросила у старухи о причине такого изобилия слез у собаки.

— О моя милая хозяйшюка, эта собака глубоко несчастна: она когда-то была женщиной-красавицей; в нее влюбился один молодой человек, но она была совершенно равнодушна (с. 320) к нему, тогда этот проклятый молодой человек, он был колдун, превратил ее в собаку..

— ...Боже мой, тогда и мне угрожает опасность, ведь и за мной ухаживает один молодой человек и, хотя я равнодушна к нему, но я ему отказывала из боязни мужа.

— О дорогая, с этим человеком нельзя шутить: он может еще хуже сделать с тобою.

Стоя меж двух огней, грозившего ей страшного несчастья и непомерной строгости мужа, она решила пренебречь последним и отворотить первое, т. е. согласилась принять молодого человека.

Старуха высказалась помочь ей в этом деле и, чтобы его не откладывать в долгий ящик, она приказала молодой женщине в указанное время приготовиться к приему любовника.

К крайнему сожалению, старуха не знала, где живет молодой человек и как его найти, а между тем время не ждало; но чтобы все-таки исполнить обещание, данное красавице, она задумала представить ей другого молодца. В поисках за этим молодцом она встретила статного всадника и уговаривает его заехать к одной красавице. Он из любопытства соглашается. Каково же было удивление всадника, когда старуха привела его к собственному дому, к собственной жене. Он был страшно взбешен и про себя решил жестоко расправиться с развратницей-женой. Входит он в дом; в комнатах все хорошо убрано и на столе прекрасные закуски, а жену он нашел плачущую. Это последнее обстоятельство еще более поразило его.

— Ума не приложу, что все это значит? — спрашивает муж.

— Плачу я оттого, что ты мне изменяешь; я все это нарочно устроила и теперь убедилась, что ты способен посещать всякую незнакомую женщину.

Опешивший муж стал уверять жену, что это он сделал без всякой задней мысли, а из простого любопытства.

Конечно, жена не замедлила помириться с мужем.

После рассказа седьмого придворного истекло семь дней и мальчик-царевич заговорил. Он явился на экзамен, и экзаменаторы написали, что он первый ученый всего мира.

— Нет, — сказал царевич, — я только третий ученый: выше меня мальчик пяти лет и глубокий старец, который уже не может ходить, и тут же он рассказал о них.

(с. 321) — Однажды шли три приятеля и нашли драгоценность, которую не могли разделить между собою; тогда они решили окончить спор по шариаду, а до этого времени они отдали свою находку на сохранение одной старухе, наказав ей, что она должна возвратить ее тогда, когда об этом все трое заявят. Переночевав у старухи, наутро путники отправились к эфенди решать спор шариадом, но предварительно они остановились у ручья, протекавшего около самого дома старухи, чтобы совершить омовение и богу помолиться. По обычаю — умывшись, они должны были расчесать бороды, но у них не оказалось гребня, тогда они посылают одного товарища к старухе за гребнем. Посланный входит в дом и требует от старухи находку. Та отвечает, что по уговору она отдаст ее тогда, когда об этом заявят все трое.

Тогда он отворяет дверь и кричит своим спутникам: «Не дает!» Путники, полагая, что дело идет о гребне, кричат: «Дай!» Старуха возвратила драгоценность посланному, и он с нею скрылся.

Узнавши об этом, остальные два приятеля притянули старуху на суд к эфенди. Он присудил старуху к уплате стоимости находки.

Печально и с поникшей головой возвращалась старуха домой и проходила мимо играющих мальчиков. Один из мальчиков заметил печаль старухи и спросил о причине; старуха рассказала.

— Дура, — сказал мальчик, — спешь скорее к эфенди и скажи ему, что драгоценность у тебя и ты ее только тогда возвратишь, когда по условию все трое об этом заявят.

— Этот мальчик мудрее меня, — закончивши рассказ, сказал царевич и начал другой рассказ о старике.

— В одном государстве сандаловое дерево было так дорого, что его продавали на вес золота. Заслышав об этом, один бедный обыватель, живший в стране, где это дерево было в изобилии и не имело никакой ценности, нарубил его целую арбу и повез в то государство на продажу. Приехав в это государство, он остановился недалеко от одного селения у источника. В это время к источнику пришла за водой рабыня и, заметив арбу с сандалом, спросила у крестьянина, откуда он и что везет; тот ответил.

(с. 322) — Напрасно ты трудился, это дерево в нашей стране ни о чем и им печи топят, — сказала рабыня и посоветовала ему заехать в ближайший дом, к ее господину, а сама поспешила домой предупредить хозяина. Приезжий по указанию рабыни заехал во двор. Хозяин дома, чтобы показать дешевизну сандала, затопил печку и бросил туда несколько маленьких кусков сандала. Опечалился

наш продавец, по хозяйни его успокоил, говоря, что купит у него сандал и даст ему полный чинак того, что он пожелает.

Сейчас же высказать свое желание приезжий не мог; нужно было это дело хорошенько обдумать. Чужестранец отправился по городу и все думал о том, что бы он мог потребовать за свой сандал. Навстречу ему попадают два приятеля; они остановили его и говорят: «Ты-то нам и пужен. Мы с тобою держали пари и условились, кто проиграет, тот должен или выпить всю морскую воду, или отдать все свое состояние. Ты проиграл, но так как морскую воду не можешь выпить, то обязан отдать нам все свое состояние; если же отказываешься, то мы будем судиться с тобою по шариаду». Пошел дальше чужестранец и встречается человека без одного глаза; он его останавливает и говорит: «Ты-то мне и пужен; ты украл мой глаз и себе его вставил, возврати его, в противном случае я возьму все твое состояние, если ты не дашь, то я потребую тебя на суд по шариаду».

Призадумался продавец сандала. Он встречается старуху и просит ее совета. Та поохала-поохала и показала ему на одну певзрачную саклю, около которой толпился народ. — «Там живет старый эфенди; иди туда и прислушайся к его изречениям, может быть, они тебе помогут».

Пошел путешественник к сакле эфенди и приютился в таком месте, чтобы все слышать, но чтобы его никто не заметил.

Приходит хозяин, у которого остановился продавец сандала, и говорит эфенди: «Я сегодня приторговал арбу сандала и обещал дать продавцу полный чинак того, что он сам пожелает. Если будем судиться, помоги мне, эфенди...»

— Дурак,— сказал эфенди,— ты сделал себе большое зло и можешь лишиться всего своего состояния: что, если (с. 323) продавец потребует полный чинак живых блох; что ты тогда сделаешь?

— Но, я думаю, он об этом не догадается.

Пришли два приятеля и говорят эфенди: «Сегодня мы поспорили с одним приезжим человеком, он проиграл; а по условию он должен выпить всю морскую воду, или отдать нам все свое состояние. Мы будем судиться по шариаду; помоги нам, эфенди».

— Дураки,— сказал эфенди,— вы себе сделали большое зло: что, если приезжий потребует подать ему всю морскую воду, чтобы выпить; что тогда сделаете? Морской воды не достанете, а я по шариаду присужу отдать все ваше состояние спорщику.

— Но он такую мудреную вещь не придумает,— сказали приятели.

Приходит человек без одного глаза и говорит эфенди: «Сегодня я у одного приезжего обознал свой глаз и потребовал его обратно. Если же он этого не сделает, то должен отдать мне все свое состояние или мы будем судиться по шариаду; помоги мне, эфенди».

— Дурак, ты себе сделал большое зло. Что, если приезжий потребует свесить его глаз и твой, чтобы определить, что его глаз дей-

ствительно принадлежит тебе; что тогда ты сделаешь? Тогда ты будешь совсем слепой, а тот хоть одним глазом да видеть будет.

— Но он не так мудр, как ты, эфенди.

Настал суд по шарнату, и продавец сандала потребовал все то, что он подслушал от эфенди.

Таким образом, добродетель восторжествовала, а зло было наказано.

— Этот эфенди мудрее меня, — сказал царевич, закончивши свой последний рассказ.

Царь, восхищенный мудростью своего сына и убедившись в коварстве своей жены, приказал казнить ее. С тех пор отец и сын жили благополучно.

ПРЕДАННОСТЬ ХОЛОПА И НЕБЛАГОДАРНОСТЬ ЦАРЕВИЧА*

(с. 324) Жил когда-то царь; он имел единственного сына-наследника, красивого, умного и статного молодого человека. С некоторого времени молодой царевич сделался угрюмым, нечальным, неразговорчивым и с каждым днем все больше и больше худел; он, так сказать, таял у всех на глазах. Никто не знал причины страшного и злого недуга царевича, несмотря на мудрствования ученых и врачей.

Одна знахарка-старуха вызвалась помочь горю и определить причину болезни царевича. Представленная царю, старуха попросила дать ей двух баранов; одного очень жирного, а другого очень тощего и не мешать ей в своих действиях. Во время крепкого сна царевича старуха поместила в его спальне этих баранов и сама спряталась тут же в спальне. Проснулся царевич и видит необычайное явление: у него в спальне откуда-то очутились два барана. Он стал пристально рассматривать их и под впечатлением их внешнего вида рассуждал вслух: «Предо мной два барана, которые находятся в совершенно одинаковых жизненных условиях, а между тем один жирный, — корм хорош и пет у него никаких жизненных забот; другой безобразно тощ, стало быть, есть ему одному известные причины этой худобы. Положение тощего барана вполне соответствует моему. И в самом деле, всем кажется, что я должен быть крепок и духом и телом, так как я по праву царского наследника наслаждаюсь всеми благами жизни; между тем снедающая меня любовь к неведомой мне, но ярко рисующейся в моем воспаленном воображении красавице истощает все мои духовные и физические силы, и если я не соединюсь с этой девой, то я не жилец в этом мире».

Таким образом хитрая старуха узнала тайну царевича и об этом сообщила царю.

Стали совещаться, как горю пособить, чтобы найти и доставить

* Записана в Хуламе.

ту красавицу, которую любит царевич. Один из царских холопов вызвался отыскать для царевича (с. 325) неведомую деву, но с тем условием, что на розыски ее он должен отправиться вместе с царевичем. Как ни тяжело было царю отпустить своего единственного сына в чужие страны, но для его блага надо было уступить.

Снарядили в путь-дорогу царевича и холопа, и они отправились. Долго они ехали. Однажды для ночлега они остановились в очень приличной кунацкой. Там они нашли все необходимое как для ночлега, так и для подкрепления себя пищей, но нигде людей не видели. Поевши вволю, наши путники расположились спать; холоп, хотя и улегся у дверей, но ради охраны царевича решил не спать, а бодрствовать. Вдруг в полночь холоп слышит разговор, как бы разговаривают мать и дочь.

— Мама, кто эти всадники, из какой страны, куда едут и будет ли благополучен их путь?

— Они отыскивают красавицу-деву и если сумеют, то отыщут и возьмут ее; для этого им необходимо обратиться к одной старушке в городе, где живет отыскиваемая красавица. Но навряд ли они догадаются об этом.

Наутро путники встали, поели и, не увидевши людей, отправились в дорогу. Без особых приключений они достигли того места, где проживала дева. Холоп, не медля ни минуты, отыскал старуху и обратился к ней за советом.

Она объяснила, что дева живет в большом замке, охраняемом бдительным драконом. В известные периоды они оба засыпают на семь суток, и в это время деву можно взять; для этого необходимо, забравшись в ее спальню, крепко-накрепко привязать ее к кровати. Когда же она проснется и будет умолять отпустить ее, то это сделать только тогда, когда она поклянется своею черною лошадыю.

Холоп сделал все, как сказала старуха. Когда красавица дева поклялась своею черною лошадыю, он развязал ее. Она приказала холопу осторожно, чтобы не проснулся дракон, вывести из конюшни черную лошады и оседлать ее. Они вместе на лошади уселись погорски * и бесшумно выехали со двора замка.

(с. 326) Между тем царевич заблаговременно приготовил все для немедленного выезда из города. Когда они отъехали на значительное расстояние, проснулся дракон и, размахнувшись крылом, оторвал хвост у черной лошади. Только благодаря большому расстоянию путники избегли опасности.

* Горские женщины ездят верхом трояким способом: молодых девушек возят мужчины; сам он сидит в седле, а девушку, свесившую ноги в одну сторону, держит впереди в седле же, одной рукой обхватив ее стан, а другой правит лошадыю. Молодые женщины сидят в седле по-мужски, а мужчина сидит на крупной лошади сзади и правит лошадыю. Пожилые женщины сидят в седле, а мужчина ведет лошады за уздечку. Бывает, что женщины самостоятельно ездят по-мужски.

Долго они ехали, наконец остановились в той кунацкой, где прежде ночевали. Там было все готово для ночлега и еды, а людей опять не видно. Холоп по обыкновению улегся у дверей и бодрствовал. В полночь он опять услышал разговор.

— Мама, прежде всадников было два, а теперь их три. Будет ли путь их благополучен, женится ли один из всадников на той, которую везут, и будут ли они счастливы?

— Не расспрашивай, тебе всего этого не нужно знать.

Дочь не унималась и требовала от матери объяснений.

— Доедут благополучно; один из всадников женится на красавице, у них родится сын, и когда ему будет год, то из столба, подпирающего потолок в их спальне, выйдет чудовище — змея и их всех проглотит. Если сумеют убить змея, то все кончится благополучно. Если же убивший змея передаст кому-либо другому об этом, то он превратится в камень.

На утро путники встали, поели и, не выдавши людей, отправились в путь. Ехали-ехали, наконец домой добрались.

По прибытии царевича с невестою царь задав свадебный пир, как говорится, на весь мир, и молодые зажили счастливо.

Через год у молодых родился сын, которому, как было написано выше, суждено было быть причиною известных событий.

Холоп хорошо помнил роковой рассказ неизвестных женщин, слышанный им в кунацкой, в которой он ночевал со своими спутниками, поэтому, когда минуло сыну царевича ровно год, он на ночь, запасшись тяжелым топором, незаметно прокрался в спальню царевича и там спрятался. Ровно в полночь столб раздвинулся и оттуда выползло страшилище — змея. Не медля ни минуты, холоп размахнулся (с. 327) тяжелым топором и отрубил ей голову, затем изрубил ее в мелкие куски и, чтобы скрыть это кровавое дело, он бесшумно вынес куски змея и стал вытирать пол. В это время проснулся царевич; он был несказанно поражен и испуган, увидавши в такое время в своей спальне холопа; он страшно рассердился и осыпал его всяческими ругательствами. Как ни уверял последний в своих благих намерениях, царевич слышать ничего не хотел и требовал немедленно указать причин такого образа действий. Холоп говорил, что не может ничего объяснить, так как открытие тайны грозит ему страшным несчастьем. «Какое мне дело до твоих несчастий, я желаю знать причину твоих действий, и ты должен их рассказать», — сказал царевич. Делать было нечего, холоп должен был рассказать, в чем дело, и как только проговорил он последние слова, немедленно превратился в камень и с шумом повалился. На этот шум проснулась царевна и, увидев большой камень, просила у мужа объяснений. Царевич под разными предлогами отнекивался, но настоятельные требования жены возымели свое действие, и царевич сообщил ей подробно о случившемся. Тогда царевна сказала, что он благодар-

ный, что так расплачиваться за добро холопа недостойно его сана, поэтому его священная обязанность отправиться в ту известную ему кунацкую и от ясновидящей женщины узнать, как оживить камень. Если же он не исполнит ее совета, то она немедленно от него уйдет.

Страстно любя свою жену, царевич повиновался ее приказаниям, сейчас же собрался в путь и приехал в знакомую кунацкую, где уже для него не было приготовлено ни постели, ни еды. Ровно в полночь он слышит разговор.

— Мама, ведь это кажется один из тех трех всадников, которые раньше были здесь. Скажи мне, куда он едет и что ему нужно?

— Пожалуйста, оставь эти расспросы. Этот путник — дурной человек и не должен служить предметом разговора; он причинил своему преданнейшему и лучшему холопу и емтекскому брату большое зло, — он превратил его в камень.

— Но, мама, разве нельзя будет этот камень оживить?

(с. 328) — Да, можно будет оживить камень, но для этого нужно будет принести большую жертву: надо зарезать собственного сына и его кровью обрызгать камень.

Наутро опечаленный царевич отправился домой. Ведя лошадь медленным шагом, он как бы оттягивал время своего приезда; дорогой он все раздумывал, как скрыть от жены то, что он узнал в проклятой кунацкой, и ничего придумать не мог.

По приезде домой жена немедленно приступила к нему с расспросами о результатах поездки. Он отвечал, что ничего не мог узнать, так как никаких разговоров около кунацкой не слышал. От проницательной жены не могло укрыться лживое сообщение мужа; она неутомимо и настойчиво требовала положительных сведений, в противном случае она сейчас от него уходит. Такие угрозы заставили царевича открыть истину жене.

— Все это вздор и сказки, — сказала она.

Ночью, когда муж крепко спал, царевна взяла своего первенца, положила его на камень и зарезала. Как только младенческая кровь обрызгала камень, он превратился в человека, — в прежнего холопа.

Проснулся царевич и инстинктивно догадался, в чем дело. Он бросается к колыбели сына и — о, чудо! — к величайшей радости его и жены они находят своего малютку-сына невредимым и покоящимся сном ангельской невинности.

ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ ЖЕНА *

(Сказка)

В некоторой стране князь — глава народа — страстно влюбился в жену одного из своих холопов и, чтобы беспрепятственно обладать этой женщиной, он ее мужа отправил в одно из отдаленных своих имений.

Устранив таким образом помеху — мужа, князь послал слугу сказать любимой женщине, что он желает посетить (с. 329) ее. Подозревая нечто неладное, добродетельная женщина через того же посланного просила князя не приводить в исполнение своего намерения и для большей безопасности затворила двери на запоры.

Князь, несмотря на отказ, все-таки отправился, но, к сожалению, он нашел двери затворенными; тогда, недолго думая, он влезает в окно. Молодая женщина почтительно заметила князю, что такой неудобный способ входа в чужой дом не соответствует его высокому сану. Князь, смущенный и озадаченный таким холодным и неприветливым приемом любимой им женщины, молча повернул к окну, чтобы тем же путем удалиться, но хозяйка не допустила князя сделать вторичную неловкость, не подобающую его сану, и растворила дверь; при этом она просила князя, прежде чем удалиться, выслушать ее маленький рассказ. Князь благосклонно согласился. Тогда молодая женщина начала так:

— Однажды лев и тигр отправились на добычу; в поле они заметили лошадь и погнались за ней; когда они уже были недалеко от нее, то тигр заметил на задней ляжке лошади рану от волчьих зубов. «Стой! — крикнул тигр льву, — я заметил на этой лошади следы поганных зубов волка. Нам — царям зверей не подобает пользоваться трапезой после того, как она побывала в лапах плебея — волка». Лев согласился с справедливыми доводами тигра, и они отправились искать другую добычу. Итак, князь, берите пример с льва и тигра»..

Окончив рассказ, молодая женщина с низким поклоном распахнула дверь. Князь хорошо понял рассказанную притчу; он, окончательно сконфуженный, медленно вышел из сакли красавицы и с тех пор дал зарок никогда не волочиться за женщинами не своего круга.

ОРЮЗМЕК И САТАНАЙ *

Однажды Орюзбек, страшно рассердившись на свою жену (с. 330) Сатанай, сказал ей: «Ради бога, возьми из дома все, что твоей душе угодно и убирайся навсегда».

* Записано в Хуламе.

* Записано в Балкарии.

Орюзбек — это популярно-легендарная личность из нартов; он в песнях

— Хорошо, мой повелитель, твоя воля для меня закон; я исполню твою волю, но прежде чем уйти из дома, разреши мне в последний раз накормить и напоить тебя.

Орюзмек охотно согласился. Тогда Сатанай изготовила все необходимое, накормила Орюзмек и главным образом изрядно напоила его хмельным пивом. Опьянев, Орюзмек крепко заснул.

Недолго думая, Сатанай запрягла арбу, осторожно положила туда Орюзмек, села сама и поехала. В дороге, проснувшись, Орюзмек увидел себя едущим на арбе вместе с женой.

— Что за оказия, куда это мы едем? — спросил он жену.

— Разве забыл? Ты меня прогнал и вот теперь я уезжаю.

— Все это прекрасно, но зачем же я-то еду с тобой?

— Очень просто: прогоняя меня, ты сказал, что я могу из дома взять все, что моей душе угодно, а моей душе угодно было взять тебя.

Такая находчивость жены очень понравилась Орюзмеку, и они по-прежнему стали жить вместе.

ПОСЛОВИЦЫ

Пошлешь мальчика по делу, вслед за ним смотри.

Собаку, охраняющую стадо, волк не утащит.

У дурного наследника наследство дурные люди поедают.

Собака на своем месте сильна.

Нашедший пятку подымает (т. е. зазнается).

Не умерший раб золотою чашею воду пьет.

Голод совести не знает (голод — не тетка).

Глухой баран после всех пугается.

(с. 331) Разветвление дорог лошади голову кружит.

Кому пришла смерть, того незаряженное ружье убьет.

Ходящим ногам «жорме» (колбаса), не ходящим «берме» (не давай).

Закрутишь нос лошади, она забудет боль спины.

На вербную палку не упираться, — холопу не доверяйся.

Хозяину быка и кишки не достаются.

Где поминки, там собака с голоду сдыхает.

Лошадиная нога воду мутит.

Коровья нога не убьет телка.

Своим задом осел каменную ограду разрушает.

У осла есть одна игра, и та в золе (ослы любят валяться в золе).

Кошка хвостом зажигает огонь.

Недоучка общество разрушает.

и легендах изображается храбрым, доблестным, находчивым и большим шутником. Жена его изображается в качестве колдуньи.

Несчастливый с краю остается.

Себе копы не поставит, обществу скирды воздвигает.

Находка волка пополам с вороном; находка ворона только себе.

В затруднении не щадят и мать.

За что неверный взялся — крепко держится.

На катящемся камне волос не вырастет.

Не ходи па свет огня, а ходи на лай собак.

Этот свет сабан (панния) того света.

Кто пашет — ест, не пашет — плохо живет.

Доброе дело не откладывай, дурное оттягивай.

Много сыновей — много неприятностей.

Сыновняя мать в хлопотах, дочерняя с подарками (нарек на калым).

Сиди гость 10 месяцев, — кипи котел пять месяцев.

Чужую шапку взял, береги свою.

На чьей арбе сидишь, его песнь пой.

За зло плати добром (по-горски: Аманишны аманлык была кула)*.

Лучше быть в дурных отношениях с умным, чем в хороших с дураком.

Собака попусту лает — гостей сзывает.

Утерев нос старику, держись его совета (по-горски: Картны бурнун сюрта оноуга тут).

Пока умный женится, у дурака сын торговать начнет.

(с. 332) Пока не дойдешь до речки, не подымай полы.

Похвала несчастному закрывает двери.

От потряхивания рукой палец не отпадет.

Сам не зарезал барана — для тебя он мертвый.

Чем мертвого льва, лучше живую мышь.

Думавши о любовнике — от мужа пусто.

Судьба с уступа сбросит.

Посланному смерти нет.

Прежде чем найдешь, длинной веревки не раскладывай.

Куда зашел князь, там дом будет богат.

Не приглашенному гостю места нет.

Дураку везде дорога.

Гналась за орлом ворона.

В ожидании яиц кочкаря лисица с голоду сдыхает.

У мертвого быка пастухов много.

У издохшей коровы молока много.

Напуганный змеею — зимой аркана боится.

Кто нашел — радуется, кто признал — отбирает.

Палка жеребенку, бревно лошади.

* Правильно: аман ишши аманлыкъ бла къуума. — Ред.

В поле хлеб праведного собака не съест.
Собака лает и голодна, а волк молчит и сыт.
Табунное богатство дорого, скотское богатство почетно.
Когда раб наестся, то остается столько, сколько может вместить-
ся в одном ухе.

Лягушка и тогда квакает, когда болото высохнет.

Посланный — доказчик.

Надеясь на товарища, не борись с медведем.

Дорвалась перепелка до хорошего корма.

Кукушка, которая первая кукует, раньше умрет.

Нежели в ремешках, пусть лучше будет в животе.

Нетоварищу не поручай увязывать бурку в ремни.

Кость купленного мяса рот дерет.

Летом приварка мало.

Медведю медвежонок красивым кажется.

Рыба с перепелкой были приятельницами: рыба из воды не выходит, перепелка в воду не идет.

У бедного сердце голое (открыто).

Слово бедного чрез древесный лист не перейдет.

Скот богатого — боль сердца бедного.

(с. 333) Хорек, не увидевши защиты, на бугорок не подымется.

От валяющейся лошади шерсть падает.

Хотя должен 9 невольников, но джигитует на лошади. (Изменено цензурное выражение).

Если мясо портится — посоли, если соль портится, то как сбс-
речь?

Что вижу — сам сделаю, а переезжать буду — арбу запрягу.

Где совет двух — туда не ходи; где совет трех — не отставай.

Где есть совет, там драки нет.

Несчастливый человек, и на верблюде сидя, будет укушен соба-
кой.

У несчастливого человека и тогда кровь из носа пойдет, когда на кругленьком столике кушанья подают. (Обыкновенно у туземцев кушанья подают на низких круглых столиках).

В честь мяса пасту кладут. (Паста — это очень круто сваренное пшено, которое режут ножом или ломают и едят вместо хлеба. Эта паста только у кабардинцев бывает).

На подушке бедного и здоровый помрет.

Какое мясо у барана, такой и суп.

Верить ли крылу курицы, или клятве жены?

Оставишь работу на один день, а хватит на тысячу дней.

Неизвестный вор сильнее князя.

В неначатом деле змея сидит.

Курица двух насыщает, а гуся и одному не хватает.

У курицы на уме просяное зерно.

В сито воду набирать.

Если просишь молока, не скрывай ведра.

С медведем орехов не грызи.

Шатающийся зуб отпадет — начатое дело закончится.

Пока порченный зуб не выпадет — нет покоя.

Стебель, упавши с обрыва, не поломается.

Скот не по хозяину — волк растерзает.

Человек человека портит, а вода землю.

У вора хозяйство расстроено (по-горски: уру журту куру).

Давши козла, возьмет барана; не давши, что возьмет?

Дурному человеку сделай добро — живым домой не дойдешь.

Будь правдив — будешь силен.

Чтобы себя зарезать, курица сама нож откопала.

Украдешь козла — он будет кричать.

(с. 334) Погладишь собаку — она от умиления растает (непечатное выражение).

Если хочешь с другом разойтись, то за переднюю луку его седла берись.

Труженик всегда с краю.

Хвастаясь плоскостью — возьми горы.

Очень бойкий скоро цвет меняет, пылко любящий скоро остывает.

КАРАЧАЕВСКИЕ ТЕКСТЫ *

(с. 235)

А. ПОСЛОВИЦЫ

1. Ашыкъгъан суу тенгизге джетмез. 2. Къартны бурнун сюрт да, оноугъа тут. 3. Джарлыны чырагъы мутхуз джанар. 4. Эртде тургъанны эркек аты тай табар. 5. Акъырын аякъ тап басар. 6. Ичги ичпндегин айтдыыр.

(с. 236)

7. Сокъур элге кирсенг, кёзюнгю къыс. 8. Кимни арбасына минсенг, аны джырын джырла. 9. Тюзюню ётмеги тюзде къалса да, ит ашамаз. 10. Къарт къойнунда къалач бар. 11. Акъырын барсанг, узакъ барырса. 12. Озгъан ишни ызындан сюрме. 13. Джарлы киши тюйеге минсе да, ит кабар. 14. Аман адам этегингден тутса, кес да къач. 15. Аманны аман бла къуума, къанны къан бла джуума. 16. Амапны эки кирли тону болур, бирин санга кийдирир.

Б. ЗАГАДКИ

1. Не барама, не барама, балта узуну баралмайма. — Тирмен таш.
2. Суугъа кирсе, бир болады, суудан чыкъса, минг болады. — Ат къуйрукъ.
3. Таш тюрюнде мыйала мынчакъ. — Чабакъ.
4. Суудан тууады, джерде джашайды, апасын кёрсе, ёледи. — Буз.

(с. 237)

5. Башы тешик, тюрю тешик, ортасы от бла суу. — Самовар.
6. Биз анга къарай, ол кёкге къарай. — Лампа.

* В публикуемых карачаевских и балкарских текстах встречаются стилистические погрешности. Это объясняется тем, что В. Прёле не знал в совершенстве карачаево-балкарский язык.

С. ЛИРИЧЕСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1. Къап-къарады къашларын,
Кюмюш — мыйала кёзлеринг.
Къуранны хатын айтханлай,
Аузунгдан чыкыгъан сёзлеринг,
2. Сорсам хапар айтады,
Кёкде баргъан кёгюрчюн.
Петербурхха деричин
Барырем сени кёрю ючюн.
3. Кечден кюннге кёреме
Джюрегими суулай азгъанын.
Саулай Къарачайны багъасыды
Сюйгеними письмо джазгъаны.

.

5. Белимдеги камарым
Белими бирден къуршагъан,
Сен болмасанг кёрмедим,
Базар кёзбаугъа ушагъан.

(с. 239)

.

7. Узалама, джетмейме,
Сен жүрюген таулагъа.
Сени эшигинг шау болсун:
Ауруу салдын санлагъа.

.

9. Мындан къарап таныйма
Акъ къаяны айрысын.
Келмегенли алгъанма
Джюрегиме къайгысын.

(с. 240)

12. Юсюндеги чепкенинг
Сюйреледи узундан.
Юч сагъатны къарадым
Сюйгеними ызындан.

.

(с. 241)

15. Минги тауда тубанла,
Ала джерге кѡнсунла.
Дуния керек тѡйюл эди,
Сѡйгеним бла кѡйсала.
16. Алып-алып кѡрайма,
Акѡ кѡагытда хатынга.
Джангылмайын келсенг а,
Маниа этген аптынга!
17. Аргѡы таугѡа кѡар джаугѡанды,
Берги таугѡа джетерми?
Эки сѡйген джюрекге
Аллах хукум этерми?

(с. 242)

18. Уллу суугѡа кѡарасам,
Ары-бери урады.
Джанымы джангыз кѡыйыры
Правлен аллында турады.
19. Аурууунгдан ауруйум,
Аджалынгдан ѡлейим!
Бий сыфатлы санларынг,
Эсен кѡбуп кѡрейим!
-
21. Мени барды ыйнарым,
Аллай арну эжиую.
Джазыусуз ишни кѡалай сѡйдѡм?! —
Аллахны кѡыйнар кезиую.
22. Бери кѡарап бугѡады
Кѡаядагѡы сюлесин.
Накѡырда сѡзпю кѡйсун да,
Келечи салып тилесин!
23. Сени кѡайгѡынг кѡймайды,
Кече орунда джатдырмайды.
Аллыкѡ болса, турмаз эди,
Келгенли бери айтдырмай.

(с. 243)

24. Сюйгени болгъан къалмайды,
Сагъын этсе, азмайын.
Джауума келсин сюймеклик,
Сыйлы аллах джазмайын!

25. Суу ызында кёлекке,
Суусар минди терекге.
Къаран сени кёргенлей,
Шайтан кирди джюрекке.

.

31. Орус къауракъ чепкеним,
Киймей туруп кийгенме.
Джюрегиме ауруугъа
Сохталаны сюйгенме.

(с. 244)

32. Башымдагъы джаулугъум:
Эгечинге берейим.
Окъургъа кетген Муратны,
Эсен келип кёрейим!

2. САЛПАГЪАРЛАНЫ ГАПАЛАУПУ ДЖЫРЫ

- а) «Къара кюпле манга келген заманда,
Нёгерлерим хомух болдулар, аманла,
Тогъуз гяуур манга джетген заманда,
Ыстауатда къачып, бугъуп къалалла.

Санларымы тогъуз доктур джаралла.
Тенглерим, джыйылып, къабыргъа салалла»,
«Сени ызынгдан тенглеринг джылай-джылай къалалла»,
«Джаталмайма тар къабырда, керилип».
«Къыз къатынынг джылайды ёлюгюнго бир кёрюрге
термилип.

Ижалары санга келелле басынып».

(с. 249)

Бу ханарынг Салпагъаргъа барды эсе,
Гитче Балдан санга джылай болуму?
Тёбен печни эшиклери ачылып,
Агъач окъла санга келелле атылып,

Агъач окъла къабырынгдан киреллер,
Елгенинги Ижалары сюеллер.
Атларынга къошда джалчыларынг минеллер,
Галошларынгы сохта джашла кийеллер,
Къойларынгы аш этерге сюеллер.
Къаргъа, къузгъун къаркъ-къуркъ этеди къанынга,
Не болгъанды мен таныгъан санынга?!
Сыйлы аллахдан салам болсун джанынга!»

«Атам джокъду кёзлерими джумаргъа,
Эгечим джокъду юсюме туруп джыларгъа,
Къарнашларым ушайдыла къара тууаргъа!»
Бауурундан къаппадыла джарлы Гапалауну къангагъа.
Хапарынгы барып ким айтыр
Чотчалада кызлай къалгъан Танагъа?
Къанынг барады ыстауатны къаралтып.

(с. 250)

Къыз къатынынг гитче Тана джылайды юч ёзенни таралтып».
Къойларынгы элтип банкка салдылар,
Джай таулада панатойгъа санатып».

в) Гапалауну ёлтюрдюле, сойдула,
Сен хариппи кёзкёрмезге джойдула.
Ыстауатынг белге жете мурсады,
Сени ёлтюрген Ижаланы Муссады.
Къара атынг нохта салып ким джыйар,
Ариу Зюлюй джыласа, ариу айтып ким тыйар?

(с. 251)

3. КЪАНАМАТНЫ ДЖЫРЫ

Ойра, Алий улу, тулпар туугъан Къанамат!
Тёрт санынгдан бирча уруп къан агъады!
Сени сойгъан Учкулан элни джамагъаты.
«Игисагъан, бурун кибики, эки айны джашар эди.
Мёлеханнга терс къобузну тартдырып,
Къанаматха къара перданны атдырып,
Къаштау улу Къаспотха джырлар, кюйлер айтдырып,
Джаш Кёккёзню джаш джумушха чапдырып!
Мени хапарым Сынты къабакъгъа барды эсе,
Гитче келин манга келе болурму,
Ташны-тауну джыламукъдан алдырып?»

(с. 252)

Кичи кърнашым, Къаспот, къайры кетип бараса,
Быгъынынга къарыш джаралар салдырып,
Абадан кърнашынгы, Къанаматны
Ёлген ёлюгон Учкуланда къалдырып,
Тулпар санларын орус доктурлагъа джардырып?
Итле келелле мени ёлюгюме, басынып!
Игисагъан, къазауат этип ёлгейем,
Бу ассы кюню эки эшиги ачылып!»
Джабрайыл мёлек кёзлеринге кёрюндю,
Толу акъылынг ташха, таугъа бёлюндю.
Тёппе мыйынг терезе тюбюне тёгюлдю,
Тёппе мыйынгы джууут тауукълар чёплейлер,
Кёбининги джууут къатынлар кёклеилер.
Къабырынгы къара багъанада къазалла,
Пратоколну къанынг бла джазалла.

(с. 255)

4. ДЖЕРМЕ

Къарачайдан чыкыгъанды зытчыу аскер,
Кече Акъмакълагъа джыйылдыла,
Акъмакъланы эски арбазгъа кючден сыйындыла.
Акъмакъланы Семенни алдыкъ джол устагъа.
Экинчи кюнюнде Дауут ыфчыгына ёрмедик.
Къарадыкъ да, чийбыдырны кёрмедик.
Ол а ыпчыкъ туююлдю, ауушду.

(с. 256)

Теберди суууна джетгинчи
Семен азыкъчыгыбызны тауусду.
Акъмакъланы Семен ахшы кишиди:
Атасындан къалгъан ахшы ушкогун
Унутуп кетди, , къабы бла,
Аскерни джюрюте билмейди оноу бла, табы бла.
Алай эте Таш къабакъгъа баргъанек.
Сермеп тутдум кёк улакъны базугундан,
«Чотчаланы мурдар Шымауха,
Нек айырдынг бир аскерни азыгындан?
Эки джёрме тас болгъанды, кёрюрмегиз?
Экисин бирге ашаргъа агъачда бёрюмегиз?»
«Джёрмелени бирин ашагъанма, бири къойнумдады!
Энтда да джёрмелеге бир чабарым бойнумдады

Джёрмелени бири кетди Ыстауатха».
«Гяуур антсыз, къалай джутдунг ол сагъатха?
Барып элге, сорур эдик элде мысагъатха,
Элни айыргъан Аслан бла Азаматха»:
«Джёрмелени бирин атдым шалбар аугъа!».

(с. 257)

Къачда болса, биз барырбыз джёрме даугъа.
Бу джёрмени бир кыйыры джамчы кибик,
Бу джёрмени дауу келир къамчи кибик.
Бу джёрмени ичегиси джети юйге джиб болады,
Джёрме урлагъан Чотчалардан тюп болады!

(с. 266)

а) «Айда эки ит бла бир джаш барды», — деп айталла. Ол эки итге орча болуп турады ол джаш. Ол орча этмесе, ала бири бири бла талашырыкъдыла.

б) Эртте заманда кюнню да, айны да джарыкълыгъы тенг болгъанды. Ол заманда адамлагъа кыйын болгъанды, джукълайалмагъандыла, кече да, кюн да ишлеп тургъандыла. Ол заманда адамла кыйиналмаз ючюн, аллах, мёлекни ийип, айны джарыгъындан алып кюннге (с. 267) къошдургъанды. Андан бери адамла кыйиналмайла джукълар ючюн: кече да, кюн да боладыла.

в) Кёк кюкюрегеннге айталла: «Аллах чамланса, кюкюрейди», — деп.

г) Къылыч ючюн айталла: «Къылычны юсю бла джаш секирсе, къыз болады, къыз атласа, джаш болады», — деп.

д) Къарачайлыла, бир адамны джолундан къоян чыкъса, аны ырысха тергейдиле.

е) Къаргъа кычырса, адамла айтадыла: «Боллукъ заманны айтады», — деп.

ж) Алмасты къара шайтап, чачы узун болгъан, адамны алындырады. Алмасты джашайды бауда, эски тирменде.

з) Къарачайлыла ийнапмайдыла ёлюк адамны къоркъутургъа келеди деп, а ыйнанадыла келеди юйдегисине къараргъа деп.

(с. 268) и). Къылыч турса, къарачайлыла айтадыла: «Къылыч турду, бий ёлдю», — деп.

к) Къарачайлылар бахчалагъа, бал четенлеге кёз тиймез ючюн ат баш сюекни тагъалла, гинджи этип тагъалла.

Бюрче бла бит ол экиси джолоучу болуп тебирелле. Бара бар-гъанларында, бир кёлчюкге тюбелле, андаг ёталмалла. Бюрче айтды битге: «Сен мени сыртыма мин, мен чыгарма да ётерме кёлню ары джанына». Биг минди бюрчени сыртына. Сора бюрче секирди, бит суугъа тёнгереди, бюрче ары джанына ётдю.

(с. 271) Бюрче шохун суудан чыгъаралмады, сагъыш этди къалай чыгъарайым джёнгерими деп. Сора эсине тюшдю айюге барып бир тюк тилерге. Барып айюден тиледи бир тюк: «Мени джёнгерим суугъа джыгъылгъанды, аны чыгъарыргъа бир тюк бер», — деп айтды.

Сора айю айтды бюрчеге: «Мен сеннге не ючюн беремен тюк? Сен меннге балмы келтиресен?»

Сора бюрче барды бал четеннге: «Бир кесек бал бер», — деп. — Балны айюге берликме, айю меннге тюк берликди, тюк бла шохуму суудан чыгъарлыкъма. — Бал четен айтды: «Сен мени къушладанмы сакълайса?» — деп. — Сен къушлагъа айт, ала меннге тиймесинле, сора мен бал береме».

Бюрче барды да къушха: «Сен бал четеннге тийме! Бал четен меннге бал берликди, балны айюге берликме, айю меннге тюк берликди, тюк бла шохуму кёлден чыгъарлыкъма.

Къуш айтды: «Сен меннге джюджекми бересе? Джюджек берсенг, мен бал четеннге тиймем», — деп.

Бюрче кетди, тауукъгъа айтды: «Бир джюджек бер, — деп. — Джюджекни къушха берликме, къуш балгъа тийерик туююлдю, бал четен бал берликди, балны айюге берликме, айю тюк берликди, тюк бла джёнгерими суудан (с. 272) чыгъарлыкъма», — деп айтды. Тауукъ айтды бюрчеге: «Сен меннге тарымы бересе? Тары берсенг, мен сеннге джюджек берирме», — деп айтды.

Бюрче ашлыкъ юйге барды: «Юй, меннге бир кесек тары бер», — деп. — Тарыны тауукъгъа берликме, тауукъ меннге джюджек берликди, джюджекни къушха берликме, къуш бал четеннге тийерик туююлдю, бал четен меннге бал берликди, балны айюге берликме, айю тюк берликди, тюк бла джёнгерими суудан чыгъарлыкъма». Ашлыкъ юй айтды: «Сен мени чычханладанмы сакълайса? — деп. — Чычханладан сакъласанг, мен сеннге тары берирме», — деп айтды.

Бюрче чычханга барды: «Сен ашлыкъгъа тийме! Ашлыкъ юй меннге тары берликди, тарыны тауукъгъа берликме, тауукъ меннге джюджек берликди, джюджекни къушха берликме, къуш бал четеннге тийерик туююлдю, бал четен бал берликди, балны айюге берликме, айю тюк берликди, тюк бла джёнгерими суудан чыгъарлыкъма». Чычхан бюрчеге айтды: «Сен мени киштикденми сакълайса?

Сакъласанг, мен ашлыкъгъа тиймем», — деп айтды. Бюрче барып киштикге айтды: «Сен чычханлагъа тийме!» — деп. — Чычхан ашлыкъ юйге тиерик туююлдо, ашлыкъ юй меннге тары берликди, тарыны тауукъгъа берликме, тауукъ меннге джюджек берликди, джюджекни къушха берликме, къуш бал четеннге тиерик туююлдо, бал четен меннге бал берликди, балны айюге берликме, айю тюк берликди, тюк бла джёнгерими суудан чыгъарлыкъма». Киштик айтды бюрчеге: «Сен меннге сютмю келтиресе?» — деп. — Сют келтирсенг, мен чычханлагъа тиймем», — деп айтды.

Бюрче барды ийнеке: «Ийнек, бир кесек сют бер? — деп. — Сютно киштикге берликме, киштик чычханлагъа тиерик туююлдо, чычхан ашлыкъ юйге тиерик туююлдо, ашлыкъ юй тары берликди, тарыны тауукъгъа берликме, тауукъ меннге джюджек берликди, джюджекни къушха берликме, къуш бал четеннге тиерик туююлдо, бал четен меннге бал берликди, балны айюге берликме, айю меннге тюк берликди, тюк бла джёнгерими суудан чыгъарлыкъма». Ийнек айтды бюрчеге: «Сен меннге биченми келтиресе?» — деп. — Келтирсенг, мен сеннге сют берирме», — деп айтды.

Сора бюрче биченчилеге барды: «Бичен беригиз», — деп. — Биченни ийнеке берликме, ийнек меннге сют берликди, сютно киштикге берликме, киштик чычханлагъа тиерик туююлдо, чычхан ашлыкъ юйге тиерик туююлдо, ашлыкъ юй меннге тары берликди, тарыны тауукъгъа берликме, тауукъ меннге джюджек берликди, джюджекни къушха берликме, къуш бал четеннге тиерик туююлдо, бал четен меннге бал берликди, балны айюге берликме, айю меннге тюк берликди, тюк бла джёнгерими суудан чыгъарлыкъма».

(с. 273) Биченчиле айтдыла бюрчеге: «Сен бизге бозамы келтиресе?» — деп. — Келтирсенг, биз сеннге бичен берирбиз», — деп айтдыла.

Бюрче къатынлагъа барды: «Бир кесек боза беригиз! — деп. — Бозаны биченчилеге берликме, биченчиле меннге бичен берликдиле, биченни ийнеке берликме, ийнек меннге сют берликди, сютно киштикге берликме, киштик чычханлагъа тиерик туююлдо, чычхан ашлыкъ юйге тиерик туююлдо, ашлыкъ юй меннге тары берликди, тарыны тауукъгъа берликме, тауукъ меннге джюджек берликди, джюджекни къушха берликме, къуш бал четеннге тиерик туююлдо, бал четен меннге бал берликди, балны айюге берликме, айю меннге тюк берликди, тюк бла джёнгерими суудан чыгъарлыкъма». Къатынла айтдыла: «Сен бизге сууму келтиресе!» — деп. Бюрче: «Келтирейим суу, челекле беригиз!» — деди. Къатынла челекле бердиле, бюрче челекле бла суу келтирди, къатынла бюрчеге боза бердиле, бюрче бозаны биченчилеге берди, биченчиле бичен бердиле, бюрче биченни ийнеке элтди, ийнек сют берди, бюрче сютно киштикге берди, киштик чычханлагъа тиймезге айтды, чычхан ашлыкъ юйге тиймезге айтды, ашлыкъ юй тары берди, бюрче тарыны тауукъгъа чачды, тауукъ

джюджек берди, бюрче джуджекни къушха берди, къуш бал четеннге тиймезге айтды, бал четен бал берди, бюрче балны айюге берди, айю тюк берди, тюк бла бюрче шохун кёлден чыгъарды.

2

Бир кишини юч кызы бар эди. Бир кюн ол кишини хан чактыргъанды. Ол кишиге хан айтханды: «Бир жерде бир ханны бир ариу кызы барды. Ол кызыны меннге келтир». Киши мыдах болгъанды, юйюне келгенди. Тамата кызы айтханды атасына: «Хан не буюрду, атам?», — деп. Атасы айтханды: «Бир жерде бир ханны кызы барды, аны меннге келтир», — деп айтады. Тамада кызы айтханды: «Къоркъма, атам, мен (с. 274) келтирirme! — деп. — Атынгы джерле да, мен барайым». Киши атын джерлеп бергенди. Кызы атха минип бара тургъанлай, аллындан бир айю джолукъгъанды. Кызы, къоркъуп, ызына къайытып кетгенди. Ортанчы кызы атасына айтханды: «Атны манга бер. Мен барайым, атам!» Киши атны берип, ортачы кызын ийгенди.

Кызы барып, анга да бир айю джолукъуп, къоркъуп къайытып кетгенди. Кичи кызы айтханды: «Мен барайым, атам!» — деп. Киши атны кичи кызына берип, кичи кызын ийгенди. Кичи кызы бара тургъанлай биягъы айю джолукъгъанды. Кызы уллу бычакъ бла айюю къоркъутуп, ханнга баргъанды. Ханнга айтханды: «Не буюраса меннге?» Хан айтханды: «Бир джерде бир ханны бир алтын мюйюзлю буу барды, аны терисин меннге келтир!» — деп айтханды. Кызы атха минип бара тургъанлай, ат айтханды: «Бир джерде ханны кёлю барды. Буу анга суу ичерге келир да, сен бугъун ушкок бла ур! Кызы баргъанды кёлге, кёлню къатында букъгъанды. Бир заманда буу келгенди суу ичерге. (с. 275) Кызы ушкок бла уруп бууну ёлтюргенди да, терисин союп, алып келгенди ханнга. Хан дагыда айтханды: «Энтда ханны бир алтын мюйюзлю бир алтын бугъасы барды да, аны терисин келтир меннге!» — деп. Кызы атына минип бара тургъанлай, аты айтханды: «Энтда биягъы кёлге барайыкъ да, бугъа ол кёлге суу ичерге келир да, ушкок бла уруп, терисин ал!» — деп. Кызы баргъанды да кёлню къатында букъгъанды. Бугъа суу ичерге келгенди. Кызы ушкок бла уруп бугъаны ёлтюрюп, терисин алып келгенлей, кызыны аты айтханды: «Энтда хан санга бир зат буюрса, тынч иш болса, мен тынч турурма, кыйыиш иш болса, мен терлеп турурма».

Кызы терини алып ханнга баргъанды да, хан айтханды: «Энди ханны кызын келтир!» — деп. Атына баргъанды, аты терлеп тура эди. Кызы не этерге билмейин, атына минип бара тургъанлай, аты айтханды: «Барайыкъ да ханны шахарына, шахардан берлакъда сеп бугъун тур да, мен шахаргъа кирейим да, джоргъалап барайым шахаргъа. Ол заманда хар ким меннге минерле да, мен тынч турурма.

Сора ханны (с. 276) кызын да миндирирлер. Мен кызыны алып къачарма да келиме. Ол заманда сен да минип, барырбыз ханнга».

Кыыз барып шахардан берлакъда букъгъанды да, ат кеси джаныгыз шахаргъа барып ханны арбазына киргенди. Хар ким джыйылып кёзпу-кёзиу атха мингендилер. Ат тынч тургъанды. Сора хан айтханды: «Мени кызымы да миндиригиз!» — деп. Келтирип ханны кызын миндиргенлеринде, ат, кызыны да алып, къачханды. Хар ким сюргендиле, алай болгъан ючюн джеталмагъандылар. Ат кыызгъа келгенди да, кыыз да минип баргъанды ханнга.

Ханны кызы юге киргенинде, атасыны буу терисин кёргенди. Кыыз соргъанды: «Ким келтиргенди мени атамы буу терисин?» — деп. Хан айтханды: «Сени келтирген джигит келтиргенди буу терини да». (с. 277) Экинчи да кыыз кёргенди бугъа терини, соргъанды ханнга: «Ким келтиргенди атамы бугъа терисин?» Хан айтханды: «Сени келтирген джигит келтиргенди бугъа терини да».

Ол заманда ханны кызы айтханды: «Алай эсе мен бир дууа окъуйум, сиз а: «амин» дегиз».

Кыыз айтханды дууасында: «Хан бир тонгуз болуп, кыралы ит болуп чегетге кирсинле, мени келтирген джигит джаш эсе, кыыз болсун, кыыз эсе джаш болсун», — деп.

Алай айтханды да, халкъ амин дегенлеринде, хан бир къара тонгуз болуп, кыралы да, итле болуп, чегетге кирип кетгендиле. Ол кызыны келтирген кыыз да джаш болуп къалгъанды. Ол ханны кызын да алып, ханны орунунда къалгъанды. Ол заманда юч алма бергенди: бирин меннге, бирин Муратха, бирин хапар айтханнга.

3

Эки къарнаш бар эди. Бир тели эди. Экиси да, (с. 278) уугъа баргъандыла. Ала ашай тургъанлай, эмеген келгенди. Эмеген тутханды акъыллы къарнашны.

Экиси да кюрешгендиле. Акъыллы къарнаш айтханды тели къарнашнына: «Тур да, кюреш сен да!» Тели къарнашы, унамагъанды да, айтханды: «Кетигиз былайдан, хантыма тиймегиз!» — дегенди. Сора акъыллы къарнаш эмегени аягъын аны табагъына джетдиргенди, тели къарнашы тургъанды да эмегени тутханды, чачып къойгъанды.

4

Эртте эки мараучу бар эди. Бир тауда джашай эди, бири тюзде джашай эди. Бир кюн экиси да бир бирине джолукъгъандыла, айтхандыла: «Сен джашагъаң джерде не алапат кёрдюң?» — деп. Тау мараучу айтханды: «Мен, бир кюн чегетде кетип бара эдим да, бир ыз кёрдюм. Ол ызыны алып аны бла бара бардым да, бир агъач киши: «Былай тур!» — деп кетди. Бир заманда барып бир кълту-

гъуна бир бууну (с. 279) алып, инбашына да бир терекни алып келди. Бууну да кесди, отунну да джарды. Тишлик этип, меннге да ашатды, кеси да ашады да, джатдыкъ. Мен, къоркъдум да, ол джукълагъанында, турдум да, джамычымы алай томураугъа джаидым да, кесим терек башына миндим. Манга уа атынг неди деп соргъан эди. Мен айтханем: «Атым Былтырды», — деп.

Кечени арасында агъач киши, турду да, джамычым болгъан томурауну кёкюреги бла урду да чачды. Ол алай чачханлай, ушкок бла атдым да, къабыргъасындан окъ тийди, бир аман къычырыкъ этди. Ол къычыргъанлай төрт джанындан джыйылдыла, агъач кишиле. «Не болгъанды сеннге? — деп сордула да, ол айтды: «Мени Былтыр урду», — деп. Агъач кишиле айтдыла:

«Былтырпы биз къайда табайыкъ? Быйыл болса, табар эдик», — деп алып кетдиле ол агъач кишини да. Мен да терекни башындан тюзюп къачдым. «Мен кёрген алаамат олду», — деп айтды тау мараучу.

Тюз мараучу да айтды: «Мен бир кюн кетип барама да, бир къуш келди да, мени, алып барып, бир къая тешикке салды. (с. 280) Къарагъанымда, бир къыз да джылай тура эди, бир къазан да къайнай, ичинде этлери бла. Ол къуш дагъыда учуп кетди.

Мен ол къызгъа сордум: «Нек джылайса?» — деп. Къыз айтды: «Бу къуш мени алып келгенди да, энди мени ашарыкъды. Мени атам менден сора къызы да джокъду!» Сора мен сордум: «Энди къачан къайтырыкъды ол къуш?» — деп. Къыз айтды: «Энтда ол тапса, адам алып келликди, тапмаса да, кеси келип, бу къазандагъы этлени да ашап, джукъларыкъды. Бир джукъласа, эки кюнню, юч кюнню джукълайды», — деп. «Сора къоркъма!» — дедим мен къызгъа.

Бир заманда бир къаты джел келди да, айтды къыз: «Энди къуш келеди», — деп. Сора, бир кесек тургъанлай, келди къуш, джукъ да алмай. Сора къуш къазандагъы этлени да, сюеклерин да къаядан къуйду, тюзюп джиликлерин да ашады да ёрледи. Сора къуш джукълады. Иги къаты джукълагъан заманда ушкогуму алдым да, эки окъ салып, урдум къушну. Къуш тырпылдай туруп ёлду. Къуш ёлгенден сора, терисин сойдум да, къыз да, мен да терипи ичине кирип къаядан секирдик. Къаяны тюбуне акъырын тюшдюк да, териден чыкъдыкъ. Къызчы да юйуне элтдим, кесим да кетдим. Мен кёрген алаамат олду», — деп айтды тюз мараучу.

(с. 281) Тогъуз адам эртде атланып тебирегендиле да, бара барып бир эмегеплеге тюбегендиле. Эмегепле ол тогъуз адамны атлары бла элтип бир дорбуннга джыйгъандыла. Кече болгъанда бир къонакълыкъ этгендиле эмегеплер. Ол кече аны ашап джатхандыла. Экинчи

кюн эмегенле айтхандыла кьонакьлагъа: «Энди сизни кёзюуюгюздү», — деп. Кьонакьла бир атларын кесгендиле, аны ашагъандыла.

Дагъыда эмегенле бир кьонакьлыкъ этгендиле, дагъыда эмегенле кьонакьлагъа айтхандыла: «Энди сизни кёзюуюгюздү», — деп. Кьонакьла дагъыда бир ат кесгендиле. Алай эте кёзюу-кёзюу кьонакьланы атларын бошагъандыла. (с. 282) Сора кьонакьла атларын бошагъанларында, эмегенле айтхандыла: «Энди адамларыгъызны кесигиз!» — деп. Сора бир кьонакь айтханды: «Хайыр, биз адам кесейик, алай болгъан кююн бизни къартла бизни сизге келечиге ийгендиле. Келечилигибизни айтайыкъ да, сора кесейик адамны да», — деп. Эмегенле айтхандыла: «Айтыгъыз!» — деп. Сора тамата айтханды: «Эмегенлеге барып сорсагъыз, айырырла», — деп. Эмегенле айтхандыла: «Неди ол иш, бизге да айтыгъыз», — деп. Тамата айтханды: «Иш олду: Бизде бир къарт, эчкиле кюте тургъанлай, джангур джаугъанды да, ол къарт эчкиле да бир текени сакъалыны тюбуне джыйылгъандыла. Бир къуш а бир джауурун сюекни алып келип, текени мюйюзуне кьоннганды.

Къарт: «Джангур тохтадымы?» — деп, ёрге къарагъанда, къуш учханды да, джауурун сюек къартны кёзюне тюшгенди. Къарт юйюне келгенинде, айтханды: «Кёзюме кирчик тюшгенди», — деп. Элде болгъан адам джыйылып, джипле тагъып, тартып, къартны (с. 283) кёзюнден джауурун сюекни алгъандыла да, алай атхандыла. Бир талай джыл кетгенден сонгра, джауурун сюекни юсюне кырдык битгенди да, бир эл келип, джауурун сюекни юсюне орналгъанды.

Дагъыда бир талай джыл болгъандан сонгра, бир тюлкю келип, джауурунгу кыйырындан къапханды да, тартып элни башын тюбуне айландыргъанды. Ол тюлкюню бир джашчыкъ ёлтюргенди да, терисин сойгъанларында, терини джартысы саулай элге бёрк болгъанды. Бир джартысы саулай тюлкюню ёлтюрген джашчыкъгъа бёрк чыкъмагъанды. Энди бизни къартланы кимиси айтады: «Ол къарт мазаллыды», — деп, кимиси айтады: «Джауурун сюек мазаллыды», — деп, кимиси айтады: «Тюлкю ёлтюрген джашчыкъ мазаллыды», — деп, кимиси айтады: «Тюлкюню ёлтюрген джашчыкъ мазаллыды», — деп. Муну кертисин билмейле да: «Барыгъыз да, эмегенлеге соругъуз!» — деп ийгендиле. Энди сиз муну айырыгъыз! — деп айтханды тамада.

Бир эмеген айтханды: «Тюлкю мазаллыды», — деп, бир эмеген айтханды: «Джашчыкъ мазаллыды» — деп, бир эмеген айтханды: «Къарт мазаллыды», — деп, бириси айтханды: «Джауурун сюек мазаллыды», — деп, (с. 284) бириси айтханды: «Ол къуш мазаллыды», — деп. Эмегенле, бир бири бла туююшуп, ёзеннге тигелегендиле. Ала ёзеннге тигелегенлеринде, кьонакьла да къачып, юйге келгендиле, адамларын да кесмейин.

Бир киши кѡшха барып, сегиз гыбытны айрандап толтуруп, ар-кѡасына кѡтюрюп алып келгенлей, бир киши джолукѡгъанды да айтханды: «Бир айран ичир», — деп. Киши: «Ич!» — дегенинде, ичип, айран болгъаны саудай тауусханды. «Нек тауусдунг?» — деп урушханда, кишини тутуп, гыбытлары да, кесин да, ышымына сукѡгъанды да кѡйгъанды.

Ингирде юйоне келгенинде, кѡатынына айтханды: «Ышымымы теш!» — деп. Кѡатыны ышымын тешгенинде, киши гыбытлары бла ышымыны ичинден чыкѡгъанды. Киши айтханды кѡатынына: «Мазаллыма да мен?» — деп. Кѡатыны айтханды: «Сенден эсе да мазаллыны кѡрюрсе, мени атама, анама барсанг», — деп. (с. 285) Киши атына да джер салып, бара тургъанлай, тюбегенди бир чолакѡ кишиге, чолакѡ кѡолуна бир сабан агъачны да тагъып, аны ызындан да бир тырнауучну тагъып, бир кѡолу бла да урлукѡ атып сабан сюре тургъанлай. Киши алайгъа баргъанында, эмегенле чегет джанындан ташла бла атаргъа кѡалгъанларында, чолакѡ киши алып, кишини да, атын да, мигидаугъа салгъанды.

Дагъыда сабан сюре тургъанлай, мигидау да бойнунда тургъанынлай, чолакѡ кишини кѡатыны келгенди, азыкѡ алып эрине. Олтуруп, азыкѡ ашап бошагъанлай, чолакѡ киши кѡатынына айтханды: «Кѡонакѡны юйге элт!» — деп.

Кѡонакѡ да, кѡатын да юйге кетип баргъанлай, быягъы эмегенле таш бла атып башлагъанларында, кѡатын кѡонакѡны алып, атын да, кесин да табакѡгъа салып, бир табакѡ бла да башып джабып, юйоне элтгенди.

Ингирде чолакѡ киши юйге келгенинде, соргъанды: «Не айлана-са, кѡонакѡ?» — деп. Кѡонакѡ айтханды: «Мен сизни кийеуююгъоме», — деп.

(с. 286) «Бир джолда сизни кѡызыгъызгъа: «Мазаллыма», — деп, айтханымда, кѡызыгъыз айтхан эди: «Мазаллыны излей эсепг, мени атама, анама бар!» — деп. Энди уа, сиз менден да мазаллысыз!».

Кѡонакѡ алай айтханында, чолакѡ киши айтханды: «Эх, биз мазаллы тѡююлбюз, мазаллыны мен айтайым санга», — деп. Сора чолакѡ киши айтханды: «Биз джюз атлы болуп кетип бара эдик. Барысыны да гитчелери мен болуп, бир сыртда джангур джауду да, кече бир дорбунда кѡалдыкѡ, атларыбыз да, кесибиз да эрттен бла кюн тийгенинде, бир кѡойчу келип айагъы бла ургъанында дорбунну, дорбун да, биз да чартлап ѳзеннге тѡшдюк. Ызеннге тѡшгенинде, кѡарадым да, адамла барысы да ѳлюп, ол биз кече джыйылгъан дорбун да бир адам баш сюек болуп тура эди. Мени да кѡолум ол заманда чолакѡ болгъанды. Биз дорбунду деген кѡая адамны кѡз тешиги эди. Мазаллы десепг, быладыла, ансын бизде не мазаллылыкѡ барды?» — деп. Алай айтханында чолакѡ киши, кѡонакѡ: «Аллах, аллах!» — деп, атына минип, кѡачып кетди.

(с. 287) Эртде эки кърнаш бар эди. Бири харам кърнаш эди, бири халал кърнаш эди. Харам кърнаш бай эди, халал кърнашны джангыз бир акъ алашасы бар эди.

Бир кюн харам кърнаш айтханды халал кърнашына: «Джур, бир джерге барайык!» Халал кърнаш тебирегенди алашасы бла, харам кърнаш — джаяулай. Бара баргъапла да, харам кърнаш халал кърнашны алашасына мишигенди да къачханды. Халал кърнаш да, ызындан бара барып, кече бир дорбунда къалгъанды.

Кече келгенди бир тюкю, бир бөрю, бир айю. Аланы кърсенинде, бу джарлы кърнаш дорбуну артына кысылгъанды.

(с. 288) Айю айтханды тюкюге: «Тюкючюк, сен не ашап джашайса?» — деп. Тюкючюк айтханды: «Кюндюз къртурла, къамы-жакъла чеплейме, кече бир алтын бечкечигим барды да, аны бла ойнайма».

Экинчи быягъы айю соргъанды бөрюге: «Бөрю, сен а къалай джашайса?» — деп. Бөрю айтханды: «Мен, бир джерде бир сокъур кърчю барды да, барама да, кюн сайын бир кърчю ашайма! — деп. — Ол кърчю билмейди, ансын, бир боз кърчю барды да, аны кесип, джауун кърчюне сюртсе сау боллукъ эди кърчю», — деп.

Айю да айтханды: «Мен да бир джерде бир эл барды да, ол эли суулары узакъды да, кюн сайын къратынла суугъа келселе, бир къратын ашайма. Ол эл билмейди ансын, араларында бир чунгур барды да, ол чунгурну кързасала, суу чыгъарыкъ эди», — деп.

Джарлы киши быланы эшитгенди. Танг атханында, айю да, бөрю да, тюкю да чачылгъандыла. Киши, тюкюню бечкечигин да алып, кърчюгъа баргъанды.

(с. 289) Ол кърчюгъа айтханды: «Кърчю, кърчюню сау этсем, не берирсе?» — деп. Кърчю айтханды: «Кърчюларымы джартысы сени болсун», — деп.

Джарлы киши тутханды да кърчюну боз кърчю кесип, джауун кърчюну кърчюне сюртүп, сау этгенди. Кърчю кърчюларын эки этип, джартысын берип, киши да аланы да сюрүп ол суусуз элге баргъанды да, элге айтханды: «Сизни арагъыздан суу чыгъарсам не берирсиз?» — деп. Эл айтханды: «Нелляй бир сюрсенг, аллай бир ахча берирбиз», — деп.

Киши араларында чунгурну кързып, суу да чыгъарып, кър ахча да алып, кърчюларын да сюрүп, алтын бечкечигин да алып, юйюне келгенди.

Юйюне келгенинде, харам кърнаш айтханды: «Кърчюдан тандынг бу кърчю мюлкю?» — деп. Джарлы киши айтханды: «Да сен мени алашамы алып кърчюханлыкъгъа, мен да бара бардым да кече бир дорбунда къралдым. Дорбунга бир айю, бир бөрю, бир тюкю келди-ле да, бири бирине хапар айтдыла. Айю айтды: «Бир эли сууу

узакъды да, кыйналып джашайдыла, ала билмейле ансын, арала-рында бир чунгур барды да, ол чунгурну къазсала, суу чыгъарыкъ эди», — деп. Бёрю айтды: «Бир джерде бир сокъур кыйчу барды да, ол билмейди, ансын бир боз кыю барды да, аны кесип, джауун сюртсе, (с. 290) кёзю сау боллукъду», — деп. Тюлкючюк да айтды: «Мени да дорбунда бир алтын бёчкечигим барды», — деп.

Харам къарнаш быланы эшитгенинде, ол да: «Бир барайым!» — деп барды дорбунга.

Кече дорбунда джатып тургъанлай, келдиле быягъы айю да, бёрю да, тюлкю да. Тюлкючюк айтды айюге: «Айю, мени, алтын бёчкечигими ким эсе да урлагъанды», — деп. Бёрю да айтды: «Мени да сокъур кыйчум сау болуп тура эди да, баргъанымда, ушкок бла кыууду да ийди», — деп. Айю да айтды: «Мен да баргъанымда, элни арасында суу чыгып тура эди да, адам тапмадым ашаргъа», — деп. Сора айю айтды: «Была былай нек болдула? — деп. — Бир къарачы, тюлкю дорбунга!» — деп.

Тюлкю къарады да «Джукъ джокъду», — деп айтды. Экинчи айю айтды бёрюге. Бёрю къарады да айтды: «Не эсе да бир зат барды», — деп.

Айю туруп къарагъанында, харам къарнашны кёрдю да, аны тутуп, ючюсю да кесек-кесек этип кетдиле.

8

(с. 291) Эртте юч къарнаш бар эди. Бир джолда экиси уугъа баргъандыла. Тамада къарнаш кыошну сакълап тургъанлай келгенди сакъалы минг къарыш, кеси бир къарыш болгъан бир адамчыкъ. Ол: «Салам алейкум», — дегенди. «Уaleyкум салам», — деп, джаш кыошха джууукъ этгенди.

Кыошда бир къазанчыкъ кыйчай тургъанлай, андан чыгъарып, эт ашатханды. Сакъалы минг къарыш айтханды: «Бумуду ашатыргъынг?» — деп. Кыонакъбай айтханды: «Олду», — деп. Сакъалы минг къарыш сакъалындан бир тюк алгъандыда, кыонакъбайны байлап, болгъанын ашап, берип кетгенди.

Ингирде къарнашлары келгеплеринде, кёргендиле тамада къарнашларын байланып тургъанын. Къарнашлары соргъандыла: «Не болгъанды сеннге?» — деп. Тамада (с. 292) къарнашлары айтханды: «Былай-былай, бюгюн кыошда тургъанлайыма, сакъалы минг къарыш, кеси бир къарыш адам келди да, кыолларымы да байлады, болгъаныбызны да ашап кетди», — деп. Экинчи кюн кыошда квалды ортанчы къарнаш. Аны да ол кюн ол тамада къарнашны этгенча этип, болгъанларын да ашап кетди ол сакъалы минг къарыш болгъан.

Ючюнчю кюн кыошну сакълайды кичи къарнаш. Ол да эт бишире тургъанлай, эшик аллындан: «Салам алейкум!» — деп, бир таууш

чыккыды. Чыгып къарагъанында, сакъалы минг къарыш, кеси бир къарыш бир адамчык, бир кычырыучугъа минип, эшик аллында тура эди. «Уалейкум салам! Тюш, джууукъ бол!» — деп къошха джууукъ этди.

Къошха киргенинде, сорду кичи къарнаш: «Не керекди?» — деп сакъалы минг къарышха. Сакъалы минг къарыш айтды: «Бир джукъ ашат!» — деп.

Кичи къарнаш къазандан бир эт алып ашатды. Сакъалы минг къарыш айтды: «Бумуду ашатырынг?» — деп. Кичи къарнаш айтды: «Олду!» — деп. Сакъалы минг (с. 293) къарыш сакъалындан бир тюк алып байларгъа тебирегенлей, кичи къарнаш, сермеп, сакъалындан тутуп, элтип терекге байлап къойду.

Кече къошда джатып, эрттен бла барып къарагъанында, сакъалы минг къарыш, терекни да суйреп, къан ыз этип, кетип тура эди. Ол кичи къарнаш къан ызы алып, ызындан баргъанында, юч кыз бир кёлню джанында эскиле джууа тура эдиле.

Кичи къарнаш сорады: «Бу эскиле не эскиледиле?» — деп. Ол кызланы кичиси айтды: «Бизни атабызныктыладыла», — деп. Сора кичи кыз айтды: «Бизни атабызны ким эсе да терекге байлагъанды да, сакъалы къанап, сакъалындан джагъылгъанды бу къан», — деп.

Сора ол джаш айтды: «Сизни атагъызны терекге такъгъан менме», — деп. Сора кичи кыз туруп ол джашны кёлге тюртүп ийди. Джаш тигелеп, тигелеп, кёлню тюбюнде бир элге баргъанды. Баргъанында, ол элде бир юйге киргенди. Юйге киргенинде, бир сокъур киши бла сокъур (с. 294) къатып кёргенди. Сора ол юйде бугъуп тургъанды. Кече ол сокъур къатын бир унну алып, гырджын эте башлагъанды. Гырджын эте башлагъанында, суу тапмайын, уннга сийгенди.

Сора джаш айтханды: «Эй, уннга нек сиесе?» — деп. Сокъур къатын бла сокъур киши айтхандыла: «Бизни элни сууу джокъду?» — деп. Сора джаш айтханды: «Да, сиз къуру да былаймы джашайсыз?» — деп. Сокъур киши айтханды: «Бизни бир джерде сууубуз барды, алай болгъаны ючюн он эки башлы бир эмеген сууну аллы тыйгъанды да, бизге джибермейди», — деп. Джаш айтханды: «Да ол эмегени ёлтюралмаймысыз?» — деп. Сокъур киши айтханды: «Огъай», — деп. Сора джаш айтханды: «Да мен ёлтюрсем эмегени, не берирсиз?» — деп. Сокъур киши айтханды: «Сен эмегени ёлтюралмас», — деп. Джаш айтханды: «Мен эмегени ёлтюрюме, менге не берирсиз?» — деп. Киши айтханды: «Сен эмегени ёлтюрсенг, кесинг кётюралгъан бир ахча берирме», — деп. Джаш, он эки кийиз бёрк да кийип, баргъанды эмегениге.

(с. 295) Эмеген уруп джашны бир бёркюн тюшюргенди, джаш да, уруп, эмегени бир башын тюшюргенди. Алай эте эмеген да, джашны он эки бёркюн тюшюргенди, джаш да эмегени он эки башын тюшюргенди.

Сора эмеген ёлюп, джаш сууу элге джибергенди.

Суу элге келгенинде, эл да суудан къаннанды, джашха да къурманлыкъ этип, кеси кёлтюралгъан бир ахча бергенди. Джаш айтханды: «Энди мени дунияны башына чыгъарыгъыз!» — деп. Эл айтханды: «Биз сени дунияны башына чыгъаралмабыз, ёнге уа бир къуш барды да, ол хар джылдап юч бала табады. Аны балаларып бир сарыубек ашайды. Ол сарыубекни ёлтюрсенг, ол къуш сени дунияны башына чыгъарыр эди», — деп.

Джаш баргъанды да, терекни башында къушну уясына ёрлеп тургъанлай, терекни тюбюнден келип, сарыубек ёрлеп тебирегенди. Джаш уруп сарыубекни белинден эки этип, сарыубекни ёлтюргенди.

Сора къушну балачыклары къууанып, джашха айтхандыла: «Бизни анабыз келсе, сени джашырайыкъ», — деп, къанатларыны (с. 296) тюбюне салгъандыла. Джаш да алай тургъанлай, бир уллу джангур джаугъанды. Сора джаш соргъанды: «Бу джангур не эди?» — деп. Ала айтхандыла: «Бу джангур бизни анабызны бизге джыламулкларыды», — деп. Дагъыда келгенди бир джел. Джаш соргъанды: «Бу джел а не джелди?» — деп. Къуш балачыклары айтхандыла: «Анабызны къанат джелиди», — деп. Сора, бир кесек тургъанлай, келгенди къуш. Къуш сарыубекни ёлгенин кёргенде, айтханды балаларына: «Сизге бу игиликни ким этди?» — деп. Балачыклары кёргюзтгенди: «Ма бу этди!» — деп. Къуш джашны эркетип, айтханды: «Мен а сеннге не игилик этейим?» — деп. Джаш айтханды: «Мени дуния башына чыгъар!» — деп. Къуш айтханды: «Хайыр, он эки гаммеш сой да, терилерине суу къуй, этлерин да сыртыма джюклеп, мин!» — деп.

Джаш он эки гаммешни да союп, этлерин да джюклеп, терилерине да суу къуйгъанды да, къушну сыртына мингенди. Къуш айтханды: «Энди манга «къакъ» дегеним сайын эт къапдыр, «кыыкъ» дегеним сайын, суу ичир!» — деп.

Джаш да къушха «къакъ» дегени сайын, эт къапдыра, «кыыкъ» дегени сайын, (с. 297) суу ичире, ёрлеп баргъандыла да, дунияны башына чыгъаргъа бир кесек къалгъанда, джашны эти тауусулгъанды. Къуш: «Къакъ», — дегенди, болмагъанды, — «Кыыкъ», — дегенди, болмагъанды. Сора джаш чабакъ этин кесгенди да къапдыргъанды къушха. Къуш да дунияны башына чыгъарып, джашны ийгенде, джаш асхап тебирегенди. Къуш айтханды джашха: «Не болгъанды сеннге?» — деп. Джаш айтханды: «Этим тауусулгъанында, бутумдан кесип санга къапдыргъанем», — деп. Къуш айтханды: «Сени мен сынаргъа этген эдим, ансын этинг тауусулгъанын да биле эдим». Къусуп, джашны чабакъ этлерин да джабышдырып ийгенди. Кеси да тигелеп келгенди. Джаш да ахчасын алып юйюне кетгенди.

КАРАЧАЕВСКИЕ ТЕКСТЫ *

ПОСЛОВИЦЫ

(с. 235) 1. Быстрая (досл. спешащая) река до моря не дойдет. 2. Ухаживай за стариком, да советуйся (с ним). (Досл. Вытирай старику нос и держи (его) для совета) **. 3. Лампа бедняка горит тускло. 4. Кто рано встает, тому даже жеребец приносит жеребенка. 5. Не спешащая (досл. медленная) нога ступает правильно. (Ср. русск. Прытко бегают, да часто падают). 6. Спиртное самое сокровенное раскроет. (Ср. русск. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке) (с. 236). 7. Если (ты) прибыл в село слепых, закрой глаза. 8. На чью арбу сядешь, песню того и пой. (Ср. русск. На чьем возу сажу, того и песенку пою). 9. Хлеб праведника, если даже в степи останется, не съедят собаки. 10. За пазухой у старика есть калач. 11. Медленно пойдешь — далеко уйдешь. (Ср. русск. Тише едешь, дальше будешь). 12. Не вороши прошлое (досл. Не гонись за прошедшим делом). 13. Бедного человека и на верблюде собака укусит. (Ср. русск. На бедного Макара все шишки валятся). 14. Если плохой человек схватил за полу (твоего платья), отрежь (полу) и беги (Ср. русск. С иным будь знаком, а ходи кругом). 15. Зла за зло не воздавай, кровь кровью не смывай. 16. У подлого бывает два грязных тулупа, один (он) наденет на тебя. (Ср. русск. Злой, как уголь: если не жжет, то чернит.)

* Автор перевода стремился к наиболее точной передаче содержания национальных текстов средствами русского языка, сохраняя при этом не букву, а дух подлинника.

** Из примечаний В. Прёле:

Имеет значение: старых людей не нужно презирать, так как они добры и полезны.

1. Сколько бы (я) ни шел, (я) все же не могу пройти длину (даже) с топор. — Жернов. 2. В воду войдет, становится одним, из воды выходит, становится тысячью. — Лошадиный хвост. 3. Под камнем стеклянная бусина. — Рыба. 4. Из воды рождается, на суше живет, увидев (свою) мать — умирает. — Лед. (с. 237). 5. Верх дырявый, дно (досл. низ) дырявое, а в середине — огонь и вода. — Самовар. 6. Мы на нее смотрим, она на небо смотрит. — Лампа.

ЛИРИЧЕСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Из примечаний В. Прёле: Такие лирические строфы, которые приведены здесь с 1—32, называют ийнар. Они почти все без исключения сочиняются женщинами и девушками и являются выражением женского чувства любви. Первые 24 строфы сообщены мне девушкой Баллы, старшей сестрой Исмаила Бектирзаевича Байчорова в Учкулане.

1. Черным-черны (твои) брови,
Сверкают (твои) глаза (досл. серебро-стекло (твои) глаза)
Словно писание (молитвы) Корана (для меня),
Из уст (твоих) исходящие (досл. выходящие) слова.
2. Если (я) спрошу, расскажет (о тебе)
В небе летящий голубь.
До Петербурга
Дошла бы, чтобы тебя увидеть.
3. С каждым днем (я) чувствую (досл. вижу),
Тает мое сердце (от любви),
Всего Карачая стоит
Письмо, написанное любимым.

(с. 238)

5. Серебряный пояс на (моей) талии
Обвивает весь (мой) стан.
Кроме тебя (я) не видела (человека),
(Так) похожего на торговца-краснобая.

.

(с. 239)

7. Тянусь (я) и не достаю
До гор, по которым ты ходишь.

Пусть закроются навеки двери твоего дома;
Я сделалась больной (из-за любви к тебе).

9. Отсюда (издалека) глядя, (я) вижу (досл. узнаю)
Белой горы седловину (двуглавую вершину).
С тех пор, как не приходит (милый),
У меня появилась на сердце тревога.

(с. 240)

12. Черкеска на нем (на любимом)
(Такая) длинная, что волочитя (по земле).
Три часа (неотрывно) смотрела (я)
Милому вслед.

(с. 241)

15. На Эльбрусе туманы,
Они на землю садятся.
Ничего (другого) на свете (мне) не надо,
Лишь бы оставили (меня) с любимым.
16. Часто-часто (я) смотрю
На (твой) почерк на белой бумаге..
Приходи, будь верным
Данной мне клятве!
17. На той горе снег выпал.
Дойдет ли (он) до этой горы?
Два любящих сердца
Разве аллах осудит?
18. Когда на большую реку смотрю,
По берегам (букв. туда-сюда) бьется.
Души моей частица (самый дорогой для меня)
Перед правлением стоит.
19. Твоей бы болезнью заболеть,
Твоей бы смертью умереть!
Благородный (букв. княжеский) твой стан
Здоровым бы увидеть.

ПЕСНЯ О САЛПАГАРОВЕ ГАПАЛАУ

- а) «Когда настали мои черные дни,
 Друзья (мои) сплеховали, бросили (меня).
 Когда девять гяууров ¹ меня настигли
 Сбежали (они) из ыстауата * и спрятались.
 Труп (мой) девять докторов вскрывают.
 Друзья (мои) собравшись, в могилу (меня) кладут».
 Друзья (твои) остаются и горько оплакивают (тебя).
 «Неудобно лежать (мне) в тесной могиле».
 Невеста (твоя) плачет, желая хотя бы раз увидеть твой труп.
 Ижаевы ² идут к тебе толпой (идут к твоим родственникам на со-
 болезнование).

(с. 249)

Если эта весть (о тебе) дошла до Салпагаровых ³,
 Маленькая Балдан ⁴ оплакивает ли тебя?
 В нижней комнате двери открываются.
 И много пуль на тебя летит.
 Пули в твои бока вопзаются.
 Смерти твоей Ижаевы рады.
 На коней (твоих) на коше ** батраки (твои) садятся.
 Галоши (твои) ребята — сохты *** носят ⁵.
 Из овец (твоих) еду приготовить хотят.
 Ворон — предвестник беды, каркает над (твоею) кровью.
 Что случилось (с твоим), мне знакомым телом?
 Пусть великий аллах спасет твою душу.

«Нет (у меня) отца, чтобы закрыть (мне) глаза.
 Нет (у меня) сестры, которая бы стоя (падо мной) оплакивала бы
 (меня).

Мои братья похожи на черный скот ****,
 Ничком положили бедного Гапалау на доску.

¹ Гяуур — означает здесь «злодей, проклятый».

* Ыстауат — стойбище (здесь и далее в карачаевских текстах В. Прёле звездочкой выделяются пояснения переводчика. — Р е д.)

² Ижалары — Ижаевы.

³ Семья Салпагаровых живет в названной части Учкулана на левом берегу Кубани.

⁴ Балдан — кухня героя.

** Кош — шалаш, стан.

*** Сохта — ученик мусульманской школы.

⁵ Одежду мертвого дарят обычно духовному лицу.

**** Имеется в виду то, что братья его безответны, трусливы и не могут отомстить за смерть брата.

Кто пойдет и сообщит о твоей смерти
(Оставшейся девственницей, (твоей невесте) Тана (из рода) Чот-
чаевых?⁶
Кровь (твоя) течет, черня весь ыстауат.

(с. 250)

Невеста (твоя) маленькая Тана так плачет, что от этого три долины⁷
(люди трех долин) кручинятся.
После того, как на летних пастбищах понятия посчитали,
Овец (твоих) угнали и (выручку от них) положили в банк.

б) Гапалау убили, зарезали,
Тебя, бедного, ни за что погубили.
Ыстауат (твой) зарос крапивой до пояса,
Тебя убил Ижаев Мусса.
На черного коня (твоего) кто наденет недоуздок и поведет в
стойло?
Когда заплачет красивая Зюлюй⁸, — кто ее добрым словом
утешит?

Из примечаний В. Прёле: Гапалау Салпагаров был злодейски убит своим врагом Муссой Ижаевым и его товарищами. Трагическая судьба красивого юноши вызвала повсюду сострадание. Повествующая о нем эпическая песня имеет много вариантов, и очень тяжело составить художественное целое из различных строф, часто исполняемых вперемежку. Я этого не пытался сделать, а привожу под пунктом а) текст, рассказанный мне Иммулатом Хубиевым, и под пунктом б) несколько строк, продиктованных мне Муратом Аджиевым.

Подобные песни называют **жыр** или **кюй**. Без какого-либо перехода здесь, как и в прочих эпических песнях, слова вкладываются в уста героя, или к нему обращаются как ко второму лицу, или повествующие строки следуют в зависимости от того, как оживляется фантазия и чувство, или насколько живо они воспринимаются. Несомненно, что в некоторых строках надгробный плач близких сохранил слово в слово.

(с. 251)

ПЕСНЯ О КАПАМАТЕ

Ойра! Сын Алиа, родившийся богатырем Капамат!
Со всех сторон (твоего) тела кровь струится!¹
Тебя зарезали жители села Учкулан.

⁶ Чотчала, Чотчалары — Чотчаевы, семья из Хурзука, к этой семье принадлежала Тана, невеста Гапалау.

⁷ Юч ёзен — «три долины», или «три реки», которыми являются Хурзукская долина, Учкуланская долина и Кубанская долина.

⁸ Зюлюй — должна быть невестой Гапалау, но как это согласуется с примечанием шестым, я не смог выяснить.

¹ Тёрт санынгдан — из твоих четырех конечностей, т. е. из всех частей твоего тела.

«О, если бы (я) еще смог прожить два месяца, как в былые времена:
Чтобы Мёлехан² на гармонии играла,
И Канамат из черного ружья стрелял³.
Чтобы сын Каштуа Каспот⁴ веселые и печальные песни пел (для
Канамата).
А молодой Кёккёз исполнял бы поручения (Канамата).
Если весть обо мне дошла до селения Сыиты,
Не идет ли ко мне младшая сноха,
Камни, горы в слезах потопив?

(с. 252)

Младший мой брат⁵ Каспот, куда ты уходишь,
Позволяя наносить в (свой) пах раны шириною в пядь,
Старшего (своего) брата Канамата
Труп в Учкулане оставив,
Позволив русским врачам вскрывать его богатырское тело (труп)?
Собаки идут и толпятся вокруг моего трупа!
О, если бы (я) смог умереть в бою,
Этого проклятого дома двери отворив!»
Ангел Джабраил⁶ предстал перед (твоими) глазами.
Разум (твой) по камням, горам разбросан.
Мозг (твой) под окно вытек,
Мозг (твой) куры евреев клюют,
Саван (твой) еврейские женщины наживляют.
Могилу (твою) у черного столба копают⁷.
Протокол кровью (твоей) пишу.

Из примечаний В. Прёле: Канамат, сын Алиа, был знаменитым
разбойником, на которого, приблизительно лет 13—14 тому назад, напали в
Учкулане, заперли в дом и убили. Эту песню я записал со слов Иммулата
Хубисва.

² Мёлехан — была гармонисткой, кобузчу кыз.

³ Во время бесед часто стреляют из пистолетов и ружей, чтобы поднять
настроение. Игра Мёлехан часто очень радовала Канамата, так что он в знак
своего восхищения стрелял из ружья.

⁴ Каспот — молодой человек, родом из благородной семьи, и Кёккёз были
товарищами Канамата.

⁵ Кичи карнаш — младший брат, абадан карнаш — старший брат. Оба вы-
ражения являются здесь лишь любезными, ласковыми оборотами речи.

⁶ Джабраил — ангел смерти.

⁷ Кара быгана — черные столбы, еще кое-где можно видеть и сегодня.
К ним привязывались преступники и после казни закапывались неподалеку
от них.

ДЖЕРМЕ*

Из Карачая вышло войско,
 Почью (оно) у Акмаковых¹ остановилось.
 На старом акмаковском дворе еле разместилось.
 Акмакова Семена (мы) взяли проводником.
 На следующий день (мы) на горный хребет Даут² поднялись.
 Посмотрели, толстопузого³ не увидели.
 А это, оказывается, был не горный хребет, а перевал.

(с. 256)

Прежде чем мы до реки Теберды дошли,
 Семен (нашу) небольшую провизию съел (букв. закончил).
 Акмаков Семен — хороший человек,
 От отца (по наследству) доставшееся хорошее ружье
 Ушел, забыв вместе с футляром.
 Не может (он) разумно вести войско, командовать (им).

Таким образом дошли до Ташкабака.
 Схватил (я) серую козу за ногу.

Чотчаев Шымауха, убийца.
 Зачем ты отнял у войска (его) провизию?
 Два джерме исчезли, не видели ли?
 (Как можно) оба сразу же съесть, лесные волки (вы), что ли?
 «Одно (из двух) джерме * съел (я), другое (у меня) за пазухой.

Еще раз совершить налет на джерме ручаюсь я (букв. на моей шее),
 Одно джерме ушло в Ысхауат».
 «Ты, безбожник, как ты так быстро проглотил (их)?»
 Пойдем в селение и спросим у общинного совета
 Аслана и Азамата, которых община выбрала (руководителями).
 «Одно джерме (я) спрятал (букв. бросил) в шароварах».
 Когда наступит осень, мы пойдем на суд по поводу джерме!

* Дж е р м е — национальное блюдо, изготовляемое из внутреннего жира и салых кишок барана, завернутых в куски желудка.

¹ Семья Акмакла, вероятно, жила за пределами Карачаевской области.

² Селение Даут или Дуут находится в Жюзлик, долине западнее Учкулана.

³ «Толстопузый» (Чийбыдыр) — проводник Семен Акмак, который тайно съел провизию отряда.

Этого джёрме один конец, словно бурка,
 Возмездие за это джёрме будет подобно (ударам) плети,
 Этого джёрме кишок хватило бы для веревок на семь домов (для
 хозяйственных нужд).
 Укравший джёрме (человек) исчезнет (умрет) из рода Чотчаевых.

Из примечаний В. Прёле: Эта комическая история о джёрме относится к периоду кавказских войн. Рассказчик — карачаевский всадник, который принимал участие в экспедиции. Скачкообразность рассказа бросается в глаза при чтении и часто мешает пониманию, однако при устно-мимическом воспроизведении получается исключительно живо и наглядно.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

а) Говорят, что на луне есть две собаки и один юноша. Этот юноша держит обеих собак врозь. Если он не будет держать их врозь, они будут грызться друг с другом.

б) В старое время свет солнца и луны был одинаковым. В то время людям было тяжело, (они) не могли спать, и ночью и днем работали. Тогда, чтобы люди не мучились, аллах послал ангела, который, по его велению, взял часть света (яркости) луны и добавил к солнцу. С тех пор люди не мучаются: чтобы они спали, бывает почь и день.

в) Относительно грома говорят: «Гремит, когда аллах разгневан».

г) О радуге говорят: «Если юноша перепрыгнет через радугу — девушкой станет (превратится в девушку), если девушка перепрыгнет — юношей станет».

д) Карачаевцы считают плохим предзнаменованием, если человеку на пути встретится заяц.

е) Если каркает ворона, люди говорят: «Опа предсказывает будущее».

ж) Алмасты — черный шайтан с длинными волосами; человека он сводит с ума. Алмасты живет в сарае или на старой мельнице.

з) Карачаевцы не верят, что мертвец приходит напугать кого-либо, они верят в то, что (он) якобы приходит посмотреть на (свою) семью.

и) Когда появляется радуга, карачаевцы говорят: «Радуга появилась, (значит) умер князь».

к) Для того, чтобы сады и ульи не повредил злой глаз (от сглаза), карачаевцы выставляют череп лошади или, сделав чучело, выставляют его.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

1

Блоха и вошь вместе отправились в путь. Шли они, шли и дошли до одного прудика, но не смогли через него перебраться. Блоха сказала воши:

— Ты садись мне на спину, я подскочу и перепрыгну на другую сторону пруда.

Вошь забралась блохе на спину. Затем блоха прыгнула — вошь свалилась в воду, а блоха оказалась на другом берегу.

(с. 271) Блоха не смогла вытащить друга из воды и задумалась, как бы (ей) вытащить своего товарища. Тут (ей) пришло на ум пойти к медведю и попросить (у него) один волос (из шкуры). Пошла (она) к медведю и попросила одну волосинку:

— Мой товарищ в воду упал, чтобы его вытащить, дай один волос.

На что медведь сказал блохе:

— А за что я тебе должен дать волос? Ты мне меду, что ли, принесла?

Тогда блоха пошла к улью.

— Дай мне немного меда, — сказала. — Мед медведю (я) отдам, медведь мне волос даст, а волосом я друга из воды вытащу.

Улей сказал:

— А ты что меня от орлов, что ли, защитишь? Ты скажи орлам, чтобы они меня не трогали, тогда я дам (тебе) мед.

Блоха пошла к орлу и сказала:

— Ты не трогай улей! Улей даст мне мед, мед (я) медведю отдам, медведь мне волос даст, а волосом (я) друга из пруда вытащу.

Орел сказал:

Ты мне цыпленка, что ли, дашь? Если дашь цыпленка, я не трону улей.

Блоха пошла и сказала курице:

— Дай одного цыпленка. Цыпленка орлу отдам, тогда орел не будет трогать улей, улей даст (мне) мед, мед (я) отдам медведю, медведь даст волос, волосом (я) товарища из воды вытащу.

(с. 272) Курица сказала блохе:

— Ты мне проса, что ли, даешь? Если дашь (мне) проса, я дам тебе цыпленка.

Блоха пошла к амбару:

— Дом, дай мне немного проса. Просо (я) отдам курице, курица даст мне цыпленка, цыпленка орлу отдам, орел не будет трогать улей, улей даст мне мед, мед отдам медведю, медведь волос даст, волосом (я) товарища из воды вытащу.

Амбар сказал:

— Ты меня от мышей, что ли,охранишь? Если будешь охранять от мышей, я дам тебе проса.

Блоха пошла к мышке:

— Ты не трогай зерно! Амбар мне даст зерна, зерно отдам курице, курица мне цыпленка даст, цыпленка орлу отдам, орел не будет трогать улей, улей даст (мне) мед, мед медведю отдам, медведь волос даст, волосом (я) товарища из воды вытащу.

Мышка сказала блохе:

— Ты меня от кошки, что ли, будешь оберегать? Если будешь оберегать, я не трону зерно.

Блоха пошла и сказала кошке:

— Ты не трогай мышей! Мышь (тогда) не будет грызть (букв. не тронет) амбар, амбар мне проса даст, просо курице отдам, курица мне цыпленка даст, цыпленка орлу отдам, орел не будет трогать улей, улей мне меду даст, мед медведю отдам, медведь волос даст, волосом (я) товарища из воды вытащу.

Кошка сказала блохе:

— Ты мне молока, что ли, принесла? Если принесешь молока, я не трону мышей.

Блоха пошла к корове:

— Корова, дай немного молока. Молоко кошке отдам, тогда кошка не тронет мышей, мышь не тронет амбар, амбар даст проса, просо отдам курице, курица мне цыпленка даст, цыпленка орлу отдам, орел не будет трогать улей, улей мне мед даст, мед медведю отдам, медведь мне волос даст, волосом (я) товарища из воды вытащу.

Корова сказала блохе:

— Ты мне сена, что ли, принесла? Если принесешь, я дам тебе молока.

Тогда блоха пошла к косарям:

— Дайте сена, — сказала. — Сено корове дам, корова мне молока даст, молоко кошке отдам, кошка не тронет мышь, мышь не тронет амбар, амбар мне проса даст, просо курице отдам, курица цыпленка мне даст, цыпленка орлу отдам, орел не тронет улей, улей мне мед даст, мед медведю отдам, медведь мне волос даст, волосом (я) товарища из воды вытащу.

(с. 273) Косари сказали:

— А ты нам бузу, что ли, принесла? Если принесешь, мы тебе дадим сена.

Блоха отправилась к женщинам:

— Дайте немного бузы, — сказала. — Бузу косарям дам, косари мне сена дадут, сено корове отдам, корова мне молока даст, молоко кошке отдам, кошка не тронет мышей, мышь не будет грызть амбар, амбар мне проса даст, просо я отдам курице, курица мне цыпленка даст, цыпленка отдам орлу, орел не будет трогать улей, улей мне

мед даст, мед медведю отдам, медведь мне волос даст, волосом (я) товарища из воды вытащу.

Женщины сказали:

— Ты нам воду, что ли, принесешь?

Блоха сказала:

— Принесу воды, ведра дайте!

Женщины дали (ей) ведра, блоха принесла в ведрах воды и женщины дали блохе бузу, блоха бузу дала косарям, косари дали (ей) сена, сено блоха понесла корове, корова дала молока, молоко блоха кошке дала, кошка обещала не трогать мышь, мышь обещала не грызть амбар, амбар дал (блохе) проса, блоха просо курице бросила, курица цыпленка дала, блоха цыпленка орлу отдала, орел сказал, что не тронет улей, улей дал мед, блоха мед медведю дала, медведь волос дал, а волосом блоха друга из пруда вытащила.

2

У одного человека было три дочери. Однажды этого человека хан вызвал (к себе) и сказал:

— В одном месте у одного хана есть красивая дочь. Эту девушку приведи ко мне.

Человек опечалился и пошел домой.

Старшая дочь спросила отца:

— Отец, что приказал хан?

Отец сказал:

— Там-то, там-то у одного хана есть дочь. Приведи ее ко мне, — сказал он (хан).

Старшая (его) дочь сказала:

(с. 274) — Не бойся, отец, я (ее) приведу. Оседлай (своего) коня и я поеду.

Человек оседлал (своего) коня и дал (ей). Когда девушка ехала на коне, в пути ей повстречался медведь. Девушка испугалась и воротилась назад. Средняя дочь сказала отцу:

— Дай мне коня. Я поеду, отец!

Человек дал ей коня и отпустил (свою) среднюю дочь.

Дочь отправилась (в путь), ей также встретился медведь, (она) испугалась и возвратилась (домой). Младшая (его) дочь сказала:

— Я поеду, отец!

Человек дал коня младшей дочери и отпустил (свою) младшую дочь.

Когда (его) младшая дочь ехала, ей также встретился в дороге медведь. Девушка спугнула медведя мечом и доехала до хана.

Она сказала хану:

— Что ты мне прикажешь?

Хан ответил:

У одного хана есть олень с золотыми рогами, принеси мне его шкуру.

Девушка села на коня, и когда она ехала, конь промолвил:

— У хана есть озеро. Олень придет к нему пить воду, ты спрячься и стреляй в него из ружья.

Девушка пошла к озеру и спряталась около озера. Через некоторое время пришел олень напиться воды.

(с. 275) Девушка выстрелила из ружья и убила оленя, сняла с него шкуру и принесла ее хану. Хан опять повелел:

— Еще у хана есть золотой бык с золотыми рогами. Принеси мне его шкуру.

Девушка села на (своего) коня и когда она ехала, конь сказал:

— Поедем опять к тому озеру, когда бык придет напиться к этому озеру, убей (его) из ружья и сними шкуру.

Девушка пошла и спряталась около озера. Бык пришел напиться воды. Девушка выстрелила из ружья и убила быка, а когда она вернулась со шкурой, конь девушки промолвил:

— Если хан тебе опять что-либо прикажет (сделать), я буду стоять смирно, если это будет легкое задание, если же это будет трудное задание, я покроюсь потом.

Девушка взяла шкуру и пошла к хану, хан сказал:

— Теперь привези мне ханскую дочь.

Когда (девушка) подошла к (своему) коню, он весь был покрыт потом. Девушка, не зная, что делать, села на коня и, когда она ехала, конь (ей) сказал:

— Поедем в город хана. Ты спрячься недалеко от города, а я отправлюсь в город, в городе я пойду рысью. И тогда каждый (кому захочется) будет на меня садиться, а я буду смирным. Когда же по-са(с. 276)дят на меня дочь хана, я поскачу и привезу девушку с собой сюда. Тогда и ты сядешь (на меня) и мы поедем к хану.

Девушка пошла и спряталась недалеко от города, а конь сам отправился в город и вошел во двор хана. Все собрались и по очереди стали садиться на коня. Конь стоял спокойно. Тогда хан сказал:

— Посадите и мою дочь.

Когда дочь хана привели и посадили (на коня), конь поскакал, увозя с собой девушку.

Все бросились вслед, однако не смогли (его) догнать.

Конь прискакал к девушке, девушка села (на коня) и отправилась к хану.

Когда дочь хана вошла в дом, она увидела шкуру оленя своего отца. Девушка спросила:

— Кто принес (сюда) шкуру оленя моего отца?

Хан ответил:

— Джигит, который доставил тебя, принес и оленю шкуру.

(с. 277) Потом девушка увидела шкуру быка и спросила хана:
— Кто принес (сюда) шкуру быка моего отца?

Хан сказал:

— Джигит, который тебя доставил, принес и бычью шкуру.

Тогда ханская дочь сказала:

— Если так, то я сейчас прочту одно заклинание, а вы скажите: «Аминь». — В (своем) заклинании девушка сказала:

— Пусть хан станет диким кабаном, а его народ собаками и (они) уйдут в лес, а тот, который привез меня, если он отважный юноша, пусть станет девушкой, а если она девушка, то пусть станет юношей.

Когда девушка сказала это, а народ произнес «Аминь», хан обернулся черным диким кабаном, а (его) народ превратился в собак и они побежали и скрылись в лесу.

А девушка, которая привезла эту девушку, стала юношей. Он женился на дочери хана и стал ханом вместо прежнего хана.

Тогда дали три яблока: одно мне, другое Мурату, третье тому, кто это рассказал.

3

Жили два брата. Один был дурак. Оба (брата) (с. 278) пошли на охоту. Когда они сели кушать, пришел эмеген *. Эмеген схватил умного брата. Они стали бороться. Умный брат сказал (своему) глупому брату:

— Встань, борись и ты.

Глупый брат отказался и сказал:

— Убирайтесь отсюда и не задевайте мою еду.

Тогда умный брат нарочно задел ногой эмегена его (дурака) чашку, (тогда) глупый брат встал, схватил эмегена, и разбил его вдребезги.

Из примечаний В. Прёле:

Сравни с этой сказкой татарскую поговорку: Если дурак ударит ногой, он сломает железо.

IV.

Давно жили два охотника. Один жил в горах,
другой жил в степи.

Однажды они встретились и спросили друг у друга:

— Там, где ты живешь, что (ты) видел необычного?

Охотник, живущий в горах, сказал:

— В один из дней я шел по лесу и увидел какой-то след. Я по-

* Эмеген — обладающий циклопической силой многоголовый мифологический персонаж карачаево-балкарских нартских сказаний и сказок.

шел по этому следу и встретил лесного человека. Мы поприветствовали друг друга:

— Добро пожаловать!

— Спасибо.

Потом лесной человек сказал:

— Стой здесь, — и ушел. Через некоторое время он возвратился (с. 279)ся, взвалив на плечо дерево и неся под мышкой оленя.

Зарезал (он) оленя, наколот дров. Сделав шашлык, накормил меня и сам поел, потом (мы) легли (спать).

Я боялся и, когда он заснул, встал, покрыл (своей) буркой чурбан, сам же забрался на верхушку дерева. При встрече же, когда он спросил: «Как твое имя?» — я сказал:

— Имя (мое) «Прошлый год».

В полночь лесной человек встал, ударил грудью * чурбан, на котором была (моя) бурка, и расколол (его) вдребезги.

Как только он расколол (чурбан), я выстрелил из ружья. Пуля попала ему в бок и (он) издал страшный крик. Когда он так закричал, со всех (досл. четырех) сторон сбегались лесные люди.

— Что с тобой случилось? — спросили они, и тот ответил:

— В меня выстрелил Прошлый год.

— Где мы тебе найдем прошлый год? Если бы это был настоящий год, (мы) нашли бы, — сказали лесные люди и ушли, взяв с собой и этого (раненого) лесного человека. А я спустился с верхушки дерева и убежал. Вот это и есть то необычное, что я видел, — сказал охотник, живущий в горах.

А степной охотник сказал:

— Однажды шел я (своим путем), вдруг прилетел один орел, схватил меня и унес в пещеру на скале.

(с. 280). Когда я осмотрелся, то увидел плачущую девушку и (над костром) кипящий котел с мясом.

Этот орел опять улетел.

Я спросил у этой девушки:

— Почему (ты) плачешь?

Девушка ответила:

— Меня (сюда) принес этот орел. Теперь (он) съест меня. А у моего отца кроме меня нет дочери.

Тогда я спросил (ее):

— Когда теперь возвратится этот орел?

Девушка ответила (букв. сказала):

— Если он опять найдет (человека), прилетит с человеком, но если и не найдет, он прилетит, съест мясо из этого котла и заснет. Когда (он) засыпает, спит два-три дня.

— Тогда не бойся, — сказал я девушке.

* По представлению балкарцев и карачаевцев агъач киши (лесной человек) — огромный волосатый человек с острым топором в груди.

Вдруг налетел сильный ветер, и девушка сказала:

— Сейчас прилетит орел.

Через некоторое время прилетел орел без ничего. Потом орел сбросил со скалы мясо и кости, находящиеся в котле, слетел вниз и съел (мясо) и костный мозг и (снова) взлетел наверх. Затем орел уснул. Когда (он) очень крепко заснул, (я) взял (свое) ружье, зарядил (его) двумя пулями и выстрелил в орла. Орел судорожно забился и сдох. Потом я снял (с него) кожу (с перьями) и мы с девушкой, завернувшись в (эту) кожу, спрыгнули со скалы. Мы плавно (досл. тихо) опустились к подножию скалы и вышли из шкуры.

Доставил (я) девушку в (ее) дом и сам пошел (домой). Это и есть то необычное, что я видел, — сказал степной охотник.

5

(с. 281) Девять мужчин утром рано отправились в путь, ехали они, ехали и повстречались с эмегенами. Эмегены взяли этих девяти человек и вместе с (их) конями заперли в одной пещере.

Когда наступила ночь, эмегены в честь гостей приготовили праздничное угощение. В эту ночь (они) съели это и легли спать. На следующий день эмегены сказали гостям:

— Теперь ваша очередь [угощать].

Гости закололи одного из (своих) коней и съели его. Потом эмегены опять приготовили угощение и после этого опять сказали гостям:

— Теперь ваша очередь [угощать].

Гости вновь резали (очередного) коня.

Таким образом (эмегены) съели (досл. закончили) по очереди (всех) коней гостей (с. 282). После того, как у гостей не осталось коней, эмегены сказали:

— Теперь зарежьте одного (из ваших) людей.

Тогда один из гостей сказал:

— Хорошо, мы зарежем одного человека (из нас), но нас отправили к вам посланниками наши старики (старейшины). Сначала (мы) передадим (досл. скажем) послание, а потом и человека зарежем.

Эмегены сказали:

— Говорите!

Тогда старший (из людей) сказал:

— В нашем селе произошло нечто такое, что люди никак не могут в этом разобраться. Старики сказали:

— Если пойдете к эмегенам и спросите (их), они (это) объяснят (досл. скажут).

Эмегены сказали:

— Что это за дело? Расскажите и нам.

— Дело вот в чем. Когда один (наш) старик пас коз, пошел дождь, и этот старик и козы спрятались (досл. собрались) под бородой одного козла. Тут прилетел один орел с костью (лопаткой) и опустил на рог (этого) козла. Когда старик поинтересовался: «Не прекратился ли дождь?» (и при этом) взглянул вверх, орел слетел (с рога) и лопатка (кость) упала старику в глаз.

Когда старик пришел домой, (он) сказал:

— В (мой) глаз соринка попала.

Все люди села собрались, привязали веревки (к лопатке), (с. 283) потянули, вытащили из глаза старика кость и выбросили.

Когда прошло много лет и лопатка заросла травой, одна община (досл. селение) пришла и поселилась на лопатке.

Когда прошло еще много лет, пришла одна лиса, схватила (зубами) конец лопатки, потянула (ее) и перевернула (все селение). Эту лису убил один мальчик, и, когда сняли (с лисы) шкуру, из половины шкуры сделали шапки всем жителям селения. Другой же половины не хватило даже на одну шапку для мальчика, который убил лису.

Теперь одни из наших старцев говорят:

— Тот старик (пастух) больше.

Другие говорят:

— Лопатка больше.

Третьи говорят:

— Лиса больше.

Четвертые говорят:

— Мальчик, который убил лису, больше.

Не знают (они), где же правда, и поэтам послали нас, сказав:

— Идите и спросите (это) у эмегенов.

— Теперь вы объясните это, — сказал старший (из людей).

Один эмеген сказал:

— Лиса больше.

Другой сказал:

— Мальчик больше.

Третий эмеген сказал:

— Старик больше.

Четвертый сказал:

— Лопатка больше.

(с. 284) Пятый сказал:

— Тот орел был больше.

Эмегены (споря), и избивая друг друга, спустились в долину. Когда они (эмегены) спустились в долину, гости убежали и вернулись домой (все) целыми (невредимыми).

Один человек пошел в кош, наполнил восемь бурдюков айраном *, и когда он пошел, закинув их за спину, (ему) повстречался один мужчина, который сказал:

— Дай-ка мне попить айрана.

— Пей, — сказал человек. И тот выпил весь айран.

Тогда человек стал кричать:

— Зачем (ты) все выпил? — (и тогда) тот схватил его и сунул (вместе) с бурдюками за голенище.

Вечером, придя домой, (он) сказал жене:

— Сними (мои) сапоги!

Когда жена сняла (с него) сапоги, из сапога выпал человек вместе с бурдюками. Мужчина сказал своей жене:

— Правда, я огромный?

Жена сказала:

— Ты увидишь (людей) огромное себя, если сходишь к моим родителям.

(с. 285) Когда мужчина, оседлав (своего) коня, ехал туда, он встретил человека с парализованной рукой, который, привесив к парализованной руке плуг, а к нему борону, пахал землю, а другой рукой рассеивал семена.

Когда мужчина подъехал к нему (досл. туда), эмегены с опушки леса стали непрерывно бросать камни, тогда человек с парализованной рукой схватил мужчину и засунул его и коня в платок с семенами.

Когда он с платком (с семенами) на шее еще продолжал пахать, пришла его жена и принесла ему (досл. своему мужу) еду.

После того, как человек с парализованной рукой сел и съел еду, (он) сказал (своей) жене:

— Отведи гостя домой!

Когда гость и женщина шли домой, эмегены опять начали бросать камнями, женщина взяла гостя и положила его и его коня в миску, накрыла ее другой миской и понесла (их) домой.

Вечером, когда человек с парализованной рукой пришел домой, (п) спросил:

— Гость, зачем ты бродишь?

Гость ответил:

(с. 286) — Я ваш зять. Один раз, когда (я) сказал вашей дочери: «Я великан (досл. я громадный)», (ваша) дочь сказала: «Если ты хочешь увидеть (букв. ищешь) огромных (людей), пойдй к моим родителям».

— И в самом деле, вы огромное, чем я.

* Айран — кислое молоко.

Когда гость это произнес, человек с парализованной рукой сказал:

— Эх, мы не самые огромные (люди). Я расскажу тебе об огромных (людях).

Далее человек с парализованной рукой сказал:

— Нас в пути было сто всадников. Среди них я был самый младший. На одной возвышенности (нас) застал дождь (букв. пошел дождь) и ночью мы и (наши) кони остались в одной пещере.

Утром, когда взошло солнце, пришел один пастух, он так ударил ногой по пещере, что пещера и мы в ней покатались в долину. Когда (мы) скатились в долину, (я) посмотрел и увидел, что все люди мертвы, а пещера, где мы ночью нашли приют, была человеческим черепом. Мою руку (именно) тогда и парализовало. То, что мы приняли за пещеру в скале, было глазницей (черепа) человека. Вот о ком можно говорить громадные (люди), а в нас что огромного?

Когда человек с парализованной рукой произнес это, гость со словами: «О аллах! О аллах!» — вскочил на лошадь и усакал прочь.

7

(с. 287) Давным-давно жили два брата. Один (был) неверный брат, а другой (был) верный брат. Неверный брат был богатым, а у верного брата был только один-единственный белый мерин.

Однажды неверный брат сказал верному брату:

— Давай куда-нибудь пойдём (побродим).

Верный брат отправился (в путь) на мерине, неверный брат — пешком. В пути неверный брат сел на мерина верного брата и усакал прочь. А верный брат побрел за ним вслед и ночью остался (перепочевать) в одной пещере.

Ночью (в пещеру) пришли лиса, волк и медведь. Увидев их, этот бедный брат забился в глубине пещеры.

(с. 288) Медведь спросил лисицу:

— Лисичка, чем ты питаешься?

Лисичка ответила:

— Днем я ем червячков, жуков; у меня есть золотой бочонок, ночью я им играю.

Потом медведь спросил у волка:

— Волк, а ты как поживаешь?

Волк сказал:

— В одном месте есть один слепой пастух, я каждый день иду туда и съедаю одного из (его) баранов. Тот пастух не знает, что он прозрел бы, если бы заколол (своего) серого барана и его жиром смазал бы глаза.

А медведь сказал:

— Что касается меня, то в одном месте есть селение, река от

этого селения находится далеко; каждый день, когда женщины этого селения идут (за водой) к реке, я съедаю одну из женщин. Жители этого селения не знают, [что] если бы они выкопали яму, находящуюся посреди селения, там появилась бы вода.

Бедный человек слышал все это. На рассвете медведь, волк и лиса разошлись.

Человек прихватил с собой бочонок лисы и отправился к (с. 289) пастуху. Он сказал пастуху:

— Пастух, что ты (мне) дашь, если (я) вылечу твои глаза?

Пастух ответил:

— Половина моих овец будет твоя.

Бедный человек поймал серого барана пастуха и зарезал его, смазал жиром глаза пастуха и вылечил их. Пастух разделил баранов поровну, отдал ему одну часть, и человек, погоняя (стадо), пошел в селение, где не было воды, и сказал селянам:

— Если я посреди селения добуду воду, что (вы) мне дадите?

Жители сказали:

— Дадим тебе столько денег, сколько ты пожелаешь.

Человек выкопал посреди селения яму, добыл воду, взял у (жителей) много денег, прихватил (свой) золотой бочонок и, погоняя своих баранов, вернулся (досл. пришел) домой.

Когда он вернулся домой, неверный брат спросил (досл. сказал):

— Где ты нашел все это огромное богатство?

Бедный человек сказал:

— Хотя ты взял моего мерина и сбежал, я побрел дальше и ночью переночевал в одной пещере. В пещеру пришли медведь, волк и лиса и рассказали друг другу о себе. Медведь сказал:

— В одном селении вода находится далеко, и жителям приходится трудно; они не знают, что у них посреди селения есть яма и, если эту яму раскопать — появится вода.

Волк сказал:

— В одном месте есть один слепой пастух, он не знает того, что у него есть серый баран и что, если бы он его зарезал и смазал бы (его) жиром (с. 290) глаза, (то) прозрел бы.

А лисичка сказала:

— А у меня в пещере есть золотой бочонок.

Неверный брат, услышав все это, сказал:

— И я туда пойду, — и отправился в пещеру.

Ночью, когда он лежал в пещере, пришли те же медведь, волк и лиса.

Лисичка сказала медведю:

— Медведь, кто-то украл мой золотой бочонок.

Волк сказал:

— А у меня слепой пастух прозрел, когда я туда пошел, он погнался за мной с ружьем.

Медведь сказал:

— Я же, когда пошел (в селение), увидел, что посреди селения появилась вода, и я не нашел человека, чтобы съесть. — Затем медведь сказал: — Почему все это так случилось? А ну, лиса, осмотри пещеру!

Лиса оглядела и сказала:

— Никого нет.

Потом медведь сказал волку.

Волк осмотрел и сказал:

— Кажется, кто-то есть.

Когда медведь поднялся и огляделся, он увидел неверного брата, схватил его, и (они) втроем разорвали (его) на части и ушли.

8

(с. 291) Давным-давно жили три брата. Однажды двое из них пошли на охоту.

Когда старший брат охранял кош, пришел человек, борода которого была длиной в тысячу пядей, а сам он в одну пядь.

— Салам алейкум, — сказал он.

— Уaleyкум салам, — ответил юноша и пригласил его (в кош). В коше (над костром) кипел маленький котел, (юноша) вынул (из котла) кусок мяса и угостил (его).

Человек с бородой в тысячу пядей сказал:

— И это все, чем ты меня накормишь?

Хозяин сказал:

— Это все.

Человек с бородой в тысячу пядей взял из (своей) бороды один волос, связал им хозяина, съел всю еду и ушел.

Вечером, когда пришли (его) братья, они увидели, что (их) старший брат связан.

Братья спросили:

— Что с тобой случилось? — Старший (их) (с. 292) брат ответил:

— Сегодня, когда я был в коше, пришел человек, сам в одну пядь, а борода в тысячу пядей, (он) связал мне руки, съел все, что (у нас) было, и ушел.

На следующий день на коше остался средний брат. В этот день и с ним человек с бородой в тысячу пядей поступил так же, как со старшим братом, съел все, что у них было, и ушел.

На третий день кош охранял младший брат. Когда он варил мясо, из-за дверей раздался голос:

— Салам алейкум!

Когда (он) вышел, увидел во дворе человека с пядь, а бородой в тысячу пядей, который сидел верхом на петухе.

— Алейкум салам. Слезай, будь гостем! — сказал (младший брат), приглашая зайти в кош.

Когда вошли в кош, младший брат спросил у человека с бородой в тысячу пядей:

— Что (тебе) нужно?

Человек с бородой в тысячу пядей сказал:

— Дай (мне) чего-нибудь поесть.

Младший брат вытащил из котла кусок мяса и покормил (его). Человечек с бородой в тысячу пядей сказал:

— И это все, чем ты меня накормишь?

Младший брат ответил:

— Это все.

(с. 293) А когда человек с бородой в тысячу пядей вырвал из бороды волос и хотел связать (младшего брата), тот схватил (человечка) за бороду, понес и привязал (его) к дереву.

Ночью (младший брат) спал в коше, утром же, когда он пошел посмотреть, увидел, что человек с бородой в тысячу пядей ушел, волоча дерево и оставив за собой кровавый след.

Когда младший брат отправился в поиск по кровавому следу, след привел (его) к озеру, на берегу которого три девушки стирали белье.

Младший брат спросил:

— Что это за белье?

— Это белье нашего отца, — ответила младшая из девушек.

Затем младшая девушка сказала:

— Нашего отца кто-то привязал (за бороду) к дереву, из подбородка (букв. из бороды) пошла кровь и испачкала (его) белье.

Тогда этот юноша сказал:

— Это я привязал вашего отца к дереву.

После этого младшая девушка встала и, толкнув, сбросила юношу в озеро. Юноша шел-шел по дну озера и добрал до одного села. В селе он вошел во двор одного дома. Когда вошел в дом, увидел слепого мужчину и слепую женщину (с. 294). Он спрятался в их доме. Ночью слепая женщина взяла муку, чтобы приготовить хлеб. Когда она хотела замесить тесто, у нее не оказалось воды, и она помочилась в муку. И тогда юноша сказал:

— Эй ты, почему ты помочилась в муку?

Слепая женщина и слепой мужчина сказали:

— В нашем селе нет воды.

Тогда юноша сказал:

— Так что вы так и живете?

Слепой мужчина ответил:

— У нас [в селе] в одном месте есть вода, однако, двенадцатиполовый эмеген задержал воду и не пускает ее к нам.

— А что, вы не можете убить этого эмегена? — спросил юноша.

— Нет, — ответил слепой мужчина.

Тогда юноша спросил:

— А если я убью эмегена, что (вы) дадите (мне)?

Слепой мужчина ответил:

— Ты не сможешь убить эмегена.

Юноша повторил (свой вопрос):

— Я убью эмегена, но что вы мне дадите?

Мужчина ответил:

— Если ты убьешь эмегена, я дам тебе столько денег, сколько ты сможешь унести.

Тогда юноша сказал:

— Хорошо, я убью его.

Он одел (привязал к плечам) двенадцать войлочных шапок и пошел к эмегену.

(с. 295) Эмеген ударил и сбил с юноши одну из шапок, а юноша ударил и снес одну из (его) голов.

Таким образом эмеген сбил с юноши все его двенадцать шапок, а юноша снес эмегену все его двенадцать голов.

После этого эмеген умер, а юноша пустил воду в селение.

Когда вода пришла в селение, жители напились воды, сделали в честь юноши курманлык * и дали ему столько денег, сколько он смог сам унести.

Юноша сказал:

— Теперь поднимите меня на поверхность земли (на белый свет).

Жители сказали:

— Мы не сможем поднять тебя на поверхность земли, однако есть одна орлица, которая каждый год выводит трех птенцов. Но ее птенцов съедает один дракон. Если ты убьешь этого дракона, то та орлица тебя поднимет на поверхность земли.

Когда юноша пошел и залез в гнездо орла на верхушке дерева, к подножию дерева подошел дракон и стал лезть на дерево. Юноша ударил, разрубил дракона пополам.

Тогда обрадованные птенцы орлицы сказали юноше:

— Когда прилетит наша мать, она (не поняв, в чем дело) может убить тебя; мы спрячем тебя, — и спрятали (досл. положили) под крыльями.

(с. 296) Когда юноша находился там, пошел сильный дождь. Тогда юноша спросил:

— Что это за дождь?

Они (птенцы) сказали:

— Этот дождь — слезы; (наша) мать оплакивает нас.

* Курманлык — праздничное угощение в честь гостя, когда режут барана или другое животное.

Потом полетел ветер. Юноша спросил:

— А это что за ветер?

Орлята сказали:

— Это ветер от крыльев (нашей) матери.

Через некоторое время прилетела орлица.

Когда орлица увидела, что дракон мертв, (она) сказала своим
птенцам:

— Кто сделал для вас это доброе дело?

Птенцы (ее) показали (юношу) и сказали:

— Вот он.

Орлица ласково спросила юношу:

— Чем я смогу тебя отблагодарить?

Юноша сказал:

— Доставь меня на белый свет (наверх)!

Орлица сказала:

— Хорошо, сними шкуру с двенадцати буйволов, в бурдюки из этих шкур (досл. в шкуры) налей воды, погрузи их и мясо (буйволов) на мою спину и сам садись.

Юноша зарезал двенадцать буйволов, погрузил их мясо и бурдюки с водой и (сам) забрался на спину орлицы.

Орлица сказала:

— Теперь каждый раз, когда я буду говорить «каак», корми меня мясом, каждый раз, когда буду говорить «кыык» — пои водой. — Каждый раз, когда орлица говорила «каак» — юноша давал ей мясо, когда говорила «кыык», давал воду, и таким образом они летели (досл. поднимались) вверх и, (с. 297) когда осталось совсем немного до земли, у юноши закончилось мясо. Орлица сказала «каак», ничего не было, сказала «кыык» — ничего не было. Тогда юноша отрезал икру (своей ноги) и дал орлице. Когда орлица доставила юношу на землю, опустила его, юноша начал хромать. Орлица спросила юношу:

— Что с тобой случилось?

Юноша ответил:

— Когда у меня закончилось мясо, (я) отрезал от (своей) икры и накормил тебя.

Орлица сказала:

— Я это сделала, чтобы испытать тебя, я ведь знала, что (у тебя) закончилось мясо, — вырвала, приклеила юноше (его) икру и опустила его.

Сама она спустилась (опять) вниз, а юноша взял свои деньги и пошел домой.

БАЛКАРСКИЕ ТЕКСТЫ

ИЙНАРЛА

(с. 111)

1. Мындан къарап таныйма
Кюнлюмде келгенни.
Бермей эсенг къой, анам,
Жер кётюрюр ёлгенни.
2. Мындан къарап таныйма
Кюнлюмде кюнню тийгенин.
Анам биледи ол жашны
Мени жүрегим суйгенин.
3. Юсюнгдеги тонунгу,
Суугъа кирсенг, къайтарма!
Жанынг суйген сен тапсанг,
Уллу, гитче айырма!
4. Жанынгда алтын сагъатынг
Тогъуз бурмай, айланмаз,
Мени суйген жаш мында болса,
Нёгерлери сайланмаз.
5. Гёзенекге къарайма:
Бирден сора къазыкъ жокъ.
Мени тенглеримде
Менден башха жазыкъ жокъ.
6. Кёкде баргъан къанатлы
Кёмюлюп бара тенгизге.

Олтуругъуз, тенглерим,
Хапар айтайым мен сизге!

7. Секирип миннгенем
Юйюнгю аллында турушха,
Сени ючюн барама мен
Къазауатха, урушха:
Сени ючюн алгъанма мен
Жууукъладан гурушха.
8. Кёзюм чыракъ къарайды,
Уллу сууну сайына.
Жаш жумуш болса, мен бармам
Юйню байына.

(с. 113)

9. Эки къашынг ушайды
Ожакъдан чыккыган жалыннга,
Юйюнг мында жокъду, не берейим
Санга къалыннга?
10. Тюбюнгдеги тор атынг,
Толу болсун муратынг.
Мени алмасанг а
Бузулсун сыфатынг!
11. Ёзден болгъанынг билеме
Къарап эки кёзюнгден,
Жюз жашны ичинде танийма
Сёленген ариу сёзюнгден.
12. Ариу жарашады
Юсюнгдеги чепкенинг,
Жаныма тийгенди
Тойда урушханынг, тепгенинг.

(с. 114)

13. Юйюбюзде, ох, сохан къапсам,
Аууз кюйдюреди.
Мен бир дууа билемен: аны жазсам,
Сюймегенни сюйдюреди.
14. Терек башында алмала
Ашайалмайма.

Сенгиз жер к'урусун!
Жашайалмайма.

15. Юсюмдеги чепкеним
Чырк'ы сайын сёгюлсюн!
Сени манга бермесе,
Атангы к'яаны тёгюлсюн.
16. Атанг берип, келмесенг,
Сок'ур болсун кёзлеринг.
Жары болуп сау тилинг,
Ангыланмасын сёзлеринг.

(с. 115)

17. Юсюнгдеги бохчиянг,
Темир итиу ург'анлай.
Келчи, к'ызчык'ъ, кетейик,
Дуния к'арап тург'анлай.
18. Жырын айтайым санга,
Сен керек эдинг манга.
Сары аяк'лы к'ушладан
Салам жибердим мен санга.
19. Ийнар айтып башладым,
К'ыз эсима тюшгенде.
Жилямайын болмадым,
Сенден айырылып кетгенде.
20. Болалмайман айтырг'а
Жюрегимде халими:
Сени ючюн берир эдим
Жетишгенде жаным.

(с. 116)

21. Башымдаг'ы сары бёрк,
Алып так'дым мен чюйге.
Аллах киеу этгид
Кесим айтхан бир юйге.
22. Сууук'ъ, к'аты жел келгенди,
Туманланы чачарг'а.
Аллах к'арыу берсе эди,
Сени алып к'ачарг'а!

23. Кюндюз къайда болсам да,
Сен кёзюмден кетмейсе,
Кече жатсам, тюшюмде
Манга жукъу бермейсе.

24. Бу халланы айтама,
Жюрегимде тыялмай.
Таурухунгу әтеме,
Мен къартладан уялмай.

(с. 117)

25. Къанатларын къагъады
Кёкде баргъан кёгюрчюн,
Сукъланама, сюеме
Әнтда сени кёрюрчюн.

26. Аллыбызда уллу суу,
Къолум бла жетеме,
Сен әсима тюшгенде,
Атыма минип кетеме.

27. Къолумдагъы жюзюгюм
Таза ариу алтынды,
Ишибизге заран болгъан
Къатыбыздагъы къатынды.

(с. 118)

28. Мен атымы такъгъанма
Айры талгъа, — хау ийнар!
Сюйгеними алышмайма
Дуния малгъа — хау ийнар!

29. Дуния малы — чапыракъ,
Келир, кетер — хау ийнар!
Әки сюйген бир болса,
Ким да не әтер — хау ийнар!

НАРТ СЕЗЛЕ, ӘЛБЕРЛЕ

(с. 120)

1. Чегетлеге кюн тиймез,
Къул кишиге сый тиймез.
2. Амаи адам къатынга келсе, әтегинги кес да кет.
3. Жангы жууукъ жан алыр, әски жууукъ әс салыр.

4. Тауукъ тюшю — тары бюртюк.
5. Жол жанында киритли кюбюр. (Къабыр.)
6. Акъ къалада сары бийче. (Жумуртханы сарысы.)
7. Дуркъу толү акъ къозула. (Тишле.)

(с. 130)

Бурун батыр кишиле, жыйылып, Ногъайгъа, Къырымгъа жортууулгъа жорюгендиле. Жортууулгъа барлыкъ болса, ахшы ат тукуму болгъанды, ол заман «шаулухла», «трамла» деп.

Шаулухла уллу болгъандыла, трамла аладан ёсюмлери гитчерек болгъандыла, атлыкълары жигер болгъанды.

Ол ат тукъумларындан бирер атны жыл кёзюне асырап, бир жылгъа жарау этип, жортууулгъа алай миниучю эдиле.

В)

ЖОМАКЪЛА

1

ЖАН УЛУ ЖАНАКЪАЙЫТ

Эртде Жан улу Жанакъайыт деп бир улан къалгъан эди атасындан ёксюзлей. Ол жаш атха минип башлагъанда, кеси кесине сагъыш этгенди, (с. 131) айтханды: «Атадан къалгъан мюлк кишиге мюлк туююдю. Киши болса, мюлк да табар, эл да табар». — Ол сёзлени айтып, атына минип кетгенди элинден.

Баргъанды да, бир агъач ичинде, бир мырыда къош салып тохтагъанды. Ол жерден бара да бир элден жаш келтире, бир элден къыз келтире, келтирген къызын а, келтирген жашына бере, эл этгенди: жүз юй болгъанды. Экинчи бара да мал сюре, келтирген малын элине юлеше, элин бай этгенди.

Ол элден ахшы адамла чыккъандыла, ол адамла: «Бизге этген ахшылыгъынг тамамды, энди кесинге къатын ал, юйлю бол», — дегендиле. «Аллах, аллах! Сизни ыразы этмез кюнню аллах бермесин! Сиз айтханны мен этейим», — деп атланып кетгенди. Баргъанды, кесине бир ариу къыз алып келтиргенди. Къайдан келтиргенин киши да билмегенди. Къатын келтиргенден сора мал сюрюрге алда кюйде болмагъанды. Ол хайырына (с. 132) юйреннген адамла алай айта башлагъандыла: «Бу къатын алгъанлы хомух болгъанды».

Ол хапарланы Жанакъайыт эшитгенди да, атына минип атланып кетгенди. Атланганды да, бир да мал тапмагъанды сюрюрге. Къурдай къайтханды да келгенди, кече арасында арбазына киргенди. Баргъанды да, къатыныны терезесиенден къарагъанды. Къарагъагъанында бир да къалмай элини тиширыуу аны юйюне жыйылып,

ишлей тура эдиле; кеси къатыны да эки тобугъуна эки картоф чыракъ жандырып, тухтуй тиге тура эди.

Ол тиширыула бары да бирер элден келген адамла эдиле да, таурух эте эдиле. «Мени элимде ол батыр, мени элимде бу батыр», — деп алай сёлеше эдиле.

Жанакъайытны къатынына сора эдиле: «Сизни элигизде уа ким батырды?» — деп. Ол жууап бермей эди. «Эл болгъан жерде батыр да болур, къоркъакъ да болур», — дегенден башха зат айтмай. Къоймайын кючлю соргъанда айтханды:

«Бизни элибизде Къажау улу Айканы эки уланы барды, аладан батыр жокъду деп айтадыла». Ол сёзлени Жанакъайыт терезени тышында тынгылап тургъанлай эшитгенди. Олсагъатлай, атына минип, ол къатынын келтир(с. 133)ген элге баргъанды, жүрегинде былай толун: «Маржама, ол батырланы бир сынамайын къойсам».

Ол кече танг атаргъа къатыныны элине баргъанды. Ол батырла да анда жашагъандыла. Эртден намазгъа элни ичине киргенди. Бир киши жолукъгъанды да соргъанды: «Къажау улу Айканы юйю къайсыды?» — деп. Ол киши кёргюзтгенди юйню тегереги чыгъана бла сырылып: «Ма олду!» — деп. Жанакъайыт, атын уруп, арбазгъа киргенди. Бу арбазгъа кирген заманда Къажау улу Айка намазгъа туруп бир аягъын эшикден тышына салып, бир аягъы ичинде къалып, Жанакъайытны кёргенди. Къайтханды да къатынына айтханды: «Жан улу Жанакъайыт арбазыбызгъа келгенди, мен юйге жууукъ этермен. Бери келсе, сен жашларынгы анга аманат эт!». Экинчи баргъанды да Жанакъайытха хошкелди айтханды. «Сен Аллахны аманаты, мени жашларым сени аманатынгдыла», — деп Жанакъайытны къучакълагъанды. «Аллахха аманат болсунла!» — деп Жапакъайыт да жууап (с. 134) къайтаргъанды, олтургъанды юйде. Апатхан да этгендиле, ичирген да этгендиле. Бираз болгъандан сора Жанакъайыт айтханды. «Жашларыгъызы кёрсем эди, сие эдим тапиргъа!» Аталары айтханды: «Жашла огъары бир къалада турадыла, бийикъдан бир келедиле. «Сюйсенг, чакъырайыкъ да, мында кёр, сюйсенг — ары барып, анда кёр». Жанакъайыт айтханды: «Тапсам, ары барырман». Танытхандыла жашланы тургъан жерлерин анга.

Баргъанды ала тургъан жерге. Къаяда бир дорбун кёргенди. Ол жанла ол дорбунда жашагъандыла. Сагъыш этгенди, къалай минигенлерин ол дорбуннга билмегенди. Дорбунну туурасында бийикъ кыай болгъанды. Уллу тереклени кесип, бир бирлерине байлап, туурасында болгъан бийикъ къаягъа минип, тирмен суудан секирген халда, ол къаланы башындан ол дорбунну ичине секиргенди. Дорбуннга тюшгенде, ол батырланы бир итлери бар эди да, гаммеш тенгчи бола эди. Ол ит Жанакъайытха чапханды. Итни былай бойундан тутуп, эсин аздырып, жерге салып къойгъанды. Дорбун ичине кирип ичирге дери ол жашланы сакълагъанды. Ахшам заманда алада келгендиле. Дорбуннга амал бла (с. 135) ёрлегендиле. Амал-

лары ол эди: Къаяны тешип чюйле бла ёрлей эдиле. Ёрге миннгеде ол эки жаш сейир этгендиле: «Къалай келди бу адам бери?!» Саламлапдыла, бир бирлерин тапыгандыла. Ол кече ол эки жашны юйюне ючюсю да келгендиле: къурманлыкъ этип, кече арасына дер тургандыла. Ол кече жатхандыла къонакъ юйде. Ала да жатып бир кесек болгъаплай, бегеуюл къычыргъанды: «Таусултан улу Таусултанны жашына къурманлыкъ этип чакъырадыла, келмей къалгъаны ёгюзюн тазирге ашарлыкъдыла», — деп (ол Таусултан улу Таусултан деген киши ол элни бийлери эди). Аны эшитгенде ол эки батыр туруп, быстырларын кийгендиле, Жанакътайытха да айтхандыла: «Сен да кел бизни бла! — деп. — Къууанчха барайыкъ». Болса да ол унамагъанды барыргъа.

Ала кетгенден сора турганды Жанакътайыт, бир гебенек кийгенди, бир уллу талкъыны да алгъанды, той болгъан жерге баргъанды! Къарагъанды да юч юйде ол адамла бир да къалмайын юч да табын болуп олтура эдиле. Ол эки батыр эки табынга тамата болуп, Таусултан улу Таусултан да бир табынга тамата болуп, алай (с. 136) кёргенди. Жанакътайыт Таусултан улу Таусултан болгъан жыйыннга баргъанды да, эшик юсюнде сюелгенди. Ол жашны эмчек атасы къарт киши болгъанды, акъыллы болгъанды, Жанакътайытны кёрген бла таныгъанды. Иче кетип аякъ аны къолуна келгенде: «Кел, гебенек, къолумдан бир ич», — деп чакъыргъанды. Жанакътайыт, баргъанды да, ичгенди. Таусултан улу Таусултан къартха урушханды: «Аллай жашланы мени аллыма чакъырма!» — деп. Ол Таусултан улу Таусултанны айтхан сёзлери Жанакътайытны кёлюне тийгенди, олсагъат окъуна ол кетгенди апдан. Аны ызындан ол къарт киши чыкыгъанды «Хей, — деп Жанакътайытны тохтатханды, — сен аллахны аманаты, чынг аллын къолан ат бла сени ызынга дап ким жетсе, ол сени аманатынг!» — деп артха къайтханды.

Жан улу Жанакътайыт ол кече ол къарт кишини юйюне баргъанды, атына да минип, сауутун, керегин да алып. Ол къартны бир келини болгъанды. Ол келини Жанакътайыт алып къачханды. «Ол эки жаш а батырдыла деп айтадыла. Ол эки батыр да Таусултан улу Таусултан да ол къарт кишиге не ахшылыкъ этерик эселе да кёрмейин къоймам», — деп дерт этгенди. Этген иши къаугъа болгъанды, къуугъун чыкыгъанды ызындан.

Къызыл-къолан атха да минип, Таусултан улу Таусултан жашны (с. 137) ызындан жетгенди. Жанакътайыт, ол жашны атын ёлтюргенди да алайда къойгъанды, кеси кетгенди. Дагъыда къуугъун жетгенди, биягъы жаш къуугъундан ат алып Жанакътайытны ызындан къуугъанды. Жетгенде Жанакътайыт дагъыда ол жашны атын ёлтюрүп кетгенди. Экинчи къуугъун жетгенди. Андан да, Таусултан улу Таусултанны жашы ат алып, биягъы Жанакътайытны къуугъанды да, жетгенди. Ол жол Жанакътайыт жашны да атын да, экисин да ёлтюргенди.

Жашны да ёлтюрюп, жолундан да бир кесек баргъанлай, ол эки батыр ызындан жетгендиле. Алапы кёргенде Жанакъайыт атындан тюшгенди, жапшаны жетерге къойгъанды. Ала да тюшгендиле, сора алагъа айтханды Жанакъайыт: «Мен Къабартыда бий ёлюкге нечик жилиу эте эселе да кёрмегенме. Бююн мен бир бий ёлтюргенме, аны юсюнде нечик жилиу этселе да кёрюрге барамал, мен къайтышчы сиз былайдан тайсагъыз, сизни мен тукъумугъузну дуняда жашатмам!», — деп айтханды да алагъа, кеси уа атына минип ол жашны ёлтюрген жерише къайтханды, жилигъанларын да кёргенди. (с. 138) Экинчи Таусултан улу Таусултан келген къауумгъа къошулуп бара башлагъанды. Таусултан улу Таусултан: «Аны атын алыгъыз да, манга беригиз!» — дегенди. Нёгерлери айтхандыла: «Тюш, тюш, жаш, атынгдан! Бий бер деп айтады!». Жаш унамагъанды берирге. Дагъыда айтханды ол бий: «Несин сорасыз жашха? Кеси бермей эсе, зор бла сыйырын алыгъыз!» Сыйыргызъа башлагъандыла, ол заманда Жанакъайыт ол адамланы барын да ёлтюргенди. Алапы ёлтюргенден сора, ол батырланы къойгъан жерге келгенди. Ол ары келгинчи, эки батырдан бири, элге къууулуп, аналары бла къарт аталарын келтирип тура эдиле. Алапы кёргенде, Жанакъайыт айтханды: «Элтигиз бу къатышны артха, юйюне! Жан улу Жанакъайытны ёлтюрдюк, элтген адамын сыйырдыкъ деп хапар айтыгъыз. Аллан хапар этмесеги, сизни тукъумугъузну дуняда къоймам», — дегенди. Ол жерден ала бла саламлашып кетгенди. Кесини юйюне келгенде, къатышы бла айырылып тебирегенди: «Ётюрюк айтханса Къажау улу Айказы эки улапы батырдыла деп».

2

АЙТЕК УЛУ АЙТЕК

(с. 139)

Бир элде Айтек деген атлы бир бий бар эди. Ол кишини Айтек деп бир жашы бар эди. Атасы ёлгенди, эллерини адетинде жаш атасына къара кийип башлагъанды. Къара кийген адетлери ол эди: бир жыл отоугъа кирип, тышына чыкмайын турлукъ эди. Жылы жетгенде, ораза ачхан заманда, тенг жашлары жыйылып оноу этгендиле: «Барайыкъ да, Айтек улу Айтекни къара кийгешин тешидирейик, юйюне да элтейик, элге да шагъырей этейик!» Была баргъанда, бытандан эсе алгъыш башха жаш къауум барын, бийини юнге элтип, шагъырей этип тура эдиле. Ол къауумну кёргенде, артда баргъанла къайтып тебирейдиле.

Артха айланнганда, бу къауум жашдан бири алай айтханды, чалман башында олтуруп тургъан чыгъынжикни кёрюзтюп: «Жапшала, мен бир хапар эшитгенме, керти эсе да, ётюрюк эсе да билмеймен. (с. 140) Ол чыгъынжикни къарасы киби чачы, кёзю, къашы къара

болуп, чыпчыкыны агыы киби, бети, эти акъ болуп, бир жерде алай бир кыыз барды деп эшитгенме», — деп сөлөшгөндү. Ол сөзлени Айтек улу Айтек эшиткенди, чачыраганды да эшикте чыкканды. Ол хапар айткан жашны тохтатып, сорганды: «Нечик айта эдинг биягында сен?» Ол жаш аллын айткан хапарын айтканды анга да: «Мен алай эшиткенме: ётюрюк эсе да, керти эсе да билген а эмейме». Экинчи бий айтканды ол жашха: «Ол сени хапарың керти болса, сени насыбың, ётюрюк болса, сени кыйының! — деп артка айланып кеткенди.

Экинчи кюл эмилдеши Къалмукчу да атландырып кеткенди ол жаш хапарда айткан кызыны излей. Кеткендиле эки жаш да, айлангандыла, көп-аз жүрюгенлерин аллах билсин. Бир жерде негери Къалмукчу аты арын тохтаганды. Ары айланганды, бери айланганды, негери аты ат тамаганды. Тамагандан сора жашны бир дорбунга элткенди, көп буула ёлтүргөндү, этлерин туурап: «Былаңы юзгюнчю (с. 141) аша! Былаңы таууссанг, юйге кыйтырсаң. Тауусхунчу уа мени мында сакларса!» Жашха алай айтып, атына минип кеткенди.

Аллах билсин, аймы айланганды, жылмы айланганды, ачдан да онгусуз болуп, жукчу ючюн да кырыусуз болуп, бир кече жылкы кыошха кыонакыга тюшкенди. Жылкычы ол кече Айтек улу Айтекге кыонакылыкка тай сойган эди. Айтек улу Айтек кыошха тюшгөндөй, жукчу ючюн, ачдан да онгусуз болганды. Жуклаганды да кыалганды. Ол жуклаганда башха кыонакыла келгендиле кыошха, ол сойган тайын ала ашагандыла да, кеткендиле, жылкычы Айтекки уяталмаганды.

Эртден болганда, биягы жылкычы бир тай кесип, биширип хазыр эткенди. Хазыр эткенди да, Айтекки уятканды, бетин, кыолун жуудурганды, ашатканды, ичиргенди да, ызы бла былай сорганды: «Айып этме, кыонагым, кыарайма да халыңга, мудахса, нек мудах болганың билсем сюе эдим». Ол сорганда, Айтек айтканды: «Нек мудах болганма?! Элибизде бир жаш былай-былай бир кызыны хапарын айткан эди. Энди уа ол кызыны ызындан көп айланганма, көп кыйынлыкка (с. 142) да көргөнме», — деп, ол кызыны да хар сыфатын ол жылкычыга таурух эткенди. Жылкычы аны эшиткенде, нек мудах болганды. «Исуй! — дегенди жылкычы, — сен, ахшы жаш, сен, акыллы жаш, ол ишпи ызындан болмагы эдинг ансы, мен ёлгөн да этги эдим!»

«Нек айтдың алай?» — деп Айтек улу Айтек сорганды жылкычыдан. Жылкычы айтканды: «Бу жылкыла ол кызыныкыдыла, мындан арлак барсанг, кыой сюрююне жетериксе, андан ётсенг, тууар сюрююне жетериксе. Тюз хапарын кызыны санга анда айтырла», — дегенди. Айтек улу Айтек дагыда айтканды жылкычыга: «Айт хапарың, сен да биле болурса!» — деп. Ол айтканды: «Мени билгеним олду: Ол кызыны бир аты барды да, тилей келген жашха бир белгиси барды, ол белгиде атына минип кыуады

жашны. Жаш кытуулса кыачып, ол жашха барлыкды эрге; кытуулмаса, уруп жашны башып кетереди. Аллаиладан жюзге бир керекли баш кесгенди. Энди сени да алагыа кыошармы деп мудах боламан», — дегенди жыл(с.143)кычы. Айтек улу Айтек айтханды: «Печик болсак да, бармайын амал жоккыду». «Да барсанг, аллах жол берсин!» — деп жылкычы алгып этгенди.

Ол кюн атланганды да, кыойчу кыошха барганды, андан да ётүп, кызыны тууар кыошуна барганды. Тууар кыошунда хар кюнден кызыны юйюне барып, кыошха келип тургъан бир киши бар эди. Ол адамгыа Айтек кызыны хар хапарып соргъанды. Болушун тамам билгенден сора, кыызгыа келечи этгенди, кыыз да айтханды: «Ахшы болду! Жюзге бир баш керек болуп тура эди да, ол да келди, жюзюю тамам этмей ёлемен деп жюрегим ауруй эди!» Кюн болжал этгендиле, кыачар, кыууар жерни жаш таныгъанды. Этген болжалын да жаш кыачханды, кыыз кыуугъанды. Кыыз кыарап жашны кыарелдисин кёрмегенди. Жаш кытуулганды, кыайтханды да, кызыны элин жыйгъанды. Кыыз да ыразы болуп, жашха неках этгендиле.

Кызыны элинде жаш, аллах билсин, аймы тургъанды, жылмы тур(с. 144)ганды, мудах болуп башлагъанды. Кыатыны сора эди: «Нек мудах боласа сен?» — деп. Жаш айтханды: «Неге кыууанайым? Мен бир элде бий эдим. Андан кыатын излей кетсем. Энди уа артха кыайтмагъанма. Тенглерим айта болурла: «Кыорасын Айтек улу Айтек! Кыатын алып, кесини юйюн унутуп, кыатынына киргинчиге кирип кыалгъанды!» Кыатыны айтханды: «Аны себепли мудах болма. Юйюнге барыргыа сюе эсенг, барайык», — дегенди.

Опоу этгендиле, жыйындарын жыйгъандыла, жолгыа чыкыгъандыла. Бара кетгендиле да, ол Кыалмукъну кыойгъап жерге жетгендиле. Ат да алып, Кыалмукъгыа кийимле да алып, Айтек улу Айтек кеси алгыа барганды. Ол дорбунга жетгенде: «Хей!» — деп сёлөшгенди. Бир заманда бир адам чыкыгъанды, чачы да ёшюкюне жетип, тырнаклары да эрши узун болуп, кеси да кир болуп. Ол чыкыгъан адам Кыалмукъ эди. Айтек улу Айтек Кыалмукъну сагыатха жууундуруп, хар затын тазалагъанды, быстырла да бергенди, атха миндирип, келтирип жыйыннга шагъырей этгенди. Андан атланын кетгендиле.

(с. 145) Бара кетип бир улуу агъачха жетгендиле. Айтек улу Айтек кеси жангызлай алгыа бара эди. Бара тургъанлай аллында бир акъ атлы бла бир тор атлыны тюйюшө тургъанлай жетгенди. Тор атлы акъ атлыны жагыасындан тутуп, аман сёзле айтып, туюе тура эди. Айтек улу Айтек тор атлыны тутханды да, акъ атлыны боплагъанды. Ол заманда акъ атлы тас болуп кетгенди.

Ол кетгенден сора, ол тор атлы айтханды: «Аха, Айтек улу Айтек атамы кыанлы жауун бюгюннге дери тапмай тура эдим. Бюгюн табып, не этсем да этермен деп тургъаплай, кыолумдан бошладынг. Энди уа аны бошлагъанынг себепли, сен бла мен атышырбыз», — дегенди. — Киши эсенг, тамбла эртден намазда ол тебеге кел!» —

деп бир төбени көргюзтгенди, кеси уа, атын ургъанды да, кетгенди. Айтек улу Айтек ол жерде нөгерлерин сакълагъанды, нөгерлери жетгенде, «Былайда тохтагъыз!» — деп буйрукъ этгенди, тохтагъандыла ала да.

Эртденликде нөгерлерине айтмайын, Айтек улу Айтек, ол тор атлы айтхан төбеге баргъанды.

(с. 146) Бир заманда тор атлы келгенди, кьолунда бир стакан шай бла бир шай лёкъум келтирип. Айтек улу Айтекин көргенди. Шайны ичгенден сора тор атлы жамычысын жайгъанды. «Юлеш, Айтек улу Айтек!» — деп отну, окъпу атханды жамычыгъа. Ол юлешгенди, хар киши юлюшюн алгъанды. Бири бир төбеге баргъанды, бири да бирси төбеде кьалгъанды да, экиси да атышып башлагъандыла. Ингирге дери урушхандыла — бир бирге хата этмегендиле. Экинчи кюнне ишни болжалгъа салгъандыла. Экинчи кюн да ол халда урушхандыла, бир бирге ол кюн да заран этмегендиле. Ингирде тор атлы кетип тебирегенде, Айтек улу Айтек алай сагъыш этгенди: «Бу атлы эртденликде келеди, ингирде кетеди, узакъ жерде жашай болмаз. Муну тургъан жерин барып бир көрейим!» — деп, ызындан жашыртын баргъанды.

Тор атлы бара кетгенди да бир чыгъанагъа киргенди, чыгъанада бир алаша юйге тюшгенди. Айтек улу Айтек, барып, терезеден кьарагъанды. Кьараса, ол тор атлы быстырларын тешип кьыз быстырла кийгенди. Ол сагъат (с. 147) Айтек улу Айтек кьызны таныгъанды. Кьыз Фатима деген атлы бир ариу кьыз болгъанды, нактутпалмаз чачлы, инжи тишли. Кьыз юйге киргенде «Ох-ох-ох! — деп, ундурукъгъа олтуруп, алай солуй эди. Шана кьызчыгъы болгъанды кьатында, ол айтханды кьызгъа: «Айтек улу Айтек сени кьыз болгъанынги билип, отну, окъну юлеш деп сен анга айтхан заманда «Сен да юлеш!» — деп ачыуланса эди, сен юлеширге ийилген заманда уруп бөркюнго тюшюрюп, чачынгдан тутуп туююп башласа эди, ол заманда не айтса да айтханын этер эдинг сен».

Ол сёзлени Айтек улу Айтек терезеден тынгылап эшитгенди. «Къыйын туююлсе», — деп жаныш кетгенди. Къачан тапг атар?» — деп, ашыгып тургъанды. Ючюнчю кюн эртден болгъанда, биягъы Айтек ол төбеге баргъанды. Тор атлы да ары келгенди. Жамычы бла отну, окъну да келтирип, «Юлеш, Айтек улу Айтек!» — деп айтханды. «Сен да юлеш! Мен а атаңгы кьулуμου болганма?» — деп ол да ачыуланганды. Тор атлы: «Бушман эт», — деп юлешип башлагъанды. Ол заманда, юлеширге эшипте ийилгенде Айтек улу Айтек (с. 148) уруп, бөркюн тюшюрюп, чачындан буруп, къамичи бла туююп башлагъанды. Тор атлы айтханды: «Айтек улу Айтек, аллах бла сенден тилейме, бошла! — дегенди, — не айтсанг да айтханынги этерме». Ол заманда кьызны элтип жыйыннга кьошханды, экинчи кьатыннга алгъанды. Биягъы жыйыны бла жолуна атланып тебирегенди.

Элине жете башлагъанда, бир-эки ахшы кишини да нөгерге алып,

алгъа кетгенди, къонакълагъа къонакъбайла хазыр этейим деп. Элни аллына къаршы келгенде, аты болгъан атына минип, аты болмагъан жыяу, элни башына къууулгъанларын кѳргенди. Олсагъат алагъа бир атлы келгенди: «Айтек улу Айтек, элинги малы сюрюдлю!» — деп. Айтек улу Айтек атына минип, нѳгерлерине: «Сиз къонакъбайла излегиш, мен а къуугъуннга барайым», — деп кетгенди.

Мычымайын къуугъунну аллына тюшгенди. Къуугъунну аллында къууула кетип, ахшам заманда бир агъачха киргенди. Ол агъачда аркъан атып, Айтек улу Айтеки аркъан бла тутхандыла, жесир этип бир бийге элтгендиле. (с. 149) Ол бий Айтек улу Айтеки къанлы жауу болгъанды. Кѳрген бла окъуна Айтеки тутмакъ этгенди. Ол жерде Айтек улу Айтек эки жыл олтургъанды. Къобузгъа бир да болмагъан уста болгъанды. Ол къобуз согъуп башласа, аны эшитген адам къайтып, не ишин да унутуп, алай тынгылай эдиле.

Ол бийни тѳрт къызы болгъанды. Бир кюн Айтек улу Айтеки къобуз сокъгъан ауазын эшитгенде, келип тынгылагъандыла. Тамата къызы Айтек улуну кѳргенде, сукъланганды. Къыз келечи жибергенди: «Айтек улу Айтек мени алгъыргъа айта эсе, тутмакъдан бошлатдырма», — деп. Жаш сѳз бергенди: «Мени мындан ычхындырса, келип элтирмен», — деп.

Юч жылгъа бир ай керекли тутмакъ юйде олтургъанды Айтек улу Айтек. Бир кюн бир сатыучу чюйютлю терезени аллы бла тутмакъ юйден ѳтюп баргъанын кѳргенди. Чюйютлюню кѳргенде, алай эсине тюшгенди: «Бу сатыучу чюйютлюе хар элде айланадыла. Ким биледи, бизни элге баргъан эсе уа бу чюйютлю. Бир хапар сорайым! — деп, къобузун къолуна алып, согъуп башлагъанды. Чюйютлю, муну къобуз ауазын эшитгенде, къайтып, терезеден тынгылап (с. 150) башлагъанды. Айтек улу Айтек къобузну къоюп, терезеге барып, чюйютлюге сѳлешгенди: «Сиз хар жерде айланасыз. Ол элге баргъанмыса?» — деп, кесип элин айтып соргъанды. Чюйютлю айтханды: «Бусагъатда андан келгенме», — деп. «Андан келген эсенг, не хапар барды ол элде?» — деп соргъанды жаш. Чюйютлю айтханды: «Хапар олду: Ол элни бир ахшы бийлери бар эди, Айтек улу Айтек деп. Да ол бий къуугъуннга чыкъгъан эди, къуугъундан аты къайтханды, кеси уа къайтмагъанды. Андан бир къарт анасы къалгъанды, бир да эгечи къалгъанды, эки да къатыны. Эли юч жыл жетипчи сакъларыкъды. Ол заманда келсе, бийди да, орнунда тохтар, келмесе уа эки къатынын да ол бийни Къалмукъ деп бир эмилдеши барды да, анга берип, элге бий этерге мурат этдиле. Ол хапарны эшитгенде, Айтек улу Айтек бек мудах болгъанды, къобуз да сокъмайын, жыр да айтмайын, ойнагъан, кюлген да этмейин болгъанды.

Жаш бир кюн къобузну алып сокъгъанды. Ол заманда къыз келгенди дагъыда, къызын кѳргенде жаш айтханды: «Чыгъараллыкъ эсенг, терк (с. 151) чыгъар», — деп. Къыз олсагъатдан келип ата-

сындан тилегенди: «Тутмакъланы кѣрюрге сюеме да, эркин эт!» — деп. Атасы унамагъанды. Аны ючюн унамагъанды: бийлени аллай адетлери бар эди, къызы тутмакъ юйге кирсе, жюз тутмакъпы эркин этген адетлери бар эди. Болса да, къыз дагъыда тилегенди. Къоймагъандан сора, бий къызын мудах этерге сюймегенди, эркин этгенди, «Бар да, кѣрген эт, алай бир тутмакъ барды, Айтек улу Айтек деп, аны жиберирге амал жокъду. Андан къалгъанланы, кимни сюйсенг да эркин эт!» — дегенди.

Къыз баргъанды, тутмакъ юйде айланганды, хар кимни къагъытын окъуй баргъанды. Ким бир жылдан чыгъарыкъ эди, ким жарым жылдан чыгъарыкъ эди, бирлери эки жылдан чыгъарыкъ эдиле. Айтек улу Айтекни къагъытын окъугъанда, ёмюрю тутмакъ юйден чыкмай кетерге деп алай жазылып кѣргенди. Ол заманда къыз айтханды: «Елмей къалгъан кеси чыгъарыкъды тутмакъдан: алай бир адам мындан чыгъарыкъ тыйюлдо да, муну жангыз кесин эркин этеринги сюеме», — деп атасына алай (с. 152) айтханды. Атасы унамайын кѣп кыйнагъанды. Болса да, кѣп тилегенден сора, эркин этгенди, ол юч жыл тамам болурча юч кюн барды деп.

Бир кюн ол элде къалгъанды. Кесини эли бла ол бийни элини арасы бирайлыкъ жол эди! Экинчи кюн ат тапмайын, инбашыпа да эки артмакъчыкъ салып, жыюу кетип бара эди бир агъачда. Къаты бла, артындан жетип, бир акъ атлы озуп тебирегенди. Айтек улу Айтек акъ атлыгъа айтханды: «Ярабий, бир эл болгъан жерге мени атынгы артыша миндирин элтирге болурму эдинг?» — деп тилегенди. «Мен айтханны этсенг, элтирме», — деп айтханды акъ атлы. — Мин да эки кѣзюню къаты кыс, мен ач дегинчи ачма!» — дегенди. Айтек улу Айтек акъ атлыны артына мингенди, эки кѣзюн къаты кысханды. Бир заманда акъ атлы «Ач кѣзлеринги!» — деп сѣлешгенди. Кѣзлерин ачып къараса, эллерине бир жууукъ жерге жетип тура эдиле. Ол заманда Айтек улу Айтек бек къууанганды. Атдан тюнгенде, акъ атлы айтханды: «Атымы аягъын кѣтюр (с. 153) да, тюбюнден топуракъ ал! Сокъур адам ким болса, аны кѣзюне сюртсенг ол топракъны, сау болур», — деп.

Акъ атлыгъа алгъыш этип, Айтек улу Айтек юйюне тебирегенди. Экинчи кюн иигирде элге жетгенди. Кесини эгечи атын суугъа тартып келе тургъанын кѣргенди. Ат муну кѣргенде, тартып, ычхынып, ойнап ары-бери чапханды, сора келип Айтек улу Айтекни юсюне секире баплагъанды. Айтек улу Айтек, атын тутуп, къызны къатыпа келгенди. Къызчыкъ олтуруп жылай тура эди. «Нек жилийса, ахпы къыз?» — деп сѣлешгенди. «Да нек жылямайым? Мен жылямасам ким жиляр? — деп къыз айтханды. — Бу ат мени къарындашымы аты эди. Ол къуугъуннга чыкыгъанды, къуугъундан аты къайтханды, кеси къайтмагъанды. Ол кюнден бу кюннге дери юч жыл болады. Бу ат не кипшимегенди, не ойнамагъанды. Энди бюгюн андан къалгъан эки къатынын да эмилдешини Къалмукъгъа берип, аны орнуна кесин да бий этерге оноу этдиле. Аны собепли бу ат

ойнагъанда, къарындашым эсеме тюшюп жылайма». (с. 154) Жаш айтханды: «Жылама, ахшы кыз, ашы ючюн! Сени къарындашынг да аллах буюргъанчы кёре болур. Аллах айтса, сау эсе, келир, — дегенди. — Алай мени бу элде танышым жокъду. Мени къонакъ этерге болурмусуз?» — деп соргъанды. Кыз айтханды: «Не билейим. Апам унаса, мен бек ыразыма. Кел да анама айт!» — дегенди. Барып къарт къатындап жаш тилегенди, кесип танытмагъаппай: «Эй анам, кенгден келген къонакъман. Бу элде адам танымайма. Амал бар эсе мени къонакъ эт!» — деп тилегенди. Къатын айтханды: «Мудахбыз, алай сен конакъса. Кет деп нек айтабыз? Жууукъ бол юйге! Бизде болгъан бар болса, сенден аямабыз». Ол кече жаш юйюнде тургъанды. Жасы заманига дер кесип танытмайын, анасы да жашыны ханарын айтып тургъанды.

Айтек улу Айтек кесини къобузун къабыргъадан алып, согъуп башлагъанды. Атасы ёлюп, анга къара кийгенден бу жерге дери ханарын къобуз бла айтханды. Ол заманда, къобуз сокъгъанындан, апасы жашын таныгъанды. (с. 155) Секирип туруп, жашын кучакълагъанды, кёп жылып, тюрю-тюрю ариула айтханды жашына. Ол кече эллеринде бий этерге оюулары тамам болуп, жыйылып, той этип тура эдиле. Айтек улу Айтек апасыны кёзлерин акъ атлыны аягыны тюбюнден алгъан топуракъ бла сау этгенди. Ызы бла тойгъа баргъанды. Къараса, кёп адам жыйылып, ичги иче, той эте кёргенди. Барып къарт кишилени къатында олтургъанды, жыр айтханынга да, къобуз сокъгъанынга да эжиу эте эди.

Бир киши алай айтханды: «Бу конакъ жаш эжнуге бек устады. Эжнуге уста кибик, къобузгъа да уста болур. Анга бир ахшы къобуз беригиз!» — деп жашлагъа оюу этгенди. Келтирип жашха ахшы къобуз бергенди. Ол согъуп башлагъанды. Кесип юйюнде апасына сокъгъан халда. Ол заманда адамлапы кёбюсю жашны бийлери Айтек улу Айтек болгъанын билгенди. Таныгъаны кете, танымагъаны да кете, алай бла жаш адамла болмаса, эсли адам кълмагъанды. Ол заманда, жашла тепсеген жерге баргъанды. Анда чыкъгъанды да, тойда тепсегенди. Къатынлары тойда кёргенлей, таныгъандыла, къууанып жарык (с. 156) болуп башлагъандыла. Ол кесекге дери уа мудах эдиле. Жашны кёргенлерине къууанганларын адамла билмей эдиле: «Жаш телиле бу кече эрге барабыз деп, къууанадыла», — деп, алай айта эдиле.

Андан сора Айтек улу Айтек Кълмукъну болгъан жерин соруп баргъанды кёрюрге. Алгъын тенглеринден бир-экисин да биргесине алып, айтханды Кълмукъгъа: «Кълмукъ, сен бу ишни нечик этесе? Айтек улу Айтек сени бек сую эди. Ёлген эсе да, сау эсе да ханарын киши билмейди. Санга бу ишни этерге тийишли кёрмейме», — дегенди. Алай сёлешгенде Кълмукъ жашны таныгъанды, этген ишине чоъеж болуп, кечгинлик тилегенди. Айтек улу Айтекин кълитханы хар бирине баям болгъанды, алда кибик элине бий болуп тохтагъанды.

Бир кюн тутмакъ этген бийни кызына айтхан сёзю эсине тюшгенди. Къуралып барыргъа тебирегенди. Кетип бара тургъанлай, биягъы акъ атлы жолукъгъанды. Айтек улу Айтек аны бла саламлашханды, саламлашхандан сора соргъанды: «Айып этме, сен не адамса, билирге (с. 157) сюеме. Алгъын жолукъгъанда уллу болушхан эдинг манга». Акъ атлы айтханды: «Мен ким эсем да айтхан этмем атымы. Мени агъачда бир тиширыу тутуи ура тургъанлай, сен ычхындыргъанса. Ол сен ычхындыргъан акъ атлы менме, — дегенди. — Энди уа не ишни башласанг да, санга болушлукъ этерге сёз айтханма, аллахны арагъа салып». Экиси да нёгер болуп, атланын тебирегендиле.

Аллах билсин, нелляй бирге баргъанларыш. Бир заманда, ол аны тутмакъ этген бийни элине жетгендиле. Ол кече ол элде къалгъандыла. Экинчи кюн Айтек улу Айтек къобуз согъуп орамгъа чыкъгъанды. Къобуз тауушчу эшитгенде, къалмай эл жыйылгъандыла, бийни юйюрю да келгендиле. Айтек улу Айтек барып кызыны къолун тутханды: «Айтхан сёзюме келгенме», — деп. Акъ атлы ол алайда тургъанлай, Айтекни атын да келтирип келгенди. Айтек атына минип, сермец, кызыны алып къачханды, къаран къарелдисин кёрмегендиле. Ол кызыны да келтирип, юч къатышы бла алай жашай эди.

Бир кюн аллай ханар келгенди: артда келтирген къатышыны ата-сы (с. 158) бийни, бир башха бий, аскер бла келин, ёлтюрюрге хазыр болуп турады деп. Ол заманда Айтек улу Айтек атланып кетгенди, акъ атлы да нёгери болуп. Бир кечеге ол аскерлени арасына жетгендиле. Ол аскерле: «Не затлалла бла?» — деп къарагъандыла ол эки атлыгъа. Ол эки атлы ёлтюрюрге келген бийни аскери бла урушуп башлагъандыла. Ол кюн жартысын кыргъандыла. Ингирде Айтек улу Айтекни тутмакъ этген бий Айтек улуну чакъырып, къолуна сыйлы кюпес байлагъанды: «Бичакъ тутхан къолунг арыгъан болур» — деп. Акъ атлыны уа тапмагъандыла.

Экинчи кюн, эртденликде, биягъы эки атлы аскерни къалгъаныны жартысын кыргъандыла. Ол кюн да Айтек улу Айтекге биягъы бий бир жаулукъ кысханды. Биягъы акъ атлыны излегендиле, излегенликке табылмагъанды. Ючюнчю кюн болгъанда аскерни артын этгендиле. Ол кюн бий бютюн да ахшы кюпес байлагъанды Айтек улу Айтекни къолуна. Ол бий таныгъан а этмейди: «Кимсе сен?» — деп соргъанда, кесин танытмагъанды Айтек улу Айтек. Алайлай кетгенди, бий да ырахат болуп къалгъанды. (с. 159) Айтек улу Айтек юйюне келгенден сора, ол кызын алып къачхан бийге къагъыт жаза эди: «Мен барып сени бла жарашсам сюеме», — деп. Бий унамай эди: «Алгъындан да жауумду, кызымы алып къачханлы бютюн да жауумду», — деп. Кёп къагъыт жазгъандан сора бий къартлыгъына аман акъыл этгенди: къонакъ келиучю юйню тюбюн лагъымдан толтургъанды, сора Айтек улу Айтекге къагъыт жибергенди: «Келсин киеуюм. Мен да къарт болгъанма, танышсам сюеме», — деп.

Ол ыз бла Айтек улу Айтекни элтип ёлтюрюрге мурат этгенди. Юйюнде шапалагъа да къаты буйрукъ этгенди: «Айтек улу Айтек бери келсе, жатхынчы сыйлы кёрюгюз, жатхандап сора, ол билмез кибики, юйню тюрюнде лагъымны атдырыгъыз!»

Къайын атасы бийдеп кел деп къагъыт келгенде, Айтек улу Айтек атланып баргъанды. Баргъанда сыйлы кёргендиле, къонакъ юйге элтгендиле. «Жатхынчы тийсек лагъымгъа, билир да къачар», — дегендиле да, анда айланган шапала лагъымгъа тиймегендиле. Жатаргъа кезиу болгъанда, ол (с. 160) бийни юйде къалгъан юч къызындап кичилери: «Киеуобюзню бир кёрейим», — деп къонакъ юйге баргъанды. Киеулерни къыз кетип тебирегенде, аллын кюн урушда берилген кюнеси къызын башына къысханды. Ол къыз юйге баргъанда, бирси эгечлерине кёргюзтгенди. Апы кёргенде, ортанчы къызы да: «Мен да барайым», — деп баргъанды. Анга да экинчи кюн берилген жаурукъну бергенди. Ол къайытхандан сора тамата эгечлери да баргъанды. Ючюнчю кюн берилген бек сыйлы жаурукъну Айтек улу Айтек анга бергенди. Андан сора къызла айтхандыла: «Барайыкъ да, атабызгъа бу ахшы адамны ёлтюрмесин деп тилейик. Бу бизге берген жаурукъларын да кёргюзтейик!» — дегендиле. Барын аталарындап тилегендиле: «Бу жаурукъланы бизге келтиргенди, кеси да ахшы адамды. Биз тилейбиз сенден апы ёлтюрмезге», — деп айтхандыла.

Аталары ол жаурукъланы кёргенде, таныгъанды: «Ол мени ёлтюрюрге келген бийни къыргъан киши бу болур, бу жаурукъланы мен анга саугъатга берген эдим!» — деп айтханды. Таныгъанлай, ол саугъат Айтек улу (с. 161) Айтекни башха юйге чыгъартханды, сыйлы къонакъча кёргенди. Дунияны жыйып той-оюп да этгенди. Биз да ол кюн тойда тепсегенбиз, ичги ичгенбиз, кёзюбюз кёрмегенлей. Алай хата палах кёрмейин къалайыкъ.

3

КЪАРАТОН ХАННЫ АЖАШЫП КЕТГЕН УЛАНЫ

Бурун бир хан болгъанды. Ол ханнга улан туумагъанды, къыз туумагъанды. Сегизге дери къатын алгъанды, бирин къоя, бирин ала. Сегизинчи къатыны болмагъан ахшы къатын болгъанды. Ол къатынны къояргъа кёзю къыймагъанды. Хан сагъыш этгенди: «Яарабий, дунияда дармап табылмазми къатынны къозлатыргъа? — деп. Ол сёзю юсюнде мурат этгенди дарман излей атланыргъа. Бир кюн, атына жер салдырып, хар керегин да алып, жолгъа чыкыгъанды. Ол кюнден тебиреп дарман излей кетгенди.

Аллах билеши, азмы айланды, кёпмю айланыгъанды. Ачдан (с. 162) да онгсуз болуп, суусапдан да къолайсыз болуп, бир кюн аулакъда кетип бара, бир кишиге жолукыгъанды, эки иибашында да артмакълары бла. Салам-келам болгъандыла. Ол киши соргъанды ханнга:

«Не айланаса, не жюриюсе?» — деп. Хан айтханды: «Ачма. Бир апар затынг бар эсе, ашатсанг эди, айланган хапарымы санга айтыр эдим». Ол киши артмакъларындан кѳууут халыуа чыгъарып бир кесек ашатханды ханнга. Аны ашагъандан сора ханнга кѳарыу киргенди. Хан ол кишиге айтханды: «Мен айланама дарман излей. Дарман да аллай дарман: кѳозламагъан кѳатынны кѳозлатхан, — дегенди, — ол дарманны тапсам, мюлкюмю жартысын берсем да кѳайгъырмайма». Ол киши айтханды: «Ол дарманны, мен айтханны этерик болсанг, мен табарма», — дегенди. Хап: «Сен не айтсанг да», — деп, ол кишиге кѳаты сѳз бергенди.

Ол заманда киши артмагъындан алмагъа ушаш бир затны чыгъарып эки жаргъанды: бир жартысын уллуракъ, бир жартысын гитчерек: «Элт да кѳатынынга уллуракъ жартысын алгъа ашат, гитчесин артада ашат! Сени (с. 163) кѳатынынг бууаз болуп, кезиу жетсе, эки жаш табар. Ол жашладан мен кѳарарма да сайлагъанымы экисинден бирин алырма, бири санга кѳалыр». Хан кѳууанып, ол кишиге да кел деп, ол дарманланы да алып, кѳайытып юйюне келгенди. Юйюне келгенлей, ол киши айтхан кюйде, дарманны кѳатынына ашатханды. Ол кюнден башлап кѳатыннга бууазлыкъ тюшгенди. Заманы жетгенде, эки жаш тапханды. Бири бирси жашдан биле-биле мазаллыракъ, бири уа — онгсузуракъ.

Ол ахшы жаш ай ёсеригин кюн ёсюп, кюн ёсеригин бир сагъатха ёсюп башлагъанды. Онгсузурагъы хазна айнымагъанды. Ол кишини келирге айтхан заманы бола башлагъанында, хан айтханды: «Бу ахшы жашны аман тутугъуз, не кирни да аны юсюне сюртюгюз, кѳарыусузну уа таза тутугъуз, юсюн да накъут-налмаз бла тышлагъыз!» — дегенди. Болжалы жетген кюп ол киши келгенди, ханны юйюнде бир эки-юч кюн тургъанды. Кетип башлагъанда, ханнга айтханды: «Эхе, хан, айтхан (с. 164) сѳзюнг себепли келгенме. Этер оноунгу эт манга!» Хан айтханды: «Жашлагъа кѳара да, жаным, сен суйгенин сен элт!»

Киши жашлагъа кѳарагъанды да алай айтханды: «Бу сыйлы кѳргенигиз сизге хайыр болсун, бу учуз кѳргенигизни элтирме мен», — деп ол ахшы жашны элтип кетгенди.

Келтирип жашны бир кѳауум юйге бошлагъанды. Мында жаш хайт деген киши болгъунчу жашагъанды. Ол аны келтирген киши кетип, ыйыкъдан бир келиучю эди аны кѳре. Келсе: «Не ишлейсе, балам?» — деп, былай бойнуна тийиучю эди. Бойнуна тийсе: «Аман боласа, кесинги ач этме, ахшы аша!» — деп алай айтыучю эди. Ол кишини кенде беш юйю бар эди: тюбюнде юч юйю, башында эки юйю. Бир кюн бу жаш, ол юйлени кѳатында эрикгендеп айлана тургъанлай, бир таууш эшитгенди. Иги жууукъ барып тынгылагъанда, адам жилигъан таууш эшитгенди, бирси юйге барып тынгылагъанда зикир айтхан таууш эшитгенди. Ол юйге сейирсинип сѳлешгенди: «Ярабий, бу не алапатды, (с. 165) не сейирди! Ол юйге баргъанма да, жилигъан таууш эшитгенме, бу юйге келгенме да, зикир таууш

эшитеме. Бу былай некди?» — деп соргъанды. Зикир айтхан кѳауумдан бир адам сѳлешгенди: «Сен не адамса?» — деп соргъанды бу жашха. Жаш айтханды: «Мени уа бу юйлени иеси келтиргенди да мени мында кѳойгъанды. Энди уа бу юйледе ашап, ичип, турама». «Ай, — дегенди ол ичинден сѳлешген, — бизни да алай келтирген эди ол, алай артада келтирип бу юйлеге беклегенди. Энди уа бизден кюнден, эки юйден кезиу, бирибизни ашайды.

Апы эшитгенде, жаш мудах болгъанды. Болса да гитчелей келген эди, кѳачаргѳа жол танымагъанды. Ичинде сѳлешген адамгѳа соргъанды: «Яарабий, бу кишини ѳлтюрюрге не амал болур?» — деп. Ичиндеги айтханды: «Ёлтюрюрге аны санга бек тынчды. Ол санга келген заманда: «Ай, балам, тынчмыса?» — деп сѳлеше болур, бойпунга тийип. Бойпунга тийгенде, сен аны кѳлюне ушагѳулу болсанг, ол кѳолуна кѳобузун алып. Кѳобузун согъуп башласа, сен, аягѳы юсюнгде тохтамай, тепсеп башларса. Ол адам кѳобуз согѳа, юйню кѳатында бир бахчагѳа (с. 166) барыр, ол бахчада от болур, ол отда уллу кѳазан, кѳыйырларында адам тепсер кирик, кѳайнай турур. Киши, кѳазанны кѳатында тепсеп башласанг, санга айтыр: «Балам, жер аякѳны бек ашайды, тепсерге сюе эсенг, мин да бу кѳазанны кѳыйырында тепсе!» — деп айтыр. Ол заманда, минип, сен анда тенсей башласанг, тюртюр да сени кѳазаннга атар, бишгенден сора сени да ашар. Алай, ол санга кѳазанны кѳыйырына мин дегенде, «Ай атам, алгѳып сен кѳргюзт нечпк этеригими!» — деп айт. Ол заманда ол санга кѳргюзтюрге деп ары минер. Ары мингенде, кѳолунгдан келе эсе, тюрт да кишини кѳазаннга ат!» — деп ичиндеги киши жашха алай юйретгенди.

Ол кюнден сора жаш ахшы ашагъанды, бир он кюннге семиз болгъанды. Бир кюн биягѳы киши келгенде, жашха сѳлешуучю адетинде сѳлешип, бойпунга тийгенди. Кѳлюне ушагѳулу семирсенин билгенде, кѳобузун алып, согѳа башлагъанды. Ол кѳобузун сокѳганда, жаш аяусуз (с. 167) тепсеп башлагъанды. Ол заманда киши бир бахчагѳа баргъанды, кѳобузун согѳа-согѳа. Бахчада, ичинден сѳлешген адам айтхан халда, уллу кѳазан кѳайнай болгъанды. Киши кѳобузуну согъуп башлагъанды, ол кѳобузуну сокѳганда, жаш тепсеп башлагъанды. Жаш тепсегенде, киши айтханды: «Балам, жер, тепсегенде аякѳгѳа заран береді, андан эсе кѳазанны кѳыйырына минип тепсе! Багѳырдан аякѳгѳа хата келмез», — дегенди. Жаш айтханды кишиге: «Ай атам, бир кѳрсем эди нечпк тепсеригими, кѳууанып тепсер эдим. Амал бар эсе сен манга бир кѳргюзт», — деп. «Айхай, кѳргюзтейим», — дегенни айтып, киши кѳазаннга мингенди, кѳазанны кѳыйырында тепсеп башлагъанды. «Ма былай тепсе, балам, ма былай тепсе!» — деп жашха кѳргюзте.

Ол заманда жаш, эслемеген кирик этип кишини кѳазаннга тюртюр атханды. Кѳазанны башын киши чыгѳалмаз кирик кѳаты бегитгенди. Киши айтханды: «Ай балам, нек этдинг алай?» — деп. Жаш айтханды: «Эслемей этдим, энди чыгѳарайым, ол кенге беш юйюнгю

ачхычларын (с. 168) юйретсенг. Киши ачхычланы болгъан жерлерин юйретгенди. Ачхычланы болгъан жерлерин билгенден сора: «Сен да кёплени биширгенсе бу къазанда», — деп, кишиге алай айтып, жаш къазаннга уллу от этгенди, кеси уа барып, ачхычланы алып, ол юйге баргъанды. Юйлени ачханды, эки юйден да, бир да къалмай, кеси кибик улан сюрюу чыкыгъанды. Хар бириси, къууанып, жашны къучакълагъандыла, андан сора, къауумлары бла барып, къазанны тюбюнден от этип, эки кюн кишини биширгендиле: сюегинден сора башхасы болмагъанында, отха къуыйгъандыла.

Ол кюн анда къалып, экинчи кюн жашла кетип башлагъандыла. Ол жаш айтханды алагъа: «Мени ахшы тенглерим, бу кишини кёпдюз харакети-хазнасы. Аланы юлешмейин кетмегиз». Барысы да жыйылып, ол жашла тургъап эки юйню тюбюнде юч юйлени ачхандыла. Къарасала, ючюсюнде юч акъ ат акъ принчге тагъылып кёргендиле. Жаш атланы кёргенде, сукъланганды атлагъа. Юлешип башлагъанда, айтханды жашлагъа: «Тенглерим, кёлююзге тиймесе, бу юч атны манга къойсагъыз эди деп (с. 169) тилейме». Жашла айтхандыла: «Бизни ёлюр жерибизде сен къалдыргъанса. Бу кишини бар хазнасы санга къалса да, аны ючюн бизни кёлюбюзге тиймез».

Жашла юч атны да ат керегин да жашха къойгъандыла. Къалгъан хазнадан да кеслери тенгли юлюш бергендиле. Жашла барысы да кетгендиле. Ол къуралып ала бла кеталмагъанды да, ол кече анда къалып, экинчи кюн, эки атын да адеж тутуп, бирине минип жолгъа чыкыгъанды. Бара кетип, бир агъачха жетгенди, минип баргъан аты тохтагъанды. Ары этгенди, бери этгенди, ат барыргъа унамагъанды. «Ай, бёрю ашарыкъ!» — деп эки буту бла атны къысханда, бурун тешиклеринден къан чыгъаргъанды. Ол заманда ат тиленип, адам тил бла сёлешгенди: «Бош кюрешме, ахшы улан, мен барлыкъ туююлме». «Нек бармайса?» — деп жаш соргъанда, ат айтханды: «Мени тутхан киши манга алай минучю эди: Ол хар заманда жанында бизни жалкъабыздан тюк жүрютюучю эди. Керек болса, ол тюкню отха салып (с. 170) тийиргучю эди, биз а аллына барып, айтхан иши болса, къуллугъун мажаруучу эдик. Энди уа сени да керек кюнюнде айтханынгы этербиз, ол ыз бла жүрюсенг». Жаш соргъанды: «Нечик этейим?» — деп. Ат айтханды: «Бизни орудубузда къой, жалкъаларыбыздан тюк элт, керек кюнюнде тюкню отха тийдир, биз санга табылырбыз».

Андан сора жаш атланы артха къайтаргъанды, арну быстырлары да тешип, хар ат сайын юслерине ат жерлерин да салып, бирер къат кийим юслерине байлап, жалкъаларындан да бирер тюк алып, атланы къойгъанды. Кеси уа бир аман быстырла да кийип, нактутналмаз чачына да быдыр къаплап, бир тыякъ да алып къолуна, кетгенди. Бара кетип элге жетгенди. Ол элде къарап, бир бек уллу юйге къонакъгъа баргъанды. Ол юй ханны юйю болгъанды. Тургъанды ол юйде бираз. Хан хар заманда ол жашны бош айланан кёре эди. Бир кюн чакъырып соргъанды: «Не айланаса, ахшы улан, былай бош?» —

ден. Жаш айтханды: «Жалчыгъа кирлик эдим, орун тапсам эди». «Неге жарайса да сен? — дегенди хан. — (с. 171) Мен аллыкъ эдим жалчыгъа, бузоула кюталсаңт». «Айхай, кюталырма мен бузоулануу уа», — деп ол кюнден сора ханны бахчасында бузоуларын кютюн тургъанды.

Ханны юч кызы болгъанды. Ол кызыланы алларында жумушларын этип тургъанды ол жаш. Бир кюн юч кыз да жашны чакъырып юч наша бергендиле: «Элт да атабыз ханнга бер!» — деп. Жаш элгенди да бергенди башхартып: «Бу нашаны тамата кызынг бергенди, бу нашаны ортанчы кызынг бергенди, бу нашаны уа гитче кызынг бергенди». Эки тамата кызы жиберген нашала ашаргъа жарамагъандыла, гитче кызы берген ахшы наша болгъанды ашаргъа. Хан сагъыш этгенди: «Бу кызыла чириген нашаланы нек жиберген болурла манга?» Нек жибергенлерин билмегенди, барын къатынына соргъанды: «Былай да, былай, кызыла манга чириген нашала жибергендиле. Билемсе нек жибергенлерин?» Къатыны айтханды: «Ала билмеймидиле да сени чириген нашаны ашамазынгы! Алай (с. 172) кызыланы эрге барыргъа заманлары жетгенди да: «Эрге бер!» — деп айтыргъа уялып, билдиргенликлериди санга. Энди уа кызыларынга эр изле!».

Ол кюнден башлап хан ичги этдиргенди, ичгиси битгенде, бир да къоймай элин жыйгъанды, кызыларына бирер аякъ берип: «Суйген жаныгъызгъа беригиз!» — деп жибергенди. Эки тамата кызы эки жашха бергендиле. Ол экисицен сора ол заманда ахшыгъа аты чыкыгъан жаш жокъ эди. Гитче кишиге да бермегенди аягъын. Аны юсюнде кългъандыла.

Бир кюн ол кыз, сагъыш этип, бахчагъа къаран тургъанлай, аллындан бир жарыкъ чыкыгъанды. Неде деп къараса, бузоучу жап жукълап, башында быдыр къабы бир жанына кетип, чачы ачылып ол жарыгъ а аны чачындан чыкыгъан жарыкъ эди. Кызы айтханды: «Маржамап, мен бу жашха бармасам!» — деп мурат этгенди. Экипчи жол хан ичги этгенди, кыз аягъын элтип ол жашха бергенди. Адамла айып этгендиле: «Ханны кызы (с. 173) бузоучу жашха барады!» — деп. Хан айтханды: «Кызымы харам этеме, арбазымдан кениге кетсин!» — деп. Ол халда тургъандыла.

Кёп тургъанларын, аз тургъанларын аллах билсин, бир кюн къуугъун келгенди: «Ханны къой къошун сюрдюле», — деп. Адамла айта эдиле: «Ой, ханны ол эки кнеую тапмазлыкъ дунияда не барды?! Ол бирин Аллах ургъанды ансы!» Олсакъат эки кнеую да атлангандыла да кетгендиле. Ючюнчю кнеую, ол эл аманнга атын тергеген, ингирге дери тынч жатханды. Ингирликде ол атладан алгъан кылладап бирин отха тийдиргенди, олсакъат ол ат алайгъа жетгенди.

Адамла жатхандан сора, ол жаш ахшы быстырларын да кийип, акъ атха да минип кетгенди. Мычымайып эки кнеуюню артындан жетгенди. Аны къамичи тауушундан ол экиси, къоркъуп, жолну эки жанына къачышханды. Ол аладан да озуп, мычымайып къой къош-

пу сюргенлеге жетгенди. Сюрген адамланы кырып, кый кышну артка сюргенди. Жолда (с. 174) келе тургъанлай, ол эки киеу кырындашы жолугуп, тилегендиле: «Ярабий, не адам эсенг да, бу кыйыланы бизге бер!» Жаш айтханды: «Бир мухурум барды да, жауурун артларыгъызгъа мухурну бирер салдырсагъыз, кый кышну сизге берирме». Ол эки жаш оноулашхандыла: «Ким билликди бизни сыртыбызда мухурубоз болгъанын? Айтханын этейик да, кыйыланы сюрейик! Кыйыланы сюрюп барсакъ, бизге жигитдиле деп, элде ахшы сёз айтырла».

Ол оноуну юсюнде, кеслерине мухур салдырып, кыйыланы сюрюп кетгендиле. Акъ атлы аланы озуп, юйюне ол кече окъуна келгенди. «Къайда эдинг?» — деп кыатышы соргъанда, жаш айтханды: «Бош, эшикке чыккыгъан эдим айланыргъа, бюрчеле жукъларгъа кыймай эдиле да». Билдирмезге кюрешсе да кыатышына, ол атха мингенде, кыатышы болушун кёрген эди. Экинчи кюн ингирликде ханны арбазына ол эки киеую ол кый кышну келтиргендиле. Адамла айтхандыла: «Ой, ханны ол эки (с. 175) киеую этмезлик дунияда жокъду! — деп. — Ол бирин а Аллах ургъанды да, не этсин харип ол?!» — дегендиле.

Бир бёлек жылдап сора биягъы ханны тууар кышну сюрюлгенди. Эртденликде эртде, ол биягъы эки киеую, атларына минип, кетгендиле.

Ол жаш а ингирге дери тынч жукълагъанды. Ингирликде, адамла жукълагъандап сора, биягъы атланы кыйылларыннан бирич отха тийдиргенди. Ат мычымайын жетгенди, олсагъат жаш кийимлерин кийгенди. Кыатышы жашха кыарагъанды да: «Ярабий, учуп кетеди бу адам ариудан!» — деп алай айтханды. Жаш атланнганды да кетгенди. Бир сагъатха биягъы жашлаы ызларындан жетгенди. Ызларындап жетгенде, ол жашла кыоркыгъандан жолу эки жанына юлешингендиле. Бу аланы аралары бла ётгенди. Тууар кышну сюрюглени жетип, кеслерин ёлтюрюп, тууарланы кыайтаргъанды. Биягъы жашла аллына жолугуп, тууарланы да тилегендиле. Жашлагъа дагъыда мухурла салып, тууарланы бергенди. Кеси уа ол кече окъуна келип, адамгъа кёрюнмейин, юйюнде жатханды. (с. 176) Ол эки киеу экинчи кюн тыш заманнга, тууарланы сюрюп, ханны арбазына киргендиле. Хап аланы кёргенде, айтханды: «Ол бир киеуюмю аллах жараусуз этгенди апсы бу экиси да бир иги, ахшы эдиле!» Ол халда, ол эки киеуюню атлары ахшыгъа айтылып тургъандыла, ючюнчю киеую бир да адамгъа термегендиле.

Бир заманда хашнга кыуугъун келгенди: «Жылкы кышунг сюрюлдю!» — деп. Хан эки киеуюне: «Атлансынла!» — деп адам жибергенди. Олсагъат окъуна атларына жер салып, экиси да минип кетгендиле. Биягъы жаш кеч болгъунчу дери туруп, адамла жатхандап сора, ючюнчю аты кыылын отха тийдирип, ат жетгенден сора минип кетгенди. Бара кетип, киеу кыарындашларын да озуп, жылкыны сюрюглелеге жетгенди. Аланы да кыырып, таматаларын атха байлап,

кѡалгѡанларыны атларып, кереклерин да жылкыгѡа кѡошуп сюр-генди.

Келе келгенде биягѡы жашла жылкѡылань тилеп башлагѡандь-ла. Болса да жаш, кѡпдѡ деп, берирге упаматѡандь. Ол кече атлань бир (с. 177) жерде кютѡп, эртденликде намаз ууахтыда жылкѡыны ханнь арбазьна ургѡандь. Кеси уа барьп ол ханнь аман киеуѡ тургѡан юйчюкге тѡшгенди. Хан гузаба этгенди: «Ол кѡонакѡ ол амангѡа нек тѡшгенди?!» — деп. Жаш биягѡы атладан бирини кѡы-лын отха тийдиргенди. Мычьмайын, адамла кѡре тургѡанлай, ат жетгенди. Ат жетгенден сора, жаш кѡатышын да чыгѡарьп, атладан бирине миндиргенди, кеси да бирине миннгенди. Ол заманда ол хан-нь киеуѡ болгѡанын барьсы да билгендиле. Жаш кетерге башла-гѡанда хангѡа келечи жибергендиле: «Менляй киеу хангѡа аллах бермесин, бирси киеулерѡ кибиѡ жигит киеуледен аллах айырма-сын! Менден жийиргене эсе, мен кетерме. Бу жыйында эѡи кѡаза-гѡым барды да ала чыкѡышла!»

Адамла кѡатына барьп: «Хей, кѡазакѡла, нек чыкѡмайсыз? Мен сиэин сакѡлайма да, чыгѡыгѡыз! Чыкѡмасагѡыз да, ат аллына сюр-юп чыгѡарьрма!» — дегенди. Адамла сагѡыш этгендиле: (с. 178) «Ким болур муну кѡазакѡлары?» — деп. Болса да билмегендиле ким болгѡанларьп. Ол заманда жаш кирип адамла ичинде ханнь эѡи киеуѡп аллына сюрюп чыгѡаргѡандь. Хан келечи жибергенди: «Яра-бий, ала мени киеулеримдиле», — деп. Жаш айтхандь: «Сени киеу-леринг эсе да, мени ишим тѡююлдо. Кѡарагѡыз да, жауурун артла-рында, эѡишер жанларында мени мухурум жокѡ эсе, мен ѡтѡрюѡк ай-тама, — дегенди. Адамла кѡарагѡандьла. Кѡарасала, жашлань ол айтхан халда жауурун артларында мухурлань тапхандьла. Жаш кѡатынын да алып, ол эѡисин да аллына сюрюп тебирегенди. Ол заманда хан тилегенди: «Амал бар эсе, кѡайт. Бу киеулерими юсюне былань кѡатышларьп — кѡызларьмы да кѡарауашлагѡа берейим. Элиме да мени орнума сен оѡоу эт!» — деп. Кѡп тилегенден сора, жап кѡайтып, элге да ханлыкѡ этип, ол эѡи киеу да, алань кѡатыш-ларь да аны аллында кѡуллукѡ-кѡарауашлыкѡ этип алай тургѡан-дыда. Ол кѡайтхан кѡн уллу той-ѡюп этгендиле. Аны кѡрмеген ки-биѡ мудахлыкѡ иш кѡрмейинк.

4

(с. 179)

ТАНДУ

Эртде-эртде Танду деп бир батыр улап бар эди. Ол билмеген тил, ол билмеген хунер дунияда жокѡ эди. Аны кесинден кичи эѡи кѡа-рындашы бар эди. Бирини аты — Ахмат, бирсини аты — Мухаммат. Ол жашла бир бирлерин бир да болматѡан кибиѡ бек сюе эдиле. Бир

жол, кюз артында, Танду жаугъа барыргъа къуралгъанды. Болса да, биз сени жангызлай жибермейбиз деп, къарындашлары да бир-гесиңе тебирегендиле. Бара кетип, ол кече бир агъачда къалгъандыла. Уллу от этип, олтуруп тургъанлай, тебен жанлары бла бир буу ётгенди. Танду ол бууну атханды. Болса да кечегиде ызындан бармагъандыла.

Эртден болгъанда, къарасала, буугъа окъ тийсе да, къан ызы кетип тура эди. Ызны алып баргъандыла. Ыз бла бара кетгенде, бир арлу мырыгъа чыккыгъандыла. Ол мырыда кишенеленин тургъан бир ат кёргендиле. Огъары (с. 180) жанларында бир дорбун болгъанды. Дорбунига барып къарасала, бир адам жамычысыны юсюне жатып, ат жерин да жастыкъ этип, жатып тура эди. Барып къарасала, ёлуп тургъанын кёргендиле. Кеслерини бир жангыз эгечлеринден туууп бир жаш бар эди Амтукъ деп. Къарасала Амтукъ Тандугъа осуят къагъыт жазып тапхандыла. Къагъытда алай жазылгъанды: «Мени ана къарындашым Танду мени къапымы алмаса, ахыратда он бармагъым он киши болуп, жагъасына жабышсыңла!» Ким ёлтюргенни а жазмагъанды.

Мудах болгъандыла. Жашны, алайда къабыр къазып, асырагъандыла. Танду айтханды къарындашларына: «Къайтыгъыз сиз юйге. Мен табар эсем, бу жашны ёлтюргенни, излей барайым». Жашла айтхандыла: «Эй-а, ол деген не сёздю?! Биз сени къалай жиберибиз жангызлай?» — дегендиле. Жашла айырылгъа унамагъандан сора, алапы да алып, атланып кетгенди. Бара кетип, кёп баргъанларын, аз баргъанларын билген аллахды, бир заманда бир мырыгъа чыккыгъандыла. Ол мырыны ичинде бир (с. 181) жангыз юй кёргендиле. Баргъандыла юйге. Юйню ичинде эмеген къатынла олтуруп тура эдиле. Танду ургъанды да эмеген къатынланы экисин да ёлтюргенди. Бир жашчыкъ бешикте къалгъанды. Танду жатып бир аз къалкыгъанды. Ол къалкыгъан заманда, ол арбазгъа бир эмеген ишбашына да бир чинар терекни кётюрюп, къолтугъуна да бир буу мыллыкны алып киргенди. Келе келип, келтирген бууун элтип тюгю бла къазаннга салгъанды, ол терекни да ары уруп, бери уруп ууакъ этгенди. Ол заманда бешикте тургъан эмеген жаш алай жиялгъанды: «Эй, сени къарнынг эки атылсың, къарың сагъышың болмайың башха сагъышың жокъ эсе! Тандуну ашыкъ жилиги бла къууандырыучу эдинг да. Танду санга этерни этгенди», — деп, алай къычырып жиялгъанды.

Ол заманда Танду туруп, жашны жумдуругъу бла уруп, бешикке жайгъанды, тышына чыгып эмеген бла сермешгенди. Эмегенин тубюне салып Танду соргъанды: «Мени эгечимден туугъанны, Амтукъну сенми ёлтюргенсе, не да ёлтюргенин билемисе?» — деп алай соргъанды. Эмеген айтханды: «Мен ёлтюрмегенме, алай бир башха (с. 182) эмеген бла ол жин патчахны кызы ючюн эрише эдиле. Ол ёлтюрмеген эсе, башха адам ёлтюрмегенди», — дегенди. Танду айтханды эмегениге: «Айт ол эмегенин хар болушун манга! Аны болу-

штун айтсанг, сени ёлтюрмегенлей жиберирме», — дегенди. Эмеген айтханды: «Ол бир талада жашайды. Ол таланы төгереги агъачды. Аны юч аты барды. Аладап бири дуняны төгерегине юч кюннге айланады, экинчиси бир кюннге айланады, ючюнчюсю бир кюннге дуняны төгерегине юч кьат айланады. Ол талагъа адам кирсе, ол юч кьат айланган аты кишнен, неси адам келгенин билдиреди. Ат кишнеген заманда, неси чыгып, кьаласы барды да, кьалагъа минни кьарайды төгерегине, адам кёрсе, ушкок бла атар. Атхан огъу уа жерге тюшерге амал жокъду, — деп алай дегенди. — Сиз ары барсагъыз, кече бла таланы кыйырында уру къазыгъыз. Ол уругъа кирип, бугъуп, алай чыгыгъыз тышына. Ат кишнер сиз чыкыгъанда. Эмеген кьаласына минер да кьарар. Кьарар (с. 183) сизни кёрмесе, атына айып этип кетер: «Ай атым, кьартмы да бола башлагъанса? Ётюрюк айтаса да», — деп, кьайтып кетер юйге. Ол юйге кьайтса, сиз дагъыда чыгъып кёрюнюгюз. Биягъы ол заманда ат кишнер, кишнегенде эмеген дагъыда чыгъар. Кьарар да, адам кёрмесе, тюшюп атны тюер. «Ётюрюк айтма!» — деп юйге кьайтып кетер. Сиз ючюнчю да кёрюнюгюз. Ючюнчю ат кишнегенде, биягъы неси кьалагъа минер да кьарар. Адам кёрмесе, тюшюп, атны аяусуз этип тюер. «Санга не кьадар кишнесенг да чыкмам», — деп ант этип, кирип кетер юйге. Ол заманда сиз туругъуз да, тюшюплей сарайына барыгъыз. Сарайыны уллу темир эшиги барды, ол темир эшикни бир сынжыры барды, ол сынжыр юзюлмегенлей, эшикни ачылыргъа амалы жокъду. Эшикни юсюне барсагъыз: «Хей!» — деп сёлешигиз. Ол заманда: «Не адамласыз сиз? Жаумусуз, доёмусуз?» — деп алай сёлешир эмеген. «Жаубуз», — десегиз, сынжыры тышына атар: «Ачыгъыз эшикни!» — деп. Сынжыры юзсегиз, ол сизни бла кюрешир. (с. 184) Сынжыры юзалмасагъыз, — барыгъызны да ёлтюрю», — деп бу ызланы ол эмеген жашлагъа таурух этгенди. Таурухну айтып кьутулгъанда, эмегенин уруп башы кетергенди Танду.

Андан атланып кетгендиле. Бара кетип, ол эмеген айтхан агъачдан чыгып, бир уллу талагъа жетгендиле. Талагъа чыкыгъанлай, ол кече бир терекни тюбюнде, таланы кыйырында уру къазгъандыла. Эртдепикде кичилери чыкыгъанды да кёрюнгенди. Ол заманда ат кишнегенди. Эмеген кьаласына минни кьарагъанды, алай болгъаны ючюн адам кёрмегенди. Экинчи жол ортанчы кьарындашлары чыгып кёрюнгендиле. Ол жол ат кьатыракъ кишнегенди. Эмеген чыкыгъанды да кьарагъанды: абери кёрмегенде, тюшюп атны тьюгенди: «Ётюрюк айтма! Ётюрюк айтсанг, энтда да тюерме!» — дегенди, андан кьайтханды юйюне.

Ол юйюне киргенде, бир кесек болуп, Танду чыгып кёрюнгенди. Ол кёрюнгенде, ат тереклени чапыракъларып агъызын алай кьаты кишнегенди. (с. 185) Эмеген кьоркьаракъ да болуп, терк окъуна кьаласына минни, төгерегине кьарагъанды. Абери кёрмегенде, тюшюп, аяусуз тьюгенди атып. Тьюгенден сора: «Нелляй бир кишне-

сенг да, энди чыктам!» — деп, ант этип, кѳайтып кетгенди. Ол юйге кѳайтханлай, была салып сарайны кѳатына баргѳандыла. Анда Танду айтханды: «Энди сиз сѳелешигиз, мен а барайым да, тышына чыгыучу эшикни башына минейм, сиз сѳелешгенде, ол чыгѳар, мен а уурума. Танду кетип эшикни башына мингенди. Бирси экиси сѳелеширге базынмайын, «Сен сѳелеш, меп сѳелеш» эте, кюнню кеч этгендиле.

Танду кѳалкѳыгѳанды. Бир заманда, экинди бола-бола, Ахмат сѳелешгенди: «Хей», — деп. Чыкѳгѳанды эмеген: «Эй, не адамласыз? Жаумусуз, досмусуз?» — деп соргѳанды. Ахмат айтханды: «Атангы аман кѳѳюне, жаубуз!» — дегенди. Ол заманда эмеген: «Былай кѳайтыгѳыз!» — деп темир сынжырны атханды жашлагѳа. Жашла сынжырны, тарта кетип, юзгендиле. Сынжыр юзюлгенлей, эшик ачылгѳанды. Ол заманда эме(с. 186)ген жашлагѳа дунияны амапын айтып кѳуугѳанды. Эмеген кѳуугѳанда, жашла, ахлары кетип, кѳачхандыла.

Ол заманда Танду эшик башында жукѳлап болгѳанды. Бир заманда уянып кѳараса, талада эмеген кѳарындашларын Ахмат бла Мухамматны кѳуууп айланиганын кѳргенди. Секирип, эшик башындан тѳшюп, сынжырдап юзюлгенлени бууууна чулгѳап, эмегенни ызындан кѳууулгѳанды. Танду бир да аямай кѳычыргѳанды: «Сени жауунг ала тѳюлдоюле, менме. Эркек эсенг, бери кѳайт!» Алай болгѳаны ючюн эмеген: «Угѳай, мени эшигими была ачхандыла», — деп тохтамай кѳууа эди. Кѳп айланигандап сора, Танду эмегеннге кѳаршы болгѳанды. Кѳолунда сынжырны булгѳай кетип, эмегенни ызыпдан атханды. Сынжыр барып тийип, эмегенни эки бутун да тобукѳларындан кѳыркѳгѳанды.

Танду жетип, эмегенни юсуне мингенди: «Мени эгечимден туугѳанны сенми ѳлтюргенсе?» — деп соргѳанды. Эмеген: «Меп ѳлтюргенме, — дегенди. — Ол бла меп Жин патчахны кѳызын тилей эдик: аны ючюн кѳюренгенбиз. Кѳюренгенде, меп онглу болгѳанма, кѳп жарала (с. 187) да салып, алай жибергенме. Ёлгенни, ѳлмегенни кертисип билмейме». Ол заманда Танду уруп, эмегенни башып кетергенди. Салып юйюне баргѳандыла. Юйюне киргенде, бир эмеген кѳатын алай кѳаргѳагѳанды Тандуну: «Мени жашымы ѳлтюрдюнг эсе, сен жин патчахны кѳызын кесинге кѳатыннга алмасанг, ахыратда да, дунняда да тонгуз болуп айлан!».

Танду: «Кѳарт гяуур, не амап кѳаргѳадынг!» — деп кѳатышшы башып кетергенди. Андан сора юйде болгѳан эмегенни урлугѳуун бир да кѳоймайын кѳыргѳанды.

Ол кече анда кѳалып, экинчи кюн эртденликде жолгѳа чыкѳгѳандыла. Жолда Танду кѳарындашларына айтханды: «Мен, бу дунияны тѳгерегине бир кюнне айланиган атха да минип, жин патчахны кѳызына барайым. Сиз а юйге кѳайтыгѳыз!» — деп кѳюренгенди. Жашла кѳайтыргѳа кѳайры унарыкѳ эдиле?! Кѳайтмагѳандыла. Ол

заманда Танду ол ахшы атха минип, бирси эки атха къарындашлары минип кетгендиле.

Жолда Тандуну аты кесип бир да жолгъа жарапдырмагъанды: къайда (с. 188) алгъа озгъанды, къайда артха къалгъанды, бир бирде ахсакъ бола эди, бир бирде сау бола эди. Танду алай айтханды: «Ярабий, былаймы болур бу атны халы? Къайда алгъа барады, къайда артха къалады. Алай, адамла айтхан кибики, дунияны тегерегинде бир кюннге юч айланады деп, мен айтталлыкъ туююлме». Ол заманда ат кесип артха къалдыргъанды. Артха къалып, адам тил бла селешгенди: «Манга минучю киши сенича минеучю эди. Ол къайры барса да, баргъан жерин манга айтып, алай барыучу эди, — дегенди. — Биргесине нёгер алмаучу эди. Сен да баргъан жеринги билдирсенг, ол жерге сени жетдирирге болурбуз». Танду айтханды: «Да биз а жип патчахха барабыз», — дегенди. Ат айтханды: «Ары барсанг, нёгерлеринги элтирге амал жокъду». «Алай эсе, нёгерлерими мен тохтатайм», — деп Танду жашлагъа селешгенди, — алай тохтатыз! — деп. Жашла Тандуну сакълагъандыла. Танду ызларындан жетип: «Мен ёлмейим, былайда тохтатыз! Мен баргъан жерге, сиз барып амал жокъду», — дегенди. «Мен ёлмейим», — деп тилегенде, Ахмат бла Мухаммат барыргъа къарыу тапмагъандыла. (с. 189) Къарындашларын ол жерде кююп, Танду кетгенди. Мычымайын бир жерде бир жарыкъ кёре башлагъанды. «Ол жарыкъ не жарыкъды?» — деп атха соргъанды. «Ол жарыкъ жип патчахны къызыны терезесиндеп чыкыгъан жарыкъды. Чыракъ жарыкъ да туююлдо, от жарыкъ да туююлдо: къызы этиндеп жабылмайын къалгъаны болур да, андан чыкыгъан жарыкъды», — дегенди. Ол сёзледен кутулгъунчу, ат ол жарыкъ чыкыгъан жерге жетдиргенди жашпы. Анда айтханды: «Мени къуйругъумдан тюк ал. Керек кюнконде, туюню отха тийирсенг, мен санга табылырма!» — дегенди. Айтханы кибики атны къуйругъундан тюк алып бошлагъанды. Кеси терезени туюбюнде тохтап, аллахдан тилек этгенди: «Я аллах, мени кёгюрчюн э!» — деп, алай тилегенди. Аллах тилегин къабыл этип, жашны кёгюрчюн этгенди. Кёгюрчюн учуп терезеге мингенди. Терезеден къараса, къызы жингириги ачылып, ол жарыкъ жингиригиндеп чыгъа тура эди. Танду кёгюрчюн суратда барып, къызы жуургъанын ачып, юсюне минип, бурну бла юсюндеп кыакъгъанды. Ол заманда къыз, секирип кюбуп, кёгюрчюнню (с. 190) кёзюне къаран: «Аллахны сыйлылыгына, эки кёзюнг Тандуну кёзлерине ушайдыла, ансы бойунгу юзюп атар эдим!» — дегенди къыз. Экинчи жол къыз кыалкыгъанда, биягъы Танду барып къызы юсюне кюнигъанды. Ол заманда къыз айтханды: «Ай амап, хомух Танду, алай бир кюрктурукъ болуп бери кирирге керек туююл эдинг!» — дегенди. «Кюркыгъандан туююлдо. Алай сен тиширчу эдинг, мен сени бла шагъырей туююл эдим. Тюзюплей кирип келсем, жюрегинге не келир деп, андан этген эдим былай». Къыз бла жаш шагъырей болгъандыла. Ол кюнден башлап къачаргъа оноу этгендиле.

Къызны атасы хар байрым' кюнден келип, къызны кѣрюп кетиучю эди. «Ол кетгенлей, ингирде къачарбыз!» — деп оноу этгендиле. Байрым кюннге дери Танду къызны биргесине тургъанды. Байрым кюн жетгенде, жыйгъышда быстырла артында букъгъанды. Атасы келип, тюшге дери къызны къатында олтургъанды. Ол кетгенден сора, была къачаргъа къуралгъандыла. Ингирликде, хар кереклерин тамам этип, къачаргъа тебирегенде, Тандуну (с. 191) анда болгъанын жип патчахны аскерлерини таматалары билгендиле. Ол къуралып юню къатына келгинчи, была атха минип къачхандыла. Аскерле, ызларындап къуралып, къуугъандыла. Ала жетгинчи, Танду къызны къарындашларына жетдирип, кеси уа, аскерле жете башлагъанда, артха тохтагъанды, аскерле бла урушуп, ол къауумну бирин да къоймай къыргъанды. Экинчи, къарындашларына келип, жолгъа тебирегендиле.

Бара кетип, бир агъачда уллу суугъа жетгендиле. Ол суудан была, кечну излемегенлей, бирси жанына ѳтгендиле. Бирси жанына ѳтүп: «Ким келликди энди бери!» — деп, сууну ол жанында тохтагъандыла. Бир кесек заман кетгенде къарасала — бир жаплары аскерден толуп, ушқокла атыла башлагъандыла. Танду къызны къарындашларына берип: «Бара туругъуз!» — деп жибергенди, кеси уа къайтып, аскерле бла урушханды. Ол кюн аскерлени жартыларып къырып, кеси да, хатасыз, ингирде къарындашларына жетгенди. Экинчи ызындап къуугъун этерге аскерле къоркъгъандыла: «Энди барсакъ, бизни да ѳлтюрлюкдю. Тюнене этмегенибизни бюгюн биз анга эталлыгъыбыз жокъду», — деп. Танду экинчи кюн кеслерини эллерине жет(с. 192)генди, жип патчахны къызын келтирип. Жип патчахны къызын келтиргени эллерине къаугъа болгъанды. Тенг жашлары жыйылып уллу той-оюн этгендиле. Тойда биз да тенсегенибиз, ичги да ичгенбиз, ан да ашагъанбыз.

ТЮШ

Бир адам бир кече тюшюнде ариу жарашдырылгъан ашарыкъла кѣргенди бийикде. Ары-бери айланганды да басхыч тапмагъанды. Экинчи кюн аш ашаргъа унамагъанды: «Мен бюгече басхыч тапмагъанма да, аны ючюн ариу ашланы ашамайып къалгъанма. Энди уа басхыч да элтирикме, кесим да ач болсам, ол ариу ашарыкъладан кѣп ашарыкъма», — деп, ол кюн да, ол кече да ашаргъа унамагъанды. Кече болгъанда, басхычны да ол кѣрген къангасына салгъанды, бир къыйырын кеси жатхан ондурукъгъа жетдирип. Жукълагъанда тѣшекде ары-бери кымылда(с. 193)гъанды, басхычха тийип башында къагдап басхычны къыйырын бычхындыргъанды. Басхыч, келе келип, ол адамы башына тийгенди, башына

тийип теигенди. Ол заманда ол адам секирип, тышына чыктыганды: «Ол ашарыктланы иеси мени урлагъанымы билип, башыма ургъанды!» — деп ол кече, башы да къанай, тышында тургъанды.

6

БИР КЪАТЫННЫ ТОГЪУЗ ЖАШЫ

Бир элде бир жарлы къатын бар эди. Ол къатыншы тогъуз жашы бар эди, бири биринден тели. Эртденликде эртде туруп, тогъузу да тойгъа бара эдиле. Кече къайтып келселе: «Ашат, ынна!» — деп аналарын къыса эдиле. Тапса, ашата эди, тапмаса, жашла къатынны арагъа салып тые эдиле.

(с. 194) «Биз тойгъа барсакъ, анда бизге ашатмагъанларып билмеймисе? Биз келирге ашарыктыны хазыр этип нек турмайса?» — деп. Жашла ишлеген этмей эдиле, къарыулары жокъ эди, кёллери уллу эди. Тые кетип, къатынны эрикдиргендиле. Къатын бир кюн барып ханнга тарыкыгъанды: «Хан, жюйюсхан, тогъуз жашым барды, бири къалмайып телидиле, ишлерге унамайдыла. Эртденликде тойгъа кетедиле, ингирликде къайтадыла да келедиле, «Ашат, ынна!» — дейдиле да мени къысадыла. Тапсам, ашатама. Тапмасам, арагъа саладыла да туюдиле. Былагъа не этеримни билмейме. Санга сорургъа келгенме», — дегенди. Хан айтханды: «Сен жашларынга бирер жангы чепкен эт! — дегенди. — Жаш киши быстыргъа бек алданады. Ол жашла чепкенлени кёргенде: «Бизге бер!» — деп тилерле сендеп. Ол заманда сен алай айт: «Чепкенлени сизге берейим, неге жарарыгъыгъызын айтсагъыз». Айтхан затлары болса, кел да манга билдир!»

Ол кюнден башлап, къатын жашлагъа чепкен къурап башлагъанды. Хазыр болгъанларында, бир кече бир чепкенни чюйге тактыгъанды. Биягъы жашла тойда болгъандыла. (с. 195) Алгъа тамата жашы келгенди. «Ашат, ынна!» — дегенди да апасын къысханды. Аберитапмагъанда, ыннаны туюгенди, сора от жагъада олтуруп, жап-жапына къарагъанды. Чюйге тагъылып тургъан чепкенни кёргенинде: «Ынна, ол а кимникиди?» — деп соргъанды. Къатын: «Меникиди», — дегенди. Жаш: «Манга бер», — деп тилегенди. Къатын айтханды: «Санга берирем, жарар затынгы айтсанг эди», — дегенди. Жаш айтханды: «Эй, ынна, мен быстыр юкюп жабылып турама ансы, быстырым болса эди, къара жерде къара къаргъаны юч жыл алгытып ётгеп ызын элтир эдим баргъан жерине дери», — дегенди. Алай айтханда, къатын чепкенни бергенди жашха. Ол да чепкенни кийип тургъаплай, аны гитчеси келгенди. «Ашат, ынна!» — дегенди. Ашарыкъ тапмагъанда, аналарын туюгенди: «Сен бизге ашарыкъ хазыр этмей. Биз бара да кюн узупу тойда тепсей, ингирликде келсек а ачдан ёле жатабыз. Ол къалай болсун?» — деп алай айтханды. Сора

къарап къарындашында жангы чепкенни кѳргенди. Аны кѳргенде: «Эй, ким бергенди бу аманга жангы чепкенни?» — дегенди. Ол айтханды: «Ол (с. 196) аман ынна бергенди!» — дегенди. Жаш айтханды: «Ынна, манга да берсенг а, аллай чепкенинг бар эсе!» «Санга да берейим, неге жарарыгъынгы айтсанг», — дегенди къатып. Жаш айтханды: «Мени быстырым жокъду да, аны бла артха тыйылама ансы, кюнчыкыгъанны бла кюнбатхаппы арасында ийне кымылдагъанны кѳреме», — дегенди. Ол жашха да чепкенни бергенди анасы. Ючючю жашы келгенди: «Ашар зат жокъмуду?» — деп соргъанды. «Жокъду», — дегенде ыннаы туйгенди. Къарагъанды да жашланы чепкенлери кѳргенди. «Ким бергенди, аманла, сизге бу жангы чепкенлеши?» — деп соргъанды. «Ынна бергенди», — дегенди-ле жашла, — санга да берир, неге жарарыгъынгы айтсанг. «Мени юсюм жалаингачды да, аны себепли кесими кишиге билдирмейме. Анса, аскер бла барсам, жол тапмай, къаягъа тирелсек, къаяны жумдургъум бла тешип, аскер ѳтер кибик жол ѳтерем», — дегенди. Аны айтханда, анасы анга да бергенди чепкенни. Тѳртючю жашы айтханды: «Мен, быстыр ючюн болмаса, дунияда (с. 197) болмагъан уручу болурма», — дегенди. Аналары анга да чепкен бергенди. Аны ызындан келген жаш алай айтханды: «Сен неге жарарыкъса?» — деп соргъанда: «Мен быстыр ючюн былай турама ансы, быстырларым болса эди, бир адам ат бла бир айгъа баргъац жолну бир кюннге барыр эдим», — дегенди. Анга да аналары чепкен бергенди. Алтыпчы жашына соргъанда, ол айтханды: «Мен быстыр ючюн былай тюшюн-генме ансы, элибизге аскер келсе, ол таулу бери тартып, бирси таулу да бери тартып, экисин бир бирине кыысып, аскерни жолун кесер эдим» — дегенди.

Жетинчи жашы айтханды: «Мени быстырларым ахшы болсала эди, кѳкню булутунда ийнени кѳзюн бир атханлай урур эдим», — дегенди. Аналары ол жашха да чепкен бергенди. Сегизинчи жашы айтханды: «Мен кѳкден тюшюп келе тургъан, кесим тенгли бир тартхан ташны, жерге жетдирмегенлей, кѳлда тутарыкъма», — дегенди.

Тогъузунчу жашы абери айтыргъа унамагъанды: «Мен быстыр керекли болсам, тапмаймамы?» — дегенди. Бир да аямай кюрешгендиле: (с. 198) «Керек туйюлдю манга сизни быстырыгъыз!» — дегенден башха сѳз бермегенди.

Экинчи кюн къатып баргъанды, жашланы айтхан хапарларын ханига айтханды. Хан, жашланы чакъырып, бир юйге элтгенди. «Бу юйден, эки жыл болады, мени кызым тас болгъанды. Къалай тас болгъашын киши билмейди. Элтген адамны ызын табарыкъ эсегиз, элтигиз», — дегенди. Къаргъаны къара жерде ызын элтирге айтхан юйню тѳгерегине айланып башлагъанды, бир ызын алып кюн батхан жапына тебирегенди. Къалгъан жети къарындашы да ызындап баргъандыла. Бара кетип, кѳп-аз баргъанларын билген аллахды, бир заманда кенгден къарап бир къарелди кѳргендиле. Ким: «Жаныууар-

ды», — дегенди, ким: «Терекди», — дегенди, не зат болганын бирп да билмегендиле. Ол заманда ол кёздеп жютю айтханды: «Барыгъыз, аманла, ол кешенеди. Бара кетип, къарелдиге жетгендиле, кешенени кёргендиле. Ызны элтген кешенени къатында тохтагъанды: «Ыз мындан ары бармайды, не бар эсе да, кешенедеди!» — деп былай айтханды.

(с. 199) Кешенеде ары айлангандыла, бери айлангандыла, ичине кирирге жол тапмагъандыла. Ол заманда, къаяны тешип, аскер ётер кибик жол этерге айтхан ары ургъанды, бери ургъанды да, кешенеде арба ётер кибик жол этгенди жумдургъу бла. Ичине къарап: «Къыз мында жукълап турады сарыуек бла!» — дегенди. Ол заманда ол дуняда болмагъан гудучу болургъа айтхап къарындашлары ичине тюшгенди, кызыны чыгъарып: «Магъыз!» — деп тышыла бергенди. Ат бла бир айгъа баргъан жолну бир кюннге барыргъа айтхан, кызыны алып, къачханды, къарындашлары да, къолларындан келген къадарда, ызындан баргъандыла. Кёзден жютю артха къарап: «А, энди сарыуек тышына чыгъып къарайды, ызыбыздан къууады, энди жетеди бизге!» — деп хапар айта эди. Ол заманда эки къаяны бир бирине киришдирип аскерни жолун кесерге (с. 200) айтхан эки къаяны бир бирине тартып кысдыргъанды. Болса да сарыуек къаяланы башы бла учуп, кызыны алып къачхан жашха жетгенди. «Къызыны сыйырды!» — деп, кёзден жютю къарындашларына алай айтды.

Сарыуек, кызыны алып, артха учуп келгенлей, кёкню булутунда ийнени кёзюне уругъа айтхан салып атханды: окъ барып, сарыуекни кёзюне тийгенди. Сарыуек ёлюп, кыыз бла кёкде бир бирлеринден айырылгандыла. Ол заманда ол кёкдеп кеси тенгли бир таш тюшгенде аны жерге жетдирмей тутаргъа айтхан жаш кызыны, келе келгенде, къолларын жайып, тынч тюшюргенди. Болса да ол бийикден кетгенде, кызыны эси аугъан эди. Эс киргинчи кыызгъа, алайда сакълап, аязгъандан сора жолгъа тебирегендиле.

Бара кетип, бир заманда эллерине жетгендиле. Ханны кызын элтип, атасына: «Вумуду, о хан, сени кызын?» — деп бергендиле. Хан сейир-тамаша болганды, жашланы кишиликлерине сукъланганды. Ол кюп окъуна: «Сизни жууукълугъубузну сюеме, кызымы къайсыгъызгъа (с. 201) тийишли кёре эсегиз да беремен!» — дегенди. Жашла кызыны юйлерине элтип, бары да бир ыздан «Таматабызгъа аллах огъурлу этсин!» — деп алай айтхандыла.

Бир заманда кичи къарындашлары тойдан келип: «Сау келигиз, къарындашларым! — дегенди. — Не кызды бу кыыз? Не оноу этсиниз?» — деп соргъанды. Жашла айтхандыла: «Къыз ханны кызыды. Хан бизни жууукълугъубузну тийишли кёрюп бергенди кызын бизге. Энди уа таматабызгъа алгъыш этип, цекях этдирейик деп турабыз», — дегендиле. Кичилери: «Алай жарамаз! — дегенди. — Жууукълугъубузну сюйюп хан берген эсе кызын, барыбызгъа да бир кибик бергенди. Таматабызгъа къояргъа къалай жарайды ол!» — дегенди.

Жашла: «Сени ишинг жокъду! Сен бизни бла бармагъанса, биз кѣрген кыйынлыкъланы кѣрмегенсе. Кет кенгиге!» — дегендиле. Жаш айтханды дагъыда: «Сиз кетип айлангъанда, ыннаны тутуп, юйге къарап ким тургъанды? Юй тутхан тынч туююлдо да, мен да юйде кѣбюрек кыйналгъанма. Энди уа кыздан не юлюшюмю бе (с. 202) — ригиз, не да кесими сизге ѳлтюртюрме, не да сизден биригизни ѳлтюртюрме — алайсыз къоймам!» — дегенди. Жашла сагъыш этгендиле: «Кет, бу телиди! Мынга тийсек, адамла айып этерле, аман сагъатлы болсун, не эте эсе да, этерге къояйык!» — дегендиле.

Ол заманда жаш, къайдан келтирген эсе да, бир уллу бичакъ келтиргенди. Бичакъны къолуна алып: «Адам тюз болса, тюзлюк этерге керекди. Бу кызыны хан барыбызгъа да тенг бергенди. Сиз а биреуге къояргъа айтасыз, ол къалай жарар?!» — деп къарындашларына айып этгенди.

«Тас бол! Не этсенг да эт!» — дегендиле жашла. Кичилери айтханды: «Мен юлешirme кызыны. Хар ким юлюшюн алып!» — деп, бичакъны чыгъарып кызыны уругъа керилгенди. Къыз сесгеннгенди: ол заманда кызыны аузундан бир жаныуар чыккыгъанды. Жаш ургъанды да жаныуарны ѳлтюргенди. Дагъыда кызгъа кеженнгенди: биягъы кыздан экинчи да жаныуар чыккыгъанды, жаш аны да ѳлтюргенди. Ол халда ючюнчю да бир жаныуар чыгъаргъанды жаш кызыны ичинден. Аны да ѳлтюргенди. Сора къарындашларына айтханды: «Эхе, къарындашларым, энди таматабызгъа Аллах (с. 203) огъурлу этсин! Ол жаныуарла аны ичинде болуп, бизге адам боллукъ туююл эди. Мен аны билип айта эдим юлешсийк деп, ансы сау адамны туурап юлеширге жарамагъанын мен билмегеним суна эдигиз?»

Ол кюн барысы да алгъыш этип, таматаларына кызыны неках этип, той этип тургъандыла. Хан былагъа кѳп ахча да берип, уллу бай болгъандыла. Бююн, тамбла да сау-саламат, хан бла жууукълукъ жюрютюп турадыла. «Сенден мен ахшыма!» — деп бири айта. «Сенден мен ахшыма!» — деп бири, кесин махтап турадыла! Кичилери «Барыгъыздан да менме юйге себепли!» — деп бююн, тамбла да тойлада айланады. Тынгылагъанла, айтыгъыз: бу къауум жашда къайсы ахшыды, къайсы аманды!?»

7

БИР ЖАШНЫ ТЕЛИ АНАСЫ

Бир жашны бир къарт анасы бла къатышы бар эди. Бир кюн келин ийнекни сауа, анасы бузоуну къоруй (с. 204) болгъандыла. Ийнекни сауа тургъанлай, келинчик эслемейин ийнекни тыякъ бла башына ургъанды. Къарт къатын келинге ачыулангъанды: «Сен атабыз тенгли къарт ийнекни башына тыякъ бла уругъа нечик къолунгдан желди?» — деп айтханды. Келин арсар болгъанды. Къа-

тын айтханды: «Теш да кёлегинги ийнекге кийдир, сыйламай амалыңг жокъду», — дегенди.

Къатынчыкъ не этерин да билмей, сагъыш болгъанды. Биягъы къарт къатыш урушхандан сора, тешип, къымыжа болуп, кёлекни ийнекге кийдире тургъанлай жаш келгенди. «Не этесиз, ышпа, не жүрешесиз?» — деп анасына алай сурагъанды. «Не жүрешейик? — дегенди къатыш. — Келин атабыз тенгли къарт ийнекни башына ургъанды да, энди уа аны сыйлата турама», — дегенди. Жаш айтханды: «А, была телилелле да! Мен быладан тели тапхынчы айланымра. Тапсам, юйге къайтырма, тапмасам, къайтмам!» — деп, бир атха да минип, чыгып кетгенди.

Бара барып бир элге жетгенде, элни аягъында бир юйге къайтып: «Хей!» — деп къычыргъанды. (с. 205) Ол юйден: «Жууукъ бол, не адам эсенг да!» — деп эки къатын чыккъандыла. «Сау болугъуз! Жууукъ болургъа ашыккъан этеме, жолум узакъды. Ахыратха барама да юллем ёчюлгенди да, аны къабындырыргъа къайтхан эдим», — дегенди. Къатынла кюлгендиле: «Тели болур!» — деп от бергендиле.

.

(с. 206) Бара кетип бир элни аягъына жетгенде, эки жаш къатынчыкъ бир къызны къолу къошуннга бекленип, алып келе тургъанлай, жолуккъанды. «Жол болсун, ахшы улан! Къайры бараса?» — деп соргъандыла. Жаш айтханды: «Ахыратха барама», — деп. «Ахыратха бара эсенг, бу къызны къолу къошуннга бекленгенди, энди дунияда бир затха жарарыкъ туююлду да энди уа ахыратха алып бара эдик. Жол да танымайбыз. Сени жолуккъаныңг ахшы болду. Бар, бизни тиширюу хатерибизни этип, муну ала барсанг тилейбиз!» — дегендиле. «Аманат къыйынды. Мен аны ол аман жоллада элталмам», — дегенди жаш. Къатынла дагъыда тилегендиле. «Къыйын болса да, къаты тилейсиз да, сиз айтханны этерме», — деп жаш къызны ат бойнуна алгъанды. Элте кетип, бир шагърей юйюне къайтханды. Къызны ол (с. 207) къатынладан айырылган бла, къопсунун ургъанды да сындыргъанды. Къызны элтип: «Мен къайтхынчы мында тутугъуз!» — деп ол шагърейледе къойгъанды.

Андан кетип, бир элге баргъанды. Ол элде бир бийни юйюне къайтханды. «Хей!» — деп сёлешгенде, къарауаш чыккъанды. «Жууукъ бол, не адам эсенг да!» — дегенди. Жаш айтханды: «Сау бол! Ахыратха барама да, юллем ёчюлюп, аны къабындырыргъа къайтханма», — дегенди. Къарашауай юйге кирип, ол юйде бийчеге айтханды: «Бир жаш: «Ахыратха барама», — деп алай айтып келгенди. «Ахшы болду да, бийни аты, кереги, кеси ёлгенде, мында къалгъан эдиле да, ары жиберирге адам табылмайын тура эди. Энди уа ол жашны бери чакъыр, андан тилейик, ол затланы бийге элте барсын деп», — дегенди бийче. Къарауаш тышына чыгып: «Бийче чакъырады сени», — деп жашны юйге кийиргенди. Жашха ашатхан

этгендиле, ичирген да этгендиле. Ызы бла бийче айтханды: «Мени эрим айланыучу киши эди. Ёлюп кетгенди, Аты, кереги мында к'алг'анды. Анда ала себепли жарсый болур, амал бар эсе, мени хатерими к'ёрюп, ол зат (с. 208) ланы ала бар!» — деп тилегенди. Жаш: «Сен тиширыуса, сени хатеринги к'ётюрмесем, айыпды. К'ыйын болса да, элтirme», — дегенди. Бийни атын да, ат керегин да жыйып, юс быстырларын да к'урап жашха бергендиле. Аланы да алып, жаш жолуна кетгенди. «Была да ючюнчю телиле», — деп. Элден чык'г'анлай, ахшы быстырларын да кийгенди, ол ахшы атха да мингенди. Бара тург'анлай бир элли к'атында бир гитче к'ызчык суу келтире жолук'г'анды. Жаш к'ызны сууундан ичгенди. Жаш кетгенден сора к'ызчык душияны жабу этип жиялг'анды. Ол тийре адамдан толг'анды. Келген адамла: «Нек жияйса, к'ызы? Не болг'анды санга?» — деп сорг'андыла. Жашны к'ергенде: «Хей, барг'ан! Алай тохта!» — дегендиле. Жаш тохтаг'анды. Тохтаг'анда, адамла сорг'андыла: «Нек жиятханса к'ызны?» — деп. Жаш айтханды: «Мен к'ызг'а тиймегенме. Нек жияйса деп сормаг'анмысыз?» Адамла к'ызг'а сорг'андыла: «Ол жаш санга тиймеген эсе, нек жияйса да сен?» — дегендиле. К'ыз айтханды: «Мен (с. 209) нек жияймамы?! Эсиме былай тюшюп жияйма: эрге барсам, менден жаш тууса, ол уллу болуп, бу атлы кибик атлы болса, аскерге барып ол жашым ёлсе, ма былай жиярма деп жияйма!» — дегенди к'ыз. Ол адамла айтхандыла: «Биз а эгечибизден тууг'ан к'азуатда ёлсе, аны к'анын ма былай алырбыз!» — деп, к'амаларын чыг'арып, ур да бир бирини башын кетер, бир бирини к'улагын кетер, бир бирини билегин кетер. Алай бла ол тийрени к'аннга алдырг'андыла. Жаш туурадан к'арап айтханды: «А, быладан тели душияда болмаз». Ахыратха барсам да, тапмам быллай телиле. Андан эсе юйюме к'айтсам ахшыды», — деп салып юйюне келгенди, ол к'олуна к'ошуп бекленнген к'ызны да, ол бийни атын, керегин да алып.

8

ТЕЛИ К'АТЫНЫ БОЛГ'АН КИШИ

Бир кишини телирек к'атыны бар эди. К'ыш дегенни билмей эди не болг'анын. Эрине, ашаг'анда, к'атык'ны уллу бере эди. Эри айтыучу эди:

(с. 210) «К'атык'ны азырак' бере тур! К'ыш келсе, тапханынг болса, анда берирсе!» — деучю эди. К'атын саг'ыш этиучю эди: «Бу к'ыш деген зат, не зат болур?» — деп. Апы алай болушун, элде бир антсыз болг'анды да, ол билгенди. Бир кюн ол антсыз киши бир аман быстырла да кийип, ол к'атыннга барг'анды. «Кюн к'олай болсун, к'атын!» — дегенди. «Сау бол! Нек келгенсе!» — дегенди к'атын. «Мен к'ышма, к'атык'ланы жыя айланама. Сенде да не

бар эсе да, чыгъар да бер!» — дегенди ол аптсыз киши. Къатын чыгъаргъанды да бергенди. Бир бёлек кюн да къатын эрине кзуру гыржып ашатханды. Эри алай айтханды: «Мен а бир да берме депми айтхан эдим къатыкыны? Бир кезпуде къатыкъ да бер!» — дегенди. «Къатыкъ а къайда табайым?» — дегенди къатын. «Не болгъанды да къатыкъларыбыз?» — деп киши соргъанды. Къатын айтханды: «Нек, кыш келсе, берирсен деп айтыучу эдинг да. Бир кюн кыш келгенди да, къатыкъланы анга бергенме!» — дегенди. — А-а, бу телиди да! Маржа болайым, мындан (с. 211) тели тапхыгчы айлап-масам! Мындан тели тапсам, къайтырма, мындан, тели тапмасам, мен бу журтха къайтмам!» — деп эки инбашына да бир аман артмакъла салып, кеси да бир аман быстырла да кийип кетгенди. Кёп айланып, бир кюн бир элге киргенди. Элде кетип бара тургъаплай, бир къарауаш жолукгъанды. Бу, кишини кёргенде: «Сау келгин, Ахырат! — деп кишини кюлуи тутханды. — Тышчымыдыла бары да Ахыратдагыла? Бизни жюйюсхан а не ишлейди?» — дегенди. Киши айтханды: «Хайт деп турады сизни жюйюсхан да. Ат керекге, къайишге бек устады. — «Къайишле, сахтиянла, аллай затла кёп жиберсинле», — деп къаты айтдыргъанды», — дегенди ол киши. Къарауаш: «Хапарынгы бийчеге айтайым!» — деп кзууулун кетгенди. Бийчеге келип айтханды: «Ахыратдан киши келгенди. Жюйюсханнга жиберлик затынг бар эсе, жибер! Мен хапарын сорганма. Тышчы, хайт деп, ат керекле этип турады», — дегенди. Аны эшитгенде, бийче кзууаппганды: «Бар да ол кишини терк окъуна бери (с. 212) келтир!» — дегенди. Кыз кзууулгъанды да, кишини алгъанды да келгенди. Кишини бек сыйлы кёргенди. Кетип тебирегенде, кёп характер да бергенди: «Жюйюсханнга элт», — деп.

Киши кетгенди. Ол кетгенлей бий келгенди юйге. Бийче къатын махтанганды: «Ахыратдан киши келген эди да, жашынга ахчачыкъ да, къайишле, сахтиянла да жибергенме», — дегенди. Киши билгенди: «Ким эсе да быланы алдап барады. Кзууулургъа керекди ызында!» — деп атына мингенди. Бир заманда ол алдап баргъан киши артына къарап, бийни жетип келгенин кёргенди. Ол жетгинчи, бир сабан сюре тургъан кишиге къайтханды. Айтханды ол кишиге: «Кёремисе анда келген атлыны? Ол сени башынгы суулукгъа алыргъа келеди. Андан эсе, ол жетгинчи, къач да ма ол терек башына мин!» — дегенди. Сабан сюре тургъан киши баргъанды да терекни башына мингенди. Атлы жууукъ жетгенде, терек башында киши алай сагъыш этгенди: Мен бери мингенликге, ушкок бла атар да (с. 213) ёлтюрюр, башымы уа алыр да кетер. Андан эсе ол мени ёлтюрюпчю башымы суулукгъа жарамаз кибики этейим!» — дегенди, жашында бичагы болгъанды, бичакъны чыгъарып, башын бичакъ бла силди.

Аны кёргенде, бий сейир этип, терек башында адамгъа къарап къалгъанды. Ол заманда ол бирси киши бийни жюгенип атдан алып, ёгюзлени да аллына сюрюп кетгенди. Бир заманда бий эслеп къа-

раса: атыны жүгени да жокъ, сабан сюрген киши да, ёгюзле да жокъ! Терек башында киши, бийден кьоркыгъандан, тюшмегенди энишге. Бий да кетгенди, киши да тюшгенди. Ол заманда ол бирси киши жетер жерине жетгенди.

БИР КИШЕНИ ЮЧ КЪЫЗЫ

Бир кишини юч къызы, бир къатыны бар эди. Къатыны ёле башлагъанды. Ол ёле башлагъанда, къызларын чакъырып, осуят этгенди: «Атагъыз къатын алыргъа суюсе, тыймагъыз. Кеси аламан демесе, ал деп къысмагъыз», — дегенди. Бир-эки жыл кетгенден сора, киши къатын алыргъа иш (с. 214) этип башлагъанды. Бир жерден бир къатын келтиргенди. Ол къатын дуняда болмагъан огъурсуз болгъанды. Ол, къызлагъа аш ашатмайып, ачдан къолайсыз этгенди. Аталары агъачха бара, андан алмала, кертмеле келтире, къызла аны ашай, — алай бла бир бёлек жыл тургъандыла. Бир кюн аталарына алай айтхандыла: «Сен бери ташып кёп къыйналаса, андан эсе бир кюн бизни кесибизни да элт, бир аз асламыракъгъа болур кирик жыарбыз!» — дегендиле.

Ол кюн аталары агъачха баргъанды. Жолда бара-бара аман акъыл тюшгенди эсине: «Мен быланы жазгъыда алма бла, кертме бла кечиндирейим, къышда уа не этерме? Ол заманда уа ёллюкдюле, андан эсе шёндю ёлсюнле. Кёз ташамда къоярма да кетерме!» — дегенди. Ол кюн агъачны бек теренине барып, бир алма терекни туюнде уру къызгъанды. Уруну башын чырпыла бла жапханды. Терекни, бир да къоймайын, къагып, алмаларын ол уруну башына къуйгъанды. Бир кесек алмала да алып, ингирде юйюне келгенди.

Экинчи кюн къызларын ючюсюн да арбагъа миндирип агъачха элтгенди. Ол терекни туюне элтип, арбаны уру болгъан жанында тохтатханды. Къызла арбадан ючюсю да (с. 215) тюшгендиле, бирден уруну башына минип, алмала ашап башлагъандыла. Ашай тургъанлай, уруну башы батып, ючюсю да бир кирик уругъа тюшгендиле. Ол киши, уруну къызгъанда, гетменин ичинде унутхан эди. Къызлагъа алмала тёгюп, кеси уа арбасына минип аргъа айлашып къаханды. Ол къызлары кичилери ол кюнден окуна башлап уруну башына жол ишлеп тебирегенди. Аллах билсин, ол уруда аз тургъанларын, кёп тургъанларын. Бир заманда, жол битип, тышына чыкыгъандыла. Агъачда ажашып, теренине кетгендиле. Кюндюз, не тапсала да, ашай эдиле, кече терек башына минип, анда жукълай эдиле. Айлаша кетип, бир заманда ол ыз бла талагъа чыкыгъандыла. Ол таланы къыйырында бийик терек болгъанды, ол терекни тохташ жерге сайлагъандыла. Кюндюз, агъачда айлана, алма ашай, кертме

ашай, кече болса — келе да ол бийик терекни башында кѣала. Ол ыз
бла кѣп тургъанларын, аз тургъанларын билген аллахды. Тургъан-
дыла ол жерде.

Бир кюн ингирде, кѣызла терекни башында тургъанлай, бир хап
жыйыны бла уугѣа айлана келип, ол терекни тѣбюнде тохтагъанды.
Кече, ол адамла жукѣлагъандан сора, кѣызланы кичилери тѣшген-
ди энишге. Барып кишилени ашарыкѣларындан ѳрге, терекни башы-
на, чыгъаргъанды. Кеси, (с. 216) энишге тигелеп, жолоучу кишиле-
ни жыртылгъап затларын бир да кѣоймагъанлай жамагъанды. Эрт-
тенликде, адамла кийининген заманда, хар киши сейир болгъандыла:
«Мени чепкеним жыртылгъан эди да, ол жамалыпды». «Мени тѣй-
мем жокѣ эди да, тѣймем салыныпды!» — деп уллу таурух этгенди-
ле. Экинчи кюн агъачдап айлана келгенде, биягѣы жыйын «Бу терек
огъурлу терекди бизге», — деп ол жерде кѣалгъандыла.

Ол кече да ол кѣыз тѣшѣп эгечлерине ашарыкѣ чыгъаргъанды.
Кеси, тигелеп келип, биягѣы кишилени кѣарар затларына кѣара-
гъанды. Экинчи кюн, эртденликде, бѣтѣюн уллу хапар этгенди-
ле. Ючѣюнчѣ кѣнде биягѣы ханны жыйыны келип, ол терекни тѣбюнде
тохтагъанды. Ол кече кѣалауурла этгенди-ле. Биягѣы кѣыз, биягѣы
заманда энишге тѣшгенди, адамланы керекли затларына кѣарагъан-
ды, эгечлерине ашарыкѣ чыгъарып терекке мингенди. Ол заманда
ол кѣалауурладан бирлери хар не этгенин кѣрѣп тургъанды. Танг
атханды, барына да хапар айтханды. Кѣарасала, терекни башында
ѣч кѣыз кѣргенди-ле. «Тѣшѣюгѣз!» — дегенден сора, кѣызла тѣшген-
ди-ле. «Не айланасыз, не излейсиз бу агъачда сиз, тиширѣула?» —
деп соргъанды. Болушларып, хапарларын айтхандыла ханнга.
(с. 217) Хан: «Была абери-ге жарасала эди, мен элтир эдим», — деп
сагѣыш этгенди. Соргъанды кѣызлагѣа: «Сиз эрге барсагѣыз, эри-
гизни несипе жарарыкѣсыз?» — деп. Кѣызла айтхандыла: «Мен, —
дегенди таматалары, — жортууулда жѣрѣѣѣючѣ кѣшим болса, эрим:
«Тамбла атланама», — деп манга билдирсе, ол кече жыйынына бла
кесине бирер кѣаты быстыр битдирirme». Экинчи кѣыз айтханды:
«Мен, аллай киши эрим болса, бир кечеге ол жортууулдап кѣайыт-
хынчы нѣерлери бла кесине болур кѣбик ашарыкѣ этерме», — де-
генди. Кичи эгечлери: «Сен а неге жарарыкѣса?» — деп соргъанда,
айтханды: «Мен ѳзгеге жарарыгѣымы билмейме. Алай менден эки
сабий тууарыкѣды, дѣпиягѣа туумагъан кѣбик аллай сабийле бол-
лукѣдула». Хан кѣатынсыз болгъанды. Кѣарагъанды да: «Элтейим
мен быланы ѣѣѣюсѣюн да!» — дегенди. Кѣызланы ѣѣѣюсѣюн да ханны
ѣѣѣюне келтиргенди-ле. Мында тургъандыла.

Бир кюн эки тамата кѣатышына айтханды: «Тамбла тѣѣѣюл, бир-
си кюн жортууулгѣа барама. Этер затларыгѣыз бар эсе, этигиз!» —
дегенди. Ол эки кѣыз ѳтѣрюк айтхан эдиле. Кичи эгечлери ѣа буѣаз
болуп, ол заманда кѣозларгѣа жетип тура эди. Хан кетип башла-
гъанда, (с. 218) кѣыз айтханды: «Сен кетсенг, мен аурѣп болсам, не
этерме?» Хап айтханды: «Кѣѣѣбюрде алтын сынжыр барды. Ауруй

болсанг, сынжырыны зыпгырдат! Ол заманда, акъ ат сау болса, менн берн тапдырыр.

Быланы алай айтханыларын ол эки къатында бирлери тынгылап эшитгендиле. Хан кетген бла барып ол къатынла акъ атны къулакларына балаууз буштукъ этгендиле.

Бир кюн къатын ауруп бацлагъанды. Баргъанды да кюбюрде алтып сынжырыны зыпгырдатханды.

Болса да, акъ ат эшитмегенди сынжыр тауушну. Къатын кюзлагъанды. Айтханы киби алай тауушлукъ бир жаш бла кыз тапханды. Эгечлери кызыны да, жашны да кетерип, тешегине эки жаны туугъап ит кючюк атхандыла. Жаш бла кызыны кюбюрте салгъандыла, кюбюрню тышын мелте бла тышлагъандыла. Ол халда элтип, алларында уллу суу болгъанды, кюбюрню сабийлери бла суугъа атхандыла. Ханнга хапар этгендиле: «Къатынын ит кючюкле тапханды», — деп. «Мен жетгинчи ит кючюклерин да, кесин да элтип, адам болмагъан жерге, келалмаз киби (с. 219) аллай тереп агъачда атыгъыз!» — деп атлы кзуугъанды ол хан. Ол кюн окъуна къатыншы элтгендиле, агъачда атын кетгендиле. Къатын агъачда алма ашай, кертме ашай, кышына болур киби жыя, ол халда тургъанды ол агъачда. Аллах билсин, аз тургъанын, кеп тургъанын, ол ит кючюкле къарт итле болгъунчу тургъанды.

Кюбюрню атхан суулу тебен жанында бир къарт киши бла къарт къатын чабакъ тутуп тура эдиле. Бир кюн къарт киши ауну суугъа салгъанды. Чыгъаргъанда, кюбюрню керюп, суугъа бошлап кюйгъанды: «Аллах берди бизге ашау. Ингирде къарт къатын да мен да чыгъарып ачарбыз», — дегенди. Ингирде экиси да барып кюбюрню чыгъаргъандыла. Юйлерине келтирип ачып ктарасала, кюбюрню ичинде жаш бла бир кызычкык бир бирлерине кюле тургъанларын кергендиле. Ол кюнден башлап, къарт киши бла къарт къатын ол сабийлеге сют ичирип, къарап башлагъандыла. Сабийле жылгъа ёсериклерин, айгъа ёсюп, ай ёсериклерин кюннге ёсюп, кюн ёсериклерин сагъатха ёсюп тебирегендиле. Бир жылгъа жаш кекде чычкыкланы кеси (с. 220) ишлеген садакъ бла ёлтюрюп башлагъанды. Экинчи жылгъа тюкю, кюян, бёрю ёлтюрюп башлагъанды. Юч жылны ичинде болмагъан аллай мараучу болуп, батыр улап да болгъанды.

Жаш агъачда уугъа айланып башлагъанды. Къатын бла киши кюркыгъандыла кеслерине. Бир кюн айтхандыла жашха, кызыгъа: «Ма былайды сизни болушугуз! Бизни сабийибиз болмагъанын хар ким да биледи. Бир заманда бизге хатагыз жетер. Андап эсе былай агъачда башхаракъ туругъуз. Бир бирибизге тохтамайып жюрюрбюз!» — дегендиле. Экинчи кюн кыз да жаш да агъачда кюп салгъандыла. Кийиклени кырып, жаш кюшну тюбун да, тегерегин да тери бла тышлагъанды. Эки кюнден бир къарт киши бла къарт къатын келиучу эдиле. Хар заманда, къарт айтыучу эди: «Отугъузну ёчюлтмегиз! Отугъуз ёчюлсе, келип мындан элте туругъуз!» —

деп. Жаш эртденликде агъачха кете, ингирликде келе тургъанды. Ол келирге къыз апарыкъны хазыр этиучю эди. Бир кюн оту ёчюлгенди. Къарагъанды да къыз кенгде бир тютюн кёргенди. Тютюн чыкъгъан жерге, от алыргъа деп баргъанды. Ол юйде эки тиширыу кёргенди. Ол эки тиширыу: «Кимни кызыса?» — деп соргъандыла. Къыз болушун айт (с. 221) ханды. Болса да къатынла ишекли болгъандыла кыызгъа. Элекни кюлден толтуруп, башына от салып: «Элей, элей бар ансы ёчюлюр!» — деп кыызгъа бергендиле. Къыз юйге келгенди. Ингирде къарындашы да келгенди. Отну ёчюлгенин анга къыз айтмагъанды.

Экинчи кюн къарындашы агъачха уугъа кетгенди. Ол кетгенлей, ол къатын ол кюлню ызы бла къошларына келгенди. Ол кюн ол къатын ингирликде дери анда туруп, кетерге тебирегенде, айтханды: «Сени къарындашынг ахшы жаш болур. Негиз да игиди. Бир юй ишлеп, аны ичинде (с. 222) жашасагъыз эди». «Къалай ишлесин жапгыз жаш юй? Жетишмейди, ансы ишлер эди», — дегенди къыз. «Мен тынч амал юйретейим юй ишлерге, — дегенди къатын. — Ол жерде, ол жерде бир кёл барды. Ол кёлден суу келтирип, бир кесегин, төрт агъачны сюеп, аланы юсюне сепсе, жюреги нелляй юйню сүйсө, накъут-палмаздан аллай юйле ишленелле. Сени къарындашынг ахшы жаш эсе, айт да аллай юйле ишлет!» — деп кетгенди.

Ингирликде жаш келгенде, кызыны мудах болуп кёргенди: «Не болгъанды санга? Нек мудахса?» — деп соргъанды. «Мудах болмай пеге къууанайым мен?! Сен эрттенликде кетесе, ингирликде уа келесе. Сен келгинчи мен бу къошда тери ийисден туралмайма! — деп алай айтханды къыз. — Мени ыразы этерик болсанг, ол жерде, ол жерде бир кёл барды. Ол кёлню сууундан келтирип, бир юйле ишле!» — дегенди. «Сени апы себепли мудах этмебиз. Керти эсе аллай кёл бар болгъаны» — дегенди жаш. (с. 223) Экинчи кюн, эртденликде, жаш къарт къатын бла къарт кишиге баргъанды. Ол эгечи айтхан сёзлени алагъа айтханды. «Ары кёлге барыргъа болмаз, — дегенди къарт киши, — ол кёлге баргъан сау къайтмайды. Ким къозутхан эсе да кыызшы, сени ёлтюрюрге деп къозутханды». Къарт киши келип кыызгъа кюрешгенди: «Къой! Ким юйретген эсе да, сизни сүймей айтханды. Ары баргъан сау къайтмайды!» Не кюрешсе да, къыз унамагъанды. Ол заманда жаш: «Барайым», — деп тебирегенди. «Алай болса, менде бир къара ат барды, анга мине бар!» — деп, къарт киши кёлню хар хапарын жашха юйретгенди. Къарт айтханды: «Ол кёл ары бла бери толгъан этеди. Толгъаны артха айланган кезиуде жет да суудан ал!» — деп алай айтханды. Жаш бир гыбытны да алып, атха минип кетгенди. Бара кетип кёлге жетгенди. Кёл бери толгъан болуп артха айланганында, жаш чабып, гыбытны суугъа сугъуп, артха къачханды. Суу жетип жашны атыны къуйругъуну жартысын туюшургенди. Юйге келип, төрт къанганы ёрге сюеп, жюрегине бир ахшы юйлени келтирип, суудан сепгенди. Ол сагъатдан башы булутха жете аллай тоханала сюелгендиле!

Биягъы жаш хар кюнден уугъа кете эди. Бир кюн жаш кетгенлей, биягъы къатын келгенди. Айтханды къызгъа: «Кёрдюнгмю, мен санга нечик ахшы айтхан эдим!» — деп. Ол кюн ингирге дери тургъанды. Кетип (с. 224) башлагъанда, къатын айтханды: «Юйле бир иги, ахшы болгъандыла. Алай санга эрикмезге бир жерде бир тон барды: эки езиую къобуз согъа, эки женги харс къагъа, эки этеги тепсей. Ол тонну келтирсе эди сени къарындашынг, ол заманда сен эрикмез эдинг», — алай айтып къатын кетгенди. Жаш келир заманга биягъы къыз мудах болгъанды. Къарындашы: «Не мудах болгъанса?» — деп соргъанды. «Сен эртденликде кетесе да, мен мында кесимлей къалама. Эригеме да, андан мудах болама! — дегенди. — Бир жерде бир тонну хапарын эшитгенме: эки езиую къобуз согъа, жепги харс къагъа, эки этеги — тепсей. Ол тонну келтирсенг сюе эдим!» — дегенди. «Амал болса, барырма, келтирirme», — деп оноу этип жатхандыла. Танг атханда жаш биягъы къартлагъа баргъанды: «Эгечим былай-былай бир тонну хапарын айтады:

«Аны келтирсенг сюе эдим», — дейди. Къарт киши жашха урушханды: «Сени эгечинги ким эсе да къозутхан этеди. Сен тели туйюл эсенг, ол айтханга нек къарайса?» Жаш да, къарт киши да келип биягъы къызгъа кюрешгендиле: «Къой! Жиберме ары жашны! Ары баргъан сау къайтмайды. Къарындашынг анда ёлсе мудах болурса!» Алай болгъаны кюн къыз унамагъанды.

Экигчи кюн жашны биягъы атха да миндирип, факъыра быстырла да кийдирип, жолуп юйретип жибергенди къарт киши. Бара кетип, айтхан жерине жетгенди. Дуния адам жыйылып кёргенди жаш. Арада тебе болгъанды. Тебени юсюнде бир алтын тон къобуз согъуп, харс къагъып, тепсей эди. Жаш сейирсиннген кибик этгенди, аты (с. 225) ёчхеге акъсагъанды. Ол адамла бир бирлерине: «Ётме къоюгъуз бу факъырны!» — деп алай айтхандыла. Жаш сейирсиннген кибик эте, тонну къатына келгенди. Андан жууукъ тоннга киши болмагъанды. Къарай кетип тонну сермегенди, атып ургъанды. Къалай тас болгъанын киши кёрмегенди. Ол кюн жаш юйюне келгенди.

Биягъы жаш уугъа кетгенде, ол къозутуучу къатын келгенди. Ингирге дери тонну тепсетип, ашап-ичип тургъанды. Кетип башлагъанда айтханды: «Бу юйле да, тон да бек ахшыдыла. Энди ол жерде, ол жерде бир къызны бир кюзгюсю барды. Жюрегине не зат тюшюп къараса, аны ол кюзгюню ичинде кёреді. Санга уа бек керекли зат эди ол кюзгю. Къарындашынг хар кюнден кетип айлананды. Эсинге тюшгенде, кюзгюню алып къарасаңг, кёре турлукъ эдинг», — алай айтып къатын кетгенди.

Ингирликде жаш келгенди. Эгечин мудах болуп кёргенди. «Нек мудахса?» — дегенде «Сен эртденликде кетесе, ингирликде дери сени кёр (с. 226) мейме да, андан мудах болама. Мудах болмаз эдим, бир жерде бир къызны кюзгюсю барды, эсине не тюшюп къараса, ол затны кюзгюде кёреді. Ол кюзгю менде болса эди, сен къайда болсанг да, къарап, сени кёре туруп эдим, — дегенди къыз. — Сени кёрсем а

бир да мудах болмаз эдим». Экинчи кюн биягъы жаш барып къарт кишиге къызны айтханын бидиргенди. Къарт айтханды: «Ол бир къызны кюзгосюдо. Ол къыз бир элге бийди. Юйюню тегерегин бийик буруу этгенди. Бурууну башында кзонгуроулары барды, аз тийгенинг бла, бары да таууш этин, элни уятадыла. Эшикни юсюнде къалауурлары барды, ичинде кесинден башха адам жокъду. Жукълап тургъан ууахтысында тюбесенг, кюзгюню юйден чыгъараллыкъса. Буруудан секиргенде, кзонгуроулагъа тиймесенг, киши да биллик туююлдо». Ол заманда жаш: «Барырма!» — деп мурат этгенди.

(с. 227) Биягъы къара атха минип жаш кетгенди. Бара кетип, ол элге жетгенде, къарагъанды да ол къызны юйюн кенгден таныгъанды. Адамла тынчайгъан ууахтыда бурууну къатына барып, атын ары-бери жагъы этгенди. Буруугъа аллын айландырып чапханды. Ат бир затын да жетдирмейин буруугъа, ичине тюшгенди. Атны эшик юсюнде къоюп, жаш юйге киргенди. Чабып кюзгюню сермегенди. Кюзгюню алып къачханда, къыз тышына чыгып кычыргъанды: «Эй, мени къалауурларым, бир адам суйген кюзгюмю алып къачып барады!» — деп. Ол ууахтыда жаш секирип атына мингенди. Атын къамичи бла ургъанды, ат бурууну тышына къутулгъанды. Болса да, кзонгуроулары таууш этдиргенди. Эл жашны ызындан къуугъун (с. 228) болгъанды. Болса да, жашха жеталмагъандыла. Ол кече жаш юйюне келгенди.

Экинчи кюн къыз: «Ярабий, мени анам къайда болур?» — деп кюзгюге къарагъанды. Кюзгюде агъач ичинде айлана тургъан бир тауусулгъан адам кёрюнгенди. Ол кёргенин къарындашына айтханды. Қарындашы: «Мени анам алгъын не тукъум эди да, энди нелляй болгъан болур?» — деп кюзгюге къарагъанды. Кюзгюде алгъын бир ариу тиширү кёрюнгенди, ызы бла бир терең агъачда адам болгъаны, не болгъаны билинмеген бир зат кёрюнгенди.

Жаш анда болмагъанлай бир кюн биягъы къатын келгенди. Къыз бла сёлеше тургъанды. Кюзгюге алгъыш этгенди. «Кёремисе мен сени печик бек сиеме! Ол жерде айтдым да тонну келтиртдим, алгъын айтдым да юйле ишлетдим, артда (с. 229) айтдым да кесинг суйгенни кёргюзтген кюзгю келтиртдим. Бары да ахшы затладыла. Энди сен къарындашынгы бек сие эсенг, ол жерде, ол жерде алтын чачлы, кюмюш тишли аллай бир къыз барды да, аны айтып къарындашынга къатынга алдырсанг, къарындашынгы бек суйгенинги анда билirme», — деп кетгенди.

Къыз, къарындашы келгенде, алгъын халдан мудах болгъанды. Жаш: «Нек мудахса?» — деп соргъанда, «Неге къууанайым мен? — дегенди. — Жаңгыз сенсе дунияда манга багъа болгъан. Сен бир къатын алып юй болсанг, мен ыразы эдим», — дегенди. «Сени бир заманда да мудах этмегенме. Сен айтхан жерден къатын алырма», — дегенди жаш. Къыз айтханды: «Мен эшитгенме, бир жерде алтын чачлы, кюмюш тишли бир (с. 230) къыз барды деп. Ол къызны келтирмесенг, ыразы боллукъ туююлме» — деп.

Экинчи кюн жаш биягы к'артлаг'а барг'анды. Эгечини айтханын алаг'а айтханда, бек мудах болг'андыла. «Бу жол сен бир да к'айтмазса, дегенди к'арт киши. — Ары барып к'айтхап киши жокъду!» Жашны жиберирге унамайын к'еп кюрегендиле. К'ыз аш ашарг'а унамай тохтаг'анды. Ол заманда жаш барырг'а тебирегенди. «Бара эсенг, биягы атха мин!» — дегенди к'арт киши. — Барсанг, к'ыз уллу к'аланы башында турады. Кенге тохтарса: «Эй к'ыз, манга келемисе?» — деп юч кере к'ычырырса. Ол заманда к'ыз кюлсе — насыбынг, кюлмесе — алайда атынг, кесинг да таш сын болуп к'алырса!» — дегенди к'арт.

Жаш биягы атха минип кетгенди. Бара кетип к'аланы к'атыла жетгенди, ол тийре сындан толуп к'ергенди. Бу да барып, к'аланы тюбюнде тохтап, к'ычырг'анды: «Ой к'ыз, манга келемисе?» — деп юч кере к'ычырг'анды да, к'ыз кюлмегенди. Жаш ол жерде таш сын болуп к'алг'анды.

Келмегенден сора, эгечи тансыкъ болуп, к'юзюге к'араг'анды. (с. 231) К'араса, жаш сын болуп тура эди. К'ыз дунияны жабуг'а алдырып, к'арт киши бла к'арт к'атыннга барг'анды. К'арт киши айтханды: «Жилияма, ахшы к'ыз! Сен этгенсе ол хатаны. Анса башха адам бир хага да этмегенди», — деп. К'ыз к'айдан эсе да бир ат табып, эркекыруу быстырла да кийип, атха минип кетгенди. Бара кетип, к'ыз болг'ан жерге жетгенде, аны туурасыпа барып к'ычырг'анды: «Ой к'ыз, сени уллу к'елюнг аз болсуп, мынча адамны таш этип! Сени чачынг алтын эсе, мени чачым нак'ут-налмазды; сени тишлеринг кюмюш эселе, мени тишлерим инжидиле!» Ол заманда к'ыз кюлгенди, ол кюлгенлей, бир да к'алмайын таш сынла эрип адам болг'андыла.

К'ала башында к'ызны, бирси к'ыз к'арындашына алг'анды. Анда болг'ан адамла бары да киеу н'егерле болуп тебирегендиле.

Юйге келгенден сора, жаш биягы санлап бир ууг'а кетиучю эди. Бир кюн, аг'ачда бара тург'аплай, бек тереңде эки ит чапхандыла. Итлени к'ыстаг'анда, итле бир терек тюбюне к'ачхандыла. Жаш ол терекни к'атына (с. 232) жууукъ барг'анды. К'араса, терекни тюбюнде бир жаныуар к'ергенди. Ол жаныуарны к'атына барып, адам болг'анын билгенден сора, сыртына к'етюрюп келтиргенди. Юйюнде жилик ашатып алай бла ол адамг'а жан киргенди. Бир айдан сора ол адам бек ариу болг'анды.

Бир кюн к'ызны к'озутуучу к'атын келгенди. К'арап к'атынны к'ергенде, артха к'айтып кетгенди: ол к'атын аны эгечи болг'анды, жаш аг'ачда табып келтирген тишируу апалары болг'анды, ол к'ызны келип к'озутуучу к'атын аналарыны эгечи болг'анды.

Ол хан бир кюн жортууулга барырга кѳуралганды. Кѳатынларына айтханды: «Хопшу тишируланы жыйыгъыз! Мен жортууулга барлыкма да, быстыр, ашарыкѳ этигиз!» — дегенди. Бир кѳатыны айтханды ханнга: «Былайда, агъач ичинде, бир жаш барды, аны бир ариу эгечи барды. Ала да хопшудула. Бизге келтирге упаса, ол кѳызны да келтирейимми?» — дегенди. «Келтиригиз!» — дегенди хан. Арба жегин, арба бла кѳызла жиберген (с. 233) диле. Ол агъачда кѳызны келтирирге барган кѳызла келип: «Хан жортууулга барады да, бир-эки кюн сени анда тигиу этерге тилей келген-биз», — дегендиле ол кѳызга. Кѳыз анасына айтханды кѳызланы тилей келгенлерин. Кѳатын: «Бар, хата тѳуйюлдо, — дегенди, — аллай жерде таурух кѳн айтылычуду. Сени таурух айт деп кѳыс-сала, сен былай айтырса», — деп алгын ол юч да эгечни аталары элтип агъачда атып кетгенден башлап, ол кеслери агъачда юй болганнга дери кѳызга юйретгенди.

Кѳыз ханны юйюне барганды. Хан кѳызны кѳргенде, кѳызга жүреги жабышханды. Ишлей кетип, бир кече ишден эрикгенден со-ра, кѳызла таурух айтып башлагандыла. Айта кетип кезиу ол кѳызга жетгенде: «Сен да таурух айт!» — деп кѳысхандыла кѳызны. «Мен не таурух айтайым? Бир агъач ичинде дупия халын билмеген адѳмма. Таурух билмейме», — деп кѳрешгенди кѳыз. Ол алай айтханлыкга бирси кѳызла таурух (с. 234) айтмайын унамагандыла. Ол башлаганды айтып: «Бир жерде бир киши бар эди. Ол кишини юч кѳызы бар эди. Кѳызланы аналары ѳлгенде, киши экинчи кѳатын алганды. Ол кѳатын кѳызланы жашарга кѳоймайын кѳыйнаганды. Аталары элтип юч кѳызын да агъачда атып кетгенди. Агъачда алагга бир хан жолукганды. Ол хан ючюсюн да кѳатынга алганды» — дегенди кѳыз.

Ол аны айтханда ханны эсинне тѳюшгенди, кесини таурухун айтханын билгенди. «Ханнга юч да кѳыз бирер зат этерге сѳз берген эдиле. Таматаларыны айтхан сѳзлери ѳтѳрюк болганды. Кичи эгечлери бир жаш бла кѳыз табарга айтхан эди. Ол кѳозлар ууахтыда хан атланганды. Кѳатын ханнга айтханды: «Сен атланаса, манга уа не оноу этесе? — дегенди. Хан айтханды: «Кѳюбурде алтын сынжыр барды, ол сынжырны зынгырдатсанг, акѳ ат мени бери жетди-рир». Хан кетгенлей кѳатын ауруганды, сынжырны зынгырдатханды. Алан болганы ючюн хан келмегенди. Ол келгинчи кѳатын кѳозлаганды. Эгечлери тапхан жашы бла (с. 235) кѳызын кѳюбурге салын суугга атхандыла. Аланы орнуна эки ит кѳюкню келтирип, кѳатынны тѳюбне салгандыла», — деп кѳыз айтханда, хан барып да ишни болушуп билгенди. Ол кѳызны да, аны кѳарындашын да кесиникиле болганларып билгенди. Туруп кѳызны кѳучакыла-ганды.

Экинчи кюн кѳызны да элтип, агъачха барганды. Анда кѳаты-

нын да кёргенди, жашын да, кызын да таныгъанды. Аллахха шукур этип, хан кыууанып тургъанды. Бир кюн кесини эски юйюне келип, ол эки кыатынын жылкыдан төрт туу эмилик тутдуруп, кыатынланы бирин экисине тагып, ол бирсин да кыалгъан эки атха тагып, аны ызы бла чач тюк этдиргенди.

Къарт киши бла къарт кыатынга кёп харакет берип, бай этгенди. Кеси, агъачда жашыны юйюнде, зауукъ этип жашай кыалгъанды.

БАЛКАРСКИЕ ТЕКСТЫ

ИЙНАРЛА*

(с. 111)

1. Отсюда смотрю и узнаю
(Того, кто) по Кюнлюмю ** идет.
Если не отдаешь меня, мама, (за любимого), не надо,
Земля примет (букв. поднимет) умершего.
2. Отсюда смотрю и вижу,
Как в Кюнлюме солнце светит.
Мать (моя) знает, что того юношу
Мое сердце любит.
3. Тулуна своего (полы),
Когда реку переходишь (букв. в рекуходишь), не подворачивай.
Если ты встретишь (букв. найдешь) того, кого желает (твоя) душа,
Не смотри на возраст.
4. Золотые часы (твои), которые ты носишь при себе,
Если не заведешь девять раз, не ходят
Если юноша, который меня любит, будет здесь,
[Его] друзья не будут пользоваться успехом (букв. не будут
выбранными).

* И й н а р л а — частушки.

** К ю н л ю м — солнечная сторона. Здесь — название селения.

(с. 112)

5. На гёзенок * смотрю.
Кроме одного кола (на нем), больше нет.
Среди моих друзей
Кроме меня несчастного нет.
6. В небе летящая птица
(Упала) и стала тонуть в море.
Садитесь, друзья (мои),
Расскажу я вам о себе.
7. Подпрыгнув, (я) взобрался
На завалинку, перед (твоим) домом.
Из-за тебя иду я на борьбу, на войну.
Из-за тебя заслужил я
Недоверие родных.
8. Глаза мои в одну точку уставились:
На русло большой реки.
Если нужно будет сходить по поручению, я не пойду
В богатый дом.

(с. 113)

9. (Твои) брови (черны), словно
Из трубы выходящая сажа.
(Ведь) дом твой не здесь, что (мне) дать
Тебе (в качестве) калыма.
10. Под тобой гнедой (твой) конь.
Пусть исполнятся полностью твои мечты.
Но если ты не женишься на мне,
Пусть обезобразится (твой) облик.
11. То, что ты княжеского происхождения, узнаю,
В (твои) глаза посмотрев.
Среди ста юпопей узнаю (тебя)
По твоим сладким (букв. красивым) речам.
12. Очень (тебе) идет
Черкеска, в которую ты одет.
Очень меня обидело то,
Что (ты) на свадьбе сердился и ссорился со мной.

* Гёзенок — огороженный плетнем участок для мелкого рогатого скота.

(с. 114)

13. Дома, ах, если лук поем.
Во рту жжет.
Я знаю одно заклинание, если напишу,
(Даже) нелюбящий полюбит.
14. На макушке дерева яблоки —
Не могу (их) достать (букв. съесть).
Пусть мир без тебя (хоть) перевернется (букв. исчезнет),
Не могу жить (без тебя).
15. Пусть черкеска на мне
Вся распорется по швам!
Если (твой) отец тебя за меня не отдаст,
Пусть (твоего) отца (вся) кровь вытечет.
16. Если же (твой) отец отдаст, но (ты) не выйдешь,
То пусть ослепнут (твои) глаза!
Пусть твоя правильная речь станет косноязычной,
Чтобы никто не понимал твои слова.

(с. 115)

17. Платье на тебе,
Словно железным утюгом поглажено.
Пошли, девушка, уйдем (вместе)
На виду у всех.
18. Песню спою (букв. скажу) тебе:
(Только) ты нужна мне.
Через желтоногих орлов
Привет послал я тебе.
19. Ийнар я петь начал,
Когда (свою) девушку вспомнил.
Не смог я удержаться от слез,
Когда, (с тобой) разлучившись, ушел.
20. Не смогу (я) передать,
То, что (у меня) на сердце творится:
За тебя отдать смог бы,
Если будет нужно, жизнь (свою).

(с. 116)

21. С головы (своей) желтую шапку
Взяв, повесил я на гвоздь.

Если бы аллах сделал меня зятем,
Того хозяина (букв. дома), кого я сам выберу.

22. Холодный сильный ветер налетел,
Чтобы туманы развеять.
Если бы аллах силы мне дал,
Для того, чтобы умыкнуть тебя (букв. тебя взяв, убежать).
23. Днем, где бы (я) ни была,
Ты (твой образ) все время перед моими глазами.
Ночью, (когда) ложусь спать, в снах (являешься),
Мне спать не даешь.
24. О своих чувствах (я) говорю,
Так как не в силах их в сердце удержать.
Рассказываю (везде) о тебе
Я, (даже) стариков не стеснясь.

(с. 117)

25. Крыльями машет,
В небе летящий голубь.
Жажду, хочу
Опять тебя увидеть.
26. Перед нами (течет) большая река,
Рукой (до нее) могу дотянуться.
Когда тебя вспоминаю,
На коня (своего) сев, уезжаю.
27. В (моей) руке кольцо
Из чистого золота.
Нашей любви (букв. нашему делу) мешает
Живущая рядом (с нами) женщина.

(с. 118)

28. Я коня (своего) привязал
К раздвоенной вербе — хау ийнар!
Любимую (свою) не променяю
(Даже) за земные богатства — хау ийнар!
29. Земное богатство — листок (дерева),
Придет, уйдет — хау ийнар!
Если двое любящих понимают друг друга,
Никто им не помешает — хау ийнар!

ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ

(с. 120) Северную сторону солнце не осветит, слугу почет и уважение не посетит. — Если плохой человек подойдет к тебе, отрежь полы (своей одежды) и уходи. (Ср. русск. С илым будь знаком, но ходи кругом). — Новые родственники душу вытянут, старые родственники поддержат, помогут. — Курице просо снится. — На обочине дороги сундук на замке (Могила). — В белом замке (живет) желтая княгиня (Желток яйца). — Полный дурку * белых агнят (Зубы).

(с. 130) В прошлом смелые мужчины собирались и отправлялись в поход в Ногай и Крым. Если (кто-то) хотел отправиться в поход, у того должен был быть конь хорошей породы, по тем временам (ими считались) «шаулухи» и «трамы».

Шаулухи были большими, трамы были ростом поменьше их, но как кони были резвые.

(Кто собирался в поход), год ухаживал за конем (одной) из этих пород и в течение года сделал (из него) настоящего коня, отправлялся потом (на нем) в поход.

СКАЗКИ

1

ЖАНАКАЙИТ УЛУ ЖАН

Давно один мальчик по имени Жанакайит улу Жан остался сиротой после (смерти) отца. Когда этот юноша повзрослел (букв. когда начал садиться на коня), он подумал: (с. 131) (и) сказал: «От отца доставшееся богатство для мужчины — это не богатство. Настоящий мужчина и богатство найдет, и селение создаст», — с этими словами он сел на коня и выехал из (своего) селения.

Поехал он и в одном лесу на одной поляне сделал кош и (там) остановился. С этого места он ездил и привозил (крал) то с одного селения юношу, то с другого селения девушку; девушек, которых (он) привозил, отдавал (в жены) юношам и таким образом образовал селение: сто домов было (в нем).

Потом он много раз ездил и угонял скот (из других селений), пригнанный скот раздавал (жителям) селения, (таким образом) он сделал (свое) селение богатым.

Люди этого селения были хорошими людьми. Эти люди сказали ему (Жанакайиту): «Достаточно того добра, которое ты нам сделал, теперь сам тоже женись, заведи семью».

«О аллах! Не дай, аллах, мне такого дня, когда бы я вас не послушался. Я сделаю то, что вы мне сказали», — сказал (Жанакайит)

* Дурку — загон для скота.

и в дорогу отправился. Поехал он и привез себе одну красивую девушку. Откуда он привез (ее), никто не знал. После того, как привез жену, (Жанакайит) не стал выезжать на угол скота, а те люди, которые привыкли наживаться за его счет, (с. 132) стали поговаривать: «Этот (Жанакайит) с тех пор, как женился, совсем обленился».

Эти разговоры дошли до Жанакайита, и он сел на коня и в дорогу отправился. Долго ездил, но не нашел скота, чтобы угнать. Ни с чем вернулся назад, в полночь во двор (к себе) въехал. Пошел и посмотрел в окно (комнаты) своей жены. Когда посмотрел, увидел, что все женщины селения собрались в его доме (на посиделки) и работали; его жена, поставив на колени две зажженные свечи, вышивала золотом. Эти женщины все были из разных селений, поэтому вели оживленные разговоры: «В моем селении тот смелый, в моем селении этот смелый», — говорили они.

У жены Жанакайита спрашивали: «А в вашем селении кто самый смелый?» Но она не отвечала, кроме слов: «В селении и смельчаки бывают, и трусы бывают». Она ничего не говорила. Когда же стали настойчиво ее спрашивать, (она) сказала: «В нашем селении у Кажу улу Айки два сына есть. Смелее их нет, говорят». Эти слова услышал Жанакайит, стоя под окном.

(с. 133) В тот же миг он сел на коня и поехал в село, откуда привез (свою) жену, и при этом в сердцах думал: «Я не я, если не испытаю этих смельчаков!»

Всю ночь ехал и к рассвету доехал до селения (своей) жены. Эти смельчаки тоже там жили. Он въехал в село, когда наступило время утреннего намаза *. Ему повстречался один мужчина, (у которого он) спросил: «Где дом Кажу улу Айки?» Тот мужчина показал и сказал: «Вон тот дом, окруженный колючей изгородью». Жанакайит ударил коня и въехал во двор (этого дома). Когда он въезжал во двор, Кажу улу Айка встал делать утренний намаз и когда он (открыв двери), хотел перешагнуть порог, увидел Жанакайита. Он вернулся назад и сказал (своей) жене: «Жанакайит улу Жан в наш двор въехал, я его (сейчас) приглашу в дом. Когда он сюда войдет, ты попроси его, чтобы он покровительствовал (твоим) сыновьям!»

Затем он пошел и сказал Жанакайиту, приглашая (его в дом): «Добро пожаловать!» И со словами: «Тебе аллах покровительствует, а ты будь покровителем моих сыновей», — обнял Жанакайита. «Да пусть они будут под покровительством аллаха!» — ответил Жанакайит, зашел и сел (в доме).

(с. 134) Накормили и напоили (его). Когда прошло немного времени, Жанакайит сказал: «Хотел бы (я) увидеть и познакомиться с (вашими) сыновьями». Отец (сыновей) ответил: «Юноши живут наверху в крепости, а сюда приходят один раз в неделю. Если хо-

* Намаз — мусульманская молитва, совершаемая пять раз в день.

чешь, позовем и здесь (их) увидишь, а если хочешь — пойди и там (их) посмотри». Жапакайит сказал: «Если смогу найти, пойду туда». Ему объяснили, как пройти к месту, где находятся юноши.

Пошел (он) туда, где они жили. Увидел в скале одну пещеру. Эти юноши жили в этой пещере. Думал-думал, но так и не понял, как (юноши) поднимаются в эту пещеру. Перед пещерой стояла высокая скала. Срубил (он) большие деревья, привязал их друг к другу, залез по ним на эту высокую скалу и перепрыгнул, словно через речку, с вершины этой скалы вовнутрь той пещеры. У этих батыров была собака ростом с буйвола и, когда он попал в пещеру, эта собака набросилась на Жапакайита. (Он), ухватив собаку за шею, придушил и бросил ее на землю. Вошел в пещеру и до вечера прождал этих юношей. Вечером они пришли. В пещеру они взобрались особым способом. (с. 135) А способ этот был такой: (они) вбивали в скалу гвозди и поднимались по ним.

Когда эти двое юношей взобрались наверх, они очень удивились тому, как этот человек попал сюда. Поздоровались и познакомились друг с другом. В эту же ночь они втроем вернулись в дом этих юношей, сделали курманлык и просидели до самой полуночи. Легли (они) в комнате для гостей. Только они легли и прошло немного времени, послышался крик стражника: «В честь сына Таусултан улу Таусултана делают курманлык, кто туда не пойдет, у того в наказание съедят вола» (этот мужчина по имени Таусултан улу Таусултан был правителем этого селения). Эти два смельчака, услышав это, встали, надели (свою) одежду и сказали Жапакайнту: «Ты тоже иди с нами! Пойдем туда, где празднество». Однако он не захотел идти (с ними).

Когда они ушли, Жапакайит встал, надел на себя гёбенек *, взял (в руку) большую палку и пошел туда, где было празднество. Увидел, что в трех компатах, разделившись на три группы, сидели все люди (селения). Увидел, что два смельчака были тамадами в двух группах, а Таусултан улу Таусултан был тамадой в третьей группе.

(с. 136) Жапакайит пошел и встал у дверей (комнаты), где тамадой компании был Таусултан улу Таусултан. У этого юноши (Таусултан улу Таусултана) приемный отец был очень умным стариком. Увидев, он сразу же узнал Жапакайита (несмотря на его неприглядный вид). Когда чаша пошла по кругу, очередь дошла до него (до старика), он позвал и сказал: «Подойди, гебенек, (и) выпей из моих рук». Жапакайит подошел и выпил. Таусултан улу Таусултан стал ругать старика: «Никогда больше не подзывай таких юношей ко мне». Эти слова Таусултан улу Таусултана очень обидели Жапакайита, и он тотчас же ушел отсюда. Вслед за ним вышел старик и, окликнув: «Хей!» — остановил Жапакайита. «Ты, любимец аллаха,

* Гёбенек — войлочная накидка.

(я прошу тебя), будь покровителем того, кто догонит тебя самым первым на пегом коне», — и так сказав, вернулся назад.

Жан улу Жанакайит в ту же ночь, сев на (своего) коня, поехал в дом этого старика. У этого старика (в доме) была сноха. Жанакайит, умыкнув эту сноху, усккал (оттуда).

«Говорят, что эти двое юношей (сыновья Айки) — смельчаки. Ну, что же, испытаю и посмотрю, помогут ли этому старику те двое смельчаков и Таусултан улу Таусултан», — подумал он, решив испытать их. О том, что он (умыкнул сноху), узнали и бросились за ним в погоню. Сын Таусултан улу Таусултана, сев на пегого коня, догнал юношу (Жанакайита).

(с. 137) Жанакайит убил коня этого юноши, а сам поехал (дальше), оставив (юношу) там. Когда прискакал следующий гонец, юноша (сын Таусултана) забрал у гонца коня и погнался за Жанакайитом.

Когда (он) догнал Жанакайита, Жанакайит опять убил коня этого юноши и уехал. Когда прискакал второй гонец, сын Таусултан улу Таусултана, забрав и у него коня, опять погнался за Жанакайитом и догнал (его). На этот раз Жанакайит убил обоих: и юношу, и (его) коня.

После того как (он) убил юношу и немного проехал дальше, эти двое смельчаков пагнали его. Увидев их, Жанакайит спешился с коня и стал их поджидать. Они тоже спешились, потом Жанакайит сказал им: «Я еще не видел, как оплакивают в Кабарде (умершего) князя. Сегодня я убил одного князя и поеду посмотрю, как будут его оплакивать, и если вы куда-нибудь уйдете отсюда, пока я не вернусь, то я истреблю весь (ваш) род», — сказал им, а сам сел на коня, вернулся к тому месту, где убил юношу, и посмотрел, как его оплакивали.

(с. 138) Таусултан улу Таусултан решил поехать, присоединившись к приезжим, (увидев Жанакайита) приказал: «Заберите (его) коня и дайте мне», — его товарищи сказали (Жанакайиту): «Слезай, слезай, юноша, с коня! Князь требует, чтобы ты отдал (его ему)». Юноша не захотел отдавать (коня). Тогда князь сказал: «Зачем (вы) спрашиваете у юноши. Если сам не отдает, заберите (у него коня) силой!». Когда же захотели отобрать (коня), Жанакайит убил всех этих людей. После того, как убил этих людей, (он) вернулся к месту, где оставил тех смельчаков.

Во время его отсутствия один из этих батыров, поскакав в селение, привез туда мать и старого отца. Когда Жанакайит увидел их, (он) сказал им: «Верните эту женщину обратно в (ее) дом. Говорите всем, что вы убили Жан улу Жанакайита и отобрали у него человека, которого он увез. Если вы не распространите такой слух, я истреблю на этой земле весь ваш род!», — сказав это, попрощался с ними и уехал оттуда.

Когда (он) вернулся в свой дом, он решил расстаться с женой, (сказав ей): «Ты обманула, сказав, что оба сына Кажая улу Айки — (настоящие) богатыри».

2

АЙТЕК УЛУ АЙТЕК

(с. 139) В одном селении жил бий по имени Айтек. У него был сын Айтек. (Когда) отец умер, юноша был в трауре, как у них полагалось в селении. А траур был такой: нужно было просидеть в комнате один год, не выходя на улицу.

Прошел год, и вот когда заканчивалась урза *, (его) друзья собрались и решили:

— Пойдемте (и скажем) Айтек улу Айтеку, чтобы он снял (свой) траур, поведем его в (его) дом и представим (букв. познакомим) его селению, (как нашего нового бия).

Когда они пришли, (увидели), что другая группа юношей пришла раньше их и уже отвела бия в дом, познакомив его (с людьми). Увидев эту группу, те, которые пришли позже, собрались (уходить) обратно. Когда (они) стали уходить, один юноша из этой группы сказал, указав на сороку, сидевшую на илетье:

— Ребята, я не знаю, правда это или ложь, но я слышал одну историю. (с. 140) Я слышал, будто есть в одном месте такая девушка, у которой волосы, глаза, брови черны, как черные (перья) этой птички, (а) лицо, тело (ее) белы, как белые (перья) птички.

Услышав эти слова, Айтек улу Айтек вострепнулся и выскочил на улицу. Остановил юношу, который сказал это, и переспросил (его):

— О чем ты сейчас говорил?

Этот юноша (опять) пересказал ему то, о чем говорил, и (добавил):

— Я так слышал: но не знаю, правда это или ложь.

Тогда бий сказал этому юноше:

— Если то, что ты говоришь, окажется правдой — твое счастье, а если окажется ложью — твоя беда, — и, повернувшись, ушел обратно.

На второй день (бий), взяв с собой своего эмилдена ** Калмука, отправился в дорогу искать девушку, о которой рассказал тот юноша. Отправившись в дорогу, оба юноши (долго) ездили, а много ли,

* Урза — пост у мусульман, во время которого в течение месяца запрещено есть и пить от утренней до вечерней звезды.

** Эмилдеши — термин института аталычества. Родной сын и приемный сын воспитателя по отношению друг к другу были эмилдеши. (Ср.: названный брат).

мало ли они ездили, один аллах знает. (Однажды) в одной местности конь его друга Калмука остановился от усталости. Туда-сюда бросился (Айтек), но не нашел (своему) товарищу (другого) коня. После того, как не нашел (коня), повел юношу в одну пещеру, убил много оленей (и) разделал (их туши).

— Ешь это, пока не закончишь (с. 141). Когда закончишь (все это мясо), вернешься (обратно) домой. Ну, а пока не закончишь, жди меня здесь! — сказав это юноше, сел на (своего) коня и уехал.

(Один) аллах знает, месяц ли он ездил, год ли ездил, однажды ночью, изнемогая от усталости и голода, остановился (переночевать) у табунщика в кош. Табунщик в эту ночь, в честь (своего) гостя Айтек улу Айтека, зарезал жеребенка. Когда Айтек улу Айтек приехал на кош, ему очень хотелось есть и спать. Поэтому он сразу же уснул. Когда он уснул, в кош приехали другие гости, которые съели этого жеребенка и уехали, а Айтека табунщик (так и) не смог разбудить.

Когда наступило утро, табунщик опять зарезал жеребенка, сварил и приготовил (Айтеку). Приготовив, (он) разбудил Айтека, (помог) ему умыться, накормил, напоил и потом так спросил (его):

— Не обессудь, гость (мой), я смотрю и вижу — ты печален, я бы хотел знать, почему ты печален?

Когда он (это) спросил, Айтек ответил:

— Почему я печален? (В нашем) селении один юноша рассказал об одной девушке. И я в поисках (этой) девушки много ездил и много трудностей (с. 142) испытал, — (затем он) описал табунщику образ (этой) девушки. Когда табунщик услышал (все) это, он очень опечалился.

— Да, — сказал табунщик, — лучше бы мне умереть, чем ты, такой хороший, умный юноша, взялся за это дело.

— Зачем ты так говоришь? — спросил Айтек улу Айтек у табунщика. Табунщик ответил:

— Эти табуны той девушки, если пойдешь дальше, встретишь (ее) отары, когда пройдешь их, дойдешь до (ее) коровьих стад. Вот там тебе и расскажут подробно о девушке.

Тогда Айтек улу Айтек попросил табунщика:

— Расскажи мне, ты, наверное, тоже знаешь (о ней).

Тот ответил:

— Вот что я знаю: у этой девушки есть конь, когда к ней приходит свататься (какой-нибудь) юноша, она устраивает скачки, для этого у нее есть специальное место, где она садится на коня и (начинает) гнаться за юношей (сватающим ее). Если она догоняет (его), ударив, сносит ему голову; (говорят) она выйдет (замуж) за того юношу, который ускачет от нее. Если она отрежет еще одну голову, будет сто (юношей, обезглавленных ею). И от мысли, что она тебя к ним прибавит, мне становится грустно, — закончил табунщик. (с. 143) Айтек улу Айтек сказал:

— Что бы ни случилось, я не могу не пойти.

— Ну, что же, если пойдешь, пусть аллах поможет тебе (букв. даст счастливую дорогу), — сказал табунщик, благословив (его).

В тот день (Айтек улу Айтек) выехал и приехал на чабанский кош, миновав его, доехал до (пастушьего) коша стад девушки. (Среди) пастухов был один мужчина, который каждый день бывал в доме девушки. У этого человека Айтек расспросил о девушке. Когда (он) разузнал о девушке все, послал к девушке свата, (которому) девушка сказала:

— Как хорошо. Нужна была одна голова, чтобы получилось сто, и она пришла, у меня сердце болело, когда я думала, что а вдруг умру, не доведя (число) отрубленных мною голов до ста? — Назначили день (скачек), юноша ознакомился с местом, где проводились скачки. В назначенный день юноша поскакал, а девушка бросилась догонять (его). (Юноша до того быстро поскакал, что) девушка (сразу) потеряла его из виду. После того, как победил, (он) вернулся и собрал (всех жителей) селения девушки. С согласия девушки, отдали (ее в жены) юноше.

Месяц ли прожил или год прожил юноша в селении девушки, (один) аллах знает (с. 144), и (вдруг) он начал грустить. Жена спросила (его):

— Почему ты печалишься?

Юноша ответил:

— А чему мне радоваться? Я был бием одного селения. Оттуда я уехал искать (себе) жену. А потом не вернулся обратно. Наверное, мои друзья говорят: «Да чтобы пропасть этому Айтек улу Айтеку! Стоило ему жениться, (так сразу) свой дом позабыл и остался в доме (своей) жены!» — Его жена сказала:

— Не печалься из-за этого. Если хочешь ехать (к себе) домой, поедem.

Посоветовались, собрали (свою) свиту и отправились в дорогу. Ехали они ехали и доехали до места, где остался Калмук. Айтек улу Айтек взял коня, одежду для Калмука и сам поехал вперед. Доехав до этой пещеры, (он) крикнул: «Эй!» Вдруг (оттуда) вышел один грязный человек, с заросшими по грудь волосами и с ужасно длинными ногтями. Этот человек был Калмук. Айтек улу Айтек быстро выкупал и вычистил Калмука, дал ему одежду и, посадив на коня, привез и познакомил (его) со (своими) попутчиками. Оттуда они (все) поехали дальше.

(с. 145) Ехали они, ехали и доехали до одного большого леса. Айтек улу Айтек ехал один впереди. По дороге он встретил (всадника) на белом коне и (всадника) на гнедом коне, которые вели (ожесточенную) борьбу. Всадник на гнедом коне, взяв за шиворот всадника на белом коне, ругаясь, избивал (его). Айтек улу Айтек схватил всадника на гнедом коне и освободил всадника на белом коне. (И) всадник на белом коне сразу же исчез.

Когда тот ускакал, всадник, (который был) на гнедом коне, сказал:

— Да, Айтек улу Айтек, до сегодняшнего дня я не мог найти кровника (своего) отца, а сегодня, когда я повстречался с ним и хотел расправиться (с ним), ты (помог ему) уйти (букв. отпустил) из (моих) рук. И теперь за то, что ты освободил его, мы с тобой будем стреляться. Если ты (настоящий) мужчина, завтра во время утреннего намаза приезжай (вои) к тому кургану, — и показав ему курган, ударил (своего) коня и ускакал. Айтек улу Айтек подождал на этом месте (своих) товарищей и, когда (его) товарищи подъехали, повелел им:

— Остановитесь здесь, — и они остановились.

Утром, ничего не сказав (своим) товарищам, Айтек улу Айтек поехал к тому кургану, о котором говорил всадник на гнедом коне (с. 146). Через некоторое время подъехал (и) всадник на гнедом коне, в руке он держал стакан с чаем и лакум. Посмотрел на Айтек улу Айтека. Всадник на гнедом коне выпил чай и после этого расстелил (на земле) свою бурку. Сказав: «Подели (между нами), Айтек улу Айтек», — бросил на бурку порох и пули. (Когда) он (Айтек) разделил, каждый мужчина взял свою долю. Один пошел на другой курган, второй остался на этом кургане, и они начали стреляться. До (самого) вечера они стрелялись, но не причинили друг другу вреда. (Вечером) отложили дело на следующий день. На второй день сражались так же, но и в этот день не причинили друг другу вреда. Вечером, когда всадник на гнедом коне собрался уезжать, Айтек улу Айтек подумал: «Этот всадник утром приезжает, вечером уезжает, наверное (он) живет недалеко. Поеду-ка и посмотрю, где он живет!» — и незаметно поехал (за ним) вслед.

Всадник на гнедом коне ехал и заехал в (заросли) терновника, и остановился у невысокого дома среди терновника. Айтек улу Айтек подъехал и заглянул в окно. Смотрит (и видит), что всадник гнедого коня снял (свою) одежду и переоделся в женскую одежду. Айтек улу Айтек тотчас (с. 147) узнал (эту) девушку. Это была очень красивая девушка по имени Фатима с золотыми волосами * и жемчужными зубами. Девушка, когда вошла в комнату, произнесла: «Ох-ох-ох», — и села на кровать, чтобы отдохнуть. Около нее находилась девочка-служанка, она сказала девушке:

— Если Айтек улу Айтек догадается, что ты девушка, то, когда ты ему скажешь: «Подели порох и пули», он, рассердившись, скажет: «Сам подели» — и когда ты, нагнешься, чтобы поделить, он ударит и соььет твою шапку, схватит за волосы и пачнет (тебя) избивать, и тогда ты сделаешь все, что (он) повелит.

Айтек улу Айтек, (стоя) под окном, услышал эти слова. Сказав

* В подлиннике: пакут-налмаз чачлы (пакут-налмаз — драгоценности, сокровища; чач — волосы).

в сердцах: «Ну что же, посмотрим», — уехал. И с нетерпением стал ожидать наступления утра. На третий день, когда наступило утро, Айтек улу Айтек опять подъехал к тому кургану. Всадник на гнедом коне тоже приехал туда. Привез в бурке порох и пули.

«Айтек улу Айтек, подели!» — приказал (он). «Сам подели! Я слуга твоего отца, что ли?!» — сказал он, рассердившись. «Бушман бол!»* — воскликнул всадник гнедого коня и начал делить (сам). И тогда, когда (он) нагнулся, чтобы поделить (порох и пули), Айтек улу Айтек, (с. 148) ударив, сбил с него шапку и, схватив за волосы, стал избивать плеткой. Всадник гнедого коня произнес:

— Айтек улу Айтек, именем аллаха заклинаю тебя, отпусти (меня), я сделаю все, что ты скажешь.

И тогда он, взяв девушку второй женой, повез ее к (своим) попутчикам. И опять вместе со (всей) свитой он отправился в дорогу. Когда (они) стали доезжать до (его) селения, он взял с собой двух хороших мужчин и уехал (вперед), сказав: — «Подготавливаю кунаков для гостей».

Подъехав к селению, они увидели, что и пешие и конные (букв. у кого есть конь — на коне, у кого нет коня — пешком) — все устремились на край селения. В тот же миг к ним подскочил один всадник и сказал:

— Айтек улу Айтек, (похитители) угнали скот (твоего) селения.

Айтек улу Айтек сел на (своего) коня и, сказав (своим) попутчикам: «Вы подыщите (нам) кунаков, а я поеду вслед за угнавшими скот», — поскакал (вслед за похитителями).

Вскоре он стал нагонять угнавших (стада). Вечером, скача за угнавшими (скот), он доскакал до одного леса. В этом лесу (те) стали бросать аркан и, поймав Айтек улу Айтека арканом, сделали его пленником и повезли к одному бию (с. 149). Этот бий был кровником Айтек улу Айтека. (Он) сразу же посадил Айтека в темницу. И Айтек улу Айтек просидел там два года. (Айтек улу Айтек) очень хорошо мог играть на кобузе**. Когда он начинал играть на кобузе, люди, услышавшие (его) игру, приходили (туда) и слушали его, забыв обо всех (своих) делах.

У этого бия было четыре дочери. В один из дней, услышав игру Айтек улу Айтека, они подошли (к темнице) и стали слушать. Старшая дочь (бия), когда увидела Айтек улу Айтека, (полюбила его). Девушка послала к нему посредника, сказав:

— Если Айтек улу Айтек женится на мне, я (постараюсь) освободить его из темницы.

Юноша дал слово, сказав:

— Если (она) освободит меня отсюда, (я) приеду и заберу (ее) жены).

* Бушман бол — проклятье.

** Кобуз — смычковый инструмент.

Оставался один месяц, чтобы исполнилось три года, как Айтек улу Айтек сидел в темнице. В один из дней он увидел одного торговца-еврея, который проходил мимо окна темницы. Когда он увидел еврея, он подумал: «Наверное, этот еврей и в нашем селении побывал. Порасспрашиваю-ка я его!» — взял в руки кобуз и начал играть. Еврей-торговец, услышав его игру на кобузе, вернулся и, стоя под окном, (с. 150) прислушался. Айтек улу Айтек положил кобуз и, подойдя к окну, заговорил с евреем: «Вы везде бываете. Не бывали ты в том-то селении?» — и назвал свое селение. Еврей-торговец ответил: «Я только сейчас оттуда пришел».

— Если ты оттуда пришел, какие там новости? — спросил юноша.

Еврей-торговец ответил:

— А новости таковы: У этого селения был один хороший бий по имени Айтек улу Айтек. Так вот, этот бий поскакал вслед (за людьми, угнавшими стада его селения), обратно вернулся (один) его конь, а сам он не вернулся. У него (дома) остались старая мать, одна сестра и две жены. (Его) селение будет ждать (его) три года. Если он вернется в этот срок, он — бий (этого селения) и поэтому опять останется на этом месте, а если не вернется, то у этого бия есть брат — эмилдеш Калмук, которому отдадут (его) двух жен и сделают бием селения.

Услышав это, Айтек улу Айтек очень опечалился, (он) перестал играть на кобузе и петь, (перестал) шутить и смеяться.

Однажды юноша взял кобуз и заиграл. И тогда (на игру) пришла девушка (старшая дочь бия). Увидев ее, юноша сказал:

— Если (ты хочешь) освободить меня, (с. 151) освободь меня скорее.

Девушка тот же час пошла и попросила отца:

— Я бы хотела посмотреть на невольников, позволь мне!

(Но) отец не разрешил. А не захотел вот почему: у биев был такой обычай: если его дочь войдет в темницу, то он, по обычаю, должен был отпустить (на волю) сто невольников.

(Девушка) настаивала (на своем), и тогда бий, чтобы не огорчать (свою) дочь, разрешил и сказал: «Иди посмотри, но есть один невольник по имени Айтек улу Айтек, которого выпустить (на волю) нет никакой возможности. Кроме него, можешь освободить всех, кого захочешь. Девушка пошла, стала ходить по темнице, читая (на дверях) приговоры о заключенных. Кто выходил через год, кто через полгода, некоторые через два года. Когда она прочитала приговор Айтек улу Айтека, там было написано, что он посажен в темницу пожизненно. И тогда девушка сказала (своему) отцу: «(Каждый из невольников), если не умрет, сможет выйти сам из темницы, а этого (Айтек улу Айтека) никто не вызволит отсюда, поэтому я хочу, чтобы ты освободил (вместо ста невольников) его одного». (с. 152) Отец долго не соглашался (на это), ввергая ее в отчаяние (букв.

мучая ее). Но, несмотря на это, после долгих упрасиваний, он освободил (Айтек улу Айтека), когда до (истечения) трехлетнего (срока его заключения) осталось (всего) три дня.

(После освобождения) один день (Айтек улу Айтек) оставался в этом селении. Между его селением и селением того бия был месяц пути. На второй день, не найдя коня, (он), перекинув через плечо две котомочки, шел по лесу. (В это время) мимо него, обогнав, проехал всадник на белом коне. Айтек улу Айтек обратился к всаднику и попросил его:

— Яраби! Не смог ли бы ты, посадив меня (сзади) на (своего) коня, довести до (какого-нибудь) ближайшего селения?

— Повезу, если (ты) сделаешь то, что я скажу, — сказал всадник на белом коне. — Садись и сильно зажмурь глаза и пока я не скажу: «Открой», не открывай (их).

Айтек улу Айтек сел позади всадника и сильно зажмурил глаза. Спустя некоторое время белый всадник сказал: «Открой глаза!» Когда он открыл глаза и посмотрел, увидел, что находится недалеко от своего селения. И тогда Айтек улу Айтек очень обрадовался. Когда он сошел с коня, всадник на белом коне сказал:

— Подними погу моего коня (с. 153) и возьми (прилипшую к копыту) землю! Если ты этой землей протрешь глаза слепого человека, он прозреет. — Поблагодарив всадника на белом коне, Айтек улу Айтек отправился (к себе) домой.

На второй день к вечеру он добрался до селения. Смотрит, его сестра ведет на водной (его) коня. Конь, увидев его, вырвался (из рук девушки) и, пританцовывая, начал скакать туда-сюда, потом подбежал к Айтек улу Айтеку и стал к нему ласкаться. Айтек улу Айтек поймал коня и подошел к девушке. Девушка, сидя, плакала.

— Зачем ты плачешь, добрая девушка? — заговорил он.

— А как же мне не плакать? Если не мне, то кому (еще) плакать? — ответила девушка. — Этот конь был конем моего брата. Он (брат) погнался (вслед за людьми, угнавшими скот селения), оттуда (его) конь вернулся, а сам он не возвратился. Сегодня исполнилось ровно три года с того дня. Этот конь (за это время) не ржал и не резвился. Сегодня оставшихся после него (Айтек улу Айтека) двух жен отдают (в жены) его эмилдешу Калмуку и делают (его) бием (нашего селения) вместо него. Когда этот конь начал резвиться, я вспомнила (своего) брата, и вот поэтому плачу.

(с. 154) Юпоша сказал:

— Не плачь, добрая девушка, из-за этого. Наверное, твоему брату выпали те испытания, которые были предписаны (ему) аллахом. Бог даст, если жив — вернется. Однако у меня в этом селении нет знакомых. Вы сможете сделать меня (своим) гостем? — спросил (он). Девушка ответила: «Не знаю. Если мать захочет, то я (буду) очень рада. Пойдем и (ты) попроси у (моей) матери!»

Юпоша пошел к старушке неизвестным и попросил (ее):

— Эй, анам, я гость, пришедший издалека. В этом селении никого не знаю. Если есть (у тебя) возможность, сделай меня (своим) гостем!

Женщина сказала:

— (Мы) опечалены, однако ты гость. Почему же мы тебе скажем: «Уходи»? Добро пожаловать в дом! Мы не пожалеем для тебя все, что у нас есть. — В этот вечер юноша допоздна находился в (своем) доме. Сын до поры до времени не выдавал себя, а мать, (не подозревая, что он ее сын) рассказывала (ему) о нем самом.

(Потом) Айтек улу Айтек снял со стены (свой) кобуз и начал играть. Его кобуз поведал все, начиная со (дня), как умер (его) отец и он был в трауре, и кончая его сегодняшним днем (букв. до сих пор). И тогда мать, по тому, как он играл, узнала (своего) сына. (с. 155) (Она) вскочила с места и обняла сына, плача, стала говорить сыну много ласковых слов. В эту ночь в (их) селении наступал срок, когда они договорились выбрать (нового) бия, и (все жители) собравшись, устроили празднество.

Айтек улу Айтек вылечил глаза (своей) матери, (смазав их) землей, которую (он) взял из-под копыта белого коня. После этого он пошел на празднество. Смотрит и видит, что собралось много людей, которые пили, танцевали. (Он) пошел и сел около стариков и стал подпевать (вместе с ними) тем, кто пел (или) играл на кобузе.

Один мужчина сказал: «Этот юноша-гость очень хорошо подпевает. Он, наверное, так же хорошо играет на кобузе, как и подпевает», — (с этими словами он) приказал юношам: «Дайте ему хороший кобуз». Принесли и дали юноше хороший кобуз. Он начал играть (на нем). Он играл то же самое, что у себя дома (своей) матери. И тогда большинство людей догадалось, что (этот) юноша — их бий Айтек улу Айтек. (Постепенно) стали уходить (оттуда) узнавшие и не узнавшие (его), таким образом (там) кроме подростков не осталось ни одного взрослого человека. И тогда (Айтек улу Айтек) пошел туда, где танцевала молодежь. Там он вышел и стал танцевать. (Его) жены, увидев (его) на празднестве, узнали и, обрадовавшись, (с. 156) стали улыбаться, а до этого они были печальны. Люди не знали, что они обрадовались, увидев юношу, и поэтому говорили:

— (Они) молоды и глупы, радуются, тому, что сегодня ночью выходят замуж.

После этого Айтек улу Айтек, спросив, где находится Калмук, пошел (туда) увидеть (его). (Подозвав) к себе несколько своих бывших друзей, (он) сказал Калмуку:

— Калмук, почему ты затеял это дело? Айтек улу Айтек очень любил тебя. (Ведь) никто же не знает, умер он или жив. (Я) считаю, ты не должен этого делать.

Когда он произнес это, Калмук узнал юношу и, пожалев о том, что (он) сделал, попросил прощения.

Возвращение Айтек улу Айтека стало всем известно, и, как прежде, он опять стал бием (своего) селения.

Однажды он вспомнил обещание, данное дочери бия, у которого (он) был в плену. Собрался и отправился (в путь). По дороге ему опять встретился всадник на белом коне. Айтек улу Айтек поздоровался с ним и после приветствия спросил (его):

— Не обессудь, но я хочу знать, кто ты. (с. 157) Во время прошлой встречи ты мне очень помог.

Всадник на белом коне ответил:

— Я не скажу (тебе), кто я и как меня зовут. Однажды в лесу, когда меня, поймав, избивала одна женщина, ты выручил меня. Тот всадник на белом коне, которому ты помог, — я. Тогда я поклялся именем аллаха, что буду помогать тебе во всех твоих делах, за что бы ты ни брался.

(И они) оба, став друзьями, поехали дальше. Один аллах ведает, сколько они проехали. Наконец, они доехали до селения бия, который держал его (Айтек улу Айтека) пленником. В эту ночь они остались в этом селении. На второй день Айтек улу Айтек вышел на улицу и стал играть на кобузе. Услышав звуки кобуза, (туда) собрались все (жители) селения, семья бия тоже пришла. Айтек улу Айтек подошел к девушке и, поздоровавшись с ней за руку, сказал:

— Я приехал выполнить свое обещание.

Всадник на белом коне подехал к Айтеку, ведя (за собой) его коня. Айтек сел на коня и, схватив девушку, поскакал прочь и скрылся из глаз.

Привез и эту девушку (домой) и стал (мирно) жить со своими тремя женами.

Однажды пришла такая весть: в селение бия, отца жены, которую (Айтек) привез последней, (с. 158) пришел со своим войском какой-то другой бий и хочет убить его.

(Услышав это) Айтек улу Айтек отправился (туда), всадник на белом коне тоже поехал с ним. За одну ночь доехали они до того войска. Воины (с удивлением) посмотрели на этих двух всадников (и) сказали: «Что это за (люди)?» Эти два всадника вступили в бой с войском бия, который пришел убить (отца жены Айтека).

В тот день (они) уничтожили половину (войска). Вечером Айтек улу Айтека вызвал к себе бий, который держал его в плену, и повязал ему на руку (в знак уважения и признательности) дорогой платок с бахромой, сказав (при этом): «Наверное, устала рука, которая держала (целый день) меч». А всадника на белом коне (искали, но) не нашли.

На второй день утром опять эти два всадника уничтожили половину оставшегося войска. И в этот день бий опять повязал Айтек улу Айтеку (на руку) платок. Опять стали разыскивать всадника на белом коне, но не нашли. На третий день (они) уничтожили оставшееся войско. В этот день бий повязал на руку Айтек улу Ай-

тека самый дорогой платок с бахромой. Бий так и не узнал его. Когда он спросил его: «Кто ты?» — Айтек улу Айтек не назвал (своего имени). (Он) уехал неузнанным, а для бия опять наступили мирные (дни).

(с. 159) Айтек улу Айтек после того, как вернулся, написал письмо бию, у которого он умыкнул дочь:

«Мне очень хотелось бы поехать и помириться с тобой».

Но бий был не согласен. «И раньше (он) был моим врагом, а после того, как умыкнул (мою) дочь, стал (моим) злейшим врагом», — говорил (он).

(Айтек) отправил ему много писем, но все они были безответны.

(Спустя некоторое время), когда бий постарел, (он) задумал коварное дело: приказал, чтобы на пол комнаты для гостей насыпали лагым^{*}, потом он послал Айтек улу Айтеку письмо, в котором написал:

— Пусть (мой) зять придет (ко мне). Я уже состарился, хотел бы познакомиться с ним.

Он задумал заманить Айтек улу Айтека и погубить его. Дома (своим) слугам он строго приказал: «Когда Айтек улу Айтек придет сюда, пока он ляжет спать, будьте с ним приветливы, после того, как он ляжет, незаметно для него подожгите лагым на полу (комнаты).

Когда Айтек улу Айтек получил от (своего) тестя-бия письмо с приглашением, (он) отправился туда. Его очень приветливо встретили и повели в комнату для гостей. «Если мы подожжем (букв. треном) лагым, пока (он) не ляжет, (он) догадается и (сможет) убежать», — сказали слуги, находящиеся там, и не стали поджигать лагым.

Когда наступило время ложиться спать, (с. 160) младшая дочь бия, сказав: «(Пойду) и повидаться с (нашим) зятем», — отправилась в комнату для гостей. Когда девушка, (навестив зятя), собралась уходить, он повязал девушке на голову платок с бахромой, который ему дал (бий) после первого боя. Эта девушка вернулась в свою комнату и показала (платок) сестрам. Увидев это, и средняя дочь, сказав: «Я тоже схожу», — пошла к зятю. И ей он дал платок, который (ему бий) дал на второй день. После ее возвращения пошла старшая сестра. Самый дорогой платок, который ему дал (бий) на третий день, Айтек улу Айтек подарил ей. После этого девушки сказали:

— Пойдем и попросим своего отца, чтобы он не убивал этого хорошего человека. И покажем (ему) платки, которые он нам подарил. Пошли (они) и попросили (своего) отца:

— Эти платки он нам привез, да и сам он хороший человек. Мы просим тебя, чтобы ты не убивал его.

Отца, увидев эти платки, узнал (их) и сказал:

* Лагым — взрывчатое вещество.

— Наверное, он есть тот мужчина, который истребил (войско) бия, пришедшего меня убить: эти платки я давал ему в подарок. Тотчас после того, как (он) узнал его, он приказал вывести Айтек улу Айтека в другую комнату (с. 161) и встретил (его) как самого дорогого гостя. Собрав (всех жителей селения), устроил (в его честь) большое празднество. Мы тоже в тот день танцевали, пили на этом празднестве, хотя глазами это не видели. Пусть (как мы это не видели), так никогда не увидим ни беды, ни горя.

ПОТЕРЯВШИЙСЯ СЫН ХАНА

(букв. бездетного хана)

В давние времена жил один хан. У этого хана не было ни сыновей, ни дочерей. Восемь раз он женился. Восьмая (его) жена была очень хорошей женщиной и ему жалко было оставить ее. Однажды хан подумал: «Яраби!* Неужели на свете не найду лекарство, чтобы жена родила?» После этого он решил отправиться в дорогу искать лекарство. В один из дней приказал оседлать коня, взял все, что ему было нужно, и отправился в дорогу; начиная с этого дня он стал искать лекарство.

Один аллах знает, мало ли, много ли он ездил. (с. 162) Однажды, когда он, обессиленный от голода и изнеможенный от жажды, ехал по степи, встретил одного мужчину с котомками за плечами. Они поздоровались друг с другом. Этот мужчина спросил хана: «Зачем бродишь? Что ищешь?» Хан ответил: «Я голоден. Если у тебя есть что-нибудь съестное, покорми меня, и я расскажу тебе, зачем я брожу». Этот мужчина вытащил из котомки немного кукурузной халвы и дал хану. Когда хан съел это, к нему опять вернулись силы. Хан сказал этому мужчине: «Я брожу в поисках лекарства. А лекарство такое, чтобы смогла родить бездетная женщина; если я найду такое лекарство, мне за него и половину своего богатства отдать не жалко». Этот мужчина сказал: «Если ты исполнишь мое желание, я тебе найду такое лекарство». Хан сказал: «Все, что пожелаешь, сделаю!» — и поклялся, что не обманет его.

И тогда мужчина вынул из котомки что-то, похожее на яблоко, и разделил его пополам: одна доля была побольше, другая поменьше. «Понеси это жене, сперва дай ей съесть большую половину, а потом меньшую дай съесть! (с. 163) Твоя жена забеременеет и, когда наступит срок, родит двух сыновей. Из этих мальчиков я посмотрю и выберу себе одного, а другой останется тебе». Хан очень обрадовался, сказал мужчине: «Приходи!» — и, взяв лекарство, вернулся домой. Как только он пришел домой, он дал своей жене лекарство так, как говорил ему тот мужчина. С того дня начиная, его жена

* Я р а б и — о боже, господи.

забеременела. Когда подошел срок, она родила двух мальчиков. Один мальчик был намного крупнее другого, который был маленьким и хилым. Этот большой мальчик стал расти не по дням, а по часам. А тот, который был послабее, почти не рос. Когда стал приближаться срок прихода того мужчины, хан сказал: «За этим большим (букв. хорошим) мальчиком ухаживайте плохо, одевайте его в ветхую и грязную одежду, а слабенького держите в чистоте».

В назначенный день этот человек пришел и прожил в доме хана два-три дня. Когда он собрался уходить, сказал хану: «Ну что же, хан, я пришел, помня твое обещание. (с. 164). Прими свое решение». Хан сказал: «Посмотри на мальчиков, жаным*, кто из них поправится, того ты и забирай!» Мужчина оглядел мальчиков и сказал: «Этот, которым вы так дорожите, пусть останется вам, а этого, которого вы совсем не цените, забери я», — и с этими словами ушел, забрав с собой хорошего мальчика.

Привел он мальчика и оставил его одного хозяином нескольких домов. Здесь мальчик жил, пока не стал настоящим мужчиной. Тот человек, который привел его, приходил к нему в неделю раз. Когда он приходил, то со словами: «Чем занимаешься, дитя мое?» — ощупывал его шею. Потрогав шею, он говорил: «Похудеешь так, не голодай, кушай много». У этого человека вдали было еще пять домов: внизу три дома (и) наверху два дома. В один из дней, когда юноша от скуки бродил возле этих домов, он услышал какой-то звук. Он повернулся к дому. Когда он подошел (к дому) совсем близко, услышал, что там плачут люди, когда же он подошел к другому дому и прислушался, услышал, что там поют зикир**. Тогда он сказал, повернувшись к этому дому: «Яараби! Как это удивительно и интересно! (с. 165) Подошел к тому дому и услышал, что там плачут, подошел к этому дому, и слышу, — зикир поют. Почему это так? Как это объяснить?» Один человек (из тех), кто шел зикир, спросил у юноши: «Что ты за человек?» Юноша ответил: «Меня привел хозяин этих домов и оставил здесь. И теперь я живу в этих домах, ем и пью». «Да, — сказал голос изнутри дома, — нас тоже он привел сюда, однако потом запер в этих домах. (Ну), а теперь из этих двух домов он по очереди ест одного из нас».

Юноша опечалился, услышав это. Его привели сюда маленьким, и он даже не знал дороги, (по которой можно) бежать отсюда. Он спросил у человека, говорившего изнутри дома: «Яараби, есть ли какой-нибудь способ убить этого мужчину?». Изнутри ответили: «Тебе (будет) очень легко убить его. Когда он приходит к тебе, он, наверное, говорит, ощупывая твою шею: «О, дитя мое, все ли у тебя хорошо?» Когда он будет трогать твою шею и ты ему покажешься пополившим, он возьмет в руки свою гармошку. Когда он начнет

* Ж а н ы м (букв. душа моя) — ласковое обращение к кому-нибудь.

** З и к и р — религиозная песня.

играть на своей гармошке, то ты не сможешь удержаться и пустишься в пляс. Этот человек, не прекращая играть на гармошке, пойдет в огород рядом с домом. (с. 166) В этом огороде будет гореть костер, на этом костре будет висеть большой казан с широкими краями, на которых можно будет даже плясать, и в нем будет кипеть вода. Когда ты будешь плясать около казана, этот мужчина скажет тебе: «Дитя мое, обувь на земле изнашивается быстрее, если хочешь танцевать, залезай и танцуй на краю этого казана!» И когда ты залезешь и начнешь там танцевать, он толкнет и сбросит тебя в кипящий казан и съест тебя, когда ты сварись. Однако, когда он тебе скажет: «Залезай на край казана», ты ему ответь: «Ой, отец, покажи сначала сам, как это я должен сделать». И тогда он, чтобы показать тебе, как это надо делать, взберется туда сам. Когда он туда залезет, если это в твоих силах, толкни и сбрось его в этот казан», — посоветовал мужской голос изнутри дома.

Начиная с этого дня юноша стал много есть и уже через десять дней стал толстым. В один из дней, когда этот человек пришел, он, сказав те же слова, оцупал его шею. Когда он увидел, что юноша пополнил, взял свою гармошку и стал играть. Когда он начал играть на своей гармошке, (с. 167) юноша пустился в пляс. Тогда мужчина отправился в огород, не прекращая играть на гармошке. В огороде, как и говорил голос изнутри (дома), кипел (на костре) большой казан. Мужчина опять заиграл на гармошке. Когда он заиграл, юноша опять начал танцевать. (Увидев это), мужчина сказал: «Дитя мое, твоим ногам на земле трудно и вредно танцевать, лучше взберись на край казана и танцуй там! Медь не причинит вреда твоим ногам». Юноша сказал мужчине: «О отец, если бы я хоть разок увидел, как мне нужно танцевать, я с радостью сплясал бы. Если есть такая возможность, покажи это ты мне». «Конечно, покажу», — сказал мужчина, взобрался на казан и начал танцевать на кромке казана. «Вот так танцуй, дитя мое, вот так танцуй!» — приговаривал он.

В это время юноша как бы невзначай столкнулся с мужчиной в казан. Быстро закрыл казан, чтобы мужчина оттуда не выбрался. Мужчина сказал (из казана): «О дитя мое, зачем ты так сделал?» Юноша ответил: «Я это сделал печально, сейчас же вытащу (тебя), если сможешь, где находятся ключи от твоих пяти домов, находящихся вдали отсюда». (с. 168) Мужчина сказал, где находятся ключи. Когда юноша узнал, где находятся ключи, он со словами «Ты тоже многих сварил в этом казане», — сделал большой огонь, а сам пошел, взял ключи и отправился к дальним домам. Открыл двери и из двух домов вышла целая толпа юношей его возраста. Каждый из них, благодаря, обнимал юношу, потом все вместе пошли, разожгли под казаном огонь и два дня варили этого мужчину, пока в казане не остались одни кости, а потом все это вылили в огонь.

В тот день юноши остались там, а на второй день решили ух-

дить. И тогда юноша сказал им: «Добрые мои друзья, у этого мужчины осталось много богатства. Не уходите, не поделите это между собой и не возьмите. Все они собрались и открыли три дома, стоящие ниже тех двух домов, где находились эти юноши. Смотрят и видят в этих трех домах трех белых коней, которым был задан рис. Увидев этих коней, юноша позавидовал им. Когда стали делить (коней), он сказал юношам: «Друзья (мои), если вы не обидитесь, я попрошу, чтобы этих трех коней (вы) оставили мне». (с. 169) Юноши ответили: «Ты нас спас от смерти. Если даже ты заберешь все богатства этого мужчины, мы не обидимся». И трех коней и седла они оставили юноше. Остальное богатство они поделили с ним поровну. Все юноши ушли. Он (юноша) не успел снарядиться в дорогу вместе с ними и остался на ночь там, а на второй день сел на одного из коней, держа остальных двух (коней) за поводья, отправился в дорогу. Ехал он и, когда доехал до одного леса, конь, на котором он сидел, остановился. Сколько он ни пощупывал, конь даже с места не сдвинулся. Тогда он воскликнул: «Ах, чтоб тебя волк съел!» (Да) так (сильно) сдвинул коленями бока коня, что у того из поздры хлынула кровь. И тогда конь промолвил человеческим голосом: «Не старайся зря, добрый юноша, все равно я не пойду». Когда юноша спросил: «А зачем ты не идешь?», — конь ответил: «Тот мужчина, который держал меня, так на меня садился: Он всегда при себе носил по волосу с наших грив. Когда нужно было, он волос подносил к огню, (с. 170) и тогда мы являлись к нему и исполняли его приказ. Ну, а теперь, если и ты будешь так поступать, то в нужный тебе день мы исполним то, что ты скажешь». Юноша спросил: «Так что мне сделать?» Конь ответил: «Оставь нас на прежнем месте и возьми с наших грив по волосу, в нужный тебе день (достаточно) волос поднести к огню, и мы явимся к тебе».

После этого юноша вернулся с конями обратно, снял с себя нарядную (букв. красивую) одежду, оседлал всех коней, к каждому седлу привязал по одной паре (своей) одежды и, взяв с (их) грив по волосу, ушел, оставив коней. Ушел он, одев на себя старую (букв. плохую), одежду, потянув на свои золотые * волосы вывернутый желудок и взяв в руки палку. Шел он и дошел до одного ханства. В этом ханстве он высмотрел самый большой дом и пошел туда в гости.

Этот дом был домом хана. Он пожил немного в нем. Каждый раз хан видел, что этот юноша ходит без дела. Однажды вызвал (его) и спросил: «Зачем ходишь, юноша хороший, без дела?» Юноша ответил: «Я бы паялся в батраки, если бы нашел куда». «А что ты умеешь делать?» — спросил хан, — я бы взял тебя в батраки, если ты сможешь пасти телят»: «Конечно же, я смогу пасти телят», —

* В оригинале: накут-палмаз.

сказал (юноша) и с этого дня стал в огороде хапа пасты (его) телят.

У (этого) хапа было три дочери. Этот юноша выполнял поручения и этих девушек. Однажды эти три девушки вызвали юношу и дали (ему) три огурца, сказав: «Понеси и отдай нашему отцу-хапу!» Юноша понес и отдал (их) хапу, сказав: «Этот огурец (твоя) старшая дочь передала, этот огурец средняя дочь, а этот огурец младшая дочь передала». Огурцы, которые прислали старшие дочери, (уже) нельзя было есть, а огурец, присланный младшей дочерью, был очень хороший. Хан задумался: «Зачем мне эти дочери прислали гнилые огурцы?» Не поняв, зачем прислали, пошел и спросил у (своей) жены: «Так и так, дочери мне прислали гнилые огурцы. (Ты) не знаешь, зачем прислали (их)?» Жена (его) ответила: «Конечно, они знают, что ты не будешь есть гнилые огурцы. Однако, (с. 172) девушкам уже давно пора выходить замуж и они, стесняясь сказать тебе: «Выдавай (нас) замуж», — этим намекают тебе об этом. Ну, а теперь ищи для (своих) дочерей женихов». С этого дня начиная, хан приказал делать нанитки; когда приготовили шитье, собрал всех людей своего ханства и, дав (своим) дочерям по чаше (с нанитком), послал их, сказав: «Преподнесите (их) тому, кого выберете (букв. любите). Две старшие дочери преподнесли (чаши) двум юношам. В то время (люди) считали, что эти юноши — лучшие из лучших. Младшая же никому не отдала (свою) чашу. На этом все и кончилось.

Однажды, когда эта девушка, задумавшись, смотрела на огород, перед ней что-то засияло. Когда же она, сказав: «Что же это?» — пригляделась, увидела, что пастух телят уснул, с его головы сполз вывернутый желудок и сияние исходило от его волос. Девушка сказала: «Я буду не я, если не выйду замуж за этого юношу».

Когда во второй раз хан приготовил нанитки, девушка преподнесла свою чашу этому юноше. Люди стали стыдить (ее): «Дочь хапа, а выходит замуж за пастуха телят!» Хан сказал: «Я проклинаю (свою) дочь, пусть уходит подальше от моего двора!» Стали они жить вдали от хапа. Много или мало они так прожили, один аллах знает, в один из дней к ним пришел гонец с известием: «Всю отару хапа угнали». Люди говорили: «Разве есть что-нибудь на свете, что не смогли бы сделать или пайти двое (старших) зятьев хапа?! Вот только (младший) зять, аллахом обиженный».

Два (старших) зятя хапа тотчас снарядились и отправились (в погоню). А третий зять, которого люди считали плохим, до вечера пролежал без дела. Вечером (он) поднес один из волос, взятых у тех коней, к огню, и вмиг один из коней примчался туда. Когда люди легли спать, тот юноша надел свою хорошую одежду, сел на белого коня и поехал. Без труда догнал двух (старших) зятьев. Испугавшись (громких) звуков его плетки, эти двое разбежались по обе стороны дороги. Он обогнал их и очень скоро догнал тех, кто угнал отару. Перебил всех людей и погнал отару назад. По дороге, (с. 174)

когда он ехал, встретился с двумя (старшими) зятьями, которые стали просить (его): «Яраби, кто бы ты ни был, отдай этих баранов нам!»

Юноша сказал: «Если (вы) сделаете то, что я скажу, отдам. А просьба (моя) такова: У меня есть печатка, если вы дадите выжечь на своих лопатках мое тавро, я отдам вам отару». Эти двое юношей посоветовались и решили: «Кто узнает, что у нас на спине метки? Сделаем, что он говорит, и погоним баранов! Если (мы) пригоним назад баранов, люди ханства скажут, что мы джигиты, и будут хвалить (нас)». Порешив так, дали поставить себе метки и ушли, погоняя баранов. Всадник на белом коне обогнал их и в ту же ночь доехал до (своего) дома. Когда жена спросила: «Где ты был?», — юноша ответил: «Просто выходил на улицу погулять, потому что клопы не давали спать».

Хотя он старался скрыть все от (своей) жены, она видела (его), когда он садился на коня. На второй день, вечером, (старшие) зятья пригнали ко двору хана его отару.

(с. 175) Люди говорили: «Да, нет на свете такого дела, которое не смогли бы сделать эти два зятя хана! Ну, а того (зятя) аллах покарал, что он, бедняга, может сделать?!»

Через несколько лет у хана угнали стадо коров. Рано утром опять двое зятьев (хана) сели на коней и поехали.

А тот юноша до вечера спокорно поспал. Ночью, когда все люди уснули, один из волос тех коней он поднес к огню.

Конь тотчас же примчался, юноша быстро надел свою одежду. Жена посмотрела на юношу и сказала: «Яраби, какой неземной красоты этот человек» (букв. от красоты сейчас улетит этот человек.) Юноша собрался и поехал. За час догнал опять этих юношей. Когда он их догнал, юноши от страха опять разбежались по обеим сторонам дороги. И он (юноша) проскакал между ними. Догнал тех, кто угнал стадо, убил их и погнал стадо назад. Опять эти юноши повстречались с ним и попросили (у него) стадо. Опять юноша поставил им свое тавро и отдал им стадо. А сам в эту же ночь вернулся и, не показываясь людям, лег (у себя) дома спать.

(с. 176) На второй день к полудню те два зятя (хана), погоняя стадо, зашли во двор хана. Увидев их, хан сказал: «Это того зятя аллах сделал ни к чему не пригодным, а эти двое такие хорошие, такие деловые».

Вот таким образом имена двоих (старших) зтей были на хорошем счету, а третьего зятя никто даже за человека не считал.

Однажды к хану примчался гонец: «Табун (твой) угнали!» — сообщил (он). Хан послал к (своим) двум зятьям человека со словами: «Пусть отираются вдгонку!» Тотчас, оседлав своих коней, оба (зятя) уехали. Опять юноша сидел допоздна, а когда люди легли спать, поднес к огню волос третьего коня, и когда конь примчался,

сел и поскакал. (Так) скакал он, обогнал (старших) зятьев и догнал тех, кто угнал табуи.

Старшего привязал к лошади, а остальных уничтожил, и лошадей убитых с их снаряжением погнал вместе с табуиом назад.

В пути опять те юноши (зятья) стали просить у него табуи. Однако юноша, сказав: «Хватит с вас», — не отдал им. В эту ночь он пас коней в одном месте, (с. 177) а наутро, во время утреннего намаза, загнал табуи во двор хана. Сам же пошел и остановился в доме плохого зятя хана. Хан закричал: «Почему этот гость остановился у (моего) плохого (зятя)?» Юноша опять поднес к огню волос одного из коней. Не медля, на виду у всех людей, конь примчался (к нему). Когда конь примчался, юноша вывел (свою) жену и посадил (ее) на одного из коней, а сам сел на другого. И тогда все поняли, что юноша — зять хана.

Когда юноша собрался в дорогу, он послал к хану гонца со словами: «Пусть такого зятя, как я, аллах ему больше не пошлет, пусть аллах всегда ему посылает таких джигитов, как (его) старшие зятья! Если он брезгует мной, я уеду. Но среди этой толпы находятся двое моих слуг, пусть они выйдут (сюда)!»

Подошел (юноша) к людям и крикнул: «Эй, слуги, почему не выходите? Я же жду вас, выходите! Если же не выйдете, сам на коне въеду в толпу и выведу вас, погоняя перед собой». Люди задумались: «(Интересно), кто же его слуги?» (с. 178) Однако так и не догадались кто. Тогда юноша въехал (в толпу) и, погоняя впереди себя, вывел из толпы двух зятьев хана. Хан послал (к нему) гонца со словами: «Яраби, это ведь мои зятья». Юноша ответил: «Даже если они твои зятья, это не мое дело. Посмотрите, и если под (их) лопатками с обеих сторон не будет моего тавра, значит, я обманываю». Люди посмотрели. Глядь, и в самом деле (у зятьев хана) под лопатками стоят (его) метки. Юноша взял (с собой) жену и, погоняя этих двух (зятьев) впереди себя, отправился в (дорогу). И тогда хан попросил (его): «Если можешь, вернись. Вдобавок к этим (своим) зятьям (я) тебе в услужение отдам и их жен, моих дочерей. (И) ханством, вместо меня, ты правь».

После долгих упрасиваний (хана) юноша вернулся и стал ханом, а эти два зятя (хана) и их жены, став (его) слугами, прислуживали (ему). В тот день, когда он вернулся, хан устроил большой пир. Пусть никогда мы не увидим (никакого) горя, как не видели этого (празднества).

ТАНДУ

(с. 179) Давным-давно был один смелый юноша по имени Танду. Не было на свете такого языка, которого бы он не знал, или дела, которое бы он не смог сделать. У него было два младших брата. Одного звали Ахмат, другого Мухаммат. Эти юноши, как никто, очень любили друг друга. Однажды в конце осени Танду собрался идти в поход. Однако его братья сказали: «Мы не отпустим тебя одного», — (и) отправились вместе с ним. Ехали они, ехали и остановились в ту ночь в одном лесу. Когда они сидели, сделав большой костер, мимо них пробежал олень. Танду выстрелил в оленя. Но, глядя на ночь, никто за ним не пошел.

Когда наступило утро, они увидели, что стрела попала в оленя, (он убежал), оставив (за собой) кровавый след. (И они) пошли по следу. Шли они, шли по следу и вышли на одну красивую поляну. На этой поляне увидели коня в путах.

(с. 180) (Чуть) выше (от места, где находились братья), была пещера. Подойдя к пещере, (они) увидели мужчину, который лежал, положив голову на седло и прикрывшись буркой. Когда они подошли близко, увидели, что (он) мертв. Это был их единственной сестры сын, которого звали Амтук. Смотрят (и видят), лежит бумага, а в ней завещание Амтука к Танду. В завещании было написано: «Если моей матери брат Танду не отомстит за меня (моему убийце), то пусть на том свете (букв. в аду) мои десять пальцев (на руках), превратившись в десятиртых мужчин, покарают его за это!» А кто его убил, (в завещании) не написал.

Опечалились (братья). Вырыли могилу и похоронили там (юношу). (Потом) Танду сказал братьям: «Вы возвращайтесь домой. А я пойду искать того, кто убил этого юношу, может быть, найду». Юноши ответили: «Да что ты говоришь? Да как мы тебя отпустим одного?» После того, как юноши не захотели уходить, (Танду) взял их с собой, и (они) отправились (на поиски врага).

Шли они шли, много ли, мало ли прошли, один аллах знает, и (в один из дней) вышли на одну поляну. На этой поляне увидели один дом.

(с. 181) Вошли в дом. В доме сидели (две) эмегенши. Танду убил обеих эмегенш. (А) в люльке лежал (маленький) мальчик (эмеген). Танду лег и задремал. Когда он спал, во двор (этого дома) вошел один эмеген, неся на плече целую чинару, а под мышкой тушу оленя. Пришел и сразу положил тушу оленя в казан, даже не содрав шкуру, а дерево, ударив то об одну, то об другую сторону, превратил в щепки. Тогда мальчик-эмеген, лежавший в люльке, плача, крикнул: «Эй, да чтобы лопнул твой живот, если ты ни о чем другом не думаешь, кроме своего (пенасытного) живота. (Ты) всегда радовал

(тем, что обещал накормить меня) костным мозгом Танду. (А) Танду уже сделал для тебя все (плохое), что можно было сделать». И тогда (услышав это) Танду встал, ударив кулаком, убил мальчика (эмегена) в люльке, вышел наружу и стал бороться с эмегеном. Одолев эмегена, Танду спросил (его): «Это ты убил моей сестры сына Амтука, или, может, знаешь, (кто его) убил?» Эмеген ответил: «Я не убивал, однако он (Амтук) враждовал с другим эмегеном из-за дочери падишаха джишнов. Только он мог убить (его) и никто другой».

Танду сказал эмегену: «Расскажи все, что (ты) знаешь об этом эмегене. Если все расскажешь, (я) не стану тебя убивать и отпущу». (И) эмеген стал рассказывать юношам все, что он знал: «Он (эмеген-убийца) живет на одной поляне. Эта поляна окружена лесом. У него (эмегена) есть три коня. Один из них (может) обегать землю вокруг за три дня, другой за один день, а третий (конь) за один (с. 182) день (может) обегать землю вокруг три раза. Если на этой поляне появляется (чужой человек, тот конь, который (может) обегать вокруг земли три раза (за день), начинает ржать и дает знать хозяину о том, что пришел человек. (У этого эмегена) есть башня, и когда конь ржет, (его) хозяин выходит, поднимается на башню и осматривает (все) вокруг, увидев (чужого) человека, стреляет из ружья. Ещё не было случая, чтобы он промахнулся, — продолжал эмеген. — (Но) когда вы придете туда, выройте ночью на краю поляны яму. Спрячьтесь в этой яме, потом выйдите (покажитесь) коню и опять спрячьтесь. Когда вы выйдете — конь заржет. Эмеген поднимется на (свою) башню и посмотрит (вокруг). (с. 183) Но, не увидев вас, уйдет обратно в дом, постыдив своего коня: «Ах, конь (мой), стареть, что ли, ты начал? Обманул меня». Когда он вернется в дом, вы опять выйдете и покажитесь (коню). И тогда конь опять заржет, когда он заржет, эмеген снова выйдет. Посмотрев и не увидев человека, спустится (с башни) и избьет коня. Сказав: «Не обманывай (меня)», — вернется домой. Вы покажитесь (коню) и в третий раз. Когда конь заржет в третий раз, эмеген опять взберется на башню и оглядит (все вокруг). Не увидев человека, спустится и беспощадно избьет коня. И поклявшись: «Сколько бы ты ни ржал, больше не выйду к тебе», — зайдет в дом. И в это время вы вставайте и идите прямо к (его) сараю. Ворота этого сарая из железа и очень большие, на этих железных воротах есть цепь, если вы не разорвете эту цепь, то ни за что не сможете открыть ворота. Когда подойдете к воротам, крикните: «Хей!» И тогда эмеген спросит вас: «Что вы за люди? Враги или друзья?» Если вы ответите: «Враги», — он выбросит цепь наружу со словами: «Открывайте ворота (сами)», — и если вы (сможете) разорвать цепь, он начнет бороться с вами. (с. 184) Но если (вы) не сможете разорвать цепь, (он) убьет (вас) всех».

Как только эмеген поведал им обо всем этом, Танду ударил и снес эмегену голову. Потом (братья) собрались и отправились

(опять) в дорогу. Ехали они, ехали и, проехав лес, о котором говорил эмеген, доехали до большой поляны. Выехав на поляну, в эту же ночь, на краю поляны, под одним деревом выкопали яму. Утром младший (из братьев) вышел (из ямы) и показался (коню). Конь сразу же заржал. Эмеген поднялся на (свою) башню и посмотрел, однако никого не увидел. Во второй раз вышел и показался (коню) средний брат. На этот раз конь еще сильнее заржал. Эмеген поднялся (на башню), посмотрел (вокруг) и, когда никого не увидел, спустился и стал избивать коня со словами: «Не обманывай! Если обманешь, опять побью!» — потом опять вернулся в дом. Через некоторое время, после того как он вошел в дом, вышел и показался (коню) Танду. Когда он показался, конь заржал так сильно, что с деревьев посыпались листья.

(с. 185) Эмеген, испугавшись, быстро поднялся на (свою) башню и осмотрел (все) вокруг. Никого не увидев, (он) спустился и беспощадно избил (своего) коня. Избив коня, поклонился: «Сколько бы ты ни ржал, больше не выйду!» — и вернулся обратно (в дом). Как только он вошел в дом, они (братья) подошли к сараю. Там Танду сказал (братьям): «Вы окликните (эмегена), а я пойду и взберусь на ворота, когда же вы позовете (его), он выйдет, я застрелю (его). Танду ушел и взобрался на ворота. Остальные же два брата никак не могли отважиться позвать эмегена и до самого вечера пререкались: «Ты позови» — «Нет, ты позови!» (Устав ждать) Танду вздремнул. Когда наступили сумерки, Ахмат наконец отважился и крикнул: «Хей!» Эмеген вышел и спросил: «Эй, что (вы) за люди? Враги (вы) или друзья?» Ахмат ответил: «Ишь ты чего захотел, враги (мы)!» И тогда эмеген, сказав: «Войдите сюда!» — бросил юношам железную цепь. Юноши тянули, тянули и наконец разорвали цепь. Как только цепь разорвалась, ворота открылись.

(с. 186) И тогда эмеген, браня юношей, кинулся к ним. Когда эмеген бросился (к ним), юноши очень перепугались и бросились бежать. В это время Танду спал на воротах. Через некоторое время, проснувшись, он посмотрел и увидел, что на поляне эмеген гоняется за (его) братьями Ахматом и Мухамматом. Он соскочил к ворот и, намотав на руку оторванную цепь, бросился догонять эмегена. Танду крикнул изо всех сил: «Твои враги не они, а я. Если ты мужчина, иди сюда!» Однако эмеген, сказав: «Нет, мои двери они открыли», продолжал бежать (за братьями Танду). Долго бегали они, и наконец Танду почти нагнал эмегена. Скрутив цепь, которая была в (его) руках, (он) метнул (ее) вслед эмегену. Цепь полетела и, ударившись о ноги эмегена, перебила (ему) колени. Нагнав (его), Танду вскочил на эмегена и спросил: «Сына моей сестры ты убил?» Эмеген ответил: «(Да), я убил. И я, и он просили руки дочери падишаха джишова, вот поэтому мы враждовали. Во время (моего с ним) поединка я оказался сильнее, я нанес ему много ран, но он ушел (от меня живым). (с. 187) (И) я не знаю, умер он или нет». После этих

(слов) Танду ударил и снес эмегену голову. (После этого братья) вошли в дом (эмегена). Когда они вошли в дом, эмегенша так прокляла Танду: «За то, что ты убил моего сына, (ты) пожелай жениться на дочери падишаха (джиннов), и если ты не сможешь жениться на дочери падишаха джиннов, да пусть ты превратишься в свинью и будешь жить и на этом, и на том свете (в этом облике)». Танду сказал: «Ах ты, карт гяур^{*}, как ты меня страшно прокляла», — и снес (ей) голову. После этого он уничтожил всех, кто был из рода эмегенов.

В ту ночь они переночевали там, а на следующий день, на рассвете, отправились в дорогу. В пути Танду стал упрашивать (своих) братьев: «Давайте, я сяду на коня, который (может) обежать землю за один день, и поеду к дочери падишаха джиннов. А вы возвращайтесь домой». Но разве могли братья согласиться вернуться?! Не вернулись. Тогда Танду сел на того хорошего коня, а (его) братья на (двух) других коней (и) поехали (дальше).

В пути конь Танду никак не мог приноровиться (к езде других коней): то перегонял их, (с. 188) то отставал, то хромал, то переставал (хромать). (И тогда) Танду сказал: «Яраби, неужели это настоящая повадка коня? То перегоняет, то отстает. Я не думаю, что он может, как говорят (о нем) люди, обежать землю за день три раза». Конь опять отстал. Отстав, он заговорил человеческим голосом: «(Тот) мужчина, который садился на меня до тебя, не так обращался со мной. Куда бы он ни ехал, (он) отправлялся (в дорогу), сказав (мне) куда мы поедem. (Кроме этого) он с собой никого не брал. Если ты (тоже) скажешь, куда ты едешь, может быть, я и доставлю тебя туда». Танду сказал: «Так мы едем к падишаху джиннов». Конь промолвил: «Если едешь туда, то туда нельзя ехать с попутчиками». «Ну, тогда я (попытаюсь) остановить (своих) товарищей», — сказал Танду и крикнул юношам: «Подождите (меня)!» Юноши подождали Танду. Танду догнал их и попросил их: «Да чтобы мне умереть, если вы здесь не останетесь. Туда, куда я еду, вам нельзя ехать». После такого заклятия (Танду): «Да, чтобы мне умереть», — Ахмат и Мухаммат уже не решились ехать дальше.

(с. 189) Оставив (своих) братьев на этом месте, Танду поехал дальше. Вскоре он заметил (яркий) свет вдалеке. «Интересно, откуда исходит этот свет?» — спросил он у коня. «Этот свет исходит из окна дочери падишаха джиннов. Этот свет не от лампы и не от огня, (наверное, девушка спит) и свет исходит от какой-нибудь неприкрытой части ее тела». Даже не докончив эти слова, конь доставил юношу к тому месту, откуда исходил свет. Там он произнес: «Выври из моего хвоста волос. В тот день, когда я тебе буду нужен, поднеси волос к огню, и я (тут же) явлюсь к тебе». (Юноша) сделал, как ве-

* К а р т г я у р: карт — старая; гяур — человек иной веры.

лел (конь), вырвал волос из хвоста коня и отпустил (его). А сам подошел к окну и обратился с мольбой к аллаху: «О аллах! Преврати меня в голубя». Аллах исполнил просьбу и превратил юношу в голубя. Голубь взлетел и опустился на подоконник. Посмотрел в окно и увидел, что у (спящей) девушки оголился локоть, и этот свет исходил от (ее) локтя. Танду в образе голубя полетел, сел и, сдернув с нее одеяло, (несколько раз) постучал клювом. И тогда девушка вскопчила и, посмотрев голубю в глаза, сказала: (с. 190) «Клянусь аллахом, если бы твои глаза не были так похожи на глаза Танду, то я выбросила бы тебя, оторвав голову». Когда девушка опять вздремнула, Танду опять полетел и сел на нее. И тогда девушка сказала: «Ах ты, трусливый Танду, если ты настолько боишься, ты не должен был сюда заходить». «Это (все) не из-за страха,— (сказал Танду). — Ты ведь женщина, а я с тобой не знаком. Если бы я к тебе пришел сам по себе (не приняв образ голубя), что бы ты могла подумать (обо мне), вот поэтому я поступил так». Девушка и юноша познакомились (друг с другом).

(И) начиная с этого дня решили бежать (отсюда). Отец девушки каждую пятницу приходил проводить свою дочь. (И они) решили: «Сбежим вечером, как только он уйдет». До пятницы Танду жил у девушки. Когда наступила пятница, он спрятался в углу за занавеской. Пришел отец и до обеда просидел с дочерью. Когда он ушел, они стали собираться бежать. Вечером, когда все собрали и хотели бежать, начальники войска падишаха джииннов узнали, что (с. 191) Танду находится там (у девушки). Пока они (начальники войск) подбегали к дому, эти (девушка и Танду) сели на коня и ускакали. И (тогда) за ними погналось войско (падишаха). Пока (войско) нагоняло их, Танду доставил девушку (своим) братьям, а сам остался и, дождавшись нагонявшее (их) войско, вступил с войском в сражение и уничтожил всех до единого. Затем вернулся к (своим) братьям и (они) поехали дальше. Ехали они, ехали и доехали в лесу до одной большой реки. Не ища брода, они переплыли на другой берег реки. Перейдя на другую сторону, они сказали: «Кто теперь (сможет) прийти сюда», — и остановились (на отдых) на этом берегу реки. Спустя некоторое время смотрят: с одной стороны войско (падишаха) подступает, стреляя из ружей. Танду передал девушку (своим) братьям и отправил их, сказав: «(Вы) езжайте пока (сами)», а сам вернулся и вступил в бой с войском. В этот день он уничтожил половину войска (падишаха), сам же вечером целый и невредимый догнал (своих) братьев. Войско не решилось больше преследовать их, сказав: «Если (еще раз) пойдем, то и нас (тоже) убьет (Танду): Если вчера мы не могли (убить) его, то сегодня (тем более) мы ничего с ним не сделаем».

На второй день Танду вместе с дочерью падишаха джииннов достиг своего селения (с. 192). Слух о том, что (он) привез дочь падишаха джииннов, разошелся по всему селению. Собрались все (его)

друзья и устроили большую свадьбу. На этой свадьбе и мы танцевали, и (хмельные) напитки пили, и (разную) еду кушали, как во сне.

5

СОН

Однажды ночью один человек увидел во сне (много) вкусных (букв. хорошо приготовленных) кушаний, (лежавших) на высоком (месте). (Он) бросился туда-сюда в поисках лестницы, однако не нашел. На второй день (он) не захотел ничего кушать: «Я сегодня ночью (во сне) не нашел лестницу и поэтому не смог поесть вкусных блюд. Теперь же я понесу (с собой) лестницу, к тому же, если я буду голодный, то смогу побольше съесть этих вкусных кушаний», — сказал и ни в тот день, ни в тот вечер ничего не стал есть. Когда наступила ночь, он поставил лестницу к месту (в комнате), где (во сне) видел яства, а конец (лестницы) придвинул к своей кровати. (Ночью), когда он спал, он стал ворочаться туда-сюда, (с. 193) задел лестницу, и лестница упала. Падая, лестница задела голову человека и ранила (его) голову. И тогда человек выскочил на улицу. «Хозяин этих яств узнал, что я (хочу) украсть их и (это) он ударил (меня) по голове!» — сказал он и (всю) эту ночь простоял на улице с разбитой (букв. кровоточащей) головой.

6

ДЕВЯТЬ СЫНОВЕЙ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ

В одном селении была одна бедная женщина. У этой женщины было девять сыновей, один глупее другого. Утром, встав спозаранку, все девятéro (сыновей) уходили туда, где было какое-нибудь празднество. (Поздно) ночью, возвратясь домой, они приставали к (своей) матери: «Покорми (нас), ынна!» * Если было чем покормить, она кормила (их), а если ничего не было, юноши, окружив женщину, избивали (с. 194) (ее), приговаривая: «Разве ты не знаешь, что когда мы ходим на празднества, там нас не кормят? Почему (же) ты не готовишь еду к нашему приходу?» Юноши не работали, хотя были бедны, а (сами) были уверенными и заносчивыми.

(Наконец) женщина устала от побоев (букв. надоело ей терпеть). В один из дней она пошла и пожаловалась хану: «Хан, господин (мой), есть (у меня) девять сыновей, все (они) до единого глупые (и) работать не хотят. Утром уходят на празднество, а вечером возвращаются и пристаю́т ко мне, говоря: «Корми (нас), ынна!» Найду (чем кормить), покормлю, а если нечем (кормить), окружаю́т (меня)

* Ы н н а — обращение к матери.

и избивают. (Уже) не знаю, что с ними делать, (я) пришла к тебе посоветоваться (букв. спросить тебя)». Хан сказал: «Ты сшей (своим) сыновьям по одной новой черкеске! Молодой человек очень любит одежду. Сыновья, увидев черкески, попросят тебя: «Дай (их) нам». И тогда ты скажи так: «(Я) отдам вам (эти) черкески, если (вы) скажете, на что вы годитесь». Если они что-нибудь ответят (тебе), приходи (обратно) и дай мне (об этом) знать».

Начиная с этого дня, женщина принялась изготавливать юношам черкески. Однажды ночью, когда (черкески были готовы, (она) повесила одну из них на гвоздь. Юноши, как всегда, были на празднестве.

(с. 195) Первым вернулся (ее) старший сын. «Ынна, покорми (меня)», — пристал он к матери. Когда ничего (съестного) не нашел, избил мать, потом сел к очагу и (стал) смотреть по сторонам. Увидев висевшую на гвозде черкеску, спросил: «Ынна, а это чья (черкеска)?». «Моя», — ответила женщина. «Отдай (ее) мне», — попросил юноша. Женщина отказала: «Я бы отдала (ее) тебе, если бы ты сказал, на что (ты) годишься». Юноша ответил: «Эй, ынна, я из-за (плохой) одежды не проявляю (геройство), а так, если у меня будет (хорошая) одежда, я смогу найти на земле след черной вороны (даже) трехлетней давности и найти (ее) по этому следу». Когда (он) это сказал, женщина отдала черкеску юноше.

Когда он надел черкеску, пришел его младший (второй брат). «Покорми (меня), ынна», — сказал. Когда не нашел еду, избил (свою) мать. «Ты нам не готовишь еду. Мы идем и целый день танцуем на (чем-нибудь) празднестве, а вечером приходим и ложимся, (чуть не) умирая от голода. Как же так дальше (жить)?» — (возмутился) он. Потом посмотрел и увидел на брате новую черкеску. Увидев (ее), спросил: «Эй, кто дал этому негодному новую черкеску?» Тот сказал: «Это (с. 196) ынна дала!». Юноша попросил: «Ынна, если у тебя есть (еще) такая черкеска, дай и мне». «И тебе дам, если скажешь, на что способен», — ответила женщина. Юноша сказал: «У меня нет (хорошей) одежды и поэтому я не могу показать (свое геройство), а так я вижу все, что происходит между востоком и западом, даже самое маленькое движение (букв. даже движение иголки)». И этому юноше дала черкеску (его) мать.

Пришел третий (ее) сын и спросил: «Есть что-нибудь кушать?» Когда ответила: «Нет», (он) избил мать. Посмотрел и увидел (на) юношах (повые) черкески. «Кто вам дал, негодные, эти новые черкески?» — спросил (он у братьев). «Ынна дала, — ответили юноши, — и тебе даст, если скажешь, на что ты способен». «Я бедно одет и поэтому не показываю никому свои способности, а так, если я пойду с войском и если мы, не найдя дорогу, наткнемся на скалу (окажемся в тупике), то я смогу кулаком пробить скалу и сделать дорогу, чтобы смогло пройти войско». Когда (он) это сказал, (его) мать и ему дала черкеску.

Четвертый (ее) сын сказал: «Если бы у меня (была хорошая) одежда, то я бы (с. 197) стал вором, равного которому не было на свете». Мать и ему дала черкеску. Когда спросили юношу, который пришел вслед за ним: «(А) ты на что годишься?» — (тот) ответил: «Я (за неимением) одежды так живу, а так, если бы у меня была (хорошая) одежда, я смог бы за один день проехать путь, который человек на коне может проехать (только) за месяц». И ему мать дала черкеску. Когда (она) спросила шестого сына, он ответил: «Я из-за одежды такой незаметный, а так, если на наше ханство (нападет) войско (врага), я смогу ту гору сюда приблизить и другую гору сюда приблизить, потом обе горы сдвину друг к другу так (плотно), что перережу путь войску. Седьмой (ее) сын сказал: «Если бы у меня была хорошая одежда, то я бы смог (даже) в игольное ушко, (находящееся) в небесной туче, попасть с первого выстрела». И этому сыну мать дала черкеску. Восьмой (ее) сын сказал: «А я смогу поймать на лету падающий с неба камень, который будет весит столько, сколько и я». Девятый (ее) сын не захотел ничего отвечать и сказал: Если мне понадобится (хорошая) одежда, (разве) я не найду?» Долго они выпрашивали, но ничего кроме: (с. 198) «Не нужна мне ваша одежда», — он не сказал.

На второй день женщина пошла и рассказала хану то, что ответили (ее) сыновья. Хан вызвал юношей и повел их в одну комнату. «Вот уже два года, как из этой комнаты пропала (моя) дочь. Как (и куда) она пропала, никто не знает. Если вы найдете след (того) человека, кто ее увел, возьмите след», — сказал.

Тот (из братьев), кто говорил, что может повести по следу, оставленному вороной на земле, начал ходить вокруг дома, (потом), выбрав один след, отправился на запад. И остальные семь (его) братьев пошли за ним. Шли они, шли, много ли, мало ли они прошли, один аллах знает, посмотрели и увидели вдали что-то непонятное. Один сказал: «(Это какое-то) животное», — другой: «(Это) дерево», и ни один (из них) не понял, что это такое. И тогда тот, кто был (очень) зорким, сказал: «Идите, негодные, это склеп». Шли они, шли и когда дошли до него, то увидели, (что это на самом деле) склеп. Тот, кто вел по следу, остановился у склепа и так сказал: «След отсюда (уже) нигде не ведет, если что-то и есть, то оно (находится) в склепе».

(с. 199) И туда, и сюда ходили они вокруг склепа, но входа вовнутрь не нашли. И тогда тот, который говорил, что может пробить скалу и сделать дорогу для войска, ударил кулаком, и в (стене) склепа пробил дорогу, что (даже) арба могла (бы) проехать. Посмотрел вовнутрь склепа и сказал: «Девушка спит здесь вместе с драконом». Тогда тот, который говорил, что будет вором, равного которому не будет на свете, спустился вниз, (не разбудив дракона), взял девушку и, сказав: «Возьмите (ее)», — передал ее (братьям) наружу. Тот, который говорил, что путь, который (другие) на коне проделывают за месяц, он проделает за один день, взял девушку и бросился бе-

жать, (его братья) тоже во всю мочь побежали за ним. (Тот, у которого был) зоркий глаз, (стал) оглядываться назад: «Вот дракон вышел наружу и осматривается; (а) теперь он погнался за нами; (а) теперь он догоняет нас!» — говорил он (братьям). И тогда тот, который говорил, что может сдвинуть две горы и перерезать путь войску, (с. 200) потянул и сдвинул две горы (вместе). Однако дракон перелетел через горы и догнал юношу, бежавшего с девушкой. «(Дракон) отобрал девушку!» — сказал (своим) братьям остроглазый. Когда дракон, забрав девушку, летел обратно, тот, кто говорил, что может попасть (даже) в игольное ушко, (находящееся) на небе в облаках, прицелился и выстрелил: стрела полетела и попала дракону в глаз. Дракон был убит, и девушка (стала падать вниз). И тогда тот юноша, который говорил, что может на лету поймать летящий с неба камень весом с него самого, раскинул руки и, когда девушка падала, осторожно (поймал) и опустил (ее). Несмотря на это, девушка потеряла сознание из-за того, что падала с такой высоты. Они подождали, пока девушка пришла в себя, а (когда она) очнулась, отправились в путь.

Шли они, шли и (наконец) дошли до своего ханства. Повели дочку к отцу и отдали, спросив: «О хан, это твоя дочь?» — Хан очень, очень удивился всему этому, он позавидовал мужеству юношей. В тот же день он сказал: «Я хочу породниться с вами, я отдам (свою) дочь за того, (с. 201) кого вы сами считаете (самым) достойным (среди вас)». Юноши повели девушку домой и все в один голос сказали: «Пусть аллах даст счастье (нашему) старшему (и этой девушке)».

Вскоре (их) младший брат пришел с (очередного) праздника и сказал: «Здравствуйте, братья (мои), (а) что это за девушка? Что вы репаете?» — спросил (он). Юноши ответили: «Девушка — дочь хана. Хан решил породниться с нами и отдал нам (свою) дочь. А мы теперь благословили (нашего) старшего и собрались сделать неких»*. Младший сказал: «Так не пойдет. Если хан отдал (свою) дочь, захотев с нами породниться, значит, он отдал нам всем поровну. Как можно оставить (ее) только старшему!» Юноши ответили: «Это не твое дело! Ты не ходил с нами, (ты) не испытал тех трудностей, которые испытали мы. Уйди прочь!». Юноша добавил: «А когда вы ушли и бродили (где-то), кто смотрел за ынной и домом? Смотреть за домом тоже нелегкое дело, я тоже немало потрудился по дому. Ну, а теперь и мне дайте долю от девушки, (с. 202) а то или вы меня убьете, или я кого-нибудь из вас убью, (я) не отступлю от своего». Юноши подумали и сказали: «Ну его, он (ведь) дурак! Если мы тронем его, люди осудят нас (за это), что бы он ни сделал, разрешим, аман сагъатлы болсун»**.

* Не к я х — мусульманский брак.

** Аман сагъатлы болсун — проклятье.

И тогда юноша принес откуда-то большой нож. (Он) взял нож в руки и стал стыдить братьев: «Если человек справедливый, (он) должен и решать справедливо. Эту девушку хан дал нам всем поровну. А вы хотите оставить (ее) только одному, разве так можно?!». «Чтобы ты пронал! Делай (все), что хочешь!» — ответили юноши. Младший сказал: «Я поделю девушку. И каждый получит (свою) долю», — и с этими словами вытащил нож и замахнулся на девушку. Девушка (от испуга) вздрогнула и тогда изо рта девушки выскочил (какой-то) зверь. Юноша ударил и убил (этого) зверя. (Он) опять замахнулся на девушку: опять (изо рта) девушки выскочил зверь, юноша и его убил. Таким образом юноша и в третий раз вытащил из девушки зверя. И его убил. Потом он сказал (своим) братьям: «Ну, что же, братья (мои), пусть аллах (даст счастье) старшему (нашему брату) и (этой девушке) (с. 203). Если бы эти твари остались бы в ней, она бы не смогла быть для нас (настоящим) человеком. Я это знал и поэтому говорил: «(Давайте ее) поделим», — а так, вы думаете, я не знал, что нельзя живого человека делить, разрубив (его)?»

В тот день все, благословив, сделали некая старшему (брату) и девушке и справили свадьбу. Хан дал им много денег, и они очень разбогатели. И сегодня они живы, здоровы и поддерживают с ханом родственные отношения: «Я лучше тебя!» — говорит один из них. «(Нет) я лучше тебя», возражает другой и так каждый хвалит себя. Младший говорит: «Из всех вас я больше всех работаю в доме» и по сегодняшний день продолжает ходить на празднества. Слушающие (эту сказку), скажите, — из этих юношей который хороший и который плохой!?

7

ГЛУПАЯ МАТЬ ОДНОГО ЮНОШИ

У одного юноши были старая мать и жена. В один из дней сноха доила корову, а мать (юноши) отгоняла теленка (с. 204). Во время дойки сноха нечаянно ударила корову палкой по голове. Старуха рассердилась на сноху: «Как поднялась у тебя рука ударить такую же старую, как (наш) отец, корову палкой по голове?» Сноха стояла в нерешительности. Старуха сказала: «Сними рубашку и надень на корову; за то, что ты ее обидела, ты должна для нее что-нибудь сделать». Молодая женщина (долго) раздумывала, не зная, что делать. Когда же старуха опять (стала) бранить (ее), она разделась, и когда (она), нагая, стала надевать свою рубашку на корову, пришел юноша. «Что вы делаете, женщина, чем занимаетесь?», — спросил он у матери. «Чем занимаемся? — сказала женщина. — Сноха ударила по голове корову, которой так же много лет, как и нашему отцу, ну, а теперь я, (чтобы корова ее простила), заставляю (сноху)

надеть на нее рубашку». «О, — сказал юноша, — оказывается, они глухие! Я буду бродить (по свету), пока не встречу глупее их. Если найду — вернусь домой, не найду — не вернусь!» (С этими словами) сел на коня и отправился (в дорогу).

Ехал он, ехал и доехал до одного селения. В конце селения подъехал к одному дому и крикнул: «Эй!» (с. 205) Из этого дома вышли две женщины и пригласили (его) в дом. «Заходи, какой бы ты человек ни был!». «Спасибо! Я не смогу зайти, путь мой далек, я очень спешу. Я еду в преисподнюю, у меня потухла трубка, и я завернул (сюда, чтобы) раскурить ее». Женщины засмеялись: «Наверное, (он) дурак!» — сказали (они) и дали огня.

(с. 206) Ехал он ехал, и когда досехал до окраины одного селения, встретил двух молодых женщин и с ними девушку, у которой рука застряла в кувшине. «Удачи (тебе) в дороге, добрый юноша! Куда едешь?» — спросили они. Юноша ответил: «В преисподнюю еду». «Рука этой девушки застряла в кувшине, и теперь она на этом свете ни на что не пригодна, и поэтому мы ведем ее в ад. Мы и дорогу-то (туда) не знаем. (Как) хорошо, что мы встретили тебя. Если едешь в ад, езжай, только мы тебя просим, ради уважения к нам, как к женщинам, возьми ее с собой». «Трудная просьба, я, наверное, не смогу везти ее по этим плохим дорогам», — ответил юноша. Женщины опять попросили (его): «Ну ладно, хотя и трудно, но (раз) вы очень просите, я исполню вашу просьбу», — сказал юноша и посадил девушку на коня. Вез он ее (вез) и заехал в дом одних (своих) знакомых (с. 207) Кувшин же (на руке) девушки, (лишь только отъехал (подальше) от женщин, он ударил и разбил. Повел девушку и оставил у этих (своих) знакомых, сказав: «Подержите (ее) тут, пока я вернусь».

Уехал он оттуда (и доехал) до одного селения. В этом селении завернул в дом одного князя. Когда он крикнул: «Хей!» — вышла служанка. «Добро пожаловать, незнакомец», — сказала (она). Юноша ответил: «Спасибо. Я еду в ад, но у меня потухла трубка и я завернул раскурить». Служанка зашла в дом и сказала княгине: «Один юноша пришел и говорит: «(Я) еду в ад». «Как хорошо, конь князя, его снаряжение остались здесь, (я) не могла найти человека, чтобы послать туда. Ну, а теперь позови этого юношу сюда, попросим его, чтобы он все это повез князю», — сказала княгиня. Служанка вышла наружу. «Княгиня зовет тебя», — сказала она и завела юношу в дом. Юношу напоили и накормили. Затем княгиня сказала: «Мой муж любил путешествовать. Он (уже) умер. Но (его) конь, снаряжение остались здесь. Он, наверное, там переживает из-за этого, если это возможно, ради уважения ко мне, возьми это (с. 208) все с собой», — попросила она. Юноша сказал: «Ты женщина, и если я тебя не уважу, это позор (для меня). Хотя и трудно, (я) повезу». Собрали коня князя, конское снаряжение и одежду (князя) — (все) отдали юноше. Взяв это, юноша отправился в дорогу, сказав (про себя): «Эти уже

третьи (по счету) дураки». (Едва) выехав из селения, (он) надел хорошую одежду (князя) и пересел на (его) хорошего коня.

По дороге, около одного селения, встретил маленькую девочку, несшую воду. Юноша (попросил) и выпил у девочки воды. Когда юноша отъехал (далее), девочка горько зарыдала. На (ее) громкий (плач) собралось много людей. Пришедшие люди спрашивали (ее): «Почему ты плачешь, девочка? Что с тобой случилось?» Увидев юношу, спросили (его): «Эй, едущий! Подожди!». Юноша остановился. Когда он остановился, люди спросили его: «Ты почему обидел девочку?» Юноша ответил: «Я не трогал девочку. А вы спросили (ее), почему она плачет?» Люди спросили девочку: «Если этот юноша не трогал тебя, так почему же ты плачешь?» Девочка ответила: «Почему я (с. 209) плачу? Вот о чем (подумав), я плачу: если (я) выйду замуж и у меня родится сын, он вырастет и станет всадником, как (вот) этот всадник, и если (он) пойдет в армию и погибнет, то я буду по нему вот так плакать (и поэтому) плачу!» — ответила девочка. (А) эти люди, (услышав это), сказали: «А мы, если сын нашей сестры умрет в бою, то за его кровь вот так отомстим», — и с этими словами вытащили (из пожен) свои кинжалы и стали сносить друг другу головы, уши, руки. Вся округа (была) залита кровью. Юноша посмотрел (на это) со стороны и сказал: «Наверное, глупее этих на всем свете нет. Даже если я пойду в ад, и там не найду таких глупых. Лучше (я) вернусь домой», — и вернулся (к себе) домой, взяв с собой девушку, у которой рука застряла в кувшине, коня того князя и его снаряжение.

8

МУЖЧИНА, КОТОРЫЙ ИМЕЛ ГЛУПУЮ ЖЕНУ

У одного мужика была глуповатая жена. (Она) не понимала, что такое зима. Во время еды, не жалея, давала мужу много катыка *. Муж (всегда) поговаривал: (с. 210) «Подавай на стол катыка поменьше! Когда придет зима, тогда будешь подавать все, что найдешь». Женщина всегда думала: «Интересно, что это за зима?»

О том, что она не знала, (что такое зима), узнал в селе один нечестный (человек). Однажды этот нечестный человек надел старую (букв. плохую) одежду и отправился к этой женщине. «Добрый день, женщина!» — поздоровался он. «Спасибо. Зачем (ты) пришел?» — спросила женщина. «Я — зима, хожу и собираю у всех катык. Ты тоже вынеси и дай (мне) все, что у тебя есть», — сказал этот нечестный мужчина. Женщина вынесла и отдала (все съестные припасы). Несколько дней подряд женщина кормила мужа (одним) хлебом. Муж сказал ей: «А я разве (тебе) говорил, чтобы ты всего

* К т а т ы к — масло, сыр, мясо и др. съестные припасы.

не давала катык? Иногда и катык подавай (к столу)». «Где я тебе найду катык?» — ответила женщина. «А куда подевался наш катык?» — спросил мужчина. Женщина ответила: «Ты (же) говорил, дашь (катык), когда зима придет. В один из дней пришла зима (и) я (весь) катык отдала ей». «А-а-а, так ты, оказывается, дура? Я не я, если (с. 211) не буду бродить по свету, пока не найду глупее ее! Если найду глупее ее, вернусь, если не найду глупее ее — я не вернусь больше к этому очагу!» — сказал (мужчина), закинул за плечи старые котомки, одел на себя рваную одежду и отправился (в дорогу).

Долго бродил он и однажды вошел в одно селение. Идя по селению, он встретил какую-то служанку. Когда (она) увидела этого мужчину, поздоровалась с мужчиной за руку: «Добро пожаловать, Ахырат*. Здоровы ли вы все в аду, а наш господин что (там) делает?» Мужчина ответил: «Очень хорошо поживает ваш господин. Он мастер по конскому снаряжению, по коже. (Он) очень просил: «Пусть побольше пришлют мне сыromятной (кожи) и выделанной кожи». «Я расскажу все это княгине», — сказала служанка и побежала к ней.

Придя к княгине, (она) сказала: «Из ада пришел мужчина. Если у тебя есть что послать господину, пошли. Я расспросила про него. «(У него) все хорошо, он (там) изготавливает сбрую для коней», — сказал (мужчина)». Услышав это, княгиня обрадовалась: «Пойди и быстро приведи этого мужчину сюда!» — сказала (она) (с. 212) Девушка побежала и привела мужчину. Его очень радушно встретили. Когда (он) собрался уходить, дали (ему) много денег и много вещей, сказав: «Отнеси (нашему) господину». Мужчина ушел. Как только он ушел, домой пришел князь. Княгиня стала хвастаться: «Из ада приходил мужчина и я (твоему) сыну послала через него деньги, сыromятную и выделанную кожу». Мужчина подумал: «Кто-то ушел, обманув их. Нужно поскакать (за ним) вслед», — и сев на коня, (умчался).

Через некоторое время тот мужчина, который обманул (княгиню), оглянулся и увидел, что его нагоняет князь. Пока он не догнал, он свернул к одному мужчине, который пахал землю. (Он) сказал этому мужчине: «Видишь, там скачет всадник? Он едет, чтобы обезглавить тебя и сделать из твоей головы суулук**. Ты лучше, пока он не доскакал, беги и взберись на макушку вон того дерева!» Мужчина, который пахал землю, побежал и взобрался на дерево. Когда всадник приблизился, тот мужчина, который сидел на дереве, так подумал: «Хотя я сюда забрался, (он) выстрелит из ружья и убьет (меня), (с. 213) (отрезав), заберет мою голову и уедет. Пока он меня не убил, я лучше сделаю так, чтобы моя голова больше не

* А х ы р а т — ад, преисподняя.

** С у у л у к — сосуд для хранения воды, фляжка.

пригодилась для суулука». У него с собой был нож, (он) вытащил его и (начал) пожом наносить удары (по своей) голове.

Увидев это, князь от удивления уставился на человека, сидящего на дереве. И в этот момент другой мужчина снял с коня князя уздечку и ушел, погоняя впереди себя волов (пахаря). Спустя некоторое время, смотрит князь: ни уздечки, ни пахаря, ни волов! Мужчина, сидевший на вершине дерева, боясь князя, (не стал) спускаться вниз. Лишь когда князь уехал, мужчина спустился (с дерева), а за это время тот, другой мужчина, доехал туда, куда ему надо было доехать.

9

ТРИ ДОЧЕРИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

У одного человека была жена и три дочери. Его жена тяжело заболела. Перед смертью (она) позвала (своих) дочерей и завещала им: «Если (ваш) отец захочет жениться, не запрещайте. Ну, а если сам не скажет: «Женюсь», то не заставляйте (его) жениться». Когда прошло два года, мужчина надумал жениться. (с. 214) (Он) откуда-то привез себе жену. В мире не было злее этой женщины. Она не давала девочкам еду, и те обессилели от голода. Их отец ходил в лес и приносил им дикие яблоки и груши и несколько лет девочки питались только этим. В один из дней они сказали (своему) отцу: «Тебе очень трудно носить сюда, лучше в один из дней ты повези нас с собой и мы соберем там, чтобы хватило надолго!»

В тот день (их) отец пошел в лес. По дороге в лес ему на ум пришла плохая мысль погубить дочерей: «Сам я их летом еще могу прокормить яблоками и грушами, а что я буду делать зимой? Они и так тогда умрут, поэтому пусть (лучше) умрут сейчас. Оставляю их подальше от глаз и уйду».

Он вошел в глубь леса и под одной яблоней выкопал глубокую яму. Сверху яму прикрыл ветками. Потрусил яблоню и, не оставив на ней (ни одного яблока), все яблоки разбросал поверх ямы, (прикрытой ветками). Затем взял немного яблок с собой и вечером приехал домой.

На второй день посадил всех трех дочерей и повез их в лес. Он подъехал к тому дереву и поставил телегу около той ямы. Все три девочки (с. 215) слезли с телеги, взобрались на ветки, (которые прикрывали яму) и стали есть яблоки. В это время верх ямы обвалился, и они все три упали в яму. Насыпал (человек) в яму девочкам яблок, сел на телегу и уехал прочь.

Когда этот человек копал яму, он (там) оставил (свой) кетмень. Младшая из дочерей, начиная с этого же дня, стала делать дорогу на поверхность (букв. поверх ямы). Один аллах знает, мало или много пробыли они в этой яме. Однажды они закончили (делать)

дорогу и выбрались из ямы. В лесу они заблудились и забрели в самую чащу. Днем (они) питались тем, что находили, а ночью взбирались на вершину дерева и там спали.

Так, бродя по лесу, однажды они вышли на поляну. В конце поляны росло высокое дерево, и выбрали они это дерево местом стоянки.

Днем бродили по лесу, ели яблоки, груши, ночью взбирались на это высокое дерево и спали там. Мало или много жили они таким образом, один аллах знает.

Итак, жили они на этом месте. Однажды вечером, когда девушки находились на верхушке дерева, один хан (вместе) со своей свитой, (возвращаясь) после охоты, остановился под этим деревом. Ночью, когда эти люди уснули, младшая из девушек спустилась вниз. Пошла, и взяв еду из провизии этих мужчин, подняла (ее) наверх. Потом сама спустилась вниз и залатала (с. 216) всю одежду путников. Утром, когда люди стали одеваться, они были очень удивлены: «Моя черкеска была разорвана, а теперь она зашита», «У меня не было пуговицы, а теперь пришита», — говорили они друг другу.

На следующий день, возвращаясь из леса, эта же свита, сказав: «Это дерево счастливое для нас», — опять остановились на этом месте. И в эту ночь девушка опять спустилась (с дерева) и привела одежду мужчин в порядок. На второй день, утром, они еще больше были удивлены и говорили об этом.

И на третий день свита хана пришла и остановилась под этим деревом. В эту ночь они поставили сторожей. Опять эта девушка в то же время спустилась вниз, опять привела в порядок одежду мужчин и, взяв еду для сестер, взобралась на дерево. Все это видел один из сторожей. Утром он всем рассказал об этом. Взглянули они и увидели на вершине дерева трех девушек. После того, как они сказали: «Спускайтесь!» — девушки спустились. «Вы же женщины, зачем бродите, что ищете в этом лесу?» — спросил (их) хан. И (они) обо всем рассказали хану.

(с. 217) Хан подумал: «Если бы они что-нибудь умели делать, я бы взял их с собой». И спросил у девушек: «Если вы выйдете замуж, что вы сумеете делать?» (букв. чем будете полезны мужу?)

«Если у меня, — сказала старшая, — будет муж, который будет ходить в походы, и если он мне скажет: «Завтра отправляюсь (в поход)», — то я в ту же ночь смогу приготовить ему и всей его свите добротную одежду». Вторая сестра сказала: «Если мой муж тоже будет таким, то я за одну ночь приготовлю столько еды, сколько хватит ему и его свите на время всего похода». Младшая сестра, когда ее (хан) спросил: «Ну, а ты на что годишься?», — ответила: «Я еще не знаю, на что я гожусь, но я смогу родить двух детей, они будут такими прекрасными, каких еще не было на этом свете». Хан был неженатым. Посмотрел он и сказал: «Возьму я их всех трех!» Таким образом, привезли всех трех девушек в дом хана. Стали жить

они у него. В один из дней он сказал своим старшим женам: «Послезавтра (я) отправляюсь в поход. Если что-нибудь надумаете сделать (в дорогу), делайте». Но, оказывается, тогда, (когда говорили о своих способностях), эти две девушки обманули хана. Младшая же сестра была беременной и скоро должна была родить. Когда хан собрался в дорогу, (с. 218) она сказала: «Если я заболēju во время твоего отсутствия, что мне делать?» Хан ответил: «В сундуке лежит золотая цепь. Если заболѐешь, позвени этой цепью! И тогда, если будет жив мой белый конь, он меня доставит сюда».

Их разговор подслушала одна из (старших) жен. Когда хан ушел, эти женщины пошли и заткнули воском уши белого коня.

В один из дней у женщины начались роды. Пошла она, (взяла) из сундука золотую цепь и позвенела (ею). Однако, белый конь не услышал звона цепи. Женщина родила. Как и обещала, родила мальчика и девочку удивительной (красоты). (Ее) сестры унесли девочку и мальчика, а ей в постель подбросили новорожденных щенят. Мальчика и девочку положили в сундук, обили сундук снаружи мелте *. Сделав так, сбросили сундук с детьми в большую реку, протекавшую перед (их домом). (А) хану послали весть: «(Твоя) жена родила щенят».

«Пока я приеду, и щенят, и ее отведите и бросьте в лесной глуши, (там, где не ступала нога человека), чтобы она оттуда (с. 219) не нашла дороги (назад)». В тот же день женщину отвели (в лес), бросив (ее) в лесу, ушли. Женщина, питаясь яблоками, грушами, собирая их (себе) на зиму, стала жить в этом лесу. Один аллах знает, мало ли, много ли (она) находилась (там). Но она пробыла там, пока эти щенята не превратились в старых псов.

В низовьях той реки, куда бросили сундук, жили старик и старуха, которые занимались ловом рыбы. Однажды старик бросил в воду сеть. Когда он (ее) вытащил, увидел в ней сундук. (Он) опять опустил сеть в воду, сказав: «Кажется, аллах послал нам богатство. Вечером старуха и я вытащим (сундук) и откроем». Вечером оба пошли и вытащили сундук. Принесли (его) домой и когда открыли, увидели внутри сундука мальчика и девочку, которые смеялись. С этого дня, начиная старик и старуха стали поить этих детей молоком, ухаживать за ними. Дети за месяц вырастали на столько, на сколько (другие) вырастали за год, за день на столько, на сколько другие — за месяц, за один час на столько, на сколько (другие) вырастали за один день. Через год мальчик уже мог убивать летящих в небе птиц (с. 220) из лука, сделанного им самим. К двум годам он уже начал убивать лисиц, зайцев, волков. К трем годам он превратился в смелого юношу и стал таким охотником, равного которому (еще не было).

Юноша начал ходить в лес на охоту. Старуха и старик боялись

* Мелте — ткань, пропитанная воском.

за себя. Однажды (они) сказали юноше и девушке: «Вот как обстоят ваши дела. То, что у нас нет детей, все знают. Когда-нибудь из-за вас мы можем пострадать. Поэтому (будет лучше), если вы будете жить в лесу немного подальше от нас. А друг к другу будем ходить постоянно». На следующий день девушка и юноша построили в лесу шалаш. Юноша убил оленей и накрыл шалаш сверху донизу шкурами (этих оленей). Через каждые два дня (к ним) приходили то старик, то (его) старуха. Каждый раз старик говорил: «(Смотрите), не погасите огонь! Если (же) потухнет (ваш) огонь, то огонь берите (только) отсюда (из дома стариков)».

Юноша утром уходил в лес и возвращался (только) вечером, к его приходу девушка готовила еду. Однажды у (нее) погас огонь. Взглянула (она) и увидела вдали дым. И пошла к тому месту, откуда шел дым, чтобы взять огня. В этом доме (она) увидела двух женщин. «Чья (ты) дочь?» — спросили эти две женщины. Девушка рассказала им о себе. (с. 221) Женщины заподозрили что-то неладное. Наполнили сито золой, сверху положили огонь и дали (его) девушке, сказав: «Иди (и по пути) просеивай (золу), а то огонь (может) погаснуть». Девушка вернулась домой. Вечером вернулся и (ее) брат. То, что у них погас огонь, девушка ему не сказала. На второй день (ее) брат ушел в лес на охоту. Как только он ушел, женщина пришла по следу золы в (их) шалаш. Эта женщина до вечера пробыла там, (а) когда собралась уходить, сказала: «Наверное, твой брат — хороший юноша. Все у вас ладно. Вот только если бы (вы) построили дом и стали бы жить в нем». (с. 222) «Как же построит дом один юноша? Ему некогда, а так построил бы», — ответила девушка. «Я подскажу легкий способ, как построить дом, — сказала женщина. — Там-то, там-то есть одно озеро. Если принести воду из этого озера и побрызгать немного (этой) водой на четыре стоящих бревна, то появляется такой дом, какой пожелает твое сердце, дом из драгоценностей. Если твой брат смелый юноша, скажи, чтобы (он тебе) построил такие дома», — сказала (женщина) и ушла.

Вечером, когда юноша вернулся, он увидел, что девушка (почему-то) грустная. «Что с тобой случилось? Почему (ты) грустная?» — спросил (он). «(А) как мне не быть грустной, чему же мне радоваться? Ты утром уходишь, а возвращаешься (только) вечером. Пока ты вернешься, я мучаюсь в этом шалаше от запаха этих шкур. — ответила девушка. — Если ты хочешь меня обрадовать, там-то, там-то есть одно озеро. Принеси из этого озера воду и построй (нам) дома!». «Я из-за этого не дам тебе грустить. Если на самом деле есть такое озеро», — сказал юноша.

(с. 223) На следующий день юноша пошел к старику и к старухе. Рассказал им желание (букв. слова) сестры. «Нельзя идти к этому озеру, — сказал старик, — кто туда пойдет, живым не вернется. Тот, кто научил девушку, сделал это для того, чтобы погубить тебя». Старик пришел к девушке и стал ее умолять: «Забудь (это)! Кто

тебя научил этому, тот не желает нам добра. Отправившийся туда не возвращается живым!». Сколько он ни упрасивал, девушка (все-таки) не согласилась. И тогда юноша сказал: «Поеду», — и собрался (в дорогу). «Ну, если так, у меня есть один черный конь, езжай на нем», — сказал старик и научил юношу, (что ему делать) на озере. Старик сказал: «На этом озере бывают приливы и отливы. Когда будет отлив, ты подскочи и набери воды». Юноша взял (с собой) бурдюк, сел на коня и уехал. Ехал он ехал и доехал до озера. (В то время), когда на озере вслед за приливом начался отлив, юноша подскочил, опустил бурдюк в воду и (быстро) отскочил назад. Вода настигла и оторвала наполовину хвост (его) коня. (Юноша) вернулся домой, поставил стоймя четыре доски и побрызгал (их) водой, пожелав про себя хорошие дома. В тот же миг выросли замки, крыши которых упирались (прямо) в облака.

Опять юноша стал каждый день ходить на охоту. Однажды, когда он ушел, (вновь) пришла та женщина (и) сказала девушке: «Видишь, какой я тебе совет дала». В тот день она пробыла (у них) до вечера. Когда (с. 224) собралась уходить, женщина сказала: «Дома получились такие хорошие. Однако, чтобы ты не скучала, в одном месте есть одна шуба: воротник играет на гармошке, два ее рукава хлопают в ладошки, а подол ее пляшет. Если бы твой брат принес тебе эту шубу, ты бы тогда не скучала», — сказала женщина и ушла. К приходу юноши девушка опять загрустила. Юноша спросил (ее): «Почему (ты) грустна?». «Ты утром уходишь, а я здесь остаюсь одна. Скучаю, вот поэтому я грущу», — ответила девушка. — Я услышала рассказ об одной шубе: воротник играет на гармошке, рукава хлопают в ладошки, а подол пляшет. Я бы хотела, чтобы ты принес эту шубу». «Если будет возможность, (я) поеду и привезу», — сказал юноша, и, (закончив разговор), так порешив, они легли (спать). Когда наступило утро, юноша опять отправился к старикам. «(Моя) сестра рассказала (мне) об одной шубе. «Я бы хотела, чтобы ты привез ее (мне)», — говорит (она)». Старик (стал) ругать юношу: «Твою сестру кто-то подговаривает. Если ты не дурак, почему ты ее слушаешь?». Юноша и старик опять пришли к девушке и стали ее упрасивать: «Оставь! Не посылай туда юношу! (Тот), кто туда идет, не возвращается живым. Если (твой) брат умрет там, (ведь) будешь печальиться!» Однако, девушка не согласилась.

На следующий день старик одел юношу, как нищего, посадил на того же самого коня и отправил (в путь), объяснив, как ехать. Ехал он ехал и доехал до места, (о котором говорил старик). Юноша увидел, что там собралось очень много народа. Посередине (толпы) был холм. На холме плясала золотая шуба, играя на гармошке и хлопая в ладоши. Юноша сделал вид, что (он очень этим) удивлен, а его конь (с. 225) нарочно захромал. Эти люди стали говорить друг другу: «Пропустите вперед этого нищего!» Юноша, делая вид, что (он) удивляется, приблизился к шубе. Ближе его к шубе никого не

было. Немного подождав, (он) схватил шубу и ударил коня. Никто не успел заметить, как он исчез. В тот (же) день юноша вернулся домой.

Когда юноша снова ушел на охоту, пришла (опять) та женщина. Она просидела до самого вечера. Когда собралась уходить, сказала: «И эти дома, и эта шуба — все очень хорошо. Ну, а теперь там-то, там-то у одной девушки есть зеркало. Если (человек) посмотрит в это зеркало, то увидит в нем все то, что он пожелает. Тебе (же) очень нужно это зеркало. (Твой) брат каждый день уходит и бродит (на охоте). Когда ты захотела бы, ты смогла бы взять это зеркало и смотреть (на своего брата)». Сказав (все это), женщина ушла.

Вечером пришел юноша. Увидел, что его сестра печалится. Когда (он) спросил: «Почему (ты) печальна?», девушка ответила: «Ты утром уходишь, я (до самого) вечера не вижу тебя. (с. 226) Вот поэтому я грустна. Я бы не грустила, (если бы у меня было зеркало): в одном месте у одной девушки есть зеркало, что (она) пожелает, то и показывает зеркало. Если бы это зеркало было бы у меня, (я) бы смотрела и видела бы тебя, где бы ты ни бродил. А увидев тебя, (я) бы ни за что не грустила бы». На следующий день юноша опять пошел к старику и рассказал ему то, о чем поведала девушка. Старик сказал: «Это зеркало одной девушки. Эта девушка является главой одного ханства. Вокруг (своего) дома (она) сделала высокий забор. Наверху забора (она) повесила колокольчики, даже если слегка прикоснешься (к ним) все (колокольчики) начинают звенеть и будят (все) ханство. У дверей стоят стражники, (а) внутри (дома) кроме нее никого нет. Если (ты) попадешь (туда) в то время, когда она спит, (ты сможешь) забрать зеркало из дома. Когда будешь перескакивать (на коне) через забор, не заденешь колокольчиков, никто не узнает». (Услышав это) юноша решил «Послу!»

(с. 227) Сел опять на черного коня и отправился (в дорогу). Ехал он ехал и доехал до этого ханства, издали посмотрел и узнал дом девушки. Когда люди заснули, (он) подъехал к забору и начал по-нукать коня. (Потом) поскакал к забору. Конь, не задев забор, перескочил во двор (букв. вовнутрь). Оставив коня у дверей, юноша вошел в дом. Подбежав, схватил зеркало. Когда он побежал, схватив зеркало, девушка вышла наружу (и) закричала: «Эй, мой сторожа, какой-то человек, украв (мое) любимое зеркало, убегает». В это мгновение юноша вскочил и сел на (своего) коня. Ударил коня плеткой, и конь (перепрыгнув) очутился за забором. Однако (он задел колокольчики) и колокольчики зазвенели. (Все) ханство бросилось догонять юношу (с. 228) Но (они) не смогли догнать его. В ту (же) ночь юноша вернулся домой.

На следующий день девушка, сказав: «Яараби, (интересно) где находится моя мать?» — посмотрела в зеркало. В зеркале (она) увидела какого-то худого человека, бредущего по лесу. (Она) рас-

сказала брату о том, что увидела. «Какая была моя мать раньше и какой она стала теперь?» — сказав (это), брат посмотрел в зеркало. В зеркале сперва появилось отражение одной красивой женщины, следом появилось изображение какого-то непонятного существа, бредущего по лесу.

Однажды, когда юноши не было (дома), пришла опять (та) женщина. Стала беседовать с девушкой. Поздравила с зеркалом. «Видишь, как я тебя люблю! В тот раз сказала, и шубу (тебе) привезли, еще раньше до этого сказала, дома (тебе) построили, потом (с. 229) сказала, и привезли зеркало, показывающее (все), что ты пожелаешь. Все это хорошо, (а) теперь, если ты очень любишь (своего) брата, там-то есть (красивая) девушка с золотыми волосами и с серебряными зубами; скажи это брату (и), если ты брата женишь на ней, тогда я поверю, что ты очень любишь (своего) брата», — сказала (она) и ушла.

Когда брат вернулся, девушка стала грустить пуще прежнего. Юноша спросил: «Почему (ты) печалишься?» «(А) чему мне радоваться? — ответила (девушка). — Один ты дорог мне (на этой) земле. Я бы очень хотела, если бы ты женился, завел бы семью». «Я никогда тебя (ничем) не опечалил. (И теперь) возьму жену оттуда, откуда ты скажешь», — сказал юноша. Девушка сказала: «Я слышала, в одном месте есть одна златоволосая девушка с серебряными зубами (с. 230) Если (ты) не привезешь (в жены) эту девушку, я не прощу тебе этого». На следующий день юноша опять пошел к старикам. Когда он рассказал им, то, что сказала (его) сестра, (те) очень опечалились. «Навряд ли ты в этот раз вернешься (назад), — сказал старик. — Нет ни одного человека, кто бы поехал туда и вернулся (обратно)!» Долго они пытались не отпускать (туда) юношу. Девушка (обидевшись) перестала кушать. И тогда юноша собрался ехать. «Если (надумал) ехать, садись опять на прежнего коня! — сказал старик. — Когда приедешь (увидишь): девушка живет наверху большого замка. (Ты) остановишься поодаль и три раза крикнешь: «Эй, девушка, пойдешь ли за меня (замуж)?» И тогда, если девушка засмеется — твое счастье, не засмеется — на том (же) месте ты и твоя конь (сразу же) окаменеете».

Юноша сел на того же коня и уехал. Ехал он ехал (и) доехал до замка, (оглядевшись) увидел, что вся округа заполнена каменными статуями. Подъехал он к замку, остановился и закричал: «Эй, девушка, пойдешь ли за меня?» — так прокричал он три раза, (но) девушка (и ответ) не засмеялась. (И) юноша на этом (же) месте превратился в каменную статую.

После того, как (юноша) не вернулся, сестра, соскучившись (по нему), посмотрела в зеркало. (с. 231) Смотрит (и видит), что юноша превратился в каменную статую. Горько заплакав, девушка отправилась к старику и старухе. Старик сказал: «Не плачь, хорошая девушка! Ты виновница этой беды. А так ни один человек, (кроме тебя),

не виновен в этом». Девушка где-то нашла коня, надела мужскую одежду, вскочила на коня и уехала. Ехала она ехала и когда доехала до местности, где жила девушка, закричала: «Эй, девушка, да пусть унижится твоя высокомерная душа за то, что ты столько людей превратила в камень! Если у тебя золотые волосы, то мои волосы накут-палмаз, если у тебя серебряные зубы, то мои зубы из жемчуга». И тогда, (услышав это), девушка засмеялась, и как только она засмеялась, каменные статуи все до одной (букв. растаяли) и превратились в людей.

Девушка женила своего брата на той девушке, которая жила наверху башни. Все люди, которые находились там, поехали с ними как киеу женгер*.

После того, как вернулись домой, юноша иногда опять уходил на охоту. В один из дней он шел по лесу, (вдруг) из чащи (леса) выскочили и набросились (на него) две собаки. Когда (он) отогнал (их), собаки отбежали под одно дерево. Юноша подошел близко к этому дереву. (с. 232) Посмотрел и увидел под деревом какого-то зверя. Когда он приблизился к этому зверю, то увидел (букв. понял), что это женщина (букв. человек), поднял ее на спину и припес (домой). Дома (он) стал кормить (ее) костным мозгом (животных), и эта женщина (постепенно) вернулась к жизни. Через месяц эта женщина (поправилась) и стала очень красивой.

В один из дней (опять) пришла женщина, которая наущала девушку. Увидев (ту) женщину, она (сразу же ушла) обратно: эта женщина была ее сестра; женщина, которую юноша нашел в лесу и принес (домой), была (их) матерью, а женщина, которая приходила и подучивала эту девушку, была сестрой (их) матери.

ЕГ

* * *

Однажды тот хан собрался ехать в поход. (Он) сказал (своим) женам: «Соберите соседних женщин! Я отправляюсь в поход, поэтому приготовьте (мне в дорогу) одежду и еду». Одна (из) жен сказала хану: «Здесь, в лесу, есть один юноша, у него есть одна красивая сестра. Они тоже (наши) соседи. Если согласится прийти, (можно) привести ту девушку (к нам)?» «Приводите!» — сказал хан. Запрягли (коня) в арбу, в арбу (посадили) девушек и отправили (за ней) (с. 233) Девушки, которые поехали привезти эту девушку из леса, приехали и сказали ей: «Хан отправляется в поход, и мы приехали попросить тебя, чтобы ты (приехала) туда на два-три дня (помогать) шить (одежду)». Девушка сказала (своей) матери, с какой просьбой приехали девушки. Женщина ответила: «Ничего плохого в этом нет, иди, однако, в таких местах рассказывается много историй. Если тебя будут упрашивать: «Расскажи (какую-нибудь)

* Киеу женгер — дружки.

историю», — ты вот что им поведай», — сказала женщина и научила, чтобы она рассказала, пачав с того, как их, трех сестер, отец повез в лес и, бросив, уехал, и кончить тем, как они (с братом) стали жить в лесу.

Девушка приехала в дом хана. Увидев ее, хан всем сердцем полюбил (ее).

В один из вечеров, после долгой работы, когда работа (всем) наскучила, девушки начали рассказывать (разные) истории. Рассказывали (они), и когда очередь дошла до этой девушки, то они пристали к ней: «Ты тоже расскажи что-нибудь». «Что же мне вам рассказать? Я человек, живущий в лесу, и не ведаю, что (творится) на этом свете. Не знаю (никаких) историй», — твердила девушка. По пьесности на это, девушки не (успокоились), пока (она) не начала свой рассказ. (с. 234) (И) начала она рассказывать: «В одной местности жил один мужчина, было у него три дочери. Когда у девушек умерла мать, мужчина женился вторично. Эта женщина не давала жить девушкам, мучила (их). Отец (девушек) повез (своих трех дочерей) в лес и уехал, бросив (их там). В лесу с ними повстречался один хан. Всех трех он взял (себе) в жены», — сказала девушка.

Когда она начала (свою) историю, хан вспомнил (все и) понял, что рассказ будет о нем. «Каждая из девушек (, — продолжала девушка, —) обещала хану выполнить по одному делу. Старшие обманули и не выполнили свое обещание. Младшая (же) сестра обещала родить мальчика и девочку. В то время, когда она должна была родить, хан отправился в поход.

Женщина сказала хану: «Ты отправляешься (в поход), а что ты решишь насчет меня?» Хан ответил: «В сундуке имеется золотая цепь, если ты повзвонишь этой цепью, белый (мой) конь (сразу) примет меня сюда». Как только хан уехал, женщина заболела и повзвонела (этой) цепью. Однако хан не приехал. Женщина родила до его приезда. Мальчика и девочку, которых (она) родила, (ее) сестры положили в сундук и бросили в реку (с. 235) А вместо них принесли двух щенят и подложили под нее», — сказала девушка. Когда (она) все это рассказала, хан узнал, как все было (на самом деле). Он понял (букв. узнал), что эта девушка и ее брат — его (дети). (Хан) встал и обнял девушку.

На следующий день, взяв (с собой) девушку, (он) поехал в лес. Там (хан) увидел (свою) жену, познакомился со (своим) сыном. Благодаря аллаха и радуясь (своей семье), жил хан. Однажды пришел (он) в свой прежний дом, приказал поймать из табуна четырех необъезженных коней, привязал одну из этих (своих) жен к двум (коням), другую к оставшимся двум коням, (кони понесли) и разорвали их на клочки.

Старику и старухе дал много добра и сделал их богатыми. (А) сам счастливо зажил (со своей семьей) в лесу, в доме сына.

(Москва, Государственный Литературный музей, Фонд акад. Миллера, ф. II, оп. 144, инв. № 11).

«НАРТЫ»

Гей, вы, славные богатые князья, вы, витязи дворяне.
Вы, служилые дружинники, вы, подвластные люди крестьяне.
Вам скажу я, дружинники, старинный сказ про дела былые.
Про былые дела — как стали на свете наши предки, нарты удалые.

Ах, и все б их дела к нашей славе-чести свелись,
Если бы зависть и жадность в богатырских сердцах не завелись,
Если бы хитрым злым бабам да воли не давать,
А девок-красавиц за высокими стенами, за железными дверями
держат!

Вам, сильным, богатым князьям, — чтобы впредь меньше
чваниться, гордиться,
Вам, уоркам-дворянам, меж собой не ссориться, не биться,
Вам, дружине — уздеям, крепче честь и верность держать,
А подвластному крестьянству-холопам в тяжелой доле головы не
опускать.

(c. 2)

I

ПРО ПЕРВОГО НАРТА ДЕВЕТА ЗОЛОТОГО

Господин над богами, Тха великий, всемогущий,
Так сказал-подумал, озирая мир, им сотворенный:
«Вот, мной создано небо — оно вышло из уст моих дыханья;
А по небу бродят тучи — то дым моей трубки;
И сквозь дым выются искры блестящие, чистые звезды;
Вот — кругом земли — беспредельное море.
Повелел я — и быстрые реки зашумели,

Разлились по земле, что я сделал из клочка моей кожи,
Прорвались сквозь горы, что я создал из осколка моей кости...
Дал земле я травы, из волос моих выросли деревья.
Вот летают птицы, рыщут вольные звери.
Неужели все это я оставлю эмегенам?
Все отдам на радость тем злым великанам,
Что из моей желчи против моей воли народились,
Против воли моей народились, назло мне по земле расплодились.
Так говорил-думал Тха великий, всемогущий,
Озирал с грустью мир земной, цветущий.
(с. 3) И тогда у бога в сердце, что печально омрачилось,
Новое создание для земли родилось;
Нартов род могучий тот начал человек,
Для него своего сердца часть великий Тха отсек.
Золотым Деветом назвал он того первого нарта,
И его поселил у подножья великой горы Ошхомахо * ,

Обучил его хитрому делу — добывать железо.
Из земли добывать, с углем в сталь обжигать.
И оружие из стали ковать.
И сработал тот вечный коваль Царехову кольчугу,
Еще выковал дивный шлем, что Бидасовым назван,
Да и пашка-сырпын — тоже старого Девета изделие.
Под шлемом тем витязь ужасен врагу
В непробивной той кольчуге сердце труса к бою рвется;
Той пашкой я, старый слепец, рассеку
Великана-гору, что Гурджиш ** зовется.
(с. 4)

II

СЫНОВЬЯ ДЕВЕТА — ГУ И ЦЕХНИ

Старому нарту Девету Золотому —
На почет старику, на крепость его дому
Даровал Тха великий 19 сынов.
19 сыновей, удалых голов,
Всемогущих нартов, славных удалцов.
Старшему сыну, Алавгану — после всех жениться
Про него и слово пусть после говорится...
А скажу-ка я про первое горе, что на человека пало:
Про несчастную долю молодцов Гу и Цехни,
Сыновей Девета, по Алавгане старших.
Ой вы, славные молодцы, вы нарты лихие!

* Эльбрус.

** Казбек.

По вас плакала земля, плакали камни и пески сухие:
Первая тут людская кровь пролилась,
Тут на друга-брата родная рука поднялася.

Гу, второй сын Девета, пас отцовское стадо;
Цехни — третий, — ходил со стрелами и с луком,
По горам ходил, по лесам бродил,
Птиц, зверей бил; старика-отца дичиной кормил.
(с. 5) Раз, за общей едой, у семейного огня стал Цехни похваться.
Похваться стал и над братом смеяться:
«Эх, и зорек же мой глаз, верны мои стрелы:
На седьмой горе я нынче оленя заприметил,
А с шестой — и стрелой его отметил.
Вот, тебе бы, брат Гу, да за зверем пойти,
Ты, должно быть, у стада-то сидючи
Да вокруг себя, на овец лишь глядючи,
И подслеповат стал и на слух не без-изъяна.
Эй, гляди, украдут у тебя лучшего барана!»
На ту шутку старший брат меньшому ласково ответил:
«Ох ты, сокол мой зоркий, волк мой быстроногий.
Уж куда мне, убогому, — да, с тобой равняться!
Мое дело спокойное: где тут вору взяться».

Темной ночью, сквозь чащу кустов
Цехни к стаду ползет;
Он змеей ползет — ветки не двинет, стебля не качнет.
«И потешусь же я завтра над братом,
Как он хватится искать своих баранов!»
(с. 6) А пастух привычный, Гу не дремлет, не спит,
У костра сидит — чутким ухом стадо сторожит.
Ему чудится шорох. Где шорох — он не знает;
Хоть не знает, а разумом смекает:
«Это брат мой Цехни к стаду подползает!
Хочет он надо мной, над старшим, посмеяться.
Дай-ка сам я над ним подшучу — заставлю испугаться».
И, вскочивши, крикнул Гу — словно гром грянул,
От того богатырского крика скалы песком разлетались.
И свой лук натянувши, пустил черную стрелу без прицела;
Понеслась стрела, словно буря, взвыла, заревела.
А нартовскому кличу, вою черной стрелы
Чей-то стон протяжный ответил из чалы *.
На колени себе головой положивши,
Держит Гу холодеющее тело:
Насквозь братнина грудь оперенной стрелой пробита,

* Чалы — заросль колючих кустарников. (Правильно: плетень. — Ред.)

И ключом на ранах светло-алая кровь — словно пена, вскипает...
Нет у слез у нартвов, голоса для плача,
Им, железногрудым, не дал Тха и речи,
Чтоб печаль и горе высказать словами.
А по милом брате, по любимом друге тяжело Гу тоскует.
К его телу холодному всей грудью припал, припал и горюет:
Нет слез, нету слов, тяжело сердце бьется.
Заплакать бы, зарыдать бы — иль грудь разорвется.
И владыка богов, Тха великий, всемогущий.
Его горю псход положил, дал волю оплакивать брата:
Обратил он Гу в белую чайку.
В быстрокрылую чайку морскую с светло-алой грудью, —
Как была его грудь алый братниной кровью залита, —
И с тех пор над волнами красногрудая чайка летает,
Одиноко летает — по убитом брате жалобно рыдает.
(с. 8)

III

КАК ВОШЛО ЗЛО В НАРТОВСКИЙ РОД

Вы скажите мне, предвечные горы,
Тайну глав своих хранящие от века исполины,
Ты поведай мне, вод земных владыка,
Говорливый старик — полное неведомого — море, —
Не свои вы мне тайны расскажите.
Вы откройте мне тайну чужую:
Как родилось зло среди чистых нартвов?
Злобу, зависть, черную измену
Кто занес, посеял в тот род беспорочный,
Что из сердца Тха великого родился?
Ревом волн мне отвечало море,
Мне в ответ вершины гор загрохотали:
«В пору нам беречь свои-то тайны,
Об чужих и знать нам нет охоты!
А спроси, старик, коль хочешь, ветра,
Он из края в край земли летает
Знай, летает — все чужое знает».
— У старого нарта, у Девета Золотого
(с. 9) Девятнадцать сынов народилось
(Дочерей считать — не нартвовское дело).
Как вступал молодец в мужеский возраст,
По обычаю ему голову брили.
Надевали оружие, на коня садили, —
И теперь ведь у нас так же ведется...
Только, вот какой еще был у нартвов обычай:
Когда молодцу голову брили, наделяли оружием, на коня садили —

В ту пору не его, а младшего брата женили.
— И выросли братья, сыновья Девета Золотого,
Все переженились, у них дети и внуки родились;
Лишь старшему, Алавгану, всё жениться пора не пришла,
Всё пора не пришла, хоть давно уж она и ушла.
Половина волос у нарта побелела,
Сетью старости лицо его покрылось,
Одинокый, сумрачный он бродит,
Словно зубр-одинец (?) заматерелый,
И в своем роду уж нет ему невесты.
(с. 10) Дразнят дети старика холостого:
«Слышно, нарт, ты прять уж научился;
Ткать учись — без бабы сам стань бабой,
Чтобы голым щеголять не довелось!»
А большие, меж собою ссорясь,
«Счастье Алавгана» — как проклятье сулят.
Не стерпел Алавган такого поруганья,
И пошел старый сын к древнему Девету.
Войдя шапку снял, перед постелью стал
И отцу поклонился, так речь держал:
«Отпусти меня, батюшка, на дальний Север ехать,
Избивать безбожных эмегенов
Надо мною уж люди смеются,
Что я, дома сидя, просидел свою нартовскую удаль».
Сыну Алавгану так Девет ответил,
И был мудр тот ответ прозорливого старца:
«Коли едешь ты, сын, в наезд на эмегенов,
Заслужить коль хочешь перед Тха-владыкой,
Что, создав нас, крепко заповедал
Не щадить того проклятого отродья, —
Я на тебя дам мое благословенье,
Дам благословенье — а с ним все вооружение:
Шлем Бидасов, Царехову кольчугу
И сыршын богатырскую шашку, —
Я для старшего в роде их сковал-сработал.
И коня я дам тебе — вещего Гемуду.
Скован конь тот мной из черной стали,
Оживлен Тха-владыки дуновеньем
И стоит — ждет хозяина — в глубоком подземелье...
Все я дам тебе. Ты же дай мне клятву,
Что из стороны безбожных эмегенов
Никого сюда не приведешь живого, —
Приведешь ты гибель нартовскому роду.
Дай мне клятву, сын. И клятву ту исполни,
Хоть меня, вернувшись, в живых уже не застанешь!»
И Алавган старику-отцу поклялся,

Отъезжая, дал ему крепкое партовское слово,
 Что из стороны безбожных эмегенов
 Ничего он к нартам не ввезет живого.
 То не черная туча с гор несется
 Над холодной степью, молнией блистая,
 (с. 12) И не гром гремит сквозь завыванье бури, —
 То могучий нарт на коне своем вещем Гемуде
 Беспощадно громит эмегенов.
 Его пашка — сырпын, как молния, блещет,
 Словно гром, гремят ее удары,
 Сквозь предсмертный вой и стон сраженных.
 Поднялись в степи горы из трупов,
 Разлились в ней реки — реки черной крови.
 Вдаль, на страшный Север, в мертвые пустыни,
 Обезумев, бегут живые эмегены,
 А за ними, как день за ночью,
 Неотступно идет и неизбежно
 Мчится нарт Алавган на чалом Гемуде,
 И свистящим, ярко блещущим сырпыном
 Рассекает на части отсталых.
 У широкой реки, у славного Идиля
 Натянул нарт Гемуде поводья
 На ту сторону, в песчаные пустыни
 Нет пути — кому жизнь надоела...
 (с. 13) Осадил коня. Глядь — в пещере под обрывом
 Притаились трое великанов:
 Старик с сыном прячут котел древний, закопченный,
 Не велик котел и не мал: сорок быков в нем сварится;
 С сорока котел медными ушками,
 А старуха вход в пещеру зашивает;
 Камень с камнем сшивает, иглой быстро точает, —
 А игла-то с вековую сосну...
 Крикнул нарт на коня, из ножен пашку вырвал
 И помчался вниз к прибрежной пещере.
 Вдруг на середине той реки Идиля
 Поднялась над водой голова девы-эмегены, —
 Словно гром, гремят ее удары,
 Точно угли, под ресницами очи сверкают...
 «Слушай, нарт Алавган, не губи моих близких, —
 Говорит ему та красавица-дива, —
 Я к тебе, старику холостому, выйду,
 Не побрезгаю твоею седою бородою, —
 Так и быть, бери меня женою,
 (с. 14) Хоть на свете нет меня красивее и стройнее!»
 Ничего ей старый нарт не ответил,
 Покопался на нее исподлобья,

И смахнул, — слегка лишь двинув шашкой,
 С шеи голову сына-эмегена.
 Из воды красавица по пояс показалась;
 Словно тополь, ее стан высок и строен,
 Белей горного снега ее тело, —
 Она молит нарта, к нему руки простирая:
 «Хоть отца-то с матерью оставь мне,
 Нарт могучий. Пожалей их старость!
 Погляди: иль я тебе не правлюсь?
 Где ты видел лучше грудь и шею,
 Стан стройнее и круглее руки?
 Эта грудь к тебе крепко прижмется,
 Эти руки вокруг шеи твоей обовьются,
 Вся твоей я буду!» Но нарт не поддался
 Оторвал насильно взор от искушенья
 И, нахмурив брови, стиснув гневно зубы,
 Старика-эмегена разрубил с размаха...
 Застонала красавица, громко зарыдала,
 (с. 15) И, на камень из воды поднявшись,
 Вся Алавгану показалась.
 «Господин мой, вот — я твоя рабыня,
 Если мать хоть, старуху, пощадишь ты...
 Если ж нет, я тотчас кинусь в воду:
 Утонув, красоту свою рыбам отдам я,
 Они все ж не холоднее тебя, камня!»
 Закружилось все в глазах у Алавгана,
 В голове его словно молоты забили, —
 И рукою за грудь ухватившись,
 Там, где сердце, что птичка, трепетало,—
 Так промолвил старик языком иссохшим:
 «Пусть живет. Пусть старуха уходит!
 Только ты приди! Приди ко мне скорее».
 Лишь сказал Алавган те речи,
 Вдруг кольчуга грудь его сжала,
 Его голову шлем отвернул от девицы,
 И сырпын сам в руке на старуху поднялся,
 А отцовский конь, вещий Гемуда,
 Сильно в камень копытом ударив,
 Ему молвил человеческой речью:
 (с. 16) «Помни, нарт, ту великую клятву,
 Что отцу ты дал перед отъездом...»
 Но уже девица к берегу подходит,
 На песок выходит, наготой блистая...
 И презрел Алавган ту великую клятву...
 Что он дал отцу, из дома уезжая,
 Сломал старый нарт свое крепкое слово:

Эмегену-деву на руки хватает,
К груди прижимает, на коня сажает,
Чтоб везти ее в нартовскую землю,
Чтоб отродье безбожных эмегенов,
На беду, ввести в свой чистый дом женою.
На коня он с собой сажает эмегену.
Не сдержал того бремени Гемуда,
Словно лук, его стальной хребет согнулся,
Задрожали, подогнулись его ноги,
И промолвил конь речью людскою:
«Господин мой, сын безгрешного Девета,
А обоих вас нести мне не по силам!
Ты послушай, нарт, мое доброе слово:
(с. 17) Чем хребет мой сломать под эмегеной,
Ты меня нагрузи дорогой добычей, —
Тем котлом с сорока медными ушками,
Что старик-эмеген в пещере спрятал.
В тот котел и мяса класть не надо:
Лишь водой налить да огонь разложить, —
Сорока быков наполнится он мясом
И покуда в доме Алигата, —
В доме старшего над нартами рода, —
На святой цепи котел висит прикован,
Будет крепко племя славных нартвов,
Да и голода мук не узнает».
Пока речь ту держал вещий Гемуда,
Эмегена не промолвила ни слова,
Только, злобно глазами сверкая
На него, скрипела белыми зубами.
А как смолк он, она так сказала
Алавгану, криво усмехнувшись:
«Все, бывало, муж давал за жену выкуп,
А теперь — жена дает за мужа!
Что ж, бери котел мой: без него-то,
Видно, нарт, жены ты не прокормишь!»
Принял нарт Алавган совет Гемуды,
Из пещеры котел чудесный вынул
И, взвалив его себе на плечи,
Словно, раб, пошел, от бремени сгибаясь,
У ноги чаровницы-эмегены.
А красавица, с гордою усмешкой,
На коне, красуясь, госпожою едет...
Ой, спасибо тебе, милостивой смерти!
От чистого тьмой закрывшись,
Ты позор тот от него закрыла!

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев М. К. Балкария (исторический очерк). — Журн. «Мусульманин», Париж, 1911, № 14—18, с. 586—627.

Абаева Фатимат-Ханум. Как ференки покинули Кавказ. (Балкарская легенда). — Журн. «Мусульманин», Париж, 1911, № 6—7, с. 276—278.

Алейников М. Карачаевские сказания. — СМОМПК, 1883, вып. 3, отд. 2, с. 138—168.

Алейников М. Обряды и обычаи карачаевцев при свадьбах и похоронах. — «Кубанские областные ведомости», 1880, 17 мая, № 19, с. 3.

Балакирев М. А. «Записи кавказской народной музыки». Воспоминания и письма. Л., 1962, с. 452—453.

Баранов Евг. Счастье. (Горско-татарская сказка). — «Бакинские известия», 1907, 21 апреля, № 92, с. 3.

Баранов Евг. Чего часто недостает человеку? (Горская сказка). — «Терские ведомости», 1894, 27 июля, № 87.

Баранов Евг. Сила привычки. (Горская сказка). — «Терские ведомости», 1894, 13 ноября, № 133.

Баранов Евг. Лисица, медведь и волк. (Горская сказка, записанная в Нальчикском округе). — «Терские ведомости», 1897, 31 января, № 14; перепеч. в СМОМПК, 23, Тифлис, 1897.

Баранов Евг. Хитрый сын. (Горская сказка, записанная в Нальчикском округе со слов Челе Келеметова, жителя Чегемского общества). — «Терские ведомости», 1896, 29 ноября, № 139; перепеч. в СМОМПК, 23, Тифлис, 1897.

Баранов Евг. (Горская легенда, записанная со слов жителя Чегемского общества Мусы Келеметова). — «Терские ведомости», 1896, 26 апреля, № 47, перепеч.: СМОМПК, 23, Тифлис, 1897.

Баранов Евг. Магомет Индырбаев. (Горская сказка, записанная со слов Мусы Келеметова). — «Терские ведомости», 1897, 20 июня, № 73.

Баранов Евг. Бир-кез эмеген. (Горская сказка, записанная со слов жителя Чегемского общества Мусы Келеметова). — «Терские ведомости», 1897; 15 и 18 июня, № 71 и 72.

Баранов Евг. Сказки горских татар. СМОМПК, 1897, вып. 23, отд. 3, с. 3—48.

Баранов Евг. Таукан и Ниса. (Горско-татарская легенда). — «Доп-

ская речь», Ростов-на-Дону, 1901, № 86, прилож. то же — «Казбек», Владикавказ, 1902, 29 окт., № 1439! 30 окт., № 1440.

Баранов Е. З. Кабардинские предания и легенды. — СМОМПК, 1903, вып. 32, отд. 2. Здесь напечатано балкарское предание «Озеро Чирик-Кель».

Баранов Е. Легенды, предания и сказки Терской области. — СМОМПК, 1904, вып. 34, отд. 2.

(Баранов Евг.) Яман Чарык. (Горско-татарская легенда). — «Пятигорское эхо», 1908, № 283 и 284. Псевд. «Адыге».

Баранов Евг. Карадаши эльтурген Кабиль. (Горско-татарская легенда). — «Кавказский край», Пятигорск, 1912, № 10; то же — «Кубанец», Екатеринодар, 1912, № 9.

Баранов Е. Сказки кавказских горцев. М., 1913.

Баранов Е. Иналук и лесная волшебница. Сказка северокавказских татар. М., 1914.

Баранов Е. Певец гор и другие легенды Северного Кавказа. М., 1914.

Баташев Али-бек. Богатырь Епемей, сын Едея. (Карачаевская сказка). — СМОМПК, XXI, 1896, отд. II, с. 76—88. Из публикации: «Сказки, собранные воспитанниками Закавказской учительской семинарии».

Бекир. Предание о Карче, родоначальнике Карачая. Со слов стариков Даута Акаева-Хубиева и Слама Алиева. — «Кубанские (войсковые) областные ведомости», 1899, № 266 от 12 декабря.

Беляев В. По поводу записей музыки кавказских горцев С. И. Танеева. — В кн.: «Памяти С. И. Танеева», Музгиз, М.—Л., 1947, с. 212—220.

Богоявленский А. Краткое предисловие ко II отделу. СМОМПК, 32, 1903, отд. II, с. I—II.

Базыров Хабан. Неразумный сын. (Горская сказка, записанная со слов Хаджи Жерештиева). — «Кубанск. областн. ведомости», 1898, № 29, от 6/II.

В горских обществах Кабарды. Из путешествия Вс. Миллера и Макс. Ковалевского. — «Вестник Европы», т. II, СПб., 1884, с. 540—588.

Грабовский П. Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа. — ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869, с. 1—24.

Горец. Горцы Нальчикского округа, III. — Газ. «Каспий», 1899, № 28, с. 2.

Горец. Горцы Нальчикского округа, II. Предание об образовании общества Малкар (Балкария). — Газ. «Каспий», 1898, № 264.

Гулак Н. Еще о народной поэзии наших турецких инородцев. — «Кавказ», 1886, № 49, 52.

Дьячков-Тарасов А. Н. Заметки о Карачае и карачаевцах. — СМОМПК, 25, 1898, отд. II, с. 71—91.

Дьячков-Тарасов А. Н. О задачах этнографии в деле изучения горских племен Кубанской области. — «Известия общества любителей изучения Кубанской области», вып. I, Екатеринодар, 1899, с. 10.

Егизаров С. А. Брак у кавказских горцев. — «Юридический вестник», 1978, № 6—7.

Ивапепков Н. С. Карачаевцы. — «Известия общества любителей изучения Кубанской области», вып. V, Екатеринодар, 1912, с. 25—91.

Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбурса. — «Вестник Европы», 1886, т. I, кн. 1, с. 83—112; кн. 2, с. 553—580.

Иляков Ил. Бекир и Зуна, или «Воля Аллаха». (Легенда из жизни горских татар). — «Пятигорское эхо», № 1913, № 7.

Иляков Ил. Зулкарней и княжна Самча. (Горская легенда о замке «Коварство и любовь»). — «Пятигорское эхо», 1913, № 64.

Иляков Ил. Кара Аллаха. (Тебердинская легенда). — «Пятигорское эхо», 1914, Баир, № 77, с. 3—4.

Кириченко П. Н. Песня об Аймуше и его брате Мазуле. (Из кара-

чаевских сказаний). — «Кубанские областные ведомости», 1897, 21 сентября, № 205, с. 3—4.

Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Тт. I—II. М., 1886.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Тт. I—II. М., 1890.

К-о. Рассказы о Насрапе-хадже (с карачаевского). — «Майкопская газета», 1911, № 124, прилож.

Крым-шамхал Ислам-бий. Карачаевское горе. (Кубанские очерки). — Журн. «Мусульманин», 1910, № 11—12, с. 253—255.

Ланге Б. А. Балкария и балкарцы. — «Кавказ», 1903, № 283, 287, 294, 304.

Лопатинский Л. Г. Предисловие к СМОМПК, XXI, Тифлис, 1896, с. XX—XXIV.

Лопатинский Л. Г. Предисловие к СМОМПК, XXIII, Тифлис, 1897, с. I—XIV.

Лопатинский Л. Г. Предисловие к СМОМПК, XXV, Тифлис, 1896, с. II—VII.

Лопатинский Л. Г. Предисловие к СМОМПК, XXXII, Тифлис, 1903.

Лопатинский Л. Г. Предисловие к СМОМПК, XXXIV, Тифлис, 1904, с. III—IV.

Люсин. Фатима. (Рассказ Хаджи Магомета Дарукаева). — «Терские ведомости», 1897, № 40—49.

Леонтьев И. Поездка к Баксанскому леднику. Очерк жизни и быта урусбиевцев. — СМОМПК, XXII, отд. II, с. 133—142.

Малявкин Г. Балкарская легенда о творении женщины. — «Терские ведомости», 1893, 23 мая, № 60.

Миллер В. Ф. Сообщение о поездке в горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 г. — ИКОИРГО, т. VIII, вып. I, 1883, с. 198—204.

Миллер В. Ф. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды. — «Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями имп. Московского Археологического об-ва, вып. I. Под ред. граф. Уваровой. М., 1888, с. 70—123.

Миллер В. Ф. Кавказские сказания о циклопах. — «Этнографическое обозрение», 1890, кн. 4, № 1, с. 25—43.

Миллер В. Ф. Миф о Прометее на Кавказе. — «Труды 5-го археологического съезда в Тифлисе в 1881 г.». М., 1887, т. I, с. XXIX—XXX.

Миллер В. Ф. Отголоски апокрифов в кавказских народных сказаниях. — ЖМНП, 1893, ч. 288, июль, отд. II, с. 94—103.

Миллер Борис. В Карачае. — «Этнографическое обозрение», № 1—2, 1899, с. 391—398.

Миллер Борис. Из области обычного права карачаевцев. — «Этнографическое обозрение», № 1, 1902, с. 1—41.

Н. О. Змейка (Горская легенда). — «Кавказские Минеральные Воды», 1902, № 52.

Н. О. Проклятый Гамид. (Горская легенда). «Кавказские Минеральные Воды», Пятигорск, 1902, № 106.

Остряков П. Народная литература кабардинцев и ее образцы. — «Вестник Европы», 1879, т. IV, кн. 8—9.

О знаменитой в горах винтовке «Огурли-Ушкок». (Балкарское предание). — «Терские ведомости», 1884, 1 января, № 1.

Петрусович Н. Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам. — ССКГ, IV, 1870.

Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева, изд. П. Юргенсона, М., с. 164—165.

Предание о Карче, родоначальнике Карачая. — «Кубанские областные ведомости», 1899, 12 декабря, № 266.

Полевые записи М. М. Ковалевского в Северной Осетии и Балкарии. —

В кн.: Б. А. Калоев. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Северного Кавказа. М., 1979, с. 172—175.

Соловьев И. Горы Кавказа в легендах его народов. 1) Катип-Тау (16286 ф.) (Балкаро-свалетская легенда). — «Кавказские курорты», 1914, № 3, с. 27—29; № 4, с. 40—42; 2) Эльбрус. — «Кавказские курорты», 1913, № 30, с. 5.

Сысоев Б. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. — СМОМПК, 43, отд. 1, с. 67—80.

Талицкий Н. Е. Очерки Карачая. — СМОМПК, 40, отд. I, с. 8—10, 40.

Танеев С. И. О музыке горских татар (вошла в очерк: Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса. — «Вестник Европы», 1886, т. I, кн. 1, с. 94—99). Перепеч. в кн.: Памяти С. И. Танеева. Музгиз, М.—Л., 1947.

Танеев С. И. Личность, творчество и документы его жизни. К 40-летию со дня его смерти. 1915—1925. М.—Л., 1925, с. 151.

Тенцов В. По истокам Кубани и Терека. — СМОМПК, XIV, отд. I; с. 148.

Тульчинский Н. П. Маленький фельетон. (О происхождении балкарских таубиев). — «Казбек», 1899, 30 сентября, № 563.

Тульчинский Н. П. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Пальчикского округа Терской области. — «Терский сборник» на 1904, вып. 6, Владикавказ, 1903, с. 249—334.

Урусбиев С. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области. — СМОМПК, 1881, вып. I, отд. 2, с. 1—8, 1—42.

Фарфоровский С. Кавказские легенды об Эльбрусе. — СМОМПК, вып. 38, 1908.

Харузин Н. По горам Северного Кавказа. Путевые очерки. IV. У осетин; V. В Балкарском обществе горских татар. — «Вестник Европы», кн. II, ноябрь, 1888, С116., с. 178—194.

Чурсин Г. Ф. Этнографические заметки о Карачае. — «Кавказ», 1900, № 305, 306.

Чурсин Г. Ф. Музыка и танцы карачаевцев. — «Кавказ», 1901, 14 октября, № 270.

Чурсин Г. Ф. Обычаи и предрассудки карачаевцев. — «Кавказ», 1903, № 24, 31.

Чурсин Г. Ф. Кавказские заметки. — «Кавказ», № 24, 1903.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
История записи и публикаций фольклора балкарцев и карачаевцев в XIX — начале XX в.	5
Н. Ф. Грабовский. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа	33
П. Остряков. Народная литература кабардинцев и ее образцы.	48
С. Урусбиев. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области.	56
М. Алейников. Карачаевские сказания.	87
В. Миллер, М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Предание о происхождении балкарских феодалов (таубиев). Языческие обряды балкарцев. Предания о водворении среди чегемцев феодальных властителей, так называемых таубиев (горских князей)	106
С. И. Танеев. О музыке горских татар.	116
Из «Предисловия» Л. Г. Лопатинского к СМОМПК, 21.	120
А. Боташев. Богатырь Едемей, сын Ецея.	123
Из «Предисловия» Л. Г. Лопатинского к СМОМПК, 23.	141
Е. З. Баранов. Балкарские сказки.	141
Из «Предисловия» Л. Г. Лопатинского к СМОМПК, 25.	171
А. Н. Дьячков-Тарасов. Нартские сказания карачаевцев.	175
Е. З. Баранов. Сказки горских татар.	187
Е. З. Баранов. Озеро Чирик-Кель и предание о нем.	204
Из «Предисловия» Л. Г. Лопатинского к СМОМПК, 34.	207
Е. З. Баранов. Легенды, предания и сказки Терской области.	208
Н. П. Тульчинский. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области.	219
Вильгельм Прёле. Карачаевские тексты.	288
Вильгельм Прёле. Балкарские тексты.	330
Нарты (Государственный литературный музей. Из фонда акад. В. Ф. Миллера)	420
Библиография	428

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР в дореволюционных записях и публикациях

Составитель А. И. Алиева

Редактор А. М. Башиев. Художник М. А. Узденов. Художественный редактор В. Л. Захаров. Технический редактор Н. М. Рахоева. Корректоры В. А. Вымячкина, Г. Г. Тырнавская. ИБ № 866. Сдано в набор 25.07.83. Подписано к печати 25.11.83. 402382. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 25,11. Усл. кр.-отт. 25,11. Уч.-изд. л. 29,17. Тираж 2000 экз: Заказ № 6147. Цена 2 р. 60 к. Заказное. Издательство «Эльбрус». Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6. Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года. Госкомиздата КБАССР. Нальчик, проспект им. Ленина, 33.

ОПЕЧАТКИ

Лист- номер	Словос- сочет.		Напечатано	Следует читать
	слова	слова		
70	—	1	Ай аурууну алайм.	Ай аурууну алайм.
246	—	2	62 Т. к. под покрови- тельство и защиту Апсамты.	Т. к. чтобы на этом очаге всегда будь парилось.
259	—	4	парилка	парилка
289	—	4	чепкенни	чепкенни
291	—	4	Салмагъаргъа	Салмагъаргъа
291	—	11	Ыстагъдан	Ыстагъдан
293	—	15	алчыкъ	ыфык
332	1	—	Сенгиз	Сенгиз
361	—	7	Къарашауа	Къарашау
379	—	16	гёбенек	гёбенек
			Пропущена поясняющая сноска	Пропущена поясняющая сноска
270	—	9	Нумале	Нумале
290	12	—	хукум	Правильно хуку
292	1	—	къабырынган	Правильно, къабыр- гъанган